

ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)**

Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития

*Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского
(г. Москва, 15 апреля 2021 г.)*

УДК 342.72.73

ББК 67.404

П 68

АВТОРЫ: Алиев В.М., Алимова Е.Н., Альбертий Ю.В., Андреева И.А., Атоян М.Р., Афанасьева С.А., Базыкин А.Ю., Баранова М.В., Беляев М. П., Белокопытова Н.Ю., Борисова Н.Е., Буглимова О.В., Бурьянов С.А., Васильев П.В., Ведышева Н.О., Вольвач Я.В., Гаврилова Ю.В., Голышев В.Г., Голышева А.В., Голубенкова Е.А., Гуляева П.С., Давыдова М.Л., Данелян Р.С., Данелян С.В., Данько А.А., Дородонова Н.В., Добряков Д.А., Джинджолия К.К., Диноршоев А.М., Емелина Л.А., Епифанов А.Е., Еремина Т.И., Ефимова О. В., Ефремова Н.Н., Залоило М.В., Звонарев А.В., Землин А.И., Иванова С.А., Иванеев С.В., Иванок О.А., Ивардава Л.И., Ильин Н. С., Исаков В.Б., Искандаров Ш.Ф., Калязин В.И., Кайгородова Л. А., Карташкин В. А., Ковчегова С.Ю., Козинец Н.В., Кондратюк Д.Л., Кораблин К.К., Корнилова И. В., Корчагина Т. В., Краснов А.В., Кривенький А.И., Крупеня Е. М., Крупнова Т.Б., Кувшинова Е.Е., Кузьмин И.А., Куракина Ю.В., Ладнушкина Н. М., Лановая Г.М., Левушкин А.Н., Леонова Ю.А., Лепешкина В.С., Липски С.А., Ломакина И.Б., Лукьянова Е.Г., Лёзов И.Л., Любобенко Е.С., Львов А. В., Маркелов С.В., Маркелова О.Н., Матвеев В.Ю., Минченко Т. П., Минязева Т.Ф., Мещерякова Т.Ф., Николаева Ж.А., Николаев А.И., Никитаев Д.М., Нестерова О.С., Новикова И.П., Орлов М. А., Павленко Е.М., Павлова В.В., Павлова С.В., Павлов В.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева Д.Д., Пашенцева С.В., Питько Е.В., Пономарев М.В., Плотникова И.Н., Порываева Н.Ф., Пресняков М.В., Прохоров А.Н., Рабазанов С. А., Рафалюк С.Ю., Репьев А.Г., Рогачев М.А., Романова Г.В., Ростиславлев Д. А., Ростова Ю.В., Ростокинский А.В., Рошин М.Ю., Рыбакова О.С., Румянцева О.О., Рязанов Е. Е., Салохидинова С.М., Северухин В. А., Секретта Ю.В., Сиваков О. В., Скоробогатов А.В., Солехзода Г.Д., Соловых Н.Н., Стародубцев Г.С., Староверова Е.В., Степаненко Р. Ф., Степаненко Г.Н., Стрельников А. О., Терская Г.А., Токмовцева М. В., Топоркова М.К., Толпекин К.А., Ульянова Т.Б., Фёклин С. И., Филиппов И.А., Хубаева Д.Ф., Царёв А. Ю., Циватый В.Г., Чилькина К.В., Честнов И.Л., Шаповалов Н.И., Швабина Н.В., Шестопалов М. А., Шикуча И. Р., Шосаидзода Ш.Ш., Шутикова Н.С., Щукин В.В., Яровая М.В.

Редакционная коллегия:

Строев В.В., д.э.н., профессор, директор института права и управления ГАОУ ВО МГПУ; Ладнушкина Н.М., к.п.н., доцент кафедры образовательного и информационного права института права и управления ГАОУ ВО МГПУ; Пашенцев Д.А., д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права института права и управления ГАОУ ВО МГПУ; Куликова Т.Б., ст. преподаватель кафедры образовательного и информационного права института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной - Москва: Саратовский вестник, 2021. – 467 с.

В сборнике представлены статьи на основе выступлений участников Международной научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, которая состоялась в Московском городском педагогическом университете 15 апреля 2021 г. В статьях раскрываются важные аспекты развития права в условиях современных общественных трансформаций, обсуждаются вопросы реализации прав человека.

ISBN 978-5-6046111-9-7

© ГАОУ ВО МГПУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. «ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»

<i>Афанасьева С.А.</i> К вопросу о праве человека на проведение публичных мероприятий	11
<i>Белокопытова Н.Ю.</i> К вопросу о правовом регулировании суррогатного материнства	15
<i>Добряков Д.А.</i> Общественный контроль как вид правозащитной деятельности в Российской Федерации	18
<i>Калязин В.И.</i> Возможность использования искусственного интеллекта в реализации права граждан на судебную защиту	22
<i>Леонова Ю.А.</i> Основания и пределы ограничений в праве: сравнительно-правовое исследование	25
<i>Лукьянова Е.Г.</i> Значение прав человека для современного государства: несколько тезисов	30
<i>Орлов М.А.</i> Теоретико-правовые взгляды Венгерова А.Б. на взаимодействие права и информации	33
<i>Павлова В.В.</i> Роль принципов права в правоприменении	36
<i>Плотникова И.Н.</i> Ограничение прав предпринимателей в условиях распространения новой коронавирусной инфекции	40
<i>Пресняков М.В.</i> Человек и его права как высшая конституционная ценность	45
<i>Северухин В.А., Новикова И.П.</i> Особенности правового регулирования в условиях пандемии	48
<i>Стародубцев Г.С.</i> Идея свободы в российской Конституции 1918 года	52
<i>Хубаева Д.Ф.</i> Проблемы правового регулирования отношений, сопряженных с обеспечением гарантий избирательных прав граждан Российской Федерации в свете поправок принятых в 2020 году	54

РАЗДЕЛ II. «СУБЪЕКТ ПРАВА И ДИНАМИКА ЕГО ПРАВОВОГО
СТАТУСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

<i>Альбертий Ю.В.</i> Роль субъекта права в реализации принципа законности в условиях трансформации общественных отношений	59
<i>Андреева И.А.</i> Отдельные аспекты влияния цифровизации на права человека и гражданина	61
<i>Атоян М.Р.</i> Нотариус как субъект права в Российской империи	65

Базыкин А.Ю. Трансформация права граждан на участие в управлении делами государства в цифровую эпоху	67
Баранова М.В. Субъекты канселинга (cancel cultur): сущностная специфика и правовой статус	71
Васильев П.В. Отдельные проблемы рейтинговых систем в условиях цифровизации (на примере образовательных организаций)	74
Гуляева П.С. Понятийный аппарат машиночитаемого права	77
Давыдова М.Л. О некоторых тенденциях развития процедуры информирования субъектов правоотношения в публичном праве	81
Еремина Т.И. Правовой статус преподавателей университетов в условиях цифровизации	83
Залоило М.В. Технологии искусственного интеллекта: правовые аспекты и социальные коллизии внедрения и развития	86
Землин А.И., Холиков И.В. Правовая культура специалиста как фактор реализации государственной политики в сфере транспорта	90
Иванова С.А. Влияние цифровизации на права и свободы человека и гражданина	93
Иванюк О.А. Правосубъектность юридических лиц в условиях цифровизации	97
Ивардава Л.И. Субъекты цифровой экономики и особенности их правового статуса	101
Исаков В.Б. Правовой статус роботов, наделенных искусственным интеллектом: объекты или субъекты?	103
Кондратюк Д.Л. Влияние цифровой среды на субъект права	106
Кораблин К.К. Использование современных инновационных технологий в деятельности ФСИН России	110
Крупеня Е.М. Динамика правового статуса индивидуального субъекта публичного права в фокусе конкретных форм правосознания	114
Крупнова Т.Б. Свобода волеизъявления в правотворчестве: мера и критерии ее установления	118
Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и реализация права: проблемы практики	123
Лановая Г.М. Теоретические проблемы правосубъектности систем с искусственным интеллектом	126
Липски С.А. Изменения в составе субъектов земельных правоотношений	129
Ломакина И.Б. Проблема понимания субъекта права: антрополого-правовой подход	131

<i>Любовенко Е.С.</i> Работник в условиях пандемии COVID-19: трансформация правового статуса	134
<i>Маркелов С.В.</i> Международное право как источник судебного контроля в Российской Федерации и его реализация	136
<i>Маркелова О.Н.</i> Влияние конституции России на развитие и реализацию судебного контроля	139
<i>Николаев А.И.</i> Влияние цифровизации на права человека	141
<i>Овчинников А.В.</i> Политико-правовое регулирование системы просвещения Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	143
<i>Павлов В.И.</i> «Цифровой поворот» и виртуальная правовая реальность в контексте антропологии права	148
<i>Павлова С.В.</i> Духовный смысл цивилизационных вызовов	150
<i>Пашенцев Д.А.</i> Влияние цифровизации на субъект правоприменения	154
<i>Позднякова Е.А.</i> Соблюдение прав органов исполнительной власти РФ и муниципальных органов при выкупе неиспользуемых земельных участков сельскохозяйственного назначения	157
<i>Порываева Н.Ф.</i> Социотехничность в современных правоотношениях	160
<i>Рабазанов С. А.</i> Место коллективных субъектов в системе конституционно-правовых отношений	163
<i>Репьев А.Г.</i> Почетное право как элемент специального правового статуса	166
<i>Романова Г.В.</i> Влияние цифровизации на реализацию экологических прав граждан	170
<i>Ростова Ю.В.</i> Цифровые решения повышения эффективности налогового администрирования	173
<i>Рыбакова О.С.</i> Цифровизация как условие обеспечения доступа населения к правовой информации	176
<i>Скоробогатов А.В., Краснов А.В.</i> Правовой статус личности в пост-классической перспективе	180
<i>Чертков А.Н.</i> Местное самоуправление: субъект права на «цифровое самоуправление»	182
<i>Честнов И.Л.</i> Субъект права как юридический нарратив в условиях цифровизации	185
<i>Шатковская Т.В.</i> Субъект права и личность в правовой концепции И.А. Покровского	188
<i>Яровая М.В.</i> Электронное правосудие: зарубежный опыт применения	192

**РАЗДЕЛ III. «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПРАВА, ГОСУДАРСТВА
И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»**

<i>Беляев М. П.</i> Статут Великого княжества Литовского 1588 г. как феодальная конституция	196
<i>Дородонова Н.В., Чилькина К.В.</i> Ценность прав человека в социальной доктрине римско-католической церкви XX века	200
<i>Ефремова Н. Н.</i> Роль преемственности в модернизации имперского суда в России: ретроспективный обзор	202
<i>Звонарев А.В.</i> Изменение Временным правительством государственных символов России	207
<i>Кувшинова Е.Е.</i> Права исследователя на доступ к ретроспективной информации в архивах и музеях	210
<i>Лёзов И.Л.</i> Л. И. Петражицкий о сущности и задачах науки «политики права»	214
<i>Львов А.В.</i> Должностные преступления и злоупотребления в отечественной государственной службе в XVIII В.	218
<i>Рафалюк С.Ю.</i> Идеи модернизации Британской империи в последней трети XIX – начале XX вв.: к вопросу об эволюции правового статуса колоний	220
<i>Рогачев М.А.</i> Дореволюционный правовед В.Н. Хвостов о понятии закона	224
<i>Ростиславлев Д.А.</i> А. Токвиль о бюрократическом управлении во Франции при старом порядке	226
<i>Староверова Е.В.</i> Кабальное холопство и сходные с ним отношения по Соборному Уложению 1649 г.	231

**РАЗДЕЛ IV. «КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА»**

<i>Борисова Н.Е.</i> Тенденции развития детского (ювенального) права в свете конституционной реформы: частный и публичный интересы	235
<i>Гаврилова Ю.В.</i> Статус федеральной территории: дискуссионные аспекты	239
<i>Ильин Н.С.</i> Особенности взаимодействия общества и государства в Великобритании в условиях цифровой демократии	242
<i>Корчагина Т.В.</i> Социальное значение конституционной реформы 2020 г.	246
<i>Пономарев М. В.</i> «Историческая правда» как доктринальная новелла и юридическая категория российской конституции	248

<i>Стрельников А. О.</i> Проблемы конституционной ответственности Правительства Российской Федерации после конституционной реформы 2020 года	252
<i>Топоркова М.К.</i> Заметки о перспективах (развитии) административного права	256
<i>Царёв А. Ю.</i> О народовластии	259

**РАЗДЕЛ V. «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ»**

<i>Буглимова О.В.</i> Проявления правового нигилизма в России: соотношение частных и публичных интересов	264
<i>Ведышева Н.О.</i> Цифровизация сельского хозяйства: правовое регулирование и реализация	268
<i>Вольвач Я.В.</i> Теоретические и практические проблемы определения достаточной совокупности конститутивных признаков для формирования дефиниции услуг в современном гражданском праве России	272
<i>Гольшев В.Г., Гольшева А.В.</i> Об отдельных аспектах правоприменения при разрешении споров о банковских сделках	277
<i>Джинджолия К.К.</i> Проблемы реализации прав по договору франчайзинга в государствах-членах Евразийского экономического союза	281
<i>Емелина Л.А.</i> Основные проблемы применения института суррогатного материнства в российском праве	286
<i>Ефимова О.В.</i> Залог цифровых активов	289
<i>Козинец Н.В.</i> Правовой анализ современных договорных конструкций, применяемых в сфере информационных технологий	292
<i>Левушкин А.Н.</i> Государственное регулирование и перспективы развития предпринимательской деятельности членов семьи	296
<i>Лепешкина В.С.</i> Развитие медиации по спорам в сфере предпринимательской деятельности в современной России	300
<i>Нестерова О.С.</i> Институт банкротства физического лица: тенденции в развитии российского законодательства	305
<i>Рязанов Е.Е.</i> Понятие объекта абонентского договора	309
<i>Сиваков О.В.</i> К вопросу о совершенствовании законодательства, регулирующего деятельность некоммерческих организаций	312
<i>Токмовцева М.В.</i> Особенности обращения взыскания на жилое помещение, заложенное по ипотечному обязательству	315

РАЗДЕЛ VI. «ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ»

<i>Диноршоев А.М., Салохидинова С.М.</i> Формирование государственной политики в области защиты прав детей в Республике Таджикистан	319
<i>Искандаров Ш.Ф.</i> О деятельности некоторых органов по правам ребёнка в Республике Таджикистан	323
<i>Куракина Ю.В.</i> Особенности правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	328
<i>Павленко Е.М.</i> Новый вектор развития концепции прав ребенка в современной России	332
<i>Питько Е.В., Шутикова Н.С.</i> Особенности правового регулирования института патронатной семьи в Москве	337
<i>Солехзода Г.Д.</i> Социальная политика Таджикистана в сфере защиты прав детей	341
<i>Ульянова Т.Б.</i> Правовое регулирование социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы и пути совершенствования	344
<i>Шосаидзода Ш.Ш.</i> Законодательное закрепление прав ребёнка в Республике Таджикистан: современное понятие и содержание	349

РАЗДЕЛ VII. «ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ 4.0»

<i>Бурьянов С.А.</i> Перспективы развития права в контексте глобальных процессов и вызовов 4.0	354
<i>Епифанов А.Е., Алимова Е.Н.</i> Международно-правовые аспекты правоограничений в условиях пандемии	361
<i>Иванеев С.В.</i> Гуманизм и свободомыслие в условиях глобализации: свобода совести и светскость государства как факторы противодействия проявлению конфликтогенного потенциала ислама в России	365
<i>Кайгородова Л.А.</i> Формирование семейных ценностей как основа взаимодействия прав человека и толерантности в условиях современных общественных отношений	370
<i>Карташкин В.А.</i> 55-летие пактов о правах человека и реформирование международного правозащитного механизма	374
<i>Кривенький А.И.</i> Интеграция российского образования в международное образовательное пространство в контексте глобализации	378

<i>Минченко Т.П.</i> Некоторые вопросы преподавания общеобразовательного курса «философия» в контексте современных глобальных процессов	381
<i>Никитаев Д.М.</i> Принцип светскости государства в условиях глобальных вызовов: тенденции и перспективы	385
<i>Прохоров А.Н.</i> Глобальные процессы 4.0 и право на среднее профессиональное образование в Российской Федерации	389
<i>Роцин М.Ю.</i> Исламский фактор в контексте глобальной безопасности: на примере деятельности исламского государства	393
<i>Румянцева О.О.</i> Антикоррупционная составляющая в преподавании филологических дисциплин студентам юридического вуза	396
<i>Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н.</i> Толерантность правопонимания и юридическое образование	399
<i>Циватый В.Г.</i> Универсальные и региональные организации в условиях международного права: глобализационный, институциональный и историко-правовой дискурсы	403
<i>Шапвалов Н.И.</i> Комплексный международно-правовой и государственно-правовой подход к решению проблем, вызванных глобальными процессами	407

РАЗДЕЛ VIII. «ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

<i>Голубенкова Е.А., Швабина Н.В.</i> Образовательные дистанционные технологии доступные каждому	412
<i>Ковчегова С.Ю.</i> Право на образование при реализации сетевой формы	414
<i>Корнилова И.В.</i> Правовой статус законных представителей в образовательных отношениях	416
<i>Ладнушкина Н.М.</i> Рабочая программа воспитания: правовой аспект	420
<i>Матвеев В.Ю.</i> Право учащихся на рабочие тетради по предмету: российская практика	424
<i>Пашенцева Д.Д.</i> Нормы законодательства об образовании в системе права Российской империи	428
<i>Пашенцева С.В.</i> Проблемы реализации права на образование в условиях цифровизации и пандемии	430
<i>Секретта Ю.В.</i> Право на платное образование	433
<i>Фёклин С.И.</i> Правовое обучение в сфере дополнительного профессионального образования	435

<i>Филиппов И.А.</i> Отражение государственной политики в сфере среднего профессионального образования сквозь призму федеральных государственных образовательных стандартов	438
<i>Чуркин Д.С.</i> Право на медиацию как альтернативный способ решения семейных конфликтов в вопросах воспитания детей	442
<i>Шестопалов М.А.</i> Особенности проведения практических занятий по теории государства и права в рамках реализации ФГОС ВО	444
<i>Шукин В.В.</i> Особенности административных статусов субъектов в сфере образования Российской Федерации	447

**РАЗДЕЛ IX. «УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**

<i>Алиев В.М., Соловых Н.Н., Терская Г.А.</i> Цифровая экономика России – риски и угрозы криминализации общества	452
<i>Данелян Р.С., Данелян С.В., Мещерякова Т.Ф.</i> К вопросу о приоритетах в части реализации уголовной ответственности несовершеннолетних	456
<i>Минязева Т.Ф.</i> И принуждение может быть гуманным (уголовно-исполнительный аспект)	459
<i>Ростокинский А.В., Толпекин К.А.</i> Ювенализация уголовно-правового воздействия: постановка проблемы	463

РАЗДЕЛ I.
«ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»

Афанасьева Светлана Анатольевна,
доцент, к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

**К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ЧЕЛОВЕКА НА ПРОВЕДЕНИЕ
ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

Институт публичных мероприятий имеет богатую историю, при этом в настоящее время процесс его развития не останавливается, происходит постоянное его реформирование. Правовую основу его регулирования в современной России составляют международное и федеральное законодательство, на уровне субъектов Российской Федерации решаются вопросы определения запрещенных мест, вместимости территорий, порядка направления уведомления и согласование публичных мероприятий. Целью публичных мероприятий, согласно российскому законодательству, являются свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной или муниципальной власти. Так, с помощью публичных мероприятий их организаторы и участники пытаются привлечь к определенному вопросу внимание общественности и органов власти, чтобы, как правило, обсудить назревшие проблемы и побудить власть к их решению либо поиску компромисса при их решении.

Справедливо относить право на проведение публичных мероприятий к политическим правам и свободам, так как оно способствует «активному участию граждан в общественно-политической жизни»¹. При этом само публичное мероприятие может быть совсем не связано с политикой или иметь к ней косвенное отношение. Указанное право наравне с иными правами человека является неотъемлемым и естественным субъективным правом, которое защищает базовые ценности и гарантируется государством. Также все политические права являются всеобщими, поскольку едины и равны для всех без исключения. Между тем, следует понимать, что право человека не тождественно понятию «право гражданина». Права человека присущи всем людям без исключения, являются естественными и, как верно подмечают Юсубов Э.С. и Макарецев А.А., «принадлежат человеку от рождения независимо от государства»². Соответственно, на их существова-

¹ Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (на примере г. Москвы): дис. канд. юрид. наук. /С.А. Афанасьева. – М., 2009. – С.56 - 92.

² Юсубов Э.С., Макарецев А.А. Конституционное право России: учеб. пособие. Т.1: Общая часть. /Э.С., Юсубов, А.А. Макарецев. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. – С.142.

ние не влияет наличия гражданства. В свою очередь, права гражданина представляют собой позитивные права, которые «связаны с обладанием гражданством государства и направлены на участие человека в политической жизни общества»³, ими обладают только граждане определенного государства, имеющие тесную политико-правовую связь с конкретной страной, выражающуюся во взаимных правах и обязанностях. Так, исследуемое право, являясь политическим, непосредственно связано с гражданством конкретного лица.

Институт публичных мероприятий по своей природе является комплексным и сложным, так как включает нормы различных отраслей права, в том числе международного, конституционного, финансового, трудового и пр. Кроме того, при нарушениях в процессе реализации права на публичные мероприятия могут применяться санкции, установленные нормами административного или уголовного законодательства.

Регламентация института публичных мероприятий в международных договорах осуществляется с целью защиты исследуемого права, международное сообщество, признавая указанное право, пытается не допустить его нарушения отдельными государствами по политическим и иным мотивам. Среди основных нормативных правовых актов международного уровня особое значение для реализации права на проведение публичных мероприятий имеют: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, Руководящие принципы свободы мирных собраний. Кроме того, международная система защиты прав и свобод человека в целях недопущения нарушений прав и основных свобод предусматривает функционирование специальных органов, осуществляющих контроль за их реализацией.

Мировое сообщество запрещает дискриминацию собрания по любому признаку, право на мирные собрания гарантировано каждому человеку. При этом допускается возможность государств вводить ограничения на политическую деятельность иностранных граждан и лиц без гражданства. Конституция Российской Федерации гарантирует исследуемое право только гражданам Российской Федерации, для иных субъектов предусматриваются некоторые ограничения. Право на свободу собраний по аналогии с избирательным правом условно можно разделить на активное и пассивное. Под «пассивным» правом понимается возможность участия в публичных мероприятиях, а под «активным» – возможность организации публичных мероприятий. Иностранцы и апатриды обладают лишь пассивным правом на участие в собраниях. Непосредственно организовать публичное мероприятие в России имеют право лишь граждане Российской Федерации, общественные и религиозные объединения, политические партии, К числу орга-

³Там же. С.149.

низаторов законодатель также не относит государственные и муниципальные органы.

Международные нормы также предусматривают возможность участия несовершеннолетних лиц в мирных собраниях. Право детей на свободу собраний закреплено в статье 15 Конвенции ООН о правах ребенка. В России также нет запретов на участие детей в публичных мероприятиях, установлен лишь запрет на вовлечение несовершеннолетнего лица в несанкционированное публичное мероприятие. Кроме того, федеральное законодательство вводит ограничение для граждан РФ, достигших 16 лет, но не достигших 18 лет – такое лицо может быть организатором публичного мероприятия лишь в форме собрания или митинга.

Совет по правам человека ООН указывает, что расходы по поддержанию правопорядка и чистоты, оказанию медицинской помощи и соблюдению общественной безопасности при проведении публичного мероприятия должно нести государство, поскольку все перечисленное является его непосредственной функцией. С этой точки зрения перекладывание таких расходов на организаторов было бы несправедливым.

Использование инфраструктуры города, его улиц и других общественных мест при проведении мирных собраний возможно даже в случае, когда публичные мероприятия могут быть причиной неудобств для местных жителей, водителей транспортных средств и пешеходов. Подобная судебная практика уже сложилась и обосновывается тем, что у участников акций есть право пользования общественными местами, как и у остальных граждан. Тем не менее, участники собраний должны соблюдать правила, установленные законодательством, например, о дорожном движении.

Руководящие принципы собраний⁴ регулируют одновременное проведение публичных мероприятий, которые имеют противоположные цели. Когда проведение одновременно нескольких собраний невозможно, вырабатывается механизм выбора одной из заявок. В России на федеральном уровне не установлено запретов на одновременное проведение нескольких публичных мероприятий, но практика применения показывает, что местные власти не дают согласие на подобные акции.

Особенностью права на манифестации является его универсальность с точки зрения реализации. Оно может быть реализовано индивидуально и коллективно. Конечно, данное право можно реализовать и одному человеку в форме пикетирования, тем не менее, предполагается, что в большинстве случаев реализуется оно с помощью выражения мнения по определенному вопросу неограниченным количеством лиц в форме собраний, шествий, митингов, демонстраций и пикетирований.

Также характерной чертой права на манифестации является его относительность, под которой понимается возможность ограничения права на определенный срок федеральным законом либо в соответствии с ч. 3 ст. 55

⁴ Руководящие принципы по свободе мирных собраний (2-е изд.). Варшава, Sungraf. 195 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/83237?download=true> (дата обращения: 26.03.2021).

Конституции Российской Федерации настолько, насколько это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В настоящее время право на беспрепятственное проведение публичных мероприятий является важным элементом правового государства и демократических основ. Исследуемое право является значимым политическим правом, которое имеет свою систему источников и гарантий реализации на международном уровне. Специально уполномоченные органы отслеживают эффективность реализации права и имеющиеся проблемы в данной сфере, регулярно выступают с докладами о проделанной работе и существующей на данный момент ситуации. Более того, в случае нарушения указанного права и невозможности его восстановления с помощью внутригосударственных механизмов защиты есть возможность воспользоваться международными гарантиями прав человека. Закрепленное в Конституции Российской Федерации право на проведение публичных мероприятий также занимает важное место в системе политических прав и свобод человека и гражданина, оно тесно взаимосвязано с реализацией иных прав и свобод личности, предоставляет гражданам широкие возможности для выражения мнений и убеждений, выдвижения требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны.

Усложняя процедуру реализации предоставленного Конституцией Российской Федерации права проводить публичные мероприятия, власть фактически отказывается уделять внимание еще только формирующимся проблемам в жизни общества и тем самым провоцирует аккумуляцию внутреннего общественного напряжения. При достаточном накоплении такого недовольства в обществе, как правило, происходят столкновения населения с органами правопорядка, сопровождающиеся жертвами с обеих сторон и причинением ущерба. Органам власти целесообразно рассматривать публичные мероприятия как универсальный инструмент, представляющий возможность активно взаимодействовать с гражданами государства, корректировать и повышать эффективность их деятельности.

Литература

Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (на примере г. Москвы): дис. канд. юрид. наук/С.А. Афанасьева. – М., 2009. –192 с.

Решения Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс] // URL: <https://roseurosud.org/r/st-11> (дата обращения: 26.03.2021).

Руководящие принципы по свободе мирных собраний (2-е изд.). Варшава, Sungraf. 195 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/83237?download=true> (дата обращения: 26.03.2021).

Юсубов Э.С., Макарецв А.А. Конституционное право России: учеб. пособие. Т.1: Общая часть/ Э.С. Юсубов, А.А. Макарецв Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. – 336 с.

Белокопытова Наталья Юрьевна,

ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Института сервиса, туризма и дизайна ФГАО ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет» (филиал) в г. Пятигорске

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

В современной России всевозрастающую роль приобретает метод экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Однако в медицинской практике метод ЭКО помогает далеко не во всех случаях. В связи с этим семейные пары, желающие иметь генетически родственных детей, вынуждены прибегать к исключительным мерам и обращаться к услугам суррогатных матерей.

Нормативно-правовая регламентация в рассматриваемой сфере играет одну из ключевых ролей, в связи с чем крайне важно, чтобы законодательство о вспомогательно-репродуктивных технологиях (ВРТ) и суррогатном материнстве было изложено без пробелов и не допускало дискриминации прав участников рассматриваемых правоотношений.

Законодательное закрепление отношений суррогатного материнства в России получило в нормах Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где в ст. 55 закрепляется возможность для семейных пар и одиноких женщин воспользоваться услугами сурматери при соблюдении обязательного условия – наличия медицинских показаний, свидетельствующих о невозможности вынашивания и рождения ребенка.

Необходимо отметить большое количество законодательных ограничений в сфере правового регулирования отношений суррогатного материнства. Сурматерью признается женщина исключительно в возрасте от 20 до 35 лет, родившая не менее одного здорового собственного ребенка. Также женщина должна получить медицинское заключение, которое подтверждает факт удовлетворительного состояния ее здоровья и дать информированное добровольное согласие в письменной форме на применение ВРТ.

Несмотря на существующие ограничения, важно отметить проблемы, связанные с практикой реализации законодательных положений о суррогатном материнстве, осуществлением контроля за исполнением всех требований и ответственностью за их нарушения.

Одним из актуальных вопросов является проблема определения правовой сущности договора о суррогатном материнстве. Одни высказывают предположение, что он относится к гражданско-правовым договорам, так

как оказывается услуга, и регулироваться будут правоотношения в соответствии с главой 39 Гражданского кодекса Российской Федерации. Другие считают, что это семейно-правовой договор, поскольку возникают личные, доверительные отношения и, кроме того, в соответствии с договором о суррогатном материнстве суррогатная мать не просто обязуется выполнить услугу по вынашиванию ребенка, но и передать этого ребенка генетическим родителям. Также сторонники этого подхода отмечают, что в соответствии с гражданским правом обороту не подлежит человек, человеческая жизнь, ребенок⁵.

Однако, стоит отметить, что ни одна из указанных выше отраслей, не охватывает весь спектр отношений, возникающих в результате применения метода суррогатного материнства. Гражданское и семейное право в данном случае тесно связаны. К тому же возникает переплетение частного и публичного права. Заключается договор, несоблюдение которого должно приводить к правовым последствиям, в частности наступлению ответственности.

Предполагается, что для законодателя было бы целесообразным внести изменения в Гражданский кодекс РФ и предусмотреть отдельный вид договора «Договор о суррогатном материнстве». В этом случае в результате несоблюдения условий договора будут применяться гражданско-правовые последствия.

Еще одной проблемой при использовании метода «суррогатное материнство» является определение круга лиц, которые могут воспользоваться данной услугой. В частности, как было уже сказано, что в соответствии с Семейным кодексом РФ применим данный метод лишь в отношении супружеской пары, пары, не состоящей в браке, а также одиноких женщин. Эти дискриминирует права одиноких мужчин. Фактически они лишаются возможности иметь генетически родных детей. В связи с этим гражданам России мужского пола приходится пользоваться услугами суррогатной матери из других стран. Процедуру проводят и специализированные центры в России, но они заранее предупреждают «заказчика», что после рождения ребенка возникнет проблема его регистрации в органах записи актов гражданского состояния. Происхождение ребенка придется доказывать в судебном порядке.

Стоит отметить, что почти всегда суд встает на сторону отцов-одиночек, которые отстаивают свои права. И это касается не только свидетельства о рождении, но и реализации других прав.

Так, например, житель Москвы Нефедов А.А. воспользовался услугами суррогатной матери. В результате родилась двойня. В графе мать в свидетельстве о рождении обоих детей был прочерк. Нефедов, как одинокий отец, имел право на получение материнского сертификата. С соответствующим заявлением он обратился в Пенсионный фонд и получил отказ. Истец

⁵ Толстикова О. М. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России/ О. М. Толстикова // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 83–87.

Нефедов А.А. направил в суд заявление с целью признать свое право на получение сертификата. Химкинский городской суд в полном объеме удовлетворил исковые требования, объясняя свое решение следующими положениями. Лишая биологического отца права на получение сертификата, Управление Пенсионного Фонда подвергает истца дискриминации. Материнский сертификат призван оказать поддержку всем лицам, воспитывающим двух и более детей. Неправомерный отказ Пенсионного фонда грубо нарушает нормы международного права и Конституции РФ. По мнению суда, дети, которые остались без матери не по своей воле, не могут лишиться права на предоставление им мер господдержки, гарантированной лицам, к которым относится истец. Апелляция поддержала решение первой инстанции, отметив, что отсутствие законодательного регулирования в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий по вопросам получения материнского сертификата лицами, чьи дети рождены в результате таких методов, не должно сводиться к дискриминации⁶.

Безусловно, чтобы решить эту проблему, необходимо внести изменения в законодательство и предусмотреть возможность применения процедуры суррогатного материнства в отношении одиноких мужчин. Изменению подлежат все нормативные правовые акты, касающиеся применения вспомогательных репродуктивных технологий.

И, наконец, существенной проблемой суррогатного материнства является отсутствие ответственности за неисполнение условий договора. Возможно, это связано с тем, что законодатель не может определиться, к какому виду договоров стоит отнести договор о суррогатном материнстве. Этот вопрос требует скорейшего разрешения. Необходимо предусмотреть ответственность для всех участников договора. В первую очередь для суррогатной матери на случай, если она в итоге откажется отдавать рожденного ею ребенка, для медицинских организаций, для самих потенциальных родителей. Нужно ввести санкции за разглашение тайны происхождения ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства.

Эти и другие проблемы остаются на протяжении ряда лет неразрешенными. Ученые, юристы бьют тревогу, ведь число детей, рожденных с помощью ВРТ, растет, уже сменилось первое поколение «детей из пробирки», идет научный прогресс, а законодательство остается неизменным в течение последнего десятилетия.

Таким образом, российское право в сфере оказания услуг по договору суррогатного материнства требует пересмотра по ряду аспектов. Это касается и мер ответственности за неисполнения договора, определения круга лиц – участников договора, закрепление обязанности суррогатной матери передать рожденного ею ребенка генетическим родителям.

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 29 сентября 2014 года. Дело № 33–21541/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/423207946>.

Литература

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 29 сентября 2014 года. Дело № 33–21541/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/423207946>.

Толстикова О. М. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России/ О. М. Толстикова // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 83–87.

Добряков Денис Андреевич,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности
Российского университета дружбы народов

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ВИД ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Защита прав человека является одним из важнейших направлений деятельности гражданского общества. Несмотря на близость понятий правоохраны и правозащиты (и дискуссионность их разграничения), последнюю хотя бы в силу сложившейся практики следует рассматривать как явление в первую очередь негосударственное, исходящее именно от общества и призванное противодействовать нарушению прав человека в том числе и со стороны органов государственной власти и их должностных лиц. При этом правозащитная деятельность качественно отличается от правоохранительной отсутствием у субъектов её осуществления властных полномочий, причём у субъектов как негосударственных, так и состоящих на государственной службе – уполномоченных по правам человека или отдельных категорий граждан и прочее. В этой связи правозащитная деятельность в некотором смысле ставится в зависимость от «сознательности» государства, его «желания» прислушиваться к гражданскому обществу и ответственно воспринимать поступающие с его стороны информацию о допущенных нарушениях и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения в части обеспечения и соблюдения прав человека.

Изложенное в полной мере относится к общественному контролю, который является неотъемлемым элементом правозащитной системы Российской Федерации, обеспечивающим не только непосредственно защиту прав человека, но и функциональную связь между гражданским обществом и государством⁷. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах общественного контроля») под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов

⁷ Бердникова Е.В. Роль и место общественного контроля в механизме защиты прав человека и гражданина России / Е.В. Бердникова // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 72.

государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральным законодательством отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.

Собственно, цели наблюдения, общественной проверки, анализа и общественной оценки одновременно являются и формами осуществления общественного контроля. Дополнительно цели и задачи общественного контроля раскрываются в ст. 5 ФЗ «Об основах общественного контроля», где первой (пожалуй, не только по порядку, но и по значению) определена цель обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (в качестве других целей в данной норме закреплены обеспечение учёта общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, их объединений и различных организаций, а также общественная оценка деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов негосударственных объединений и организаций и проч.).

Субъектами общественного контроля являются общественные палаты различных уровней (федерального, регионального и муниципального) и общественные советы при федеральных и региональных органах государственной власти. Также в специально предусмотренных законодательством случаях и порядке субъектами общественного контроля могут быть общественные наблюдательные комиссии (действующие на основе Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»), общественные инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры, осуществляющие общественный контроль (ст. 9 ФЗ «Об основах общественного контроля»), т.е. перечень субъектов общественного контроля в целом открыт – его рамки поставлены в зависимость от специальных нормативных правовых актов, которые могут приниматься как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В ч. 1 ст. 3 ФЗ «Об основах общественного контроля» установлено, что граждане Российской Федерации вправе участвовать в осуществлении общественного контроля как в качестве общественных экспертов или инспекторов (т.е. лично), так и в составе общественных объединений и некоммерческих негосударственных организаций общественного контроля (это уже упомянутые палаты, советы и проч.). Однако в действительности индивидуальное осуществление общественного контроля гражданами в большинстве случаев должно быть опосредовано членством в соответствующей организации. Например, субъектами общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания являются региональные общественные наблюдательные комиссии, а также их члены, которые

являются как бы отдельными правозащитниками (хотя они могут осуществлять контрольные мероприятия при условии участия в них не менее двух членов общественной наблюдательной комиссии), но в то же время обязаны состоять в общественной наблюдательной комиссии и ограничены в действиях её, комиссии, решениями.

В региональном законодательстве встречаются и другие примеры. Так, в Москве жители города (т.е. граждане и иные лица) могут осуществлять общественный контроль в сферах благоустройства, жилищных и коммунальных услуг посредством получения (сбора) информации, направления сообщений в информационные системы города Москвы, проверки качества решения органами исполнительной власти проблемы, указанной в направленном сообщении или обращении (ст. 5 Закона г. Москвы от 12 марта 2014 г. № 9 «Об обеспечении открытости информации и общественном контроле в сферах благоустройства, жилищных и коммунальных услуг»). Впрочем, перечисленные полномочия едва ли правильно включать в содержание общественного контроля – кто угодно может собирать информацию, используя открытые (общедоступные) источники, а равно и обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления.

Как уже отмечалось ранее, субъекты общественного контроля осуществляют свою деятельность в форме общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы и проч. (ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об основах общественного контроля»). Следует подчеркнуть, что результаты проведения мероприятий в рамках любой из форм общественного контроля не имеют обязательного значения – субъекты общественного контроля формулируют заявления, предложения и рекомендации, вносимые ими на рассмотрение в орган или организацию, в отношении которых проводились контрольные мероприятия. Одним из принципов общественного контроля является обязательность рассмотрения органами государственной власти и местного самоуправления и прочими «подконтрольными» органами и организациями таких (в первую очередь – итоговых) документов и учёта предложений, рекомендаций и выводов, содержащихся в них (последнее только в случаях, предусмотренных федеральными, региональными или муниципальными нормативными правовыми актами; п. 7 ст. 6 ФЗ «Об основах общественного контроля»). Но несмотря на этот принцип итоговые документы и прочие акты, исходящие от субъектов общественного контроля, подлежат рассмотрению в обычном порядке, установленном для обращений граждан Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», т.е. статус субъектов общественного контроля и факт проведения ими контрольных мероприятий несколько не повышает значимость направляемых «обращений».

При этом законодатель провозгласил установление ответственности за воспрепятствование законной деятельности субъектов общественного контроля, необоснованное вмешательство в их деятельность и оказание на них неправомерного воздействия (ч. 2 ст. 27 ФЗ «Об основах общественного контроля»). Вместе с тем какие-либо конкретные нормы, содержащие санк-

ции за совершение названных нарушений, не предусмотрены ни в УК РФ, ни в КоАП РФ⁸ (административная ответственность установлена только за воспрепятствование осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания – предупреждение либо наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятисот до одной тысячи рублей (ч. 1 ст. 19.32 КоАП РФ)), что в совокупности с рекомендательным характером результатов осуществления общественного контроля (подконтрольные органы и организации не только могут невозбранно вмешиваться в деятельность субъектов общественного контроля, но также и без каких-либо разъяснений игнорировать их предложения и рекомендации⁹), что, как представляется, вовсе нивелирует значение рассматриваемого института.

Следует отметить, что способность общества контролировать действия государства является существенным признаком развитого гражданского общества, причём, как предполагается, становление подлинно правового государства возможно при помощи реализации общественного контроля, подчиняющего государство обществу и как следствие – праву¹⁰. Однако в настоящее время общественный контроль и его результаты характеризуются отсутствием властности, они не способны «подчинить» государство, не способны они и «заставить» его всегда и во всём соблюдать им же установленные правовые предписания. Отсутствие эффективных механизмов воздействия на государство в рамках осуществления общественного контроля позволяет с определённым допущением говорить о фиктивности сложившейся в Российской Федерации системы общественного контроля, что, в свою очередь предопределяет приоритетность развития гражданского общества в направлении расширения его возможностей и, вероятно, передачи ему отдельных властных полномочий.

Литература

Бердникова Е.В. Роль и место общественного контроля в механизме защиты прав человека и гражданина России / Е.В Бердникова// Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 68–76.

Дементьев А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57247248/paragraph/596>.

⁸ Дементьев А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57247248/paragraph/596>.

⁹ Савченко М.С., Грибанова А.С. Правовое обеспечение общественного контроля: проблемы и перспективы развития/М.С. Савченко, А.С. Грибанова // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 110. – С. 1398–1399.

¹⁰ Лучин В.О., Боброва Н.А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики/ В.О. Лучин, Н.А Боброва// Право и политика. – 2003. – №. 10. – С. 27.

Лучин В.О., Боброва Н.А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики/ В.О. Лучин, Н.А Боброва// Право и политика. – 2003. – №. 10. – С. 17–30.

Савченко М.С., Грибанова А.С. Правовое обеспечение общественного контроля: проблемы и перспективы развития/М.С. Савченко, А.С. Грибанова // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 110. – С. 1398–1399.

Калязин Валентин Иванович,

к.в.н., доцент кафедры международного права и прав человека
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

**ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА СУДЕБНУЮ
ЗАЩИТУ**

Российская Федерация провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Конституция Российской Федерации закрепила право граждан на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 17 февраля 1998 года № 6-П указал, что право на судебную защиту носит универсальный характер и является личным неотчуждаемым правом каждого человека, выступающим процессуальной гарантией всех иных конституционных прав и свобод. Технический прогресс, который затронул все сферы общественной жизни, вносит свои коррективы и в реализацию указанного права.

В декабре 2018 года была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Использование Искусственного Интеллекта (ИИ) для прогнозирования судебных решений стало популярным предметом исследования в последние годы, вызывающим множество диаметрально противоположных мнений: от положительных, до резко отрицательных. Одним из вопросов использования ИИ в судебной системе является вопрос о том, как и насколько он сможет заменить человека при вынесении судебного решения. Сторонники использования ИИ обещают значительно улучшить жизнь судей и юристов, избавить их от рутины и ненужного документооборота, гражданам – упростить процедуру подачи документов в суд, сократить сроки рассмотрения дел. Кроме того, ИИ сможет обеспечить объективность и беспристрастность при вынесении судами решений. Противники использования ИИ высказывают опасения, что ИИ не сможет реализовать законодательные принципы судопроизводства, такие как справедливость, гуманизм, разумность и добросовестность, потому что закрепить указанные принципы и тем более их реализовать невозможно в программных алгорит-

мах ИИ. Указанную точку зрения поддерживает Председатель Совета судей РФ, судья Верховного Суда РФ Момотов В.В.¹¹

В 2019 году в Российской Федерации судами всех уровней было рассмотрено гражданских и административных дел: по первой инстанции 24,8 млн. (в 2018 году - 21,6 млн.), из них в порядке гражданского судопроизводства – 19,6 млн.¹² Ежедневно суды РФ рассматривают более чем 400 тыс. дел, нагрузка на судебный корпус огромная, о чем неоднократно высказываются сами судьи. Может ли ИИ помочь в решении данной проблемы? Несомненно.

В качестве примера обратимся к деятельности мировых судов. Так в 2019 году мировыми судами было рассмотрено 21 млн. 149 тыс. дел, из них с вынесением судебного приказа 93,5 % (что составило 19 млн. 774 тыс. дел, в 2018 году – почти 18 млн. дел).¹³ Вынесение судебного приказа осуществляется мировыми судами по делам, не требующим присутствия взыскателя и должника, по строго ограниченным вопросам и на основании представленных документов. Из общего числа судебных приказов, выданных мировыми судами, наибольшее число пришлось на взыскание задолженности по оплате жилой площади и коммунальных услуг - 49,4% (7 млн. 471 тыс. дел). Доля судебных приказов о взыскании сумм, выданных по кредитному договору или договору займа, составила 43,2% (6 млн. 538 тыс. дел). Доля судебных приказов о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей составила 1,4% (218, 3 тыс. дел)¹⁴.

По нашему мнению, вынесение судебного приказа может и должно осуществляться с использованием ИИ. Подтверждением данного тезиса может служить работа судов в условиях пандемии.

Во время карантина, в условиях ограничений деятельности организаций, вся входящая документация поступала в суды только по почте, либо с использованием сайтов Госуслуг, либо непосредственно с использованием сайтов соответствующих судов. Алгоритмы, внедренные на Едином портале государственных услуг, уже сейчас позволяют гражданам получить значительное количество государственных услуг дистанционно. Это получение справок, запись в детский сад, замена и получение водительского удостоверений и т.д.. Представляется возможным использовать разработанные алгоритмы в судах. Они позволили бы ИИ выносить судебные приказы только на основе анализа входящих документов. Внедрение ИИ в работу мировых судов позволит оптимизировать их работу, предоставит возможность судьям уделить больше времени наиболее сложным делам.

¹¹ Журнал «Правовая гарантия» [Электронный ресурс] // URL: <https://sibadvokat.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

¹² Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судов в 2019 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 18.01.2021).

¹³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судов в 2019 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 18.01.2021).

¹⁴ Там же.

При реализации своего конституционного права на судебную защиту, большинство граждан, как правило, волнует два вопроса – какое решение вынесет суд и как быстро закончится рассмотрение дела. Общая продолжительность рассмотрения гражданских и административных дел в судебной системе Российской Федерации в 2019 году из дел, рассмотренных по существу, в районных судах составила:

- свыше полутора месяца до трех месяцев включительно – свыше 1 млн. дел (31 %);
- свыше трех месяцев до одного года включительно – 633,4 тыс. дел (19 %);
- свыше одного года до двух лет включительно – 23,8 тыс. дел (0,7 %), из них 12,3 тыс. по повторным производствам;
- свыше двух лет до трех лет включительно – 2,6 тыс. дел (0,08 %), из них 2,2 тыс. дел по повторным производствам;
- свыше трех лет – 1,4 тыс. дел (0,04 %), из них 94,5 % по повторным производствам¹⁵.

Использование ИИ позволит не только уменьшить трудозатраты судов, но и значительно сократить время рассмотрения дел.

Еще одним направлением использования ИИ может стать определение возможного решения суда. Сейчас в Российской Федерации актуальным становится развитие института медиации. Одной из главных задач данного института является досудебное урегулирование споров. Но даже до обращения к медиаторам или в суд использование ИИ может позволить гражданину предположительно узнать исход спора. Так, например, он может воспользоваться правовыми данными и решениями судов в системах ГАС «Правосудие»¹⁶. Аналогичные системы действуют и за рубежом, так во Франции, ИИ используется в поисковых системах для анализа гражданских и уголовных дел, (в качестве программного обеспечения выступают системы Doctrine.fr, Prédicte, Case Law Analytics). В Великобритании также существует поисковая система по гражданским делам (используется программное обеспечение фирмы Luminance). В США поисковые системы используют программное обеспечение Watson/Ross (IBM) и LexisNexis. Компания «ГАРАНТ» разработала аналитическую систему «Сутяжник», которая позволяет загрузить исковое заявление, а система выдаст решения судов по аналогичным делам. Нельзя, конечно, утверждать, что в каждом конкретном случае суд вынесет именно такое же решение, что предоставит система с ИИ, но предварительно гражданин может представить, какое решение по его делу примет суд.

Подводя итоги, можно констатировать тот факт, что вопрос использования ИИ в юридической сфере, в особенности для прогнозирования, сегодня как никогда актуален. Большие объёмы данных, а также сопутствующе-

¹⁵ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судов в 2019 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 18.01.2021).

¹⁶ Система ГАС «Правосудие» содержит более 161 млн. судебных решений.

щие аналитические технологии, позволяют искать скрытые закономерности в юридических делах, создавать и заполнять шаблоны договоров, понимать, каким решениям склонны симпатизировать судьи и выявлять слабые области в существующих решениях.

Крайне важно иметь в виду, что решения, принимаемые алгоритмами и моделями на основе ИИ, будут поднимать правовые вопросы, такие как вопросы ответственности за гражданские или даже уголовные правонарушения. Процесс внедрения ИИ уже начался: в США, штате Нью-Джерси слушания о выдаче, задержанного под залог, заменяются алгоритмически обоснованными оценками риска. Задержанный может быть освобожден без залога наличными, если он отвечает определенным критериям. Для обеспечения объективных, основанных на данных решений судьи Нью-Джерси полагаются на машинные прогнозы и оценки риска. Автоматическая рекомендация служит руководством, но не заменяет судебное рассмотрение. Тем не менее, такие алгоритмы поднимают вопросы об объявленной нейтральности и объективности машинного мышления.

Следует отметить, что алгоритмы применения ИИ еще недостаточно развиты, чтобы учесть все обстоятельства дела и тонкости правовой системы; это ограничивает возможности их реализации в процессе правосудия. В настоящий момент, невозможно передать человеческие ценности и этику эмпирическим и логическим моделям, но методы ИИ могут дать судьям набор руководящих принципов для работы. Это создаст более безопасную правовую систему, в которой ИИ будет информировать судей, и судьи будут рассматривать прогнозы на основе полученных данных, но не будут безоговорочно полагаться на них. Таким образом, две стороны будут помогать друг другу.

Литература

Журнал «Правовая гарантия» [Электронный ресурс] // URL: <https://sibadvokat.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судов в 2019 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 18.01.2021).

Леонова Юлия Аркадьевна,
к.ю.н., ведущий юрисконсульт ПАО Сбербанк

ОСНОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Система права находится в постоянном движении. Изменения могут происходить в результате процессов внутри системы, но в некоторых случаях система изменяется в результате ответа на внешние вызовы. Пандемия

коронавируса послужила своего рода проверкой на прочность правовой системы России и других стран. За короткий период времени было принято большое количество актов, ограничивающих повседневную жизнь людей. Ограничения, связанные с эпидемиологической обстановкой в России, изначально относились к лицам, прибывающим из-за границы. Постепенно ограничению подверглись все лица, проживающие на территории России. Были приняты акты, позволяющие покидать место постоянного проживания только по определенным основаниям (например, выгул домашних животных), на установленное расстояние. В связи с принятием органами власти жестких мер возникает вопрос: соблюдены ли объем и порядок установления правовых ограничений?

Моментом начала ограничительных мер считается введение на территории субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности. В юриспруденции было поставлено под сомнение существование «режима повышенной готовности», в качестве основания введения жестких ограничительных мер. Само понятие «режим повышенной готовности» не является новым. Краткое определение режима повышенной готовности содержится в пп. «а» п. 24 постановления Правительства Российской Федерации от 30.12.2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». Так, режим повышенной готовности определяется как режим функционирования при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций. Мероприятия в рамках указанного режима сводятся к разработке плана действий, наблюдению, мониторингу обстоятельств, послуживших основанием для введения режима, восполнению материальных ресурсов и мер по предупреждению возникновения и развития чрезвычайных ситуаций. Несмотря на то, что в нормативных -правовых актах выделяют мероприятия в рамках режима повышенной готовности, но часто законодатель фактически приравнивает данный режим к чрезвычайным ситуациям, что создает путаницу. Четкое разграничение понятий на законодательном уровне отсутствует.

В юридической литературе при исследовании режима чрезвычайной ситуации отмечают, что ограничения и запреты должны быть четко и ясно установлены, а также должны быть соразмерными сложившейся ситуации¹⁷. Поэтому для обеспечения соблюдения законности и прав человека, в том числе в экстремальных условиях, необходимо регламентировать понятие «режим повышенной готовности» и установить меры, которые могут быть применены в рамках установленного режима.

«Экстренное» законотворчество и иные действия органов власти продемонстрировали то, что существующее правовое регулирование в России не отвечает запросам общества в условиях пандемии. В свете изложенного возникает вопрос: можно ли считать, что в законодательстве присутствует

¹⁷ Мохов А.А. О концепции правового регулирования экономической деятельности в условиях особых правовых режимов: постановка проблемы// А.А. Мохов// Юрист. – 2014. – № 4. – С. 22-24.

пробел в правовом регулировании¹⁸? С одной стороны, ясное правовое регулирование режима повышенной готовности отсутствует. Соответственно, возникает необходимость в регламентации данного режима. С другой стороны, в действующем законодательстве на дату возникновения угрозы распространения коронавирусной инфекции содержались нормы, регулирующие общественные отношения при возникновении эпидемиологической угрозы населению.

Признание указанной ситуации пробелом в правовом регулировании является юридическим фактом для осуществления действий по заполнению возникшего пробела, что, собственно, и было сделано. В рассматриваемом случае хоть и возникает необходимость в конкретизации правовых норм¹⁹, но вновь принимаемые акты не всегда соответствуют действующему законодательству, что затрудняет правовое регулирование. В связи с этим, рассматриваемую ситуацию можно оценить как неопределенность права, а не пробел. Уточнение понятий и полномочий государственных органов уменьшило бы загромождения системы законодательства и поспособствовало бы более эффективному правовому регулированию.

Что касается опыта стран Европейского союза по данному вопросу, то большинство использовало ранее изученный правовой институт – режим чрезвычайной ситуации. В начале пандемии Совет Европы для обеспечения соблюдения верховенства закона, прав человека и демократии издал информационный документ SG/Inf (2020)11 от 07.04.2020. Являясь руководством для государств-членов европейского сообщества, документ обращает внимание на то, что введение режима чрезвычайной ситуации или иного аналогичного режима не относится к основаниям отступления от ценностей и стандартов, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950.

В связи с этим, другим важным аспектом, который должен быть принят во внимание в процессе изменения системы права в период распространения коронавирусной инфекции, являются ограничительные меры. Думается, что закрепление в основном законе страны порядка и оснований ограничений прав способствует укреплению законности. Например, в ст. 19 Основного закона ФРГ указано, что «основное право может быть ограничено только законом или на основании закона, закон должен носить общий характер, а не относиться только к отдельному случаю». Кроме того, в законе должно быть названо основное право, которое ограничивается, с указанием статьи. В ч. 3 ст. 19 Основного закона ФРГ закреплено, что ни при каких обстоятельствах *не должна быть ограничена сущность основного права*.

¹⁸ Леонова Ю.А. Пробелы в праве России и Германии (сравнительный анализ). автореф. дис. ... канд. юрид. наук/Ю.А. Леонова. – Москва, 2019. – С. 12-13.

¹⁹ О правотворческой и правореализационной конкретизации юридических норм см.: Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук/М.В. Залоило. – М., 2011. – 196 с.; Залоило М.В. Понятие и виды правореализационной конкретизации юридических норм/М.В. Залоило // Адвокат. – 2011. № 11. – С. 28–37; Залоило М.В. Правовприменительная конкретизация юридических норм/М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2012. – № 8.

Это является гарантией сохранения права, несмотря на чрезвычайные обстоятельства.

В ст. 56 Конституции РФ указано, что «в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия». При этом ограничение прав в период режима повышенной готовности напрямую не закреплено, тем не менее, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ позволяет обосновать принятые законодателем ограничительные меры. Кроме того, так как в законодательстве правовой статус режима повышенной готовности определен нечетко – это позволяет в некоторых случаях искусственно «расширить» ситуации, при которых могут быть применены строгие ограничительные меры. Это может привести к злоупотреблению должностными лицами своими полномочиями.

Н.Н. Черногор, М.В. Залоило, анализируя законотворческую деятельность и меры, принимаемые в России в борьбе с распространением коронавирусной инфекции, подчеркивают смещение акцента с закона на подзаконные акты, в результате чего произошло «перераспределение» предметов регулирования²⁰. Ограничительные меры устанавливались в каждом субъекте в зависимости от ситуации в регионе. В связи с этим, особую актуальность приобретает проблема пределов ограничений в праве.

Исследуя проблему ограничений в праве, А.В. Малько приходит к выводу о том, что правовое ограничение – «это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»²¹. Но как определить пределы ограничений (или «изъятий») объема права, чтобы не затронуть сущность права, которое ограничивается?

Во избежание таких ситуаций, например, в правовой науке Германии существует понятие *Schranken-Schanken* (в пер. с нем. *ограничение ограничений*), используемое в случае установления ограничения права. Так, при установлении ограничений оценивается их соответствие правоотношениям и жизненным обстоятельствам (*Verhältnismäßigkeit*). При этом анализируется: насколько установленные ограничительные меры подходят (или пригодны) для того, чтобы право было ограничено; насколько установленные ограничения способствуют достижению цели правового регулирования; соразмерность установленных ограничений.

По результатам оценки доводов по каждому из вышеуказанных аспектов делается вывод о допустимости применения ограничений. При этом, если делается вывод о том, что ограничительные меры не соразмерны, – рассматриваемые ограничения отклоняются либо полностью, либо частично.

²⁰ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метафоры права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса/Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 14–19.

²¹ Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики/А.В. Малько // Юридическая техника. – 2018. № 12. – С. 240.

Таким образом, законодатель устанавливает предел, который позволяет сохранить сущность права.

Например, также как и в России, в Германии некоторый период времени было установлено ограничение в передвижении: нельзя было удаляться дальше 15 километров от места проживания. При этом способ расчета 15-километрового ограничения оставался на усмотрение муниципалитета. Данное ограничение было обжаловано в Административном суде Баварии. В процессе рассмотрения заявления эффективность установленного ограничения была поставлена под сомнение. Суд признал аргументацию относительно того, что установление ограничения в 15 километров не способствует достижению цели правового регулирования, обоснованной. В результате Административный суд Баварии своим решением от 26.01.2021 (Bayerischer VDH, Beschluss vom 26.01.2021 – 20 NE 21.162) признал установленное ограничение противозаконным²².

Во многих субъектах РФ было ограничено право на передвижение. Попытки обжаловать эти меры не увенчались успехом. Так, Решением Московского городского суда от 28.04.2020 по делу № За-3877/2020 установленные меры по ограничению права передвижения были признаны законными и соответствующими действующему законодательству. В решении подчеркивается, что при разрешении спора об оспаривании нормативного правового акта юридически значимыми обстоятельствами являются: соблюдение порядка принятия нормативного правового акта и соответствие указанного акта актам, обладающим большей юридической силой. Оценка, насколько указанная дистанция способствует предотвращению распространения коронавирусной инфекции, то есть насколько эффективны установленные меры, судом не производилась.

В связи с рассмотренными примерами, думается, что оценка ограничений не только с точки зрения действующего законодательства, но и с позиции их эффективности, поспособствовала бы недопущению необоснованного ограничения в правах. Отсутствие оценки дополнительных аспектов может привести к установлению чрезмерных ограничений и нарушению основных прав.

Закладывая в основу конституционного строя принципы верховенства закона и прав человека, законодатель должен не только провозгласить их, но и обеспечить реализацию в повседневной жизни, а также предусмотреть механизм установления правовых ограничений.

Литература

Леонова Ю.А. Пробелы в праве России и Германии (сравнительный анализ). автореф. дис. ... канд. юрид. наук/Ю.А. Леонова. – Москва, 2019. – С. 12-13.

²² База данных OpenJuris. [Электронный ресурс] // URL: <https://openjur.de/u/2317229.html> (дата обращения: 18.02.2021).

Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики/А.В. МАлько // Юридическая техника. – 2018. – № 12.

Мохов А.А. О концепции правового регулирования экономической деятельности в условиях особых правовых режимов: постановка проблемы/А.А. Мохов // Юрист. – 2014. – № 4.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса/ Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 7.

Лукьянова Елена Геннадьевна,

д.ю.н., заведующая кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева
Института права и национальной безопасности РАНХиГС,
ассоциированный научный сотрудник
Социологического института – филиала ФНИСЦ РАН

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ

Правами и свободами человека принято называть наиболее общие, фундаментальные субъективные права – равные для всех меры возможного (свободного) поведения, имеющие основополагающее значение в системе субъективных прав в силу своего предельно общего характера. От их наличия и реализованности зависит зачастую наличие и иных субъективных прав. Наиболее общие и фундаментальные субъективные права образуют не только правовой институт в системе права той или иной страны или международного права, но и самостоятельный социальный институт — права человека или права и свободы человека. Данный социальный институт включает ценностное представление о правах человека, в основании которого лежит естественно-правовая теория (философия естественного права), четко сформулированные нормы права, правозащитные организации, деятельность по обеспечению и защите прав человека и другие элементы. Права человека — это равные и справедливые меры свободы личности в наиболее значимых сферах социального взаимодействия, осуществление которых обеспечивает возможность реализации иных свобод.

Права человека — *предмет общественного договора между обществом и органами государственной власти*, создаваемыми обществом именно для их обеспечения и защиты: «и не без причины он [человек] разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного *сохранения* своих жизней, свобод и владений..»²³. Никаких иных функций и целей деятельности у государственных органов не существует. При этом публично-политические органы могут обеспечивать либо равные и справедливые меры свободы гражд-

²³ Локк Дж. Два трактата о правлении /Дж.Локк/ пер. с английского. Ред. и состав., автор вступит. статьи и примеч. А.Л. Субботин. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», – 2009. – С.301.

дан (права человека), либо власть (свободу) тех или иных социальных и политических групп (авторитаризм), дискриминируя иные социальные группы, либо власть (свободу) одного лица (деспотия, тоталитаризм), попирая права человека. Политическая организация общества всегда связана с поддержанием власти, а власть, у того, кто ею обладает, есть свобода, возможность свободного поведения, модели этого свободного поведения варьируются. Правовая политическая власть поддерживает равенство в свободе всех людей (права человека, правопорядок), неправовая - обеспечивает свободу не по признаку равенства, защищая насилием всевластие одних (одного) и бесправие других (однако никогда открыто об этом не заявляет).

Поэтому вопрос прав человека — это вопрос *функционирования государственности как правовой политической организации общества*. Государство как правовая политическая организация равных и свободных индивидов, в отличие от деспотии - неправовой политической организации, функционирует в целях обеспечения и защиты правового порядка, порядка в общественных отношениях, построенных на принципе признания, уважения и защиты прав и свобод человека. Оно реализует правоустановительную (правотворческую), правореализаторскую и правоохранительную деятельность. Отрицание прав человека как равных мер свободы — всего лишь признание большей свободы за отдельными категориями граждан или, еще хуже, за отдельным лицом. Никаких рациональных оснований для такого несправедливого разделения свободы (власти) между людьми не существует, а неправовая мысль для обоснования несправедливого и неправового устройства общества (деспотии) и соответственно отрицания прав человека всегда прибегала к мистическим обоснованиям (сакральное происхождение и особые качества у «вождя», особые качества у аристократии, особые национальные интересы, национальное или иное превосходство и проч.). Права человека, таким образом, приобретают пограничный характер, выступая не только правовым, но и политическим институтом, борьба за признание прав человека становится политической деятельностью. В современном мире права человека становятся основой существования государственности.

С тем, что права человека есть предмет общественного договора, связано также мнение о том, что институт прав человека включает только те субъективные права, которые охватывают взаимоотношения органов государственной власти и граждан. Права человека — это те субъективные права, которые обязаны соблюдать и обеспечивать органы государственной власти. Таким образом, соблюдение прав человека — обязанность органов государственной власти. Ст. 18 Конституции РФ гласит: права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Это конституционное положение получает конкретизацию и развитие в отраслевом законодательстве. Например, в ст. 1 Федерального закона о полиции Российской Федерации указано, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Рос-

сийской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также - граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Аналогичные положения содержатся в конституционных и отраслевых актах практических всех цивилизованных стран.

Проблема прав человека, а шире — права в целом — связана с вопросом *существования политической организации общества*. Если политическая власть попирает права человека, допускает массовые нарушения, то с правовой точки зрения она теряет свою суверенность — независимость и самостоятельность, и международное сообщество может пресечь правонарушающую политику, потому как каждое правонарушение должно влечь юридическую ответственность. Данное логическое утверждение нашло отражение в практике современного цивилизованного сообщества. В середине XX в. был впервые проведён суд над руководителями фашистского государства за преступления против мира, человечности и развязывание войны. В это же время права человека становятся объектом международного регулирования. Был принят и ратифицирован ряд международных документов о правах человека (Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод). Государства, подписавшие эти документы, обязались соблюдать права человека, следовательно, вопрос о правах человека перестал быть вопросом внутренней политики государства, став вопросом международной договоренности. Несоблюдение обязанностей государством по обеспечению прав человека в соответствии с международными договоренностями должно влечь санкции в отношении этого государства. В последний раз это положение получило подтверждение на международном уровне в 1993 г. на Второй всемирной конференции по правам человека в Вене. На ней было представлено 171 государство. Было принято решение, что права человека представляют «законный интерес» для международного сообщества. В рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 55 стран Европы, Северной Америки и Центральной Азии «категорически и бесповоротно» заявили, что «обязательства, принятые ими в области человеческого измерения ОБСЕ, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников, и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства»²⁴.

Права человека — это еще *и вопрос международной политики*. Их нарушение является одной из главных причин возникновения политических конфликтов в современном мире, приводящих к еще большим нарушениям. Соблюдение прав человека — не только показатель развития государственности и цивилизованности общества, но и залог стабильного развития этого общества на долгие годы и устойчивости мирового правопорядка.

²⁴Введение в права человека / редкол. К. В. Бергем, Г. М. Карлсен, Б. Слюдал. — Осло, 2003. — С. 25.

Литература

Введение в права человека / редкол. К. В. Бергем, Г. М. Карлсен, Б. Слюдал. – Осло, 2003.

Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с английского. Ред. и состав., автор вступит. статьи и примеч. А.Л. Субботин. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

Орлов Михаил Александрович,

аспирант 3-го года обучения Института права и управления
ГАОУ ВО МГПУ

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ВЕНГЕРОВА А.Б. НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И ИНФОРМАЦИИ

Жизнь общества в XX и XXI веках тесно связана со значительным расширением роли информации в обществе. Процессы передачи и приема информации усложняются с каждым днем. Повсеместно используются электронно-вычислительные машины (компьютеры), а аналоговые средства хранения и передачи информации постепенно выходят из оборота. Также стоит учитывать, что теория информации и кибернетика оказали значительное воздействие на разработку новых типов правопонимания.

Исследованию природы права с точки зрения ее информационного содержания посвящены некоторые работы исследователей в области права. Ярким примером такой работы является монография Венгерова А.Б. “Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы)”. Данная монография явилась *Opus Magnum* передовой отечественной юридической и кибернетической мысли того времени (середина-конец 1970-х). В данной работе автор не только предпринял попытку исследовать информационную природу права, но и сделал несколько фундаментальных выводов относительно взаимосвязи социально-экономических моделей развития общества и правового регулирования, а также о возможности наступления юридической ответственности у лиц, принимающих решения на основе данных от ЭВМ. Профессор Венгеров на протяжении всего исследования приводит ряд обоснований главного вывода своей работы – разработанная ЭВМ экономико-социальная модель управления каким-либо объектом не должна нарушать норму права, однако если применение такой модели на практике приведет или может привести к нарушению нормы права, то должен быть поставлен вопрос об отмене такой нормы как несоответствующей сложившимся социально-экономическим факторам²⁵.

Некоторая диалектичность данного вывода обосновывается сложным характером взаимодействия различных сфер общественной жизни. Право-

²⁵ Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы)/А.Б.Венгеров. – М.: Юрид. лит., 1978. – С.197.

вая норма, закрепляя необходимое или сложившееся регулирование определенных общественных отношений, зачастую не учитывает динамику их дальнейшего развития. Такой учет без использования средств автоматизации в праве практически невозможен. Именно к этому заключению подводит нас профессор Венгеров А.Б., заявляя одновременно о незыблемости нормы права самой по себе, но, вместе с тем, о превалировании социально-экономической модели в условиях автоматизации управления, в том числе правового.

Заслуживает внимание авторская концепция юридической ответственности лица, принимающего решение на основании полученных с помощью ЭВМ данных. Венгеров А.Б. заявляет о недопустимости возложения ответственности на такое лицо²⁶, так как это бы привело к неоправданным временным, а следовательно, экономическим затратам для общества. Все данные от ЭВМ было бы необходимо перепроверять вручную, что нивелировало бы саму суть полезной работы ЭВМ. По мнению профессора Венгерова, необходимо создать презумпцию достоверности данных, полученных от ЭВМ, хотя и снабдить конструкцию такой презумпции способами защиты от программной ошибки. В случае такой ошибки ответственность за предоставление недостоверного результата должен нести разработчик программного обеспечения. Это в том числе приведет к его большей осмотрительности при создании такой программы. Для целей построения эффективной конструкции юридической ответственности автором также предлагается применить к таким правоотношениям начала ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Резюмируя, профессор Венгеров А.Б. замечает, что во всех случаях ответственность должны нести люди, организации, но не автоматы²⁷.

Несколько страниц своего исследования Венгеров А.Б. посвятил основным предпосылкам к разработке новой концепции правопонимания – информационной. Одной из таких предпосылок, по мнению автора, является понятие “правовой информации”, которое определяется как “совокупность сведений о праве и всех процессах и явлениях с ним связанных”²⁸. Венгеров А.Б. отстаивает позицию о дуализме понятия правовой информации. Информацией, с одной стороны, признается та информация, которую содержат правовые нормы. Правовые нормы содержат информацию о должном и возможном поведении лиц и организаций, закрепляют и организуют социально необходимое и целесообразное поведение. Эта информация, как указывает Венгеров А.Б., “имеет прескриптивный характер, она “связана”, т.е. имеет определенную организацию, выполняет функцию ограничения разнообразия в поведении... Правовой ее (*информацию – прим. авт.*) делают...ее специфические качества – установленные процедуры

²⁶ Там же. С.207.

²⁷ Там же. С.88.

²⁸ Рэндалу Х.А. Правовая информация/Х.А. Рэндалу. – М.: Наука, 1974. – С.8.

принятия, общеобязательность соответствующего понимания, установленные способы использования и т.д.”²⁹

Изучая норму права с точки зрения содержащейся в ней информации, ее свойств и качеств, Венгеров А.Б. приходит к выводу о допустимости применения информационного подхода к правовым нормам. “Информационный подход к правовым нормам позволяет изучать механизм действия права изучать каналы, по которым право доходит к своим адресатам и воздействует на них, познавать и реализовывать в этой области общеинформационные закономерности”³⁰ – отмечает он. Информационная теория права должна изучать процесс передачи данных из правовых предписаний к субъектам, формируя тем самым их поведение. Она также будет способна изучить информацию о поведении субъектов, об их отношении к правовым предписаниям, а также определить уровень соответствия права сложившимся общественным отношениям. Информационная теория права также может быть применима для целей использования правовых предписаний с помощью ЭВМ, а именно автоматизации действия правовых норм. Как отмечает Венгеров А.Б., информационная концепция права позволяет “выявить количество информации, необходимой для правового регулирования в соответствующих областях, проанализировать норму права как специфический сигнал типа “к кому это относится” ..., изучить каналы распространения правовой информации, выявить пределы унификации и стандартизации понятийного языка права”³¹.

По нашему мнению, информационный подход к правопониманию может помочь в исследовании закономерностей распространения правовой информации в государстве и обществе. Уверены, что предположения профессора Венгерова А.Б. относительно информационного подхода к правопониманию станут основой для его дальнейшего развития и превращения в полноценную научную теорию.

Другая сторона правовой информации – справочная, представляется Венгерову А.Б. не менее важной, чем содержательная. Именно данный тип информации выдается программой для ЭВМ в качестве текста закона или иного НПА. С помощью данных двух типов информации возможно разработать систему принятия правового решения. По мнению Венгерова А.Б., данная система будет включать в себя:

- Установление и формулировку проблемы;
- Оценку данных;
- Определение степени влияния проблемы на цели системы;
- Установку критериев для оценки вариантов;
- Оценку подходов к решению проблемы;
- Оценку вариантов решения и выбор оптимального;

²⁹ Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы)/А.Б. Венгеров. – М.: Юрид. лит., 1978. – С.50.

³⁰ Там же. С.51.

³¹ Там же. С.52.

Разработку системы обратной связи³².

Следование данному процессу в принятии правового решения может решить задачу преодоления противоречия между существующим и требуемым состоянием системы права. В том числе, данный процесс неразрывно связан с установлением закономерностей в распространении правовой информации, так как решение будет приниматься относительно правовой системы. К сожалению, в тот период времени было трудно представить автоматизацию данного процесса. Появление автоматического (или ограничено автоматического) процесса принятия решений относительно действующей правовой системы, основываясь на информационном подходе к правопониманию, может совершить революцию в правопонимании, и, возможно, создать предпосылки для появления нового общественного регулятора.

Также интересна позиция Венгерова А.Б. относительно существования информационных отношений – такие отношения существовали во всех доныне известных системах государственного управления. Но в современных условиях они приобрели новое содержание. На момент публикации исследования Венгерова А.Б. не было оснований говорить о появлении качественно новых информационных отношений³³, хотя данная позиция в современной юридической литературе практически не находит своего отражения.

Литература

Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы). – М.: Юрид. лит., 1978. – С.197.

Калюжный, Р. А., Губенко, Р. Г. Обсуждение монографии А. Б. Венгерова «Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы)» /Р. А. Калюжный, Р. Г. Губенко. // Правоведение. – 1979. – № 5. – С.114.

Рандалу Х.А. Правовая информация/Х.А. Рандалу. – М.: Наука, 1974. – С.8.

Павлова Вера Викторовна,

помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации

РОЛЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Термин «принцип» является одним из наиболее популярных и общезначимых в обывательском обиходе, художественных произведениях, теоретической и практической юриспруденции. Исходным является правопонимание и место принципов права в нем. Существенное значение прин-

³² Там же. С.53.

³³ Калюжный, Р. А., Губенко, Р. Г. Обсуждение монографии А. Б. Венгерова «Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы)» /Р. А. Калюжный, Р. Г. Губенко. //Правоведение. 1979. № 5. С.114.

ципы права имеют в рамках правотворческой и правоприменительной деятельности. Высшие судебные инстанции, такие как Верховный и Конституционный суды Российской Федерации обосновывают свои решения в соответствии с принципами права. Однако в обширной правоприменительной практике принципам права не придается должного значения, в связи с тем, что субъекты правоприменения традиционно предпочитают разрешать дела на основе норм права (а точнее законодательства). Иначе говоря, в практической деятельности, органы, занимающиеся «творением права» и правоприменители не считают принципы права в достаточной степени значимыми для регулирования конкретных общественных отношений в рамках правового поля.

Высшие судебные инстанции, такие как Конституционный Суд и Верховный Суд все чаще указывают на необходимость использования в судебных решениях принципов права.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» Верховный Суд указал, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.02.2016г. суд пришел к выводу о том, что в деле был нарушен базовый принцип, установленный в ч.3. ст.123 Конституции РФ, в соответствии с которым судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Кроме правоприменительной деятельности принципы права играют очень важную роль и в правотворчестве, на что также обращает внимание Конституционный Суд в документе «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)».

В процессе обращений граждан в Конституционный Суд выяснилось, что они в основном оспаривают нормы права (а точнее - законодательства), где не учтены в достаточной степени общие принципы права. Такое отношение к принципам права приводит к появлению различных дефектов, например недостатки систематизации, фрагментарность, пробелы и коллизии в праве, недочеты юридической техники. Результатом этого может стать неконституционное нормативное регулирование общественных отношений, а также увеличиваются риски неконституционного правоприменения. Конституционное правосудие является основным правовым институтом, призванным не допустить или же выявить и исправить дефекты нормотворческой деятельности.

При анализе этого вопроса можно выделить ряд причин.

1. Позитивистский подход к правопониманию, при котором все право сводится к «законодательству», а доминирующим регулятором обществен-

ных отношений является норма права (а точнее – законодательства).³⁴ В современных демократических странах фактически преобладает естественно-правовой тип правопонимания. Принципы права первичны, нормы права (а точнее - законодательства) вторичны и не должны противоречить принципам. Однако в Российской Федерации еще со времен советского государства доминирует юридический позитивизм, в котором принципам права не уделяется достаточное внимание.

2. Отсутствие конкретизированных принципов конституционного права в отраслевом законодательстве. Такая ситуация обусловлена тем, что конституционные принципы имеют больше теоретическое значение и применение, чем практическое и, тем, что они регулируют лишь отношения в этой сфере. Итогом такого понимания является то, что часть основных принципов права перешли из Конституции в отраслевое законодательство, а часть из них не заметили. Например, принцип прямого действия норм Конституции. Нужно отметить, что в отраслевом законодательстве необходимо фиксировать конституционные принципы и использовать их в правовом регулировании.

3. Преобладание в применении права формального подхода над смысловым. При разрешении конкретных дел, в большей степени, внимание уделяется требованиям норм закона, но не смыслу права. У большинства правоприменительных органов сложилось мнение, что цель, к достижению которой нужно стремиться при рассмотрении конкретных дел, это формальное соответствие решения норме законодательства, иной правовой результат считается недостижимым и неприменимым.³⁵ В результате этого формируется негативный формализм и излишний субъективизм в праве.

В 2020 году в России были внесены изменения в Конституцию (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»).

В соответствии со статьей 10 Конституции РФ государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При определении роли Президента в системе разделения властей возникают же сомнения в сбалансированности системы сдержек и противовесов. Ведь Президент официально не входит в данную систему, а как бы возвышается над ней. Непосредственно изменения в Конституцию затронули, в том числе, и сферу правоприменения.

Так, Президент может внести в верхнюю палату парламента представление о прекращении полномочий судей, в том числе и судей Конституционного и Верховного судов Российской Федерации при совершения судьея поступка, порочащего его честь и достоинство как лица, осуществляющего

³⁴ Ершов В.В. Правопонимание, правотворчество и правореализация: современные теоретические и практические проблемы// В.В.Ершов // Российское правосудие. – 2019. №1. – С.5.

³⁵ Шафиров В.М. Проблемы принципов права и конституционное правопонимание// В.М.Шафиров// Российское правосудие. – 2017. – №6.

правосудие. При этом сама формулировка слова «поступок» является весьма расплывчатой, что может привести судей к полной зависимости от воли Президента.

В самом же Конституционном Суде сократилось количество судей с 19 до 11. В пояснительной записке к законопроекту обоснование подобных нововведений отсутствует. В юридическом сообществе на этот вопрос существует мнение, что чем меньше количество судей, тем меньше вероятность появления «непослушного меньшинства», которое может разрастись во что-либо большее.

В соответствии с пунктом а) части 5.1. статьи 125 Конституции Конституционный Суд приобретает право предварительного конституционного контроля (проверяет конституционность законопроектов, принятых в порядке, предусмотренном, статьями 107 и 108 Конституции, до их подписания Президентом). Причем полномочие обратиться с запросом в Конституционный Суд имеется только у Президента.

Подобное положение может привести к ситуации, когда суд, при последующем конституционном контроле, рассматривая жалобы граждан на неконституционность законов, может указать, что данный закон был ранее предметом рассмотрения и повторно рассматривать те же самые нормы законодательства нет оснований, что может привести к нарушению прав человека и базовых принципов демократического государства.

Изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации, касающиеся судебной сферы, напрямую влияют на принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов, что может негативно отразиться на позиции судей при разрешении конкретных дел.

Таким образом, появилась необходимость смены направления изучения права. Необходимо больше уделять внимание изучению правовых понятий с точки зрения интегративного подхода к правопониманию, потому что в нем принципам права отводится не менее важная роль, чем норме права (а точнее – законодательства) в процессе регулирования общественных отношений, познании и действии права. С помощью принципов права возможно выявить суть и смысл права, правового регулирования и раскрыть содержание прав и обязанностей. В процессе применения права принципы направляют правоприменительную деятельность в нужное течение, способствуют общепризнанной стандартизации. С помощью принципов права возможно реализовать заложенный смысл законодателя в нормативное предписание, побуждая правоприменительные органы действовать в соответствии с духом и буквой закона. Принципы права могут служить его источником при возникновении пробелов в законодательстве при регулировании отношений между субъектами права, позволяют избежать так называемого «молчания права».³⁶ Учитывая такую важную роль принципов права в правоприменении, хотелось бы, чтобы правоприменители при разре-

³⁶ Шафиров В.М. Проблема пробелов в праве и современное правопонимание/В.М.Шафиров //Российское правосудие. – 2012. – №10.

шении конкретных дел все больше и активнее руководствовались не только нормами права, но и принципами тоже.

Принципами права необходимо руководствоваться и в правопонимании, и в правотворчестве, и особенно в правоприменении. При этом сфере правоприменения необходимо не только глубокое знание норм законодательства, но и умение соотносить конкретные факты дела и нормы законодательства на предмет их соответствия общим и конституционным принципам права.

Литература

Ершов В.В. Правопонимание, правотворчество и правореализация: современные теоретические и практические проблемы/В.В.Ершов// Российское правосудие. – 2019. – №1. – С.5.

Шафиров В.М. Проблема пробелов в праве и современное правопонимание/В.М. Шафиров // Российское правосудие. – 2012. – №10.

Шафиров В.М. Проблемы принципов права и конституционное правопонимание/В.М. Шафиров // Российское правосудие. – 2017. – №6.

Плотникова Инна Николаевна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного права им. проф. И.Е. Фарбера
ФГБОУ ВО СГЮА

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Тема о правовых основаниях введения ограничений прав граждан в период чрезвычайных ситуаций стала особенно актуальной в 2020 г. во время распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019, угрожающей здоровью и жизни человека. Первый вопрос, который возник: какие меры необходимо было принять, чтобы они соответствовали Конституции РФ и федеральным законам?

Российской юридической наукой выделяются следующие виды чрезвычайных правовых режимов: «правовой режим чрезвычайного положения; правовой режим чрезвычайной ситуации; правовой режим военного положения; правовой режим военного времени; правовой режим контртеррористической операции; правовой режим особо опасных объектов»³⁷. Как отмечено в докладе СПЧ, экспансия пандемии COVID-2019 потребовала вве-

³⁷ Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дисс. ... канд.юрид. наук/Т.Н.Шмидт. – Барнаул, – 2014. – С. 9.

дения ряда ограничительных мер³⁸, которые в этой ситуации могли быть урегулированы: Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – Закон о защите населения), Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

Тем не менее, нельзя сказать, что положения о чрезвычайных ситуациях в России четко регламентированы. В ФКЗ «О чрезвычайном положении» указано, что оно вводится при наличии обстоятельств, устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер, в том числе, чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, экологических ситуациях, требующих проведения масштабных аварийно-спасательных и иных работ. В Законе о защите населения тоже дается трактовка понятия «чрезвычайные ситуации», которое в целом незначительно отличается по смыслу от вышеизложенного в ФКЗ «О чрезвычайном положении», характеризуясь также отсутствием положения о необходимости проведения *масштабных* аварийно-спасательных работ. В данном законе предусмотрены режимы функционирования органов управления: обычный - повседневной деятельности, повышенной готовности – в связи с угрозой возникновения чрезвычайной ситуации, чрезвычайной ситуации – при ее возникновении и ликвидации. В ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» термин «чрезвычайная ситуация» не употребляется, однако – ограничительные мероприятия (карантин) могут предусматривать *особый* режим хозяйственной деятельности и ограничение передвижения населения, транспортных средств, товаров и грузов. Таким образом, имеется возможность дополнительных ограничений права на предпринимательскую деятельность в период действия данных мер, без введения каких-либо чрезвычайных режимов.

Какой же ограничительный режим был установлен на территории России в связи с распространением COVID-19? Субъектами Российской Федерации был введен режим *повышенной готовности*. Первой его учредила Республика Бурятия (Постановление Правительства Республики Бурятия от 07.02.2020 № 72-р), затем, в начале и середине марта 2020 г. - все субъекты Российской Федерации. Указанными постановлениями были утверждены меры по приостановлению деятельности многих предпринимателей и юридических лиц.

В марте 2020 г. (при показателях заболеваемости COVID-2019 – прирост заболевших 163 чел. за сутки - на 24 марта 2020 г. в России)³⁹ Президи-

³⁸ Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по теме «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс] // URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/687/> (дата обращения: 11.02.2021).

³⁹ Коммуникационный центр Правительства РФ. Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом 25 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: https://xn--80aefpbebagmfblc0a.xn--p1ai/ai/doc/72/attach/2020-03-25_coronavirus_government_report.pdf (дата обращения: 11.02.2021).

дент РФ предпринял срочные меры в рамках обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, издав 25 марта 2020 г. Указ № 206 об объявлении в России нерабочих дней, который, вызвал много резонных вопросов. Как квалифицировать понятие «нерабочие дни»? Из каких средств их оплачивать предпринимателям? Какие конкретные предприятия вправе работать, какие нет? Вопросы компенсации оплаты нерабочих дней в Указе решены не были. В связи с этим заметим, что в соответствии со ст. 8 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», индивидуальные предприниматели и юридические лица имеют право на возмещение *в полном объеме вреда* при осуществлении санитарно-противоэпидемических мероприятий, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Однако, Закон о защите населения такой нормы не содержит, закрепляя в ст. 18 общее положение о том, что граждане РФ имеют право на возмещение ущерба, который был причинен их здоровью и имуществу ввиду чрезвычайных ситуаций. Единый порядок возмещения вреда предпринимателям не был разработан и после издания Указа Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239, указывающего на возможность введения в регионах режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, приостановления деятельности большинства предприятий и организаций. В дальнейшем, Правительством РФ были реализованы отдельные мероприятия, частично компенсирующие затраты субъектам бизнеса в результате распространения (COVID-2019). Приняты решения о предоставлении субсидий из федерального бюджета: субъектам малого и среднего предпринимательства в размере 12130 руб. на одного работника в апреле и мае 2020 г. (Постановление Правительства РФ от 24 апреля 2020 г. № 576) и некоторым иным субъектам не в связи с реализацией норм какого-либо закона. Другие финансовые меры в основном касались переноса сроков фиксированных платежей, снижения страховых взносов, реструктуризации кредитов, продления лицензий и т.д. Таким образом, *возможно констатировать отсутствие наличия единых правил по возмещению ущерба предпринимателям ввиду приостановления их деятельности вследствие введения режима повышенной готовности и чрезвычайных ситуаций.*

1 апреля 2020 г. в срочном порядке были внесены изменения в Закон о защите населения, согласно которым, право введения режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации на всей территории России или ее части было предоставлено Правительству РФ. Органы государственной власти субъектов РФ были наделены полномочиями по установлению *дополнительных обязательных правил поведения для граждан и организаций при введении режимов повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.* Полагаем, что ситуация с введением ограничительных мер в период пандемии коронавируса еще более ярко высветила проблему законности, обосно-

ванности и соразмерности ограничений прав граждан⁴⁰, в том числе – права на предпринимательскую деятельность. Можно объяснить данный факт тем, что в мирное время за последние 100 лет человечество не сталкивалось с такими угрозами, ввиду чего сложно было сразу предугадать масштабы их распространения и опасности для жизни граждан и предложить адекватные и пропорциональные механизмы правового регулирования.

Заметим, что ч. 3 ст. 55 Конституции РФ позволяет ограничивать права граждан только федеральными законами в строго определенных целях. Норм о делегированном законодательстве (временном расширении полномочий исполнительной власти по поручению парламента – институте, известном конституционному праву зарубежных стран) в Конституции России не содержится, в связи с чем, у многих граждан, юристов, судей, возникли обоснованные вопросы о законности принятых в период пандемии коронавируса ограничительных мер⁴¹.

В частности, Протвинским городским судом Московской области был направлен запрос в Конституционный Суд РФ о соответствии Конституции РФ одного из подпунктов постановления Губернатора Московской области о введении режима повышенной готовности от 12 марта 2020 г., в связи с тем, что данное постановление издано с превышением полномочий и ограничивает право граждан на свободу передвижения. Конституционный Суд РФ, тем не менее, признал не противоречащим Конституции РФ подп. 3 п. 5 указанного постановления, поскольку установление этого положения «было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную...опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), вводимые им меры не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств, были кратковременными, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве»⁴², обосновывая свое решение, в том числе, довольно абстрактными и неопределенными формулировками: принятие государством вынужденных временных ограничительных мер имеет направленность на *самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы* и тем самым является проявлением *одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества*. Однако, отметим, что положения о

⁴⁰ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

⁴¹ Гулакова В.Ю. Касторнов Н.С. Об организационно-правовых мерах борьбы с пандемией в России// Базис. 2020. – № 1 (7). – С. 26-29; Клишас оценил введение всеобщего режима изоляции в Москве. РИА НОВОСТИ. 29.03.2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20200329/1569326871.html> (дата обращения: 14.02.2021).

⁴² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // «СПС КонсультантПлюс».

социальной солидарности и взаимном доверии государства и общества закреплены в ст. 75.1 Конституции РФ в контексте обязанностей государства по обеспечению устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан, но не ограничений их прав. Также, можно ли считать данные ограничения соразмерными, если в период пика заболеваемости в конце декабря (прирост заболевших на 24 декабря 2020 г. - 29018 чел. в России за сутки) указанные меры были значительно смягчены⁴³?

В связи с изложенным, представляется настоятельно необходимым:

- 1) системно – аналитическая проработка научным сообществом, уполномоченными органами адекватности и пропорциональности применяемых ограничительных мер в отношении прав граждан органами государственной власти в период чрезвычайных ситуаций, соотнесения их с гарантиями социальных и экономических прав личности;
- 2) внесение необходимых изменений в федеральные законы с целью упорядочения правового регулирования чрезвычайных режимов и механизмов возмещения вреда предпринимателям при осуществлении противоэпидемических мероприятий;
- 3) внесение дополнений в Конституцию РФ положений о возможности делегирования законодательных полномочий органам исполнительной власти в целях соблюдения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о допустимости ограничения прав человека и гражданина *федеральным законом*.

Литература

Гулакова В.Ю. Касторнов Н.С. Об организационно-правовых мерах борьбы с пандемией в России/В.Ю.Гулакова// Базис. 2020. – № 1 (7). – С. 26–29.

Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дисс. ...канд. юрид. наук/Т.Н.Шмидт – Барнаул, – 2014. – 191 с.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса/ Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

⁴³ Коммуникационный центр Правительства РФ. Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом 25 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/ai/doc/710/attach/2020-12-25_coronavirus_govern (дата обращения: 11.02.2021).

Пресняков Михаил Вячеславович,

д.ю.н., профессор кафедры служебного и трудового права
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (РАНХиГС)

«Когда Платон дал определение, имевшее большой успех: „Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев“, Диоген оципал петуха и принес к нему в школу, объявив: „Вот платоновский человек!“. После этого к определению было добавлено: „С широкими ногтями!“»
(Слотердайк П. Критика цинического разума/Перев. с нем. А. В. Перцева.— Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001.— 584 с.).

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРАВА КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ:
О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА⁴⁴**

В конституционной формуле статьи 2 Конституции Российской Федерации – «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», как представляется в одном понятийном ряду, объединяются разноплановые понятия. Права и свободы — это юридический концепт, лежащий в основе правового статуса субъекта права, т.е. «человека юридического». Человек же сам по себе представляет собой биологическое существо и получает юридическую концептуализацию как «лицо» или «субъект». Это понятие является неоперациональным для юриспруденции. О человеке как таковом закон говорит только в том случае, когда он выступает объектом какого-либо действия, имеющего юридическое значение: «похищение человека», «трансплантация органов человека» и т.п.

В этой связи весьма интересной представляется концепция формирования юридической реальности («реальности права»), предложенная известным конституционалистом, Судьей Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиевым. Возникновение этой специфической, но вполне самостоятельной, реальности Гадис Абдуллаевич связывает с появлением в римском праве понятия «persona» как отправной точки юридической мифологизации реальности. Слово «персона» буквально означает маску актёра, играющего определённую роль. Карл Густав Юнг охарактеризовал понятие «персона» как архетип, выражающий связь (компромисс) между индивидуальным и социальным — это роль индивида, которую пишет социум. Появление концепта «персона» связано с социальной фрагментацией человеческой личности. Юнг в этом смысле писал: «Отсутствие единства с самим собой есть признак цивилизованного человека⁴⁵». Как отмечается в философско-психологической литературе, «собственное значение персоны суть отражение цивилизованного, а значит, сегментированного общества.

⁴⁴ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00418 А «Конституционный принцип правовой определенности в механизме реализации прав и свобод человека».

⁴⁵ Юнг К. Г. Психология бессознательного /К.Г. Юнг/ пер. с англ. 2-е изд.. –М.: Когито-Центр, 2010. – 352 с.

Оно, увы, уже не целостно, не целостен и включенный в систему соответствующих ему отношений человек⁴⁶».

Юриспруденция в принципе не в состоянии оперировать понятиями реальной личности со всеми ее индивидуальными страстями и интересами, как математика не может охватить мир реальных явлений, где нет идеального круга, прямой или точки. Поэтому она так же, как и математика создает свой концептуально-категориальный аппарат, посредством которого формирует собственную «картину мира»: появляется субъект права, субъективные права и обязанности, психические переживания замещаются понятиями умысла и т.п.

В рамках этой реальности нет места человеку как таковому: вместо него появляется субъект права – носитель абстрактных прав и обязанностей. Кстати, в данной реальности нет и «прав человека»: даже сам термин «права человека» характерен только для конституционного и, пожалуй, международного права - в текущем же, отраслевом законодательстве, как правило, речь идет о правах собственника, работника, подозреваемого и т.п. Поскольку человек объективно отсутствует в «реальности права», замещается «лицом» или «субъектом», то и «права человека» не могут быть порождением этой юридической среды – для их возникновения необходим акт трансгрессии за пределы «реальности права».

Но наряду с конструктом «реальности права» Г.А. Гаджиев считает необходимым выделять концепт «правовая реальность». Это - более глубокий слой бытия права, в котором оно находит точку своего зарождения и развития. То, что сейчас принято называть правами человека также рождается в глубине правовой реальности.

Правовая реальность в целом, по мнению Гадиса Абдуллаевича, включает в себя несколько «измерений», однако ее «сердцевиной», центром является «конституционно-правовое концептуальное пространство», поскольку понятийный ряд, формируемый в данном пространстве, является наиболее «широким» и универсальным по отношению к другим отраслям права.

Возникнув «в гуще жизни» естественные права и свободы «могут быть охарактеризованы как непоименованные в тексте конституций, т. е. официально не признанные до поры до времени»⁴⁷. Конституционное признание («конституционная позитивация») естественных прав переводит такие непризнанные «протоправа» из явлений правовой реальности в область реальности права. При этом данный процесс трансляции правовых притязаний в конституционные права носит перманентный характер.

Однако, сам процесс «конституционной позитивации» основных прав здесь вторичен: он не осуществляется «на пустом месте», чтобы не говорили сторонники «конституционной идентичности». Только признание прав человека в качестве собственной субстанциональной реальности дает до-

⁴⁶ Зайцев П. Л. Персона и цивилизация: неархаические смыслы «последнего» архетипа К.Г. Юнга/П.Л.Зайцев // Вестник Омского университета. –2018. –Т. 23, –№ 4. – С. 147.

⁴⁷ Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности)/Г.А. Гаджиев. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. – С.32.

статочную энергию для акта трансгрессии за пределы юридической реальности к «жизненному миру» человека. Именно права человека послужили «общим знаменателем» для интеграции самых различных государств в единое конституционно-правовое пространство.

Это связано с тем, что основные права и свободы обладают собственной онтологической реальностью, не зависящей от позитивации в каких-либо правовых актах. Выдающийся советский правовед С.С. Алексеев говорил о переходе от традиционного представления о субъективных правах к «праву человека», обладающему собственной онтологической реальностью как об одном из важнейших «поворотов» в развитии юриспруденции. «Обретение же правами человека непосредственно юридического значения и действия (и тем более их воплощение в юридических конструкциях и специфических юридических принципах) означает, что они возвышаются до уровня объективного права – процесс, в результате которого и они сами, права человека как субъективные явления, становятся полнокровными юридическими правами, со всем набором юридических средств, механизмов, юридических процедур»⁴⁸.

После осознания самостоятельной реальности прав человека «пуповина» между ними и позитивным правом оказалась разорвана: вдруг выяснилось, что «математика права» не в силах преодолеть многообразие и сущностную неопределенность «жизненного мира». Единое конституционное пространство, прежде всего, как пространство общепризнанных прав и свобод состоялось как демифологизация человека - возвращение от «персоны» к человеку.

Литература

Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности)/Г.А. Гаджиев. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.

Зайцев П. Л. Персона и цивилизация: неархаические смыслы «последнего» архетипа К.Г. Юнга/П.Л. Зайцев// Вестник Омского университета. – 2018. –Т. 23, – № 4. – С. 147.

Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике: Сборник статей, посвященный 70-летию С.А. Хохлова / С.С. Алексеев, В.С. Белых, В.В. Витрянский и др.; под ред. С.С. Алексеева. – М.: Статут, 2011. –368 с.

Юнг К. Г. Психология бессознательного/К.Г. Юнг/ пер. с англ. 2-е изд., –М.: Когито-Центр, 2010. –352 с.

⁴⁸ Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике: Сборник статей, посвященный 70-летию С.А. Хохлова / С.С. Алексеев, В.С. Белых, В.В. Витрянский и др.; под ред. С.С. Алексеева. М.: Статут, 2011. 368 с.

Северухин Владимир Александрович,
к.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права
колы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,
Новикова Ирина Павловна,
юрист Адвокатского бюро «Система защиты»

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Действующее в России законодательство регулирует права и обязанности государства и граждан в различных чрезвычайных ситуациях. В зависимости от степени угрозы населению государство вправе вводить различные правовые режимы. Это, прежде всего, режим повышенной готовности, действующий в стране в настоящий период времени. Полномочия государственных органов определяются самим государством и должны быть разъяснены гражданам и организациям. В основе всех законодательных актов фиксируются права и обязанности государства и граждан, предусмотренные Конституцией.

В настоящее время действует Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в ред. от 23.06.2020 №185-ФЗ, от 08.12.2020 №429-ФЗ. Этот нормативный акт определяет для Российской Федерации организационно-правовые нормы в области защиты населения, а также земельного, водного и воздушного пространства в пределах РФ. Кроме того, он распространяется на объекты производственного и социального назначения и окружающей среды от чрезвычайных ситуаций.

Следует обратить внимание, что этот закон может начать действовать уже при «угрозе возникновения чрезвычайной ситуации (далее ЧС)». Государственная власть наделена широким спектром полномочий. В частности, она вправе ограничивать доступ людей и транспорта на определенные территории; определять порядок использования транспорта, средств связи; приостанавливать деятельность организаций и принимать другие меры, обусловленные чрезвычайной ситуацией. Граждане обязаны соблюдать правила, которые введены властями в режиме ЧС. Необходимо подчеркнуть, что режим ЧС — это ситуация форс-мажора. Договорные обязательства теряют свою силу и государство принимает на себя все издержки граждан и организаций. Аналогичная ситуация и при режиме «карантин».

Наиболее жестким правовым режимом является – «чрезвычайное положение (ЧП)». Он регулируется специальным законом и может быть введен только Президентом. В этом случае власти могут ограничивать «свободу передвижения, свободу собраний, движение транспорта». Этот режим предусматривает право на введение комендантского часа, т.е. запрет находиться на улице и в иных общественных местах в определенное время суток.

Законодательство различных стран на период чрезвычайных ситуаций разнообразно. Оно учитывает различные варианты, особенности национально-исторических условий его применения, реальные возможности государства.

Что общего для различных государств в случае чрезвычайных ситуаций. Это необходимость:

- для исполнительной власти принимать экстренные меры.
- ограничения на определенные периоды времени на определенных территориях некоторых прав и свобод граждан, предусмотренных конституцией.
- предвидения особенностей восприятия населением ограничительных мер.
- учета реальных экономических и финансовых возможностей государства.

Как правило, чрезвычайные ситуации невозможно или трудно предвидеть. Некоторые пояснения. Для демократических государств, где действует принцип разделения властей, необходимо понимание усиление роли исполнительной власти. Это неизбежно. Необходимость ограничения конституционных прав и свобод граждан на период чрезвычайных ситуаций требует гибкого и дифференцированного подхода. Это выражается в умении вводить ограничения лишь на определенной территории, или для определенного круга лиц, или на определенный период времени. В тоже время в зависимости от ситуации государство обязано оказывать помощь, в том числе и материальную, отдельным категориям граждан.

О восприятии населением ограничительных мер. Вопрос непростой. Население различных стран по-разному воспринимает ограничительные меры, исходящие от власти. Наглядным подтверждением служит период пандемии 2019–2021 годов. Так, в Китае все ограничения, исходящие от правительства, исполнялись, воспринимались как нужные и неизбежные. В европейских странах, в той же Франции, Чехии и др. проходили демонстрации протестов по поводу ограничительных мер, которые противоречат нормам конституции. Можно, конечно, привести аргумент, что в Китае в городах все население находится под камерами видеонаблюдения. Но результаты по противодействию коронавирусу в этой стране оказались эффективными.

О финансовой и экономической помощи населению и организациям в период чрезвычайных ситуаций. В ряде случаев государство — это обязано делать. Объем и периодичность этой помощи определяется властью соразмерно возможностям государства и оценке их ущерба.

В основе жизни демократического общества верховенство права признается на национальном и международном уровнях. Как это следует понимать. Прежде всего, это приверженность государств целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, международному праву и правосудию, а также международному порядку на основе верховенства права. (См.: Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях.

Принята резолюция 67/1 Генеральной Ассамблеи от 24 сентября 2012 года). Данный документ является основой для всех демократических государств.

Следует отметить, что ни национальное законодательство, ни международное право не в состоянии предвидеть и предусмотреть все варианты чрезвычайных ситуаций. Это означает, что в экстремальных условиях правительства государств должны сами определять возможность государственной власти ограничивать права граждан, организаций, конкретизируя эти ограничения к определенной территории, к определенному кругу лиц и организаций и периоду времени или обстоятельствам.

Многообразие чрезвычайных ситуаций, время их появления и последствия предвидеть трудно. Крупномасштабный экономический кризис (COVID19) выявил необходимость рекомендовать государствам общие подходы и требования для обеспечения в этих условиях верховенства права и прав человека. Действующие нормы международного права и национального законодательства регулируют определенные виды непредвиденных ситуаций.

Совет Европы 07 апреля 2020 г. подготовил информационный документ SG/Inf (2020)11 «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса COVID19. Руководство для государств-членов, далее SG/Inf (2020)11». Сам документ носит рекомендательный характер. Такой подход придает этому документу универсальный характер. Его цель – предоставить правительствам инструментов, чтобы в условиях кризиса обеспечить верховенство права и прав человека с учетом особенностей различных государств.

Первое что нужно отметить это понимание авторами этого документа необходимости отступления от соблюдения государствами своих обязательств в чрезвычайных ситуациях. Основной критерий: оправдают ли принимаемые им меры в зависимости от характера и масштаба ограничений прав и свобод. Предоставление властям государств широкой свободы усмотрения не исключает оценку этих отступлений от соблюдения ими обязательств, как участников Конвенции.

Если государство вынуждено отступить от соблюдения обязательств, предусмотренных Европейской Конвенцией о правах человека, то необходимо проинформировать Генерального секретаря Совета Европы о мерах и причинах их принятия, а также периода действия ограничений. Но, что очень важно СЕ не допускает отступления от соблюдения государствами отдельных своих обязательств, предусмотренных Конвенцией. Это право: *на жизнь, запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания, запрещение содержания в рабстве или подневольном состоянии*. Кроме того, не допускается отступление от соблюдения обязательств *об отмене смертной казни*. При рассмотрении подобных дел ЕСПЧ в соответствии с Конвенцией должен учитывать требование *о соблюдении законности и соразмерности*.

Особое внимание обращается на необходимость ограничения срока действия режима чрезвычайной ситуации и чрезвычайных мер. Следует

ограничивать и срок действия законотворческих полномочий правительства. В этих условиях рекомендуется ограниченность сферы действия чрезвычайного законодательства. Принцип необходимости предоставляет возможность достижения цели при минимальном изменении обычных норм.

Очень важным считается разграничение полномочий и проверки действий органов исполнительной власти при режиме чрезвычайной ситуации. Авторы документа подчеркивают, что парламенты должны контролировать действие органов исполнительной власти.

Что касается судебной власти. Необходимо обеспечить у судей возможности рассматривать наиболее серьезные из ограничений прав человека.

Рекомендации Совета Европы в связи с пандемией COVID19 предупреждают государства о необходимости гарантировать право на свободу и личной неприкосновенности. Данная ситуация не является основанием «для чрезмерного ужесточения уголовно-правовых механизмов». Необходимо обеспечение справедливого баланса между принуждением и профилактикой.

Отдельный раздел рекомендаций посвящен обеспечению свободы выражения мнений и информации, а также свободе средств массовой информации.

В то же время напоминает, что Конвенция допускает исключения из обычных норм о защите персональных данных в течение ограниченного периода времени. Защита персональных данных даже в обычные периоды времени в России является весьма актуальной проблемой. К сожалению, период пандемии лишь усилил эту проблему.

В период пандемии исполнительная власть в РФ действовала и действует весьма оперативно и достаточно гибко. Правовые режимы, которые вводились на территории государства определялись не только федеральным центром, но и исполнительной властью субъектов федераций. В отдельных городах вводился режим ЧС (Абакан, Элиста, Черногорск, Южно-Курильск). Власти государства избегали введения чрезвычайного положения и карантина, понимая, что они являются наиболее жесткими из режимов, хотя существенно расширяют полномочия органов власти. В большинстве случаев вводился режим «самоизоляции». При самоизоляции государство не берет на себя ответственность за издержки граждан и организаций. Они сами отвечают за свои риски в договорных обязательствах. Что можно отметить. Федеральная власть возложила на руководителей субъектов, мэров городов право самим определять правовой режим. При такой ситуации это оптимальное решение.

Режим «самоизоляции», т.е. добровольного ограничения гражданами своих прав не предполагает административной ответственности за его нарушения. Однако власти не всегда придерживались этого правила, граждан штрафовали. Ценность рекомендаций, содержащихся в SG/Inf (2020)11 в том, что в нем обозначены основные позиции международного сообщества по поводу прав человека в условиях пандемии, возможности отступления от норм Конвенции, роль законодательной и судебной властей. Этот

подход, на наш взгляд, универсален и может быть использован государствами в иных чрезвычайных ситуациях.

Стародубцев Григорий Серафимович,
д.ю.н., профессор кафедры международного права
Российского государственного университета правосудия

ИДЕЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1918 Г.

Идея свободы в русской истории берет свое начало в христианстве, где она рассматривалась как продукт божественного промысла. Идея свободы в Российской империи определялась исконной русской православной традицией, где свобода понималась как категория этическая и нравственная, а не политическая и правовая. Свобода на Руси – явление, свойственное божеству. Человек не обладает высшей степенью свободы. Человек свободен «в воле Божьей».

Именно в таком виде представление о свободе легло в основу консервативного течения, к которому на протяжении XIX и начала XX в. относились славянофилы. В это время в русской мысли зарождается представление о другой свободе. Эта свобода отражала такое отношение субъекта к своим актам, при котором он являлся их определяющей причиной. Б. Спиноза и Ф. Энгельс констатировали: «свобода – есть познанная необходимость». В XIX и начале XX в. зарождаются концепции правовых свобод, сформировалось либерально-правовое течение (*liberalis* от лат. – «свободный»), провозглашающее незыблемость прав и свобод человека. В таком виде это течение появляется и в России. Либералы в Российской Империи претендуют на идейное господство, консерваторы, отстаивают аполитичный подход к этой категории. В этой борьбе зрела идея революции.

Свобода в Российской империи стала неким идеологическим и политико-правовым эталоном. Такой идеализированный подход был воспринят революционно настроенными политическими лидерами, которые обещали через свободу решение если не всех политических и социальных проблем, то по крайней мере их большинства. Свобода, выйдя за рамки бытующих представлений о ней, становится неизменным инструментом политических и правовых манипуляций, может провозглашаться целеполагающим фактором оппозиционных настроений, лежать в основе революций. Но достижения целей свободы в результате революций, не последовало.

Статус граждан Советской России не стал предметом специального регулирования Конституции РСФСР 1918 г. Ограниченный перечень прав и свобод содержится в разделе 2 главы 5. Права и свободы адресуются только «трудящимся», а не всем гражданам.

Конституция РСФСР 1918 г. регламентирует обязанности граждан. Основной из обязанностей провозглашается труд. Труд, согласно ст.18, признается обязанностью всех граждан Советской России. Декларируется

принцип: «Не трудящийся, да не ест!». Оба пола уравнивались. Не проводились отличия между женским и мужским трудом. Свобода как естественное условие равенства не упоминается. Закреплен принцип уравнивательного распределения материальных и духовных благ. Квалифицированный труд не предоставляет преимуществ перед трудом неквалифицированным.

Среди всех прав и свобод в ст. 13 гл. 5 раздела 2 Конституции Советской России на первое место поставлена свобода совести. Она обеспечивалась за трудящимися, а также свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды, которая признавалась за всеми гражданами. Подтверждалось отделение церкви от государства и школы от церкви.

Конституция Советского государства 1918 г. подтвердила положения Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 2 февраля (20 января) 1918 г. Декрет был подписан председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным. В соответствии с Декретом церковь отделялась от государства и школа от церкви.

Анализ ст. 13 Конституции 1918 г. и последующего советского конституционного законодательства, позволяет сделать вывод о том, что в СССР свобода совести и свобода вероисповедания практически совпадали. В конституциях 1970-х гг. утверждалось, что гражданам «гарантируется свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» (ст. 52 Конституции СССР 1977 г., ст. 50 Конституции РСФСР 1978 г.) Советские конституции с 1918 г. под свободой совести понимали право выбора религиозных убеждений - исповедовать какую-либо религию или не исповедовать никакой. Создавая видимость альтернативы в вопросе свободы вероисповедания, Советское государство осуществляло антирелигиозную деятельность. Оно стремилось отдалить граждан от религии. Но это было сложнее, чем отделить церковь от государства и школу от церкви. Право выбора религиозных убеждений корректировалось мерами по превращению советских граждан в атеистов.

Идея свободы в Конституции 1918 г. концентрированно выражалась в отрицании эксплуатации человека человеком. Суть пролетарского понимания свободы - свобода от эксплуатации. Конституция Советской России 1918 г. была направлена на устранение зависимости человека, будь то мужчина или женщина, от угнетателей. Идея равенства в Конституции 1918 г. имела строго выверенное идеологическое звучание. Идея борьбы с эксплуатацией пронизывала весь текст Конституции. «...равны в свободе от эксплуатации граждане обоего пола», – провозглашалось в ней.

По итогам Октябрьской революции 1917 г. демократии достичь не удалось, хотя либерально-демократические ценности как некий идеал сопровождали революцию. В. Н. Синюков утверждает, что «советское право в научных исследованиях весьма односторонне исчерпывалось классовой природой... Теоретики [права] в советское время и его критики в постперестроечный период ничего в нем больше, в принципе, не видели. Это сугубо идеологический подход к сложным явлениям культуры, когда понятие пра-

ва выводится на орбиту высокого абстрагирования, на которой его предлагают рассматривать как универсальный спутник некоей общей цивилизации с набором идеальных характеристик – демократизма, гуманизма, равенства, справедливости и т. д., толкуемых к тому же в либеральном духе»⁴⁹.

Октябрьскую революцию 1917 г. предопределил глубокий кризис: духовный, политический, юридический – кризис системный. Значительную роль в этом кризисе сыграла идея свободы. То, как использовалась категория свободы «наводит на мысль о манипулировании массовым правосознанием посредством постановки объективно недостижимых в полном объеме задач, связанных с провозглашением свобод, в первую очередь, либерально-демократических свобод: свободы как неприкосновенности, свободы труда, свободы вероисповедания, свободы митингов, демонстраций и шествий, свободы передвижения и выбора места жительства, свободы избираться и быть избранным и других»⁵⁰.

Литература

Арустамова О. В., Ахматов А.В., Шагиева Р.В. Идея свободы в революциях октября 1917 и августа 1991: консервативный и либеральный смысл/О.В.Арустамов, А.В.Ахматов, Р.В.Шагиев //Advances in Law Studies. – 2016. – Т. 4. – № 3.

Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию/В.Н.Синюков. –М.: Норма, 2013.

Хубаева Диана Феликсовна,
аспирант кафедры конституционного права
Северо-Осетинского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ГАРАНТИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ ПОПРАВК ПРИНЯТЫХ В 2020 ГОДУ

Российская Федерация, согласно Конституции, провозглашается демократическим правовым государством. Однако история развития российской государственности гораздо сложнее, нежели, к примеру, у стран запада. Юный возраст российской демократии, скудный опыт в рыночных отношениях, как экономической основы такого политического режима, естественно отражается на темпах демократизации правовых институтов.

⁴⁹ Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию/В.Н.Синюков. – М.: Норма, 2013. – С. 159.

⁵⁰ Арустамова О. В., Ахматов А.В., Шагиева Р.В. Идея свободы в революциях октября 1917 и августа 1991: консервативный и либеральный смысл /О.В. Арустамов, А.В. Ахматов, Р.В.Шагиева//Advances in Law Studies. – 2016. Т. 4. –№ 3. –С.7

Подтверждением того, что Российская Федерация только на пути к истинно демократическому типу устройства, является и огромное количество законодательных новелл, уточнений и поправок, практически ежедневно вносимых в федеральное законодательство. Так за 2020 год принято Государственной Думой 550 законопроектов из них 8 это Федеральные конституционные законы. Такой активный законотворческий процесс обусловлен, в том числе незрелостью демократии и иллюстрирует ее развивающийся характер.

Новшества не обошли стороной и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Данный федеральный закон за свою 18 летнюю историю претерпел уже более 100 изменений. В данной статье мы проанализируем, только те поправки, которые были внесены за 2020 год.

Прежде чем перейти непосредственно к поправкам, касающимся избирательного законодательства, вкратце озвучим важнейшие на наш взгляд изменения законодательства, произошедшие в данный период.

Следует отметить, что, несмотря на ограничительные меры и повсеместно введенный режим повышенной готовности в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции, Государственная дума в 2020 году работала активно. Так был довольно большой блок законопроектов, которые вносились правительством и довольно быстро одобрялись Государственной думой. Это меры поддержки, налоговые льготы и наряду с этим многочисленные упрощения правил государственных закупок для самого правительства, введение мер административной и уголовной ответственности за нарушение эпидемиологических предписаний, введение уголовной ответственности за распространение ложной информации⁵¹.

Вот на таком законотворческом фоне были приняты нововведения, которые можно характеризовать, как ограничения избирательных прав граждан.

Так были приняты новшества, напрямую ведущие к ограничению пассивного избирательного права. Напомним пассивное избирательное право это право гражданина быть избранным в представительные органы власти⁵².

Так, если раньше пассивное избирательное право ограничивалось только для людей с судимостями за тяжкие и особо тяжкие преступления, то теперь в этот список попадает целый ряд преступлений средней тяжести, например мошенничество и так называемые наркотические статьи. И если подобные ограничения можно оправдать с точки зрения этики и морали, то вот ограничения, связанные с преступлениями против общественной безопасности или именуемые в народе политическими статьями вызывают некоторое негодование.

⁵¹Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса/ Н.Н.Черногор, М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

⁵² Нудненко Л.А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации/Л.А.Нудненко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 57

Так, согласно нововведениям, принятым в 2020 году (п.3.2. ст. 4 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020)), не имеет право избираться в органы власти гражданин, осужденный по статье ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее-УК), диспозиция которой звучит следующим образом: неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Так же лишается права быть избранным, тот, кто осужден за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК), либо осужденный за применение насилия к представителю власти (ст.318 УК).

Также значительные изменения коснулись порядка сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов. В первую очередь эти нововведения коснутся, тех кандидатов, которые не выдвигаются от партии.

Так, появилась новая норма (п.16.1, ст. 37 Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.09.2020)) о том, что половину подписей избирателей в поддержку своего выдвижения можно собирать с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций).

Такую инициативу можно назвать позитивной, в контексте того, что зачастую при ручном сборе часть подписей отбраковывалась в ходе экспертизы графологами Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее-МВД), как ненадлежащие. При этом объяснений такого решения не давалось, и процедуры обжалования данного решения законодательством предусмотрено не было. Однако в мае 2020 года, к соглашению о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и МВД от 2 сентября 2016 г. №08/14295-2016/1/8913, было подписано дополнительное соглашение, согласно которому, теперь в ответах территориальных органов МВД будут указываться конкретные данные о несоответствии тех или иных сведений, содержащихся в подписном листе. То есть теперь, графологи МВД обязаны указывать, в чем состоит ошибка, из-за которой они забраковали подписные листы. Не ясно, как такая поправка повлияет на сам факт регистрации, ведь проблема состояла не столько в том, что ранее не сообщалось в чем ошибка, сколько в том, что не было механизма чтобы это решение оспорить, в том числе в суде. Вышеупомянутое соглашение по-прежнему не предусматривает процедуру обжалования, что, несомненно, является отрицательным фактором и преградой на пути регистрации кандидата на выборную должность.

Кроме того, согласно поправкам, вдвое снижается процент брака, при котором, можно отказать кандидату в регистрации с 10 процентов до 5. Что также делает новацию о сборе 50 процентов подписей с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) не столь привлекательной.

Затрудняют регистрацию в качестве кандидатов в депутаты, также поправки связанные с расширением круга лиц причисляемых к иностранным агентам (п.6 ст. 2, Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О некоммерческих организациях»). Так, учитывая, что нормами избирательного законодательства РФ иностранным агентам запрещается вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, тот факт, что теперь к иностранным агентам причислены, в том, числе некоммерческие организации, получающие средства от граждан Российской Федерации получающих либо действующих в качестве посредников при получении денежных средств из иностранных источников, фактически лишает большую часть оппозиционных политиков пройти процедуру регистрации в качестве кандидата на выборные должности.

Отдельно нужно упомянуть о том, что пандемия значительно ускорила дальнейшее внедрение электронного голосования. Данный вид голосования также сложно оценить однозначно. Ведь учитывая низкий уровень доверия российского населения к избирательной системе в целом, скорее всего оно будет восприниматься как инструмент фальсификаций.

Такие опасения вполне обоснованы, так как при таком типе голосования не предусмотрена возможность общественного контроля. Можно предположить, что существует некоторый оператор системы, на котором лежит ответственность за честность процесса голосования, но перед кем он отчитывается и какой механизм контроля над его действиями? К сожалению ответа, на эти вопросы, как и реально действующего механизма, для отслеживания и пресечения фальсификаций в процессе электронного голосования в российском законодательстве не предусмотрено. Кроме того, следует отметить опасность утечки персональных данных граждан при электронном голосовании, что, конечно, также нужно отнести к минусам такого голосования.

Повсеместно вводится и возможность надомного и досрочного голосования. Ранее такие формы применялись для инвалидов или в связи с болезнью, теперь же список тех, кто имеет право голосовать вне помещения для голосования расширяется с включением, в него тех, кто ухаживает за лицами, в этом нуждающимися, а также появляется довольно размытая формулировка, позволяющая голосовать заочно « по иным уважительным причинам, не позволяющим прибыть в помещение для голосования» (ст. 83 ФЗ от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 31.07.2020) .

Также, в целях создания условий для защиты здоровья участников голосования и создания максимального удобства для реализации гражданами избирательных прав, законодатель расширяет возможность досрочного голосования (ст.65 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.09.2020). Понятно, что данные новеллы стали отражением эпидемиологической ситуации в стране, и приняты на случай невозможности очного голосования, в условиях, когда было необходимо провести плебисцит по конституционной

реформе 2020 года. Хотя, нужно оговориться, что правовая необходимость данного голосования до сих пор подвергается сомнению, учитывая, что задолго до него все конституционные процедуры уже были внесены.

Однако никаких оговорок о сроках действия таких поправок нет. Значит действие свое они продолжат и после стабилизации эпидемиологической обстановки в стране. То есть и тогда, когда весомых оснований для такого упрощения процедуры голосования не будет, что естественно вызывает серьезные опасения относительно качества контроля за ходом всех последующих выборов.

Анализ изменений, внесенных в 2020 году, так или иначе затронувших избирательное законодательство, к сожалению, сложно охарактеризовать позитивно.

Ужесточение сбора подписей, снижение процента допустимого брака среди них, повышение барьера для не допуска любых непартийных кандидатов, по сути, приведут к ограничению пассивного избирательного права. В результате образуется большой пласт людей, которые становятся, отсечены от возможности баллотироваться на любом уровне.

Литература

Нудненко Л.А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. Монография. – М., Юрлитинформ, 2016. – 378 С.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса/ Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

РАЗДЕЛ II.
**«СУБЪЕКТ ПРАВА И ДИНАМИКА ЕГО ПРАВОВОГО СТАТУСА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»**

Альбертий Юлия Владимировна,
младший научный сотрудник Университета Прокуратуры
Российской Федерации

**РОЛЬ СУБЪЕКТА ПРАВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
ЗАКОННОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В современных условиях общественные отношения претерпевают существенную трансформацию, которая вызвана совокупностью разных факторов, начиная от процесса глобализации и заканчивая влиянием современных технологий⁵³. Права как средство регулирования общественных отношений также меняется вслед за ними, причем такие изменения наблюдаются и в содержательном, и в формально-юридическом отношении. Под влиянием новых технологий меняется система права, включая соотношение образующих ее элементов⁵⁴. Изменения в праве неизбежно влекут за собой формирование новой юридической теории, в большей, чем прежде, мере, отражающей современные процессы и их понимание участниками общественных отношений. Это относится и к такому устоявшемуся понятию, как законность⁵⁵.

Понятие законности широко проникло в отечественную теорию права в советский период, когда юридическая наука закономерно перешла от краткого этапа отрицания роли и значения права к выстраиванию теории правового регулирования применительно к социалистическому обществу. Законность стала рассматриваться в качестве предпосылки правопорядка, то есть той упорядоченности общественных отношений, которая достигается неукоснительным соблюдением законов⁵⁶.

В постсоветский период в теории государства и права оформилось общее понимание принципа законности как строгого и неукоснительного соблюдения и исполнения правовых предписаний всеми субъектами права.

⁵³ Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

⁵⁴ Пашенцев Д.А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 32.

⁵⁵ Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 22–37.

⁵⁶ Альбертий Ю.В. Вопросы законности и роли законов в трактовке отечественных правоведов 1920-30-х годов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 65–66.

Уже в этом проявляется роль субъектов права, так как без соблюдения ими законов режим законности, основанный на реализации соответствующего принципа, просто невозможен. Например, В.Н. Карташов содержание принципа законности раскрывает через такие его составные элементы, как верховенство закона, действия субъектов права в пределах своей компетенции, соблюдение законодательства и требования подобных действий от других субъектов права⁵⁷.

Современная постклассическая юриспруденция обращает на субъект права особое внимание. В этом прослеживаются корни социологической школы права, которая признает собственно правом только те нормы, которые получают реализацию в деятельности субъектов, наделенных правоприменительными полномочиями. По мнению И.Л. Честнова, субъект права – это центр правовой системы, так как именно от него зависит реализация права, воплощение в жизнь правовых предписаний⁵⁸.

Представители постклассической юриспруденции полагают, что законность – это не только требование соблюдать законы, но и «деятельность по его воплощению в правопорядке»⁵⁹. Если повседневная деятельность людей не совпадает с требованиями законов, ни о какой законности в ее реальном, а не догматическом выражении речь идти не может. При этом необходимо учитывать комплексный характер законности, которая охватывает собой не только запрещающие, но также и управомочивающие и обязывающие нормы.

Таким образом, современное понимание исходит из сложного, комплексного характера законности, что определяется сложностью определяющих ее общественных отношений. Это предполагает моральное наполнение законности, соотнесение ее требований с господствующими в обществе идеалами и представлениями, нравственными и юридическими критериями.

Законность – это часть социальной реальности, а последняя конструируется повседневными действиями субъектов права. Поэтому, несмотря на наличие множества законов и защищающих их правоохранительных органов, без соответствующих действий субъектов права по реализации правовых норм законность существовать не может.

Отсюда следует, что субъект права – это центральный элемент законности как особого правового принципа в его практическом воплощении. Законность неизбежно включает в себя не только требования соблюдать существующие законы, но и повседневную деятельность субъектов права по реализации норм, изложенных в данных законах. Поэтому законность не в последнюю очередь зависит от правосознания, от господствующих в конкретном обществе правовых представлений. Укрепление законности возможно в условиях сочетания контрольно-надзорной деятельности, осуществляемой правоохранительными органами, и целенаправленного правового воспитания, осуществляемого в масштабах всего общества. Результа-

⁵⁷ Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – С. 231.

⁵⁸ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

⁵⁹ Принцип законности: современные интерпретации. – М.: Проспект, 2019. – С. 37.

том станет полноценная реализация законности как основы существующего правопорядка.

Литература

Альбертий Ю.В. Вопросы законности и роли законов в трактовке отечественных правоведов 1920-30-х годов/Ю.В.Альбертий// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 1.

Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели/М.В.Залоило// Журнал российского права. 2020. – № 6. – С. 22-37.

Пашенцев Д.А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу/Д.А.Пашенцев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России/Д.А.Пашенцев, М.В. Залоило, А.А.Дорская: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Принцип законности: современные интерпретации: монография. – М.: Проспект, 2019.

Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003.

Честнов И.Л. Постклассическая теория права/И.Л.Честнов. – СПб.: Алеф-пресс, 2012.

Андреева Ирина Анатольевна,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В момент закрепления прав человека и гражданина в первых документах представление об их историчности практически полностью отсутствовало. Права человека основывались на неизменности законов разума и рассматривались как естественные, священные, неотъемлемые, словом, абсолютные. Мы сегодня прекрасно понимаем, что любая декларация прав и свобод человека – это акт, обусловленный историческим контекстом, а «способность к изменениям является их внутренним свойством»⁶⁰. Поворотным моментом в становлении прав и свобод человека стало их превращение из морально-духовных ценностей в нормативно-правовой регулятор.

⁶⁰ Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 3. С. 125.

Их юридический аспект на первых порах является минимальным. Акцент делается на прокламации прав человека, ставших субъективными правами, гарантированными государством, с целью напоминания и предохранения от ошибок (эксцессов). Но даже такой ограниченный подход был значительным шагом в утверждении современной концепции прав и свобод человека и гражданина, превращая ранее всецело подчиненного государству индивида (подданного) в гражданина. Регулятивные свойства прав человека унифицируют практику правового общения индивида и государства. Позитивация прав человека и дальнейший рост их юридического аспекта, связанный с постепенным дрейфом современного государства в сторону правового и социального государства, породившим второе и третье поколение прав человека, все-таки не аннигилировали их нравственную природу и ценность.

В связи с этим неудивительно, что проблематика рисков обеспечения фундаментальных прав и свобод человека в условиях современного динамично развивающегося общества традиционно занимает центральное место в научных юридическом, политическом, социологическом дискурсах, что актуализирует всестороннее обсуждение, в частности, проблемы влияния цифровизации на фундаментальные права человека.

Цифровая революция является серьезной глобальной проблемой для прав человека, отметила М. Бачелет, верховный комиссар ООН по правам человека, к значительным рискам для прав человека в цифровом пространстве приводят недорегулирование, чрезмерное регулирование и преднамеренное злоупотребление в этой сфере, что позволяет ей заключить, что «ни один аспект цифровой революции не может и не должен рассматриваться без учета прав человека»⁶¹.

Возникновение и развитие информационно-коммуникационных технологий кардинальным образом изменили современный мир. Однако последствия цифровизации общественных отношений неоднозначны. Обратимся к позитивным аспектам воздействия цифровизации на права и свободы человека, поскольку, действительно, «эра цифровых технологий дает совершенно новые и принципиально иные возможности реализации прав и свобод человека и гражданина»⁶². «Благодаря значительному улучшению доступа к информации и коммуникации в режиме реального времени инновации в области коммуникационных технологий стимулировали свободу выражения мнений, способствовали проведению глобальных дискуссий и способствовали развитию партисипативной демократии. Делая более слышным голос правозащитников и предоставляя им новые инструменты для сбора информации о нарушениях прав и ее обнародовании, эти мощные технологии способствуют более эффективному осуществлению прав

⁶¹ Les droits de l'homme à l'ère du numérique: peuvent-ils changer les choses? Discours liminaire de Michelle Bachelet, Haute-Commissaire des Nations Unies aux droits de l'homme. New York, 17 octobre 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/FR/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25158&LangID=F> (дата обращения: 13.02.2021).

⁶² Гончаров И. В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 9. – С. 101.

человека⁶³, - так оптимистично подытожил сложившуюся ситуацию Совет ООН по правам человека.

Можно рассмотреть ряд фундаментальных прав граждан, наиболее подверженных процессам цифровизации в положительном смысле. Например, важнейшей составляющей содержания права на образование является его доступность, в связи с чем новые современные технологии предоставляя новые инструменты обучения на различных уровнях образования от начального до высшего, а также новая образовательная методика – массовые открытые онлайн-курсы по обеспечению свободного бесплатного доступа неограниченного количества обучающихся к лекциям и другим учебным материалам, выкладываемым преподавателями ведущих вузов мира на объединённую цифровую платформу⁶⁴, могут способствовать обеспечению доступности и справедливости образования. Схожее воздействие распространение новых технологий оказывает на осуществление культурных прав, связанных с широким кругом таких вопросов, как самовыражение и творчество, доступ, содействие и участие в культурной жизни, поскольку их осуществление значительно облегчается (расширяется) благодаря технологиям, кроме того, некоторые новые технологии, такие как Интернет, обеспечивают не только доступ к культуре, но и распространение продуктов творчества. Это связано с тем, что эти новые технологии являются двусторонними средствами связи (в отличие от радио или телевидения).

Электронная демократия (e-democracy) открывает новые возможности для осуществления гражданских и политических прав (право на петицию, электронное голосование, общественные консультации, электронные отчеты в режиме реального времени), легитимизируя процессы принятия политических решений. Нет сомнения в том, что это меняет роль традиционных форм и институтов реализации политических прав – средств массовой информации, политических партий. Путем умножения средств коммуникации, выражения мнений, политической мобилизации, изменения отношений между правящими и управляемыми, цифровые средства меняют способы участия граждан в политической жизни⁶⁵.

Наконец, вполне справедливо исследователи чаще всего акцентируют внимание на вкладе цифровых технологий в осуществление свободы выражения мнения, обмена информацией и права на информацию. «Цифровые технологии не расширили сферу свободы выражения мнений, а усилили

⁶³ Le droit à la vie privée à l'ère du numérique. Rapport du Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'homme [Электронный ресурс] // URL: https://www.ohchr.org/Document/As-HRC-27-37_fr (дата обращения: 13.02.2021).

⁶⁴ Александров А.Ю., Верещак С.Б., Иванова О.А. Цифровизация российского образовательного пространства в контексте гарантий конституционного права на образование // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 73–82; Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 99–119; Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование // Право и образование. 2020. № 8. С. 29–34; и др.

⁶⁵ Bonnet J., Türk P. Le numérique: un défi pour le droit constitutionnel // Les Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2017. №4 /57 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cairn.info/revue-les-nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel-2017-4-page-13.htm> (дата обращения 13.02.2021).

действенность этого права. Можно даже утверждать, - отмечают в докладе члены комиссии Национальной Ассамблеи Франции по изучению прав и свобод в цифровую эпоху, - что с интернетом это право, долгое время, зарезервированное для лиц, имеющих доступ к традиционным средствам массовой информации (печатным, аудиовизуальным), перестало быть теоретическим для большей части общества»⁶⁶. Стоит надеяться, что эти технологии позволят полнее реализовать право на собрания и ассоциации, в том числе через форумы и социальные сети.

Можно было продолжить и значительно углубить анализ воздействия цифровых инструментов на реализацию прав и свобод человека, обосновывая его значительный потенциал в данном направлении, эти технологии могут стать мощным инструментом для решения многих проблем в области прав человека. Однако в не меньшей степени цифровизация вызывает вопросы и опасения. Так, другой стороной активизации граждан в рамках электронной демократии являются такие негативные явления как «кликтивизм», метаголосование, самоутверждение, электронное финансирование, «ботивизм» и т.д. Но самое главное состоит в том, что возможности нарушений прав и свобод человека, так или иначе связанных с информационно-коммуникационными технологиями, практически безграничны.

Таким образом, существует очень много проблем в области прав человека, которые так или иначе связаны с цифровыми технологиями. Освоение нового пространства осуществления прав и свобод требует изменения их гарантий, содержания, а также развития прав нового поколения, таких как право на забвение, свобода доступа в интернет или право на доступ к открытым данным, основы и контуры которых должны быть уточнены.

Имея сложную природу, будучи не только юридическими по содержанию, но оставаясь в своей сущности нравственными идеями, права человека вносят нравственный компонент в деятельность государства. Именно в таком своем качестве они могут стать основой, «маяками» регулирования информационно-коммуникационных технологий в целях его совершенствования и приведения его в соответствие с соответствующим идеалом, указывая, какие цели должны быть достигнуты и какой вред должен быть предотвращен⁶⁷.

Литература

Bonnet J., Türk P. Le numérique: un défi pour le droit constitutionnel // Les Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2017. №4/57 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cairn.info/revue-les-nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel-2017-4-page-13.htm>

⁶⁶ Rapport d'information déposé par la Commission de réflexion et de propositions sur le droit et les libertés à l'âge du numérique M. Christian Paul, co-président Mme Christiane Féral-Schuhl, co-présidente [Электронный ресурс] // URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/14/rapports/r3119.asp> (дата обращения 13.02.2021).

⁶⁷ Талапина Э.В. Указ. соч. С.141.

Александров А.Ю., Верещак С.Б., Иванова О.А. Цифровизация российского образовательного пространства в контексте гарантий конституционного права на образование/А.Ю.Александров, С.Б.Верещак, О.А.Иванова // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 10.

Гончаров И. В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений/И.В.Гончаров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. –2019. – № 9.

Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации/А.Т.Карасев, О.А.Кожевников, В.А.Мещерягина// Антиномии. –2019. –Т. 19. Вып. 3. –С. 99–119.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование/Д.А.Паенцев, М.В.Залоило// Право и образование. –2020. –№ 8. –С. 29–34.

Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху/Э.В.ТАЛА // Труды Института государства и права Российской академии наук. –2019. – № 3. – С. 125.

Атоян Марианна Робертовна,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

НОТАРИУС КАК СУБЪЕКТ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Субъект права представляет собой важное понятие, которое имеет прямое отношение как к теории, так и к юридической практике. Субъект права, с позиций классической юридической науки – это человек, наделенный определенными правами и обязанностями, позволяющими ему принимать участие в правовой жизни общества, осуществлять реализацию права. Также субъектом права может быть и государство, и юридическое лицо. По нашему мнению, к числу субъектов права можно отнести и нотариуса, так как нотариус в силу своего особого правового положения наделен некоторыми важными правами и полномочиями, которые отличают его от всех иных субъектов, действующих в правовом пространстве. Установленный законодательством особый статус нотариусов позволяет им своими действиями реализовывать право, используя при этом все возможные формы такой реализации, включая применение.

Представляет интерес обращение к правовому статусу нотариусов как субъектов права в период Российской империи, когда отечественный нотариат только бы создан и развивался путем проб и ошибок в непростых социально-экономических и политических условиях. Есть основания полагать, что особенности правового статуса нотариусов в дореволюционной России зависели не только от воли законодателя, но и в существенной мере

определялись существовавшей правовой традицией, а также спецификой ее практического воплощения⁶⁸.

Правовой статус нотариусов в Российской империи определялся нормами «Временного положения о нотариальной части», принятого в 1866 г. Этот акт устанавливал требования к кандидатам на должность нотариусов, но при этом отсутствовал образовательный ценз, что негативно оценивалось современниками⁶⁹.

Минимальный возраст для кандидатов в нотариусы устанавливался в 21 год, что также вызывало критику, так как в таком возрасте у человека может еще не быть достаточно жизненного опыта и зрелости для исполнения важных функций, порученных нотариату.

Правовой статус нотариусов можно охарактеризовать как достаточно «неопределенный» и противоречивый. С одной стороны, нотариусы числились на государственной службе, с другой стороны, они не получали при этом жалования, подобно иным государственным чиновникам. Не получая жалования, нотариусы не могли получать и пенсию. Также они не могли рассчитывать на повышение по службе, так как не «состояли», а «числились» на ней. В итоге нотариусы фактически признавались свободными профессионалами, которые осуществляют свою деятельность на коммерческой основе, но при этом «числятся» государственными служащими.

Такой противоречивый, двойственный подход к правовому статусу нотариуса негативно отражался на их профессиональной деятельности. Они лишались всех прав и преимуществ, которые предоставлялись чиновникам министерства юстиции и судебного ведомства.

Критикуя такое положение, Л.Б. Мандельштам писал, что если сделать нотариусов полноценными государственными служащими, то новая система, «во-1-х, значительно подняла бы престиж института нотариусов и, во-2-х, давала бы возможность многим из нотариусов, имеющими права по своему образовательному цензу, переходить в судебное ведомство, пополняя ряды цивилистов, в коих всегда ощущается значительный недостаток»⁷⁰.

Нотариус получил полномочия совершать нотариальные акты и свидетельствовать сделки. Но и после создания нотариата аналогичные полномочия в ряде случаев могли исполнять иные органы, в том числе, уездные суды, мировые судьи, полиция.

При этом уездные суды и мировые судьи имели право совершать все виды нотариальных актов, в то время как нотариальная деятельность полиции была ограничена.

Все свои полномочия нотариус мог исполнять только в пределах своего нотариального округа. Выезд нотариуса из места его проживания без особого разрешения не допускался. Если случаи исполнения нотариальных

⁶⁸ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. – № 8. – С. 6–7.

⁶⁹ Мандельштам Л.Б. Учреждение нотариата и его организация // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1899. № 4 (Апрель). С. 1–52.

⁷⁰ Мандельштам Л.В. Указ. соч. с. 40.

полномочий за пределами своего округа встречались, то это становилось основанием для судебного разбирательства.

Контроль за деятельностью нотариусов осуществляли окружные суды, но его эффективность была невелика, нередко она сводилась к дисциплинарным взысканиям. В то же время, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» предусматривало возможность установления и уголовной ответственности для нотариусов за соответствующие нарушения законодательства.

Правовой статус нотариусов активно дискутировался в профессиональной периодической печати начала XX века. В том числе, «ученые и практики активно обсуждали такие вопросы, как требования к кандидатам на должность нотариусов, включая возрастной и образовательный цензы; запрет нотариусам заниматься иной оплачиваемой деятельностью; желательность для нотариусов юридического образования; экзамены для кандидатов в нотариусы; перечень нотариальных действий; вопрос о нотариальном залоге»⁷¹.

Таким образом, установленные законодательством Российской империи права и обязанности нотариусов позволяют характеризовать этих должностных лиц как полноценных субъектов права, игравших важную роль в государственно-правовом механизме пореформенной России.

Литература

Атоян М.Р. Проблемные вопросы реформирования нотариального законодательства России в научных публикациях начала XX века/М.Р.Атоян // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 1.

Мандельштам Л.Б. Учреждение нотариата и его организация // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1899. – № 4 (Апрель).

Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. – 2018. – № 8.

Базыкин Аркадий Юрьевич,

аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований
законодательства Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Закрепленное в статье 48 Конституции России право граждан на участие в управлении делами государства основано на принципе народовла-

⁷¹ Атоян М.Р. Проблемные вопросы реформирования нотариального законодательства России в научных публикациях начала XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 71.

ствия, как одного из основополагающих принципов конституционного строя любого демократического государства. Однако содержание данного права, как и конкретные способы его реализации, менялись на протяжении истории под влиянием развития общественных отношений и усложнения структуры государственной власти и политической системы.

Концепция гражданина, как лица, участвующего в управлении делами государства была впервые сформулирована и реализована в античной Греции. Так, Аристотель определял гражданина как лицо, участвующего в суде и в народном собрании⁷². При этом в условиях Афинской демократии – системы, считающейся классическим примером античного народовластия, наиболее важные государственные решения принимались народным собранием, в ходе проведения которых проголосовать и принять участие в обсуждении мог каждый пожелавший того гражданин. Несмотря на как очевидные преимущества, так и многочисленные недостатки подобного устройства, подобная политическая система могла существовать только в условиях древнегреческого полиса, когда относительно небольшое число полноправных граждан предоставляло фактическую возможность их непосредственного и одновременного участия в деятельности органов власти. В условиях крупного государства с многочисленным населением, обладающим правоспособностью, и обширной территорией поддержание механизма прямой демократии вскоре становилось невозможным.

Возрождение демократических традиций, связываемое с эпохой просвещения уже не предполагало непосредственное участие гражданина в государственном управлении и допускало возможность осуществления права на участие в управлении через законно избранных представителей. Таким образом, к настоящему времени все демократические государства предполагают осуществление большей части государственного управления посредством механизмов представительной демократии, реализующихся через представительные учреждения и другие выборные органы⁷³ и вспомогательную роль институтов демократии непосредственной.

В настоящее время право граждан на участие в управлении делами государства реализуется в демократических государствах посредством ряда субъективных возможностей, которые, в свою очередь, могут рассматриваться в качестве самостоятельных политических прав (например, право на участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления; участие во всенародных голосованиях (референдумах); право на равный доступ к государственной службе; право на участие в отправлении правосудия; право на обращение в органы власти).

В настоящее время институты представительной демократии столкнулись с серьезным кризисом, который обычно связывают со следующими причинами: (1) низкая эффективность представительных органов в условиях разрастающейся бюрократии; (2) политическое отчуждение и отсутствие

⁷² Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 445.

⁷³ Осканова Ж.И., Накашидзе Б.Д. Понятие «Институты демократии в субъектах Российской Федерации» и их становление // Государственное управление. Электронный вестник. – 2011. – № 28. – С. 104-106.

реального влияния гражданского общества на принятие решение избранными органами власти⁷⁴.

Пути решения этих проблем лежат в том числе и во внедрении новых и развитии имеющихся в государственном механизме дополнительных элементов прямой демократии таких как референдумы (как местные, так и общегосударственные), общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов и общественные инициативы⁷⁵.

В свою очередь, современные информационно-коммуникационные технологии позволяют частично преодолеть традиционные изъяны прямой демократии. Неслучайно многие исследователи с середины XX века предсказали превращение мира в одну «глобальную деревню»⁷⁶, в которой проблемы времени и расстояния, разделяющие участников общественных процессов, частично нивелируются.

Кроме того, в совершенствовании институтов прямой демократии большое значение имеют такие технологии как краудсорсинг, играющие большую роль в расширении применения институтов общественной инициативы и общественного обсуждения нормативных правовых актов⁷⁷.

Под влиянием технического прогресса значительно меняется подход и к процессу формирования выборных органов власти⁷⁸. Так, система электронного голосования, внедряемая в настоящее время в нашей стране и успешно примененная в ходе выборов в Московскую городскую думу VII созыва 2019 г., значительно меняет подход к выборам, делая их проведение более простым и дешевым, а подсчет голосов быстрым, но также создает дополнительные риски в части возможного манипулирования голосами полученными электронным путем.

Объем и значимость изменений, привнесенных результатами развития информационно-телекоммуникационных технологий в имеющиеся демократические институты, вылились в формирование концепции «электронной демократии», которую можно определить как комплексное представление демократических процессов с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, базирующееся на принципах электронного управления⁷⁹. Это служит доказательством значимости влияния новой цифровой реальности на систему демократического управления.

⁷⁴ Бронников Иван Алексеевич Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. №1. Ст. 2.

⁷⁵ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. – С. 74–92.

⁷⁶ McLuhan, Marshall. Letters of Marshall McLuhan. Oxford University Press, 1987. P. 254.

⁷⁷ Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М., 2020. – С. 109–127; Залоило М.В., Базыкин А.Ю. Современные технологии участия информационного российского общества в выработке правотворческих решений (на примере краудсорсинга) // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – С. 96–107.

⁷⁸ Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021. – 184 с.

⁷⁹ Овчинников В.А., Антонов Я.В. Теоретико-практические аспекты электронной демократии и электронного голосования // Юридический мир. 2013. Т.4. С.9.

На основании изложенного можно предположить, что способы выражения права на участие граждан в управлении делами государства в дальнейшем будут развиваться в сторону расширения и совершенствования институтов гражданского участия в государственном управлении, а также упрощения и совершенствования систем голосования путем внедрения в них современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Литература

McLuhan, Marshall. Letters of Marshall McLuhan. Oxford University Press, 1987.

Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.

Бронников И.А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма/И.А.Бронников // PolitBook. – 2018. – № 1.

Залоило М.В., Базыкин А.Ю. Современные технологии участия информационного российского общества в выработке правотворческих решений (на примере краудсорсинга)/М.В.Залоило, А.Ю.Базыкин // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: ИНФРА-М, 2019.

Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфотропик Медиа, 2021.

Овчинников В.А., Антонов Я.В. Теоретико-практические аспекты электронной демократии и электронного голосования/В.А.Овчинников, Я.В.Антонов // Юридический мир. –2013. – Т.4.

Осканова Ж.И., Накашидзе Б.Д. Понятие «Институты демократии в субъектах Российской Федерации» и их становление/Ж.И.Осканова, Б.Д.Накашидзе // Государственное управление. Электронный вестник. – 2011. – № 28.

Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов/Н.Н.Черногор, М.В.Залоило// Право. Журнал Высшей школы экономики. –2018. – № 4.

Баранова Марина Владимировна,
профессор, д.ю.н., профессор кафедры трудового и экологического права
Юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

СУБЪЕКТЫ КАНСЕЛИНГА (CANCEL CULTUR): СУЩНОСТНАЯ СПЕЦИФИКА И ПРАВОВОЙ СТАТУС

Обусловленное развитием технологий взаимодействие правовых систем позволяет внедрять инновационные элементы в жизнь социума. Заметным явлением последних лет стал «канселинг» (cancel culture), представляющий собой новый социальный интернет-феномен, некую «культуру отмены», «стирания» из доступного информационного пространства сведений о человеке, бренде, событиях, получивших негативную оценку, исключение таких физических и юридических лиц из коммуникативной среды. По версии Macquarie Dictionary в 2019 году словосочетание Cancel Culture было признано «словом года»⁸⁰. Среди смежных с канселингом понятий можно назвать: травлю (буллинг), шейминг, остракизм, абьюз, оскорбление. Для современной юридической науки это новое явление представляет безусловный интерес, а его тесная связь с правом, выражающаяся в прямых и опосредованных, порой отсроченных юридических последствиях канселинга требует доктринального осмысления.

Глобальное гражданское общество, проходя становление, масштабно использует новые информационные каналы, обеспечивающие взаимодействие широкого спектра «разностатусных» субъектов, что позволяет снижать напряженность за счет придания гласности полярным мнениям, неприятию тех или иных поступков, моделей поведения, качеств личности. Канселинг предоставил возможность доступного многоуровневого взаимодействия, демонстрации и погашения социальной агрессии. Однако, следует признать, что cancel culture может генерировать и поддерживать социальную напряженность, разжигать рознь. Принятие возможной биполярности этого сложного феномена позволяет наиболее полно его оценить и предвидеть вариации развития событий. Обретя такой механизм, социум использует его, как реакцию, например, на обиду, правонарушения и неэтичные поступки, непопулярное публичное высказывание, неполиткорректные шутки, позволяя исключить обидчика из виртуальной жизни конкретного лица, группы лиц, общества в целом. Подобные ситуации часто широко обсуждаются, а их анализ позволяет говорить о возможных последствиях правового характера, выражающихся в отсроченном расторжении договорных отношений, невозможности заключения сделки, исключении из работы над перспективным проектом, потере деловых контактов, важных для ведения бизнеса, увольнении. Так, на волне всеобщего интереса и негодования, вызванного движением противодействия харассменту «#MeToo», противодей-

⁸⁰ Macquarie Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/> (дата обращения: 18.03.2021).

ствия домашнему насилию, движением «#blacklivesmatter» канселингу подверглись ряд видных зарубежных и отечественных деятелей культуры и представителей бизнеса. Общество сплотилось и высказало осуждение, следом возникли последствия правового характера, выразившиеся в привлечении к юридической ответственности, расторжении договорных отношений, изъятии из ротации фильмов, программ, отказ в сотрудничестве. Фигуранты понесли непоправимый репутационный урон, обусловленный, в том числе, активными проявлениями порицания в сети Интернет. Временные рамки («срока давности») происходящих в этой связи процессов и последствий правом не определены, что не служит идее стабилизации или примирения, а, напротив, способно множить конфликты, усугублять конфронтацию. При всей противоречивости воздействия на социум канселинг упрочил свои позиции, демонстрируя действенность, возможность неформального, невластного влияния на события с последующими формальными, властными и неотвратимыми негативными последствиями для отторгаемого субъекта.

Специфика структуры канселинга выражается не в уникальности элементов, они привычны - субъект, объект, воздействие, а в их особой «окраске» и особенностях методов и средств воздействия. Воздействие при канселинге осуществляется через акт дискриминации человека, унижение его чести и достоинства, часто выражаемое в неприличной форме, агрессивное преследование, применение насилия с последующим изгнанием неуютного лица из разного рода коллективов. Исходя из этого можно с достаточной долей уверенности утверждать, что травля (буллинг), остракизм, шейминг, абьюз, оскорбление представляют собой особые средства такого негативного воздействия.

Цель канселинга, как и используемый инструментарий воздействия на субъектов отношений, весьма неординарна и выражена в, доходящем до деструктивной навязчивой идеи, желании «изъять» личность из культурной среды общества, перспективно вызвать негативные правовые последствия.

Спектр субъектов канселинга предельно широк, отличается своеобразием, основанном на ролевых задачах, целях, статусных особенностях лиц, вовлеченных в процесс канселинга и логике процесса «изъятия»: «изымающие», предоставляющие условия для процесса «изъятия», «изымаемые», контролирующие процесс «изъятия». Особо следует отметить, что в настоящих правовых реалиях, только часть субъектов канселинга становится субъектами правоотношений.

«Изымающие» субъекты – невластные и властные лица, активно и деятельно участвующие в процессе канселинга («изъятии» личность из культурной среды общества) посредством актов дискриминации человека, унижения его чести и достоинства, агрессивного преследования, применения насилия, желающие перспективно вызвать негативные правовые последствия для «изымаемого» неуютного лица с целью его изгнания из разного рода коллективов.

Субъекты, предоставляющие условия для процесса «изъятия» – властные и невластные лица, предоставляющие «изымающим» субъектам воз-

возможность использования сайтов, страниц, социальных сетей, иных виртуальных платформ для размещения и распространения информации, способствующей процессу канселинга.

«Изымаемые» субъекты – невластные и властные лица, на которых направлен процесс канселинга.

Субъекты, контролирующие процесс «изъятия» - властные и невластные лица, налагающие ограничения и защищающие права участников в процессе канселинга на основании норм права (властные субъекты от имени государства) и социальных неправовых регуляторов (невластные субъекты от имени саморегулируемых организаций, общественных организаций).

Правовой статус субъектов канселинга вбирает в себя правовые статусы всех граждан, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством, вынужденных переселенцев, беженцев, участвующих в процессе «изъятия» в той или иной форме. Учитывая невластную составляющую, круг субъектов не ограничивается гражданами одного или нескольких государств, в глобализованном мире доступ в сеть Интернет открывает доступ к информации различного рода и позволяет высказывать мнение, вызывать негативные последствия независимо от гражданства или его отсутствия.

Наиболее многочисленны и неоднородны «изымающие» субъекты. Цифровизация, доступность и скорость распространения информации, предоставляет им широкие возможности выразить и транслировать свое видение ситуации. «Изымаемый» субъект всегда противостоит жесткому воздействию практически в одиночку. Субъект, контролирующий «изъятие», как правило, малозаметен, активность проявляет в фазе наступления правовых последствий (властный субъект), которые возникают при крайне агрессивных формах информационного воздействия, нашедших отражение в отечественном законодательстве.

Субъектный состав позволяет предложить понимать канселинг, как единство процесса «изъятия» (деятельностный аспект), технико-социальных приемов и средств (инструментальный аспект) и результата (социально-правовой аспект). Этот сложный феномен нуждается в анализе, определении специфики элементов субъектного ряда, обусловленном поиском новых форм выстраивания коммуникативного действия, «ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия»⁸¹.

Литература

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 18.03.2021).

⁸¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 18.03.2021).

Васильев Павел Вячеславович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры правовых дисциплин
Ульяновского филиала РАНХиГС

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЙТИНГОВЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

Развитие информационных технологий закономерно обусловило перевод многих правовых отношений в цифровую форму. Научным сообществом отмечается возникновение новой культуры коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации⁸².

Цифровизация существенно повышает эффективность решения самых разных социальных проблем, в том числе обусловленных необходимостью учета результатов трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава в рамках рейтинговых систем.

Рейтинговую систему оценки результатов работы профессорско-преподавательского состава предлагается понимать как организационно оформленную локальными актами образовательной организации совокупность правовых средств, используемых для установления, функционирования, изменения и прекращения существования правовых последствий ранжирования участников рейтингов по результатам их оцениваемой деятельности за учебный год.

Правовые отношения, возникающие при функционировании рейтинговой системы, предлагается обозначать термином **«рейтинговые правоотношения»**.

Рейтинговые правоотношения как правило многосторонние. Субъектами рейтинговых правоотношений выступают организаторы, рейтинговые комиссии или отдельные работники осуществляют проверку индивидуальных отчетов участников рейтинга и формирование самого рейтинга, а также участники рейтинга.

Функционирование рейтинговых систем предполагает своим результатом оформление рейтинга, то есть юридического документа, содержащего сведения, упорядоченные по убыванию количественных показателей (как правило, баллы) результатов оцениваемой деятельности участников рейтинга.

Рейтинговые правовые последствия представляют собой изменения правового статуса участников рейтинга в зависимости от места в рейтинге.

⁸² Анненкова И.В., Залоило М.В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3. – С. 140–155; Анненкова И. В., Залоило М. В., Стебенева Л. В. Язык, право и общество в координатах массмедиа // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 4. – С. 139–154.

Как любая другая социальная деятельность введение, функционирование, реформирование и отмена рейтинговых систем сопряжены с множеством различных проблем.

Достаточно проблемным полагаем введение негативных правовых санкций за занятие последних мест в рейтинге. Учитывая, что сама рейтинговая система предполагает неизбежность занятия кем-то из участников последних мест, применять к ним какие-либо негативные правовые санкции вряд ли разумно. Страх неизбежно вызывает негативное отношение к ситуации, самой образовательной организации и отдельным должностным лицам. Это крайне неблагоприятно влияет на состояние социально-психологического климата в трудовом коллективе. Представляется, что от практики использования негативных правовых санкций к участникам рейтинга, занявшим последние места, следует отказаться. Кроме того, рекомендуем образовательным организациям, практикующим подобные негативные санкции, изменить подход к практике принятия мер по результатам рейтинга. Более уместно представляется применение позитивных правовых санкций, например, премирование по итогам оцениваемого периода, осуществляемого пропорционально месту, занятому участником в рейтинге.

Проблема неполного охвата числа участников рейтинга социальными благами, распределяемыми согласно месту в рейтинге, может быть решена на основе принципа пропорциональности применения позитивных правовых санкций. В настоящее время рейтинговые системы для всех тех участников, которые не занимают мест, обуславливающих возникновение каких-либо субъективных прав или юридических обязанностей, возникают в форме законного интереса на учет места в рейтинге при возникновении иных правовых отношений. Такая ситуация может быть исправлена указанным выше правовым средством – позитивной правовой санкцией, например, в форме премирования по итогам оцениваемого периода пропорционально месту, занятому в рейтинге его участником, предоставления дополнительных дней отдыха и других.

Процедурная проблема кулуарного определения результатов рейтинга обусловлена тем, что сами индивидуальные рейтинговые отчеты участников зачастую не подлежат опубликованию, к ним нет доступа другим участникам рейтинга. В целях обеспечения транспарентности процедурных рейтинговых отношений все действия, обуславливающие возникновение, изменение или прекращение правового статуса участника рейтинговых правоотношений должны подлежать аудио и (или) видеофиксации, размещаемой в сетях связи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также в сетях связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов, либо публиковаться иными способами. Это позволит закрепить и реализовать субъективное право каждого участника рейтинговых отношений на ознакомление с деятельностью по формированию рейтинга. Учитывая развитие цифровых технологий, сделать это можно достаточно просто.

Также все материалы, отражающие основания для формирования рейтинга, должны храниться в течение всего срока существования правовых последствий ранжирования участников рейтинга и предъявляться в соответствии с установленным порядком любому заинтересованному лицу в установленном локальными нормативными актами порядке. Отказ в предъявлении указанных материалов, их сокрытие или фальсификация должен влечь ответственность, предусмотренную законодательством.

Отдельный проблемный аспект предполагает также вопрос о целесообразности заполнения рейтинговых отчетов самими участниками вручную. Дело в том, что с точки зрения оперирования критериями эффективности данные процедуры малоэффективны, так как отнимают большое количество человеко-часов на формирование отчетов и на последующую их проверку. Полагаем, что при введении в действие той или иной рейтинговой системы должен решаться вопрос об автоматизации функционирования рейтинговых систем.

Указанные и многие другие проблемы рейтинговых систем обусловлены отсутствием основополагающего нормативного правового акта федерального уровня, регулирующего рейтинговые правоотношения. Отметим, что указанная выше фактическая распространенность рейтинговых систем на территории всей Российской Федерации никак не соответствует локальному уровню их регламентации.

На момент проведения исследования нам не удалось обнаружить ни одного закона, непосредственно регламентирующего функционирование рейтинговых систем на основе трудовых правоотношений.

Учитывая накопленный опыт регулирования рейтинговых отношений локальными актами организаций и научные достижения в области изучения оценочной деятельности, полагаем целесообразным предложить научному сообществу обсудить необходимость и перспективы разработки концепции проекта федерального закона, предметом регулирования которого станут рейтинговые правоотношения членом трудовых коллективов, в том числе образовательных организаций.

Литература

Анненкова И.В., Залоило М.В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность/И.В.Анненкова, М.В.Залоило// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3. – С. 140–155.

Анненкова И.В., Залоило М.В., Стебенева Л.В. Язык, право и общество в координатах массмедиа/И.В.Анненкова, М.В.Залоило, Л.В.Стебенева// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 4. – С. 139–154.

Гуляева Полина Сергеевна,
аспирант Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ МАШИНОЧИТАЕМОГО ПРАВА

Машиночитаемое право – концепция автоматизации права, включающая перевод юридических документов в форму, пригодную для обработки роботом, искусственным интеллектом, нейросетью или иной автоматизированной системой.

В отечественной научной литературе термин заимствован из иностранных источников и является переводом англоязычного machine readable law; понятие машиночитаемого документа существовало в СССР с 1988 года.

В зарубежной литературе дефиниции существуют в структуре терминов, связанных с описанием регуляторных технологий LegalTech, FinTech.

Одним из первых современных фундаментальных исследований тематики машиночитаемого права, проведенных в России, была научная статья ученых Института системного анализа РАН⁸³.

В исследовании, затрагивающем вопросы технологического обеспечения законодательства в условиях развития информационного общества, был рассмотрен один из зарубежных подходов к автоматизации права: Legal Knowledge Interchange Format⁸⁴.

Научные исследования в рамках юриспруденции до настоящего времени касались терминологических вопросов информатизации и цифровизации, не акцентируя внимание на аспектах перевода правовых документов в машиночитаемый вид. Однако, некоторых научные труды, например, исследования Бачило И.Л. включали проблемы понятийного аппарата информационного права как основы кодификации отрасли и всего законодательства, касающегося вопросов цифровизации⁸⁵.

В сборнике научных трудов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее – ИЗиСП) «Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений» под редакцией Пашенцева Д.А., Залоило М.В. отмечены, в частности, задачи юридической техники, связанные с вопросами цифровой трансформации права: лингвистические, юридико-технические и ментальные проблемы в контексте перевода языка права в машиночитаемый вид⁸⁶.

⁸³ Ломов П.А., Олейник П.Г. Разработка технологии проверки и согласования нормативно-правовой базы на основе онтологий, Труды ИСА РАН. Том 63. 2/2013. – С. 62-69.

⁸⁴ Estrella. Information Society Technologies [Электронный ресурс] // URL: <http://www.estrellaproject.org/lkif-core/> (дата обращения 09.01.2020).

⁸⁵ Бачило И.Л. Институциональный подход к решению проблем понятийного аппарата в информационном законодательстве. Понятийный аппарат в информационном праве. Сборник научных работ под ред. Бачило И.Л., Поляковой Т.А., Наумова В.Б. – М.: ИГП РАН, Издательство «Канон+», 2017. – С. 12-28.

⁸⁶ См., например: Пашенцев Д.А. Лексико-семантические особенности языка правотворчества в условиях цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 143-149; Залоило

Также в современных работах ИЗиСП отмечена роль машиночитаемых форматов при имплементации в практику инструментария электронного нормативного правового акта и цифровизации процесса правотворчества в целом⁸⁷, вопросы машиночитаемого языка права и проблема непротиворечивости машиночитаемых понятий в контексте цифровизации ведомственного нормотворчества⁸⁸, проблема машиночитаемого права и кодирования социального опыта⁸⁹.

С начала 2019 года научными исследованиями, касающимися машиночитаемого права, занимались Вашкевич А., Вовченко Н.Г., Епифанова Т.В., Ковалева Н.Н., Поздняков А.Н., Понкин И.В., Топоров Д.А.⁹⁰

В числе терминов, актуальных для подготовки нормативно-правовой и теоретической основы машиночитаемого права, и отсутствующих в законодательстве, необходимо отметить: автоматизация права, машиночитаемый документ, фреймворк, метаданные, естественный и формализованный язык правовых документов.

Автоматизация права представляет собой комплексный процесс, включающий цифровизацию документов и документооборота, вопросы цифровизации правотворчества и правоприменения, а также машиночитаемое право, как элемент системы технократического государства. Вопрос о необходимости формулировать понятие машиночитаемого права остается открытым: в зарубежной практике такие дефиниции присутствуют, однако в России это в большей степени теоретический вопрос, чем практический.

Фреймворк – технологический термин, без которого правовое обеспечение процессов автоматизации права может быть затруднительным. Фреймворк представляет собой систему инструментов и методов, в том числе юридических средств и технологий, обеспечивающих перевод правовых документов в машиночитаемый вид, операции с ними, а также реализацию и применение права. Фреймворк, в числе прочего, включает особенности юридической техники, значимые для обеспечения машиночитаемости документов.

ло М.В. Влияние цифровых технологий на язык права в ведомственном нормотворческом процессе. Указ. соч. С. 165-170.

⁸⁷ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под ред. Д.А. Пашенцева, М.: Инфра-М, 2019. С. 57, 60 и др.; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

⁸⁸ Пашенцев Д.А. Язык правотворчества перед вызовом цифровой реальности // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфра-М, 2019. С. 71–74; Залоило М.В. Гвоздецкий Д.С. Цифровизация ведомственного нормотворчества: тенденции и перспективы. Указ. соч. С. 83-88.

⁸⁹ Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногора. М.: Инфра-М, 2020. С. 134–152.

⁹⁰ Вашкевич А.М. Автоматизация права: право как электричество. М.: Симплоер, 2019; Ковалева Н.Н. Машиночитаемое право как механизм умного регулирования в области связи // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. №3. С. 158–159; Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы, International Journal of Open Information Technologies ISSN: 2307-8162 vol. 8, no.9, 2020. С. 59–69 Epifanova T.V., Vovchenko N.G., Toporov D.A., Pozdnyshov A.N. Development of Legal Education and Machine-Readable Law in the Conditions of Economy Digitization // Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality / Editors: Elena G. Popkova, Bruno S. Sergi. Cham (Switzerland): Springer, 2020. xx; 1055 p. P. 971–979.

Понятие машиночитаемого документа содержалось в документах ГлавАрхива СССР и обозначено как «документ пригодный для автоматического считывания содержащейся в нем информации»⁹¹. В современной практике представляется целесообразным уточнить в дефиниции разновидности автоматизированных систем и расширить перечень действий с документом.

Под метаданными понимается набор реквизитов, атрибутов, параметров документа, необходимый для автоматической обработки информации, создания баз данных документов и управления ими.

Под естественным и формализованным языком правовых документов понимается соответственно привычный метод описания правила поведения, включающий такие элементы как гипотеза, диспозиция, санкция, а также особые приемы юридической техники, необходимые для перевода документа в машиночитаемый вид и автоматизации процессов, связанных с ним. Например, исходя из современных подходов сравнительно легко механизировать норму, которая содержит указание на субъект, объект и действие.

К терминам машиночитаемого права, содержащимся в нормативных правовых актах, относятся понятия автоматизированной системы и информационной системы.

Зарубежные подходы к исследованию машиночитаемого права включаются в отечественные разработки в условиях отсутствия достаточного количества теоретического и практического материала. При этом иностранный понятийный аппарат отличается и в некоторых случаях порождает серьезные противоречия между теорией и практикой.

В качестве примера можно привести термин «правовая онтология», а также «онтология», которые широко распространены в научной литературе в США, Европе, Сингапуре и Южной Корее, но в отечественной правовой науке трактуется иначе. Правовая онтология в заимствованном виде представляет собой структуру данных, пригодную для целей машиночитаемого права, в то время как онтология является более широким понятием и включает структурированные знания о предмете исследования.

Значимость унификации понятийного аппарата обусловлена не только необходимостью выработать единую систему терминов, но и методологическим содержанием, включающим такие категории, как иерархия терминов (на основе их ценностной значимости), архитектура кодификации и семантические единицы (термины, концепты, дефиниции)⁹².

Другим важным аспектом, подтверждающим необходимость разработки унифицированного понятийного аппарата машиночитаемого права, являются факторы, связанные с дальнейшим развитием процессов автоматизации права.

⁹¹ Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения» (одобрена коллегией ГлавАрхива СССР 27.04.1988, Приказ ГлавАрхива СССР от 25.05.1988 № 33), 2.3.3.1.

⁹² Бачило И.Л. О методологии выявления и классификации понятийного аппарата в информационном праве. Понятийный аппарат информационного права. Сборник научных работ под ред. Бачило И.Л., Талапиной Э.В. М.: ИГП РАН, Издательство «Канон+», 2015. С. 8–17.

В зарубежной литературе содержатся данные о том, что следующим шагом в развитии машиночитаемого права будет интеграция AI-сервисов и нейросетей в систему правотворчества⁹³: при изменении законодательства система сможет автоматически корректировать нормы стандартизации и технического регулирования.

В отечественных исследованиях отмечено, что, например, законодательный процесс в силу расширения фактора цифровизации становится, по сути, информационным, то есть он является следствием информатизации и при этом порождает новые процессы⁹⁴.

Разработка понятийного аппарата в такой ситуации является одной из мер обеспечения стабильности в условиях цифровой трансформации.

Литература

Amin Rabinia, Sepideh Ghanavati, Llio Humphreys, Torsten Hahmann A Methodology for Implementing the Formal Legal-GRL Framework: A Research Preview. Requirements Engineering: Foundation for Software Quality 26th International Working Conference, REFSQ 2020 Pisa, Italy, March 24–27, 2020 Proceedings. P. 124-131.

Epifanova T.V., Vovchenko N.G., Toporov D.A., Pozdnyshov A.N. Development of Legal Education and Machine-Readable Law in the Conditions of Economy Digitization // Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality / Editors: Elena G. Popkova, Bruno S. Sergi. Cham (Switzerland): Springer, 2020. xx; 1055 p. P. 971–979.

Estrella. Information Society Technologies [Электронный ресурс] // URL: <http://www.estrellaproject.org/lkif-core/> (дата обращения: 18.03.2021).

Бачило И.Л. Институциональный подход к решению проблем понятийного аппарата в информационном законодательстве. Понятийный аппарат в информационном праве. Сборник научных работ под ред. Бачило И.Л., Поляковой Т.А., Наумова В.Б. – М.: ИГП РАН, Издательство «Канон+», 2017. – С. 12–28.

Бачило И.Л. О методологии выявления и классификации понятийного аппарата в информационном праве. Понятийный аппарат информационного права. Сборник научных работ под ред. Бачило И.Л., Талапиной Э.В. – М.: ИГП РАН, Издательство «Канон+», 2015. – С. 8–17.

Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногора. – М.: Инфра-М, 2020. – С. 134–152.

Вашкевич А.М. Автоматизация права: право как электричество. – М.: Симплоер, 2019.

⁹³ Amin Rabinia, Sepideh Ghanavati, Llio Humphreys, Torsten Hahmann A Methodology for Implementing the Formal Legal-GRL Framework: A Research Preview. Requirements Engineering: Foundation for Software Quality 26th International Working Conference, REFSQ 2020 Pisa, Italy, March 24–27, 2020 Proceedings. P. 124-131

⁹⁴ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под ред. Д.А. Пашенцева М.: Инфра-М, 2019. С. 167–185; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на язык права в ведомственном нормотворческом процессе // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 165–170.

Ковалева Н.Н. Машиночитаемое право как механизм умного регулирования в области связи // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. №3. С. 158-159.

Ломов П.А., Олейник П.Г. Разработка технологии проверки и согласования нормативно-правовой базы на основе онтологий, Труды ИСА РАН. Том 63. 2/2013. – С. 62–69.

Пашенцев Д.А. Лексико-семантические особенности языка правотворчества в условиях цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 143-149.

Пашенцев Д.А. Язык правотворчества перед вызовом цифровой реальности // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 71–74

Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы, International Journal of Open Information Technologies ISSN: 2307–8162 vol. 8, no.9, 2020. – С. 59–69.

Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под ред. Д.А. Пашенцева. –М.: Инфра-М, 2019.

Давыдова Марина Леонидовна,

профессор, д.ю.н., заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕДУРЫ ИНФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ⁹⁵

Изменения, происходящие в правовой системе, влекут развитие многих устоявшихся правил взаимодействия субъектов правоотношений. Предметом исследования в данном случае выступают правоотношения, в которых государственные органы взаимодействуют с частными лицами, что обуславливает наличие строгой процедуры обмена информацией. Можно обнаружить в этой сфере некоторые новые презумпции, связанные с порядком

⁹⁵ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20–011–00583 А «Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежный опыт и перспективы внедрения в современной России».

доведения до сведения заинтересованных лиц адресованной им информации.

Сразу необходимо оговориться, что речь в данном случае идет не о презумпциях как средстве правового регулирования (нормативно закрепленное юридически опровержимое предположение, действующее «пока не доказано/установлено иное»), а о так называемых «неопровержимых презумпциях», которые указывают на учет законодателем определенного допущения, вероятности в процессе создания нормы, которая впоследствии будет действовать как императивное правило. Использование термина «презумпция» применительно к таким нормативным предписаниям носит скорее публицистический характер, т.к. указывает не на механизм действия правила, а на его происхождение. Здесь правильнее говорить не о том, что закон *закрепляет* презумпцию, а о том, что он *строится* на некой презумпции фактического, а не юридического характера.

Приведем пример из новейшего законодательства в сфере цифровых инноваций, точнее из подзаконных актов, принятых в развитие этого законодательства. В соответствии с принятым 31.07.2020 федеральным законом № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» Минэкономразвития утвердило ряд документов, касающихся процедурных вопросов его реализации. В частности, порядок направления заявки на присоединение к экспериментальному правовому режиму (утв. Приказом Минэкономразвития России от 18.11.2020 № 754) предусматривает право претендента выбрать один из двух способов представления документов в регулирующий орган:

на бумажном носителе (непосредственно или заказным письмом с уведомлением о вручении);

в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Ответ регулирующего органа, содержащий мотивированный отказ, должен при этом быть направлен *способом, которым была представлена заявка*.

Можно предположить, что законодатель исходит в данном случае из *презумпции наибольшей доступности (или удобства) для субъекта выбранного им самим способа представления документов*. Такая презумпция имеет большую степень вероятности (хотя и не максимальную: заявитель мог считать отправку документов заказным письмом более надежным и официальным способом, просто не подумав о том, что получать ответ гораздо быстрее и удобнее ему будет по электронной почте).

Ни наличие такого предположения, ни степень его вероятности на содержание правового веления влияния не оказывают: правило выбора регулирующим органом способа отправки ответа установлено императивно. Более того, наши предположения о мотивах установления данного правила – это лишь одна из возможных версий: законодатель мог исходить вовсе не из удобства заявителей, а руководствоваться стремлением постепенно уйти от бумажного документооборота, не отменяя его сразу, а подталкивая участ-

ников правоотношений к самостоятельному выбору в пользу документооборота электронного.

На данную мысль наводит тот факт, что для уведомления претендента о положительном решении по вопросу о его присоединении к экспериментальному правовому режиму предусмотрен иной порядок. Отдельным приказом Минэкономразвития России от 02.11.2020 № 730 устанавливается, что *«информация о принятом решении доводится до сведения лица в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица Минэкономразвития России, с приложением копии решения посредством направления такого документа по адресу электронной почты лица, указанному в заявке на присоединение к экспериментальному правовому режиму»*. Ни о какой отправке документов на бумажном носителе речи здесь не идет, электронная форма признана единственно возможной.

Очевидно, что если анализировать данное положение в контексте лежащих в его основе мотивов, то можно предположить здесь наличие другой презумпции – *презумпции надежности электронного (с использованием квалифицированной электронной подписи) способа передачи информации*.

Обе названные презумпции неопровержимы в том смысле, что их некому и незачем опровергать: на процесс правового регулирования никакого влияния это не окажет. В то же время анализ данного механизма свидетельствует о расширении вариативности способов информационного обмена между участниками правоотношений в публичном праве. Как представляется, вариативность эта обусловлена, с одной стороны, стремлением к обеспечению большей доступности, удобства, надежности при передаче правовой информации, а с другой, – наличием переходного состояния, когда бумажный документооборот во взаимоотношениях между государством и частными субъектами постепенно вытесняется электронным.

Еремина Татьяна Ивановна,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сегодня весьма актуальными становятся вопросы урегулирования прав интеллектуальной собственности, авторского права, защиты информационного пространства от таких проявлений как экстремизм, пропаганды насилия и т.д. В информационной среде существует множество ресурсов, платформ, не соответствующих критериям научности, общегуманитарным культурным ценностям. В этих условиях возрастает роль и значение университетского преподавателя по ориентированию студентов в этом множестве информационных ресурсов для решения учебных, исследовательских задач.

На преподавателей высшей школы возлагается задача по формированию навыков ориентации студентов в интернет-пространстве в целом и в информационно-образовательном пространстве в частности, формированию правовой культуры студентов в информационно-образовательном пространстве. Как считают некоторые исследователи, цифровизация образования и учебного процесса несколько уменьшает роль преподавательского состава вузов как «носителя знаний», в свою очередь, увеличивая их функции и значение как тьютора и генератора наполнения образовательного пространства в виртуальном мире⁹⁶. Эти задачи должны найти свое отражение на законодательном уровне в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» в статусной характеристике педагогических работников.

Учебная нагрузка преподавателей высшей школы сегодня значительно выросла в связи с осуществлением трудоемкой разработки электронного образовательного контента для студентов по конкретным дисциплинам и учебным занятиям. Это необходимо учитывать при разработке квалификационных требований профессорско-педагогического состава и нормативов их нагрузки. Необходимо нормативное определение цифровой компетентности преподавателя вуза и включение этого понятия в перечень компетенций профессорско-преподавательского состава⁹⁷. Нормативно-правового урегулирования требует и вопрос о возможности преподавателей университетов принимать зачет или экзамен в режиме онлайн. Такой правовой нормы в настоящее время нет ни в образовательном, ни в трудовом законодательстве.

В цифровую эпоху обострились проблемы защиты частной жизни человека. В условиях цифровизации современного общества актуализируется проблема защиты персональных данных и права на уважение частной жизни преподавателей университетов. Доктринальная дискуссия относительно различия между правом на уважение частной жизни и правом на защиту персональных данных⁹⁸ способствует определению путей разрешения этой проблемы. Как указывает Н.В.Варламова, – «в более общем плане право на защиту персональных данных трактуется как составляющая права на информационное самоопределение, которое ведет свое происхождение как от права на уважение частной жизни, так и от принципа незыблемости человеческого достоинства»⁹⁹. Соответствующие правовые положения

⁹⁶ Мелоян В.Г., Бегларян М.Е. Цифровизация образования в контексте авторского права // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63–4. – С. 173; Албегова И.Ф. Изменение функций и статуса преподавателя вуза в цифровом обществе: причины, факторы и последствия // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. 2016. – С. 24–27; Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование // Право и образование. – 2020. – № 8. – С. 29–34; и др.

⁹⁷ Дмитроченко Н.А., Цветкова А.А. К вопросу о цифровой компетентностной модели преподавателя вуза в эпоху цифровой трансформации образования // Известия Балтийской государственной академии рыбопромышленного флота: психолого-педагогические науки. – 2020. – № 3 (53). – С. 32.

⁹⁸ Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 5. С. 146.

⁹⁹ См.: Варламова Н.В. Указ. соч. С. 152.

должны занять свое место в комплексе прав педагогических работников, представленных в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации».

С использованием цифровых технологий в образовании активному обсуждению в правовом сообществе подлежит такая новая, специфическая этическая проблема как присутствие педагогических работников и обучающихся в социальных сетях, нормы поведения педагогов в глобальной информационной сети интернет. Попытки правового урегулирования этой проблемы были предприняты в Примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников (Письмо Министерства просвещения Российской Федерации и Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации от 20 августа 2019 г.). Но это только первый шаг в правовом регулировании проблемы защиты прав и свобод виртуальной личности. По мнению некоторых исследователей необходимо дополнить главу 52 Трудового кодекса Российской Федерации дефиницией аморального проступка применительно к педагогическим работникам в контексте деятельности в социальных сетях¹⁰⁰.

Цифровизация российского образования объективно обуславливает изменение статуса и функций вузовского преподавателя. Одна из основных задач обеспечения прав человека в эпоху цифровизации это оформление юридического «информационного статуса личности». Исходя из этого, корректировка соответствующих прав и обязанностей преподавателей высшей школы в условиях цифровизации будет способствовать оформлению правового статуса профессорско-преподавательского состава в современных условиях.

Литература

Албегова И.Ф. Изменение функций и статуса преподавателя вуза в цифровом обществе: причины, факторы и последствия/И.Ф.Албегова// Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. 2016. – С. 24–27.

Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? /Н.В.Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2019. Том 14. – № 5. – С. 141–167.

Дмитrochenко Н.А., Цветкова А.А. К вопросу о цифровой компетентностной модели преподавателя вуза в эпоху цифровой трансформации образования/Н.А.Дмитrochenко, А.А.Цветкова // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. –2020. – № 3 (53). – С. 26–34.

¹⁰⁰ Иванов А.А. Активность педагогических работников в социальных сетях: правовые вопросы // Вестник Поволжского института управления. 2019. Том 19. №2. С. 95-100.

Иванов А.А. Активность педагогических работников в социальных сетях: правовые вопросы/А.А.Иванов// Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. – № 2. – С. 95–100.

Мелоян В.Г., Бегларян М.Е. Цифровизация образования в контексте авторского права/В.Г.Мелоян, М.Е.Бегларян// Проблемы современного педагогического образования. –2019. – № 63–4. – С. 172-176.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование/Д.А.Пашенцев, М.В.Залоило // Право и образование. –2020. – № 8. – С. 29–34.

Залоило Максим Викторович,

к.ю.н., ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ ВНЕДРЕНИЯ И РАЗВИТИЯ¹⁰¹

Одной из национальных целей развития России до 2030 года заявлена цифровая трансформация. Искусственный интеллект (далее – ИИ) – это одна из основных сквозных цифровых технологий. Концептуальную базу внедрения и развития технологий ИИ в России заложили документы стратегического планирования – Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, и Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р. Практика создания программно-стратегической базы в сфере ИИ, предваряющей законодательное регулирование, широко распространена за рубежом, например, в государствах-членах Европейского Союза, где приняты национальные стратегии развития ИИ, подписана Декларация о сотрудничестве в области ИИ, принята Дорожная Карта развития робототехники Robotics 2020, разработан Проект в области ИИ)¹⁰².

Применение ИИ наиболее перспективно в таких областях жизнедеятельности, как промышленность, транспорт, медицина, образование, предоставление государственных и муниципальных услуг. Более активному внедрению технологий ИИ способствовала пандемия новой коронавирусной инфекции¹⁰³, бороться с распространением которой помогают такие

¹⁰¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ – научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

¹⁰² Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2021. – С. 25–28.

¹⁰³ Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. –2021. – № 2. – С. 5–17; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – №

решения, взятые на вооружение отечественной медициной, как диагностика коронавируса, анализ результатов лабораторных и томографических исследований посредством алгоритмов ИИ.

Уже сейчас в порядке эксперимента установлено специальное регулирование в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в городе Москве (Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ). Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» позволит тестировать прорывные цифровые технологии в рамках специального правового режима – регуляторных песочниц. В 2021 году планируется запустить 9 экспериментов, 4 из которых связаны с внедрением ИИ (беспилотное такси, отели без персонала, системы поддержки принятия врачебных решений).

Области применения ИИ постоянно расширяются, распространяясь и на правовую сферу. Так, известны инициативы о внедрении ИИ в деятельность судебных, иных правоприменительных органов («предсказанное правосудие»). Европейской Комиссией утверждена Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Ученые прогнозируют применение ИИ и в процессе правотворчества на различных его стадиях, разрабатывают модель искусственного юридического интеллекта¹⁰⁴.

Стратегия развития ИИ до 2030 года и Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 года исходят из определенных векторов развития правового (в том числе законодательного) регулирования ИИ¹⁰⁵. Изменения затронут законодательство в сферах персональных данных, технического регулирования, охраны здоровья граждан, транспорта, космической деятельности, промышленности, гражданское, градостроительное, финансовое, информационное, трудовое законодательство в направлениях совершенствования механизмов юридической ответственности, режимов оборота данных и экспорта систем ИИ и робототехники; развития страховых институтов; обеспечения информационной и иной безопасности.

Вместе с тем, определяя области применения ИИ и готовясь к его полномасштабному внедрению в жизнедеятельность государства и общества, нельзя забывать о социальных коллизиях его использования, антропологически негативных последствиях. Развитие технологий ИИ ставит на повестку дня вопросы о трансформации представлений о человеке, фундаментальной неопределенности и нестабильности человеческого бытия, проблематизирует границы человека.

7. – С. 5–26; Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии: монография / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020.

¹⁰⁴ Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП: Норма 2021. – С. 114–119.

¹⁰⁵ Тихомиров Ю.А., Нанба С.Б. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. Т. 11. – № 3. – С. 532–549.

Развитие науки и техники в предыдущие годы позволило человеку трансформировать окружающую его среду. Однако наступающий сейчас (по крайней мере в развитых государствах) шестой технологический уклад характерен проникновением во внутреннюю природу человека, модификацией его сущности. Казалось бы, совсем недавно ученые заговорили о четвертой промышленной революции, сопровождающейся стремительным внедрением новых высоких технологий, кардинально меняющей всю структуру мировой экономики, способной преобразовать человечество, нашу жизнь, наш труд и наше общение¹⁰⁶. Однако уже сейчас прогнозируется пятая промышленная революция, итогом которой станет объединение ИИ, биотехнологий, редактирование генома. Речь идет не просто о развитии цифровых технологий, в частности самой главной из них – ИИ, а о его слиянии с биотехнологиями. Основную угрозу человечеству составляет сверхразум, сверхсильный ИИ, которому присущи две важные сверхчеловеческие способности – возможность подключения и взаимодействия, а также обновляемость¹⁰⁷. Такой ИИ, наделенный собственными потребностями, не свойственными человеку, использующий человека в качестве ресурса и намеревающийся стать единственным видом на Земле¹⁰⁸, несет в себе экзистенциальные риски и справедливые опасения за судьбу человечества.

Можно с уверенностью утверждать, что ИИ не заменит человека, в руках которого должны быть сосредоточены средства контроля за ИИ, но станет его верным и надежным помощником. Единственный для человечества способ избежать вырождения – принять на себя всю полноту ответственности и осознанно регулировать создание и использование ИИ, соблюдая при этом разумный баланс совместного существования. Широко известны три закона робототехники А. Азимова¹⁰⁹, однако это базовые принципы, которые могут оказаться бездейственными в конкретных ситуациях. Поэтому важна своевременная разработка этических стандартов для ИИ, соответствующих духу времени и исходящих из прогнозов развития современных технологий. В ЕС в 2019 году было утверждено Этическое руководство для надежного искусственного интеллекта, основанное на принципах уважения человеческой автономии, предотвращения вреда, справедливости, объяснимости. Этика ИИ стоит на повестке правового регулирования и в России и исходит из приоритета благополучия и безопасности человека, защиты основополагающих прав и свобод; запрета на причинение вреда человеку искусственным интеллектом; подконтрольности последнего человеку; недопущения противоправной манипуляции поведением человека.

Ряд специалистов прогнозирует разрушение привычного рынка труда¹¹⁰. В перспективе – его трансформация, в ходе которой, как и в преды-

¹⁰⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.

¹⁰⁷ Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / перевод Ю. Гольдберга. М., 2019. С. 43.

¹⁰⁸ Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М., 2016.

¹⁰⁹ Азимов А. Хоровод // Я, робот / Айзек Азимов; пер. с англ. Н.А. Сосновской, А.Д. Иорданского. М., 2020.

¹¹⁰ Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М., 2016.

дущие периоды промышленных революций, будут появляться новые профессии, и будет важно своевременно обеспечивать постоянную профессиональную переподготовку специалистов. Эти новые профессии обозначены уже сейчас – специалисты по аналитике данных, психологи-когнитивисты, специалисты по алгоритмам оценки рисков и по продвижению сообществ и пр. Известны идеи о востребованности такого направления в корпорациях, как «каннибализация», и соответствующей должности «главный каннибал» (Chief Cannibal Officer), перед которым стоит задача находить уязвимости сложившейся бизнес-модели¹¹¹.

Как видим, дальнейшее развитие технологий ИИ требует создания новой парадигмы системы профессионального образования, переориентации образовательных целей на развитие цифровых компетенций, внедрения механизмов прогнозирования занятости для мониторинга тенденций в этой области. Ориентация ИИ на интересы человека, приоритет человеческих ценностей, заложенный в его основу, будут способствовать эффективному параллельному развитию естественной биологической и технической цивилизаций.

Литература

Азимов А. Хоровод // Я, робот / Айзек Азимов; пер. с англ. Н.А. Сосновской, А.Д. Иорданского. – М., 2020.

Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. – М., 2016.

Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма, 2021.

Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография: – М.: ИЗиСП: Норма, 2021.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии: монография / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М., 2020.

Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / пер. с англ. О. Сивченко; [науч. ред. К. Щеглова]. – М., 2019.

Тихомиров Ю.А., Нанба С.Б. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. Т. 11. – № 3.

Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. – М., 2016.

Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. – 2021. – № 2.

Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / перевод Ю. Гольдберга. М., 2019.

¹¹¹ Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / пер. с англ. О. Сивченко; [науч. ред. К. Щеглова]. М., 2019. С. 110–113.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М., 2016.

Землин Александр Игоревич,

профессор, д.ю.н., заведующий кафедрой «Транспортное право» Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Холиков Иван Владимирович,

профессор, д.ю.н., профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СПЕЦИАЛИСТА КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА

Вопросы повышения эффективности правового обучения и воспитания специалистов на транспорте в условиях цифровизации экономики и транспорта приобретают особое значение.

Уточнение направлений деятельности, форм и методов работы по формированию правозначимых компетенций, необходимых специалистам-транспортникам для исполнения обязанностей по предстоящему должностному предназначению и занимаемой должности, особенно актуально в контексте достижения национальных целей, определенных указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474, определены.

Одной из особенностей деятельности специалиста на транспорте, обуславливающей специфику его личностной правовой культуры, является воздействие норм частного и публичного права¹¹² практически на все стороны функционирования транспорта и деятельности должностных лиц и работников транспортных организаций, что делает невозможным его профессиональную деятельность без обращения к многочисленным правовым актам. Особое значение имеет высокая правовая культура специалистов на транспорте, осуществляющих полномочия, связанные с руководством трудовыми коллективами и организацией логистических и технологических процессов, обеспечением транспортной безопасности¹¹³ и т.п.

Анализируя структуру и содержание правовой культуры специалиста на транспорте, следует отметить, что из всех личностных правокультурных

¹¹² Колонтаевская И.Ф., Липунов В.И., Самородов Д.А., Гуляйкин С.Ф. Актуальные проблемы частного и публичного права: Монография / под редакцией И.Ф. Колонтаевской. М.: Московский ун-т им. Ю. В. Витте, 2016. С. 31.

¹¹³ Липунов В.И. Развитие образования в условиях глобализации // В сборнике: 20-летие Конституции Российской Федерации: практика реализации принципов конституционализма в условиях развития российской правовой традиции. Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации. 2013. – С. 18-20.

качеств следует выделить те, которые обуславливают правозначимое поведение, факторы, под влиянием которых происходит изменение сущности правовой культуры специалиста¹¹⁴, формируются правовые идеалы и убеждения, чувства и принципы, являющиеся определяющими социально- психологическими детерминантами поведения.

Правовые ценностные ориентации выполняют связующую роль между общественным и индивидуальным сознанием, с одной стороны, между рациональной, волевой и эмоциональной сферами самого индивидуального сознания личности, с другой, образуют своего рода ось сознания личности, обеспечивающую его устойчивость, преемственность определенного типа поведения и деятельности. В силу этого они выступают важным фактором, регулирующим и детерминирующим мотивацию, уровень сознательности и стойкости личности. Ценностные ориентации действуют как на уровне сознания, так и подсознания, определяя направленность волевых усилий, внимания и интеллекта, что особенно важно в условиях профессиональной деятельности специалиста на транспорте, насыщенной эмоциональными перегрузками и стрессовыми ситуациями¹¹⁵.

Правовая культура специалиста на транспорте формируется в результате системных педагогических воздействий в рамках профессионального обучения по программам высшего образования (среднего профессионального образования), реализуемым образовательными организациями в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, а в особо установленных случаях – в соответствии с разработанными на основе федеральных государственных образовательных стандартов самостоятельно утверждаемых образовательных стандартов.

Анализ содержания профессиональных стандартов должностей в сфере транспорта, замещаемых специалистами с высшим образованием, показывает, что вопросам наличия правовых знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующих подготовленность к выполнению соответствующего вида профессиональной деятельности, уделяется самое пристальное внимание. Так, профессиональный стандарт 17.076 «Руководитель подразделения организации железнодорожного транспорта» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 12 декабря 2018 года № 787н) устанавливает, что замещающий должность специалист обязан знать: нормативные и руководящие документы по управлению трудовыми

¹¹⁴ Землин А. И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. – М.: Военный университет Министерства обороны РФ, 1996. – С. 81.

¹¹⁵ Аксиологические подходы к формированию правовой культуры специалиста-транспортника в современных условиях были предметом специального исследования авторов, результаты которого были представлены в рамках IX Международного конгресса сравнительного правоведения на «Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения», состоявшегося 2 декабря 2019 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации при участии Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы) (См.: Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под. ред. Д.А. Пашенцева. ИЗиСП. – М.: Инфра-М. 2020. – С. 403–411; Залоило М.В. Цифровизация как ценностный ориентир и вектор трансформации правовых ценностей // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под. ред. Д.А. Пашенцева. ИЗиСП. – М.: Инфра-М. 2020. – С. 429).

ресурсами подразделения организации железнодорожного транспорта; порядок заключения и исполнения договоров при управлении трудовыми ресурсами; трудовое законодательство Российской Федерации; требования охраны труда, электробезопасности и пожарной безопасности; особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда отдельных категорий работников железнодорожного транспорта, непосредственно связанных с движением поездов; порядок заключения и исполнения договоров; способы получения информации с использованием цифровых технологий; методы управления, предупреждения и разрешения межличностных и межгрупповых конфликтов.

Таким образом, вполне обоснован и даже очевиден вывод о том, что ответы на сакраментальные вопросы «чему учить» и «как учить» специалиста-транспортника следует искать в сфере практики реализации потребностей транспортной системы, а точнее, с учетом требований к опережающей системе подготовки специалистов, - в правовых актах, устанавливающих направления государственной политики в сфере транспорта, пути и средства их реализации.

Новые, постоянно возрастающие требования к правовым компетенциям специалистов-транспортников детерминируют необходимость не только включения в образовательные программы новых дидактических единиц (дисциплин и модулей), но и применение соответствующих новому содержанию технологий активного и интерактивного обучения¹¹⁶.

Литература

Артамонова С.Н. К вопросу о методике подготовки лекционного занятия «Административно-правовые основы контрольной деятельности в сфере обеспечения безопасности автотранспортной безопасности: история, современность и перспективы развития» в контексте развития системы непрерывного образования взрослых и дистанционного обучения // Транспортное право и безопасность. – 2019. – № 4 (32). – С. 225–230.

Залоило М.В. Цифровизация как ценностный ориентир и вектор трансформации правовых ценностей // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов; под ред. Д.А. Пашенцева. ИЗиСП. – М.: Инфра-М. 2020. – С. 429.

Землин А. И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. – М.: Военный университет Министерства обороны РФ, 1996. – С. 81.

¹¹⁶ Артамонова С.Н. К вопросу о методике подготовки лекционного занятия «Административно-правовые основы контрольной деятельности в сфере обеспечения безопасности автотранспортной безопасности: история, современность и перспективы развития» в контексте развития системы непрерывного образования взрослых и дистанционного обучения // Транспортное право и безопасность. 2019. № 4 (32). С. 225-230; Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование // Право и образование. 2020. № 8. С. 29-34; и др.

Колонтаевская И.Ф., Липунов В.И., Самородов Д.А., Гуляйкин С.Ф. Актуальные проблемы частного и публичного права: Монография / под ред. И.Ф. Колонтаевской. – М.: Московский ун-т им. Ю. В. Витте, 2016. – С. 31.

Липунов В.И. Развитие образования в условиях глобализации // В сборнике: 20-летие Конституции Российской Федерации: практика реализации принципов конституционализма в условиях развития российской правовой традиции. Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации. – 2013. – С. 18–20.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование // Право и образование. – 2020. – № 8. – С. 29–34.

Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под. ред. Д.А. Пашенцева. ИЗиСП. – М.: Инфра-М. 2020. – С. 403–411.

Иванова Светлана Анатольевна,

д.ю.н., профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Цифровизация стала невероятно популярной в последнее время, затрагивая практически все сферы жизнедеятельности человека и гражданина и изменяя стереотипы мышления, особенно в правовой сфере.

В настоящий момент все правовые системы столкнулись с вопросом сущности права в цифровую эпоху. Перед законодателем каждой из стран встала проблема создания новых инструментов регулирования, проблема поиска баланса интересов усложняющегося субъектного состава. При этом уже устоявшиеся способы регулирования не всегда эффективны в силу специфики новых общественных отношений. Проблемы, с которыми информационные технологии заставили столкнуться право, побуждают юристов к поиску решений. Появление новых технологий, новых объектов и связанных с ними правоотношений в отсутствие специального регулирования зачастую сопровождается ситуацией, когда правовая система уже не способна предложить адекватные решения.

Обычно такие объекты – это доменные имена, цифровые аккумуляторы, персональные и большие пользовательские данные в цифровой форме, объекты интеллектуальной собственности, фотографии, любые персональные данные и т.д.

Вместе с тем включение в имущественный оборот цифровых данных не должны влиять на гарантированные Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина, в частности:

право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 статьи 29 Конституции РФ);

право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ);

право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 статьи 23 Конституции РФ).

Из этого вытекает, что при обработке, загрузке и размещении человеку необходима защита его персональных данных. В нашей стране обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных осуществляется посредством норм специального закона – Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Его цель корреспондирует правилу ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации об охране частной жизни гражданина.

В современном мире привычное многим живое общение постепенно отходит на второй план, в центр внимания все активнее выходит виртуальная коммуникация. Однако субъектами общения теперь становятся не физические лица, а их образы в виртуальном пространстве: аватары, фоновый рисунок и специфические характеристики. Активное развитие цифровых технологий предполагает детальный правовой анализ, изучение указанных явлений для защиты прав граждан, чьи изображения используются в мультимедийных продуктах.

Под виртуальным образом понимается некое впечатление, которые создается у пользователей при общении или посещении страницы конкретного лица. К примеру, студия Electronic Arts (EA GAMES), известная серией компьютерных игр, связанных с футболом FIFA, использует лица и внешний вид футболистов в игре для придания наиболее приближенной к реальности атмосферы. В некоторых случаях персонаж данной игры полностью копирует образ спортсмена, в том числе фирменное празднование голов, прическу, манеру передвижения на поле.

Виртуальный образ включает в себя не только внешний вид физического лица, но и отличительные черты в манерах поведения, голосе, стиле, жестах, даже татуировках, одежде и др.¹¹⁷ В практике Верховного Суда РФ отмечается: «обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ) не относятся к интеллектуальным правам в смысле положений ч. IV ГК РФ»¹¹⁸.

При практически любом использовании изображения необходимо получать согласие изображаемого лица. Форма выражения такого согласия (устная или письменная форма) также играет значительную роль при определении допустимых объёмов и границ такого использования.

¹¹⁷ Гринь Е.С. Виртуальный образ как объект правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 143 - 148.

¹¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. июль, 2019.

Однако, специальный статус применим к разного рода публичным личностям: политикам, артистам и государственным деятелям в тех случаях, если само использование их изображений происходит в публичных интересах. Не требуется также согласия на обнародование и использование изображения гражданина, если оно необходимо в целях защиты правопорядка и государственной безопасности. Если цель этих действий заключается в извлечении прибыли или в обывательском интересе к частной жизни этой публичной фигуры, то согласие на использование (обнародование) изображения всегда необходимо.

Существенное увеличение объема правотворчества, наблюдаемое в России в последние годы, обусловлено появлением конкретных практических задач. Это связано с потребностью формирования новых правовых институтов, призванных урегулировать ранее не встречавшиеся явления¹¹⁹. Стоит отметить, что российский законодатель долгое время демонстрировал свое негативное отношение к возникшим экономическим феноменам¹²⁰. Однако в результате долгой и кропотливой работы были приняты нормативно-правовые акты, во исполнение которых были внесены изменения в гражданское законодательство.

Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ в ГК РФ был добавлен новый объект гражданских прав – так называемые «цифровые права». В отличие от зарубежных законодателей, большинство из которых настороженно относятся к внедрению новых правовых категорий, предпочитая уделять время поиску «цифровых» аналогий существующим институтам права, российский законодатель попытался создать совершенно новую юридическую конструкцию, которая, вызывает много вопросов.

Но данные изменения нельзя назвать удачными. Несмотря на то, что положения касательно нового объекта гражданских прав вступили в силу почти два года назад, судебной практики по данному вопросу до сих пор нет, что говорит о неких сложностях в их практическом применении.

«Словарь тактической реальности» К. Беккера содержит определение цифровых прав человека: «цифровые права человека — это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации»¹²¹.

В «Словаре тактической реальности» сказано о существовании таких цифровых прав человека, как право на неприкосновенность частной сферы, право свободно общаться и выражать мнение, право доступа к каналам коммуникации.

Цифровизация – это лишь новый способ представления тех или иных общественных отношений, который нивелирует пространственно-временные и иные ограничения. Например, обязательственное требование

¹¹⁹ Подробнее об этом см., например: Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская, М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

¹²⁰ Вестник Банка России. № 11. 05.02.2014.

¹²¹ Беккер К. Словарь тактической реальности [Электронный ресурс] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1188772> (дата обращения: 08.01.2021).

владельца банковского счета к банку может быть предъявлено через мобильное приложение, т.е. в границах информационной системы.

В правовой литературе также встречается выделение и других цифровых прав человека: право цифровых денег, право цифровых споров, программное право, право доступа к цифровым данным и защиты при доступе, право на публикацию цифровых произведений и т.д.¹²²

Касательно оборотоспособности цифровых прав в том виде, в котором они существуют сейчас сложно сказать, как именно должно закрепляться право собственности, которое, согласно п. 2 ст. 141.1 ГК РФ вытекает из возможности распоряжения им. Вопросы момента перехода права и способа его удостоверения для неопределенного круга лиц остаются открытыми. К тому же, в утвержденном законопроекте за рамками регулирования остался вопрос о так называемой криптовалюте, - или цифровых деньгах, как они были обозначены в первоначальной редакции. В этой связи можно предположить, что блокчейн-технология получит весьма узкое применение в сфере финансовых сделок. К примеру, расчеты по смарт-контрактам на практике осуществляются только посредством криптовалюты, что ограничивает возможность их использования для привлечения инвестиций в рамках действующего российского законодательства. Это связано с тем, что крупные инвестиционные проекты требуют сопровождения финансовыми институтами, в то время как сами банки не заинтересованы в использовании альтернативных способов инвестирования.

В действительности же цифровые права лишь характеризуют особые качества вещного права, в силу которых они требуют определенных особенностей учета.

Однако законодательное закрепление цифровых прав имеет несомненную пользу для дальнейшего развития и использования институтов цифровой экономики. Подобно тому, как ст. 1286.1 ГК РФ, предусматривающая наличие в праве интеллектуальной собственности института открытой лицензии, одним своим существованием обеспечивает возможность применения устоявшихся в зарубежной практике свободных лицензий, цифровые права создают благоприятную почву для внедрения в право цифровых технологий. В перспективе права интеллектуальной собственности по-прежнему будут играть важную роль, поскольку именно они служат базовой платформой для инноваций.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что инновации в области цифровой экономики должны достигаться с соблюдением положений Конституции РФ о приоритетной ценности прав и свобод человека и гражданина, рассматриваться как следующий шаг в формировании теоретико-правовой концепции цифровизации, включая процесс цифровизации в правовой сфере.

¹²² См.: Ломакин А. Цифровизация права // Трудовое право. – 2017. – № 9. – С.68.

Литература

Беккер К. Словарь тактической реальности [Электронный ресурс] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1188772> (дата обращения: 08.01.2021).

Гринь Е.С. Виртуальный образ как объект правовой охраны/Е.С.Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6.

Ломакин А. Цифровизация права/А.Ломакин // Трудовое право. – 2017. – № 9.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России/Д.А.Пашенцев, М.В.Залоило, А.А.Дорская: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Иванюк Оксана Александровна,

к.ю.н., старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹²³

Переход к новому технологическому укладу¹²⁴, беспрецедентная цифровизация всех жизненных процессов в обществе, государственном управлении, правотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности¹²⁵, ускоренная в связи с пандемией коронавируса¹²⁶, обуславливают все более масштабное использование информационных технологий как при создании и прекращении юридического лица, так и в его повседневной деятельности.

При этом «цифровая правосубъектность» юридических лиц в современную эпоху не ограничивается этапами их создания и ликвидации, а включает в себя множество других прав и обязанностей организаций, для реализации которых требуется применение цифровых механизмов.

Кроме того, цифровизации бизнеса способствует и потребность публичной власти и общества в наличии общедоступной информации о различных аспектах деятельности юридических лиц.

¹²³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ – научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

¹²⁴ Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

¹²⁵ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография. – М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020; Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2021 и др.

¹²⁶ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

Необходимость опубликования сведений о юридических лицах в общедоступных информационных ресурсах обусловлена тем, что организации создаются в целях участия в общественных отношениях для реализации своих интересов, что предполагает открытость определенной информации о юридических лицах для всех их потенциальных контрагентов¹²⁷. Такая открытость сведений о соответствующих участниках предпринимательских отношений позволяет всем иным лицам, заинтересованным во вступление в отношения с указанными участниками, оценить основания, риски и перспективы соответствующего взаимодействия.

Решение задачи максимального обобщения всех имеющихся в цифровой среде сведений о юридических лицах и упрощения доступа к ним позволит сделать электронные коммуникации между государством, обществом и бизнесом наиболее эффективными.

Способы применения цифровых технологий при осуществлении организациями предпринимательской и иной деятельности могут быть разнообразными: организация деловой переписки и переговоров, размещение рекламы товаров и услуг, заключение сделок путем пересылки электронных документов, использование цифровых технологий при организации производства или оказания услуг, локального документооборота, организации виртуальных экскурсий по производству и онлайн-консультаций, создание интернет-магазинов, продвижение компании в интернет-пространстве и др.

Развитие рынка и законы конкуренции предполагают появление конкурентных преимуществ и формирование положительного делового имиджа у организаций, обеспечивающих максимальный уровень качества производимых (поставляемых) ими товаров, работ или услуг, а также эффективности своей повседневной внутриорганизационной деятельности, в том числе при помощи применения цифровых технологий в своем локальном нормотворчестве и в повседневной практической деятельности, позиционирования компании в качестве информационно открытой и развитой в аспекте цифровых коммуникаций организации.

Одним из актуальных направлений развития цифровизации на локальном уровне является обеспечение совместимости соответствующих локальных и государственных (муниципальных) информационных систем.

Инструменты цифровизации на уровне организаций применяются при организации следующих видов деятельности: организация локального документооборота, включая документооборот при принятии локальных нормативных актов; раскрытие сведений об организации и ее деятельности; организация предпринимательской деятельности, в том числе при помощи электронных площадок.

Одним из наиболее ценных активов современной экономики являются цифровые платформы, разработкой которых, в частности, занимаются Facebook, iTunes, eBay, Amazon, LinkedIn, Airbnb, Tencent, «ВКонтакте»,

¹²⁷ Ефимов А.В. К вопросу о необходимости формирования единой системы раскрытия сведений о юридических лицах в условиях цифровой экономики // Право и экономика. – 2018. – № 10. – С. 48.

«Яндекс», Avito, OZON. При этом цифровые платформы начинают использоваться в качестве основных каналов взаимодействия с клиентами и осуществления транзакций, а также как средство создания инновационных бизнес-моделей, в том числе и в традиционных отраслях¹²⁸.

Одним из значимых цифровых инструментов для организаций, участвующих в государственных закупках, в настоящее время являются электронные площадки, которые используются для организации закупок крупных партий товара организациями всех форм собственности и являются одной из наиболее востребованной форм проведения закупок продукции, так как данный вид площадок гарантирует непредвзятость в определении победителя.

Можно сделать следующие выводы о трансформации института правосубъектности юридических лиц в условиях цифровизации:

использование цифровых технологий в организациях всех форм собственности как способ реализации входящих в понятие правосубъектности юридического лица юридически значимых прав и обязанностей является в настоящее время необходимым условием обеспечения их успешного функционирования и интегрирования в цивилизованную деловую среду и в целом широкое коммуникационное пространство;

возможности применения цифровых технологий в организациях практически многообразны и включают в себя как «цифровую» организацию локального нормотворчества на всех его стадиях, осуществление управления на локальном уровне и выстраивание цифровой модели локального документооборота, так и электронную форму организации и управления производственными процессами, раскрытия информации о деятельности юридического лица согласно установленным требованиям.

В качестве возможных направлений развития цифровизации на уровне отдельно взятых юридических лиц выделяются:

поиск инновационных решений и бизнес-моделей, основанных на применении цифровых технологий (проведение экспериментов с новыми бизнес-моделями, продуктами, идеями и технологиями);

активное изучение зарубежных «историй успеха» в целях адаптации для российских условий наиболее эффективных бизнес-моделей, технологий, процессов, готовых продуктов, методов управления и других разработок;

заблаговременное освоение современных технологий «Индустрии 4.0», таких как промышленный интернет вещей, 3D-печать, виртуальная реальность, сенсорные интерфейсы и продвинутая роботизация;

развитие прочных горизонтальных связей с образовательными и исследовательскими организациями, высокотехнологичными компаниями и с ор-

¹²⁸ Доклад «Цифровая Россия: новая реальность», подготовленный в июле 2017 г. международной компанией McKinsey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 03.03.2021).

ганами государственного управления, что позволит эффективно обмениваться опытом, разрабатывать общие для конкретной отрасли инновационные цифровые решения, продукты и стандарты, адаптировать образовательные программы и развивать навыки применения цифровых технологий¹²⁹. При этом достижение компаниями успеха в цифровизации и в современных предпринимательских отношениях возможно как при одновременной реализации всех указанных выше направлений цифровой модернизации бизнеса, так и использовании различных их сочетаний в соответствии с потребностями развития каждого конкретного субъекта хозяйствования.

Литература

Доклад «Цифровая Россия: новая реальность», подготовленный в июле 2017 г. международной компанией McKinsey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 03.03.2021).

Ефимов А.В. К вопросу о необходимости формирования единой системы раскрытия сведений о юридических лицах в условиях цифровой экономики // Право и экономика. – 2018. – № 10.

Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфотропик Медиа, 2021.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российской права. – 2020. – № 7. – С. 5–26.

¹²⁹ Доклад «Цифровая Россия: новая реальность», подготовленный в июле 2017 г. международной компанией McKinsey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 03.03.2021).

Ивардава Левани Индикоевич,
аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований
законодательства Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации

СУБЪЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Цифровизация экономики, внедрение новых технологий в различные сферы деятельности человека требуют совершенствования правового регулирования общественных отношений, прежде не требовавших правового регулирования либо не существовавших вовсе, что приводит к трансформации сферы правового регулирования, дальнейшей специализации правового регулирования отдельных сфер общественных отношений, конкретизации правовых статусов субъектов этих отношений применительно к изменившимся условиям правовой среды¹³⁰.

Субъектами новых правоотношений являются цифровые или виртуальные лица, которые имеют свои цифровые данные, виртуальный образ (сетевое имя, nickname), IP-адрес, с привязанным к нему компьютером, с которого в виртуальном пространстве совершаются определенные действия. Такое «цифровое лицо» получается субъектом, не имеющим в виртуальном пространстве единого образа. В то же время любой правовой спор предполагает привлечение к юридической ответственности конкретного лица, которое, при современном уровне цифровых технологий чисто технически, трудно, а порой и невозможно идентифицировать в сети Интернет (например, в случае с децентрализованными сетями, которые строятся с использованием алгоритмов шифрования и на принципе анонимности проблематично связать конкретное лицо с IP-адресом или виртуальным образом)¹³¹.

Юридически значимыми становятся вопросы идентификации в виртуальном пространстве личности, что требует обеспечения охраны персональных данных, соблюдения прав человека и др.¹³² Появляются новые права человека (право на «цифровую смерть», на забвение, на доступ к сети Интернет), которые связаны с реализацией прав человека в виртуальном пространстве и др.

Развитие робототехники приводит к тому, что одним из участников новых отношений стал робот как новая цифровая личность, что также требует

¹³⁰ Закономерности и факторы конкретизации правового регулирования детально отражены в – отечественной правовой доктрине, см., в частности, следующие работы: Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2011. 196 с.; Залоило М.В. Правоприменительная конкретизация юридических норм // Журнал российского права. – 2012. – № 8; Залоило М.В. Понятие и виды правореализационной конкретизации юридических норм // Адвокат. – 2011. – № 11. – С. 28–37.

¹³¹ Тихомиров Ю.А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. – 2017. – № 5. – С. 5–10.

¹³² Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Э.В. Талапина [Текст] // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.

определенного законодательного регулирования. Сегодня важным является разработка нового подхода в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, в которых участвуют не только типичные субъекты (государство, юридические и физические лица), но и нетипичные (блогеры, провайдеры как информационные посредники, роботы и т.д.) участники правоотношений¹³³.

Независимо от сознания и воли каждого человека существует виртуальная вещь, которая одновременно имеет свою субстанцию только как результат компьютерного взаимодействия нескольких лиц, которые вступили в отношения и обладают юридической формой. Необходимо отметить сложность определения создателя такой виртуальной вещи, т.к. его сложно идентифицировать, даже, если над ее появлением работала компания-разработчик программного продукта, а также вреда, который может быть причинен посредством такой вещи.

Новые юридические нормы вызывают к жизни появление новых общественных отношений. Появляются новые легальные дефиниции и понятия, которые образуют основу будущих правовых институтов и фиксируют цифровые сущности и личности.

Необходимо отметить, что человек в цифровой экономике играет важнейшую роль в процессе создания и управления личным контентом, иными словами, стимулом роста являются знания и, соответственно, люди, владеющие этими знаниями. Однако намечается тенденция создания и применения систем, предполагающих замену человека с помощью искусственного интеллекта¹³⁴, что может вызвать тревогу в обществе и озабоченность государства.

Литература

Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2011. – 196 с.

Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфотропик Медиа, 2021.

Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. матер. к XII Ежегодным научным чтениям памяти проф. С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. – М., 2017.

¹³³ Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. матер. к XII Ежегодным научным чтениям памяти проф. С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. – М., 2017.

¹³⁴ Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2021; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИГиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // / Э.В. Талапина [Текст] // Журнал российского права. – 2018. – № 2.

Тихомиров Ю.А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. – 2017. – № 5.

Исаков Владимир Борисович,

д.ю.н., профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ПРАВОВОЙ СТАТУС РОБОТОВ, НАДЕЛЕННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ОБЪЕКТЫ ИЛИ СУБЪЕКТЫ?

Очередной этап научно-технической революции, в том числе широкое распространение систем, наделенных искусственным интеллектом (интеллектуальных роботов), несут человечеству не только преимущества, но и новые угрозы и риски. В числе последних:

вытеснение роботом человека из социально значимых сфер деятельности, перехват рабочих мест;

снижение уровня образования и квалификации работников, влекущее деградацию человеческого интеллекта;

развращение человечества праздным и бессмысленным существованием, ведущим к его физической и культурной деградации;

ошибки робота: неправильно просчитанные им объективно вредоносные решения – технические, экономические, финансовые, экологические, медицинские, другие;

опасные технические сбои (намеренно инициированные или случайные) в сложных управляющих системах – навигаторах, автопилотах, технологических управляющих системах и т. п.;

умышленное использование человеком интеллектуальных роботов для извлечения неоправданных односторонних выгод или причинения вреда;

выход интеллектуальных роботов из-под контроля или перехват контроля над ними (боевые роботы, роботы-охранники, стаи (рои) мини-роботов, ударные беспилотники и т.д.);

потенциальная угроза превращения интеллектуальных роботов в автономную силу, противостоящую человеку и человечеству.

Уничтожение роботами человеческой цивилизации, многократно описанное в фантастических романах, на наш взгляд, маловероятно. Но интеллектуальные роботы вполне в состоянии сыграть на накопленных социальных противоречиях: подтолкнуть государства к термоядерной войне, выпустить в свет боевое отравляющее вещество или вирус, до предела обострить

межгосударственные и межнациональные конфликты – другими словами, позволить человечеству уничтожить себя самому.

С этой точки зрения отнюдь не случайно, что все чаще задается вопрос о правовом статусе систем с искусственным интеллектом. Что они собой представляют: объекты промышленности, науки и техники, функционирующие в составе соответствующей системы правоотношений, или находящаяся в процессе становления новую категорию субъектов права?

В печати опубликован ряд сообщений о придании роботам гражданской правосубъектности, в частности предоставлении им подданства. Так, например, сообщалось о предоставлении подданства Саудовской Аравии интеллектуальному роботу «София»¹³⁵. Публиковались даже «комментарии робота» по данному факту. Обращение к сайту посольства Саудовской Аравии позволяет убедиться, что предоставление подданства этой страны – сложная и длительная процедура, которая в данном случае полностью не выполнена. Комментарии по данному вопросу исходят от неуполномоченных лиц, которые выступают на массовых мероприятиях, не приводя каких-либо объективных доказательств или официальных документов. Таким образом, есть все основания полагать, что в данном случае в СМИ целенаправленно запущен информационный фейк, направленный на привлечение внимания к определенным коммерческим мероприятиям.

Дело, однако, не только в том, что необходимые условия предоставления гражданства или подданства роботу не были выполнены. С правовой точки зрения эти действия представляется лишенными какого-либо смысла. Предоставление статуса гражданина или подданного предполагает приобретение субъектом комплекса прав и обязанностей, которым данный субъект может реально распоряжаться. Может ли робот, даже наделенный искусственным интеллектом, пользоваться политическими правами, нести обязанности, служить в армии, платить налоги, заключать сделки и отвечать по ним?

С точки зрения теории права все три элемента правового статуса – права, обязанности, ответственность – находятся в единстве и неразрывной взаимосвязи. Права – это социальная возможность, «кусочек свободы», которое государство предоставляет и гарантирует субъекту права для достижения его интересов и целей. Какие «собственные» цели и интересы существуют у робота?

Обязанности – мера должного поведения субъекта по отношению к другому субъекту, государству, обществу. Способен ли робот сознавать меру должного поведения и руководствоваться ею? Что такое вообще «мера должного поведения» применительно к роботу?

Наконец, злоупотребление субъекта своими правами и неисполнение обязанностей влечет применение к нему ответственности – мер лишения личного, имущественного или организационного порядка. Какие меры от-

¹³⁵ См., в частности: Саудовская Аравия предоставила подданство роботу [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/world/584821> (дата обращения: 03.03.2021); Роботу, который обещал уничтожить человечество, дали гражданство [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/technology/robotu-kotoryy-obeshchal-unichtozhit-chelovechestvo-dali-grazhdanstvo/> (дата обращения: 03.03.2021).

ветственности могут быть применены к роботу, нарушившему свои обязанности? Имущества и денег у него нет, понизить в должности его невозможно. Утрата доверия, чести и достоинства техническим устройствам не грозит. Причинение роботу «технических страданий» выглядит нелепо. Остается только «высшая мера» наказания – отключение робота от электропитания и разбор его на запасные части. Получается, что робот неуязвим перед возможными мерами ответственности за нарушение обязанностей и свое «ненадлежащее поведение» в целом.

Очевидно, что попытки «очеловечить» робота, втиснуть его в правовую ячейку, предназначенную для человека, методологически несостоятельны и приводят к абсурдам. Человеческая позиция в системе социальных и правовых отношений уникальна и может быть занята только человеком – существом, наделенным сознанием, волей, автономными интересами и целями, социальным статусом, позволяющим отвечать за свои поступки.

Ситуация несколько проясняется, если взглянуть на нее с исторической точки зрения. Генетически интеллектуальные роботы являются продолжением эволюции машин, помогающих человеку, облегчающих его труд, обеспечивающих его материальную и интеллектуальную деятельность. Можно сказать, что они представляют собой качественно новую ступень развития инструментов человеческой деятельности: машины, получившие от человека определенную степень автономии и независимости. Но генетически, по своему происхождению, они остаются инструментами, то есть объектами, а не субъектами правовых отношений. Любой робот имеет производителя, то есть субъекта, который его изготовил и наделил определенными функциями, и владельца – субъекта, который использует робота для достижения своих целей и интересов. Это, в определенном смысле, «рабы» человека. От человека интеллектуального робота отличает отсутствие сознания, свободы воли, автономных целей и интересов, то есть необходимых основ «социальной субъектности».

В настоящее время в общественных отношениях интеллектуальные роботы выступают исключительно как объекты и предметы – инструменты человеческой деятельности, предметы сделок, объекты научных исследований и экспериментов и т. д. Это предопределяет их место в системе правоотношений в качестве объектов. Можно ли в принципе создать интеллектуального робота, который будет наделен подобием сознания, свободы воли, интересов и целей? Полагаю, что для этого нет непреодолимых технических препятствий. Другой вопрос, нужно ли это человеку. Интеллектуальные роботы могут стать автономными и саморазвивающимися субъектами общественных отношений и правоотношений только в том случае, если человек сам по каким-то причинам захочет «отпустить раба на волю», освободить его от своей опеки. Глобальные последствия такого решения для человека и человечества могут выразиться не только в изменении социального и правового статуса роботов, но и в целом ряде труднопрогнозируемых угроз и рисков.

Кондратюк Диана Лукинична,
доцент, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
Севастопольского государственного университета

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА СУБЪЕКТ ПРАВА

В двадцать первом веке вектор мирового развития, в том числе развития России, определяется, прежде всего, трансформацией экономики в экономику нового типа, именуемую цифровой. Большинство представителей экономической науки определяют цифровую экономику как тип экономики, характеризующейся активным внедрением цифровых технологий хранения, обработки и передачи информации во все сферы человеческой деятельности¹³⁶. Соответственно, цифровизация и есть процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни человека; на сегодняшний день она приобрела глобальный характер.

Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее - Стратегия). В качестве одного из основных принципов Стратегии указан приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий.

Можно выделить следующие основные направления цифровизации:

1) автоматизация бизнес-процессов с минимизацией участия человека, в-частности, цифровизация образовательных услуг (так, например, новая бизнес-модель дистанционного образования, осуществляемая ООО «Акцион-пресс», позволяет множеству юристов эффективно повышать квалификацию);

2) интернет вещей - концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека;

3) дополненная реальность – позволяет дополнить реальный мир виртуальными объектами (используется, например, при реализации ФГОП, когда необходимо продемонстрировать какой-либо сложный для понимания объект с разных сторон, например, внутреннее строение клетки);

4) виртуальная реальность, используется, например, в строительной отрасли (для продажи апартаментов, находящихся на стадии строительства); в шоу-бизнесе, как в случае создания виртуального (анимированного) артиста; в образовании (например, для погружения в историческую эпоху);

¹³⁶ Скляр М. А., Кудрявцева К. В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3 (61).

5) 3D-моделирование и 3D-печать - построение цифровых 3D-моделей объектов реального мира, позволяет изготавливать изделия целиком, а не по частям, например, в медицине для создания искусственных органов человека;

6) технологии машинного обучения (Machine Learning, ML) и искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, AI), например, система распознавания лиц, применяемая для идентификации;

7) связь цифровой экономики с робототехникой – применение роботов в промышленности, гостиничном бизнесе, транспорте позволяет снизить влияние человеческого фактора.

Каждое из указанных направлений цифровизации в силу внедрения во все сферы человеческой жизнедеятельности оказывает влияние на субъекта права. Так Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор справедливо отмечают, что в условиях новой реальности право становится не только инструментом, обеспечивающим цифровизацию всех сфер социального бытия, но и объектом воздействия цифровизации, в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия¹³⁷. Поэтому в условиях глобальной цифровизации важно обеспечить сохранение ценности права.

Цель права, как и всего, что создается разумной деятельностью человека, - общее благо. Право есть средство к осуществлению добра и справедливости¹³⁸. В праве фигура человека является основной, вокруг нее уже формируются правовые теории и практика. Значимость фигуры человека в условиях цифровизации отражена и в Стратегии, в пункте 26 которой отмечается, что для формирования информационного пространства знаний необходимо формировать и развивать правосознание граждан и их ответственное отношение к использованию информационных технологий, в том числе потребительскую и пользовательскую культуру.

Необходимо отметить, что современное правопонимание претерпело существенные изменения, содержание которых наиболее полно отражено И.Л. Честновым, который отмечает трансформацию бессубъектности юридического нормативизма в человекоцентризм и выделяет такие особенности современного правопонимания, как признание многомерности права, взаимной обусловленности объективного и субъективного права, исторической и социо-культурной контекстуальности права¹³⁹.

В юридической литературе существуют различные точки зрения на категорию «субъект права», на ее отграничение от категории «субъект правоотношения». Указанная проблематика связана с рассмотрением субъекта права через призму юридических формулировок, без привязки к сущности исследуемой категории, к ее онтологической характеристике.

¹³⁷ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1.

¹³⁸ Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. – Москва: Статут, 2003.

¹³⁹ Честнов И.Л. Философия права в эпоху постметафизики [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-prava-v-epohu-postmetafiziki/viewer> (дата обращения: 03.03.2021).

Сущностное понимание субъекта права исследовалось представителями российской дореволюционной философии права. Так, Н.Н. Алексеев считал, что категория «субъект права» относится не только к праву объективному, субъект права - это живая личность, являющаяся носителем правосознания¹⁴⁰.

Н.М. Коркунов признавал субъект права особой частью юридической реальности, в которой проявляются как признаки отдельно взятой личности, так и права в целом¹⁴¹.

Представляется обоснованным подход к субъекту права, приведенный С.И. Архиповым, основывающийся на указанных воззрениях представителей российской дореволюционной философии права. По мнению С.И. Архипова, категория «субъект права» является многоаспектной. «... это совокупность заключенных в специальную форму (в форму юридического лица или индивида) правовых качеств человека (его правовая воля, правовое сознание, правовые действия, поступки, создаваемые им правовые связи, отношения и т.д.)». Человек как субъект права всегда наделяется правосубъектностью¹⁴². Указанный подход при определении субъекта права объединяет как юридическую, так и онтологическую составляющую данной категории. Так С.И. Архипов считает, что именно человек как правовой феномен является тем основанием, из которого возникают все субъекты права.

Применительно к гражданскому праву В.И. Иванов предлагает рассматривать правоспособность как признанную государством в системе объективного гражданского права за каждым живым человеком способность быть носителем конкретных статусов (собственника, наследника, автора, подрядчика и т.д.). В указанном подходе категория «статус» выступает в четырех ипостасях: как часть правоспособности; как имя человеческой способности (например, способности создавать произведения искусства, то есть, быть автором); как состояние; как неразрывное единство объективного и субъективного в праве. Из приведенного понятия правоспособности как набора статусов следует необходимость разграничения момента приобретения лицом статуса и момента его государственного оформления¹⁴³.

Также из приведенного В.И. Ивановым понятия правоспособности следуют практические выводы, которые можно применить при разработке нормативно-правовых актов, регламентирующих цифровизацию различных сфер жизнедеятельности, а также применять в правоприменительной практике. Так, например, не исследовав вопрос разграничения момента приобретения лицом статуса и момента его государственного оформления, суд отказал истцу, являющемуся собственником здания, в признании отсут-

¹⁴⁰ Алексеев Н.Н. Основы философии права. Санкт-Петербург: Юридический ин-т, 1998.

¹⁴¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. Москва: Издательство Юрайт, 2020.

¹⁴² Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

¹⁴³ Иванов В.И. Избранное. – Москва: Юркомпани, 2012.

ствующим права постоянного (бессрочного) пользования ответчика земельным участком, на котором находится принадлежащее истцу здание¹⁴⁴.

В условиях цифровизации возникают новые сферы деятельности, порождающие новые бизнес-модели, что влечет востребование новых способностей человека, признавая которые государство должно обозначить их в законе (закрепить новые статусы).

Представляется, что наиболее существенное влияние цифровизации на субъект права можно проследить в сферах правотворчества и правоприменения.

Как отмечает Г.А. Гаджиев, в двух случаях роль человеческого фактора при конструировании акта правосудия возрастает: когда в законе обнаруживаются пробелы или противоречия, и когда становится очевидным, что просто наложение с использованием силлогистического метода закона на возникшую ситуацию породит несправедливость¹⁴⁵. Без цифровизации невозможна эффективная систематизация нормативно-правовых актов, что влечет возникновение противоречий в законе¹⁴⁶.

Основу правосознания и правовой культуры общества составляют традиции, идеи, принципы – в них воплощено ценностное содержание права.

Среди ученых отсутствует единство мнений по поводу понятия правовой традиции. Наиболее отражающим сущность данного явления представляется определение правовой традиции как совокупности правовых знаний, правового опыта, достигнутого предыдущими поколениями и воспринятого на нынешнем этапе развития права, который, воздействуя на духовную сферу жизни общества, участвует в формировании правовой системы государства, правосознания его граждан¹⁴⁷. Правовые традиции складываются под влиянием ценностных ориентиров и регулируют поведение человека даже в случае, если он этого не осознает, но, тем не менее, действует совершенно так, как действовал бы среднестатистический субъект права в сходной ситуации. Поэтому столь важно при разработке закона учитывать сложившуюся правовую традицию, в том числе, и при урегулировании отношений, вызванных к жизни цифровой средой (например, в части сбора, хра-

¹⁴⁴ Решение Нахимовского районного суда города Севастополя от 22 июля 2020 года по делу № 2-298/2020 [Электронный ресурс] // URL: https://nakhimovskiy--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19418196 (дата обращения: 03.03.2021).

¹⁴⁵ Гаджиев Г.А. *Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)*. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. 320 с.

¹⁴⁶ Так, например, при приведении в соответствие с новым Общероссийским классификатором видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) Закона города Севастополя № 77-ЗС от 14.11.2014 года «О ставках по налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения» произошла реструктуризация разделов, и осуществляемый индивидуальным предпринимателем вид экономической деятельности «демонстрация кинофильмов» был отнесен к другому подклассу, что повлекло его автоматическое исключение из подлежащих льготному налогообложению видов деятельности. Исходя из пояснений ОКВЭД 2, приведенных в классе 90 раздела R, указанный вид деятельности можно отнести одновременно к двум разделам, что повлекло правовую неопределенность и обращение в суд с административным иском (Решение Севастопольского городского суда от 11 марта 2020 года по делу № За-19/2020).

¹⁴⁷ Сулипов Р.С. Понятие и признаки правовых традиций: теоретический аспект // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 4(10). – С. 49–52.

нения и распространения информации, составляющей персональные данные человека).

Таким образом, цифровая среда оказывает влияние на всех субъектов права (будь то правотворец, правоприменитель или обычный участник гражданских правоотношений), воздействует на формирование их правосознания и, соответственно, на формирование правовой культуры общества.

Литература

Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук/С.И.Архипов. – Екатеринбург, 2005. – 522 с.

Алексеев Н.Н. Основы философии права/Н.Н.Алексеев. – Санкт-Петербург: Юридический ин-т, 1998. – 215 с.

Васьковский Е.В. Учебник гражданского права/Е.В.Васьковский. – Москва: Статут, 2003. – 382 с.

Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)/Г.А.Гаджиев. – Москва: Норма: Инфра-М, 2016. – 320 с.

Иванов В.И. Избранное/В.И.Иванов. – Москва: Юркомпани, 2012. – 212 с.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 352 с.

Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски/М.А.Скляр, К.В. Кудрявцева // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3 (61). – С. 103 – 114.

Сулипов Р.С. Понятие и призраки правовых традиций: теоретический аспект/Р.С.Сулипов // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. –2010. – № 4(10). – С. 49 - 52.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности/Т.Я.Хабриева, Н.Н.Черногор// Журнал российского права. – 2018. – № 1.

Честнов И.Л. Философия права в эпоху постметафизики [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-prava-v-epohu-postmetafiziki/viewer> (дата обращения: 03.03.2021).

Кораблин Константин Климентьевич,

профессор, к.ю.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института Тихоокеанского государственного университета

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСИН РОССИИ

Уголовно-исполнительная система России (далее – УИС) по состоянию на 1 февраля 2021 года состоит из 670 исправительных колоний, 106 колоний-поселений, 7 исправительных колоний для осужденных к пожизненному сроку лишения свободы, 8 тюрем, 209 следственных изоляторов и 86

помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, 18 воспитательных колоний для несовершеннолетних преступников. В местах лишения свободы содержится 478 714 человек, из них 39 100 женщин¹⁴⁸.

Важнейшими задачами, стоящими перед учреждениями и органами УИС, обозначенными в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 2808-р, являются: сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы; гуманизация условий содержания осужденных и лиц, заключенных под стражу, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами и правилами. В этой связи все больше исследователей и практиков УИС приходят к выводу о том, что в сфере исполнения уголовных наказаний необходимо широко использовать возможности современных инновационных технологий.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О науке и государственной научно-технической политике» под термином «инновации» понимается введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях. В определение «инновационная инфраструктура» входит совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг. Согласно вышеназванного закона «инновационная деятельность» – это научная, технологическая, организационная, финансовая, коммерческая и другие виды деятельности, которые направлены на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

Как видим, «инновации» – это нововведения в различных областях знаний, обеспечивающие качественный рост эффективности процессов или продукции. Внедрение инноваций, прежде всего, связано с непрерывным поиском, использованием обновленных способов реализации накопленного потенциала, развитием современных технологий, ростом научных достижений, модификацией существующих и формированием новых видов деятельности, прогрессивным движением вперед и т.д., что оказывает влияние на правовое развитие¹⁴⁹.

Инновации встречаются двух типов: технологические и нетехнологические. К первым относятся коренные изменения, касающиеся технологий

¹⁴⁸ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Электронный ресурс // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 06.03.2021).

¹⁴⁹ Данная идея была наглядно показана в новейшей научной литературе на примере исследования трансформаций правового развития в свете технологических инноваций (см.: Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021).

производственных процессов. Нетехнологическими являются инновации организационного, управленческого, правового, социального, экологического и т.п. характера. Вместе они глубоко взаимосвязаны и взаимозависимы. В процессе инновационных преобразований в учреждениях и органах УИС сегодня активно применяются различные информационные справочные правовые системы как средство надежного хранения ведомственных данных, обеспечивающее быстрый поиск необходимых сведений. К ним относятся «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс», «Эталон», «Техэксперт» и другие базы данных, которые обеспечивают доступ к полнотекстовым нормативным правовым актам и решениям судебных инстанций, содержат в себе рекомендации и комментарии специалистов различных ведомств, разъяснения по типовым и сложным правовым ситуациям, представляют широкой аудитории видеоматериалы по различным юридическим вопросам, т. е. оказывают актуальную правовую поддержку всем, кто в ней нуждается.

В настоящее время в сфере уголовно-исполнительных отношений активно используются и такие инновационные технологии, как полиграфы, стресс-детекторы, система «электронного правосудия», электронное дело-производство, SMS-извещения участников судебных процессов, e-mail рассылка судебных актов и т. п. Быстрый доступ к информации становится возможным благодаря совершенствованию инженерно-технических комплексов СЭМПЛ (система электронного мониторинга подконтрольных лиц), средств охраны и персонального надзора за осужденными, интегрированных систем безопасности путем применения новых мобильных и беспроводных технологий, позволяющих обеспечивать дистанционный надзор за осужденными и контроль выполнения предписанных им ограничений путем индивидуальной идентификации и строгого надзора за их пребыванием в установленных местах.

Целью функционирования СЭМПЛ является обеспечение территориальных органов ФСИН России надежной системой электронного надзора за осужденными путем сбора, накопления, обработки, хранения информации о выполнении подконтрольными лицами предписанных им ограничений. В действующей электронной системе средств персонального надзора сегодня широко применяются такие понятия, как:

стационарное контрольное устройство – электронное устройство, обеспечивающее непрерывный круглосуточный прием и идентификацию сигналов с электронного браслета подконтрольного лица в целях надзора за соблюдением им режима пребывания в помещении или на установленной территории, а также оповещения о попытках снятия стационарного контрольного устройства, его повреждения и иных нарушениях;

мобильное контрольное устройство – электронное устройство, предназначенное для ношения совместно с электронным браслетом для отслеживания местоположения подконтрольного лица по сигналам, поступающим из глобальной навигационной спутниковой системы GPS/ГЛОНАСС;

электронный браслет – электронное устройство, надеваемое на осужденного в целях его дистанционной идентификации и отслеживания место-

нахождения, предназначенное для длительного ношения на теле (более 3 месяцев) и имеющее встроенную систему контроля несанкционированного снятия и вскрытия корпуса;

стационарный пульт мониторинга – компьютер, предназначенный для обработки и отображения информации о выполнении осужденным предписанных ограничений¹⁵⁰.

Использование современного технологического оборудования для осуществления видеоконференцсвязи (ВКС) выступает эффективным способом разрешения проблем, связанных с транспортировкой находящихся под стражей лиц в здание суда для участия в его заседаниях. Основными целями внедрения ВКС являются увеличение количества и повышение качества рассматриваемых судебными органами дел, сокращение сроков их рассмотрения, создание безопасных условий для участников судебного процесса, обеспечение гласности, открытости и доступности отечественного судопроизводства.

Одним из наиболее важных направлений в работе с осужденными является их обучение и профессиональная подготовка. Учебные программы они осваивают дистанционно с применением информационных технологий (ИТ), минуя социально-психологические барьеры в общении и при минимальных финансовых затратах со стороны ФСИН России. В удаленном режиме обучения границы образовательного пространства осужденного не деформируются под влиянием криминальной субкультуры. В учреждениях УИС обучение с использованием ИТ позволяет получать высшее образование практически в любой географической точке страны без посещения вуза и непосредственного контакта с преподавателями. Вместе с тем сегодня требуется более детальная регламентация форм и методов дистанционного обучения, а также расширение круга его субъектов взаимодействия¹⁵¹. В этой связи целесообразно внедрить в систему организации высшего образования (применительно к пенитенциарной системе) некоторые общие образовательные стандарты, учитывающие психологические и социально-бытовые условия отбывания наказаний осужденными.

Литература

Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2011. – 20 с.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

¹⁵⁰ Лаборатория СЭМПЛ (система электронного мониторинга подконтрольных лиц) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Самарского юридического института ФСИН России. URL: <https://sui.fsin.gov.ru/sempl.php#::~text=> (дата обращения 06.03.2021).

¹⁵¹ О детализации правовых форм и методов с общетеоретических позиций см.: Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2011. – 20 с.

Крупеня Елена Михайловна,

д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ДИНАМИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ФОКУСЕ КОНКРЕТНЫХ ФОРМ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Юридический статус, статусное публичное право и его динамика: о соотношении понятий. Общеправовой конструкт «юридический статус» используется в качестве необходимого познавательного инструмента, который позволяет аргументированно обосновать статусное публичное право в качестве комплексного института.

Наряду с основным понятием – «юридический статус» – в теоретическую основу при обосновании интегрируется комплекс общеправовых, связанных в логико-смысловом отношении понятий:

(1) «субъект права», поскольку правовой статус не может быть бес- субъектным;

(2) «индивидуальный субъект» – разновидность субъекта права, который выделяется на основе эмпирически наблюдаемого фактора тождества – он состоит в том, что актором регулируемого правовыми нормами поведения может быть исключительно человек (гражданин) и никто кроме него, так как коллективные субъекты – есть результат социально-правового конструирования законодателя с использованием принципа антроморфизма;

(3) «правоотношение» наиболее общее понятие по отношению к индивидуальному субъекту с определенным статусом, их разновидности – правоотношения в публично-правовой сфере; [публичное право] и др.

В теоретическом плане это позволяет:

– прояснить понимание статуса гражданина - относительно автономного актора общественной и государственной власти и, как следствие, субъекта публичного права не только с формально-юридической, но и содержательной стороны его деятельности в контексте функциональной характеристики;

– уточнить представления о статусе индивидуально субъекта правоотношений в контексте и статики, и динамики, поскольку гражданин, реализующий свой статус в системе публично-правовых отношений, является единственным актором, который способен продуцировать, сохранять и транслировать правовые ценности в пространстве культуры при использовании прав, исполнении обязанностей и соблюдении запретов.

Основные результаты исследования анализа детерминант между понятиями «юридический статус индивидуального субъекта публичного права», «статусное публичное право» позволили автору обосновать несколько принципиальных для теоретической юриспруденции обобщений, в совокуп-

ности образующих единую концепцию онтологии статусного публичного права¹⁵². Среди них отметим следующие:

интерпретация статусного публичного права как нормативно-ценностного комплекса в нормативно-регулятивной сфере общества, имманентно испытывающего влияние объективных, исторически обусловленных факторов¹⁵³ формирования социальных институтов значимых для общества функций (ожидаемых действий - ролей) человека в качестве гражданина государства и члена гражданского общества и субъективных условий его закрепления в позитивном праве;

доктринальных представлениях о разграничении нормативного и правореализационного модусов бытия статусного публичного права и поддержании его межуровневой коммуникации посредством актов юридически значимого поведения гражданина как правового существа, которое может осуществляться в различных правовых формах, но всегда характеризуется правоценностной мотивацией;

разграничении объективных (социальных) и субъективных (лично-психологических) элементов в механизме действия права и поддержании его функциональной достаточности как явления правовой культуры общества и средства обеспечения правопорядка органического типа.

Телеологически ценно для последующего изложения обратить внимание на ряд взаимосвязанных, подлежащих системному рассмотрению моментов. А именно:

динамика статуса субъекта - изменение состояния покоя- возможна под влиянием не только и даже не столько внешних, сколько внутренних факторов, составляющих субъективную реальность личности;

инструментом динамики правового статуса индивидуального субъекта публичного права выступает акт юридически значимого правомерного поведения, который находится в основании и определяет использование прав, исполнение обязанностей и (или) соблюдения запретов;

значимым внутренним фактором, детерминирующим акт поведения индивидуального обладателя статуса в публично-правовых отношениях, выступает правосознание¹⁵⁴, а его конкретные формы обуславливают качество и самого акта правомерного поведения, а, если его масштабировать на общество, то и качество правопорядка в публично-правовом сегменте.

Нигилизм как форма правосознания и его концептуализация в российской правовой мысли. Едва ли стоит специально доказывать, что правовой нигилизм аттестуется преимущественно как явление негативное. В качестве одной из многочисленных форм правосознания нигилизм детерминирует рост девиантного поведения и иные негативные социально-правовые явления - с ними государству справиться пока не удастся. Одной

¹⁵² Крупеня Е.М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе: дисс. на соискание... д-ра юрид. наук 12.00.01. Курск, 2019.

¹⁵³ Баранова О. В. Система Факторов развития современного права: дисс... к.ю.н. – М., 2020.

¹⁵⁴ Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. – М.: Юнити-дана: Закон и право, 2020. – С.13.

из веских причин их сохранения является фактическое расхождение теоретических воззрений на феномен правового нигилизма с массовыми практиками в сфере правовой жизни общества.

Именно с этих позиций можно оценить оригинальность и постановки проблемы, и предложенные решения в одном из диссертационных исследований¹⁵⁵. Метатеоретический уровень анализа объекта указанного исследования показывает: многие проблемные вопросы социально-правового свойства унаследованы из прошлого и существуют не одно столетие; позволяет обосновать необходимость обращения к отечественному опыту изучения феномена правового нигилизма и на основе анализа значимых научных достижений в этой области на протяжении пяти периодов развития общества, государства; выявить пробелы, препятствующие концептуализации правового нигилизма, формированию целостного образа данного феномена, что позволило бы разрабатывать эффективные меры профилактики. Автор верно утверждает, что «... в российском правоведении второй половины XIX – начала XXI в. имеются традиции научно-обоснованного исследования правового нигилизма, доказывающие несостоятельность одностороннего подхода к данному правовому феномену»¹⁵⁶.

Несомненный интерес в научном плане представляет предлагаемая Бурмистровым С.В. периодизация в рамках концептуализации правового нигилизма в России. В ее основе расположено развитие правовой идеологии. Такой подход заслуживает всемерной поддержки, поскольку он позволяет переосмыслить имеющийся в доктрине опыт изучения правового нигилизма, и представить результаты по-новому. В этой связи заслуживает положительной оценки стремление С.В. Бурмистрова внести свой посильный вклад в процесс юридического познания нигилизма и формирование теории, позволяющей описать данный социально-психологический феномен полно и всесторонне, что довольно сложно, учитывая природу этого явления.

Весомость и теоретическую значимость исследованию придают предложенные на суд научного сообщества направления в процессе концептуализации исследовании правового нигилизма. С.В. Бурмистров акцентирует внимание на том, что в досоветской юридической науке сложилось три направления анализа. А именно: либеральное - оно персонифицировано в трудах К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и др.), евразийское (Н. Н. Алексеев) и консервативное (И. А. Ильин и др.). Предложенное решение вопроса о направлениях в рамках концептуализации правового нигилизма помогает установить общее между ними, выявить особенное и отличительные черты различных дореволюционных исследований правового нигилизма. Полагаю, что такой подход способствует формированию не только нюансированного знания об истории развития представлений о правовом нигилизме,

¹⁵⁵ Бурмистров С. В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. Грозный, 2020.

¹⁵⁶ Бурмистров С. В. Указ. соч. С.4, 5 и др.

но и самом явлении, которое генетически связано с правосознанием индивидуального субъекта.

Исследование С.В. Бурмистрова, нацеленного на формирование «...целостной системы научных юридических воззрений о сущности правового нигилизма, сложившейся в российской правовой мысли второй половины XIX – нач. XXI вв. для обоснования теоретических основ правового нигилизма, которые, с одной стороны, вытекают из фундаментальных российских правовых учений, с другой стороны, обладают современной значимостью и научной обоснованностью»¹⁵⁷, обладает несомненной ценностью.

К числу очевидных достоинств, на сколько об этом позволяет судить текст автореферата, можно отнести:

- методологическую программу исследования. Идеино-методологические основания, с одной стороны, позволили критически оценить ресурсы позитивизма в осмыслении не только конкретных форм правосознания на примере правового нигилизма, но и базового общеправового понятия- правосознания, а с другой - осуществить исследование всесторонне и комплексно, с учетом достижений различных сфер правоведения (общей теории государства и права, истории учений о праве и государстве);
- системный анализ, использованный для выявления структуры элементов правового нигилизма и их взаимовлияние на основе обобщений весьма презентабельного перечня первоисточников - трудов дореволюционных, советских и современных ученых.

Одновременно ряд положений носят неоднозначный, проблемный характер и побуждают к дискуссии. Так:

едва ли можно согласиться с утверждением о том, что «преступное сознание не следует относить к деформации правосознания, так как оно предполагает принципиальное отрицание исходной идеи права считаем дискуссионным – возможны ситуации, когда преступное сознание не отрицает исходную идею права и является обусловленным рядом внешних факторов;

к сожалению, лексически не оформлены, т.е. не названы те факторы – т.е. обстоятельства которые, не просто обуславливают, но и придает импульс, позволяют явлению проявить все свои свойства в процессе длительного исторического существования и постоянного воспроизводства и которые предопределили «... национальные особенности правового нигилизма»¹⁵⁸;

без ответа остается и вопрос об определении понятия «механизма факторов воздействия, определяющих национальные особенности правового нигилизма», что имеет принципиальное значение для исследований в рамках специальности 12.00.01.

¹⁵⁷ Бурмистров С. В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. Грозный, 2020. С.7.

¹⁵⁸ Бурмистров С. В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. Грозный, 2020.. С.10.

Таким образом, можно обоснованно утверждать, что проблема динамики правового статуса гражданина в публично-правовых отношениях в контексте опыта теоретико-исторической науки относительно правового нигилизма сохраняет актуальное состояние и имеет перспективы для дальнейшей разработки.

Литература

Баранова О.В. Система факторов развития современного права: дисс... к.ю.н/О.В.Баранова. – М., 2020.

Бурмистров С.В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01/С.В.Бурмистров. – Грозный, 2020.

Крупеня Е.М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе: дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.01/Е.М.Крупеня. – Курск, 2019.

Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования/В.П.Малахов: монография. М.: Юнити-дана: Закон и право, 2020.

Крупнова Татьяна Борисовна,

аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований
Института законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, преподаватель кафедры теории
права и государственно-правовых дисциплин Международного
юридического института

СВОБОДА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ: МЕРА И КРИТЕРИИ ЕЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

В современной юридической литературе и в нормативных источниках достаточно часто упоминается конструкция «свобода волеизъявления». Так, согласно ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», судьи Конституционного Суда РФ должны принимать решения в условиях, «исключающих постороннее воздействие на свободу их волеизъявления».

В судебной практике по гражданским делам действия судов нацелено на обеспечение свободы волеизъявления участников правоотношений¹⁵⁹, или, более конкретно, «сторон договора»¹⁶⁰. При этом в последнем случае понятие «свобода договора» отождествляется с конструкцией «свобода волеизъявления стороны договора».

¹⁵⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2016 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.08.2017 № 5-КГ17-117// СПС «КонсультантПлюс».

Нередко, свобода волеизъявления в цивилистике возводится в ранг принципа¹⁶¹. Здесь категория «свобода волеизъявления» противопоставляется понятию «свобода воли», что обусловлено несопадением содержания «воли» и «волеизъявления». Действует вполне разумный универсальный подход, согласно которому воля сама по себе как психологическое явление не имеет самостоятельного правового значения. Она может определять как правомерное, так и неправомерное поведение лица. При этом воля выступает лишь предпосылкой тех действий, которые затем получают правовую оценку и подтверждение их правомерности¹⁶². В избирательном праве категория «свобода волеизъявления» используется в качестве основного принципа проведения выборов¹⁶³. Действительно, согласно статье 21 Всеобщей декларации прав человека, выборы должны проводиться «путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования». Воля народа должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах. А «свобода волеизъявления» представляется как симбиоз тайного голосования, где волеизъявление избирателей неподконтрольно, и отсутствия принуждения в процессе волеизъявления. Однако свобода волеизъявления как правовая категория, относящаяся к субъектам правотворчества, к настоящему времени практически не исследовалась. Это объясняется тем, что только сейчас с появлением новых уровней организации право все более дифференцируется, в нем формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы¹⁶⁴. Представляется, что свобода волеизъявления в правотворчестве имеет несколько отличных черт.

Во-первых, результатом правотворчества является нормативный правовой акт, т.е. вполне конкретный продукт, на получение которого нацелена воля субъекта правотворчества;

Во-вторых, правотворчество это деятельность, направленная на разработку и принятие, изменение, отмену нормативных правовых актов. Следовательно – это продукт волеизъявления;

В-третьих, правотворчество это деятельность, имеющая своих субъектов, к которым относятся – народ Российской Федерации, осуществляющий правотворчество на референдуме в силу ст. 3 Конституции РФ и Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»; федеральные органы государственной власти

¹⁶¹ Голубева Т.Ю., Афанасьев М.А. Новеллы наследства: совершение супругами совместных завещаний // Наследственное право, 2019, № 2. С.18-21; Алейникова В.В. Отказ в выплате по договорам страхования в российской правоприменительной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, – 2019. – № 5. – С. 176-192.

¹⁶² Политова И.П. Воля и волеизъявление. Монография. М.: Проспект, 2016. С.20.

¹⁶³ Худолей Д.М., Худолей К.М. Реализация основных принципов избирательного права в избирательных системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 3. – С.442-475.

¹⁶⁴ Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 8; Залоило М.В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государствоведение. – 2019. – № 1. – С. 16–24.

Российской Федерации (Государственная Дума Федерального Собрания РФ, Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Президент РФ, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти); органы государственной власти субъектов РФ (законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, исполнительные органы государственной власти субъектов РФ); органы местного самоуправления; общественные объединения; юридические лица¹⁶⁵. Именно, волеизъявление, указанных субъектов, воплощается в решении о придании нормативным правовым актам юридической силы. Но свобода их волеизъявления, по нашему мнению, зависит от внутренних психических установок субъекта правотворчества, что именуется «свобода воли». По мнению специалистов, свобода воли в праве -это и возможность определять собственное поведение, и осознанно выбирать ту или иную организационно-правовую форму деятельности, и предопределять результаты совершаемых действий¹⁶⁶.

В-четвертых, нормативный акт издается в установленном порядке, т.е. субъекту правотворчества заранее определена траектория деятельности, согласно, которой объективно определяется мера свободы волеизъявления;

В-пятых, главным элементом, издаваемого нормативного правового акта, является норма права. Это правило поведения еще на этапе проекта документа побуждает субъекта правотворчества к осмыслению последствий его действий. В этом случае запускаются мыслительные инструменты политического, социального, экономического и собственно, юридического порядка. Можно утверждать, что свобода волеизъявления носит многоаспектный характер и зависит от многих факторов современной общественной жизни.

В качестве обобщения можно определить, что свобода волеизъявления субъекта правотворчества представляет собой психический процесс, обусловленный определенными действиями или обстоятельствами, касающимися правотворческой деятельности. В практическом плане свобода волеизъявления – это мнение, позиция, отношение, проявляемые субъектом правотворчества в волевом плане применительно к конкретной ситуации, касающейся процесса придания нормативному материалу юридической силы.

Проблема изучения свободы волеизъявления как фактора правотворчества предполагает проникновение в сущность меры таковой свободы. Представляется, что свобода волеизъявления народа, парламента, депутата, единоличного субъекта правотворчества должна осуществляться через важнейшие категории теории государства и права: демократию, политический режим, правосознание, правовую психологию и др. Одной из определяющих категорий свободы волеизъявления, по нашему мнению, является ее мера.

¹⁶⁵Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. – М., 2018. – С.23-25.

¹⁶⁶ Политова И.П. Воля и волеизъявление. Монография. – М.: Проспект, 2016. – С.10-11.

При этом мера свободы волеизъявления участников правотворческого процесса зависит от ряда факторов объективного и субъективного порядка.

К объективным факторам следует отнести законодательное установление сферы правового регулирования, для которой принимается нормативный акт. Действительно, мера свободы волеизъявления парламентария зависит от предмета правового регулирования будущего акта. Здесь важную роль играет, имеющийся «нормативный багаж» предыдущего периода правотворчества. Немаловажную роль играют рамки нормотворчества, сформировавшиеся самой областью правового регулирования (отраслью права или институтом права). Объективным ограничением свободы волеизъявления можно считать изначальное определение коалиционной (партийной) позиции по принимаемому проекту нормативного документа. Практика показывает, что субъект правотворчества ограничен, в выражении своей воли при голосовании по документу, партийной дисциплиной. Здесь, также важную роль, играют общественно значимые, фундаментально разработанные концепции, программы, национальные проекты, конкретно сформулированные и публично представленные. Как правило, принятие нормативных актов в интересах реализации таких серьезно сужает степень свободы волеизъявления, как коллективных субъектов правотворчества, так и индивидуальных (например, президента).

К субъективным факторам относится, сформировавшиеся у субъекта представления о сфере правового регулирования и необходимости внести определенные изменения в действующее законодательство. Существенным образом на меру свободы волеизъявления оказывает степень образования субъекта правотворчества, его практический опыт, место в среде научного сообщества. В некоторых случаях, осторожность и предусмотрительность предопределяют сокращение свободы изъяснения своей воли вовне.

Поиск критериев установления меры свободы волеизъявления субъектов правотворчества приводит к анализу рассуждений цивилиста советского периода, профессора В.А. Ойгензихта. Исследуя категорию «воля», он методологически верно выделял несколько факторов, определяющих сущность и свойства воли¹⁶⁷. Несомненно, ценными являются замечания профессора Ю.А. Тихомирова относительно восприятия современной правовой действительности. По его мнению, настало время отказаться от «текстового права», от оценок права «в масштабе однолинейного развития»¹⁶⁸. Это касается и поиска критериев, определяющих степень свободы волеизъявления субъектов правотворчества. Действительно, эти критерии достаточно разноплановые. Их нельзя расположить в одной плоскости и в одном правовом измерении. К ним относятся правовые установления, ограничения и запреты; политические доктринальные позиции, властноположения и програм-

¹⁶⁷ Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права). – Душанбе, 1983. – С. 10–13.

¹⁶⁸ Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. – 2020. – № 11–. С.7-8.

мы; социальные ориентации на преодоление препятствий, приобретение способностей и желаний; субъективно сформулированные экономические интересы и целеполагания и др.

Дальнейшее исследование свободы волеизъявления как фактора правотворчества в рамках теории правотворчества невозможно без опоры на ряд важных принципов познания, которые предметно сформулированы профессором Д.А. Пашенцевым. Обозначенная проблема требует междисциплинарного характера исследований, основанного на понимании сложных взаимосвязей между различными сферами научного знания о праве, на отказе от отрицания жесткого детерминизма в трактовке правовых явлений¹⁶⁹.

Литература

Алейникова В.В. Отказ в выплате по договорам страхования в российской правоприменительной практике/В.В.Алейникова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 5.

Голубева Т.Ю., Афанасьев М.А. Новеллы наследства: совершение супругами совместных завещаний/Т.Ю.Голубева, М.А.Афанасьев // Наследственное право. – 2019. – № 2.

Залоило М.В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации/М.В.Залоило// Российское государство-ведение. – 2019. – № 1. – С. 16–24.

Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права)/В.А.Ойгензихт. – Душанбе, 1983.

Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности/Д.А.Пашенцев// Журнал российского права. – 2020. – № 8.

Политова И.П. Воля и волеизъявление/И.П.Политова: монография. – М.: Проспект, 2016.

Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. – 2020. – № 11.

Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019.

Худолей Д.М., Худолей К.М. Реализация основных принципов избирательного права в избирательных системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 3.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. – М. 2018.

¹⁶⁹ Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права, – 2020. – № 8. – С.6.

Кузьмин Игорь Александрович,

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ¹⁷⁰**

Результаты мониторинга законодательства и правоприменительной деятельности наглядно свидетельствуют о наличии серьезных противоречий в процессах взаимосвязи и взаимодействия юридической ответственности и реализации права. Оставаясь важнейшим охранительным институтом права, юридическая ответственность нередко осуществляется с существенными отступлениями от собственных целей, принципов и функций, превращаясь из средства достижения правовой и социальной справедливости в средство удовлетворения личных интересов, выполнения политических (конъюнктурных) задач и в целом общественного угнетения.

Наметившееся с 2019 года снижение числа уголовных дел, рассмотренных с применением особого порядка, тем не менее, остается внушительным (около 47% от общего числа рассмотренных дел в 2020 году) и оставляет риски, связанные с отказом от детального рассмотрения всех обстоятельств дела с акцентом на самопризнание вины.

Беспокойство вызывают и законодательные новеллы в системе отраслевых видов юридической ответственности, воплощение которых на практике привело к массовым актам отступления от базовых правовых ценностей. Так, введение Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ специального производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности позволило многим судьям при рассмотрении уголовных дел отказаться от назначения преступникам заслуженных наказаний или вынесения оправдательных приговоров невиновным в пользу «иной» меры уголовно-правового принуждения в виде судебного штрафа. Открытые данные судебного департамента при Верховном Суде РФ демонстрируют возрастание общего числа дел, рассмотренных в таком порядке. Так, за 1 полугодие 2018 года этот показатель составил 7148 дела, за аналогичный период 2019 года – 12979 дел, а в 2020 году – уже 16034 дел. В литературе отмечается (А.И. Чучаев, Ю.В. Грачева и др.), что назначение судебного штрафа – вспомогательный способ освобождения от юридической ответственности, имеющий неокончательный (условный) характер при невыясненности момента освобождения от ответственности и неопределенности правовой природы судебного штрафа как такового. С некоторой «настороженностью» воспринимаются не прекращающиеся с 2017 года попытки Верховного Суда РФ ввести в уголовное законодательство дополнительное (по отношению к преступлению) факти-

¹⁷⁰ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы»

ческое основание уголовной ответственности – уголовный проступок. Под уголовным проступком в законопроекте № 1112019–7, внесенном Верховным Судом РФ в Государственную Думу ФС РФ 15 февраля 2021 года предлагается понимать совершенное лицом впервые преступление небольшой или средней тяжести, в зависимости от конкретных составов (ст. 15¹). Вместе с тем, в замечаниях Правительства РФ указано, что уголовный проступок определяется с позиции формальных признаков, не давая возможности увидеть в нем самостоятельное уголовно наказуемое деяние, что противоречит понятию преступления и его официальной классификации. Не вдаваясь в содержание законопроекта, мы с убежденностью можем заявить, что извечная проблема разграничения на практике преступлений и административных проступков с появлением нового основания уголовной ответственности – уголовного проступка существенно обострится.

Внесенная законом от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» поправка к Конституции РФ содержит ряд нововведений в Основной закон и является своеобразным стимулом для правотворческих и правоприменительных органов по совершенствованию законодательства о различных типах и видах юридической ответственности. На перспективы и потенциальные риски системы юридической ответственности, возникшие в результате конституционной поправки, автор ранее обратил внимание в своем выступлении на IV Съезде Российского общества политологов по секции «Новая конфигурация публичной власти: баланс полномочий и ответственности, трансформация правящих элит» 23 декабря 2020 года.

Потребность в «синхронизации» правового регулирования¹⁷¹, общетеоретических, отраслевых и прикладных составляющих проблематики юридической ответственности не теряет своей актуальности, в том числе, для обеспечения связи между явлением (конструктом) юридической ответственности и процессом ее реализации. Исходя из этого, необходимо сформулировать научно-методические, а на их основе правоприменительные рекомендации по обеспечению эффективности взаимосвязей и взаимодействия, а также минимизации противоречий между юридической ответственностью и реализацией права. На начальном этапе следует проработать общетеоретическое содержание методики, обратив внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, юридическая ответственность официально зафиксирована в объективном праве в виде системы негативных санкций (наказаний), закрепленных в нормах права, совокупность которых образует институт юридической ответственности. Следовательно, реализация института (норм) ответственности происходит в общем контексте реализации обязанности претерпеть наказание.

¹⁷¹ См.: Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 20-29.

Во-вторых, при переходе юридической ответственности на уровень субъективного права последняя внедряется в правовой статус лица-правонарушителя в форме субъективной обязанности претерпеть наказание, которая «вызревает» в недрах процессуального правоотношения и окончательно материализуется в итоговом акте применения права, которым возлагается ответственность. При добровольной форме реализации ответственности (в случаях, установленных законом и предполагающих претерпевание наказания правонарушителей без принуждения его к этому со стороны уполномоченных субъектов) процессуальная составляющая может отсутствовать.

В-третьих, для удобства правоприменителя процесс реализации юридической ответственности должен быть максимально алгоритмизирован в части стадий развития ее материального правоотношения и процессуального механизма возложения, которые должны быть соотнесены между собой, а также с индикаторами выполнения функций и учета принципов ответственности. В известном смысле модель реализации юридической ответственности должна быть создана по типу алгоритмов и принципов действия искусственного интеллекта, с учетом того, что правовые решения будут приниматься не программой, а человеком, способным гуманизировать «техническую модель» и привнести в нее социальные контексты. Для этого также требуется провести «аудит» процесса реализации ответственности, дифференцировав все правовые акты по степени связи с обществом («нуждаемости» в человеческом участии), чтобы повысить объективность и беспристрастность правоприменения.

В-четвертых, для осуществления постоянного мониторинга правоприменительной деятельности по применению юридической ответственности необходимо на базе Правительства РФ, Министерства юстиции РФ или одного из подведомственных им учреждений сформировать специальную рабочую группу из представителей юридической профессии и академической среды – специалистов в области юридической ответственности. Участие представителей общественности также является желательным.

В перспективе, когда будет подтверждена практическая ценность соответствующих методических рекомендаций, на их основе следует подготовить рекомендации по правотворческой деятельности, отражающие специфику создания, изменения или отмены норм юридической ответственности. В теоретических работах потребуется актуализировать праксеологические методы исследования реализации права и экстраполировать их на основные положения теории юридической ответственности.

Литература

Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 20–29.

Лановая Галина Михайловна,

доцент, д.ю.н., профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Все более широкое применение беспилотных летательных аппаратов и автопилотируемых автомобилей, роботов-медиков и других систем с искусственным интеллектом обуславливает появление целого ряда проблем в регулировании общественных отношений, связанных с их использованием. В частности, высокую актуальность приобретает вопрос о том, кто должен нести юридическую ответственность за общественно опасные последствия решений, самостоятельно принимаемых названными системами.

Сегодня все чаще указывают на возможность признания в недалеком будущем систем с искусственным интеллектом субъектами права, что, как предполагается, позволит более справедливо распределять ответственность за вред, причиненный в процессе функционирования названных систем. Также подразумевается, что, наделив системы с искусственным интеллектом правосубъектностью и «возложив» на них определенные юридические обязанности и ответственность, можно тем самым снизить вероятность наступления общественно опасных последствий вследствие их выхода из-под контроля человека.

С одной стороны, наделение систем с искусственным интеллектом правосубъектностью является решением, укладывающимся в логику права. Уже само понятие физического лица «является чем-то надэмпирическим, особым метафизическим придатком к реальному человеку ... метафизической маской, личиной, надеваемой на людей юриспруденцией...»¹⁷². И если субъект права ассоциируется не с человеком, а с надеваемой на человека юриспруденцией маской, то ничто не мешает скрыть в сугубо практических целях под этой маской не только человека, организацию, государство, народ, но и систему, наделенную искусственным интеллектом.

С другой стороны, важно понимать, что наделение правосубъектностью предполагает не только возложение обязанностей и ответственности, но и возникновение субъективных прав. При этом именно в тех случаях, когда наделение лица правосубъектностью увязывается прежде всего с признанием его субъективных прав и рассматривается в качестве способа защиты интересов и притязаний, оно позволяет обеспечить более или менее оптимальное регулирование тех отношений, в связи с неупорядоченностью которых актуализируется идея признания правосубъектности. В тех ситуациях, когда наделение лица правосубъектностью воспринимается как спо-

¹⁷² Спекторский Е.В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 72–73.

соб ограничить его, введя в правоотношение в качестве обязанной и ответственной стороны, как правило, добиться желаемого эффекта не удастся.

С учетом изложенного представляется целесообразным продолжать следовать существующему подходу, в рамках которого ответственность за наступивший вред возлагается, как правило, на то физическое или юридическое лицо, которое должно было и могло минимизировать риски и негативные последствия использования систем с искусственным интеллектом.

Дополнительным аргументом здесь может служить то, что актуализация вопроса о наделении правосубъектностью систем с искусственным интеллектом во многом обуславливается проблемами, напрямую не связанными с недостаточной эффективностью правовых механизмов, обеспечивающих справедливое распределение ответственности за вред, причиненный в процессе эксплуатации названных систем.

Во-первых, само возникновение идеи о наделении систем с искусственным интеллектом правосубъектностью для того, чтобы они могли «отвечать» за негативные для человека последствия своего функционирования, свидетельствует о том, что в контексте существующих подходов к распределению ответственности право постепенно перестает восприниматься в качестве действенного инструмента обеспечения справедливости.

Во-вторых, уже сейчас, когда системы с искусственным интеллектом еще не достигли ожидаемого пика своего развития, наблюдаются ощутимые негативные последствия их применения. Цифровые технологии используются для манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, применяются в качестве эффективных инструментов сбора информации о частной жизни и осуществления тотального контроля.

Попытки добиться правовыми средствами того, чтобы «технологии служили нам, а не поработали»¹⁷³, пока не являются достаточно эффективными. В полной мере осознавая это, современный человек перестает воспринимать действующее право не только в качестве инструмента обеспечения справедливости, но и в качестве «гаранта» собственной безопасности.

В-третьих, проблема распределения юридической ответственности приобретает для современного человека особую остроту в силу того, что происходит постепенная десоциализация человека. В ее условиях ответственность перестает восприниматься человеком как закономерный итог собственного правового выбора, как реакция общества на него.

С одной стороны, человек все чаще стремится избежать юридической ответственности за те совершенные им поступки, которые наносят вред охраняемым правом интересам. С другой стороны, любой вред, причиненный самому человеку, все чаще воспринимается им в качестве требующего немедленного возмещения. При этом требуемая компенсация нередко оказывается несоизмерной тому возмещению, которым человек готов компен-

¹⁷³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2019. – С. 126.

сировать вред от общественно опасных последствий своих собственных поступков.

Наконец, в-четвертых, контекст, в котором поднимается вопрос о наделении правосубъектностью систем с искусственным интеллектом, свидетельствует о том, что его актуализация во многом связана со спецификой восприятия роботов в массовой культуре, где он чаще всего предстает alter ego человека, умным, мыслящим, а иногда – чувствующим существом.

Глобальная компьютеризация «таит в себе опасность утраты диалогичности в общении с другими людьми» и, как следствие, порождает «дефицит человечности»¹⁷⁴. В описываемой ситуации проблема гуманизма становится для человека настолько болезненной, что он чутко реагирует на любой признак проявления в праве негуманности, причем не только негуманности в отношении человека, но и в отношении вообще всех тех, кто способен продемонстрировать антропоморфное поведение.

Как ни парадоксально, сам факт признания естественности ряда принадлежащих человеку прав и свобод, их неприкосновенности и неограниченности снижает остроту проблемы дегуманизации права там, где речь идет о человеке. В то же время осознание отсутствия прав у тех, кто демонстрирует антропоморфное поведение (в том числе роботов, способных производить операции, подобные тем, которые производит человеческий мозг), способствует актуализации вопроса о признании их правосубъектности.

Подводя итог проведенному анализу, полагаем возможным сделать вывод о том, что проблемы, в связи с актуализацией которых возникает вопрос о возможном наделении систем с искусственным интеллектом правосубъектностью, не являются сугубо юридическими. Они чрезвычайно сложны и разнообразны, и многие из таких проблем объективно не в состоянии решить признание систем с искусственным интеллектом субъектами права.

Литература

Лазар М.Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением/М.Г.Лазар// Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. –2018. – № 4(34).

Спекторский Е.В. Юриспруденция и философия/Е.В.Спекторский// Юридический вестник. 1913. Кн. 2.

Шваб К. Четвертая промышленная революция/К.Шваб. – М.: Эксмо, 2019.

¹⁷⁴ Лазар М.Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – № 4(34). – С. 175.

Липски Станислав Анджеевич,
д.э.н., заведующий кафедрой земельного права
Государственного университета по землеустройству

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СУБЪЕКТОВ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

До сих пор идет дискуссия – кого следует считать собственниками земельных долей, вопрос о субъекте прав на соответствующие таким долям земли имеет разные трактовки: и то, что они являются лишь правом требования выдела участка в натуре, и то, что правопреемниками земель прежних хозяйств стали образовавшиеся вместо них юридические лица, а отнюдь не граждане-дольщики¹⁷⁵, и то, что такие доли стали «неорганизованной коллективной собственностью», которая исчезла – оказалась поглощенной собственностью юридического лица – агрохозяйства¹⁷⁶. Целый ряд сомнений вытекает и из того, как трактует с 2010 г. возможность прекращения прав на не востребовавшую долю федеральный законодатель (возникает вопрос – собственники ли вообще, те лица, которые формально были бенефициарами приватизации сельхозугодий 1990-х гг.).

Также в свете текущих процессов цифровизации и реформы контрольно-надзорных полномочий (оба эти процесса влияют в т.ч. на информационный обмен между разными субъектами правоотношений), не меньше споров вызывает вопрос об осуществлении тех управленческих функций и государственных услуг, оказываемых частным лицам.

Так весьма высока вероятность пересмотра введенной в 2004 г. трехзвенности федеральных органов. В этой связи следует учесть, что:

сама идея трехзвенности, отнюдь не была идеальной, так как из нее есть множество исключений для конкретных органов (даже конституционный принцип разделения властей, по большому счету, нарушается традиционной для России и многих других стран, декларирующей этот же принцип, так называемой регуляторной функцией исполнительной ветви власти);

многие госуслуги (которые с 2004 г., по общему правилу, оказывают агентства и их органы) в земельной сфере частично были переданы бизнесу (межеванием земельных участков занимаются кадастровые инженеры), причем некоторые уже возвращены обратно (госучреждениям – кадастровая оценка);

ключевой с начала XX в. инструмент государства в сфере земельных отношений – землеустройство (а если принимать в расчет межевую составляющую землеустройства – то это многовековой ключевой инструмент) последние 10-12 лет находится в странном статусе, и непонятно, какие лица должны им заниматься – индивидуальные предприниматели (как кадастровые инженеры), госструктуры (в виде госучреждений), и те и другие? Дело

¹⁷⁵ Евсегнеев В.А. Нерешенные вопросы приватизации государственных земель в России // Аграрное и земельное право. – 2013. – № 7. – С. 100–108.

¹⁷⁶ Шейнин Л.Б. Недвижимость: пробелы и несоответствия в правовом регулировании. – М., 2011. 97 с.

в том, что, начиная с 2005 г. из Федерального закон «О землеустройстве» (который и в изначальном виде носил, скорее рамочный характер), происходил регулярное исключение основополагающих норм. В результате законодательное обеспечение землеустройства на федеральном уровне стало фрагментарным, а его назначение – неясным¹⁷⁷. Поэтому в настоящее время ведется работа по совершенствованию его законодательного обеспечения. Но этот процесс явно затянулся – получилось, что эта новая редакция становится определяющей для перспектив всего института отечественного землеустройства, и вызывает множество споров;

радикально меняется подведомственность Росреестра, как ключевого органа земельного управления (в определенной мере – правопреемника Госкомзема России).

Таким образом, спустя три десятилетия после кардинального преобразования земельных правоотношений, состав их субъектов все еще динамичен и его возможные изменения дискуссионны. Это по-прежнему имеет принципиальное значение, в первую очередь для сельскохозяйственного сектора, где теперь развиваются совершенно новые процессы (работа с невостребованными долями, разработка сельскохозяйственных регламентов и т.п.¹⁷⁸).

Литература

Волков С.Н. Липски С.А. О мерах по обеспечению рационального использования земель в сельскохозяйственном производстве и воспроизводства их плодородия // Международный сельскохозяйственный журнал – 2017. – № 6. – С. 10-13.

Евсегнеев В.А. Нерешенные вопросы приватизации государственных земель в России // Аграрное и земельное право. – 2013. – № 7. – С. 100–108.

Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации на перспективу: монография / под ред. С.Н. Волкова. – М.: ГУЗ, 2018. – 344 с.

Шейнин Л.Б. Недвижимость: пробелы и несоответствия в правовом регулировании. М., 2011. – 97 с.

Современные проблемы и актуальные направления развития землеустройства и кадастров: монография / Под ред. Богомазова С.В., А.И. Чурсина, А.А. Галиуллина – Пенза: РИО ПГАУ, 2019. 185 с.

¹⁷⁷ Волков С.Н. Липски С.А. О мерах по обеспечению рационального использования земель в сельскохозяйственном производстве и воспроизводства их плодородия // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2017. – № 6. – С. 10–13. Современные проблемы и актуальные направления развития землеустройства и кадастров: монография / под ред. С.В. Богомазова, А.И. Чурсина, А.А. Галиуллина. – Пенза: РИО ПГАУ, 2019. 185 с.

¹⁷⁸ Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации на перспективу: Монография. / Под ред. Волкова С.Н. – М.: ГУЗ, 2018. 344 с.

Ломакина Ирина Борисовна,

д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТА ПРАВА

Социологическое понимание субъекта права отличается от позитивистского и естественно-правового. Исходными началами этого подхода выступали детерминанты социального развития, факторы и явления социальной жизни, а также социально-психические состояния человека (статусной группы) выражающихся, например, в «социальной обязанности», «социальной солидарности», «гражданственности» и т.п.

Из категории социальной обязанности и идеи солидарности выводили субъекта права представители социологического направления французской теории права. Так, например, Л. Дюги, выявлял правомочия субъекта из социальной обязанности и его права, выполнять эту обязанность. «Основания правовой нормы, обязательной для живущих в обществе людей, не следует искать в естественных, индивидуальных не отчуждаемых правах человека»¹⁷⁹ – полагал ученый. Отказываясь от юридической конструкции «субъективное право», он активно проводил идею социальной солидарности, как ключевого концепта правовой жизни¹⁸⁰. Идеи Л. Дюги во многом созвучны с идеями Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, М. Мосс, М. Вебера и др. Всех их объединяет примат общего над частным.

Общество выступает источником и творцом всех институциональных актов, в которых как бы содержится вся важная информация о должном. «Моральная воля», по Дюркгейму, включает в себя все «высшие» человеческие действия — такие как следование долгу и совести, стремление воплотить идеалы справедливости и свободы, вообще, любые действия ради достижения высоких целей. Моральная воля проявляется в индивиде под воздействием усвоенных индивидом социальных норм и коллективных представлений, которые вытекают из социальной солидарности¹⁸¹. Поэтому именно социальная солидарность делает человека субъектом права.

Таким образом, представленная позиция показывает, что не существует субъекта права вне правовой жизни общества. Только общество способно создать юридического человека с его правами и обязанностями, которые отнюдь не были вечными и неизменными, как утверждали представители естественно-правовой традиции, отстаивающие индивидуалистическую идею о верховенстве субъективных права человека по отношению к пози-

¹⁷⁹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Инфра-М, 2018. С. 21.

¹⁸⁰ Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные в 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже / Пер. с франц. – СПб., С. 4–13.

¹⁸¹ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: тр. по социальной антропологии. М.: Вост. литература, 1996. С. 6–73.

тивному праву, включая право социальное (право общества, отдельных групп и корпораций – по Ж. Гурвичу)¹⁸².

Возникновение субъекта права в отечественной социологической версии приобрело благодаря М.М. Ковалевскому несколько иной ракурс. Используя термин «гражданственность», под которым он понимал все то, «из чего, заодно с правом, слагается в данный момент социальный уклад народа, его экономика и политика, религия и нравственность, наука и искусство»¹⁸³ он выводил субъекта правовой коммуникации. Сравнивая различные соционормативные культуры, М. М. Ковалевский стоял на эволюционных позициях, признавая, что каждый народ проходит те же стадии культурного развития.

Поэтому, опираясь на знание единых закономерностей общественного развития можно, полагал исследователь, проследить становление субъекта права, прогнозировать, как будет меняться его правовой статус. Субъект права как индивид как статусная группа и как общество в целом созидает самого себя, свой внутренний правовой мир, свое правочувствование, правовидение, правопонимание и проч. Созидает он и свой внешний мир, мир бытия институтов. Н.М. Коркунов в своих работах акцентировал внимание на правомочиях субъекта и на иманентной связи субъекта права с правовой реальностью. Он утверждал, что не бывает бессубъектного права, постольку не бывает ничьих прав и обязанностей, даже если они никак не проявляются¹⁸⁴. Права и обязанности составляют принадлежность субъекта к правовой реальности, которая всегда выступает, как сказали бы сегодня в диалогической форме.

Представленное понимание субъекта права смещает акценты с индивидуального уровня на уровень коллектива, социальных групп и общества в целом. По вполне понятным причинам нивелирование роли субъекта права в правовой жизни общества проявилось в полной мере в марксизме. В этом смысле право выступает функцией экономической структуры, обеспечивающей постоянное воспроизводство господствующих производственных отношений посредством правил, повторяющихся изо дня в день¹⁸⁵. Таким образом, заключает классик: «По мере того как законодательство разрастается в сложное, обширное целое, выступает необходимость в новом общественном разделении труда: образуется сословие профессиональных правоведов, а вместе с ними возникает наука права. Последняя, в своем дальнейшем развитии сравнивает между собой правовые системы различных народов и различных эпох не как отражения соответствующих эконо-

¹⁸² Гурвич Г.Д. Идея социального права // Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2004. С. 41–212.

¹⁸³ Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899. С. 6; Его же. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. СПб., 1914. № 4.

¹⁸⁴ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: 1914. С. 155.

¹⁸⁵ Ломакина И.Б. Обычное право: Институциональный аспект. (Теоретико-правовой анализ). – СПб.: Астерион, 2004. – С. 72.

мических отношений, а как системы, заключающие свое обоснование в самих себе. Их общее обнаруживается в том, что все, более или менее одинаково свойственное всем этим правовым системам, юристы соединяют под названием естественного права. А мерилom, которым определяется, что относится к естественному праву и что к нему не относится, служит абстрактнейшее выражение самого права – справедливость. И с этого момента в глазах юристов и тех, кто верит им на слово, развитие права состоит лишь в стремлении все больше приблизить условия человеческой жизни, поскольку они находят юридическое выражение, к идеалу справедливости, к вечной справедливости»¹⁸⁶. «Справедливость в таком ракурсе на индивидуальном уровне имеет не однозначный смысл», — считает Энгельс.

Право, в интерпретации К. Маркса и Ф. Энгельса, – «это лишь момент общества, реально существующий как элемент (сторона) социально-экономической формации. Оно не имеет собственной истории, отдельной от истории социальной. Поэтому «регулярность и порядок» как необходимый момент производства, момент, равный закону, характеризуют имманентность права самому общественному производству»¹⁸⁷. В советском, первоначально марксистско-ориентированном теоретико-правовом дискурсе¹⁸⁸, нарративы об отмирании права в коммунистическом обществе, «буржуазной личности», «буржуазной самостоятельности» и «буржуазной свободе»¹⁸⁹, сделали своё дело в плане укрепления новых нарративов, проистекающих уже из марксизма.

Таким образом, социологическое понимание субъекта права выявило его детерминированность обществом. Круг правомочий, проистекающих из правового статуса, определялся групповыми интересами и др. социальными факторами, которые встраивались в различные социологические конструкции, реализуемые в рамках единой социологической традиции. Все социологические концепции понимания субъекта права в той или иной мере смещали акцент с индивидуального на коллективный уровень. Поэтому субъект был лишь продуктом групповых интересов. Продуктом той культуры, которая накинута на него нормативную сеть, из которой выбраться было ему одному не под силу.

Литература

Гурвич Г.Д. Идея социального права // Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. – СПб.: Изд-во юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004.

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Инфра-М, 2018.

¹⁸⁶ Там же. С. 273.

¹⁸⁷ Ломакина И.Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: дисс. ...д-ра юрид. наук. – СПб., 2005. – С. 79.

¹⁸⁸ См., например: Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М., 1980. С. 184.

¹⁸⁹ Там же. С. 439.

Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже / пер. с франц. – СПб.: Н.Н. Ключков, 1909.

Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: тр. по социальной антропологии. – М.: Вост. литература, 1996. Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899.

Ковалевский М.М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. – СПб., 1914. – № 4.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.Н. Мартынова, 1914.

Ломакина И.Б. Обычное право: Институциональный аспект (Теоретико-правовой анализ). – СПб.: Астерион, 2004.

Ломакина И.Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: дисс. ...д-ра юрид. наук. – СПб., 2005.

Маркс К., Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. – М.: Политиздат, 1961.

Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980.

Любовенко Елена Сергеевна,
к.ю.н., доцент кафедры теории права
Тверского государственного университета

РАБОТНИК В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Одним из мероприятий, направленных на предупреждение распространения инфекции, вызванной COVID-19 в городе Москве, стал принудительный перевод работников на дистанционную работу. На просторах медиа такое решение московских властей транслировалось как просьба. Однако Указ мэра Москвы от 1 октября 2020 г. № 96-УМ строго определил период исполнения обязанности по переводу не менее 30 процентов сотрудников на режим дистанционной работы – с 5 по 28 октября 2020 года. За неисполнение обязанности лицо могло быть привлечено к административной ответственности.

Однако действующая на тот момент редакция Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) не предусматривала подобного механизма. Работа в дистанционном режиме не предполагала временный характер и возможность комбинированного подхода в отношении места осуществления своих трудовых функций. Возможно, именно с этим связано появление термина «удалённая работа». Это своеобразная демонстрация некоего иного режима работы, ещё легально не определённого.

Право не всегда отражает стремительно развивающуюся действительность¹⁹⁰. Особенно этот тезис становится актуальным, когда изменения общественных отношений продиктованы защитой от последствий эпидемии, вызванной новым штаммом вирусной инфекции¹⁹¹. Требование градоначальника о переводе части сотрудников на дистанционный режим работы – это одна из мер, направленных на предотвращение распространения COVID-19.

Кроме того, ТК РФ в редакции, действовавшей на тот момент не предусматривал возможности временного перевода на иной режим работы в связи с эпидемией. Статья 72.2 ТК РФ предусматривала временный перевод на другую работу без согласия работника в исключительных случаях, куда относится и эпидемия. Но в ней речь шла о выполнении иной трудовой функции. В нашем случае функция работника не должна была меняться. У работников и работодателей в этот период возникло много вопросов. Как должен быть оформлен переход на подобный режим работы? Как контролировать работника, отсутствующего на рабочем стационарном месте? Как разграничить рабочее и личное время? Всё это относится к взаимодействию работника и работодателя в новых условиях. Эти вопросы представляются важными, так как правовая неопределённость могла породить злоупотребления с обеих сторон. Со стороны работника злоупотребления могли привести к возникновению убытков у работодателя в том числе репутационных. Со стороны работодателя злоупотребление выражалось, например, в незаконном увольнении за прогул.

С целью преодоления законодательной неопределённости в отношении сложившихся временных трудовых отношений в условиях удалённости от стационарного рабочего места 8 декабря 2020 г. был принят Федеральный закон № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях». Внесённые изменения легализовали существующие общественные отношения, когда работники из-за COVID-19 продолжили выполнять свою работу вне рабочего места. Легализацию получил широко употребляемый с весны 2020 г. термин «удалённая работа». Термины «дистанционная» и «удалённая» работа по воле законодателя стали синонимами. Это безусловно имеет большую важность для применения, исключает путаницу в восприятии этой формы занятости. Следует отметить, что синонимичное восприятие этих терминов существовало в науке задолго до пандемии 2019 года¹⁹².

¹⁹⁰ Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. 81 с. и др.

¹⁹¹ См., например: Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

¹⁹² См., например: Орлов В.Б., Бураншина Е.И. Удаленная работа как новая реалья трудовых отношений: анализ факторов предрасположенности к удалённой работе. // Вестник Югорского государственного уни-

Теперь помимо постоянного дистанционного режима работы появился и временный режим. В исключительных случаях, к которым относится и эпидемия, стал возможен упрощённый порядок перевода работника на временный режим дистанционной работы без его согласия. В этом случае все вопросы, связанные с взаимодействием работника и работодателя, регулируются локальными правовыми актами. Обязательным условием стало ознакомление работника с этими актами. В противном случае работодатель не сможет сослаться на нарушение порядка взаимодействия со стороны работника. Прогоулom в условиях дистанционной работы признаётся «молчание» работника в течение двух рабочих суток. В случае уважительной причины такого «молчания» суд может признать такое увольнение незаконным и восстановить работника с выплатой заработной платы за период вынужденного прогула.

Литература

Малышев А.А., Апенько С.Н., Винец А.В. Особенности удаленной работы // Инновационная экономика и общество. – 2018. – № 3.

Орлов В.Б., Бураншина Е.И. Удаленная работа как новая реальность трудовых отношений: анализ факторов предрасположенности к удалённой работе. // Вестник Югорского государственного университета. – 2014. – № 4.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса/Н.Н.Черногор, М.В.Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 7.

Маркелов Сергей Владимирович,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

В современных условиях в связи с развитием правовой системы общества, а также повышением уровня культурного правосознания граждан, увеличивается значение международного права в системе межгосударственных отношений, а также внутригосударственных отношений судебного контроля. Учеными, а также практическими работниками отмечается,

что правовые споры не могут получить своей положительной оценки без создания и функционирования международно-правовой базы. Усложнение функционирования системы международных политических, социальных и экономических отношений, приводят к увеличению роли международно-правовых средств в управлении правовыми и юридическими процессами, а также функционированию судебного контроля и реализации норм международного права в этой области¹⁹³.

Следует отметить, что ранее существовало представление, согласно которому международное право и внутригосударственное право рассматривались как замкнутые системы, которые не оказывали друг на друга воздействия и существовали параллельно. Однако на данный период исторического развития одной из важных задач Российской Федерации, как правового государства, является обеспечение функционирования эффективности правового регулирования, а также судебного контроля, как важного элемента в реализации правовых предписаний.

Вопрос о защите прав и свобод человека и гражданина является важным в реализации правосудия, а также судебного контроля. Следует отметить, что одним из главных механизмов, являющимся гарантией обеспечения выполнения судебных решений судебных органов на международной «арене» в национальной сфере, является Конституция РФ. Согласно части 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, применяются правила международного договора¹⁹⁴. Следовательно, после ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, она стала частью правовой системы Российской Федерации. Таким образом, принятые на основании ее норм решения Европейского суда по правам человека являются обязательными. Отмечается, что сама Конвенция и протоколы к ней имеют большое значение для стран Европы, которые подписали и ратифицировали эти документы. Соблюдение положений Конвенции и протоколов к ней может способствовать защите прав и свобод человека и гражданина, а также привести к дальнейшему развитию национального законодательства.¹⁹⁵

Говоря о реализации международного права, как источника судебного контроля, следует отметить, что значительную роль играет Европейский суд по правам человека, который призван обеспечивать соблюдение и исполнение норм конвенции её участниками.

Еще одним международным документом, реализующимся в рамках судебного контроля РФ, является Международный Билль о правах человека.

¹⁹³ Маркелова О.Н. Судебный контроль как гарант защиты конституционных прав граждан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 64–67.

¹⁹⁴ Конституция Российской Федерации 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 3. Ст. 4398.

¹⁹⁵ Руднев В.И. Европейский суд по правам человека и его влияние на изменение законодательства о судопроизводстве // Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: Науч.-практ. пособие / Отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗИСП; Анкил, 2012. С. 122.

Международный Билль о правах – это совокупность международных документов, в который входят: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни.

Перечисленные выше нормативные акты международного характера отразили в себе идеи неразрывной связи и взаимообусловленности всего комплекса прав и свобод человека, что является основной частью реализации судебного контроля, а также государства наделили международные органы правом контроля принятых на себя обязательств, например, таким органом может являться Европейский суд по правам человека.

Как отмечают В.Е. Чиркин и А.П. Фоков судебная защита прав граждан на любой из стадий судебного разбирательства путем обращения в международные органы, а именно в суды, имеет особое значение, так как этот суд принимает обязательные решения путем наложения штрафов, как наказания, на государство¹⁹⁶.

По нашему мнению, Российская Федерация, как правовое государство, справедливо и грамотно ведет активное взаимодействие с международным законодательством, а также органами, осуществляющими свою деятельность на международной «арене». Деятельность в рамках судебного контроля осуществляется полноценно, в первую очередь, для защиты интересов государства и граждан.

Литература

Маркелова О.Н. Судебный контроль как гарант защиты конституционных прав граждан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 64–67.

Руднев В.И. Европейский суд по правам человека и его влияние на изменение законодательства о судопроизводстве // Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: Науч.-практ. пособие / Отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: ИЗИСП; Анкил, 2012. – С. 122.

Чиркин В.Е. Сравнительное конституционное право: Учеб. пособие. – М.: Юриспруденция, 2011.

¹⁹⁶ Чиркин В.Е. Сравнительное конституционное право: Учеб. пособие. М.: Юриспруденция, 2011; А.П. Конституционный Суд Российской Федерации: правовые позиции о способе реализации решений Европейского суда по правам человека // Российский судья. 2014. № 2. С. 3–9.

Маркелова Ольга Николаевна,
к.ю.н., доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЮ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Сама сущность и значение конституционного судебного контроля заключается в том, что даже при наличии в государстве всех институтов демократического общества все равно есть вероятность принятия органами законодательной, исполнительной и судебной власти неконституционных решений. Это обусловлено тем, что:

существенно повысилось число разрабатываемых законов и других актов;

в ряде случаев законодательные акты принимаются в спешке, без юридической экспертизы и соответствующей финансовой и организационной проработки.

нередко быть в процесс лишь разработки если и принятия меры законов ходе или других если актов делу вторгаются пока политические лица силы, которые считают оказывают меры значительное влияние друг на их содержание меры и порядок круг принятия, что в свою очередь в виде довольно ходе часто либо приводит меры к отклонению меры от норм, предусмотренных иными конституцией;

данному процессу также как и другим процессам свойственен т.н. «человеческий фактор»¹⁹⁷.

Как следствие - в мировой практике все большее распространение получает институт конституционного судебного контроля. Данные институты есть и в Российской Федерации.

В России на сегодняшний день принята европейская модель судебного конституционного контроля, а точнее её централизованная модель¹⁹⁸.

Согласно Конституции РФ Конституционный Суд является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Конституционный процесс имеет много общего с другими видами судопроизводства – гражданским, административным и уголовным, т.к. основные черты деятельности судов едины, регламентированы Конституцией страны. Основное содержание этого вида судебной власти – обеспечение реализации предусмотренных прав и свобод человека и гражданина (статьи 18, 20–23, 25, 32, 35, 46–47, 52 Конституции России). В силу всего указанного конституционное судопроизводство своей самостоятельностью не теряет.

¹⁹⁷ Даниелян Д.Р. Конституционный Суд РФ в судебной системе России: значение и перспективы развития // Российский судья. – 2014. – № 8. – С. 31–34.

¹⁹⁸ Маркелов С.В. Возникновение и становление института судебного контроля за правоохранительными органами // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 9. – С. 148–151.

Действующий Основной закон выделяет его в самостоятельный вид наряду с другим производством, а Закон 1994 года более детально регулирует процессуальные особенности реализации Конституции и контроля за деятельностью органов законодательной и исполнительной властей. В связи с этим не следует отождествлять принципы конституционного производства с одноименными принципами, допустимыми гражданским, административным, уголовным производствами. В конституционном процессуальном праве они отличны в некоторой степени.

Так, судьи Конституционного суда РФ принимают решения без постороннего воздействия на свободу их волеизъявления, принимаемые акты Конституционного Суда РФ выражают позицию судей, свободную от политических пристрастий; вмешательство в деятельность Суда не допускается и влечет ответственность (статья 29 Закона 1994 года).

В отличие от судов общей юрисдикции, где допускается рассмотрение дел судьями единолично, в Конституционном Суде – только коллегиально, причем этот принцип распространяется и на организационную деятельность Суда (статья 30 Закона 1994 года).

В Конституционном Суде действуют конституционные принципы состязательности и равноправия сторон (статья 35 Закона 1994 г.).

Ключевое значение для сложившейся в России системы конституционного судебного контроля имеет признание исключительной компетенции Конституционного Суда РФ по определенному кругу вопросов и учета его правовых позиций в решениях судов общей юрисдикции и арбитражных судов¹⁹⁹:

Законодательством четко разграничена юрисдикция Конституционного Суда и иных судебных органов, закреплено полномочие Конституционного Суда давать толкование федеральной Конституции, которому подчинены все судьи страны. Основной закон и закон “О Конституционном Суде РФ” сохранили важную форму непосредственного взаимодействия Конституционного Суда РФ с другой структурой судебной системы – это право Верховного Суда Судов обращаться в Конституционный Суд с запросами о проверке конституционности различных категорий нормативных актов (часть 2 статьи 125 Конституции РФ).

Юридическим основанием системного построения конституционной юстиции является Основной закон РФ, согласно которому суды России, включая все их разновидности, составляют судебную систему (статья 163 Конституции РФ). Подобное положение, надо полагать, относится и к Конституционным Судам, что было бы целесообразным непосредственно зафиксировать в федеральной Конституции.

При этом, Конституционный суд РФ и Конституционные (уставные) суды РФ не подчинены друг другу и не образуют единой системы судебно-

¹⁹⁹ Кряжков А.В., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2017. – С.87.

го контроля, то есть несмотря на то, что состоят в общей российской судебной системе, но не находятся в подчинении друг у друга.

Литература

Даниелян Д.Р. Конституционный Суд РФ в судебной системе России: значение и перспективы развития/Д.Р.Даниелян // Российский судья. 2014. – № 8. – С. 31-34.

Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации/В.А.Кряжков, Л.В.Лазарев. – М.: Юрайт, 2017. – 402 с.

Маркелов С.В. Возникновение и становление института судебного контроля за правоохранительными органами/С.В.Маркелов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 9. – С. 148–151.

Николаев Андрей Игоревич,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
школы права Института права и управления
ГАОУ ВО МГПУ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

С момента возникновения естественно-правовой теории большинство ученых и практиков признают огромное значение прав человека как содержательно-смыслового наполнения позитивного права, вносящего в него морально-нравственный аспект, устанавливающего необходимые внутренние границы для правового регулирования. В то же время, с развитием общественных отношений понимание прав человека, их конкретное наполнение могут изменяться.

В современных условиях существенным фактором, определяющим динамику общественных отношений, развитие государства и права, является цифровизация, так как повсеместное внедрение цифровых технологий меняет все сферы жизни и соответствующие общественные процессы²⁰⁰. Под влиянием цифровизации меняется и право, которое вынуждено «подстраиваться» под быстрое и существенное изменение общественных отношений, приобретающих новые векторы развития²⁰¹.

Под влиянием цифровых технологий теория и практика защиты прав человека претерпевают важные изменения. В первую очередь, расширяется сфера действия субъекта права и, как следствие, сфера распространения

²⁰⁰ Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021; Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России // Юридический мир. 2015. № 8. С. 62-63.

²⁰¹ Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. С. 44.

прав и свобод личности. Человек все чаще вступает в социальные и правовые взаимодействия в виртуальном пространстве. Как следствие, такое пространство также становится сферой, где действуют права и свободы, где требуется их правовая защита.

Развитие цифровых технологий обостряет вопрос неравенства, в том числе, цифрового, которое связано с разными возможностями реализовать свои права и обязанности в сети «интернет». В результате право на доступ к сети становится одним из важных прав человека, от наличия и полноты которого может зависеть реализация многих других прав и свобод. Та часть общества, которая не имеет доступа к интернету либо не владеет в должной мере компьютерными технологиями, сталкивается со сложностями в реализации законных прав и свобод.

В связи с названной тенденцией, представляется крайне важным достижение «цифрового равенства», что означает быстрое и полноценное создание комфортной для населения информационной (цифровой, электронной) среды. Такая среда предполагает обязательное и неуклонное соблюдение основополагающих требований информационной безопасности. Только в этом случае можно успешно решить актуальную задачу становления новой системы взаимоотношений личности и государства, которая предполагает существенное возрастание уровня реализации и защищенности основополагающих прав и свобод человека и гражданина.

Развитие цифровых технологий, наряду с названными рисками, имеет и определенное позитивное значение для защиты прав и свобод человека. В условиях развития цифровых технологий и вытекающей из этого большей информационной открытости серьезные нарушения прав человека сразу становятся достоянием гласности, их сложно скрыть от широкой общественности²⁰².

Также необходимо отметить, что в условиях развития цифровых технологий и формирования цифрового общества жизнь каждой личности становится все более и более открытой, прозрачной. В результате возникает угроза для таких привычных и основополагающих прав, как право на тайну переписки, право на неприкосновенность частной жизни и т.д. Этот процесс в значительной мере является объективным, он порождается самой сущностью цифровизации и связанными с ней трансформациями общественной и частной жизни²⁰³.

В силу названных факторов вопрос о правах человека, их правовой охране и полноценной реализации приобретает новое значение. Возникает потребность в разработке и внедрении таких правовых механизмов, которые и в новых условиях, порождаемых цифровизацией, смогут обеспечить защиту основополагающих прав и свобод человека.

²⁰² Николаев А.И. Права человека в условиях информационного общества // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 1. С. 12.

²⁰³ Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102-103.

Литература

Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине/А.И.Николаев// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4.

Николаев А.И. Права человека в условиях информационного общества/А.И. Николаев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 1. – С. 10-14.

Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений/Д.А.Пашенцев, Д.Р.Алимов // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 102-103.

Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России/Д.А.Пашенцев, В.Е.Чеботарев, Н.М.Шкурко // Юридический мир. – 2015. – № 8. – С. 62-67.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России/Д.А.Пашенцев, М.В.Залоило, А.А.Дорская: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Овчинников Анатолий Владимирович,

д.п.н., заместитель заведующего лабораторией истории педагогики
и образования Института стратегии развития образования
Российской академии образования

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.²⁰⁴

К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе стали зарождаться предпосылки формирования системы нормативно-правового обеспечения народного просвещения. Статья 121 Конституции СССР 1936 г. гарантировала трудящимся право на всеобщее, бесплатное, обязательное восьмилетнее образование на основе связи с жизнью и производством. Провозглашались широкие возможности получения любого образования. Такие же права гарантировались ст. 125 Конституции РСФСР, принятой в 1937 г.

Принятые нормы имели важное общественно-политическое значение. Государство не только гарантировало своим гражданам важное социальное право, но и закладывало основы советского образовательного законодательства и, в частности, разработки и принятия соответствующего общегосударственного закона. В те годы это обстоятельство имело важное политическое и юридическое значение, поскольку система нормативных актов, регулиро-

²⁰⁴ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФБГНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» № 073-00086-19-01 на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 гг. Проект «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании (№ 27.8089 2017/ БЧ).

вавших вопросы общего образования, состояла лишь из декретов и постановлений правительства СССР и союзных республик.

Такое нормативно-административное регулирование образовательной сферы вряд ли можно считать порождением только советской власти. Если посмотреть на историю образовательного законодательства с формальной стороны присутствия или отсутствия нормативно-правового акта, регулировавшего ту или иную область общественных отношений в области народного просвещения, то становится очевидным, что после принятия нормативных документов о начальной и средней школе в 1864 году с их последующими изменениями и дополнениями в 1870-х гг., новых систематизированных, органических нормативных актов не издавалось. Власть России как до революции 1917 г., так и после нее ограничивалось Декретами, партийными постановлениями и ведомственными нормативными актами. Таким образом, в новых исторических условиях развития отечественного образования продолжали действовать традиционные формы политико-правового процесса.

Сложившаяся в начале Великой Отечественной войны обстановка диктовала такие условия, при которых командно-административные методы руководства и управления в масштабах огромной державы приобретали решающее значение.

Внезапность нападения фашистской Германии и крупные политико-военные просчеты советского руководства накануне войны привели к тяжелым последствиям ее первого периода. Первые месяцы войны ушли на осмысление сложившегося положения и разработку тактики максимального сохранения всех ресурсов страны. В силу этого обстоятельства руководящими органами советского государства нормативных актов в области народного просвещения, имевших важное, общегосударственное значение фактически не издавалось.

Только в 23 января 1942 года было издано Постановление Совнаркома СССР № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей». На основании этого документа в стране были организованы детские приемники-распределители НКВД СССР, в которые направлялись беспризорные дети. Там они могли содержаться не более двух недель, после чего возвращались родителям. При отсутствии родителей дети в возрасте до 3-х лет, через медицинские органы направлялись в детские учреждения или на патронирование, до 14-ти лет определялись таким же порядком, но через органы народного образования, а дети старше 14 лет, также под контролем наркомпросов направлялись на промышленные предприятия или в колхозы и совхозы. Таким образом, в первые месяцы Великой Отечественной войны была создана четкая система, обеспечивающая один из главных социальных вопросов военного времени – устройство детей, оставшихся без попечения родителей.

Важнейшей задачей стала организация всеобщего начального обучения, которое было введено в школах СССР в 1931 году. 30 июля 1942 г. было издано распоряжение СНК СССР № 14088-р «О вовлечении в школы

всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по назначению». Спустя год, 14 июля 1943 г., Совнарком РСФСР Постановлением № 637 утвердил документ «Инструкция об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке выполнения закона о всеобщем обязательном обучении».²⁰⁵

Реализация указанных нормативных актов позволила четко организовать работу по выявлению и возвращению к систематическим школьным занятиям практически всех школьников РСФСР, которые по тем или иным причинам оказались оторванными от систематических школьных занятий.

Постановлением СНК СССР №964 от 8 сентября 1943 г. и последующим Постановлением СНК РСФСР №966 от 1 декабря 1943 г. было принято решение о введении с 1944/45 учебного года обязательного обучения детей с семилетнего возраста. Это решение имело важное значение не только в оперативном, но и стратегическом плане. Его быстрый эффект сказывался в том, что в условиях военного времени увеличивалось число детей, охваченных школьной системой, что снижало процент беспризорных. В отдаленной перспективе это приводило к более скорому вливанию в систему социально-производственных отношений немногочисленного состава детей войны, что позволило, хотя и в малой мере, сократить негативное влияние послевоенного демографического провала войны. Таким образом, данный нормативный акт был стратегически верным и социально полезным документом.

Анализ нормативных актов военного времени позволяет свидетельствовать то, что вопросы общего и профессионального образования подрастающего поколения в те годы решались комплексно.

1943 год стал временем принятия важнейших политических решений и последовавших за ними нормативных актов, определивших пути развития отечественной системы образования. В целях эффективной реализации задачи всеобщего обучения 15 июля 1943 г. Совнарком СССР издал Постановление № 782 «Об обучении подростков, работающих на предприятиях». Согласно этому документу с 1 октября 1943 г. в городах и рабочих поселках создавалась сеть школ для подростков и молодежи, работавших на промышленных предприятиях по программам V-X классов средней школы. Ответственность за материальное снабжение и организацию работы таких школ возлагалась на руководителей промышленных предприятий, Подростки должны были заниматься 9 часов в неделю (3 дня по три часа) при 48-недельном учебном годе. Количество обучающихся в классе не должно было превышать 20 человек.

Для организации методической работы в таких учебных заведениях в штат отделов народного образования вводились специальные инспекторы-методисты.

²⁰⁵ На момент утверждения указанной инструкции в СССР не было собственно закона о всеобщем начальном обучении. Статус закона имело совместное Постановление ЦИК №43 и СНК СССР №308 «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г. <http://istmat.info/node/49966>. Данное обстоятельство подтверждает, что директивные документы высших органов власти имели статус закона. – прим. авт.

Распоряжением СНК СССР №9492-р от 30 апреля 1944 г. такие школы стали называться школами рабочей молодежи, с утверждением положения о данном типе учебного заведения. Несколько позже, 8 июля 1944 года Постановлением СНК СССР №829 были организованы вечерние школы сельской молодежи и утверждено соответствующее положение.

В принятых нормативных актах учитывались специфические различия в организации системы обучения в городе и сельской местности. Так, время учебы в сельских школах было сокращено по сравнению со школами рабочей молодежи. Учебный год начинался 1 ноября и заканчивался 1 мая. Однако количество учебных занятий выравнивалось за счет пятидневного обучения. Таким образом, учитывая особенности работы и образа жизни городской и сельской молодежи, государство обеспечивало реализацию принципа равенства при получении общего образования.

На протяжении 1943–1945 гг. был принят комплекс нормативных актов, определивших тенденции дальнейшего развития школьной системы. Так, военное время потребовало ввести раздельное обучение мальчиков и девочек (Постановление СНК СССР № 789 от 16 июля 1943 г.). Во исполнение этого документа СНК РСФСР 23 июля 1943 г. принял Постановление № 671 «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров, автономных республик и крупных промышленных городов». К постановлению прилагалась подробная инструкция.

2 августа 1943 г. Постановлением СНК РСФСР были утверждены Правила для учащихся. Двадцать правил, обязательных для выполнения всеми учащимися России выстраивали идеальную поведенческую модель для всех учащихся республики, что оказывало позитивное влияние на учебно-воспитательный процесс. Приказом Наркомпроса РСФСР от 5 августа 1943 г. вводился ученический билет для всех учащихся, начиная с V класса.

Со второго полугодия 1943/44 учебного года в системе народного просвещения России продолжилось введение новых нормативных актов. 10 января 1944 г. Постановлением СНК РСФСР № 18 вместо словесной была введена цифровая пятибалльная оценка успеваемости учащихся. 29 февраля 1944 г. Народным комиссаром просвещения РСФСР была утверждена «Инструкция о применении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы». В ней содержались условия, по которым педагоги должны были выставить оценки. Особо строго оценивалось поведение учащихся. Так, документы об окончании школы выдавались только при отличном поведении. При оценке за поведение «2» ученик исключался из школы²⁰⁶.

Позитивное значение имел Приказ Наркома просвещения РСФСР №52 от 25 января 1944 г., прекращавший в школах практику социалистического соревнования по учебной работе. Одновременно запрещалось оказывать

²⁰⁶ Документ утратил силу в связи с изданием Приказа Минпросвещения России от 06.05.2020 № 201.

давление на учителя при оценке успеваемости учащихся, что повышало авторитет учителя и его ответственность за результаты труда.

Логическим завершением серии нормативных актов, направленных на улучшение обучения школьников, стало Постановление СНК СССР №750 «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», принятое 21 июня 1944 г. Согласно этому документу по окончании начальной и семилетней школы ученики должны были сдавать выпускные экзамены, а десятиклассники – экзамен на аттестат зрелости. Этим же Постановлением были учреждены золотые и серебряные медали²⁰⁷ для награждения особо отличившихся учащихся.

В годы Великой Отечественной войны значительное внимание уделялось нормативному регулированию дошкольного образования как начального звена системы народного просвещения страны. 9 января 1944 г. СНК СССР издал Постановление «О мероприятиях по расширению сети и улучшению работы детских садов» № 33²⁰⁸. 15 декабря 1944 г. Наркомпрос РСФСР утвердил Устав детского сада.

Это был систематизированный нормативный акт, состоявший из восьми разделов и 66 параграфов. В нем были отражены: порядок открытия детских садов, приема, перевода и отчисления детей; определен статус всех должностных лиц и работников детского сада. Отдельные разделы были посвящены порядку деятельности родительского комитета, а также штатам, финансированию, делопроизводству и отчетности.

Заключительная глава, определявшая права детского сада, имела два параграфа, закреплявших конкретный детский сад в качестве юридического лица и относящая все имущество учреждения к государственной или колхозно-кооперативной собственности. Данный документ на многие годы стал нормативной основой развития дошкольного образования в нашей стране.

Подводя итоги, следует отметить, что органами государственной власти СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны велась активная работа по нормативному регулированию системы народного просвещения. В ней прослеживаются два периода. Первый (1941г. - первая половина 1943г.), для которого характерно директивное руководство, направленное на сохранение школьной системы страны. Второй (вторая половина 1943 г.- 1945г.) характеризуется усилением внимания государства к вопросам развития школьной системы страны, принятием нормативных актов, позволивших поднять отечественную школу на новый уровень, нормативно закрепив основные положения учебно-воспитательного процесса. Принятые документы определяли более четкую организационно-правовую структуру отечественной школы и способствовали систематизации норм образова-

²⁰⁷ Положение о золотой и серебряной медалях «За отличные успехи и примерное поведение» было утверждено Постановлением СНК СССР 30 мая 1945 г.

²⁰⁸ Документ утратил силу на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 03.02.2020 г. № 80.

тельного законодательства. Опыт нормативного обеспечения развития системы просвещения в РСФСР получил дальнейшее развитие в мирное время и был воплощён в дальнейшем законотворческом процессе, итогом которого стал Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958 г.).

Литература

Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании. Сб. док. за 1917-1947 гг. Вып. 1-й. Сост. Н.И. Болдырев. М.-Л. Изд-во АПН РСФСР, 1947. – 320 с.

Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. док. 1917-1973 гг./ Сост. А.А. Абакумов и др. – М., Педагогика, 1974. – 560 с.

Павлов Вадим Иванович,

доцент, к.ю.н., докторант научно-педагогического факультета учреждения образования Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

«ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ» И ВИРТУАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА

Современная социокультурная реальность характеризуется явлением, которое можно обозначить как «цифровой поворот» – «Digital Turn». Если в XX в. эпистемологические «повороты» в социогуманитарном знании – «онтологический», «лингвистический», «антропологический» и др. – происходили под влиянием философских концепций, т.е. систем мысли, то в первой четверти настоящего столетия «Digital Turn» происходит под влиянием развития информационно-коммуникационных технологий, или, техники.

В современном научном дискурсе применительно к проблематике «цифрового поворота» речь идет в основном о появлении новой системы гуманитарных наук – цифровой гуманитаристики, связанной с включением в методологию социального познания информационно-коммуникационных технологий и изменения под их влиянием способов и самой картины научного познания. Цифровые гуманитарные науки (Digital Humanities) основываются на совмещении традиционных средств научного познания и цифровых технологий. Наибольшие изменения в последние годы в связи с включением технических достижений испытывают история и педагогика. Юриспруденция, несмотря на свой традиционно консервативный статус, тем не менее, также постепенно сталкивается с определенной трансформацией правового познания.

Юридические исследования по цифровизации можно распределить на две большие группы. Первая группа исследований ориентирована на изучение активного включения технических средств в процесс правового позна-

ния и юридическую практику. Вторая группа исследований носит несколько иной характер – здесь рассматриваются фундаментальные вопросы влияния цифровизации на правовую жизнь. Вместе с тем не так часто можно встретить исследования, посвященные парадигмальному анализу проблем цифровизации и феномена «цифрового поворота», а также самой главной проблеме в этой области – проблеме субъекта права и человека в правовой реальности.

Под «*цифровым поворотом*» следует понимать возникший под влиянием развития техники (информационно-коммуникационных технологий) процесс появления новой – виртуальной – среды или реальности, в которой разворачиваются антропологические и социокультурные практики.

Виртуальная правовая реальность может быть представлена как моделируемая информационно-коммуникационными технологиями среда элементов права, лишенная ввиду своей модельно-технологической природы одного либо нескольких параметров наличной правовой реальности. Виртуальная правовая реальность является искусственной и производной от основной, наличной реальности, что не умаляет ее значимости на современном этапе развития человечества. Чем больше элементов права и мира в целом переносится из наличной в виртуальную правовую реальность, тем социальное и юридическое значения последней становятся серьезней.

Главное следствие «цифрового поворота» заключается в постепенном переносе, трансфере антропологических практик из актуальной (материальной, наличной) в виртуальную, т.е. искусственную, недоактуализированную, смоделированную аппаратными средствами реальность. Последняя при всей ее привлекательности и дизайнерском совершенстве, создающим представление о ней как о реально-наличной, онтологической, тем не менее, является смоделированной, искусственной, и, главное, зависимой от реальных процессов, протекающих в т.н. основной реальности, т.е. в самом наличном бытии.

В связи с «цифровым поворотом» возросла актуальность проблематики субъекта права и человека как такового. Это связано с рядом факторов.

Во-первых, с колоссальным развитием техники стало очевидным, что проникновение, экспансия информационно-коммуникационных технологий практически во все сферы жизнедеятельности социума в своем предельном выражении сталкивается именно с человеком и его традиционным образом как крайней точкой онтологии. Ведь все процессы, все элементы мира, кроме человека, без труда могут быть оцифрованы, и это мы наблюдаем сегодня. Права же человека, а точнее нечто более значимое – его антропологические характеристики и свойства – именно они при конфликте с техникой являются маркером серьезности вызова цифровизации.

Во-вторых, сегодня становится все более очевидным, что среди общетеоретических концепций права и правовых теорий на вызов цифровизации адекватно могут ответить только т.н. антрополого чувствительные концепции, то, что в постклассическом правоведении называется человекомерны-

ми концепциями права, рассматривающими право в контексте действующего в них человека.

И, в-третьих, для решения проблемы «человек юридический–техника» юриспруденция должна обратиться к переосмыслению своих базовых методологических оснований, т.е. все правовые концепции должны отрефлексировать образы или модели человека, и это происходит сегодня. Если говорить по-другому, стоит вопрос о ценностях и антрополого-правовых аксио-моделях.

Современная общеправовая теория для решения проблемы цифровизации субъекта права нуждается в некоторой перестройке понятийно-категориального аппарата, связанного с человеком в праве. Сама такая постановка вопроса, однако, должна быть осмыслена и воспринята современными правоведомы, а в этом уверенности нет, поскольку основным трендом современности является «цифровой оптимизм» и «цифровой прогрессизм». Тем не менее, очевидно, что проблема субъекта права и его цифровой трансформации является одной из ключевых в современной фундаментальной юриспруденции и она все больше будет стимулировать разработку антрополого-чувствительного методологического инструментария.

Павлова Светлана Викторовна,

доцент, к.ю.н, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Санкт-Петербургской юридической академии

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Очевидно, что основным стратегическим ресурсом современного общества стала информация. Это обстоятельство, казалось бы, радикально изменило социально-правовую реальность постиндустриального этапа развития. Однако, нам хочется отметить, что различного рода вызовы – войны, эпидемии, переселения народов и т.п. влияли на общественное устройство уже не раз. И человеческая цивилизация справлялась с периодическими ударами, сохраняя себя.

Одним из рычагов выхода из кризисов, несомненно, стало право как универсальный регулятор человеческого общения. Более того, право можно охарактеризовать как феномен человеческого бытия. Его способность регулирующего воздействия на общественные отношения определяется его природой, а именно человекоразмерностью. Недаром античные философы призывали искать природу права в природе человека.

В этом смысле современная юридическая наука неизбежно «привязана» ко всему гуманитарному знанию, настроенному на изучение человека и общества. Это и современная психология, которая смогла вызвать к жизни психологическую теорию права, это и социология с соответствующим социологическим подходом к правопониманию, это и теология с религиозной философией права. Это конечно, теория естественного права в античном

варианте с попыткой ее возрождения отечественной юриспруденцией на рубеже 19–20 веков.

В теории о праве нет такого учения о правопонимании, которое не обращалось бы к человеку. Начиная с известной характеристики человека как полисного существа, наука определяла его природу исходя из признания в качестве главной ценности некую смысловую направленность жизни, важнейшее целеполагание. Отсюда человек виделся как существо духовное (эпоха Средних веков), как свободный гражданин (теория либерализма Нового времени), как существо «подчиняющееся» (например, в теории К.П. Победоносцева).

С этих позиций универсальным подходом к праву видится культурологический подход²⁰⁹, который различает типы общественного устройства в зависимости от типа культуры в рассматриваемый исторический момент. Сам тип культуры определяется ценностными ориентирами общественного сознания. Важно заметить, что культурологический подход исходит из признания *духовной природы* человека, что делает его сопричастным Творцу. На этом постулате развивалось дореволюционное отечественное правоведение, взявшее за основу религиозную философию права, основоположником которой принято считать Вл.С. Соловьева. Однако его предшественником уже в середине 19 в. стал Н.Я. Данилевский, предложивший первую классификацию культурно-исторических типов.

В основу различения культурно-исторических типов Данилевский полагает различия в характере народов, составляющих культурно-исторические типы. Классифицируя их на 3 разряда, Н.Я. Данилевский важнейшей чертой национального характера (общей для всего народа, постоянной и существенной) признает *нравственный* признак народа, служащий выражением существенной особенности всего психического строя. Им становится руководящее высшее нравственное начала, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации как со стороны научной и художественной, так и со стороны общественного и политического строя.

Немаловажным становится вывод автора при анализе ценностного основания русской культуры его времени. Мыслитель приходит к выводу, как, впрочем, и его оппоненты – западники, что религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей²¹⁰.

Культурология, при всей многогранности подходов к ее понятию, все-таки призвана не только к обобщению исследовательского материала, но и поиску того культурообразующего фактора, который связывает все элементы культуры в качественное своеобразие, отличающее одну культуру от другой. Этим занимался еще один отечественный культуролог Питирим

²⁰⁹ Павлова С.В. Культурологический подход в истории отечественной политико-правовой мысли. Монография. // СПб ЮА, СПб, 2013.

²¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2008. С. 585.

Сорокин, разработав теорию социокультурных циклов, созвучную теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Первопричиной динамики социокультурного процесса у обоих авторов становится, как видно, *духовная основа культуры*, ее внутренняя сторона.

По мнению Питирима Сорокина каждый тип культуры отличается своей природой ценностей. В силу этого каждая культура обладает «собственной ментальностью, собственной системой истины и знания, имеет собственную философию и мировоззрение; особый тип религии и образцы «святости»; свое собственное представление о правильном и неправильном». И этот блок ее характеристики следует признать определяющим.

В своем творчестве автор явно отдает предпочтение идеациональному типу культуры *с его постижением сущностных форм построения мира*, хотя и делает оговорку о том, что вероятно ни чувственный, ни идеациональный типы культуры никогда не существовали в чистом виде. В действительности, замечает он, все культуры состоят из различных соединений этих двух логико-смысловых форм, с преобладанием первого или второго («жизнь по разуму» или «жизнь по вере»). Конкретная культура «приблизена» к первому или второму типу, либо представляет собой синтез двух чистых форм, который назван Сорокиным *идеалистическим* типом культуры²¹¹.

В особой главе, посвященной этико-юридической ментальности, Сорокин прослеживает непосредственную связь морально-правового сознания, отображенного в официальном праве и нравственных нормах, с чередованием того или иного типа культуры. Он доказывает на примере уголовного права, что позитивное право отражает главные изменения в морально-правовом сознании. Прогнозом ученого становится необходимая смена типов культур в целях выживания человечества. В бесконечном стремлении к совершенству и совершенному часто происходит подмена понятий истины на ложь. Ошибки дорого обходятся человечеству, оборачиваются кризисами, войнами и революциями, которые ведут к смене типа культуры. Но эта динамика и смена ценностных ориентиров есть неизбежность и норма социокультурного процесса, считает Сорокин. Именно в кризисе базовых ценностей суть цивилизационного кризиса.

В его системе знания главная функция чувственной культуры – покорение природной стихии, при этом самое опасное в ней – низведение человека до уровня примитивного существа, простого рефлексивного механизма, лишённого малейшей Божественной искры и какой-либо абсолютной ценности. Главная функция двух других типов – обуздание самого человека, контроль человека над самим собой, который невозможен без системы абсолютных, универсальных и непреходящих ценностей²¹². Человек с такой системой ценностей, уверен мыслитель, сможет построить более справедливое и человеческое общество.

²¹¹ Там же. С.62.

²¹² Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – М., 2006. С.792-794.

Квинтэссенцией русской религиозной философии стало наследие И.А. Ильина. Красной нитью его творчества проходит тезис: невозможно устроить мир материи, не устроив мир души, ибо душа есть необходимое творческое орудие мироустроения²¹³. Душа, покорная хаосу, бессильна создать космос во внешнем мире. Самопознание и самопреобразование человеческого духа должно лежать в основе всей жизни, дабы она не сделалась жертвою хаоса и деградации. А также признание Творца верховным благом. Вне этого знание становится пародией на знание, искусство вырождается, религия становится самоопьянением, право и государство становятся орудием зла²¹⁴.

Формула Ильина следующая: внешний порядок жизни право может творить только через внутреннюю упорядоченность души. Вся задача права в том и состоит, чтобы создавать в душе человека мотивы лучшего поведения. В этом его значение – воспитания души. А наполняя своим содержанием души людей, право, как необходимая форма бытия, воздействует и на внешний образ жизни, внося в нее свободный, мирный и справедливый порядок существования. Ценность права в том и заключается, что, закрепляя стандарты и образцы поведения, оно воспитывает сам образ мышления.

Преамбула действующей Российской конституции закрепила культурные ценности нации, такие, как почитание памяти предков, любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, стремление обеспечить благополучие и процветание России, ответственность за свою Родину.

Этому нормативу созвучен вывод известного современного автора: «Именно в рамках права, на пути формирования правового и социального государства надо искать соединение традиции соборности, общинности и коллективизма с правом как формой свободы индивида»²¹⁵.

Как бы ни своевременно и адекватно не реагировало позитивное право на вызовы времени, оно бессильно в своем регулятивном воздействии без духовной составляющей правового идеала как основы правосознания. Именно нравственность участников правоотношения, в конечном итоге, определяет эффективность реализации права и правопорядок, поскольку субъект по своей природе представляет собой свободную личность и действует в соответствии с собственным выбором в отношении соблюдения правовых предписаний.

Цифровизация – это очередной, несомненно, серьезный вызов к нравственному достоинству человека, проверка устойчивости культурологического основания бытия. В этом духовное содержание любого кризисного состояния цивилизации. Правовое воспитание в широком аспекте его понимания может стать главным фактором успешного результата. Этот вывод призывает современную юридическую науку к исследованию духовной сферы человеческого бытия, в т.ч. социальных отношений как предмету

²¹³ Ильин И.А. О сущности правосознания. ПСС. – М., 1994. Русская книга. Т.4. – С.152.

²¹⁴ Там же. С.153.

²¹⁵ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015 –С.44.

правового регулирования. Перед вызовами современной цивилизации - главное для современного человека – не потерять свою духовность, отличающую его от остального тварного мира.

Литература

- Данилевский Н.Я. Россия и Европа/Н.Я.Данилевский. –М., 2008.
 Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России/В.Д.Зорькин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.
 Ильин И.А. О сущности правосознания/И.А. Ильин ПСС. М., 1994. Русская книга. Т.4.
 Павлова С.В. Культурологический подход в истории отечественной политико-правовой мысли/С.В.Павлова: монография.– СПб: СПб ЮА, 2013.
 Сорокин П. Социальная и культурная динамика/П.Сорокин. – М., Астрель. 2006.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич,
 профессор, д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СУБЪЕКТ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ²¹⁶

Современные технологии, в первую очередь, цифровые, активно внедряются во все сферы жизни общества, инициируя формирование новой модели общественных отношений. Соответствующим образом меняется и модель правового регулирования, что сказывается на всех формальных и содержательных аспектах правовой реальности²¹⁷. Одной из ярко выраженных тенденций в юридической сфере общества является изменение статуса субъекта правоприменения, которое происходит под влиянием цифровых технологий.

В условиях цифровизации сфера правоприменения получает приоритет по сравнению с правотворчеством. Ускоряющееся развитие общественных отношений в цифровую эпоху порождает все большее отставание правотворческой деятельности, необратимо приобретающей догоняющий характер. В силу высокой динамики современной жизни законы часто устаревают еще до своего вступления в силу. В силу этого акцент в юридической деятельности смещается на правоприменение, которое осуществляется в «режиме реального времени». Именно применение права в условиях цифровизации оказывает определяющее влияние на развитие общественных отношений, формируя для них рамки, порой отличающиеся от установленных

²¹⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

²¹⁷ Николаев А.И. вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. –2019. – № 4. – С. 44.

законом²¹⁸. Исходя из этого, нельзя отрицать важнейшую роль субъекта правоприменения в конструировании правовой реальности. От поведения этого субъекта, наделенного развитым правосознанием и специфическим менталитетом, зависит правовая реальность, которая формируется и воспроизводится в процессе повседневной деятельности по реализации правовых норм.

В контексте влияния цифровизации на субъект правоприменения следует обозначить три важных аспекта. Первый аспект – технический, он определяется возможностью использования новых цифровых технологий для совершенствования технических аспектов правоприменительной деятельности. Второй аспект связан с тем воздействием, которое испытывает человек, наделенный правоприменительными полномочиями, со стороны цифровой реальности. Третий аспект связан с возможным появлением иных, помимо человека, субъектов правоприменения.

В связи с первым аспектом отметим, что в современных условиях целый ряд юридически значимых операций, в том числе, в судах, уже осуществляют роботы, которые составляют иски, пишут жалобы, готовят иные необходимые документы. Это призвано облегчить техническую сторону правоприменительной деятельности, увеличить скорость и качество рассмотрения дел в судах, повысить общую эффективность системы правосудия. Следствием должно стать новое качественное состояние правоприменения, что может способствовать повышению эффективности всего правового механизма. Таким образом, в данном аспекте мы можем говорить о позитивной роли цифровых технологий, используемых в качестве вспомогательных в правоприменительной деятельности.

Второй аспект связан с тем, что возрастающий в цифровом обществе объем информации и качественное изменение способов и форм ее доставки оказывает существенное воздействие на личность человека – субъекта права. Цифровизация формирует новый тип мышления – клиповое мышление, которое не связано с навыками анализа сложных и объемных текстов. Под угрозой оказываются аналитические навыки, что может стать критичным для успешной правоприменительной деятельности. Под влиянием цифровизации изменяется и сама система ценностей, которая присуща членам общества, включая тех, которые наделены правоприменительными полномочиями. Воздействие цифровых технологий приводит к тому, что меняется менталитет и психика субъектов правоприменения, трансформируется характер мышления и, как следствие, изменяются результаты анализа ценностных положений нормативного правового материала в процессе правоприменения.

Наконец, третий из названных аспектов связан с дискутируемым сегодня вопросом о появлении новых субъектов правоприменения – роботов. Отметим, что уже существуют законопроекты, направленные на наделение

²¹⁸ Пашенцев Д.А. Субъект правоприменения в условиях цифровизации // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2020. – № 3. – С. 23.

роботов-агентов правосубъектностью. В ряде стран вопрос об использовании искусственного интеллекта в качестве судьи, выносящего решения по конкретным делам, уже перешел в практическую плоскость. Известны случаи применения роботов-судей при рассмотрении уголовных дел в Китае и гражданских дел в Латвии. Соответствующие исследования и эксперименты проводятся в США, а также некоторых других странах²¹⁹.

Применение роботов-судей может начаться достаточно скоро применительно к тем судебным процессам, где возможно применение четкого алгоритма, иногда даже допускается принятие решения без вызова сторон. Истец и ответчик загружают все необходимые документы в электронном виде на специальный сайт, и компьютерная программа сама принимает решения по делу с учетом имеющейся практики. Однако в этом случае существуют и определенные риски, например, однообразие решений, не учитывающих динамику общественных отношений в данной сфере.

Полагаем, что наделение робота статусом правоприменителя, с одной стороны, продиктовано логикой процессов цифровизации, с другой стороны, является вопросом, требующим фундаментального исследования. В сложных делах, где требуется тщательный анализ всех обстоятельств, включая психологические аспекты и мотивы совершения противоправных действий, искусственный интеллект не сможет заменить людей. Ему пока не доступен анализ моральных принципов и нравственной оценки поступков, неизвестны принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания²²⁰. В ряде случаев суд решает дело, применяя аналогию закона и аналогию права, что предполагает оценку общих начал законодательства и права. В этих случаях искусственный интеллект, не обладающий правосознанием, в первую очередь, правовой психологией, может оказаться неэффективен²²¹.

Таким образом, процессы цифровизации, воздействуя на общественные отношения, неминуемо влияют на субъект правоприменения. Такое влияние можно оценить как комплексное и многоаспектное, оно имеет как формально-технический, так и содержательный характер. Одним из острых и дискуссионных вопросов является наделение роботов статусом субъекта правоприменения, в первую очередь, статусом судьи. Представляется, что участие искусственного интеллекта в правоприменении возможно в тех аспектах, в которых оно будет иметь технически-вспомогательный характер. Содержательно-оценочная деятельность судьи может полноценно осуществляться только судьей-человеком.

²¹⁹ Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 143.

²²⁰ Захарцев С.И., Сальников В.П. Судья-робот в уголовном процессе: хорошо или плохо? // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 177.

²²¹ Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 200.

Литература

Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. – М.: Инфра-М, 2019.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Судья-робот в уголовном процессе: хорошо или плохо? // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7.

Николаев А.И. вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4.

Пашенцев Д.А. Субъект правоприменения в условиях цифровизации // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2020. – № 3. – С. 23–25.

Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 198–202.

Позднякова Елена Александровна,

к.ю.н., доцент кафедры земельного права

Государственного университета по землеустройству

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВЫКУПЕ НЕИСПОЛЬЗУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Проблема неиспользуемых земельных участков сельскохозяйственного назначения последнее время является острой не только для России, нужно отметить, что с ней столкнулись многие государства, поскольку с ее решением напрямую связана продовольственная безопасность страны. В 2016 году в России вступил в силу Федеральный закон от 03.07.2016г. №354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации» (далее по тексту ФЗ-№354). В соответствии с данным законом, такие участки, подлежат изъятию. Для этого орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации обращается в суд с требованием об изъятии и о продаже такого участка с публичных торгов.

Когда такой участок приобретается на торгах, цель, поставленная законодателем, а именно передать такие земельные участки лицам, которые могут и хотят на них работать – достигнута. В этом случае новый собственник

должен начать его использование в течение года. Проблема возникает в том случае, когда желающих приобрести такой участок не находится.

В создавшейся ситуации земельный участок может быть приобретен в муниципальную собственность поселения или городского округа, на территории которого он расположен. Ключевым моментом, который законодатель зафиксировал, является право муниципального органа, а не его обязанность. Поэтому следует вопрос решать дальше в том случае, если муниципальный орган не пожелает воспользоваться своим правом, поскольку вопрос с таким земельным участком не был решен.

В соответствии с п.14 ст.6 ФЗ от 24.07.2002г. №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в течение одного месяца с даты истечения срока, в течение которого земельный участок может быть приобретен в муниципальную собственность, обязан приобрести такой земельный участок в государственную собственность по минимальной цене торгов в форме публичного предложения. Как мы видим в данном случае речь идет уже не о праве, а об обязанности. Такой подход законодателя разделяется и в научной литературе²²². Однако целесообразен ли он, это большой вопрос. Когда закон №354-ФЗ был еще законопроектом, то в его пояснительной записке было сказано, что общая площадь переданных СХО, но не используемых сельхозугодий составляет 39,7 млн га. При этом 36,6 млн га неиспользуемых земель – это государственные земли. Таким образом, большая проблема связана с самим государством как с собственником таких земель.

В научном сообществе существует ряд исследований, подтверждающих неэффективность государственной собственности²²³.

Казалось бы, что вопрос с такими земельными участками решен, однако далеко не все так просто. Четкого механизма такого выкупа не прописано, что в свою очередь порождает неясность в его реализации.

Так, законодатель, прописывая сначала право муниципальных органов власти, а затем и обязанность органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, не указал из какого источника должно финансировать-

²²² Проблемы правового обеспечения земельных преобразований в постсоветской России: опыт, варианты и перспективы решения (к 30-летию образования кафедры земельного права): монография / под ред. С.А. Липски. М.: ГУЗ, 2016г., с.220.

²²³ По данным Федеральной антимонопольной службы, важнейшим фактором негативного влияния на российскую экономику является высокая степень участия государства в экономике. Так, по итогам 2015 года вклад государства и государственных компаний в ВВП России может составить около 70%, тогда как в 2005 году эта доля составляла около 35%. См.: Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. ФАС РФ. 2016. С. 5–7 [Электронный ресурс]: // URL: <http://fas.gov.ru/about/listof-reports/report.html?id=1653> (дата обращения: 6.06.2017). При таком росте государственного участия полностью не выполнена ни одна мера главного раздела Стратегии социально-экономического развития страны до 2020 «Новая модель экономического роста». См.: Мазаев В.Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 19–33; Белановский С.А. и др. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. СПб., 2016. С. 38–50; Абрамов А., Радыгин А., Чернова М., Энтов Р. Государственная собственность и характеристики эффективности // Вопросы экономики. 2017. №4. С. 6,7, 26.

ся приобретение таких земельных участков. Анализируя эту ситуацию, В.Я.Узун справедливо отмечает, что федеральный центр не может принуждать субъекты РФ тратить свой бюджет на такие цели²²⁴. Данная позиция подтверждается не только принципом самостоятельности хозяйственной деятельности субъектов РФ и муниципальных образований, но и соответствующими статьями Бюджетного кодекса РФ (ст.8 и ст.9), закрепляющими бюджетные полномочия субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

На практике выяснилось, что ни в муниципальные бюджеты, ни в бюджеты субъектов Российской Федерации не были заложены соответствующие строки финансирования.

Вначале указанные бюджеты просто были не готовы к такой процедуре, но и теперь ситуация лучше не стала, поскольку причиной является нехватка денежных средств на приобретение таких активов. Подтверждением данному выводу являются статистические данные по этому вопросу. Так за 2018 год из 117 случаев выявления используемых не по назначению сельхозземель в суды муниципальные власти обращались лишь шесть раз²²⁵.

Теперь нам предстоит ответить на вопрос не нарушается ли право субъектов РФ и муниципальных образований самостоятельно формировать и расходовать свои средства? С одной стороны, никаких нарушений нет. Можно обосновать это тем, что субъекты РФ и муниципалитеты обязаны запланировать такие средства, чтобы исполнить требования федерального законодательства. И здесь отчетливо прослеживается усиление публичных начал со стороны государства.

Однако несмотря на усиление публичных начал, нарушение прав субъектов РФ и муниципалитетов не установлено. Тогда возникает другой о причине низкой эффективности данного закона как о результате его пятилетней работы.

По нашему мнению, это экономическая причина. В рыночных условиях невозможно с помощью только императивного метода достичь эффективности. На этом примере мы видим, как со стороны федерального центра с помощью указанного метода пытаются понудить органы власти субъектов Российской Федерации приобретать не эффективные активы. Решение такой проблемы нам видится в предоставлении субъектам Российской Федерации самостоятельности в хозяйствовании и применении экономических средств стимулирования начиная непосредственно с собственников земельных участков.

²²⁴ Узун В.Я. Чего хочет Минсельхоз: улучшить использование земли или увеличить выплаты ее контролерам и захватчикам? [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.dairynews.ru/news/chego-khochet-minselkhoz-uluchshit-ispolzovanie-ze.html> (дата обращения 05.03.2021).

²²⁵ Никишин А. Для неиспользуемых сельхозземель подыщут хозяина [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.akkor.ru/statya/6437-dlya-neispolzuemyh-selhozzemel-podyshchut-hozyaina.html> (дата обращения 05.03.2021).

Литература

Абрамов А., Радыгин А., Чернова М., Энтов Р. Государственная собственность и характеристики эффективности // Вопросы экономики. – 2017. – № 4.

Белановский С.А. и др. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. – СПб., 2016. – С. 38–50.

Мазаев В.Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 19–33.

Никишин А. Для неиспользуемых сельхозземель подыщут хозяина [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.akkor.ru/statya/6437-dlya-neispolzuemyh-selhozzemel-podyshchut-hozyaina.html> (дата обращения 05.03.2021).

Проблемы правового обеспечения земельных преобразований в постсоветской России: опыт, варианты и перспективы решения (к 30-летию образования кафедры земельного права): Монография / под ред. С.А. Липски. – М.: ГУЗ, 2016. – 300 с.

Узун В.Я. Чего хочет Минсельхоз: улучшить использование земли или увеличить выплаты ее контролерам и захватчикам? [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.dairynews.ru/news/chego-khochet-minselkhoz-uluchshit-ispolzovanie-ze.html> (дата обращения 05.03.2021).

Порываева Наталья Федоровна,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

СОЦИОТЕХНИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Согласно материальному подходу, существующему в правовой доктрине, правоотношение – это особая разновидность общественных отношений, урегулированных правом. Явление фактического порядка — жизненное отношение — подвергается воздействию норм права, в результате чего трансформируется в новое отношение — правовое²²⁶. Такую же закономерность трансформации общественных отношений можно проследить при технологизации общественной жизни²²⁷. Социальные общественные отношения модифицируются в социотехнические. И социотехничность, как свойство современных общественных отношений, постепенно приходит и в правоотношения.

²²⁶ Аслаян Н.П. Несколько замечаний к дискуссии о понятии правоотношения / Н.П. Аслаян, М. А. Григорьева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. Т. 25. – № 6. – С. 1092.

²²⁷ Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Одними из правоотношений, к которым можно применить термин социотехничность, являются правоотношения, складывающиеся в сфере налогообложения. Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее - ФНС) в последнее время является флагманом процессов цифровизации среди органов государственной власти. Налоговые органы давно инвестируют в сервисность и автоматизацию своей деятельности и широко применяют в ней технологические инновации, стремительное внедрение которых было обусловлено пандемией коронавируса²²⁸.

Так, в период эпидемиологических ограничений в 2020 году ФНС в максимально короткие сроки был запущен сервис по выплате субсидий малому бизнесу, пострадавшему от COVID-19, реализованный на блокчейн-платформе. Учитывая, что налоговыми органами собраны данные, и в период эпидемиологических ограничений ФНС поставляла данные в больших объемах органам исполнительной власти, можно говорить о формировании новой функции ФНС – функции поставщика данных²²⁹. В конце 2020 года была утверждена Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности (далее – Концепция), разработанная ФНС совместно с заинтересованными органами власти и представителями бизнес-сообщества²³⁰. Мероприятия, предусмотренные Концепцией направлены на повышение качества и эффективности документооборота на основе высокотехнологичных решений, на оптимизацию и усиление электронного взаимодействия между государственными органами власти и/или хозяйствующими субъектами²³¹. Реализация Концепции потребует внесения изменений в нормативно-правовые акты в сфере электронного документооборота, а также принятия недостающих нормативно-правовых актов в этой сфере. Для ФНС внедрение 100 % электронного документооборота позволит исключить необходимость прямой коммуникации ФНС с налогоплательщиками, а получаемые таким образом данные и применяемые цифровые технологии позволят автоматически исчислять все налоги непосредственно самими налоговыми органами. Что концептуально меняет государственное управление в сфере налогообложения.

Таким образом, социотехничность таких правоотношений проявляется в следующем:

введение и усиление технологического компонента в общественные отношения, урегулированные правом, может приводить к изменению их содержания, исключая, упрощая или усложняя некоторые элементы, то есть происходит подстраивание общественных отношений под требования, не-

²²⁸ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

²²⁹ Из интервью главы ФНС Даниила Егорова см.: Д. Бутрин. Порядок цифр верный, это триллионы // Коммерсантъ. № 213 от 20.11.2020, стр. 1.

²³⁰ Официальный сайт Федеральной Налоговой Службы [Электронный ресурс]: // URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/10367446/ (дата обращения 13.02.2021).

²³¹ См.: Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности (утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 25.12.2020 № 34).

обходимые для введения технологического компонента. Соответственно такие общественные отношения подвергаются двойной трансформации: под воздействием норм права и под воздействием технологического компонента.

введение технологического компонента в свою очередь влечет изменение нормативно-правовой основы правоотношений. Причем изменению может подлежать не только содержание нормативной основы правоотношения, но и форма изложения правовых норм. Нормы права могут быть изложены как в человекочитаемом виде, так и в машиночитаемом виде.

при отсутствии прямой коммуникации с налоговыми органами субъект правоотношения, может реализовать свои права и обязанности только при наличии электронного вычислительного устройства, и специально разработанных налоговыми органами сервисов. Например, такой подход в настоящее время реализуется в рамках специального налогового режима для самозанятых (предусм. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» от 27.11.2018 № 422-ФЗ). В дальнейшем, при исключении прямой коммуникации ФНС с налогоплательщиками, такой подход будет распространяться на всех налогоплательщиков. При этом правовой статус субъекта правоотношения, не имеющего электронного вычислительного устройства с параметрами, необходимыми для реализации своих прав и обязанностей в рамках определенного правоотношения будет ограничен.

Перечисленные проявления социотехничности не являются единственными, этот ряд можно продолжить.

Рассмотренная социотехничность налоговых правоотношений характерна и для других правоотношений. Со временем в условиях государственной политики, направленной на цифровизацию государственного управления, все больше правоотношений будет обладать свойством социотехничности.

Литература

Асланян Н. П. Несколько замечаний к дискуссии о понятии правоотношения / Н. П. Асланян, М. А. Григорьева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. Т. 25, – № 6. – С. 1092.

Бутрин Д. Порядок цифр верный, это триллионы // Коммерсантъ. № 213 от 20.11.2020, стр. 1.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5–26.

Рабазанов Султанахмед Асадуллаевич,
аспирант кафедры конституционного и международного права
Поволжского института управления имени П. А. Столыпина –
филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

МЕСТО КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В Отечественной науке конституционного права вопросы, связанные с коллективными образованиями, начали изучать относительно недавно. Впервые, термин «коллективный субъект права» упомянул А.В. Венедиктов в своей работе «Государственная социалистическая собственность» в конце первой половины двадцатого столетия в период активной трудовой деятельности советского народа по ликвидации последствий Великой Отечественной войны²³². В последующие годы данный термин широко применялся для обозначения таких юридических лиц, как общественные образования. Главным условием классификации общественного образования как коллективного субъекта являлось наличие зафиксированного государственными органами юридического статуса. Следует отметить, что коллективные образования естественного формата, не имеющие зафиксированного юридического статуса, как народ, нации, народности и другие социальные общности не были включены в это понятие.

В правовой доктрине Советского государства, впервые понятие «народ» получило свое отражение в Конституции СССР 1977 года, где народ признается носителем власти в стране. Важно заметить, что закрепление в Конституции СССР понятия «народ», означает закрепление её правового статуса на государственном уровне, т.е. признание правосубъектности народа, как коллективного субъекта конституционных отношений. Несмотря на это, в Советском союзе вышеуказанные вопросы, особенно в части, касающейся социальных общностей, не получили необходимого правового регулирования. Только лишь, на закате существования Советского государства, были приняты несколько нормативно-правовых актов регулирующих деятельность общественных образований, которые не смогли в достаточной степени удовлетворить существовавшие потребности в силу ликвидации их правового поля с распадом страны в 1991 году.

В современной России правовое регулирование коллективных субъектов имеет совершенно иной облик.

Во-первых, многие ученые правоведы, в том числе ученые-конституционалисты, рассматривая вопросы, связанные с понятием и видами субъектов правоотношений, выделяют коллективных субъектов как составной части субъекта права. Например, в учебнике по конституционному праву России, под редакцией Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина, указано, что

²³² Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Ленинград: Издательство АН СССР, 1948. С. 591.

круг субъектов конституционно-правовых отношений очень широк, среди которых такие специфические субъекты, как народ, государство, общественные объединения, депутаты, органы государственной власти, избирательные комиссии, собрания избирателей и т.д.²³³.

Во-вторых, государство приняло ряд законодательных актов, регулирующих деятельность коллективных субъектов. К таким нормативно-правовым актам следует отнести: федеральный закон от 19.05.1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»; федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»; федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» и другие законодательные акты.

В-третьих, вышеуказанные нормативно-правовые акты постоянно редактируются в соответствии с реалиями времени, при этом, надо отметить, что эти изменения способствуют предоставлению коллективным субъектам все большей свободы их деятельности. Это, на наш взгляд, способствует демократизации общества и развитию гражданского общества.

В-четвертых, что является самым значимым событием, в Преамбуле Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, употреблено понятие «многонациональный народ», что, по нашему мнению, означает признание народа субъектом конституционного права. Наряду с этим, согласно статье 3 Конституции Российской Федерации народ выступает носителем суверенитета и единственным источником власти, а также государство гарантирует и защищает права коренных и малочисленных народов, что указано в статье 69 Конституции Российской Федерации.

Термин «народ» в Конституции Российской Федерации до внесения поправок встречалось десять раз.²³⁴ А с внесением изменений от 1 июля 2020 года встречается уже четырнадцать раз, в том числе в сочетании с понятиями «государствообразующий» и «равноправный». Это говорит о народе, как о ключевой фигуре в организации государственной власти в Российской Федерации.

Д.С. Велиева считает, что коллективные субъекты конституционных отношений следует разделить на формализованные в юридическом смысле и неформализованные. К формализованным субъектам ученый относит различного рода общественные объединения, с зафиксированным юридическим статусом, а к неформализованным народ, нации, народности и другие социальные общности.²³⁵ Данную классификацию следует отнести к категории «по способу возникновения».

²³³ Конституционное право России. Учебник. 5-е издание / ред. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. – Москва: Проспект, 2013. – С. 8.

²³⁴ Дураев Т.А., Тюменева Н.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014 – № 3. – С. 570–578.

²³⁵ Велиева Д.С. Коллективные субъекты конституционных прав // Вестник Саратовский государственной юридической академии. – 2013. – № 4(93). – С. 205–209.

Важно отметить, что Конституция Российской Федерации, также регулирует вопросы, касающиеся общественных объединений. Главным образом это зафиксировано в статье 30, согласно которой каждому предоставлено право на объединение, при этом свобода этих объединений гарантируется государством.

Институт общественных объединений существует в правовой системе Российской Федерации, как важный инструмент реализации прав и свобод человека и гражданина. В этой связи, надо подчеркнуть, что деятельность формализованных и неформализованных коллективных субъектов тесно взаимосвязана. Это подтверждает, Н.Д. Бураева, которая считает, что общественные объединения на территории Северной Осетии - Алании проводят значительную работу по сохранению, развитию и популяризации культуры, традиций, сохранению исторической памяти осетинского народа на территории Российской Федерации²³⁶.

Переход Российской Федерации к масштабному применению компьютерных технологий в обществе не могло не оказать влияния на процесс развития коллективных субъектов конституционного права. Процесс цифровизации имеет как позитивные, так и негативные последствия. Глобальная сеть позволяет каждому получать огромное количество информации в короткий промежуток времени, независимо от государственных и иных границ. Это приводит к положительным последствиям при защите нарушенных прав коллективных субъектов. Например, место существования отдельных народов находится на больших расстояниях от места расположения государственных органов, которые осуществляют защиту нарушенных прав. А наличие цифровых технологий в удаленном населенном пункте позволяет в режиме реального времени организовать взаимодействие заинтересованных субъектов одновременно, в том числе посредством видео связи. Сроки организации необходимого процесса значительно сокращаются.

Таким образом, институт коллективных субъектов конституционно-правовых отношений находится в процессе своего становления. При этом надо отметить, что в новейшей истории Российской Федерации законодатель принял ряд важных нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность. Процесс цифровизации определенным образом влияет на данный институт права, оказывая, все-таки, в большей степени положительное влияние. Государство, совместно с научным сообществом и в дальнейшем обязано совершенствовать нормативно-правовое регулирование в этом направлении.

Литература

Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – Ленинград: Издательство АН СССР, 1948.

²³⁶ Бураева Н.Д. Социально-культурная деятельность общественных объединений в республике Северная Осетия – Алания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 5. – С. 23–27.

Велиева Д.С. Коллективные субъекты конституционных прав // Вестник Саратовский государственной юридической академии. 2013. № 4(93).

Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. Учебник. 5-е издание. – Москва: Проспект, 2013.

Дураев Т.А., Тюменева Н.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. – № 3.

Бураева Н.Д. Социально-культурная деятельность общественных объединений в республике Северная Осетия – Алания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 5.

Репьев Артем Григорьевич,

доцент, д.ю.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

ПОЧЕТНОЕ ПРАВО КАК ЭЛЕМЕНТ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА

Одним из основополагающих видов юридического дозволения выступает конструкция субъективного права. Следует сказать, что в целом права человека, с точки зрения индивидуальных возможностей конкретной личности, совершенно справедливо выступают центральной категорией юриспруденции: и ее теории, и практики. Этому вопросу посвящено немалое количество фундаментальных научных трудов²³⁷. Справедливо будет сказать, что во многом благодаря им, получили соответствующее доктринальное обоснование такие виды прав, как: социально-экономические, политические, культурные и пр.

Тем парадоксальнее выглядит ситуация, что почетные права, как разновидность юридических возможностей, не были достойно освещены на страницах профессиональной печати. Попробуем в определенной степени устранить соответствующее упущение в рамках настоящей научной публикации.

Начать уместно с того, что любому формально-юридическому исследованию предмета предшествует филологический анализ, указывающий на этимологию анализируемого терминологического ряда, семантику словесной цепочки. Так, например, толковый словарь В.И. Даля в редакции начала XX века не знает лексической единицы «почет», однако, разъясняет такие, в нашем представлении производные от него глаголы, как «почестить» или «почествовать», т.е. уважить, удостоить, воздать честь или почести²³⁸. Фраза «почествуй гостей», например, означала обнести вином. Этот же источ-

²³⁷ Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972; Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность / отв. ред. член-корреспондент АН СССР В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1987; Комаров С.А. Советское общенародное государство и личность: Политико-правовые аспекты. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.

²³⁸ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, испр. и знач. доп. изд. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-Де-Куртенэ. Т. 3: П – Р. СПб.-М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1907. С. 967.

ник предлагает определение термину «почесть»: в первом значении – всякое внешнее доказательство почтения, уважения, почета лица по сану, по заслугам, слава его и пр., а во-втором, знаки отличия, сан, чин, звание или торжественное, обрядливое признание чьих-либо достоинств²³⁹.

Словосочетание «почетное право», как мы понимаем, производно от морфологической единицы «почет», но с добавлением формально-юридических свойств каким-либо возможностям и действиям субъекта, основанным, при этом, на признании его заслуг перед государством и обществом, уважении в определенной социальной группе, непоколебимой чести и достоинстве. Исходя из сказанного, исследование конструкции «почетное право» с формально-юридических позиций непременно должно отталкиваться от установления:

– во-первых, смысловой нагрузки и юридического содержания термина «право» ввиду его лексической полисемии и с учетом специфики сочетания слов;

– во-вторых, оснований почета и обретения уважения со стороны других участников отношений, в силу отнесения их к формально-юридическому критерию получения возможностей на какие-либо блага.

Пойдем сообразно выдвинутой последовательности.

Термин «право» в отечественной юридической науке рассматривается и в объективном смысле, т.е. в качестве совокупности формально-установленных предписаний, регламентирующих отношения, и в субъективном, как дозволение лицу действовать в своем интересе. Следовательно, и сочетание «почетное право» допустимо воспринимать и как процесс воплощения, претворения юридических установлений и норм в жизнь, и как субъективную возможность.

Полагаем, все, что так или иначе связано с термином «почет», относится к поощрительному и стимулирующему потенциалу права. К примеру, в соответствии с приказом МВД России от 30.09.2019 № 674 «Об утверждении Положения о книгах почета органов внутренних дел Российской Федерации» «Занесение фамилии в книги почета органов внутренних дел Российской Федерации является одним из видов поощрений, применяемых в МВД России». В перечне мер поощрения, применяемых за примерное исполнение обязанностей сотрудниками органов прокуратуры, сразу несколько позиций содержат терминологическую единицу «почет»: награждение Почетной грамотой, занесение на Доску почета, в Книгу почета, награждение нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации» (статья 41.6 федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»). Следовательно, основаниями почетного права будет положительная оценка со стороны государства продолжительного, системного осуществления действий субъекта на благо общества и страны, как правило, при этом, результат которых превышает общепринятые показатели, обеспечивает устойчивое развитие ключевых сфер (отрас-

²³⁹ Там же.

лей, секторов) экономики, социальной сферы, стабильное поддержание правопорядка, стимулирует их дальнейшее выполнение и наращивание.

Почетному праву, как специфической разновидности субъективной возможности, характерны следующие признаки:

- указывает на активную заинтересованность общества и государства в определенном поведении субъектов, продолжении внесения своего вклада в развитие страны, ее укрепление;

- служит ориентиром для дальнейшей законотворческой деятельности, принятия решений органами исполнительной власти в, так называемых, «пилотных» проектах, создавая тем самым необходимое поле для перевода почетного права как факультативного элемента общественных отношений в общеобязательную плоскость в качестве права-требования или права-притязания;

- выступает основой для формирования правосознания общества в целом и в особенности молодежи, нацелено на воспитание ответственного и соответствующего законодательству отношения к ценностям государства и социума;

- опирается на высокий правовой статус лица и его достойное социальное положение.

Следовательно, почетные права обуславливают определенные изменения правового положения субъекта правоотношений. Они, в частности, могут быть формальные либо реальные (сопровождающиеся расширением возможностей, улучшением правового состояния, получением дополнительных благ). Так:

а) почетные права могут выступать декларативным элементом правового положения субъекта. В этом случае, при наличии соответствующего статуса («почетного») у субъекта не возникают конкретные дозволения и возможности. К примеру, в соответствии со статьей 19 федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» «иностранцы граждане и лица без гражданства могут быть избраны почетными членами (почетными участниками) общественного объединения без приобретения прав и обязанностей в данном объединении»;

б) почетные права зачастую допустимо считаются факультативным элементом правового положения субъекта, образуя для него круг специфических прав, в основном, идеологических, просветительских, торжественных, направленных на популяризацию какой-либо области, повышение ее престижа и т.п. К примеру, почетные члены различных международных и общественных организаций, союзов и др., не входят в штат соответствующих учреждений, однако, присутствуют на мероприятиях, выполняют функции представительства (почетный член Олимпийского комитета, почетный Президент Международного Олимпийского комитета и др.);

в) почетные права способны быть обязательным элементом специального правового статуса. К примеру, в соответствии с решением Барнаульской городской Думы от 26.04.2013 № 91 «Об утверждении Положения о звании “Почетный гражданин города Барнаула”» почетный гражданин го-

рода Барнаула имеет право «присутствовать на открытых заседаниях Барнаульской городской Думы, принимать участие в обсуждении вопросов и вносить свои предложения». Правовое положение, вполне допустимо обуславливает почетное право.

В свою очередь, будучи обязательным элементом специального правового статуса, почетные права могут обеспечивать субъекта правовыми преимуществами в форме иммунитетов, привилегий, льгот или особых правовых процедур²⁴⁰. Так, в соответствии со статьей 65 Венской конвенции о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) «почетные консульские должностные лица, за исключением тех, которые занимаются в государстве пребывания любой профессиональной или коммерческой деятельностью с целью получения личных доходов, освобождаются от всех обязанностей, налагаемых законами и правилами государства пребывания в связи с регистрацией иностранцев и получением разрешения на жительство».

Принимая во внимание, что основанием предоставления всех видов правовых преимуществ в форме привилегий выступают социально полезное поведение, активность, творческий поиск, инициатива по внедрению инновационных методов работы, твердым шагом к оптимизации правового регулирования через предоставление почетных прав, установление почетных статусов должна стать законодательная детализация содержания и сущности конкретных заслуг, достижений, критериев как оснований для преимуществ.

Отказ от безосновательного, «размытого» использования оценочных понятий и категорий (выдающиеся достижения, особые заслуги, авторитет, широкая известность и пр.), на основе которых предоставляются особые статусы, может создать надежный фундамент законности, обоснованности, справедливости, разумности и объективности присутствия почетных прав и как следствие этого – преимуществ одних над другими.

Литература

Комаров С.А. Советское общенародное государство и личность: Политико-правовые аспекты. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.

Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность / отв. ред. член-корреспондент АН СССР В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1987.

Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972.

Репьев А.Г. Правовые категории «иммунитет», «привилегия», «льгота»: грани соприкосновения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2 (22).

²⁴⁰Репьев А.Г. Правовые категории «иммунитет», «привилегия», «льгота»: грани соприкосновения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2 (22). С. 12-20.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, испр. и знач. доп. изд. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-Де-Куртенэ. Т. 3: П – Р. СПб-М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1907.

Романова Галина Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Такие тенденции, как цифровизация и глобализация – уже хорошо зарекомендовавшие себя темы в научных кругах и исследованиях²⁴¹. Исследователи феномена цифровизации отмечают существенные изменения во всех сферах социально-экономической деятельности. Внедрение базовых информационных услуг – создание единого цифрового пространства.

Эффективная система правового регулирования цифровизации в области взаимодействия человека и природы может помочь в решении многих экологических проблем, создать условия для полноценной и достойной жизни человека.

Основные элементы: чистый воздух, устойчивый климат, доступ к безопасной воде и надлежащей санитарии, экологически чистые продукты питания, нетоксичная среда, в которой можно жить, работать, учиться и играть, а также биоразнообразие и экосистемы.

Отказ от использования угля в качестве источника электроэнергии, увеличение доли производства электроэнергии из возобновляемых источников и переход к нулевым выбросам на производстве – примеры передового опыта в реализации права на чистый воздух. Франция приняла в 2017 году закон, запрещающий разведку новых видов ископаемого топлива и требование закрытия существующих проектов к 2040 году. Дания и Новая Зеландия приняли лимиты на разведку нефти и газа. Межправительственная группа экспертов по изменению климата пришла к выводу, что устойчивый климат требует сокращения добычи угля на две трети к 2030 году и почти полное прекращение к 2050 году. В 2019 году Финляндия приняла закон, запрещающий использование угля для выработки электроэнергии на 1 мая 2029 года. А Испания и Германия отказываются от угольной промышленности.

Биомониторинг человека – важная передовая практика, которая позволяет измерять концентрацию токсичных веществ в организме человека. Данные биомониторинга показывают уровни воздействия и тенденции, которые могут помочь исследователям понять влияние на здоровье человека, и помочь в разработке политики по снижению воздействия. В Канаде, Дании,

²⁴¹ Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. II. М.: МГПУ, 2019. 276 с.; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019.

Франции, Германии, Норвегии, Испании и США уже есть национальные программы биомониторинга. А Швеция разработала национальные цели и сроки отказа от ртути, свинца, канцерогенов, мутагенов, веществ, вредящих репродукции, а также от стойких и биоаккумуляционных веществ.

Отмечен опыт и России, которая реализует широкий спектр действий по защите озера Байкал и прилегающих к нему территорий, в том числе отмечены такие действия, как закрытие целлюлозно-бумажного комбината, восстановление загрязненных земель, уменьшение объема сточных вод и количества твердых отходов.

В статье 42 Конституции закреплено право на благоприятную окружающую среду. Однако и в России, и на международном уровне можно говорить об отсутствии единых критериев благоприятного состояния окружающей среды, а служит основанием для препятствий в реализации и защиты данного права.

Обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Однако «не может признаваться окружающей среда благоприятной, если показатели которой отвечают установленным нормативам, но проживание, в которой сопряжено с высокой степенью экологического и техногенного риска, определяемого по другим методикам, отличным от тех, по которым считают нормативы и стандарты»²⁴².

Окружающая среда является важным фактором развития общества, определяющая его благосостояние. Поэтому в настоящее время экологическое право является стремительно развивающейся отраслью, как на международном, так и национальном уровне. Экологические права хотя и не относятся к правам первого поколения, но в настоящее время находятся в первом ряду среди прав по своей приоритетности и значимости. Они связаны с жизнедеятельностью человека и затрагивают самые важные интересы каждого из нас. Признание таких прав является важным шагом в развитии экологического права, благодаря этому гражданское общество становится более значимым и активным элементом в защите окружающей среды.

Предоставление общественности доступа к экологической информации способствует большей осведомленности о проблемах, влияющих на окружающую среду, что помогает расширить участие граждан в решении экологических проблем. Следовательно, экологическая информация является эффективным средством для реализации и защиты гражданами своих прав. В Орхусской конвенции говорится, что подписавшие ее стороны должны делать, чтобы обеспечить доступ к экологической информации. Дано определение экологической информации и сроки ее предоставления. Россия не присоединилась к данной Конвенции.

Право на достоверную информацию о состоянии среды, прежде всего, способствуют реализации остальных экологических прав. Если проана-

²⁴² Васильева М.И. О применении в праве экологических критериев благоприятности окружающей среды // Государство и право. – 2002. – № 11. – С. 90.

лизировать российское законодательство, то мы увидим, что оно содержит достаточное количество норм, регламентирующих данное право.

Так, ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей среды» предоставляет право на обращение граждан получения достоверной, полной и своевременной информации о состоянии окружающей среды в местах своего проживания в органы государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органы местного самоуправления, иные организации и должностным лицам. В ст. 74 данного Закона закреплено право на экологическое просвещение населения через информирование населения в области охраны окружающей среды и экологической безопасности. Подобного рода информация размещается на сайте органы государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. В ст. 8 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» отмечено, что ограничения в доступе к информации о состоянии окружающей среды может быть обжаловано в вышестоящий орган или должностному лицу, а также в суд. Если проанализировать ответственность, установленную российским законодательством в этой области, то она в большинстве случаев не соизмерима с оказанным вредом или настолько мала, что не будет оказывать должного влияния.

Однако нет точного раскрытия понятия «экологическая информация» в законодательстве, а также не установлены сроки ее предоставления. Предоставление возможности доступа к экологической информации о деятельности госорганов и местных органов власти способствует полной осведомленности общества. В России специальные государственные органы собирают экологическую информацию из регулярных отчетов, которые им представляют предприятия, которые оказывают влияние на окружающую среду, и на основе этого проводится анализ. Публикуются Государственные доклады о состоянии и охране окружающей среды в Российской Федерации.

Проведенное исследование показало, что законодательством России закреплена разветвленная система мер по обеспечению конституционных прав граждан в сфере экологии. В частности, право на информацию достаточно широко и детализировано во многих нормативных правовых актах. Однако, проблемы реализации и защиты экологических прав в России также обусловлено и низким уровнем экологической культуры и грамотности граждан, их правовой пассивностью. Поскольку необходимо переосмысление пределов правового регулирования экологических отношений, испытывающих воздействие цифровизации, которая «уже формирует поведение человека, нормы социальных отношений, начинает создавать цифровое право и правосознание»²⁴³.

Внедрение цифровизации в процесс реализации экологических прав граждан неотвратимо вносит особую важность в новых условиях, поскольку их усовершенствование затрагивает изменения не в содержании, а в меха-

²⁴³ Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 24.

низме их реализации и обеспечения гарантии соблюдения экологических прав.

Литература

Васильева М.И. О применении в праве экологических критериев благоприятности окружающей среды/М.И.Васильева // Государство и право. – 2002. – № 11.

Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. II. – М.: МГПУ, 2019. –276 с.

Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность/А.А.Карцхия // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 8.

Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019.

Ростова Юлия Вадимовна,

специалист правового отдела ИФНС России № 24 по г. Москве

ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Современные цифровые решения на протяжении нескольких последних лет внедрены во многие сферы государственного администрирования. В научной литературе достаточно широко представлен анализ тех изменений, которые происходят в развитии общества, экономической, правовой его сферах, сфере государственного администрирования под влиянием внедрения современных цифровых технологий²⁴⁴.

Федеральная налоговая служба (ФНС России) занимает ведущее место по уровню оснащенности современными цифровыми технологиями.

Налоги являются основным источником доходов государственного бюджета. Основными принципов налогообложения выступают: «принцип единства и стабильности налоговой системы, принцип разграничения компетенции органов государственной власти и местного самоуправления по установлению и введению налогов и сборов, принцип удобства налогооб-

²⁴⁴ Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Ivanyuk O.A., Alimova D.R. Digital technologies and society: directions of interaction // Espacios. 2019. Т. 40. № 42. С. 1-6; Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России // Юридический мир. 2015. № 8. С. 62-67; Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). С. 71-76; Пашенцев Д.А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на правотворчество и правоприменение (постановка проблемы) // Российское государствоведение. 2018. № 4. С. 131-137 и др.

ложения»²⁴⁵. Основными критериями оценки эффективности деятельности ФНС России является эффективность «собираемости налогов и сборов», результативность судебных налоговых споров, положительные оценки деятельности со стороны налогоплательщиков, «снижение налоговой задолженности в бюджетную систему государства»²⁴⁶. Тем самым, одним из условий эффективности работы налоговых органов выступает обеспечение стабильных и своевременных поступлений в бюджет, предусмотренных федеральным законодательством и законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации налоговых и страховых взносов и иных платежей.

Налоговое администрирование предполагает процесс управления налоговым производством, реализуемом налоговыми органами (Центральный аппарат ФНС, УФНС по субъектам и межрегиональные инспекции; инспекции ФНС по районам и районам в городах, а также инспекции межрайонного уровня и иными органами). Современные цифровые технологические процессы направлены, прежде всего на снижение off-line взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками (в т.ч. в связи с подачей/приемом налоговой и бухгалтерской отчетности, проведением сверки, зачетов, возвратов, уточнения платежей), а также путем перевода в цифровой формат обращений налогоплательщиков в ФНС России²⁴⁷.

Внедрение АИС «Налог-3» (далее – АИС «Налог-3») позволило полностью отказаться от ранее действующих в налоговых органах технологических платформ электронного документооборота. Более того, по оценкам специалистов, благодаря использованию АИС «Налог-3», удалось вывести из тени многих недобросовестных участников рынка, что обеспечило значительный рост налоговых поступлений в бюджет за последние несколько лет²⁴⁸. Полагаем, что данная система позволила не только объединить разрозненные электронные сервисы и программы ФНС России и других государственных баз данных, и реестров, обеспечить их автоматизацию, но и создала единое пространство налогового администрирования.

Согласно Положению об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3»), утв. Приказом Федеральной налоговой службы от 14 марта 2016 г. № ММВ-7-12/134@, данная система направлена на повышение эффективности в сфере налогового администрирования посредством решения следующих задач:

– обеспечения доступности и «открытости» налоговых органов для налогоплательщиков путем организации off-line системы взаимодействия;

²⁴⁵ Грачёва Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль как система управления // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70). С. 58; Рыбаков О.Ю., Смирнов Д.А. Система и классификация принципов налогового права // Юридические исследования. 2013. № 1. С. 77.

²⁴⁶ Мишустин М.В. Совершенствование инструментов налогового администрирования по обеспечению стабильных доходов государственного бюджета // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 4. С. 4-8.

²⁴⁷ Подр.: Ростова Ю.В. Цифровые технологии по обеспечению открытости налоговых органов для налогоплательщиков // В сб.: Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. М., 2020. С. 203-211.

²⁴⁸ Бакирова Р.Р., Губайдуллин Б.Ф., Хазиахметов Р.А., Шеина А.Ю. Современные тенденции налогового администрирования в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 2. С. 459-470. С. 459-460.

- создания единого налогового информационного пространства посредством подключения налоговых органов к внешним источникам информации;
- организации электронной системы обработки большого количества поступающей информации при минимизации затрат и сокращении сроков обработки сведений;
- совершенствования процедуры информационного межведомственного взаимодействия;
- создания единого и достоверного ресурса о налогоплательщиках («досье» налогоплательщика), включая сведения, позволяющие своевременно выявлять признаки ухода от уплаты налогов;
- обеспечения автоматизированного мониторинга деятельности всех налоговых органов, обеспечивающего внутриведомственный контроль;
- анализа и прогнозирования налоговых поступлений с учетом макроэкономических показателей и внешних факторов.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что основными причинами поиска новых цифровых решений налогового администрирования обусловлено увеличением объемов информации о налогах и сборах, данных о налогоплательщиках, а также необходимостью оперативного их получения с целью осуществления налогового контроля, текущего контроля за инспекциями ФНС, а также в связи с проведением плановых, камеральных и выездных проверок.

Литература

Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Ivanyuk O.A., Alimova D.R. Digital technologies and society: directions of interaction // *Espacios*. 2019. Т. 40. № 42. С. 1-6.

Бакирова Р.Р., Губайдуллин Б.Ф., Хазиахметов Р.А., Шеина А.Ю. Современные тенденции налогового администрирования в Российской Федерации // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 2. С. 459-470.

Грачёва Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль как система управления // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 9 (70). С. 57-66.

Мишустин М.В. Совершенствование инструментов налогового администрирования по обеспечению стабильных доходов государственного бюджета // *Экономика. Налоги. Право*. – 2014. – № 4. – С. 4–8.

Пашенцев Д.А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на правообразование и правоприменение (постановка проблемы) // *Российское государственное образование*. – 2018. – № 4. – С. 131–137.

Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России // *Юридический мир*. – 2015. – № 8. – С. 62–67.

Риски финансовой безопасности: правовой формат: кол. монография / Кучеров И.И., Поветкина Н.А., Акопян О.А. и [др.]. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2018. 304 с.

Ростова Ю.В. Цифровые технологии по обеспечению открытости налоговых органов для налогоплательщиков // В сб.: Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. – М.: ООО Издательство «Кнорус», 2020. – С. 203–211.

Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 71–76.

Рыбаков О.Ю., Смирнов Д.А. Система и классификация принципов налогового права // Юридические исследования. – 2013. – № 1. – С. 73–81.

Рыбакова Ольга Сергеевна,

к.ю.н., доцент кафедры международного права и прав человека
Школы права Институт права и управления ГАОУ ВО МГПУ,
старший научный сотрудник НЦПИ при Минюсте России

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА НАСЕЛЕНИЯ К ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Современный этап развития цифровизации характеризуется внедрением современных технологий практически во все сферы жизнедеятельности человека, что, неизбежно детерминирует качество жизни человека, состояние всего общества, воспроизводит новые формы взаимодействия между субъектами цифровых отношений отдельными индивидами, человеком и обществом, человеком и государством. С появлением цифровых технологий доступ населения к правовой информации, которая традиционно находилась на бумажных носителях (брошюры, букеты, информационные плакаты), сегодня распространяется посредством новых электронных носителей. Соотношение традиционных и инновационных технологий обеспечения правовой информацией объясняется, на наш взгляд, уровнем и удобностью использования, её доступностью для большинства субъектов информационных отношений. Тем самым, современные информационные платформы берут на себя часть нагрузки по правовому информированию населения.

Владение индивида правовой информацией выступает одним из необходимых условий реализации и защиты его прав и свобод. С одной стороны, в условиях применения современных цифровых технологий у большей части населения открылся доступ к неограниченному количеству источников информации, в том числе в интернет-сети. С другой стороны результаты исследований позволяют констатировать достаточно низкий уровень правовой осведомленности и грамотности населения²⁴⁹. Одной из проблем совре-

²⁴⁹ Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 71-76; Атагимова Э.И. Роль правового просвещения в развитии правового государства // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. –

менного состояния российского общества выступает неспособность большинства людей ориентироваться в гиперинформированном потоке правовой информации. Далеко не каждый человек, не имея специального юридического образования, личного опыта взаимодействия с государственными, муниципальными структурами способен разобраться в массе нормативных предписаний, уяснить их содержание, осознать свои права, права других лиц, главное – каким образом он может реализовать те или иные правовые гарантии. К сожалению, в современном информационном потоке содержится достаточно большое количество «псевдо-правовой» информации, которая преподносится источниками как «правовая».

В научной литературе достаточно широко исследован статус правовой информации, её значение в повышении правовой грамотности населения, формировании правовой культуры общества. Правовая информация, справедливо подчеркивает И.Л. Бачило, «аккумулирует правовые знания (доктрины, теорию) и служит механизмом организации порядка поведения, действий и отношений субъектов, который формируется легитимными органами власти и реализуется всеми институтами государства, и общества, и индивидами»²⁵⁰. Согласно данному подходу, правовая информация выступает детерминантом легитимной организации поведения субъектов информационного общества, основанного на знании права, правовых предписаний, уважении к закону. Заслуживает внимания позиция О.Ю. Рыбакова, который рассматривает правовую информацию как важное условие реализации современной российской государственной правовой политики. К правовой информации ученым предлагается относить, как сами правовые акты, так и связанные с ними правовые документы: «материалы подготовки законопроектов и других нормативных правовых актов, их обсуждения и принятия, учета и упорядочения, толкования и реализации правовых норм, изучения практики их применения, мониторинга правоприменения в целом»²⁵¹. Интерес представляет научный подход Н.А. Троян, которая предлагает рассматривать правовую информацию в широком и узком смыслах. В широком смысле, правовая информация представляет собой «всю совокупность правовых знаний, включающих не только нормативные правовые акты, но и документы стратегического планирования, программно-целевые документы, акты правоприменительной практики, акты толкования законодательства, комментарии к законам и т.д.», в узком смысле под правовой инфор-

2016. – № 4. – С. 61-68; Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России // Юридический мир. – 2015. – № 8. – С. 62-67; Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование): монография / авт. колл.: С.А. Бурьянов, А.И. Кривенький, Д.А. Пашенцев, Г.В. Романова / под общ. ред. А.И. Кривенького, С.А. Бурьянова. – М.: МГПУ, 2018; Рыбакова О.С. Цифровые решения организации правового просвещения граждан на территории Российской Федерации // В сб.: Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. М., 2020. С. 99-116.

²⁵⁰ Бачило И.Л. Понятийный аппарат информационного права и система информационной безопасности // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 5-16. С. 6.

²⁵¹ Рыбаков О.Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики // Журнал российского права. – 2015. – № 4 (220). – С. 105-112., С. 106.

мацией ученая понимает массив нормативных правовых актов и тесно связанных с ними акты документы правового содержания – акты толкования, справочные материалы, нормативно-технические документы и др.²⁵².

Полагаем, что одной из важнейших характеристик правовой информации, имеющей общезначимое значение для граждан, следует назвать её *достоверность*. Достоверность правовой информации (*или истинность*) предполагает полноту и актуальность сведений, соответствующих по своему содержанию правовым предписаниям (положениям). При обращении к достоверной правовой информации индивид получает необходимые сведения правового характера о действующих в обществе правовых предписаниях в целом или применительно к конкретной жизненной ситуации. Второй не менее важной характеристикой правовой информации является её *доступность* для потребителя, предполагающая наличие двух аспектов: 1) реальную возможность доступа к получению информации; 2) понятность информации для сознания её потребителя (индивида). Третьей основной характеристикой правовой информации следует назвать её *своевременность* для потребителя, предполагающую обеспечение доступа к ней сразу после формирования соответствующего запроса. Момент обращения, формулирование запроса на получение правовой информации и её предоставление неразрывны во времени и пространстве.

Таким образом, под *правовой информацией* нами предлагается понимать достоверные сведения, имеющие правовое значение для субъектов права, которая включают в себя весь массив правовых актов (выдержки из них), а также акты *официального* толкования законодательства, комментарии, разъяснения законодательства уполномоченными субъектами о порядке применения правовых предписаний, легитимной организации действий субъектов права и т.д. Среди основных цифровых источников правовой информации следует выделить две государственные информационные системы, открытый доступ населения к которым обеспечивается посредством сети интернет: 1) *Официальный интернет-портал правовой информации* (<http://pravo.gov.ru/>), который имеет статус сетевого издания государственной системы правовой информации и одного из источников официального опубликования нормативных правовых актов РФ; 2) Информационный портал правовой информации Минюста России – *ПС НПА ЕСИТО «Нормативные правовые акты Российской Федерации»* (<http://pravo.minjust.ru/>), содержащий полнотекстовые версии правовых актов федерального законодательства, законодательства субъектов РФ, муниципальных правовых актов, действующих правовых актов СССР и РСФСР, международных соглашений. К обеим системам обеспечен открытый доступ посредством сети интернет.

Заслуживает положительной оценки инициатива Минюста России относительно создания единого цифрового контура (портала) правового ин-

²⁵² Троян Н.А. Современный подход и перспективы развития правовой грамотности и правосознания граждан // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 77-85.

формирования населения. Представляется целесообразным размещение правовой информации на данном цифровом ресурсе с ранжированием для различных категорий населения и с привязкой к конкретной жизненной ситуации, что обеспечит удобство доступа к информации её потребителям. Цель данного цифрового ресурса видится нам в следующем: обеспечении единых подходов к организации правового информирования населения на всей территории нашего государства; минимизации рисков, связанных с получением индивидом недостоверной правовой (псевдо-правовой) информации из открытых источников сети интернет; снижении уровня правовой неграмотности и правового нигилизма среди населения; повышение правовой осведомленности и грамотности населения. Таким образом, использование современных информационных технологий позволит существенно увеличить количество граждан, реализующих свое право на получение достоверной актуальной правовой информации. Представляется особенно значимым выстраивание структуры информационных технологий на основе понятных и доступных для граждан критериев дифференцирования правовой информации. Технологический алгоритм, конечно, не может заменить полностью процедуры защиты гражданами своих прав, что и не является его задачей. Однако технологическая конструкция правового информирования в цифровую эпоху поможет решить другую крупнейшую правовую проблему общественного уровня: предоставление быстрого, равного для всех граждан доступа к достоверной правовой информации.

Литература

Атагимова Э.И. Роль правового просвещения в развитии правового государства // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2016. – № 4. – С. 61-68.

Бачило И.Л. Понятийный аппарат информационного права и система информационной безопасности/И.Л.Бачило // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 5–16.

Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование): монография / авт. колл.: С.А. Бурьянов, А.И. Кривенький, Д.А. Пашенцев, Г.В. Романова / под общ. ред. А.И. Кривенького, С.А. Бурьянова. – М.: МГПУ, 2018. – 200 с.

Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России/Д.А.Пашенцев, В.Е.Чеботарев, Н.М.Шкурко // Юридический мир. – 2015. – № 8. – С. 62–67.

Рыбаков О.Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики/О.Ю.Рыбаков // Журнал российского права. – 2015. – № 4 (220). – С. 105–112.

Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение/О.Ю.Рыбаков // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 71–76.

Рыбакова О.С. Цифровые решения организации правового просвещения граждан на территории Российской Федерации/О.С.Рыбакова // В сб.: Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. – М., 2020. – С. 99–116.

Троян Н.А. Современный подход и перспективы развития правовой грамотности и правосознания граждан/Н.А.Троян // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). – С. 77–85.

Скоробогатов Андрей Валерьевич,

доцент, д.и.н., профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова,

Краснов Александр Валерьевич,

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Человек как субъект права занимает центральное место в правовой реальности. С одной стороны, индивид выступает носителем конвенциональной идеи права, способным выражать и защищать свои права, выступая в качестве адресата. С другой стороны, будучи творческой личностью, он способен конструировать правовую реальность, гарантирующую реализацию его прав, свобод и интересов²⁵³. Это отражено в категории «правовой статус личности», представляющей собой интегративную характеристику человека как субъекта внутригрупповой и межгрупповой правовой коммуникации, который овладел смыслом официального и неформального права и способен к признанию существующих правовых ценностей и коммуникативных взаимодействий. Тем самым человек становится высшей ценностью, но не индивидуально, а коммуникативно²⁵⁴.

В структуре правового статуса можно выделить два взаимосвязанных элемента: (1) внешний, проявляющийся в виде действий человека в конкретных правовых ситуациях, которые ограничены предписаниями позитивного и неформального права и опосредованы правовым опытом, как индивидуального, так и социального характера; (2) внутренний, включающий в себя правовые интересы и ценностные ориентации, определяющие степень осмысленности и характер мотивации правового поведения субъекта. При этом необходимо учитывать, что формализация правовой коммуникации и правового статуса личности может выражаться не только вербально,

²⁵³ Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N.Y.: Penguin Books, 1991.

²⁵⁴ Krawietz, W. Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive // Brugger W., Neumann U., Kirste S. (eds.) Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2008. P. 181-206.

но символически²⁵⁵. Крайним выражением последней следует считать введение формы одежды и знаков различия на публичной службе.

Содержание правового статуса личности составляют, прежде всего, субъективные права и обязанности индивида. Последние выступают как ценности, сформированные в социальном правовом опыте и отражающие конвенциональную интерсубъективную позицию группы, с которой себя идентифицирует субъект, и обеспечивающие поступательную направленность развития и функционирования сообщества. Назначение обязанностей заключается в побуждении индивида к осмыслению возможностей субъекта через их ограничение или отрицание (запрет)²⁵⁶.

Субъективные права коммуницируют с обязанностями и являются необходимым элементом правового взаимодействия²⁵⁷. Будучи отражением потенциальных возможностей человека в правовой коммуникации, субъективные права отражают особенности вовлеченности индивида в правовую коммуникацию. Чем больше человек вовлечен в коммуникацию в качестве адресанта, тем шире его возможности оказывать воздействие не только на собственное поведение, но и на поведение иных членов группы.

Однако в условиях расширения виртуальной реальности и стирания границы между адресатом и адресантом правовой коммуникации происходит увеличение числа лиц, в равной степени обладающих субъективными правами и правовыми обязанностями, что находит отражение в изменении не только содержания, но и характера правового дискурса²⁵⁸. Конструируемые при этом субъективные права и правовые обязанности зависят от варианта конвенциональности. Чем выше степень горизонтальности коммуникации, тем шире перечень субъективных прав участников коммуникации и тем большее значение они имеют при выработке конвенциональной позиции. Однако большая часть этих прав будет носить неформальный характер, не находя отражения в официальных источниках права.

Таким образом, правовой статус личности представляет собой конструируемый правовой феномен, содержание которого формируется в той или иной правовой ситуации в результате коммуникативного взаимодействия как на базе норм действующего законодательства, так и с учётом норм неофициального права.

Литература

Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: моногр. – М.: Проспект, 2015. – 232 с.

²⁵⁵ Coskun D. Law as symbolic Form: Ernst Cassirer and the Anthropocentric View of Law. Dordrecht: Springer, 2007. Xii..

²⁵⁶ Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Запрет как онтологическая основа правовой реальности России // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. Т. 10. – № 3 (39). – С. 108-115.

²⁵⁷ Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: моногр. М.: Проспект, 2015.

²⁵⁸ Habermas Jü. The Theory of Communicative Action: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason. Boston: Beacon Press, 2003. Vol. 2. viii.

Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Запрет как онтологическая основа правовой реальности России // Актуальные проблемы экономики и права. - 2016. Т. 10. – № 3 (39). – С. 108-115.

Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N.Y.: Penguin Books, 1991. 250 p.

Coskun D. Law as symbolic Form: Ernst Cassirer and the Anthropocentric View of Law. Dordrecht: Springer, 2007. Xii, 381 p.

Habermas J. The Theory of Communicative Action: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason. Boston: Beacon Press, 2003. Vol. 2. viii, 457 p.

Krawietz, W. Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive // Brugger W., Neumann U., Kirste S. (eds.) Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2008. S. 181-206.

Чертков Александр Николаевич,

д.ю.н., доцент, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления
Московского государственного областного университета

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: СУБЪЕКТ ПРАВА НА «ЦИФРОВОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ»

Цифровизация публичного управления стала объективной реальностью, которая дает зримые преимущества и для граждан, и для органов публичной власти. Действительно, цифровизация характеризуется появлением принципиально новых отношений в сфере права и государства²⁵⁹. Вместе с тем как любое сложное социальное явление, рассматриваемое диалектически, цифровизация таит в себе существенные риски. Развитие преимуществ и минимизация рисков цифровизации является насущной задачей современного публичного управления, в том числе местного самоуправления.

Сфера местного самоуправления не может не быть вовлечена в процессы цифровизации, поскольку многие сферы, отнесенные к вопросам местного значения либо сопряженные с муниципальной компетенцией уже глубоко погружены в эти процессы. При этом публичная сфера во многих случаях четко и своевременно отвечает на цифровые вызовы и использует цифровые блага для совершенствования управленческой практики. Еще на рубеже тысячелетий обсуждались грядущие проблемы не только цифрового государственного управления, но и цифрового государственного строительства²⁶⁰. Сегодня данные тенденции нарастают. Очевидно, требуется многоаспектная концепция «цифрового местного самоуправления» наряду с управлением государственным. В частности, Полагаем, что муниципальный

²⁵⁹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права, 2018, № 1. С. 85 – 102.

²⁶⁰ Подробнее: Москалева О. Опасности, которые таит цифровизация // Жилищное право. 2017. № 10 / СПС «КонсультантПлюс».

аспект цифровизации управления требует развитие федерального проекта или подпроекта «Цифровое муниципальное управление», реализуемого совместно всеми уровнями осуществления публичной власти. Вместе с тем цифровизация публичного управления процесс не линейный, требующий глубокого осмысления.

Об урбанизации будущего в виде «умных городов» было заявлено еще на рубеже тысячелетий. Как представляется, развитие «умных городов» в современном обществе необходимо, но недостаточно. Требуется разработка, осмысление и внедрение концепции «умных муниципальных образований» независимо от типа. Такой подход в большей степени соответствует развитию местного самоуправления в условиях цифровизации.

Местное самоуправление является важнейшим конституционным институтом, формой народовластия и подсистемой единой публичной власти, оно реализуется на всей территории России. Право на местное самоуправление видится значимым и для каждой личности, и для каждого местного сообщества. Системное конституционно-правовое толкование статьи 12 и положений обновленной главы 8 Конституции Российской Федерации позволяет рассматривать население муниципального образования как основного субъекта права на местное самоуправление. Местное самоуправление представляет собой публично-территориальную самоорганизацию жителей, посредством которой население самостоятельно либо посредством органов местного самоуправления решает вопросы местного значения.

При этом очевидно, что подавляющее большинство управленческих действий совершают именно органы местного самоуправления, а не граждане. Именно порядок реализации правообязанностей по осуществлению полномочий органов местного самоуправления и порядок взаимодействия данных органов между собой и с гражданами будут определять положение субъекта права на местное самоуправление. Не менее очевидно и то, что цифровизация несет целый ряд преимуществ в организации местного самоуправления.

Основные преимущества цифровизации местного самоуправления:

1. Удобство управленческой деятельности.
2. Ускорение коммуникации.
3. Новые базы данных.
4. Упрощение процедур.
5. Доступность органов местного самоуправления и муниципальных услуг.
6. Экономия ресурсов (трудовых, материальных, финансовых).
7. Гуманизация публичного управления.

Вместе с тем риски, порождаемые цифровизацией, требуют адекватных и своевременных решений, в том числе в сфере права.

Основные риски цифровизации управления:

1. Риск новых возможностей отписок и волокиты.
2. Риск излишней «проактивности» публичных услуг (от спама до бесспорного списания средств граждан).
3. Риск удвоения процедур («бумажные» плюс цифровые).

4. Риск перенесения негибких практик «с бумаги в цифру».

5. Риск фальсификаций.

6. Риск «виртуальной реальности» (когда цифровая отчетность далека от действительности).

7. Риск «Скайнета» или утраты управления человечеством.

Последний тезис об иллюзии эффективности замены человека машиной в публичном управлении, в том числе на местах. Дальнейшее развитие искусственного интеллекта не приведет к формированию у него совести, сострадания и доброты. Принятие управленческих решений совокупностью субъектов управления, начисто лишенных названных качеств, приведет к катастрофическим последствиям. Другое дело, что своего рода «противовесом» цифровизации управления должна стать цифровизация «самоуправления». Гражданская сетевая активность, осуществляемая в рамках закона, может и должна способствовать демократизации управления, прежде всего на местах. Она же станет «школой самоуправления», где люди смогут удаленно освоить навыки самоуправления²⁶¹.

Таким образом, современная парадигма цифровизации местного самоуправления видится в развитии преимуществ и минимизации рисков. Преимущества связаны с новыми техническими возможностями управления, его ускорения, упрощения, удешевления и гуманизации, а риски обусловлены традиционными проблемами публичного управления, усиленными новыми техническими возможностями, а также бездумным и недальновидным стремлением заменить человека машиной в принятии управленческих решений. Субъектом права на местное самоуправление должны остаться именно люди, объединенные в местное сообщество, а цифра дать новый импульс партисипаторной демократии.

Литература

Москалева О. Опасности, которые таит цифровизация // Жилищное право. – 2017. – № 10 / СПС «КонсультантПлюс».

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

Чертков А.Н. Внедрение информационных технологий в публичное управление регионального и муниципального уровня: инструмент или альтернатива? / Единство публичной власти в условиях современного общества: сборник трудов Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления. Отв. Ред. В.В. Балытников. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 81–90.

²⁶¹ Чертков А.Н. Внедрение информационных технологий в публичное управление регионального и муниципального уровня: инструмент или альтернатива? / Единство публичной власти в условиях современного общества: сборник трудов Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления. Отв. Ред. В.В. Балытников. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 81–90.

Честнов Илья Львович,

д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

СУБЪЕКТ ПРАВА КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Эпоха информационного общества, радикализирующаяся процессом цифровизации²⁶², накрывшим человечество в начале XXI в., изменяет содержание общественных отношений, включая картину «нового дивного мира». Эпоха модерна основывалась на производственных (или «производительных») отношениях и философии субъекта, противопоставляемого объекту, который принуждаем к разумному (по представлению субъекта) преобразованию. Рационально мыслящее Я преподносилось исходным началом познания и практического освоения мира. Хотя позитивистский эталон научности элиминировал «субъективность» из процесса познания, трансцендентальный субъект как «мировой разум» мыслился субстанциональным основанием социального мира. Такое представление о социальном субъекте, распространялось на все виды общественных отношений, включая право. «Законодательный разум» И. Канта через «юридического Геркулеса» У. Блэкстона (воспроизведенного в XX в. Р. Дворкиным) априорно конструировал правовую действительность как непротиворечивую, логически завершенную и выверенную систему норм права, обязывая всех следовать ей в силу ее трансцендентальной разумности.

Такое представление о трансцендентальном субъекте, включая субъекта права, было поколеблено «банальностью зла», демонстрируемой историей XX в. «Дисциплинарное общество» М. Фуко с его «тоталитарными учреждениями, стирающими природные дифференциации староевропейской жизни и возвышающие исключение – интернирование до некоей нормы», как отмечает Ю. Хабермас, выражает «современную технологию господства, архетип закрытого учреждения, выявленный Фуко в клинически переоборудованном мире сумасшедшего дома, воспроизводится на фабриках, в тюрьмах, казармах, школах и кадетских корпусах». «Отныне разум господствует не только над безумием, - комментирует идеи французского мыслителя Ю. Хабермас, - но и над природой потребностей отдельных организмов, так же как и над общественным телом [человеческой] популяции в целом. В учреждениях структурирующую силу при обретает *взгляд* – объективирующий и испытывающий, аналитически разлагающий, контролирующий и пронизывающий все и вся; это взгляд разумных субъектов, которые растеряли все чисто интуитивные связи со своим окружением, они сжи-

²⁶² О цифровизации правовой реальности см.: Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019; Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

гают все мосты интересубъективного соглашения, в их монологическом одиночестве другие субъекты нужны им только как объекты наблюдения. Этот взгляд присутствует и в архитектонике "паноптикума", нарисованного Бен-тамом»²⁶³.

Господство общественных отношений над эмпирическим индивидом через процесс его социализации привело к критике такого представления о субъекте (в том числе, субъекте права) в неклассической философии и социологии. Нормирование человека преобразует его в субъекта. Об этом замечательно пишет В.И. Павлов, первым в отечественной юридической науке поднявшим проблему «смерти субъекта права»: «Учеты, процедуры, классификации, регистрации и каталогизации, операционально распространяемые на систему отбора государственных служащих, исправление осужденных, лечение больных и т. п., обеспечиваются нормой как достоверным критерием разумности, установленным субъектом. Через норму задаются критерии истины, валидности субъектности, сам субъект задается нормой; в субъекте человек нормируется, классифицируется, определяется, становится нормальным и разумным. Именно за счет такого типа мышления и эпистемологической установки реальный человек в праве его правовое бытие оказывается репрессированным, скрытым разумностью и нормой. ... Таким образом, превратив человека в субъект и, казалось бы, осуществив гуманизацию познания и мира, парадоксально, но человек-субъект со временем потерял из вида не только мир как противолежащий ему объект, но и самого себя»²⁶⁴.

В эпоху информационного, цифрового общества становится очевидным, что субъект (как и субъект права) наделен способностью к волевой активности, можно сказать – к трансцендентированию («перешагиванию») за пределы существующего. В то же время он гораздо в большей степени ограничивается «мягкой силой» цифровых сетей, нежели в прошлом (в эпоху модерна). В результате происходит фундаментальный раскол на социальный (и правовой) статус и персональную индивидуальность. Процесс социализации, в том числе, правовой социализации происходит через приобщение человека к нормам и ценностям данного социума. Обеспечивается это механизмом «нарративизации» - личностной интериоризацией норм и ценностей, которые всегда имеют форму нарратива. При этом нарратив – это не просто текст, например, нормативного правового акта, но его «прочтение» как интерпретация и включение в индивидуальную правовую культуру, в правовую компетентность, в повседневные юридические практики. Более того, господствующие в данном социуме юридические нарративы (точнее – их применение) обеспечивают конструирование правовой реальности, в том числе, как показано выше, субъектов права. Чтобы быть субъектом права необходимо обладать формально-юридическим статусом, для чего требуется

²⁶³ Хабермас Ю. Критика разума и разоблачение наук о человеке: Фуко // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – С.255.

²⁶⁴ Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск: Академия МВД, 2017. С. 105.

нарративная демонстрация «нормальности» индивида – адекватности восприятия мира и поведения в нем. Однако субъект права – это не только и не столько правовой статус, например, физического лица, но и актуализация его в фактических юридически значимых практиках, производимая нарративизацией правового статуса в правоотношениях и простых формах реализации права.

Близкую мысль высказывает В.И. Павлов: «Для правового регулирования общественных отношений важнейшее значение приобретает антропологическое понятие природы человека, так как оно характеризует факт экзистенциальной ситуации человека и изначально вводит нравственную составляющую в правовую действительность. Понятие личности и связанное с ним понятие гномической воли дают понимание способов взаимоотношения природы и личности человека, имеющего неизменный ценностный характер. Концепция двух личностей – личности идеальной как заданности и личности эмпирической как данности – во-первых, задает критерий и цель правового регулирования общественных отношений, указывая на совершенную личность как на своего рода правовой антропологический эталон; во-вторых, утверждает правовую ценность каждого человека как обладающего уникальностью, достоинством, свободой и другими личностными характеристиками независимо от их актуализации, при этом не рассматривая понятие «личность» в качестве правового идеала, на конституционно-правовом уровне, а обосновывая ценность каждого человека вне степени актуализации его личностных свойства через учение о личном достоинстве и правах человека»²⁶⁵.

Таким образом, с помощью юридического нарратива как правового текста, конструируется правовой статус субъекта права, воспроизводимый, опять-таки механизмом нарративизации, конкретным индивидом («эмпирической правовой личностью») в повседневных юридических практиках. Цифровые технологии задают как новые возможности, так и новые ограничения этому процессу.

Литература

Павлов В.И. Проблемы теории государства и права/В.И.Павлов: учебное пособие. – Минск: Академия МВД, 2017.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИГиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: ИГиСП: ИНФРА-М, 2019.

²⁶⁵ Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск: Академия МВД, 2017. С. 135-136.

Хабермас Ю. Критика разума и разоблачение наук о человеке: Фуко // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003.

Шатковская Татьяна Владимировна,

д.ю.н., профессор кафедры теории и истории права и государства
Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
при Президенте РФ, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ)

**СУБЪЕКТ ПРАВА И ЛИЧНОСТЬ
В ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ И.А.ПОКРОВСКОГО**

Мысли и научные воззрения Иосифа Алексеевича Покровского, столетие со дня смерти которого оказалось слабо замеченным юридическим сообществом в 2020г., видимо на фоне сложной обстановки в стране и в мире, не только вошли в сокровищницу отечественного правового наследия, но и обладают удивительной актуальностью. Причины этого кроются не только в несомненной прозорливости И.А. Покровского как выдающегося правоведа, но и в слабой социальной востребованности в российском обществе тех правовых начал, на которых он выстраивал свою концепцию.

Прежде всего, речь идет о месте человека в праве. И здесь необходимо выделить ряд противоречий в отечественном общественном правосознании. Так, развитие правовой мысли в направлении свободного осуществления личностью самостоятельного целеполагания, индивидуальной самодеятельности и частного самоопределения сталкивается в России с не менее устойчивым восприятием человека как средства для реализации государственных и общественных интересов, имеющего в силу выполнения указанной функции право на существование.

Вследствие этого юридическое положение личности оказывается зависимым от того, какие стороны ее существования признаются защищенными со стороны государства. В связи с этим возникает еще целый комплекс противоречий, например, между неуклонным ростом требований к личности в связи с возрастающими темпами модернизации социально-экономического и культурного развития и ограниченным набором субъективных прав, закрепленных в законодательстве, а также между социальным запросом в правовой определенности и необходимостью утверждения личной индивидуальности.

К сожалению, придется не согласиться с И.А. Покровским, который сто лет назад писал о том, что голоса, проникнутые духом опеки государства над гражданами, не имеют практического значения. По существу, это утверждение истинно. Однако оно не только бытует до сегодняшнего дня, но и им проникнуто российское законодательство. Даже гражданское право России в значительной степени отличается разрешительным характером,

где запрещено все, кроме прямо разрешенного, что, как известно, противоречит самой природе частного права.

Такой подход законодателя полностью противоречит тому восприятию субъекта права, которое И.А. Покровский обозначил как «признание права живой конкретной индивидуальности на охрану ее особенных личных интересов» даже если эти интересы «с точки зрения окружающей ее социальной среды будут казаться странными»²⁶⁶. Таким образом, по мысли ученого, объективное право берет под охрану не только типично-шаблонные, но и оригинальные отношения, защищая личность как таковую и ее подлинную волю.

Вслед за И.А. Покровским полагаем, что только при децентрализованном типе правового регулирования возможно говорить и о лице как субъекте права, обладающем собственной волей, инициативой, возможностями реализации интереса и их охраны со стороны государства.

Осуществление «правообязанностей», регламентируемых публичным правом, расширяет границы субординации и вместе с тем ограничивает координацию лиц и соответственно их возможности по реализации частных интересов. Поэтому широкое и необоснованное использование государством метода централизации противоречит идее права, основанной на принципах свободы личности и собственности, юридического равенства и справедливости. В отношении субъекта права это означает фактическое сведение лица к роли объекта, так как философское понимание субъекта, которое и легло в основание его юридического понятия лежит способность лица к активным осознанным действиям.

Покровский считает, что движение к пониманию субъекта права как любого индивида связано с освобождением сознания от «исторических зависимостей и ограничений», что в свою очередь приводит к универсализации юридических норм²⁶⁷. В этом смысле он выступает сторонником естественно-правового подхода и критикует историческую школу права. В аспекте его теории субъекта права – это проявляется в отрицании такого лица как народ. По мнению ученого, социальная дифференциация общества в начале XX века достигла такого уровня, что говорить не то, что о едином «духе», но и об общности народного правосознания не представляется возможным.

В этой критике, не лишенной научных оснований, И.А. Покровский впадает в противоречие относительно роли «общественного настроения и национального чувства» в возрождении законодательной деятельности в России, Италии, Португалии, Испании и Германии в XIXв. Считаем, что «практическая живучесть» и «теоретический блеск» кодексов, созданных в данный период состоит в синтезе идеальных и национальных начал. Они не только показывали, как есть, но и отвечали на вопрос как «должно быть с

²⁶⁶ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – С.106.

²⁶⁷ Там же. С.34.

точки зрения разумного и справедливого»²⁶⁸. При этом любой из этих кодексов национален, так как обеспечивает правовое единообразие в рамках определенной правокультурной модели²⁶⁹.

Поэтому познание субъекта права следует осуществлять в двух направлениях: первое обеспечивает реальные жизненные потребности и нацелено на констатацию сложившихся в обществе правил поведения и выявление их подлинного смысла, второе – направлено на изучение субъекта права с точки зрения соответствия абсолютным началам разумности и справедливости.

Ограничение свободы индивида как способ правовой регламентации субъекта права имеет опасные последствия, что неоднократно подтверждается историческими фактами. Современным россиянам не надо обращаться к истории Французской революции, так как у нас есть недавний опыт подавления личности советским государством, насыщенный многочисленными примерами национального саморазрушения и их последствиями. В этом смысле отечественный и западноевропейский опыт дает ряд весьма ценных уроков.

Во-первых, построение правопорядка на началах разума и справедливости невозможно только законодательными средствами и методом централизованного регулирования. Закон как источник и форма выражения публичного права (именно публичного, поскольку даже нормы частного права в законодательном выражении получают публичную коннотацию) априори нацелен на ограничение частного волеизъявления, а значит восприятие субъекта как объекта правового регулирования, нуждающегося в усовершенствовании посредством государственного воздействия и лишения свободы действия в своем интересе. Свобода лица ставится в пределы государственной или общественной пользы. Действия субъектов права представляют собой выполнение определенных в нормативно-правовых актах функций.

Позитивный правопорядок – есть правопорядок административно-разрешительного типа. Он обладает высокой степенью устойчивости в силу его определенности, иерархичности и предсказуемости. Однако обратной стороной такого порядка становится упрощенность, стандартизация, отсутствие независимости и вариативности принимаемых субъектом решений и ограничение его индивидуальной свободы, самостоятельности и автономии. Человеку остается только рассчитывать на «деликатность» государства и его доверие к субъекту права или «человеку гражданскому», как писал И.А. Покровский²⁷⁰. Тем самым построение правового государства на началах позитивного правопорядка невозможно, а его доминирование приводит к постепенному усилению реакции со стороны бюрократического аппарата.

²⁶⁸ Там же. С.48.

²⁶⁹ Шатковская Т.В. Права человека в традиционной правовой системе российских крестьян // *Философия права*. – 2016. – №3. – С.14,15.

²⁷⁰ Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // *Вестник Гражданского права*. СПб., 1913. №4. С.39.

Во-вторых, научные подходы к понятию «субъект права» отличаются в зависимости от их идейно-теоретической направленности и укладываются в два основных течения, названных в науке «персонализмом» (индивидуализм, либерализм) и «трансперсонализмом». Ключевой момент разделяющий эти теории состоит в признании или непризнании индивидуальной свободы человека как социальной ценности. Каждое из вышеназванных идеологических течений, доведенное до крайности, становится не только абсурдным, но и социально опасным.

Считаем, что сложившееся в юридической науке начала XX века решение этого противоречия показало свою практическую пригодность на опыте ряда западноевропейских государств. Речь идет о предоставлении духовной свободы человеку, его внутреннем нравственном освобождении и социальной гармонизации его социально-экономических и политических прав, которыми лицо наделяется публичной властью и правовых требований, определяющих границы личной инициативы²⁷¹.

В-третьих, содержание понятия «субъект права» определяется уровнем национальной правовой культуры, системой ценностей и социальных запросов общества, которыми обусловлены цели, потребности, интересы отдельных индивидов. В этом смысле стоит всецело поддержать И.А. Покровского и констатировать, что субъект права уже более ста лет назад перерос человека «оборота», наполненного материальными интересами и выполняющего экономические функции. Как писал И.А. Покровский, любая характеристика лица посредством родовых, а не индивидуальных признаков ограничивает своеобразие и творческие проявления человека. Он приводит весьма актуальное высказывание Рудольфа Зома о том, что «на развитие свободных идущих вперед индивидуальностях покоится сила самого народа, покоится развитие его культуры. Чем больше таких индивидуальностей, выше народная мощь, тем богаче его культура»²⁷². Эта мысль, высказанная в 1906г., звучит современно и в начале XXIв., когда ключевая роль принадлежит креативному человеку, создающему новые сегменты правовой жизни.

Таким образом, перейдя в теории права к пониманию физического лица как любого живого человека необходимо сделать следующий шаг, закрепив данный подход в объективном праве. Такой переход следует начинать с частного права, а именно – вывести лицо из положения типичного средне-статистического экономического человека, которому предписано действовать в соответствии с установленными шаблонами и образцами и гарантировать индивиду прочные юридические основания для саморазвития, самореализации и самодеятельности. Прочность правового положения индивида, защищающего личность от произвола публичных властей, служит залогом развития государства.

²⁷¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С.63.

²⁷² Там же. С.50.

Литература

Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права/И.А.Покровский// Вестник Гражданского права. – СПб., 1913. – №4. – С.30-50.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права/И.А.Покровский. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1–917. – 328с.

Шатковская Т.В. Права человека в традиционной правовой системе российских крестьян/Т.В.Шатковская // Философия права. – 2016. – №3. – С.14-18.

Яровая Марина Вячеславовна,

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Проблема глобальной цифровизации правосудия и судопроизводства (e-Justice, e-court) из разряда актуальной в связи с пандемией в 2020 году перешла в повседневную практику развития²⁷³. Можно опираться на имеющийся опыт в этой области таких зарубежных стран как США, Великобританий, Канада, ФРГ, Италия, Бельгия, Сингапур и др. Следствием этих процессов можно считать употребление новых правовых институтов, которые еще только получают научное обоснование, а также законодательное закрепление.

Электронное правосудие позволяет судам перейти к коммуникационным системам и средствам связи, что подразумевается в концепции «government to citizens» (в пер. с англ. «государство гражданам»). Составляющие технологии e-Justice можно представить следующим образом: это, прежде всего, ведение «электронных дел» (с сохранением их на бумажном носителе), автоматизация процесса; подача исковых заявлений в суды через Интернет; фиксация процесса в судах цифровыми видеокамерами; свободный доступ к судебным решениям строго очерченного круга лиц (через электронную цифровую подпись или открытые/ закрытые ключи пользователя); разбирательство судебных дел дистанционным способом.

Судебная система США более 20 лет применяет e-Justice. Под «электронным правосудием» понимается: доступ к судам, получение информации о судебных делах, поиск документов, их направление из и в пределах суда, получение информации о сторонах по делу, о дате подачи и сохране-

²⁷³ См.: Пашенцев А.Д. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т.11. Вып.1. 2020. С.35-49; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5-26.

ния документа, иной информации, связанной с судопроизводством, а также о практике юридических фирм²⁷⁴. В США также действуют системы «Управление делами/Электронный Архив дел» (Case Management/Electronic Case Files (далее - CM/ECF) и «Открытый электронный доступ к судебным материалам» (Public Access to Court Electronic Records (далее - PACER). Название системы CM/ECF указывает на сочетание двух подсистем, которые выполняют следующие задачи: управление делами (CM) и электронный архив (ECF). Эти два компонента формируют общую систему, которая дополнена технологией «Открытый доступ к судебным электронным данным», позволяющей получать доступ к электронным файлам. Система CM/ECF была введена в 1996 году в нескольких окружных федеральных судах. В 1998 году система была принята для повсеместного внедрения электронного хранения документов во всех федеральных судах США. Войти в систему открытого доступа к судебным электронным записям (Public Access to Electronic Records (PACER)) можно только после регистрации, а стоимость услуг невелика - 10 центов за страницу текста, и до 3 долларов за один документ в 30 страниц.

В Англии и Уэльсе существует электронная правовая библиотека «eLis». Она служит основой для доступа к правовым базам данных всех судебных учреждений страны²⁷⁵. В Ирландии используется Электронное руководство по праву (Electronic Benchbook). С 2001 года решения Верховного суда Ирландии полностью переведены в электронный формат и доступны на его официальном сайте www.supremecourt.ie. В настоящее время в районных судах Ирландии действует интерактивная система подачи исков, ведется разработка Единой базы данных судебных решений. У системы электронной подачи документов MoneyClaimOnline (денежные иски онлайн) требования следующие: регистрация учетной записи на платформе Secure Credential, иск до 100 000 фунтов стерлингов и не более двух ответчиков²⁷⁶. Судебный процесс записывается на видео и транслируется в интернете в режиме on-line.

Электронная подача документов (e-filing) получила широкое распространение в Канаде. В 2002 г. некоторые суды (Верховный суд Канады, Федеральный суд Канады, суды провинций Онтарио, Британская Колумбия и др.) представили свои модели электронной системы. В 2008 году Верховный суд издал Правила, согласно которым стороны процесса обязаны подавать заявления об апелляции, изложения обстоятельств дела, материалы судебного дела и документы, подтверждающие полномочия заявителя, в электронном формате. Данные передаются через Lexis-Nexis Canada.

Важнейшим инструментом, обеспечивающим функционирование электронного правосудия в ФРГ, является Электронный судебный и админи-

²⁷⁴ New York State Unified Court Systems [Электронный ресурс] // URL: <http://iapps.courts.state.ny.us/caseTrac/jsp/ecourt.htm/> (дата обращения 05.02.2021).

²⁷⁵ About Her Majesty's Courts Service [Электронный ресурс] // Her Majesty's Courts Service. 2010. URL: <http://www.hmcourts-service.gov.uk/elis/35.htm> (дата обращения 21.02.2021).

²⁷⁶ Яровая М.В. Судебная система современной Англии и Уэльса (2 часть, окончание) // Вестник МГПУ. 2013. №2 (12). С. 47.

стративный почтовый ящик (EGVP). Для использования этой системы необходимо установить на свой персональный компьютер одноименную программу. Программа является бесплатной и доступна для установки на официальных сайтах. Цель ставится следующая - сделать правосудие доступным для каждого. Поэтому на сайтах судов информация изложена не на юридическом профессиональном языке, а доступно. Также предусмотрена возможность получить информацию гражданам с ограниченными возможностями - через видеоматериалы с сурдопереводом. Главным достижением Германии является электронное управление документами, а также обеспечение безопасного и конфиденциального документооборота.

Подавать документы и получать доступ к копиям судебных решений в Италии можно через систему электронного гражданского процесса *Processo Civile Telematico*. Электронные документы, подписанные электронной цифровой подписью, пересылаются посредством системы электронной почты «Пек». Система *PolisWeb* позволяет получать информацию о гражданских исках, арбитражных делах. Доступ к *Processo Civile Telematico* пользователь получает через сертифицированный электронный адрес.

Во Франции процессуальные документы и судебные повестки с согласия адресата передаются электронным способом. Интерфейс пользователя – система *e-Barreau*, в том числе и в мобильной версии. Суды не могут публиковать полный текст судебного решения, должны отсутствовать фамилии участников процесса. За нарушение запрета предусмотрена уголовная ответственность. Все решения верховного суда Франции Кассационного суда – публикуются в открытом доступе.

Европейской правовой базой являются Рекомендации Комитета Министров государствам -членам Совета Европы относительно экономически выгодного устройства и переустройства судебных систем и правовых информационных систем от 28.02.2001 г. «Электронное правосудие» является стратегическим проектом ЕС по реализации принятых фундаментальных программ²⁷⁷. Эти технологии давно и успешно применяются в деятельности Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ). ЕСПЧ начал размещать на своем сайте (обновление происходит каждый понедельник) всю необходимую информацию по производству жалоб.

Таким образом, в настоящее время практически во всех экономически развитых странах есть справочные правовые и электронные судебные системы. Первопроходцами и лидерами по качеству реализации *e-court* являются США. Полезный опыт предоставляет нам опыты таких зарубежных стран, как Великобритания, Канада, ФРГ, Франция и др. Стоит отметить необходимость гибких подходов, вариативность различных технических решений данного комплекса задач. Необходимо подчеркнуть основную проблему в данном процессе цифровизации правовой информации – пере-

²⁷⁷ Лиссабонская стратегия (2000), Гагская программа судебного сотрудничества (2004-2007), Программа общественной информатизации (2010). Технология «электронное правосудие» также обеспечивает выполнение таких международных процедур, как Европейский ордер на арест (*European Arrest Warrant*) и Европейская Судебная Помощь (*European Judicial Assistance*).

дача его в коммерческие структуры, что может повлиять на нарушения в области защиты персональных данных. Опыт зарубежных стран может дать неоценимую помощь для российского правового пространства, перегруженное бумажным делопроизводством.

Литература

About Her Majesty's Courts Service [Электронный ресурс] // Her Majesty's Courts Service. 2010. URL: <http://www.hmcourts-service.gov.uk/elis/35.htm> (дата обращения 21.02.2021).

Пашенцев А.Д. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т.11. Вып.1. 2020. – С.35-49.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

Яровая М.В. Судебная система современной Англии и Уэльса (2 часть, окончание) // Вестник МГПУ. – 2013. – №2 (12). – С. 47.

**РАЗДЕЛ III.
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПРАВА, ГОСУДАРСТВА
И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»**

Беляев Михаил Петрович,
к. и. н., доцент кафедры правоведения
Российского университета кооперации

**СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1588 Г.
КАК ФЕОДАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ**

Многочисленные социально-экономические и политические изменения, в том числе присоединение к Польше значительной части Великого княжества Литовского (далее - ВКЛ) и подписание Акта Люблинской унии, привели к необходимости внесения поправок в законодательство. В связи с этим в 1569 г. была создана комиссия для приведения законодательства ВКЛ в соответствие с актом Люблинской унии и завершения ликвидации ВКЛ как государства. Однако результаты работы этой комиссии практически неизвестны. После смерти короля Сигизмунда Августа в 1572 г. отношения между ВКЛ и Польшей переросли в союз двух государств. По сути Речь Посполитая не была единым государством. В результате правительство ВКЛ не считало необходимым выполнять решения Люблинского сейма и привести положения Статута в соответствие с польским законодательством²⁷⁸.

Стремление к отделению ВКЛ от Польши проявлялось в продолжении законодательной деятельности Сейма ВКЛ. В этот период началась активная работа по подготовке проекта нового Статута ВКЛ. Практически все поветовые сеймики обсудили вопросы, связанные с совершенствованием законодательства. Была создана статутная комиссия из представителей знати, шляхты, духовенства, чиновников и юристов. Многие члены комиссии были известными юристами (практиками и учеными того времени). Её работу возглавили высококвалифицированные юристы - канцлер ВКЛ А.Б. Волович и подканцлер Л.И. Сапега. В конце 1584 г. работа над Третьим Литовским Статутом была завершена. Поскольку в нем не были учтены условия Люблинской унии 1569 г., польские депутаты не хотели его утвердить на заседании вального сейма Речи Посполитой. Опасаясь серьезного конфликта с феодальной элитой ВКЛ и потери титула Великого князя Литовского, король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза 28 января 1588 г. утвердил Третий Литовский статут своим привилеем²⁷⁹.

²⁷⁸ Бічун В. М. Нормы канстытуцыйнага права ў Статуце Вялікага Княства Літоўскага 1588 года // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання: зб. навук. арт. па матэрыялах канф. Мінск, 2018. С. 140.

²⁷⁹ Бічун В. М. Указ. соч. С. 141; Доўнар Т.І. Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588гг.): вучэбны дапаможнік. Мінск, 2001. С. 11; Майкут Х.В. Литовські статуты та їх застосування в Україні // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. 2008. № 2. С. 39.

В предисловии к Статуту, автором которого считают Л. И. Сапегу, провозглашалось верховенство закона и обязанность государства заботиться о своем народе. Упомянув Цицерона, он четко сформулировал основную идею правового государства - подчинение всех единому закону. Тщательная работа высококвалифицированных специалистов обусловила большое уважение к этому документу и признание его одним из лучших законодательных актов тогдашней Европы²⁸⁰.

Для ВКЛ это был третий систематизированный свод законов государства. С точки зрения теории и практики права Статут 1588 г. имел значительные преимущества перед Статутами 1529 и 1566 гг. Он состоял из 14 разделов, в которых содержалось 487 статей. Много места в нём было уделено конституционному праву. Статут закрепил положение о территориальной целостности государства и его неприкосновенности (ст. 1 раздела III). В результате заключения Люблинской унии ВКЛ потеряло треть своей государственной территории. Статут обязывал владельцев вернуть все (то есть землю), что когда-то было «разобрано» и «выпрошено» другими государствами. Требование о возвращении земель ВКЛ, захваченных Польшей, содержится в статьях 1, 4 и 5 раздела III Статута с той же ясностью и точностью, что и в предыдущем Статуте 1566 г., который был принят до заключения Люблинской унии. Отражая стремление законодателя к независимости, Статут 1588 г. запрещал Великому князю наделять землей и государственными должностями иностранцев. К иностранцам, в частности, относились и поляки²⁸¹.

В основу государственной организации ВКЛ был положен принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В соответствии со Статутом, главой ВКЛ являлся Великий князь (господар). В его компетенцию входило заключение международных договоров, прием и отправка послов, объявление войны и заключение мира. Господар считался главой всех высших инстанций. Постоянным исполнительно-распорядительным и контролирующим органом была Рада, которая осуществляла свои полномочия совместно с великим князем, а в его отсутствие - самостоятельно. Она играла основную роль в ограничении его власти. Порядок деятельности Рады и её компетенция не были в Статуте 1588 г. детально урегулированы, поэтому при решении дел Рада руководствовалась в основном обычным правом и традициями. В состав Рады входили виленский епископ, канцлер, подканцлер, подскарбий (отвечал за финансы), гетманы (военачальники), маршалки (председатели на заседаниях Рады и Сейма), воеводы (главы воеводств) и кастеляны (заместители воевод, руководившие войсками в воеводстве). Полномочия Рады контролировались Великим князем и Сеймом. Важное место в системе исполнительной власти занимал канцлер, который возглавлял великокняжескую канцелярию и был хранителем большой государственной печати²⁸².

²⁸⁰ Майкут Х.В. Указ. соч. С. 40.

²⁸¹ Бічун В. М. Указ. соч. С. 141-142; Майкут Х.В. Указ. соч. С. 39.

²⁸² Сырыца В. Статут 1588 года – першая беларуская канстытуцыя // Личный юрист. 2010. № 3. С. 30.

В соответствии со Статутом 1588 г. законодательная власть принадлежала сейму. На общий (вальный) сейм направляли двух депутатов от повета, которые избирались на поветовых сеймиках, где собиралась вся шляхта повета и разрабатывала инструкции для послов-депутатов. На сеймах обсуждались выборы Великого князя, заключение внешнеполитических союзов, порядок несения военной службы и взимание военных налогов. В компетенцию сейма входила законодательная деятельность и вопрос объявления войны (с XVI в.).

В ВКЛ была установлена независимая от других ветвей власти судебная система. Провозглашалась гласность суда. Каждый обвиняемый имел право на адвоката. Земельные споры рассматривались подкоморскими судами, а уголовные споры - замковыми судами. Существовал и традиционный копный суд, в котором судьями выступали крестьянские старейшины. Высшим судебным органом был Главный трибунал.

Статут 1588 г. установил поветово-воеводскую систему местного управления. Воевода решал все основные вопросы управления на своей территории. Он назначался государем совместно с Радой. Однако в Полоцком и Витебском воеводствах великий князь при таких назначениях вынужден был учитывать мнение и настроение местной знати. Только выходцы из этих земель могли занимать определенные должности. Подобные привилегии объяснялись тем, что эти земли вошли в состав ВКЛ по условиям соглашения местного боярства с великим князем и находились на границе с Московским государством²⁸³.

Немало места в Статуте 1588 г. было уделено правовому положению населения ВКЛ. В статье 3 раздела III была подтверждена свобода слова, вероисповедания и религиозная терпимость («мы разные по вере, но мы сохраним мир между собой»). Не только католики, но и православные, и протестанты имели право занимать государственные должности. Каждый свободный человек при желании мог уехать за границу.

Правящим сословием в ВКЛ являлась шляхта. Только шляхтич имел право занимать государственные должности, служить в армии и владеть землей. Землевладение обеспечивало благосостояние знати. В силу статьи 26 раздела III Статута ВКЛ 1588 г. произошло окончательное закрепощение крестьян. Принцип единства права подрывало признание различных льгот и привилегий феодалов. Эти привилегии были неотъемлемой частью феодального права, хотя и не соответствовали новым принципам, рожденным в результате распространения идей Реформации и гуманизма. В соответствии с принципом правопорядка все государственные органы и должностные лица обязаны руководствоваться в своей деятельности только законом. Этот принцип был направлен прежде всего против деспотизма великого князя и крупных феодалов. Он получил своё отражение во многих статьях Статута. Для шляхты Статутом предусматривалась уголовная ответственность за убийство обычного человека. Запрещалось сажать в тюрьму свободного че-

²⁸³ Сырыца В. Указ. соч. С. 31.

ловека за долги или преступления. Рабами могли считаться только военнопленные²⁸⁴. (с. 32)

Статут 1588 г. был первым из Литовских Статутов, который был отпечатан. Это сделало его доступным для широкой публики. Языком оригинала этого документа был древнерусский (русский)²⁸⁵, хотя современные белорусские учёные считают, что он был написан на белорусском языке. В предисловии к Статуту Лев Сапега с большей гордостью отмечал: «Не на иностранном языке, но на своём написаны наши собственные права». Статья 1 главы IV Статута подтвердила государственность русского языка. Публикация Статута была чрезвычайно важна для всей ВКЛ, поскольку это был главный акт, защищавший независимость и суверенитет государства.

Статут 1588 г. явился высшим достижением средневековой правовой культуры ВКЛ и памятником правовой мысли, аналогов которому в то время не было в Европе. Он стал образцом и оказал значительное влияние на развитие права в соседних странах. Многие статьи Соборного Уложения 1649 г. были позаимствованы из Третьего Литовского статута. В 1614 г. Статут был издан на польском языке и выдержал шесть переизданий. Он использовался в Польше в практике шляхетских судов в XVII - XVIII вв. Король Речи Посполитой Станислав Август, выступая 11 сентября 1776 г. в Сейме с тронной речью, сказал, что Статут 1588 г. справедливо пользуется заслуженным уважением, потому что до сих пор по нему с радостью и мудростью живут граждане ВКЛ. Многие польские воеводства хотят, чтобы этот нормативный акт также стал их правом. Король пожелал, «чтобы корона достигла такого счастья, которым гордится Литва». Статут 1588 г. стал одним из важнейших источников права на Украине и действовал также в Витебской и Могилевской губерниях до 1831 г., а в Минской, Виленской, Гродненской губерниях - до 1840 г.²⁸⁶

Литература

Бічун В. М. Нормы канстытуцыйнага права ў Статуце Вялікага Княства Літоўскага 1588 года // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання: зб. навук. арт. па матэрыялах канф. Мінск: БДУ, 2018. С. 140-143.

Доўнар, Т.І. Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588гг.): вучэбны дапаможнік. Мінск: БДУ, 2001. 76 с.

Майкут Х.В. Литовські статуты та їх застосування в Україні // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. 2008. № 2. С. 34-42.

Сырыца В. Статут 1588 года – першая беларуская канстытуцыя // Личный юрист. – 2010. – № 3. – С. 29–32.

²⁸⁴ Сырыца В. Указ. соч. С. 32.

²⁸⁵ Майкут Х.В. Указ. соч. С. 40.

²⁸⁶ Бічун В. М. Указ. соч. С. 142.

Дородонова Наталия Васильевна,
к.ю.н., доцент кафедры истории государства и права СГЮА,
Чилькина Ксения Владимировна,
доцент, к.ю.н., профессор кафедры истории государства и права СГЮА

ЦЕННОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ XX ВЕКА²⁸⁷

Римско-католическая церковь всегда играла значительную роль. На протяжении многих лет характер этой роли эволюционировал от простого сохранения собственных интересов и власти, к выполнению роли посредника и защитника прав человека.

К середине XX в. католическое учение о правах человека было достаточно хорошо развито, чтобы оказывать хоть и косвенное, но определённое влияние на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.

Испытав на себе жестокость первой половины XX в., Церковь уже в энциклике Папы Римского Иоанна XXIII «*Mater et Magistra*» (1961 г.) переориентировала правоотношения, призвав правительства к действиям по оказанию помощи и сокращению неравенства в обществе и мире.

С течением времени католическая церковь начала политизироваться, вступая таким образом в интеграцию с государством, осваивая новые формы представительства своих интересов по защите прав человека в диалоге с государственной властью.

Ситуация определенно поменялась после II Ватиканского Собора в 1962-1965 гг., который стал важным событием в истории и коренным образом изменил католическую церковь и ее отношение к вопросам достоинства и прав человека. Церковь заняла публичную позицию и с этого момента защита прав человека стала частью католического видения, поскольку Церковь рассматривала обеспечение прав человека как средство содействия миру.

Во время своей работы II Ватиканский собор подготовил шестнадцать основных документов, охватывающих как внутреннюю жизнь римско-католической церкви, так и ее отношение к другим религиозным традициям и светскому миру.

Одними из важнейших документов стали энциклики Папы Римского Иоанна XXIII «*Pacem in Terris*» (1963 г.), Папы Римского Павла VI «*Dignitatis Humanae*» (1965 г.) и «*Gaudium et Spes*» (1965 г.). Однако посредством данных документов католическая церковь также подчеркнула различия между католическим и светским пониманием идеалов защиты прав человека.

Вступительная фраза к энциклике «*Pacem in Terris*» определила ее тему: «Мир на земле, которого во все времена жаждут люди, может быть восста-

²⁸⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00673.

новлен и упрочен только при полном соблюдении порядка, созданного Богом»²⁸⁸. Основной мыслью энциклики является то, что достигнуть и гарантировать мир можно только в том случае, если права и обязанности человека и государства будут уважаться. Этот порядок может быть понят, главным образом, в терминах структуры прав и обязанностей, которые формируют национальное и международное общее благо. Тема порядка позволила классическим идеям быть понятыми в исторически современной манере.

Энциклика «*Pacem in Terris*» сосредоточилась на анализе современной концепции прав человека, была полностью традиционной, по существу, но и полностью современной, основанной на естественном праве. Она адресована не только католикам, но и всем людям, таким образом давая понять, что Церковь проявляет заботу о правах человека и будет действовать в защиту этих прав.

В документе одобрен спектр прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и последующих правовых документах; упоминаются политические права: право свободы передвижения, право принимать активное участие в государственных делах, право на защиту своих прав и свобод.

Опубликованная в 1965 г. энциклика Папы Римского Павла VI «*Dignitatis Humanae*» имеет единственную важную цель и является кульминационным моментом в долгих дебатах в католицизме о значении религиозной свободы человека. Этому простому утверждению основного права человека потребовались столетия споров, чтобы найти свое место в социальном католическом учении.

Утверждение данного права означает, что оно должно соблюдаться в любой форме правления и в любом государстве. Подтверждение права на свободу вероисповедания было отчасти ответом Церкви на два аспекта современной жизни: растущее чувство политического сознания личности и желание граждан жить под властью правительства, ограниченного законом и уважением прав человека.

Еще одна энциклика Павла VI – «*Gaudium et Spes*» - занимает особое место в католической общественной мысли и представляет собой пространное размышление на тему отношения Церкви к миру. Мир в данном случае может означать политические, правовые или экономические измерения.

Таким образом, полное принятие и развитие принципов демократии и прав человека католической церковью произошло в 1960-х годах.

В 1991 г. в энциклике «*Centesimus Annus*» Папа Римский Иоанн Павел II обратился к вопросам демократии и защите прав человека, попутно поясняя католическое видение роли государства, общества и культуры. Решая проблемы и недостатки современного мира – увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, проблемы бездомных, растущее число безра-

²⁸⁸ Энциклика «*Pacem in Terris*» (1963 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (дата обращения: 28.02.2021).

ботных – Церковь показывает, что она заботится не только о католиках, но и о человечестве в целом.

Таким образом, в папских энцикликах римско-католическая церковь подчеркивает глубокую взаимосвязь между правами человека и реализацией общего блага. Защита и продвижение прав человека в обществе задуманы как основные пути достижения общего блага общества. В свою очередь Церковь приняла и сформулировала высокие стандарты в области прав человека, сделав распространение прав человека одним из своих нравственных императивов.

Литература

Энциклика «Pacem in Terris» (1963 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (дата обращения: 28.02.2021).

Ефремова Надежда Николаевна,

к.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

РОЛЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В МОДЕРНИЗАЦИИ ИМПЕРСКОГО СУДА В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР

Судебная реформа, длящаяся в России третье десятилетие, не позволяет угаснуть интересу научной общественности к истории отечественного суда. Тот факт, что ее начало было определено Концепцией, утвержденной еще Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991, рецепировавшей в значительной мере принципы и институты Судебных уставов 1864 г., ставших в свое время основой так называемой «Великой» судебной реформы 1864 – 1899 гг., явившей миру прогрессивную организацию судебной власти, по прошествии времени позволяет оценить как достоинства имперской юстиции, так и релевантность их новым условиям Российской Федерации. Разумеется, полного совпадения в положениях этих актов не было, но, по существу, они в большой мере совпадали. Как и в предшествовавшем случае, реформа была нацелена на радикальное преобразование прежней модели юстиции при институциональной и функциональной ее заменой новой по типу. При этом, к слову, можно заметить, что и срок ее проведения приближается к уже известному в истории. При этом либеральная часть реформаторов отыскивала образцы в действовавших западных правовых системах, тогда как консервативная в отечественном прошлом. Не случайно, один из «отцов» судебной реформы и главных акторов разработки ее проекта С. И. Зарудный, как руководитель комиссии, предварительно собрал и обобщил информацию и документы по истории суда российского и зарубежного, составивших 74 тома.

Поэтому вопросы преемственности и новаций в процессе подготовки нормативных основ реформы и последующего их применения, как правило, встают перед законодателем, и в каждом конкретном случае они решаются в зависимости от задач и имеющихся условий для реализации и под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, а также конъюнктуры. Несомненно, новации способны обеспечить прогрессивность конструируемой модели юстиции, но и преемственность в определенной мере необходима для ее легитимации, основанной на привязанности общества к традиционным ценностям, оправданным длительностью их существования и адаптированным к менталитету и укладу юридического быта народа.

Примеры такой преемственности в процессе модернизации отечественного правосудия имеются в истории судебных реформ Петра I, Екатерины II и Александра II. В данном случае связанность их с именами глав государства оправдана тем, что в условиях абсолютизма последние были единственными законодателями, волей которых определялись все государственно-правовые реформы. Говоря о первой судебной реформе рассматриваемого периода, надо заметить, что она являлась важной частью комплексного преобразования общественного и государственного строя, а также законодательства, имевших целью модернизацию России и освоение ею западных политико-правовых ценностей. В историографии проблемы, на наш взгляд, зачастую преувеличивается «слепое» копирование европейских образцов Петром I, при этом с отрицательной коннотацией. Интересно, что в то же время в отечественной литературе при оценке «революции» Мейдзи в Японии, рецепция западных элементов государственного-правового механизма, всегда характеризуется апологетически. Однако исследование реформ первой четверти XVIII в. позволяет заметить, что в случаях непринятия русским обществом тех или иных зарубежных образцов органов и учреждений, Петр I отказывался от них, либо заменял их русифицированными, либо традиционными отечественными институтами. Интересен, в частности, пример с первоначальным отказом от состязательной формы процесса в Указе 1797 г.; а в связи с неисполнением его в судах, восстановлением ее Указом «О форме суда» 1723 г., и, более того, допущением использования ее процедур в альтернативном розыскном процессе и наоборот. То есть вполне творчески и адекватно. Также в ходе этой реформы, на первом ее этапе, были учреждены ландраты, как органы местного дворянского самоуправления, которым надлежало избирать местных судей ландрихтеров. И в этом случае фактическое игнорирование дворянством и тех и других, привело к созданию институтов городских и провинциальных судей, понятных и приемлемых для местного населения. Вместе с тем, появление новых задач государства и отраслей его хозяйства позволило приспособить для управления последним скопированные со шведского образца коллегии, заменившие прежние приказы²⁸⁹. Вместе с тем, можно отметить и

²⁸⁹ Ефремова Е.Н. Судебные органы в период становления государственного механизма Российской империи // Право и политика, – 2008. – №8(104). – С. 239-244.

примеры преемственности в организации правосудия. Они касались, в частности, требований, которые устанавливались для судей новых судов, а также для руководства ими в осуществлении правосудия, они были известны и предшествующему законодательству: Судным грамотам Новгорода и Пскова, Судебникам 1497 и 1550 г., а также Соборному Уложению 1649 г.

Это были предписания судить беспристрастно, равно, бескорыстно, по закону. У Петра I они были изложены в «Зерцале правосудия» (указы 1722–1724 г.г.): «Судьям надлежит быть честным, совестным и беспорочного жителя людям и потребное к отправлению судейской должности искусство иметь понеже наиболее полезные законы без действия останутся, когда к отправлению правосудия такие определяются, которые ...государственные права по незаконным своим прихотям и страстям толкуют»²⁹⁰.

Переходя к судебной реформе Екатерины II, которая, по сути, не коснулась судопроизводства, но радикально изменила общеимперскую судебную систему, пришедшую в постпетровский период в крайнее расстройство, помимо прочего, и в связи с судебными контрреформами, и с другими эффектами «дворцовых переворотов». Данная судебная реформа явилась также одной из важных составляющих очередной попытки модернизации российской политико-правовой системы. В ходе ее была создана новая система общеимперских судебных органов, основанная на новых идеологических основаниях, отчасти усвоенных ценностях философии Просвещения и естественного права. Каждые две судебные инстанции общей юрисдикции, созданные в городах, уездах и губерниях, строились по сословному принципу, что целом соответствовало интересам населения и предоставляло возможность «суда равных» для каждого сословия отдельно: дворян, горожан и части крестьянства, свободного от крепостной зависимости, проживавшего в городах и составлявшего по статусу группу крестьян-однодворцев. Более того, в этих судах, наряду с «коронным» элементом имелся и «общественный», представленный соответственно двумя заседателями от каждого из сословия. Такой состав представлял собой новую форму участия общественности в сравнении с той, что имела во времена действия Судебников, но, как и они предусматривал суд равный в условиях сложившегося сословного строя. Преемственность проявлялась и в сохранении прежней формы судопроизводства, хотя этот факт нельзя признать однозначно положительным, но это было обусловлено рядом объективных причин. Также как и предшествовавшее, упомянутое выше законодательство, «Наказ» Екатерины II и Учреждения для управления губерниями, вводившие новую систему юстиции, основными требованиями к организации суда и процесса сохраняли законность, безволочитность, справедливость и другие традиционные ценности²⁹¹. Также и в названиях судов, памятуя о

²⁹⁰ Цит. по: Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII века. – М. 2004. – С. 186.

²⁹¹ См. об этом также: Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении нового Уложения. Н. Д. Чечулин. СПб. 1907.; «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи», например, ст.ст. 81, 85, 86 и др. // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. М.: Юридическая литература. 1984–1994 гг. Т. 5. 1987. с.181–182.

неудачной попытке Петра Первого, вовремя им осознанной и исправленной, использовать зарубежные названия, Екатерина Вторая употребляла русскую терминологию: Расправы (от слова «право»), Совестьный суд («говорящее» название) и т.д.

Также и в ходе самой радикальной судебной реформы имперского периода в истории России, проводимой правительством Александра II, наряду со значительными новациями в организации юстиции, соответствовавшими западным прогрессивным политико-правовым, а, частично, и конституционным образцам и ценностям²⁹², в целях адаптации к отечественным условиям были сохранены традиционные элементы, как вполне соответствовавшие новым задачам и целям суда. К ним, в первую очередь, можно отнести принципы равенства перед судом, справедливости, законности, доступности, сочетания «коронного» и общественного элементов в суде, выборности и назначения судей. При этом следует отметить, что каждый из них выступал уже в более зрелых, соответствующих новой ступени прогрессивного роста, форме и содержании. Так, например, исторически предшествовавшее, известное со времен Судебников правило судить равно, последующее представление права судиться в соответствующих сословному статусу лица судах, достигло формы «суда равного» для всех сословий. Принцип справедливости, ранее вытекавший скорее из христианского мировоззрения, чем из профессионального юридического понимания, также стал одним из базовых принципов надлежащей организации правосудия, формировавшим новое правосознание и правовую культуру. Принцип законности, тоже традиционно включавшийся и в предшествовавшее судебное законодательство, обретает в Судебных уставах 1864 г. новую гарантию. При том, что император оставался единственным законодателем, отправление правосудия монопольно принадлежало судьям в соответствии с установленным царем законом, который уже не мог вмешиваться в суд, даже в случае недовольства приговором (к примеру, в известном деле В. Засулич). И более того, сложившаяся в государстве новая социально-экономическая и политическая обстановка не позволяла ему радикально изменить Судебные уставы, а предпринятая позднее попытка, как известно, не увенчалась успехом. Что касается принципа доступности, то он конечно учитывался и в предшествовавших судебных реформах. Во времена, когда суд совмещался с администрацией, соответствующие округа устраивались и реорганизовывались в соответствии с целью обеспечить потребности во взаимоотношениях государственных органов (или органов самоуправления в случаях делегирования им соответствующих полномочий) и населения, подсудность определялась подведомственностью лиц. В ходе судебной реформы Петра I судебные органы общей юрисдикции были разделены на инстанции (например,

²⁹² Это, в частности, относится к провозглашению самостоятельной и независимой от законодательной и исполнительной судебной власти, реализация которой осуществлялась соответствующим образом организованным судом, следствием (отделенным от суда), прокуратурой, адвокатурой и судопроизводством, введению суда присяжных, к установлению запрета в отказе от правосудия, осуществлению правосудия только судом и т. д.

городовые и провинциальные суды, Надворные суды), выделена отдельная система судов специальной юрисдикции, что свидетельствовало о желании реформатора облегчить доступ нуждавшегося в правосудии подданного к суду надлежащей подсудности. Реформа Екатерины II, помимо прочего, также облегчала доступ к правосудию (в формальном его смысле): первые две судебные инстанции были сословными и учреждались в новых административных округах, созданных с учетом численности населения, что также добавляло гарантии доступности. И, наконец, судебная реформа Александра II создала более прогрессивные условия для обеспечения доступности правосудия. Во - первых создавались специальные судебные округа с учетом со временем изменившейся численности населения для общей юстиции и участки для местной, мировой. Это создавало территориальную приближенность судов к подданным. Во-вторых, поскольку судопроизводство и делопроизводство в судах велось на официальном русском языке, то для лиц, участвовавших в судебном процессе, предоставлялся переводчик бесплатно, что увеличивало доступность суда. В сравнении с предшествовавшими временами были упорядочены пошлины, не предполагавшие теперь путаницы между «тайными» и явными посулами судьям, влекшими ранее злоупотребления последних. Для лиц, находившихся в бедности, предоставлялся бесплатно адвокат.

Таким образом, можно заключить, что даже радикальные преобразования суда, ориентированные на современные им западные стандарты, допускали определенную степень преемственности, обеспечивавшей сохранение традиционных ценностей и «примирявшей», благодаря этому, общество с вводимыми новыми элементами, не всегда соответствовавшими прежнему юридическому быту, но вместе с тем требовавшимися в интересах прогресса. Полагаю, что традиционное, доказавшее свою ценность и обеспечивавшее стабильность ввиду длительного применения, способно сформировать универсальное и легитимное, как это было, в частности с исторически складывавшимися принципами и институтами юстиции, впоследствии признанными в качестве международно-правовых стандартов надлежащей организации правосудия.

Литература

Ефремова Н.Н. Судебные органы в период становления государственного механизма Российской империи/Н.Н.Ефремова // Право и политика, – 2008. – №8(104). – С. 239-244.

Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении нового Уложения. Н. Д. Чечулин. – СПб. 1907.

Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII века. – М. 2004.

Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература. 1984-1994 гг. Т. 5. 1987.

Звонарев Андрей Владимирович,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Школы права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ИЗМЕНЕНИЕ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ РОССИИ

Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых Основных законов государства Российского наделял Временное правительство «всей полнотой власти»²⁹³. По сути дела, форма правления России не менялась до окончательного решения данного вопроса Учредительным собранием, о чем заявлялось в Акте. Россия продолжала оставаться монархией, но своеобразие момента заключалось в том, что Россия была «монархией без монарха», и последний претендент на пост монарха, отказавшийся принять престол, передавал свои полномочия Временному правительству.

Уже 8 марта 1917 года на заседании Временного правительства был рассмотрен вопрос о необходимости замены ранее существовавшей государственной печати, предложенный министром иностранных дел П.Н. Милюковым, последним в правительстве защитником монархической формы правления, еще несколько дней назад убеждавшим великого князя не отказываться от престола. Предложение было поддержано и П.Н. Милюкову было предложено представить «проект временной государственной печати»²⁹⁴. Проект новой государственной печати, предложенный П.Н. Милюковым, был утвержден Временным правительством 21 марта 1917 года²⁹⁵. На печати был изображен двуглавый орел, лишенный корон, скипетра и державы, а также титульные гербов. На печати был также изображен Таврический дворец.

7 апреля теперь уже А.И. Коновалов, министр торговли и промышленности, предложил правительству обсудить вопрос о об употреблении в будущем «знаков государственного герба и национального флага России». вследствие этого, данный вопрос был передан на заключение Юридического совещания при Временном правительстве²⁹⁶.

В первые дни работы Временное правительство создало Юридическое совещание. Для участия в его работе были приглашены известные юристы

²⁹³ Правовые основы российских революционных преобразований 1917 года: монография/ Под ред. Д.А. Пашенцева, С.А. Боголюбова. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 49-55, Звонарев А.В. Пашенцев Д.А. Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 4 (28). – С.42.

²⁹⁴ Архив новейшей истории России. Серия «публикации»/ Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. Том I. Март – апрель 1917 года/ Отв. ред. тома Б.Ф. Додонов. Сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. С. 57.

²⁹⁵ Там же. С. 154.

²⁹⁶ Там же. С. 249.

(В.А. Маклаков, Ф.Ф. Кокошкин, М.С. Аджемов, Н.И. Лазаревский, Б.Э. Нольде и др.). Совещанию пришлось активно включиться в работу по юридическому обоснованию деятельности Временного правительства и улучшению качества подготовки законопроектов, многие из которых стали выдающимися правовыми памятниками данного исторического периода.

Первое обсуждение вопроса о государственном гербе и флаге состоялось в Юридическом совещании 10 апреля. В ходе обсуждения возникло несколько предложений. Одни члены совещания высказали предложения о том, что «в связи с происшедшими событиями видоизменение как герба, так и флага Российского государства является весьма желательным». Они считали, что оставление этих эмблем в прежнем виде может произвести «отрицательное впечатление» на население России. Кроме того, по их мнению, при старом режиме российские герб и флаг в «психологии народа отнюдь не имели того значения, которое должно было им принадлежать». В то же время при подготовке предложений по изменению национальных символов требуется стремиться к тому, чтобы «русский народ имел свои национальные цвета, к которым он привык и с которыми у него неизменно связывалось бы представление о принадлежности своей к известной национальности»²⁹⁷.

На заседании звучали другие предложения. Видоизменение герба признавалось желательным в связи преобразованиями государственного строя России «путем удаления с него монархических эмблем»²⁹⁸. Флаг же предлагалось оставить без изменений, в связи с тем, что национальные цвета флага существовали более двухсот лет.

В результате обсуждения было принято решение подвергнуть данный вопрос более тщательной разработке в связи с тем, что изменение государственного герба и национального флага должно соответствовать историческим данным. Поручение составить доклад по изучаемому вопросу было дано барону Б.Э. Нольде.

Следующее заседание Юридического совещания, посвященного вопросу о государственном гербе и национальном флаге, состоялось 25 апреля 1917 года. В качестве экспертов на заседание были приглашены российский историк-геральдист, управляющий Гербовым отделением Сената В.К. Лукомский и другой известный геральдист, будущий директор Государственного Эрмитажа С.Н. Тройницкий, которые рассказали присутствующим историю возникновения и изменения герба и флага России.

Выслушав сообщения экспертов, Юридическое совещание признало, что двуглавый орел не был связан ни с династией Романовых, ни с каким-либо определенным государственным строем. Орел встречался на монетах

²⁹⁷ Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март – октябрь 1917 года: в 2 т./ отв. ред. Б.Ф. Додонов, отв. сост. О.Н. Копылова, сост.: О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко, К.А. Лукина. Т.1. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2018. С. 123.

²⁹⁸ Там же. С. 123.

еще в XIV веке. Но необходимо удалить с герба эмблемы монархического характера (короны, скипетр и державу) и титульные гербы, знаменующие области, присоединенные к великому княжеству Московскому и России. Поэтому двуглавый черный орел вплоть до Учредительного собрания может быть признан «гербом свободного Российского государства» и его следует употреблять во всех установленных законом случаях. Совещание отметило, что на его мнение повлияло утверждение Временным правительством изображения новой государственной печати.

Юридическое совещание предложило впредь до Учредительного собрания считать «национальным флагом Российского Государства употреблявшийся донныне бело-сине-красный флаг»²⁹⁹.

Таким образом, уже в первые два месяца своей работы Временное правительство успешно избавляется от государственных символов Российской империи, предопределяя выбор формы правления Учредительным собранием и делая очередной шаг к установлению республиканской формы правления.

Литература

Архив новейшей истории России. Серия «публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. Том I. Март – апрель 1917 года/ Отв. ред. тома Б.Ф. Додонов. Сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. – С. 57.

Архив новейшей истории России. Т. XIII: Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март – октябрь 1917 года: в 2т./ отв. ред. Б.Ф. Додонов, отв. сост. О.Н. Копылова, сост.: О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко, К.А. Лукина. Т.1. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2018. – С. 123.

Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 4 (28). – С. 42-49.

Правовые основы российских революционных преобразований 1917 года: монография/ Под ред. Д.А. Пашенцева, С.А. Боголюбова. – М.: Инфра-М, 2019.

²⁹⁹ Там же. С. 189-195.

Кувшинова Елена Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры отечественной истории
Института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ,
Привезенцева Капитолина Алексеевна,
студент 4 курса института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ

ПРАВА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НА ДОСТУП К РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В АРХИВАХ И МУЗЕЯХ

Права на доступ профессиональных исследователей и всех граждан к информации регулируют множество современных российских законов и нормативных актов, останавливаясь на которых, в силу их обоснованности, направленности на защиту чьих-либо прав, разумности и многочисленности нет оснований. В частности, доступ к ретроспективной документальной информации в архивах регулирует Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ в его самой последней редакции, который в главе 6 определяет права доступа к архивным документам и их использованию. В том случае, если исследователь не пытается приоткрыть завесу государственной тайны, нарушить международные договоренности, частное право и воспользоваться информацией о личной и семейной жизни, то есть действует законно, он имеет полное право доступа к архивным документам через читальный зал архива либо удаленный доступ к оцифрованным документам.

Почему же тогда в своей исследовательской практике историки и специалисты других профессиональных отраслей, попадающие в читальные залы архивов, отделы письменных источников музеев и отделы рукописей библиотек сталкиваются с рядом труднопреодолимых проблем и отсутствием взаимопонимания со стороны коллег – архивистов и музейщиков? В перечень основных трудностей входят: сложный и плохо настроенный на поиск научно-справочный аппарат, неудобное, сокращающееся время работы читальных залов, высокие тарифы на платные услуги копирования материалов и многие, индивидуальные для каждого хранилища, особенности и условия предоставления документов пользователям.

Говорить о данной проблеме важно, поскольку запрос на ретроспективную информацию только растет, все больше молодых исследователей и студентов, начиная с первых курсов университетов, привыкают работать с первоисточниками. Ориентированные на цифровые информационные потоки, передающиеся с огромной скоростью, на доступность современной информационной среды, наконец, на постулаты гражданского общества, гарантирующего многие права и свободы, они бывают ошеломлены, столкнувшись с реалиями архивных правил и неписаных музейных норм.

Например, в архивах не предоставляются дела, содержащие научно-техническую документацию по тем или иным зданиям. Любой человек может получить к этой информации доступ, выполнив одно из следующих условий: предоставление разрешения от собственника здания или предоставление доказательств того, что здание больше не существует. Во второй

половине девяностых годов, когда появились многочисленные собственники и арендаторы многих московских зданий-памятников, эта новая правовая норма существенно ограничила доступ к некогда свободно предоставляемой в архивах информации и сузила круг профессионалов, занимающихся историей Москвы. Над историческими справками по застройке города с использованием проектной документации для архивных томов библиотеки Департамента культурного наследия г. Москвы стали работать только те исследователи, которые получали разрешение от владельцев зданий, являвшихся зачастую и застройщиками исследуемых кварталов исторического центра со всеми вытекающими последствиями. Заинтересованные пользователи архивов считают, что для профессиональных историков, в данном случае, может быть сделано исключение в виде свободного доступа к подобному роду документам, поскольку результат их работы имеет научную и практическую ценность, придает городской среде историзм и способствует сохранению культурного наследия. Кроме того, часто архивам и архивистам необоснованно делегируются полномочия, которыми они, не являясь профессионалами, не могут воспользоваться, в данном случае – оценить юридический вес предоставленных доказательств прекращения существования здания, проектная строительная документация которого запрашивается.

Следующим препятствием на пути исследователя является работа с современными электронными архивными сервисами. Каждый архивный сайт имеет оригинальный дизайн и структуру, поэтому не всегда интуитивно понятен. Для того, чтобы добраться до третьего уровня информации – до уровня архивной единицы хранения, недостаточно знать основные принципы, лежащие в основе структуры российского государственного архивного фонда, необходимо иметь большой практический опыт архивной эвристики и практический опыт работы с конкретным архивным сервисом. Именно поэтому так часто, в качестве ответа, на поисковый запрос в электронной системе научно справочного-аппарата исследователи получают ответ: «Найдено 0 дел. Отсутствие необходимого результата не означает отсутствие интересующих сведений в документах архива!».

Притчей во языцех давно стала вопиющая нищета архивов с битком набитыми хранилищами, которых катастрофически не хватает, и тесными читальными залами. В условиях пандемии маленький читальный зал самого востребованного архива – Государственного Архива Российской Федерации стал практически недоступен. В него и в лучшие времена всегда стояли очереди, а в октябре 2020 года была организована электронная запись, ставшая настоящим ночным квестом для пользователей, пытающихся в 15 секунд осуществить ускользящую запись! Но, настоящий сюрприз ожидает ученое сообщество впереди – в 2022 году ожидается переезд ГА РФ в новое просторное здание с хранилищами и читальными залами, строящееся не в Москве, а в городе Обнинске в ста километрах от столицы.

Архивную бедность у нас пытаются лечить введением платы за те услуги, которые востребованы, поэтому договор на копирование предлагается заключать неотложно, часто авансом, оплачивая трудно просчитывае-

мый из-за большой вариативности тарифов, объем работы. Что боятся потерять архивы, предоставив право съемки документов на камеру телефона? Этот страх потерять эфемерное право собственности на хранимое наследие уже преодолели музеи и, видимо, настанет время, когда преодолют и архивы. Кроме того, любительская безвозмездная фотофиксация документов при условии обязательного предоставления цифровой копии архиву существенно могла бы ускорить оцифровку архивных фондов, продвигающуюся сейчас недостаточными темпами.

Что же касается прав работы исследователя в музее, то здесь дела обстоят гораздо сложнее. В зависимости от вида музейного учреждения организована работа с документальными фондами в каждом из них. Еще на заре советской власти в конце мая - начале июня 1918 года на заседаниях малого Совнаркома под председательством В. И. Ленина был решен спорный вопрос о дроблении национального документального наследия между тремя видами хранилищ: архивами, музеями и библиотеками. Единственным условием для музеев и библиотек, получивших право хранения документальных материалов, стали архивные правила учета документов не по музейным номерам, а по архивным шифрам в описях. Этот порядок сохраняется и сейчас, но система научно-справочного аппарата музеев создается для служебного использования, она закрыта для исследователя и, соответственно, мало эффективна.

Приятным исключением из общего правила является удаленный доступ к НСА федеральных государственных музеев, но при сотрудничестве с частными, ведомственными, муниципальными, краеведческими и школьными музеями возникают большие трудности. Например, Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей, созданный по частной инициативе, не позволяет даже взглянуть на описи своих фондов, ссылаясь на то, что это внутренняя и закрытая информация³⁰⁰. Главный хранитель и сотрудники не идут на личный контакт и не реагируют на запросы через электронную почту.

К типу муниципальных городских краеведческих музеев относятся Раменский историко-художественный музей³⁰¹ и Ногинский музейно-выставочный центр³⁰². В первом, согласно внутренней инструкции о порядке работы в фондах с музейными предметами, принято, что работа с фондами на безвозмездной основе разрешается только сотрудникам музеев. Остальным желающим за работу в фондах нужно платить согласно прейскуранту, и это является официальной позицией.

В отсутствие главного хранителя сотрудники музеев не готовы принимать решения, что свидетельствует об отсутствии общепринятого музейного регламента. В Ногинском музейно-выставочном центре описи фондов не

³⁰⁰ Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей [Электронный ресурс] // URL: <https://muzeydela.ru/o-muzee/index.php> (дата обращения 11.02.21).

³⁰¹ Муниципальное учреждение культуры Раменский историко-художественный музей [Электронный ресурс] // URL: <http://ramuz.ru/> (дата обращения 11.02.21).

³⁰² Ногинский музейно-выставочный центр [Электронный ресурс] // URL: <http://noginsk-muzey.ru/istoriya-muzeya.html> (дата обращения 11.02.21).

предоставляются в соответствии с незафиксированным документально непреложным внутренним распорядком – в отсутствие главного хранителя никакие запросы на НСА не обрабатываются, только он определяет права внешнего исследователя, вынужденного либо догадываться о наличии нужных материалов, либо проявлять терпение и настойчивость.

Особенно закрытыми являются школьные музеи, решающие важные задачи патриотического воспитания, в которые исследователи обращаются крайне редко. В таких музеях нет ни положений, ни уставов, ни инструкций по работе с предметами хранения, ни учета музейных фондов, отсутствуют и правила внешнего посещения. Доступ к документальным источникам музеев, как правило, определяется директором школы, который не заинтересован в популяризации музея. Примером тому служит общеобразовательная школа № 10 г. Ногинска. Посещение ее музея разрешается только одновременно по предоставлению официального запроса.

Таким образом, на сегодняшний момент можно говорить о том, что исследователь на чужой территории архивного и музейного учреждения часто оказывается если не бесправным, то практически беспомощным перед бюрократической системой внутреннего распорядка, внутренних нормативных актов и произвола руководителей и сотрудников. Необходимо напомнить, что документальное наследие страны – это «совокупный банк всего человечества», представляющий собой «информационную сеть глобального масштаба, состоящую из отдельных ячеек, клеточек, элементов, каждая из которых занимает особое место в любой конкретной подсистеме и, следовательно, имеет свое неповторимое историко-культурное значение»³⁰³. Именно поэтому, правовое положение исследователя требует особого статуса и правового закрепления для беспрепятственного и бесплатного доступа к документальным источникам отечественного историко-культурного наследия. Государственный архивный фонд России является частью всемирного наследия, общечеловеческой ценностью составляет неотъемлемую часть совокупного многоуровневого мирового информационного пространства.

Литература

Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2003.

³⁰³ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2003. С.479.

Лёзов Игорь Леонидович,
к.ю.н, доцент кафедры теории и истории государства и права
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ.

Л. И. ПЕТРАЖИЦКИЙ О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ НАУКИ «ПОЛИТИКИ ПРАВА»

В период, называемый «золотым веком» отечественного правоведения, которым по праву считают рубеж XIX и XX столетий, в России возникают не только новые труды, новые идеи, но и целые новые концептуальные направления в области правопонимания. Одной из них является психологическая теория права, родоначальником которой был профессор Санкт-Петербургского университета Лев Иосифович Петражицкий.

Интересно, что Петражицкий строит своё учение о праве на христианском миропонимании. В сердцевине его концепции – идеал деятельной любви человека к человеку, звучащий в заповедях Нового Завета. Он воспринимает правоведение XIX века как явление, совершенно не соответствующее критериям научности, и создаёт абсолютно новую правовую доктрину с целью сделать право наукой и заставить служить эту науку общественному благу.

Уже в 1905 году в работе «Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология», Петражицкий ставит вопрос о необходимости приближения правовых исследований к действительным нуждам российского общества. Новым, социально значимым вектором в развитии отечественного правоведения, считает он, должна стать наука политики права, целью которой станет «усовершенствование существующего правопорядка путем научной разработки соответствующих проблем».

Значение этой науки, по мысли Петражицкого, должно заключаться в обоснованном «предопределении тех результатов, наступления которых следует ожидать в случае введения тех или иных законодательных положений» и в выработке таких принципов, методов, и норм, использование которых «сделалось бы причиной предполагаемого желаемого эффекта».³⁰⁴

В той же работе Петражицкий определяет две задачи новой науки: 1) продуманное, рациональное направление как индивидуального, так и массового поведения и 2) «совершенствование человеческой психики, очищение её от злостных, антисоциальных склонностей», а также «насаждение и укрепление противоположных склонностей».³⁰⁵

Идеалом же претворения этой науки в жизнь, а, следовательно, и идеалом развития всей правовой системы для автора является, как уже было сказано выше, не что иное, как «совершенное господство действенной люб-

³⁰⁴ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб, 1905. С. VI.

³⁰⁵ Там же. С. VII.

ви в человечестве». ³⁰⁶ Понимал ли Лев Иосифович Петражицкий утопичность самой возможности достижения указанного идеала путём рационального изменения права? Наверное, да. Но данная мысль звучит в его трудах не как программная цель, а, скорее, как направление, по которому должно развиваться правоведение, если оно желает претендовать на статус социально-значимой и социально-полезной науки.

Более того, по мнению учёного, и без научного осмысления данной проблемы человечество на протяжении всей истории своего существования, во многом неосознанно, использовало право для совершенствования отношений и приближения их к христианскому идеалу. «Под влиянием постоянного психического воздействия права, - пишет он, - народный характер неизбежно изменяется, становится лучше». Миссия же новой науки должна заключаться в «сознательном ведении человечества в том же направлении, в котором оно пока двигалось путём бессознательно-эмпирического приспособления». ³⁰⁷

Современное же ему правоведение, обслуживающее нужды лишь практической юриспруденции, Петражицкий видит находящимся в весьма безотрадном состоянии, которое лучше всего подтверждается тем фактом, что многочисленные споры о сущности даже таких фундаментальных категорий, как объективное право, правоотношение или правовая норма, не находят своего разрешения, а, наоборот, создают огромное разнообразие взглядов и концепций, вызывающих ощущение полной неразберихи и хаоса.

Главная причина такого положения дел, по мнению учёного, заключается в большом количестве накопившихся ложных суждений, часто принимаемых за научные аксиомы, которые Петражицкий образно называет «оптическими обманами» академического правоведения, сравнивая их с убеждением отдельных людей в том, что Солнце вращается вокруг Земли.

Одним из таких «оптических обманов» Петражицкий считал само восприятие юристами сферы правовой действительности. Многие исследователи, полагал он, видят правовые явления, там, где на самом деле их нет, и не видят их там, где они есть. Во «Введении в изучение права и нравственности» учёный объясняет данный феномен на примере отношений, вытекающих из договора аренды. Утверждение о том, что «арендатор обязан платить арендную плату арендодателю», по мнению учёного, не является описанием объективно существующего явления. Обязанность не есть «нечто такое, что находится у арендатора», как вещь у владельца, а право на получение денег «не есть нечто такое, что может быть найдено у арендодателя». ³⁰⁸ Правовую сущность данного явления, которое, собственно, и может быть предметом научного анализа, пишет Петражицкий, следует искать совершенно в другой области, а именно в сознании стороннего наблюдателя, который по ряду причин считает, что у арендатора, действительно, существуют обязанности, а у арендодателя, действительно, существует право

³⁰⁶ Там же. С. VIII.

³⁰⁷ Там же. С. IX.

³⁰⁸ Там же.

требования определённой денежной суммы. Причём, в зависимости от ситуации, этим «третьим лицом», в чьём сознании и выкристаллизовывается правовая реальность, может быть и конкретный человек, и общество в целом.

Таким образом, сфера научного анализа переносится Л. И. Петражицким из области позитивно-правовой догматики в область человеческой психологии. Важно не то, какие положения закрепляет закон; важно то, какие правовые положения модулируются индивидуальным и общественным сознанием и то, какими средствами можно изменять это сознание с целью приближения его к указанному выше общественному идеалу.

По мнению Петражицкого, ключ к разгадке того, почему люди совершают одни поступки и не совершают других, нужно искать в их внутреннем мире, руководствуясь такими категориями, как побуждения, мотивы и эмоции. Не отрицая факта существования так называемого «позитивного права», представляющего собой совокупность правил, которыми пользуются в своей узко-профессиональной деятельности юристы, Петражицкий вводит в философско-правовой оборот понятие «интуитивного права», являющегося отражением исключительно внутренней стороны человеческой личности.

Для объяснения сущности интуитивного права Петражицкий предлагает разделить область этических эмоций, создающих обязанности, на два вида.

В первом случае наше ощущение должного сопровождается осознаваемым нами притязанием другого человека на полагающееся ему благо. Во втором случае внутренне побуждение к действию для другого и на пользу другого возникает в нашем сознании без какого-либо сопутствующего притязания «выгодополучателя» как чего-то ему должного и зависит исключительно от нашей доброй воли.

В первом случае «наш долг ... представляется связанностью по отношению к другому, он закреплен за ним, как его добро, как принадлежащий ему, заработанный или иначе приобретенный им, актив».³⁰⁹

Во втором случае «наш долг не включает в себе связанности по отношению к другим, представляется по отношению к ним свободным, за ними не закрепленным».³¹⁰

Первый вид этических эмоций Петражицкий называет «односторонне-обязательными» или «императивными». Их совокупность определяет собой человеческую нравственность.

Второй вид - эмоции «обязательно-притязательные» или «императивно-атрибутивные». В своей совокупности они и составляют интуитивное право.

Интуитивное право складывается в сознании каждой отдельной личности и становится психологической основой реальной человеческой деятельности. Именно оно, а не законодательные установления, определяет наш образ поведения, наши поступки. Люди, пишет Петражицкий, «фактически

³⁰⁹ Петражицкий Л. И. Теории права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. М., 1910. С. 46.

³¹⁰ Там же.

приписывают на каждом шагу себе или другим разные обязанности правового типа и права и исполняют эти обязанности и осуществляют права во все не потому, что так написано в гражданском кодексе ..., а потому, что так подсказывает им их интуитивно-правовая совесть».³¹¹

Из всего этого вытекает закономерный вопрос о сущности, социальной роли и значении права позитивного. Вообще основное отличие интуитивного права от позитивного в системе Петражицкого лежит в сфере мотивации поведения. Действие интуитивного права предполагает в качестве главного мотиватора внутренние императивно-атрибутивные эмоции самого человека. Механизм действия позитивного права основан на другой мотивационной модели. Здесь основной мотиватор поведения лежит не внутри сознания, а вне его. Этим мотиватором является любой внешний авторитет, ставящий человека в определённые рамки, и заставляющий его поступать тем или иным образом. Таким авторитетом может обладать не только государство. Например, рассуждая о детских взаимоотношениях, Петражицкий рассматривает в качестве источника позитивного права волю родителей, выраженную в приказах или советах, справедливо отмечая, что на ранних стадиях развития ребёнка понимаемое таким образом позитивное право влияет на действия ребёнка сильнее права интуитивного, находящегося в недоразвитом состоянии. По той же логике поведение представителей преступных групп также обусловлено не только их императивно-атрибутивными эмоциями, но и нормами позитивного права, выраженного в неписанных воровских кодексах или просто в предписаниях главарей шаяк.

Позитивное право, безусловно, творит и государство; причём, делает это гораздо активнее других субъектов правотворчества. Какова, по мнению Петражицкого, роль издаваемых государством норм? Во-первых, они являются способом цивилизованного решения конфликта в том случае, если стороны по каким-либо причинам не хотят или не могут решить его на основе «интуитивно-правовой совести». Во-вторых, и это, с точки зрения автора, гораздо важнее, разумная, осмысленная деятельность носителей государственной власти в области нормотворчества способна воспитывать людей и создавать предпосылки для приближения народного сознания и народного духа к евангельскому идеалу. Ещё раз подчеркнём – именно в этом видел Л. И. Петражицкий основную задачу новой науки, которую сам он называл «политикой права».

Литература

Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология/Л.И.Петражицкий. –СПб, 1905.

Петражицкий Л. И. Теории права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1/Л.И.Петражицкий. – М., 1910.

³¹¹ Там же. С. 85.

Львов Алексей Витальевич,

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Школы права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В XVIII В.

В XVIII столетии количество служебных злоупотреблений и правонарушений неуклонно растёт. Самыми распространёнными были взяточничество и казнокрадство³¹². Взятки брали как те, для кого это был почти единственный способ прокормить себя и семью, так и те, кто, находясь на вершине пирамиды власти, ни в чём не нуждался. При этом, чем более высокое положение занимал чиновник, тем больше были размеры взятки и возможности для незаконного обогащения. Чем дальше отстояло место службы от столицы, тем меньше был контроль за администрацией³¹³.

В 1717 г. вернувшийся из-за границы Пётр I начинает политику устраниения против чиновников, преступавших закон. У виновных во взятках, казнокрадстве, нарушении дисциплины и злоупотреблениях по службе конфисковывали земли, лишали чинов, должностей и наград, подвергали телесным наказаниям, а в самых серьёзных случаях – казнили³¹⁴. При преемниках Петра I ситуация продолжала ухудшаться несмотря на жёсткие меры правительства Анны Иоанновны и реальные угрозы наказания за должностные нарушения, вплоть до «смертного осуждения» виновных. Ситуация стала ещё более тяжёлой при Елизавете Петровне, когда смертная казнь фактически не применялась, и самые серьёзные и крупные дела о злоупотреблениях тянулись десятилетиями с самыми ничтожными результатами³¹⁵.

Только в начале царствования Екатерины II количество дел о должностных преступлениях сократилось. Причинами стали не только активные действия правительства и самой императрицы, но и введение казённого жалования, а также низкие цены и незначительная инфляция. Но предпринятые меры были явно недостаточными. Истоки злоупотреблений уничтожены не были. Некомпетентность, безнравственность, различные пороки служащих во всех рангах, чрезвычайная мягкость наказаний и «безгласное молчание» населения, вынужденного содержать администрацию, сохрани-

³¹² Пашенцев Д.А., Дорская А.А. Развитие законодательства о противодействии коррупции в России: тенденции и исторические этапы // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 47-48.

³¹³ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII в. до конца XVIII века. – М.: 2007. С.137; История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России (XVIII – начало XXI в.) / Андреева Н.Н., Звонарев А.В., Калмыкова А.Д., Ладнушкина Н.М., Львов А.В., Рожков А.И., Фёклин С.И. Т.1. Императорская Россия. Хрестоматия. М.: Книгодел; ГАОУ ВО МГПУ, 2016. С. 33, Львов А.В. История отечественной государственной службы. Учебное пособие. – М.: МГПУ, 2018. – С. 25.

³¹⁴ Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: Организация и состав государственного аппарата. – М.: Новосибирск, 2003. С.142–204; Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: 1989. – С.246–247.

³¹⁵ Готьё Ю.В. История областного управления России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1. С.241, 252; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII в. до конца XVIII века. – С.324–328.

лись. Самые крупные дела о преступлениях по службе завершались, как правило, столь мягкими приговорами, что представлялись насмешкой над правосудием. Так губернатор Белгородской губернии, наворовавший лично только деньгами 4600 руб., был Екатериной прощён. Кроме того, ему было разрешено не возвращать в казну ворованное. Тогда как канцелярист, составивший фальшивые документы, был сослан в Нерчинск на работу «на столько лет, сколько он подлогов учинил» с последующим поселением³¹⁶.

Екатерина II окончательно отказалась от старых форм надзора. Контроль стал осуществляться с помощью органов прокуратуры, значение которой в этот период возрастает. Однако сил прокуратуры было явно недостаточно для эффективного надзора за администрацией. Свою роль играло и то, что большая часть правонарушений совершается при личном участии глав местной администрации, назначаемых самой Екатериной II из доверенных лиц. В связи с этим характерны меры, применяемые к провинившимся губернаторам. Как правило, их отрешали от должности, а через год повышали в чине или награждали. Проблема осложнялась и тем, что в злоупотреблениях участвовали не отдельные лица, а порой целые государственные учреждения³¹⁷.

Активную борьбу со служебными злоупотреблениями повёл Павел I. В 1799 г. император проводит ревизию губерний. Итоги ревизии были неутешительными. Многие представители губернской власти не довольствовались казнокрадством, устанавливая собственные поборы с населения, законы нарушались или просто игнорировались, копились недоимки, полиция бездействовала или сама была частью коррупционной системы, на местах в массовом порядке продолжали работать чиновники, уже преданные суду. Но эффективного контроля в этот период создано так и не было³¹⁸.

Литература

Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: Организация и состав государственного аппарата. – М. – Новосибирск: Древлехранилище. 2003.

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – Л.: Лениздат. 1989.

Готье Ю.В. История областного управления России от Петра I до Екатерины II. Т.1. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. 1913.

История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России (XVIII – начало XXI в.) Андреева Н.Н., Звонарев А.В., Калмыкова А.Д., Ладнушкина Н.М., Львов А.В., Рожков А.И., Фёклин С.И. Т.1. Императорская Россия. Хрестоматия. – М.: Книгодел; ГАОУ ВО МГПУ, 2016.

Львов А.В. История отечественной государственной службы. Учебное пособие. – М.: МГПУ, 2018.

³¹⁶ Готье Ю.В. История областного управления России от Петра I до Екатерины II. Т.1. С.253–254, Танков А.А. К истории взяточничества // Исторический вестник. 1888. №10. С.240–244.

³¹⁷ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII в. до конца XVIII века. С.472–476.

³¹⁸ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII в. до конца XVIII века. С.522–526.

Пашенцев Д.А., Дорская А.А. Развитие законодательства о противодействии коррупции в России: тенденции и исторические этапы // Журнал российского права. – 2020. – № 4.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII в. до конца XVIII века. – М.: РОССПЭН. 2007.

Танков А.А. К истории взяточничества // Исторический вестник. 1888. №10.

Рафалюк Светлана Юрьевна,

к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки
ФГБОУ ВО МПГУ

ИДЕИ МОДЕРНИЗАЦИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОЛОНИЙ

С проблемой кризиса империй к концу XIX столкнулись все европейские государства, имевшие колониальную периферию. Пути и сама необходимость сохранения колониальных владений и зависимых территорий, а также укрепления имперских институтов обсуждалась на уровне правительств и законодательных органов метрополий, активно велись и общественные дискуссии, в которых принимали участие как консервативно настроенные империалисты, так и сторонники предоставления колониям большей политической свободы. Необходимость сохранения империй ассоциировалась в европейском сознании со стабильностью и процветанием. Хрестоматийно известная фраза Наполеона III «Империя – это мир» является яркой иллюстрацией к устоявшемуся стереотипу. Модус обладания, пронизавший сознание средних классов служил ощутимой поддержкой позиции аристократии, которая отстаивала имперский статус монархий. Данный тезис одинаково применим и для ситуации в империях, части которых находились в разных частях света, и для территориальных империй, непосредственно граничивших со своей национальной периферией. XIX век придал проблеме необходимости сохранения и расширения империй новый импульс: в колониальную гонку включались новые государства, стремившиеся к политическому и экономическому реваншу за прошлые времена. В то же время игнорировать стремление колоний к самоопределению метрополиям становилось все труднее, в этих условиях практически все монархии встали на путь модернизации имперских взаимоотношений.

История колонизации и внутренней истории империй неплохо изучена, и что-либо прибавить к ней довольно сложно, однако, число публикаций, посвященных данной проблематике, постоянно увеличивается, что подтверждает научную актуальность изучения имперской тематики и стремление переосмыслить опыт неравноправного существования народов в рамках этих огромных государственных образований. В историографии стран, освободившихся от колониальной зависимости, тема колониального наследия является одной из центральных в контексте развития национальных

идеологий и культур, прежде всего, с точки зрения поддержания представлений об их самобытности. Новая колониальная история и современные постколониальные исследования предлагают новые подходы к рассмотрению самого процесса колонизации, выявляя, в частности, его общие типологические черты, характерные для различных стран и регионов и т.д. На этом фоне активно обсуждаются идеи духовной и культурной общности различных групп народов со сходной исторической судьбой, определенными чертами менталитета и т.д. Предметные поля современных колониальных исследований достаточно широки, в частности, в их число входит изучение особенностей формирования государственно-правовых институтов, социальная и культурная история колониальных сообществ, проблема преодоления имперских стереотипов в массовом сознании титульных наций и многое другое. Активно подобная проблематика рассматривается на примере Британской империи.

Часть проблем, связанных с изучением правовых аспектов взаимоотношений колоний и метрополии, носит традиционный характер. В частности, огромный пласт научной литературы посвящен изучению британского колониализма в Индии, однако, точка в изучении проблемы эволюции правового статуса этих крупнейших владений в структуре империи до сих пор в историографии не поставлена. Реальное и провозглашаемое на практике выглядит по отношению к Индии весьма противоречиво. Так, в викторианскую эпоху в публичном пространстве Великобритании активно продвигалась идея «Индия – не колония», в то время как особый статус этих территорий фактически существовал только на бумаге³¹⁹. Совершенно иначе складывалась ситуация в отношении переселенческих колоний, где движение за самоуправление в рамках империи приобрело взрывоопасный характер.

Идеи модернизации Британской империи как пути ее сохранения в последней трети XIX – начале XX вв. стали одними из центральных в общественно-политических дискуссиях в метрополии. Одним из вариантов подобной модернизации выступала идея имперской федерации, возникшая как реакция на стремление переселенческих колоний к самостоятельности³²⁰. Активным сторонником изменений во взаимоотношениях между метрополией и колониями был лидер консерваторов Б. Дизраэли, предлагавший установить систему представительства «белых» колоний в «федеральном сенате» в надежде на будущее укрепление империи. Как известно, отказ удовлетворить требования представительства колонистов в британском парламенте некогда привел к отпадению от империи североамериканских колоний и образованию США, так что уроки истории были усвоены британскими консерваторами. В то же время стремление либералов минимизировать государственные затраты на поддержание экономики колоний и отказ метрополии от политики протекционизма фактически стимулировал

³¹⁹ Антонова Л.В. О применимости термина «колония» к Британской Индии // *Метаморфозы истории*. 2018. – № 12. – С. 172.

³²⁰ Подробнее см.: Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). – Челябинск, 1996. 312 с.

движение за самоуправление в переселенческих колониях, прежде всего, в Канаде³²¹. В середине 1860-х гг. в памфлетной публицистике переселенческих обществ прозвучали идеи преобразования парламентских структур метрополии в равноправные представительные учреждения империи при сохранении определенной самостоятельности колоний в решении внутриполитических вопросов, что фактически означало призыв к созданию имперской конфедерации во главе с имперским парламентом. В самой Британии также не исключалась идея создания общеимперской парламентской ассамблеи, прежде всего, для решения внешнеполитических и финансовых проблем, которую озвучил лорд Рассел в 1869 г.³²²

Дискуссии между либералами и консерваторами о перспективах (а по сути дела – о путях) сохранения империи велись в 1860–1870-е гг. как в парламенте, так и за его пределами, в частности, члены Колониального общества (в дальнейшем – Королевского колониального института) выступали с ультраконсервативных позиций против предоставления самостоятельности «белым» колониям, либералы же, напротив, говорили об ответственности колониальных обществ за собственную судьбу и о необходимости отказа от тотального контроля над ними. Так, У. Гладстон, будучи сторонником идеи античной демократии (по образцу взаимоотношений между древнегреческими полисами), считал единственной альтернативой предоставление независимости переселенческим колониям ради сохранения добровольного союза англо-саксонских народов. Либералы инициировали вывод британских войск с их территорий, что способствовало экономии государственных средств и развитию в колониях собственных вооруженных сил. При этом колониальная активность Великобритании (вне зависимости от того, кто находился у власти – либералы или консерваторы) в отношении стран и регионов, основную массу населения которых составляли коренные народы, не только не снижалась, но продолжала расти. К 1897 г. Британская империя стала крупнейшей в истории, а численность населения, находившегося под скипетром британской короны, составила почти четверть населения планеты³²³.

Очевидно, что идея сохранения и укрепления империи подразумевала различные сценарии для разных по национальному и расовому составу частей империи, особенно это стало очевидно в контексте обострившихся колониальных противоречий между европейскими державами к концу XIX – началу XX вв., когда ставка на укрепление союза с колониями для решения внешнеполитических вопросов стала жизненной необходимостью и актуальной стратегией для Великобритании. Некоторые исследователи даже склонны рассматривать проект модернизации и консолидации империи в этот период как успешный глобалистский проект³²⁴. В итоге последова-

³²¹ Грудзинский В.В. Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. С. 189.

³²² Там же. С. 191-192.

³²³ Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – С. 328.

³²⁴ Богомолов С.А. Концепция «нового империализма» в Великобритании в конце XIX века: англосаксонская версия глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2011. № 2-3(8). – С. 39-42.

тельный уход метрополии от политики тотального контроля в «белых» колониях, а также значительная территориальная удаленность сделали акт предоставления им самоуправления фактически безальтернативным. Это был единственный шанс сохранить связи между различными частями империи и «материнским» обществом метрополии, что привело к возникновению нового правового статуса стремящихся к независимости территорий в качестве доминионов. В правящих кругах Великобритании это подавалось как торжество центростремительных тенденций в империи. В переселенческих колониях действительно активно шел процесс внутренней общественно-политической и экономической консолидации, который нашел сторонников среди самых высокопоставленных чиновников, например, министра по делам колоний лорда Карнарвона. Вслед за Канадой, добившейся статуса доминиона в 1867 г., его получили и другие «белые» колонии – Австралия (Австралийский союз, 1901 г.), Новая Зеландия и Ньюфаундленд (1907 г.) и Южно-Африканский союз (1910 г.), а позднее и часть других владений Великобритании. Дальнейшая эволюция Британской империи в Британское Содружество, Содружество наций и новое Содружество продемонстрировала не только высокий уровень заинтересованности в сохранении единства англо-саксонского мира и взаимовыгодных контактов с другими бывшими частями империи, но и способность правовой системы Великобритании к адаптации в различных условиях. Так, в 20-е гг. XX в. участники Содружества фактически перестали быть частями единого государства, что не означало утраты ими тесных, прежде всего, внешнеполитических связей. Таким образом, реальная политическая и правовая практика идею имперской федерации в итоге отвергла, но идея интеграции, тем не менее, продолжила свое существование.

Внимание, с которым исследователи до сих пор подходят к эволюции правовых институтов и дефиниций в отношении колоний (зависимых территорий, владений и т.п.), свидетельствует об актуальности данного вопроса как для историков, так и для правоведов³²⁵. Дальнейшие сравнительные и междисциплинарные исследования способны более объемно представить эволюцию имперских стратегий на различных этапах исторического развития и попытаться ответить на вопрос о перспективах существования полинациональных государственных образований.

Литература

Андреянова Н.Н., Ващенко А.В., Звонарев А.В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи/Н.Н.Андреянова, А.В.Ващенко, А.В.Звонарев: учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2015.

Антонова Л.В. О применимости термина «колония» к Британской Индии // *Метаморфозы истории*. 2018. № 12. С. 163–176.

³²⁵ См., напр.: Андреянова Н.Н., Ващенко А.В., Звонарев А.В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2015. С. 21; Рогов И.И. Колониальная империя: история и современность. Проблемы определения понятия // *Terra Economicus*. 2011. Т. 9. № 1. Ч. 2. С. 160-165.

Богомолов С.А. Концепция «нового империализма» в Великобритании в конце XIX века: англосаксонская версия глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2011. – № 2–3(8). – С. 39–42.

Грудзинский В.В. Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 220 с.

Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). – Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996.

Рогов И.И. Колониальная империя: история и современность. Проблемы определения понятия // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 1. Ч. 2. – С. 160–165.

Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.

Рогачев Максим Александрович,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРАВОВЕД В. Н. ХВОСТОВ О ПОНЯТИИ ЗАКОНА

В современной теории права признано, что основным по значимости и юридической силе источником права (формой выражения правовых норм) выступает закон. Понимание роли закона в условиях современной социально-правовой динамики должно опираться на исследование его исторического развития, включая эволюцию соответствующих доктринальных представлений. Это относится и к периоду Российской империи, когда происходило становление закона как формы права, и разворачивались дискуссии о месте закона в правовой системе, его сущности и содержательных аспектах. Закономерности, которые возникли в тот период в развитии закона как формального источника права, представляются важными в контексте исследования отечественной правовой традиции с целью понимания дальнейших направлений правовой эволюции в условиях современных глобальных вызовов, включая глобализацию и цифровизацию³²⁶.

В период Российской империи вопрос о понятии закона и его видах был достаточно сложным для теоретиков права. В условиях упомянутого выше отсутствия легального определения закона (фактически до 1906 г.) этот вопрос активно дискутировался в отечественной юридической доктрине. В итоге сложились принципиальные позиции, которые стали преобладать в российской дореволюционной юридической науке. В этом контек-

³²⁶ Пашенцев Д.А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 35.

сте представляет интерес исследование тех воззрений на закон, которых придерживались видные представители юридической мысли Российской империи, крупные ученые-правоведы.

В рамках данной статьи для анализа избрана работа известного дореволюционного правоведа В. Н. Хвостова, выполненная в жанре учебных пособий, который предполагает устоявшееся и проверенное знание. Вениамин Михайлович Хвостов был заслуженным профессором Московского университета, специалистом по римскому праву и социологии.

Рассматриваемая работа В.М. Хвостова, выдержавшая в дореволюционной России несколько переизданий, носит название «Общая теория права: Элементарный очерк». Закону в этой книге посвящен отдельный параграф, из названия которого следует, что закон рассматривается автором в его соотношении с обычаем. Отметим, что данный вопрос – соотношение закона с другими источниками права, прежде всего, обычаями и указами – представлялся важным для многих теоретиков права дореволюционной России, о чем может свидетельствовать анализ их работ³²⁷.

В. М. Хвостов рассматривает закон в контексте его соотношения с другими источниками права, и переходит к рассмотрению этих аспектов сразу после того, как дает понятие закона: «Законом называется юридическая норма, которая получает обязательную силу по предписанию законодательных органов верховной власти, и этими же органами облачается в определенную словесную редакцию, которая никем, кроме законодательных органов, изменяема быть не может»³²⁸. Он четко показывает, что указы как акты исполнительной власти не должны противоречить законам. Также В. М. Хвостов раскрывает преимущества закона перед обычаем. Он полагает, что закон устанавливает более определенный и ясный правопорядок, чем обычай, а также дает меньше возможностей для злоупотреблений со стороны суда. В то же время, в силу своего общего и абстрактного характера закон в некоторых случаях может успешно дополняться обычаем, который представляется более гибким источником права.

Сопоставление закона с иными источниками права является эффективным методологическим приемом, который позволяет выявить и наглядно показать особенности данной формы выражения правовых норм.

Рассуждая о формах и видах законов, В. М. Хвостов вслед за многими другими авторами отмечает, что четкой, легально закрепленной системы в этом вопросе в Российской империи нет, поэтому на практике российские законы могут издаваться в самых различных формах. Стоит отметить, что этот вопрос так или иначе затрагивался многими дореволюционными правоведом, так как он логично вытекал из сложного характера системы источников права в Российской империи, где в юридической практике не

³²⁷ Рогачев М.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного акта в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4. – С. 94-98.

³²⁸ Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. Изд. 5-е. М., 2011. – С. 87.

сложилось минимального четко установленного перечня возможных формальных юридических актов.

Применительно к видам В. М. Хвостов делит законы на основные (конституционные) и обыкновенные, а также на общие и особенные. К числу особенных относятся законы, которые относятся к отдельной местности, либо одному сословию, либо устанавливают какие-либо привилегии³²⁹.

Таким образом, в рассматриваемой работе мы можем наблюдать достаточно лаконичную характеристику закона как формального источника права и с общетеоретических позиций, и применительно к Российской империи и ее правовой системе. Исследуемый автор не вдается в пространные рассуждения о природе закона, что определяется жанром его работы, не предполагающим такого подхода. Изложенные ученым позиции были достаточно типичными для воззрений дореволюционных правоведов, особенно тех из них, которые стояли на позициях юридического позитивизма.

Литература

Пашенцев Д.А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу/Д.А.Пашенцев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 33–39.

Рогачев М.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного акта в Российской империи/М.А.Рогачев// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4. – С. 94–98.

Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк/В.М.Хвостов. Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

Ростиславлев Дмитрий Александрович,

к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Школы права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

А. ТОКВИЛЬ О БЮРОКРАТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ВО ФРАНЦИИ ПРИ СТАРОМ ПОРЯДКЕ

Современную историографию французской революции характеризует стремление к развенчанию мифов. Ревизионистская школа в странах Запада сформировалась во второй половине XX в., в нашей исторической науке она утвердилась в последние 2 десятилетия³³⁰. Исследователи развенчали фундаментальные причины, вызвавшие события революции, поставили под сомнения многие её достижения. Правда, сомнению не подвергается значение революции для формирования современной французской нации, роль «принципов 1789» для конституционной истории Европы, для истории идей

³²⁹ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 96.

³³⁰ Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. – М.: Наука, 2007.

в новое и новейшее время. Причинам революции «повезло» меньше: отказавшись от традиционной трактовки кризиса Старого Порядка с позиций «социальной истории», исследователи объясняют его случайным совпадением по времени различных «негативных факторов», которые периодически случались в истории Франции: финансового дефицита, падения цен, неурожаев, фронды знати и парламентов, голодных бунтов, слабости центральной власти³³¹. Несоответствие между цивилизационным значением революции и случайностью причин, её вызвавших, выглядит диссонансом.

Дискуссия о причинах и характере революции XVIII в. зачастую связана с расхождениями в понимании феномена абсолютной монархии. Авторы новейших исследований отмечали неправомочность отождествления этой формы правления как с бюрократическим государством современного типа, так и с неограниченной властью монарха. Известный труд Н. Хеншелла имеет характерное название «Миф абсолютизма». Исследователь утверждал, что даже «король-солнце» Людовик XIV при принятии властных актов не игнорировал мнения членов совещательных корпоративных органов, таких, как государственный совет, провинциальные штаты, парламенты. Однако тот же Н. Хеншелл описывал неправовые методы централизации власти, к которым правительство прибегало еще во времена кардинала Ришелье³³². Постоянно усиливавшаяся централизация власти и управления, несмотря на исторические, традиционные институты, сохранявшиеся со средних веков – главная тенденция развития французской государственности в новое время.

Эта тенденция была детально описана в сочинении А. Токвиля «Старый порядок и Революция», опубликованном впервые в 1856 г. и не потерявшем своего значения поныне. Автор, родившийся в аристократической семье, унаследовал от предков осознание высокой ценности личной и общественной свободы. Он прославился трудом «Демократия в Америке», в котором доказал возможность существования свободы в условиях, когда народ приобщился к политической (публичной) жизни. Однако, во Франции утверждение принципа гражданского равенства сопровождалось ограничениями свободы. Достаточно указать на диктаторские режимы Конвента в эпоху революции, авторитарные правления Наполеона I и Наполеона III. В труде «Старый порядок и Революция» А. Токвиль утверждал, что истоки этих процессов восходят к бюрократической централизации управления в XVII-XVIII вв.

На основе анализа архивных документов А. Токвиль показал, каким образом исторические органы власти и управления утрачивали свою компетенцию, которая в провинции переходила к назначенным из центра интендантам и подчиненному им аппарату из чиновников-субделегатов. Формально сохранявшиеся городские с–оветы согласовывали все решения с интендантами. А. Токвиль отмечал: «...из переписки интенданта с его субделегатами видно, что правительство следит за всеми городскими делами, за

³³¹ Бovyкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. – М.: АНФ, 2020. С. 23-24.

³³² Хеншелл Н. Миф абсолютизма. – СПб.: Алетейя, 2003. С. 31-37.

самыми мелкими, так же как за наиболее важными. Его запрашивают обо всем, и оно обо всем имеет решительное мнение; оно определяет все, даже праздники». Должностные лица сельских приходов – сборщик и синдик действовали также под непосредственным контролем со стороны интенданта. Собрания жителей приходов сохранялись в XVIII в., но эти признаки свобод А. Токвиль называл «бессодержательными». Приняв решение, сельский сход не мог ни обеспечить его посредством налогообложения, ни заключить договор найма, ни вчинить иск без согласия королевского совета, который представлял на местах интендант. «Чтобы починить церковную кровлю, только что попорченную ветром... необходимо было испросить повеление... [тайного королевского] совета, - указывал автор «Старого порядка, и продолжал: То, что я сказал о городах и приходах, должно быть распространено почти на все корпорации, имевшие отдельное существование и коллективную собственность»³³³.

Как особенность французского абсолютизма исследователи отмечали независимость судов общей юрисдикции, места в которых занимали оффисы – представители семей, купивших должности наследственно³³⁴. А Токвиль описал механизм подчинения и этой ветви власти. Дела, в решении которых было заинтересовано правительство, изымались из юрисдикции традиционных судов и передавались в трибуналы, которыми руководили интенданты и королевский совет. Эта процедура предусматривалась в нормативных актах за подписью короля. В тех случаях, когда более ранний по времени нормативный акт не содержал подобной оговорки, принималась процедура эвокации - формального изъятия дела в юрисдикцию королевского совета. Интенданты, разумеется, прилагали усилия для расширения своей юрисдикции. Парижский парламент, подчеркивавший свою независимость от правительства, утратил административные функции и выступал только как орган политической оппозиции³³⁵.

Централизацию власти и управления при Старом порядке с бюрократическим государством постреволюционной эпохи сближали вал отчетов и переписки. Чиновники составили особую социальную группу, обладавшую корпоративным сознанием. «Уже в то время характерной чертой французской администрации является жестокая ненависть, внушаемая ей всеми теми..., кто обнаруживает желание заниматься административными делами вне ее». А. Токвиль отмечал, что бюрократия преследовала любую общественную организацию, основанную не под контролем чиновников³³⁶. Эти наблюдения автор «Старого порядка...» завершал выводом о неэффективности деятельности правительства, монополизировавшего управление страной: «...эта деятельность часто оказывается непроизводительной и даже вредной, потому что правительство нередко берется делать то, что ему не

³³³ Токвиль А. Старый порядок и революция. – М., 1911. С. 56, 59-60.

³³⁴ Малов В.Н. Тенденции развития государственности: абсолютизм // Всемирная история: в 6 т. Т. 3. – М.: Наука, 2013. – С. 483.

³³⁵ Токвиль А. Указ. соч. с. 61-63.

³³⁶ Токвиль С 69-71.

по силам, или в чем его никто не контролирует»³³⁷. Проявления этой неэффективности автор «Старого порядка...» видел в беспрестанной и бессодержательной нормотворческой деятельности и во внесении бесчисленных изменений в уже принятые нормативные акты, которые не исполнялись.

Между тем, это неэффективное правление стало единственной формой организации общества во Франции XVIII в. А. Токвиль писал, что оно заняло место Провидения, а потому все жители Франции, все корпорации обращались только к центральному правительству. В силу этого Париж приобрел особое значение и влияние, которым не обладали столицы других государств. «Столицы необходимы; но когда голова увеличивается чрезмерно, остальные члены парализуются и все тело гибнет», - тонко замечал автор «Старого порядка...»³³⁸. Следствием поглощения провинций Парижем стало фактическое упразднение исторически формировавшихся средневековых вольностей.

Нагрузка на центральный аппарат и его представителей в провинциях существенно возрастала в связи с объективно увеличивавшимися функциями государства. А. Токвиль отмечал различия в управлении делами между интендантами, занимавшими должность в начале и во второй половине XVIII вв. Если первые, главным образом, стремились не допускать излишнего расходования государственных средств, а также отвечали за подчинение провинции центральной власти, то вторые пытались проводить преобразования, поощряли развитие экономики, занимались строительством дорог и каналов, поддерживали торговлю и в особенности земледелие³³⁹.

Государство Старого порядка было не готово к реализации множества взятых на себя функций. Абсолютная монархия характеризуется не только бюрократическим аппаратом, но и дворянской природой. Дворяне и духовенство не платили основные налоги – талью. Резко выросшие расходы государства заставили существенно увеличить налоги, и несправедливость налогообложения стала особенно заметной. Разбогатевшие буржуа стремились купить дворянские титулы, чтобы не только повысить свой социальный статус, но и избежать возросшего налогообложения. Пытаясь получить дополнительные средства, правительство продавало должности наследственно дворянским семьям, что негативно сказывалось на эффективности работы государственного аппарата³⁴⁰. Кроме того, личный характер монархического правления приводил к частой смене министров под влиянием придворных интриг. В результате многие объективно необходимые преобразования оказались не завершенными или их содержание было существенно выхолощено и искажено³⁴¹.

Неэффективность государственной власти и управления в результате бюрократической централизации проявлялась в форме перманентного фи-

³³⁷ Там же. С 72.

³³⁸ Там же. С. 76-78

³³⁹ Токвиль А. Указ. соч. С. 108, 167-168.

³⁴⁰ Там же. С. 102-110.

³⁴¹ Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник 2005. М.: Наука, 2005. С. 218.

нансового кризиса. Попытки реформ, предпринятые в правление Людовика XVI, оказались безуспешными. А. Токвиль полагал, что причиной неудачи были ошибки, допущенные привилегированными сословиями, которые в течение длительного времени были лишены опыта управления; а также, что более важно, недостатком дальновидности со стороны правительства. Исследователь второй половины XX в. Э. Фор убедительно показал, что реформы Тюрго вызвали неприятие широких слоев населения из-за бюрократического рационалистического подхода, не учитывавшего особенности ситуации в разных провинциях. В результате, упразднение внутренних таможен и провозглашение свободы торговли зерном привели к голодным бунтам. Ошибки других министров, противодействие двора и парижского парламента привели к отставке кабинета Тюрго и свертыванию его реформ³⁴². Восстановление в 1774 г. функций парламента, оплота аристократической оппозиции, упраздненного Людовиком XV, также существенно ослабило позиции реформаторов. А. Токвиль негативно оценил непродуманную административную реформу 1787 г., в частности создание провинциальных и местных собраний, компетенция которых совпадала с полномочиями интендантов и синдиков. Искусственно была создана ситуация двоевластия, разрушавшая систему управления³⁴³.

Не справившись с многообразными функциями, присвоенными бюрократией, государство рухнуло, и его крушение привело к гибели всей цивилизации Старого порядка. При этом традиция управления посредством административной «вертикали» сохранилась. А. Токвиль указывал, что эта традиция в значительной степени определяла особенности политической системы Франции в течение первой половины XIX в., негативно влияя на развитие общественной свободы и на стабильность правлений. Отметим, что она сохранилась во Франции и в новейшее время, проявившись в феномене голлизма и иных «суперпрезидентских» режимов.

Литература

Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. – М.: АНФ, 2020.

Малов В.Н. Тенденции развития государственности: абсолютизм // Всемирная история: в 6 т. Т. 3 / Под ред. Ведюшкина В.А, Юсима М.А. – М.: Наука, 2013. - С. 482-492.

Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламента в 1774 г. // Французский ежегодник 2005. – М.: Наука, 2005. – С. 195 – 222.

Токвиль А. Старый порядок и революция. – М., 1911.

Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 года. – М.: Прогресс, 1979.

Хеншелл Н. Миф абсолютизма. – СПб.: Алетейя, 2003.

Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. – М.: Наука, 2007.

³⁴² Фор Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М.: Прогресс, 1979.

³⁴³ Токвиль А. С. Указ. соч. С. 187-195.

Староверова Екатерина Вячеславовна,
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Всероссийской Академии Внешней Торговли

КАБАЛЬНОЕ ХОЛОПСТВО И СХОДНЫЕ С НИМ ОТНОШЕНИЯ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 Г.

Как известно, в Соборном Уложении 1649 г.³⁴⁴ выделяются два принципиально разных вида холопов. С одной стороны – это полные, старинные и докладные холопы, «купленные люди» и «полоненики иных земель» (ст. 21 и 61 гл. XX Соборного Уложения), которые рассматриваются не только как лица, т.е. как носители тех или иных прав и обязанностей, но и как имущество. Вследствие этого они являются объектами вещных прав и сделок, в том числе – могут передаваться по наследству (ст. 13, 61, 77, 82, 100 и др. гл. XX). С другой стороны – это кабальные холопы, которые в качестве имущества своих господ не рассматриваются (ст. 61 гл. XX). По этой причине кабальных холопов нельзя отчуждать на основании договора или передавать по наследству, а их служба по кабале прекращается со смертью господина.

Исторически происхождение кабального холопства было сопряжено с развитием заемных отношений. То есть возникновение такого рода зависимости изначально было связано с заключением договора займа с условием «за рост служить», которое предполагало отработку должником процентов по займу вместо выплаты их в денежной форме. Работая «за рост», должник не освобождался от обязанности выплатить основную сумму долга, а поскольку средств для этого он, как правило, не имел, то «оставался пожизненно в составе людей феодала»³⁴⁵, и именно эта невозможность де-факто исполнить договорное обязательство создавала условия для возникновения личной зависимости должника от кредитора. В Судебнике 1550 г. была предпринята попытка разграничить договоры займа, не осложненные служилыми отношениями (заемные кабалы), и договоры с условием «за рост служить» (служилые кабалы) за счет запрета замены исполнения денежных обязательств по заемным кабалам отработкой долга (ст. 78 и 82 Судебника 1550 г.)³⁴⁶. Разграничение это, однако, значительно нивелировалось Указом от 15 октября 1557 г., разрешавшим в случае невозможности погашения долга по иску из заемной кабалы выдавать должника кредитору «головою до искупа»³⁴⁷, что де-факто могло порождать отношения личной зависимости. Тем не менее, как отмечал В.М. Панеях, «близость займа по кабале служилой и займа по кабале заемной шла на убыль»³⁴⁸. Окончательное раз-

³⁴⁴ Далее Соборное уложение 1649 г. приводится по: Российское законодательство X – XX вв. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Маньков. – М., 1985. – С. 83-257.

³⁴⁵ Памятники русского права. Вып. 4 / Под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1956. С. 323.

³⁴⁶ Российское законодательство X – XX вв. Т. 3 / Отв. ред. А.Д. Горский. – М., 1984. С. 116.

³⁴⁷ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / Под ред. Н.Е. Носова. – Л., 1986. – № 25. – С. 46.

³⁴⁸ Панеях В.М. Холопство в XVI – начале XVII века. Л., 1975. С. 15.

граничение данных отношений произошло с изданием в 1597 г. Уложения о холопстве, ст. 6 и 7 которого предписывали не требовать с должников возврата денег по служилым кабалам, а самих их выдавать кредиторам «в службу до смерти», причем до смерти последних³⁴⁹. Таким образом, сумма займа превратилась в «жалованье», а служилая кабала преобразовалась в договор, сходный с договором возмездного оказания услуг (личного найма). Теперь служилая кабала не имела ничего общего с договором займа, кроме исторического происхождения. Вместе с тем сходство с договором личного найма оставалось неполным, поскольку согласно статьям Уложения 1597 г. человек, нанявшийся работать по служилой кабале, лишался свободы расторжения договора. Иначе говоря, отношения, возникающие из служилой кабалы, не только де-факто, но и де-юре приобретали характер личной зависимости. Не удивительно поэтому, что именно Уложение 1597 г. было первым законом, где использовалось выражение «кабальный холоп»³⁵⁰.

Соборное Уложение 1649 г. подтвердило основные положения акта 1597 г., установив «жалованье» по служилой кабале в размере трех рублей (ст. 19, 78 гл. XX) и подчеркнув, что кабальные холопы «крепки по кабалам по смерть бояр своих» (ст. 63 гл. XX). Вместе с тем, в главу XX под названием «Суд о холопах» были включены нормы, регулирующие отношения, сходные с кабальным холопством, но напрямую с ним не связанные. Толкования этих норм в научной литературе не всегда являются корректными, что иногда вносит путаницу в понимание института кабального холопства.

Так, например, вызывает недоумение толкование ст. 39 и 40 гл. XX Соборного Уложения, которое приводится в издании «Памятники русского права». В частности, в комментарии к ст. 39 сказано, что «по русскому праву источником кабального холопства являлась несостоятельность должника, который должен был работать на господина до отработки долга»³⁵¹, и далее, в комментарии к следующей статье, утверждается, что «после отработки долга холопы отпускаются на волю», а «если истцы умрут и у них останутся дети, то холопы отрабатывают долг детям умершего господина»³⁵². Создается впечатление, что авторы «Памятников русского права» выделяют две разновидности кабального холопства: одна возникает из служилой кабалы и прекращается смертью господина, другая возникает из несостоятельности должника и прекращается отработкой долга. Однако ни терминологически, ни по существу отношения, связанные с отработкой долга, в Соборном Уложении кабальным холопством не считаются, что и признается большинством исследователей³⁵³.

Итак, в статьях 39 и 40 гл. XX Соборного Уложения упоминается отработка долга по искам, связанным с нарушением договора займа, причем за-

³⁴⁹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. № 47. С. 65.

³⁵⁰ Панях В.М. Указ. соч. С. 22.

³⁵¹ Памятники русского права. Вып. 6 / Под ред. К.А. Софроненко. – М., 1957. С. 370.

³⁵² Там же. С. 371.

³⁵³ См., напр.: Маньков А.Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 124, 127; Российское законодательство X – XX вв. Т. 3. С. 394.

чет работы должника в счет исполнения денежного обязательства производится по определенным тарифам – «а за работу тем людям зачитать в окуп исцова иску мужскому полу по пяти рублей на год, а жонкам и срослым девкам против того вполы, а детям их, которые у них будут болши десяти лет по два рубли за год» (ст. 40), что перекликается с текстом ст. 266 гл. X Соборного Уложения о несостоятельных должниках. Однако речь идет не о каком-то особом виде кабального холопства, а, по сути, лишь о замене исполнения обязательства в гражданском праве, когда вместо выплаты присужденных, но не взысканных денежных средств должник в течение определенного срока работает на кредитора. Юридически право на досрочное расторжение подобных отношений должником не утрачивается и зависит исключительно от его экономических возможностей, что нельзя считать признаком холопства. В равной степени не является признаком холопства и наследование имущественных прав и обязанностей, связанных с отработкой долга. В отличие от обязательств, возникающих из служилой кабалы и неразрывно связанных с личностью как кабального холопа, так и его господина, а потому не входящих в состав наследства, права и обязанности, описанные в ст. 39 и 40 гл. XX Соборного Уложения, не являются для гражданского права сколь-нибудь специфичными и могут наследоваться детьми как должника, так и кредитора точно так же, как наследуются имущественные права и обязанности, вытекающие из обычного договора займа. Кроме того, в отличие от Указа 1557 г., не содержавшего четких положений о тарификации труда и конкретных сроках отработки долга в случае несостоятельности, а, следовательно, де-факто создававшего угрозу возникновения личной зависимости должника от кредитора, ст. 40 гл. XX Соборного Уложения лишена упомянутых недостатков и делает момент прекращения отношений, связанных с отработкой долга, вполне предсказуемым и простым для расчета, что также не может служить признаком холопства.

Вероятно, путаница в толковании ст. 39 и 40 гл. XX Соборного Уложения, допущенная авторами издания «Памятники русского права», проистекает из редакционной ошибки составителей самого Уложения, практически слово в слово повторивших в ст. 39 текст Указа 1557 г. и не исключивших из него упоминания о договорах «за рост служить», которые, как показано выше, действительно порождают отношения кабального холопства, но с 1597 г. не связаны ни с займом, ни с несостоятельностью (банкротством).

С холопством также часто путают службу по «жилым», или «житейским», записям, которая регулируется статьями 43 – 46 гл. XX Соборного Уложения. Службу такого рода В.О. Ключевский назвал «холопством жилым»³⁵⁴, отметив, что «оно развилось из кабального с тех пор, как последнее перестало возникать из займа, соединенного с обязательной работой»³⁵⁵. Позже позицию Ключевского поддержал американский исследователь Ричард Хелли³⁵⁶.

³⁵⁴ Ключевский В.О. История сословий в России. – М., 1913. С. 99.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Хелли Р. Холопство в России 1450 – 1725. – М., 1998. С. 51, 61 – 63.

В действительности служба по жилой записи должна рассматриваться исключительно как явление гражданско-правового характера, не осложненное отношениями личной зависимости. Даже в самом Соборном Уложении (и это уже подмечено В.А. Аракчеевым³⁵⁷) подчеркивается, что по жилым записям служат «из воли», т.е. сохраняя свободу (ст. 104 гл. XX), поэтому такие договоры могут заключаться даже тяглыми людьми, т.е. представителями податных сословий, которым запрещено обращаться в кабальное холопство (ст. 116 гл. XX).

Судя по тексту ст. 43 и 44 гл. XX Соборного Уложения, жилая запись могла строиться либо по модели займа, либо по модели личного найма. В первом случае должники обязаны жить «у того, кому они в работу дадутся до тех мест, пока места они окупятся или отработаются» (ст. 43), причем прямо указывается, что работа выполняется в счет погашения долга по тому же расчету, что в ст. 40, упоминавшейся выше. Во втором случае жилая запись может оформляться по «живот» кредитора, т.е. до его смерти, или «на урочные лета», т.е. на определенный срок, исчисляемый в годах (ст. 44). В отличие от жилых записей, служилые кабалы, порождающие отношения холопства, на «урочные лета» не заключаются, но в чем состоит различие между служилой кабалой и жилой записью в случае, если последняя оформляется на срок жизни кредитора? Ключевое различие обнаруживается в том, что должники по жилой записи не утрачивают право на досрочное расторжение договора и могут в любое время уйти от кредитора при условии уплаты неустойки: «А жити им у них по их живот или урочные лета, а не доживут урочных лет, и на них взять по записи заряд» (ст. 44).

Итак, по Соборному Уложению 1649 г. отношения кабального холопства, равно как и отношения, связанные с отработкой долга по займу или со службой по жилой записи, возникают не иначе как вследствие совершения договора. Однако сходство, проявляющееся на стадии заключения договора, на стадии его расторжения не обнаруживается. Как и в случае с отработкой долга по заемным кабалам, в жилых записях отсутствует один из главных признаков холопства – ограничение права на досрочное расторжение договора по желанию должника, которое ярко проявляется при оформлении служилых кабал.

Литература

Аракчеев В.А. Холопство в России XVII в.: институт, не породивший касту // *Quaestio Rossica*. Т. 4. – 2016. – № 3.

Маньков А.Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1980.

Панеях В.М. Холопство в XVI – начале XVII века. Л., 1975.

Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. М., 1998.

³⁵⁷ Аракчеев В.А. Холопство в России XVII в.: институт, не породивший касту // *Quaestio Rossica*. Т. 4. – 2016. – № 3. – С. 116.

РАЗДЕЛ IV.
**«КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА»**

Борисова Наталья Евгеньевна,
д.ю.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО (ЮВЕНАЛЬНОГО) ПРАВА
В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ:
ЧАСТНЫЙ И ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕСЫ**

Развитие любого государства в той или иной степени связано с модернизацией и реформированием, подразумевающим движение вперед в соответствии с потребностями времени³⁵⁸. Одним из важнейших изменений представляются реформы в области права. Правовая реформа новой России началась еще в 1991 году и привела к принятию Конституции 1993 года, которой на тот момент предрекали недолгое существование.

Как известно, за истекший период Основной закон страны не подвергся существенным изменениям, что свидетельствует о его изначально верном курсе. Был внесен ряд поправок, касающихся сроков, на которые избираются Президент и депутаты Государственной думы ФС РФ; ежегодных отчетов Правительства перед ГД ФС РФ; объединения Верховного и Высшего арбитражного судов; изменений главы 7 «Судебная власть и прокуратура».

Поправки в Конституцию РФ летом 2020 года, одобренные в ходе всенародного голосования, в отличие от предыдущих изменений, имеют иную природу как по форме принятия, так и по характеру самих нововведений.

Среди прочих весьма важных положений остановим внимание на поправках, касающихся детей: их значимости, целей воспитания и развития. Речь идет о новой статье 67.1, где сказано, что «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим». Признание детей приоритетом государственной политики позволяет надеяться на реальные вложения в стратегию и реализацию политики детствосбережения, образования, здравоохранения и правосудия, дружественных к детям³⁵⁹.

³⁵⁸ Подробнее о развитии правовой системы России, ее реформировании и модернизации см.: Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021.

³⁵⁹ Борисова Н.Е. Несовершеннолетний в конституционном формате // Конституционные ценности и ценность Конституции [Текст]: сборник материалов круглого стола с международным участием, проводимого

Ранее в прямой постановке к детям относились следующие конституционные установления: обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7); материнство и детство, семья находятся под защитой государства; забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей (статья 38); каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, ... для воспитания детей (статья 39); родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования (статья 43).

Как видно, для новых положений характерен стратегический принципиальный государственный подход: дети отныне становятся приоритетом государственной политики в целом. До этого речь шла о ряде сфер общественных отношений, в которых дети исторически, традиционно считались участниками, а именно: семья, образование, социальное обеспечение.

Принятая формулировка позволяет утверждать, что «государство повернулось лицом к детям», подняв задачу обеспечения их жизнедеятельности во всех сферах общественной жизни на конституционный уровень.

Большой массив законодательства, регулирующего отношения с участием детей в России, помимо прочего свидетельствует о том, что «детское» (ювенальное) право не относится в чистом виде к праву частному, а скорее, в нем присутствуют и даже преобладают публичные начала. Во-первых, оно объективно объединяет интересы государства с интересами конкретных субъектов права — членов семьи, где есть несовершеннолетние. Государство, как и старшее поколение, видит в детях свое будущее. Во-вторых, в соответствии с российским законодательством ответственность за детей в равной мере несут как родители, так и государство. Это также закрепляют поправки 2020 года: «Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» (статья 67.1). В-третьих, сама семья, неотъемлемым субъектом которой является ребенок, представляет собой ячейку общества, «кирпичик» в основании государства, значимый актор гражданского общества.

Любое конституционное установление конкретизируется в отраслевом законодательстве, тем самым давая вектор развития соответствующей отрасли³⁶⁰. В этой связи в настоящее время идет процесс активной разработки проектов новых нормативных правовых актов, в том числе относящихся к детскому законодательству. При этом, как подчеркнул Президент РФ В.В. Путин, каждая из конституционных норм «должна корректно и ясно раскрываться в ходе законодательных инициатив по реализации положений конституции, в новых законах; ...впереди масштабная и при этом очень тонкая ювелирная правотворческая работа»³⁶¹. Таким образом, опре-

в рамках XV Фестиваля науки города Москвы (г. Москва, 9 октября 2020 г.) / МГПУ, Институт права и управления, Школа права. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С.193.

³⁶⁰ См.: подробнее:

³⁶¹ [Электронный ресурс] // URL: <https://news.mail.ru/politics/43644039/?frommail=1> (дата общения 06.10.2020).

делены ориентиры законотворчества: масштабность, ясность, корректность, тонкость.

Представляется, что в большей степени эти критерии относятся к детскому праву. Поскольку проблема «детского» законодательства заключается еще и в том, что не все из отношений с участием детей подвержены воздействию норм права (например, отношения, связанные с любовью, другими взаимными чувствами ребенка), некоторые ювенальные отношения находятся в «поле» интенсивного регулирования нравственными представлениями, нормами морали».

При этом современные тенденции регулирования всех социальных отношений выражены в превалировании, даже, на наш взгляд, в исключительности правового регулирования. Признавая значение правовых норм с их четкостью установленной ответственности и санкций за неисполнение, нельзя игнорировать или забывать о наличии других социальных норм, прежде всего нравственных. Нынешняя общественно-экономическая формация, в основе которой лежит рыночная экономика, корпоративные интересы, получение прибыли и т.д., не способствует развитию моральных норм как регулятора общественных отношений.

Однако в отношении несовершеннолетних с раннего детства нормы нравственности занимают едва ли не главное место в качестве определяющих правил социальной жизни. Поэтому стремление все отношения в семье (между супругами, между детьми и родителями, а также между внуками и бабушками-дедушками) урегулировать только правом представляются беспочвенными (в прямом смысле этого слова) и малопродуктивными.

По взглядам известных цивилистов и семейведов (О.С. Иоффе, Г.Ф. Шершеневича, Е.М. Ворожейкина), право в области личных отношений может определять только внешние границы их начала и окончания, устанавливать некоторые общие рамки, в которых и будут осуществляться личные семейные отношения. При этом само содержание этих отношений находится вне сферы правового регулирования.

В настоящее время в целях конкретизации новых конституционных установлений инициируется, разрабатывается и выносится на обсуждение значительное количество законопроектов, которые можно отнести к законодательству о детях. С учетом социальной значимости подрастающего поколения как будущего любого государства по-прежнему актуальной остается проблема преступности несовершеннолетних. В этой связи отметим инициативный проект ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»³⁶², который направлен на дальнейшую гуманизацию в отношении несовершеннолетних путем применения медиации как одного из принципов восстановительного правосудия.

³⁶² [Электронный ресурс] // URL: <http://president-sovet.ru/members/blogs/post/4532/> (дата общения 06.10.2020).

Еще одной задачей, требующей решения на уровне государственной политики, остается развитие «здравоохранения, дружественного к детям». Летом прошлого года Президентом РФ было дано поручение о создании единого источника финансирования лечения детей с редкими патологиями, в который будут направлены средства, полученные от повышения налога граждан с высокими доходами. Указом Президента РФ от 6 октября 2020 г. № 614 создана Общероссийская общественно-государственная организация «Фонд защиты детей». Обратим внимание на то, что Фонд создан в целях объединения усилий государства и гражданского общества по защите прав детей, созданию условий, способствующих их всестороннему развитию и воспитанию. Учредителями Фонда защиты детей являются: от имени Российской Федерации – Министерство просвещения РФ; от гражданского общества – Российский детский фонд и Международная ассоциация детских фондов. Председателем избран академик РАО, писатель А.А. Лиханов, заявивший, что государство будет через фонд активно участвовать в проблемах защиты и спасения детства. По всей вероятности, именно фонд и будет заниматься организацией лечения детей с редкими патологиями. По мнению Д. Пескова, Фонд сможет дополнять деятельность детского омбудсмена и участвовать в решении как частных, так и системных проблем, связанных с нарушением прав детей³⁶³.

Самое большое количество готовящихся законопроектов связано с внесением изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об опеке и попечительстве», которые подвергались многократной критике с различных сторон по проблемам недостаточного регулирования суррогатного материнства, действий органов опеки и попечительства, вмешательства государства в лице его органов в дела семьи и т.д.

Стремление четко определить баланс прав и обязанностей семьи (родителей) и государства в отношении детей представляется безусловно важным и остается по-прежнему актуальным. Главное здесь не забывать об очевидном единстве целей и задач семьи и государства в направлении правильного развития ребенка. В качестве итога вышесказанному можно сказать о том, что значительная часть норм и институтов, в той или иной мере относящихся к детскому (ювенальному) праву, находятся «на стыке между частным и публичным правом».

Литература

Борисова Н.Е. Несовершеннолетний в конституционном формате // Конституционные ценности и ценность Конституции [Текст]: сборник материалов круглого стола с международным участием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы (г. Москва, 9 октября 2020 г.) / МГПУ,

³⁶³ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.miloserdie.ru/news/chem-zajmetsya-novyj-fond-zashhity-detej-rasskazal-albert-lihanov/> (дата общения 06.10.2020).

Институт права и управления, Школа права. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С.190-195.

Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская, – М.: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021

Гаврилова Юлия Вячеславовна,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

СТАТУС ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Территорию можно рассматривать как правовую категорию, которая является частью комплексной характеристики любого публично-правового образования на протяжении многих лет. К таким публично-правовыми образованиям помимо самого государства в Российской Федерации начиная с 90-х годов XX века были отнесены только субъекты федерации и муниципальные образования, обладающие особым статусом, основным элементом которого можно считать территорию, на которую распространяется действие принимаемых собственными органами власти нормативных правовых актов. С момента появления предложения о включении в Конституцию Российской Федерации положения о федеральных территориях с последующим изменением ст. 67 Основного закона можно говорить о новой основе для научных дискуссий относительно особенностей территориальной организации российского государства, в целом, и статуса нового вида публично-правового образования, в частности. С учетом того, что данный институт является новым для российского права, и его правовое регулирование нельзя считать завершенным, предлагается обратить внимание на ограниченный перечень вопросов, связанных со статусом федеральной территории в нашей стране.

Если исходить из зарубежного опыта, зачастую статусом федеральной территории (при наличии таковой) в федерации наделяют столицу государства, острова, неосвоенные или иные обладающие определенными характеристиками земли, которые не входят в состав субъекта федерации, что предопределяет в том числе и особенности управления ими и контроля со стороны федеральных органов. Несмотря на некоторые различия в подходах к статусу федеральных территорий отмечается, что их общей чертой является наличие «нормативно закрепленной возможности прямого (непосредственного) или опосредованного управления ими центральными вла-

стями»³⁶⁴, необходимость которого может быть обусловлена культурными, военными и иными факторами.

Интересно отметить, что Конституции РФ оставляет открытым вопрос о том, является ли федеральная территория самостоятельной частью территории России наряду с территориями субъектов федерации, внутренними водами и территориальным морем, воздушным пространством над ними. Таким образом, в качестве одной из проблем можно отметить отсутствие урегулирования вопроса об изменениях в статусе субъекта федерации, в границах которого может быть образована федеральная территория. Кроме того, если для изменения границ территорий, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, требуется учет мнения населения данных территорий (ч. 2 ст. 131 Конституции РФ), то аналогичных конституционных положений относительно изменений границ территорий субъектов федерации, создания федеральных территорий мы не найдем. За пределами конституционного регулирования осталась и организация управления федеральными территориями. Можно обратить внимание и на то, что авторы поправок к Конституции РФ 2020 года посчитали, что конституционные положения получают развитие в статьях федерального, а не федерального конституционного закона, то есть создание федеральной территории представляется менее значимым действием по сравнению, например, с объединением субъектов федерации, и на то, что в части 1 статьи 67 Конституции РФ речь идет о федеральном законе в единственном числе, исходя из чего можно сделать вывод о необходимости принятия федерального закона общего характера, устанавливающего особенности организации власти на публичных территориях.

Однако российским законодателем был избран иной подход, в итоге до или вместо общего закона о федеральных территориях был принят федеральный закон «О федеральной территории «Сириус»». Хотя авторы законопроекта и заявили о необходимости раскрыть понятие федеральной территории, представленное в пояснительной записке к проекту указанного закона определение не может претендовать на универсальность, так как речь идет о предопределенности ее создания, в том числе и необходимостью сохранения олимпийского спортивного наследия. Остальные причины можно поставить под сомнение, так как обеспечение комплексного устойчивого социально-экономического развития и другие задачи должны решаться каждым субъектом федерации, который отвечает и за обеспечение нормальной жизнедеятельности проживающих в нем граждан, что заявлено в качестве одной из целей создания федеральной территории «Сириус». Следовательно, презюмируется неспособность региональных властей достичь указанной цели без кардинальных территориальных и иных изменений, что также заставляет задуматься о неравном положении, в котором окажутся граждане, место жительства которых будет вне федеральной территории.

³⁶⁴Ирхин И.В. Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6 (67). – С. 34.

Однако большее количество вопросов вызывает содержание федерального закона «О федеральной территории «Сириус»» в части закрепления ее статуса, а также иных связанных с ним аспектов, среди которых хотелось бы выделить следующие.

Изначально законодатели не дали четкой и однозначной характеристики федеральной территории, определяя ее в качестве публично-правового образования, имеющего общегосударственное стратегическое значение (ст. 2), одновременно признавая возможность использования словосочетания «федеральная территория "Сириус"» и «муниципальное образование городской округ "Сириус"» как имеющих одинаковое значение (ст. 47), хотя очевидно, что речь должна идти о разных видах публично-правовых образований. В этом контексте можно обратить внимание и на то, что органы публичной власти данной территории осуществляют не только полномочия органов местного самоуправления городского округа, но и полномочия в рамках предметов ведения Российской Федерации, совместного ведения, отдельные полномочия Краснодарского края, а также полномочия, связанные непосредственно с организацией и обеспечением деятельности органов публичной власти федеральной территории и подведомственных им организаций и учреждений. Естественно, что отдельные полномочия Российской Федерации осуществляются в соответствии с нормативными правовыми актами высших органов государственной власти. При этом отметим тот факт, что постановления Правительства РФ в данной сфере должны быть согласованы с Администрацией Президента РФ (ст. 8), что заставляет вспомнить спор о месте данного государственного органа, обеспечивающего реализацию полномочий главы государства, в механизме государства и признать его особое значение, зачастую сопоставимое со значением органов, осуществляющих государственную власть.

Тем не менее, основная роль отводится органам публичной власти федеральной территории, именно им предоставляется право устанавливать особенности регулирования отдельных отношений в федеральной территории, хотя, конечно, данное положение должно быть рассмотрено в дальнейшем с учетом комплексного регулирования, которое будет осуществлено актами разного уровня и разных органов власти.

Статус самих органов публичной власти федеральной территории также вызывает вопросы. Их нельзя отнести ни к федеральным, ни к региональным, ни к местным, хотя положений об иных помимо вышеперечисленных в главе 1 Конституции РФ мы не найдем (ст. 3, 10, 11, 12). Если исходить из того, что создание собственных органов судебной власти указанный закон не предусматривает, то есть обязательный для организации государственной власти принцип разделения властей в границах федеральной территории не реализуется, следовательно, речь должна идти об органах местного самоуправления.

С точки зрения системы перечень органов публичной власти федеральной территории «Сириус» может быть охарактеризован как в большей степени схожий с системой органов местного самоуправления, однако по-

рядок их формирования аналогов не имеет. Так, в состав представительного органа – Совета входят представители граждан, избираемые населением, представители федеральных и региональных органов, назначаемые Президентом РФ, Правительством РФ, высшим должностным лицом Краснодарского края, и глава администрации федеральной территории, назначаемый Советом и возглавляющий администрацию.

Если рассматривать статус членов Совета федеральной территории «Сириус», то одним из вопросов может быть степень их самостоятельности при принятии решений с учетом того, что полномочия лиц, которые были не избраны, а назначены, прекращаются досрочно в случае внесения субъектом назначения представления о досрочном прекращении полномочий. Кроме того, на тех членов Совета, которые осуществляют свои полномочия на непостоянной основе, не распространяется запрет совмещения должностей, в частности, они имеют право замещать государственные и муниципальные должности.

То есть правовое регулирование статуса федеральной территории, будучи сопоставимым и по кругу вопросов, например, связанных с формами непосредственной демократии, и по содержательным элементам статуса, в частности, учредительным актом в виде устава и др., имеет достаточно отличительных особенностей, требующих детального рассмотрения и дальнейшего обоснования, в том числе с учетом позиции Конституционного Суда РФ о невозможности придания федеральным территориям статуса равного статусу субъектов федерации.

Литература

Ирхин И.В. Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей/И.В.Ирхин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6 (67).

Ильин Николай Сергеевич,

преподаватель Гуманитарно-правового колледжа ИПиУ ГАОУ ВО МГПУ

Аспирант 2 курса Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

Научный руководитель: Борисова Н.Е.,

д.ю.н, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

Развитие информационных технологий существенно реформирует деятельность государственных и общественных институтов, переводя их работу на стремительно набирающие популярность цифровые платформы.

Граждане с каждым годом всё больше вовлекаются в различные цифровые проекты, связанные с функционированием электронного правительства, а также с цифровой (электронной) демократией, которая представляет собой совокупность процессов и способов реализации политических прав граждан при активном использовании современных цифровых технологий.³⁶⁵

Великобритания является одним из немногих современных государств, которые активно практикуют вовлечение социальных субъектов в современные демократические институты посредством цифровых технологий. В настоящее время в рассматриваемом государстве действуют две цифровые платформы, связанные с выдвижением гражданской законодательной инициативы, а также с проведением общественной экспертизы законодательных актов и общественным контролем за деятельностью органов власти. Далее рассмотрим особенности каждой из платформ более подробно.

Первой из рассматриваемых цифровых площадок является Evidence Check. История её началась в 1999 году, когда британское правительство заявило о необходимости учёта общественного мнения при решении общественно значимых проблем. Спустя десятилетие Комитет по науке и технологиям Палаты общин Парламента Соединённого Королевства объявил о начале действия упомянутой выше программы. Изначально она была разработана для определения факторов поддержки электоратом государственной политики и степени влияния таких факторов на принятие политических решений.³⁶⁶

Платформа Evidence Check основана на тесном взаимодействии британского правительства, профильных министерств и профильных комитетов британского парламента с населением. Ключевой особенностью этого взаимодействия является возможность граждан напрямую контактировать с органами государственной власти по вопросам реализации той или иной политики государства. Для участников площадки доступно как устное обсуждение, так и письменное обсуждение, при этом все сессии являются открытыми в целях вовлечения большего количества населения для получения максимально разнообразных точек зрения по рассматриваемым проблемам. Всё общение пользователей происходит через специально созданный для этого веб-форум, при этом сами граждане могут комментировать ответы государственных органов, но не могут комментировать ответы других пользователей, что может рассматриваться как недостаток, однако, можно предположить, что это такие параметры были установлены намеренно с целью избежать излишней демагогии.³⁶⁷

³⁶⁵ Ильин, Н.С. К вопросу о развитии прямой сетевой демократии в городе Москве // Право и права человека: Сборник научных трудов молодых ученых / Отв. ред. Д. А. Ростиславлев. – М.: Книгодел, 2017. – С. 164.

³⁶⁶ Cabinet Office (1999) 'White Paper: Modernising Government.' London: Cabinet Office [Электронный ресурс] // URL: https://www.civilservant.org.uk/library/1999_modernising_government.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

³⁶⁷ Simon, J., Bass, T., Boelman, V., Mulgan, G. Digital Democracy. The tools transforming political engagement. London: NESTA, 2017. С. 38.

За время работы площадки Evidence Check был проанализирован интерес британской общественности к различным сторонам государственной политики. При этом были выявлены как процессы, вызывавшие бурное обсуждение, так и процессы, к которым общество не проявляло никакого интереса. Указанные факты можно проследить по количеству комментариев и обсуждений той или иной инициативы властей. Это помогло органам власти понять, каким сферам общественной и государственной жизни следует уделять более тщательное внимание при принятии политических решений.

Со временем работа Evidence Check была расширена до деятельности в социальных сетях, таких как Twitter и Facebook. В данном ключе следует привести пример работы Комитета по делам женщин и равенстве прав Палаты общин, который стал вовлекать в обсуждение очередных законодательных инициатив узко ориентированные группы в социальных сетях, что в последующем позволило получить более качественную экспертную оценку законопроектов. Используя подобный опыт, британские власти привлекают к общественной экспертизе законопроектов граждан и общественные организации, имеющих большую заинтересованность в решении общественно значимых проблем и имеющих более профессиональную точку зрения по рассматриваемому вопросу.³⁶⁸

Результаты, полученные в рамках работы Evidence Check, постоянно докладываются в рамках Министерских брифингов в нижней палате британского парламента. На основе представленных данных британские власти корректируют национальную политику и перераспределяют финансовые и административные ресурсы для решения наиболее острых проблем.

Второй площадкой, особенностями которой предлагается рассмотреть в рамках настоящего исследования, является Public Reading Stage. В 2004 году Палата лордов в своём четырнадцатом докладе о парламентских и законодательных процессах указала, что Парламенту Соединённого Королевства следует обеспечить доступ общественности к информации о деятельности парламента, а также предоставить ей возможность проводить консультации по оценке законопроектов с использованием электронных ресурсов. В 2009 году Комитет по реформированию Палаты общин заявил о необходимости привлечения широких масс к законодательному процессу.

Таким образом, в 2010 году был дан старт пилотному проекту под названием Public Readings. Основной идеей проекта являлась возможность публичного обсуждения законопроектов в режиме онлайн. С 2010 по 2013 годы прошло пилотное обсуждение трёх законопроектов. Каждый предлагаемый парламентом билль активно мог обсуждаться гражданами в течение двух-трёх недель. Однако, пилотное обсуждение биллей вскоре показало недостатки такой формы вовлечения населения в обсуждение государственных вопросов.

Так, было обнаружено, что население больше уделяло внимание законопроектам социальной направленности. В качестве примера следует при-

³⁶⁸ Там же. С. 39.

вести 23 комментария к законопроекту о пожертвованиях против 1000 к законопроекту о детях и семьях. Также отмечалось, что участие в обсуждении принимали, как правило, одни и те же люди, а комментарии большинства участников обсуждения не имели каких-то существенных предложений касательно рассматриваемых биллей.³⁶⁹

Помимо указанных проблем, парламентская электронная платформа также имела существенные технические недостатки. Было выявлено, что юридический язык был сложен для понимания обывателями, а объём предлагаемых для обсуждения документов казался чрезмерно большим и отпугивал потенциальных общественных экспертов. Также ситуацию усугубляло отсутствие чётких инструкций по взаимодействию между парламентом и общественностью в рамках онлайн-обсуждения законопроектов, а иногда и отсутствие обратной связи между участниками процесса.

Также нарекание вызывала и работа парламентариев. Получив отзывы о законопроекте, они затягивали их рассмотрение, чаще всего осуществляли выборочное ознакомление с мнениями граждан. Больше скептицизма в успех проекта добавляло и то, что правящие круги отказывались принимать мнение простого населения по предлагаемым проектам законов.

В последующем, учтя названные выше проблемы, работа платформы Public Reading Stage была скорректирована, а парламентарии приняли решение сфокусировать онлайн-обсуждение только на наиболее важных социальных законопроектах, что, однако, не привело к росту популярности интернет-ресурса.³⁷⁰

Подводя итоги, следует сказать о социально ориентированном характере цифровой демократии в Великобритании. Британская власть заинтересована в тесном сотрудничестве с общественностью, поскольку получение отклика от граждан и организаций позволяет активно реагировать на постоянно меняющееся настроение электората. Сложно судить об успехе такого подхода к ведению государственных дел ввиду субъективности восприятия тех или иных решений органов государственной власти, однако, нельзя не восхититься попыткой создать некое подобие живого и эффективного общения правящей элиты с народом, что всецело соответствует духу правового государства, который веками взращивался в умах британских граждан.

Тем не менее, нельзя говорить о совершенстве такой системы, поскольку разнородность политического, социального, правового и экономического развития отдельных индивидов, а также неурегулированность ряда технических процессов и подчас непрофессиональное отношение органов государственной власти не способствуют быстрому развитию демократических процедур.

³⁶⁹ Там же. С. 39.

³⁷⁰ Там же. С. 40.

Литература

Ильин, Н.С. К вопросу о развитии прямой сетевой демократии в городе Москве // Право и права человека: Сборник научных трудов молодых ученых / Отв. ред. Д. А. Ростиславлев. – М.: Книгодел, 2017. – С. 164-167.

Simon, J., Bass, T., Boelman, V., Mulgan, G. Digital Democracy. The tools transforming political engagement. London: NESTA, 2017. 99 с.

Cabinet Office (1999) 'White Paper: Modernising Government.' London: Cabinet Office [Электронный ресурс] // URL: https://www.civilservant.org.uk/library/1999_modernising_government.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

Корчагина Тамара Владимировна,

к. п. н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 Г.

Конституционная реформа 2020 г. стала закономерным этапом в развитии отечественного конституционализма. В ней проявилась как специфика российской конституционной традиции, так и влияние тех процессов, которые происходят сегодня в мире и определяют динамику правовой сферы.

В современных условиях человечество вступило в эпоху серьезных трансформаций, которые вызваны логикой разнонаправленных процессов: глобализации, регионализации, цифровизации и технологизации. В результате прежняя модель общественных отношений не соответствует новым вызовам, она не может обеспечить поступательную динамику общества и государства, а потому закономерно изменяется. Формируется новый миропорядок, что неизбежно сказывается на праве, его формах, содержании и практическом значении.

Конституция России 1993 г., которая обеспечила стране переход от социалистического общества к рыночной экономике, в условиях новых вызовов уже не отвечает требованиям, ряд ее норм устарел. Кроме того, в условиях возрастающего внимания к отечественной конституционно-правовой традиции некоторые конституционные нормы негативно воспринимаются значительной частью общества. Это и стало одной из объективных причин конституционной реформы.

В обществе сформировался запрос на изменение государственной политики в ее конституционно-правовом выражении. Этот запрос стал комплексным и многосоставным, причем одной из его сторон стала большая требовательность к государству в плане гарантий прав граждан, их реализации и защиты. Поэтому некоторые изменения, внесенные в текст Конституции в 2020 г., были в существенной степени ориентированы на сформиро-

ванный в обществе запрос, связанный с закреплением традиционных ценностей³⁷¹.

К числу тех ценностей, которые всегда находили наибольший отклик у народов, населяющих Россию, всегда входила социальная справедливость. Поэтому проведение сбалансированной социальной политики можно рассматривать как одно из условий легитимации российской государственности.

Цифровизация, которая может сегодня рассматриваться в качестве одного из главных векторов общественного и государственного развития, влечет за собой определенные риски, в том числе, усиливает существующее социальное неравенство. Поэтому возникает вопрос о социальных гарантиях для уязвимых слоев населения. Перед государством стоит важнейшая задача - не допустить роста бедности и нищеты, снижения жизненного уровня населения России. В силу этого ряд поправок к Конституции Российской Федерации обусловлен необходимостью конституционного закрепления некоторых важных социальных гарантий, в том числе, минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума³⁷². Такое закрепление призвано повысить уровень этих гарантий, обеспечить реальное их выполнение в непростых условиях социальных трансформаций и глобальной турбулентности.

Процессы глобализации, сопровождаемые цифровизацией, влекут за собой разрушение традиционных устоев, смену моральных ориентиров, и это неизбежно сказывается на содержании норм права³⁷³. Например, в некоторых странах наблюдается утрата прежних ценностей, в том числе, семейных. В отдельных государствах легализованы однополые браки, однополым семьям законодательно разрешено усыновлять детей. Подобную утрату западным обществом вековых моральных ориентиров можно рассматривать как еще один вызов российскому обществу, которое продолжает сохранять консервативные взгляды на семейные отношения. В этой непростой ситуации государство при поддержке общества сочло необходимым закрепить в Конституции традиционное понятие семьи как союза женщины и мужчины. Такое закрепление имеет важное социальное значение, так как направлено на укрепление общества, стимулирование демографического развития, воспроизводство духовно-нравственных ценностей.

Таким образом, конституционная реформа имеет не только политическое, но и социальное содержание, которое определяется всей логикой государственного и общественного развития. Новая социально-экономическая ситуация требует повышенного уровня социальных гарантий населения, которое в условиях глобальных трансформаций должно сохранять возможно-

³⁷¹ Исраелян В.Б. Конституционная модернизация в контексте отечественных традиций и новых вызовов // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 87.

³⁷² Корчагина Т.В., Николаев А.И. Российский конституционализм в условиях новой информационной реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 44.

³⁷³ Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 29.

сти для достойного уровня жизни, а также иметь традиционные нравственные ориентиры. На современном этапе развития норма Конституции о том, что Российская Федерация является социальным государством, потребовала подкрепления иными нормами, чтобы в меняющейся экономической и политической реальности не превратиться в декларативное, лишённое юридического содержания положение. Соответствующие изменения в ряд статей Основного закона были предложены, обсуждены и приняты. Данные поправки существенным образом усиливают социальную направленность Конституции Российской Федерации, повышают степень ее позитивного влияния на динамику отношений в социальной сфере.

В целом, принятие конституционных поправок, имеющих выраженную социальную направленность, вызвано той новой и непростой ситуацией, которая в современных условиях сложилась в России и мире. Социальные поправки в Конституцию повышают уровень гарантированности соответствующих прав российских граждан, наполняют конституционную норму о социальном характере нашего государства конкретным смыслом, легитимируют как конституционную реформу, так и дальнейшее развитие государственности в условиях глобальной турбулентности и новых вызовов.

Литература

Израелян В.Б. Конституционная модернизация в контексте отечественных традиций и новых вызовов/В.Б.Израелян // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 86–89.

Корчагина Т.В., Николаев А.И. Российский конституционализм в условиях новой информационной реальности/Т.В.Корчагина, А.И.Николаев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 42–47.

Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации/Д.А.Пашенцев // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 29–32.

Пономарев Михаил Викторович,

к.и.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин школы права института права и управления ГАОУ ВО МГПУ, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки
ФГБОУ ВО МПГУ

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА» КАК ДОКТРИНАЛЬНАЯ НОВЕЛЛА И ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Российская конституционная реформа 2020 года, в том числе процедура ее подготовки и проведения, юридическое содержание и доктринальная направленность изменений, внесенных в текст Основного закона, порядок их утверждения, стали предметом общественно-политической и профессиональной дискуссии. В числе неоднозначных по значимости новелл нередко

называют статью 67.1, которая характеризует основы исторической субъектности российского общества – государственное единство, сложившееся в ход тысячелетней истории, преемственность в развитии Российского государства, в том числе правопреемственность Российской Федерации с Союзом ССР, «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», а также закрепляет роль воспитания патриотизма, гражданственности и уважения к старшим в ряду приоритетных задач государственной политики России в области защиты детства. Часть 3 данной статьи гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Смысловая направленность подобных поправок вполне очевидна – речь идет о доктринальных положениях, призванных способствовать укреплению общероссийской идентичности. Вопрос о конституционной идентичности как «зеркале» национального самоопределения в условиях кризиса глобалистской парадигмы и сложных социальных процессов современности начал активно обсуждаться в нашей стране еще с середины 2010-х гг. Апелляция к историческому опыту нации является одним из естественных условий такого процесса: «Такая идентичность – это не застывшее состояние, а диалогический процесс, представляющий собой совокупность убеждений и идей из исторического прошлого каждой страны, которые заново переосмысливаются в каждую новую эпоху»³⁷⁴. Однако использование категории «историческая правда» в ряду «маркеров» конституционной идентичности вызывает вопросы и в концептуальном плане, и с точки зрения перспектив правоприменения.

«Прямое прочтение» принципа защиты исторической правды подразумевает дихотомическую логику противостояния с «исторической ложью». Об этом в Послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 года вполне однозначно заявил президент РФ В. В. Путин: «Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны будем противопоставить факты»³⁷⁵. В российском медийном пространстве и в умонастроениях немалой части российского общества в последние годы закрепилось устойчивое представление о «развязанной против России информационной войне», частью которой является фальсификация исторического прошлого: «Фактов целенаправленного искажения истории накопилось немало, а их преумножение подтверждает стремления ослабить Россию, не допустить укрепления ее влияния в мире, использовать богатства ее территории в своих интересах»³⁷⁶. В качестве примеров таких фальсификаций, ставших инструментом геополитической борьбы, называют резолюцию ПАСЕ «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммуни-

³⁷⁴ Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 4 – С. 12.

³⁷⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 года [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 01.02.2021).

³⁷⁶ Тихонова В. А. Историческая память: духовно-этический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 2 (94). – С. 11.

стических режимов» (2006), резолюции Европейского парламента «О европейской совести и тоталитаризме» (2009) и «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (2019), Декларацию Европарламента о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (2008).

При всей значимости защиты национальных интересов в плоскости современных «боев за историю», необходимо признать, что конституция уже по своей природе не может быть инструментом политического противостояния на международной арене. Равным образом, конституция не может использоваться как средство борьбы против инакомыслия внутри самой страны. И речь идет не только о «стандартах демократии», но и о поисках путей укрепления национальной идентичности. Признание идеологического многообразия одним из базисных принципов общественного строя, закрепление свободы убеждений и гарантии права на их открытое выражение в общественной жизни являются важнейшим фактором стимулирования гражданского активизма, в том числе вовлечения граждан в процесс исторической рефлексии и формирования конституционной идентичности как прочного мировоззренческого консенсуса³⁷⁷. Следовательно, защиту исторической правды необходимо трактовать в конструктивном ключе – как процесс закрепления и актуализации исторической памяти общества, сосредоточение усилий на превращении исторической памяти в рефрен национального самосознания и гражданского «общественного договора», а не сводить ее к противостоянию с «фальсификаторами». Но отвечает ли такой конструктивной задаче использование самой категории «историческая правда»?

Если категория «исторической правды» не связывается с бинарным противопоставлением «лживым» утверждениям, то она может ассоциироваться с вполне нейтральным и продуктивным понятием «исторический факт». Но установка на защиту исторической правды как формирование представлений о прошлом на основе «строгих научных фактов», вызывает критику, как минимум, по двум основаниям. С одной стороны, очевидно, что задача «показывать историю так, как это было» характеризует парадигмальную специфику исторической науки XIX века и диссонирует с актуальными эпистемологическими тенденциями. «Ремесло» историка в наши дни неотделимо от многообразия и плюрализма методологических подходов, творческой интерпретации явлений и процессов, дискурсивной культуры репрезентации прошлого в нарративах и образах, связанных с совершенно разными когнитивными стилями. В полной мере эта тенденция характеризует и историко-правовые исследования³⁷⁸. С другой стороны, необходимо учитывать, что в качестве конституционного принципа установка на защиту исторической правды сопряжена не с борьбой за «чистоту исторической науки», а с необходимостью укрепления и актуализации историче-

³⁷⁷ Гаврилова Ю. В., Мещерякова Т. Ф., Ростокинский А. В., Половникова А. В., Соломатина Е. В. Право на свободу убеждений. Как не попасть в экстремистскую организацию? – М.: Книгодел, 2018. – С. 10–11.

³⁷⁸ Пашенцев Д. А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование 2013. – № 1. – С. 7–9.

ской памяти как одного из ключевых элементов национальной идентичности. А феноменология «исторической памяти» совершенно не связана с научной доказательностью – «она является в той же мере результатом сознательной манипуляции, сколь и бессознательного усвоения, и всегда опосредована»³⁷⁹. Историческая память представляет собой виртуальный континуум, отражающий особенности национального менталитета, архетипические образы, мировоззренческую рефлексию, нелинейное сочетание образовательных, культурно-просветительских и научно-исследовательских дискурсов, художественные формы репрезентации прошлого. Категория «правда», понимаемая как «научная истина», практически неприменима в данной сфере: «Историческая память нужна вовсе не затем, чтобы “точно” знать прошлое, а затем, чтобы иметь его»³⁸⁰. Это отнюдь не означает, что историческая память представляет собой совокупность мифов, антагонистичную по отношению к исторической научной картине мира. Но верификация любых элементов исторической памяти связана не со сциентистскими процедурами, а с восприятием событий прошлого на знаково-символическом уровне.

Все это парадоксальным образом и придает категории «историческая правда» принципиально важное значение – именно *наша* «правда», а не *объективная* «истина» становится основой такой верификации. Но тем больше вопросов вызывает использование этой категории как юридической. Если «историческая правда» ассоциируется не с торжеством «точности» и «объективности», а рассматривается как система оценочных суждений, причем воспринимаемых в значительной степени иррационально и в тесной связи с мировоззренческой рефлексией, то применение в этой сфере формально-юридических инструментов крайне ограничено и даже опасно, если речь идет о юридической ответственности за «неправильные» интерпретации прошлого³⁸¹. Но позитивная роль категории «историческая правда» раскрывается совершенно в ином ключе, если рассматривать ее в ряду новелл, связанных с органическим, а не формально-юридическим правопониманием. В этом контексте право понимается именно как «правда», а его легитимизация сопряжена не с формально-юридическим регулированием и даже не с демократическими процедурами, а с торжеством «справедливости» как исторически и культурно обусловленного нравственного императива. Тем самым, существенно меняется и доктринальная трактовка самих основ конституционного строя – его легитимация также соотносится не

³⁷⁹ Никифоров А.Л., Соколова Т.Д. Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 82.

³⁸⁰ Вевюрко И.С. Историческая правда: к уточнению понятия // Информационные войны. – 2009. – № 1 (9). – С. 43.

³⁸¹ Конституционный Суд РФ в Заключении от 16 марта 2020 г. установил, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ не нарушает конституционный принцип идеологического многообразия, поскольку она не может толковаться как устанавливающая государственную или обязательную идеологию. Однако внесение в Государственную Думу спустя два месяца законопроекта, предлагающего ввести уголовную ответственность за «фальсификацию исторических фактов о причинах и итогах Второй мировой войны», стало показательным примером таких рисков – гипотеза предлагаемой нормы исходит из представления о «неправильной» интерпретации событий прошлого как осознанном «отрицании фактов», причем в экстремистских целях.

столько с соблюдением формально-юридических критериев законности и, тем более, не с императивом состязательной, плюралистической демократии, а с исторической преемственностью в развитии государства, культурной самобытностью народа и его исторической миссией, героикой прошлого, раскрывающей торжество «народного духа». Именно в этом ряду знаково-символических образов, а не оснований для формально-юридического регулирования следует рассматривать и такие новеллы российского конституционализма как «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» или статус русского народа как государствообразующего.

Литература

Вевюрко И. С. Историческая правда: к уточнению понятия/И.С.Вевюрко // Информационные войны. – 2009. – № 1 (9). – С. 43–45.

Гаврилова Ю. В., Мещерякова Т. Ф., Ростокинский А. В., Половникова А. В., Соломатина Е.В. Право на свободу убеждений. Как не попасть в экстремистскую организацию? – М.: Книгодел, 2018. – 88 с.

Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика/В.Д.Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 4. – С. 1–12.

Никифоров А. Л., Соколова Т. Д. Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений/А.Л. Никифоров, Т.Д.Соколова // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 81–85.

Пашенцев Д. А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки/Д.А.Пашенцев // Право и образование – 2013. – № 1. – С. 4–11

Тихонова В. А. Историческая память: духовно-этический аспект/В.А.Тихонова// Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 2 (94). – С. 6–12.

Стрельников Антон Олегович,

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Проблема ответственности исполнительных органов власти в лице Правительства РФ с точки зрения обеспечения эффективности работы механизма государства является весьма актуальной. Открытым остается вопрос и о субъектах, уполномоченных к такой ответственности привлекать. В настоящее время по данному вопросу можно отметить тенденцию перераспределения полномочий в пользу законодательной ветви власти. Так, в

2020 году Президент России в своем послании палатам парламента предложил изменить порядок формирования Правительства и доверить нижней палате парламента утверждение кандидатуры Председателя Правительства РФ. Позже состоялась соответствующая конституционная реформа и в 2020 году был принят новый Федеральный конституционный закон о Правительстве Российской Федерации.

Тем не менее, в указанном нормативном правовом акте по-прежнему сохраняется ряд недостатков, мешающих развитию института конституционно-правовой ответственности. Например, в статье 11 указывается, что Президент вправе освободить члена Правительства от должности, однако перечень оснований для этого не указан.

Ни указанный ФКЗ, ни обновленная Конституция не содержат в себе перечень конкретных санкций, которые могут быть применены к членам Правительства. В статье 27 данного ФКЗ провозглашается персональная ответственность Председателя Правительства перед Президентом. Однако никаких механизмов, предусматривающих санкции такой ответственности, указанный закон не содержит. Поэтому данный принцип является скорее идеологической составляющей, чем реальным юридическим механизмом. Очевидно, что для повышения эффективности необходимо, безусловно, разработать такой механизм и предусмотреть перечень оснований и санкции для Председателя Правительства, которые по отношению к нему может применять Президент РФ.

В связи с особым правовым статусом данного должностного лица, а также других членов Правительства, вопрос о применении к ним по аналогии с нормами трудового законодательства, в части дисциплинарной ответственности, является достаточно дискуссионным. По результатам конституционной реформы 2020 года в Конституции России появились специальные нормы, дополнительно устанавливающие ограничения для членов Правительства, а именно: запрет на гражданство иностранного государства, либо вида на жительство, запрет иметь иностранные вклады (счета) и другие запреты. Эти нормы Конституции были взяты из Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Представляется, что за нарушение указанных норм, с учетом их важности, применение по аналогии таких санкции дисциплинарной ответственности как замечание или выговор не представляется рациональным, а единственной адекватной санкцией для члена Правительства в таком случае будет освобождение его от занимаемой должности.

Существенным недочетом является отсутствие среди субъектов, уполномоченных освобождать членов Правительства РФ от занимаемой должности, Государственной Думы. Т.е. фактически данный орган не имеет реальных возможностей привлечения членов Правительства к конституционной ответственности. Как отмечает Занко Т.А., среди отклоненных поправок такие предложения были, в частности интересной представляется инициатива о предоставлении Государственной Думе права выражать недоверие не только Правительству целиком, но и отдельному члену Правитель-

ства³⁸². Однако данная инициатива не нашла поддержки в самом органе законодательной власти и принята не была.

С 2020 года у нижней палаты парламента появилось право утверждать кандидатуру Председателя Правительства (вместо дачи согласия), а также кандидатур его заместителей и федеральных министров, внесенных данным лицом на утверждение Государственной Думы (за исключением ряда федеральных министров). Однако возможности Государственной Думы и в этом случае сильно ограничены.

Достаточно закономерным становится вопросы об индивидуальной (персональной) ответственности членов Правительства, прежде всего тех, кандидатуры которых утверждаются Государственной Думой. Государственная Дума должна иметь реальную возможность применять санкции конституционной ответственности иначе в этом случае процедура утверждения в должности является неоправданной. Об этом говорят и другие авторы. Так, Н.В. Мамитова и А.В. Чепус отмечают, что необходимо создать действенный механизм контрольных полномочий парламента, внести изменения в законодательные акты, позволяющие напрямую, без участия Президента РФ, применять к членам Правительства РФ меры конституционно-правовой ответственности³⁸³. По своему семантическому значению термин «утверждение» имеет более весомый характер, чем термин «дача согласия», что еще раз подтверждает необходимость разработки механизма реальных санкций.

В соответствии с п.7 ст.13 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» Правительство представляет нижней палате парламента ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам поставленным самой Государственной Думой, однако никаких санкций по итогам рассмотрения таких отчетов в случае признания их неудовлетворительными либо непредоставления их в установленный срок для Правительства или его членов не предусмотрено.

Согласно п.8 этой же статьи члены Правительства вправе присутствовать и выступать на заседаниях палат парламента, однако обязанности присутствовать на таких заседаниях, в том числе и по требованиям данных палат не установлено. Также не установлено и санкций за неявку. Кроме того, даже сам закон предусматривает второстепенность данной процедуры, поскольку вместо термина «требование палат Федерального Собрания» статья содержит формулировку «приглашение палат Федерального Собрания», что само по себе подразумевает добровольность посещения парламента членами Правительства.

По-прежнему существенным недостатком, который не был устранен и в ходе реформы 2020 года, является право роспуска Государственной Думы Президентом при выражении ею повторного недоверия Правительству РФ,

³⁸² Занко Т.А. Конституционные поправки 2020: влияние на федеральную исполнительную власть // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – №3. – С.16.

³⁸³ Мамитова Н.В., Чепус А.В. Совершенствование российского законодательства в сфере ответственности Правительства Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. – № 7 (223). – С. 16.

что значительно ограничивает возможности нижней палаты парламента. Это отмечают и ряд других авторов. Например, А.В. Щуковский констатирует, что существующая модель выражения недоверия Правительству в Российской Федерации не обеспечивает на достаточном уровне баланс исполнительной и законодательной власти в системе сдержек и противовесов³⁸⁴. Представляется важным такое право роспуска упразднить и при повторном выражении недоверия Правительству оставить для Президента только один вариант – отставку Правительства.

Таким образом, несмотря на позитивные изменения в части развития института конституционной ответственности Правительства, текущее законодательство не лишено недостатков. Главным недостатком, по нашему мнению, является в целом отсутствие реальной возможности палат парламента применять какие-либо санкции к Правительству или его отдельным членам. Основаниями применения таких санкций могут быть как результаты парламентского расследования, так и признание ответов членов Правительства на вопросы неудовлетворительными. Санкциями могут быть как замечание и выговоры, выраженные нижней палатой, так и освобождение от должности. Предоставление Государственной Думе возможности освобождать от должности членов Правительства, кандидатуры которых она утверждает, сделает институт «утверждения» в должности более весомым. Необходимо предоставить возможность освобождения от должности не только Председателя Правительства, но и его заместителей, федеральных министров, кандидатуры которых предоставляются для утверждения. Это значительно усилит позиции нижней палаты парламента и придаст новый импульс для дальнейшего развития парламентаризма.

Литература

Занко Т.А. Конституционные поправки 2020: влияние на федеральную исполнительную власть/Т.А.Занко// Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – №3. – С.7-22.

Мамитова Н.В., Чепус А.В. Совершенствование российского законодательства в сфере ответственности Правительства Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 7 (223). – С. 13-20.

Нудненко Л.А., Тхабисимова Л.А. Конституционные основы парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации/Л.А.Нудненко, Л.А.Тхабисимова// Юридический вестник Самарского университета. – 2018. Т. 4. – № 4. – С. 30-35.

Щуковский А.В. Вотум недоверия как форма парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // В сборнике: Со-

³⁸⁴ Щуковский А.В. Вотум недоверия как форма парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // В сборнике: Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. 2018. С.220.

временные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. 2018. – С.216-221.

Царёв А.Ю. Конституционная ответственность в России: без вины виноватые // Верность Конституции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. – М.: РГУП, 2018.

Топоркова Марина Константиновна,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

**ЗАМЕТКИ О ПЕРСПЕКТИВАХ (РАЗВИТИИ)
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА**

Считаем оправданным отношение к административному праву как к исполнительному конституционному праву. Следовательно, масштабные изменения Конституции РФ 2020 г. должны были бы существенным образом повлиять и на административное право. Но так ли это? Тезисно попробуем оценить степень воздействия некоторых новых конституционных норм на развитие данной отрасли.

Внесение изменений в Конституцию РФ активизировало дискуссию о предмете административного права. Однако вряд ли следует увязывать предмет отрасли с конституционными новеллами. Уже длительное время наблюдаются разногласия ученых-административистов по вопросу о предмете административного права³⁸⁵. Эти разногласия, на наш взгляд, связаны не столько с содержанием предмета отрасли, сколько с используемой терминологией. В частности, некоторые ученые считают термин «государственное управление» неприемлемым для характеристики сферы регулирования административного права; анахронизмом, не соответствующим духу, принципам и терминологии Конституции РФ, и предлагают под предметом отрасли понимать «общественные отношения в сфере исполнительной власти...»³⁸⁶, или отношения организации «публичной администрации, ее функционирование и порядок ее взаимоотношений с частными лицами в процессе осуществления исполнительной власти и управления делами государства (т.е. по осуществлению публичного администрирования)»³⁸⁷. Представляется, что разнообразие авторских редакций определений предмета административного права не изменяет круг и объем регулируемых отношений. Говорить же о том, что от термина «государственное управление» от-

³⁸⁵ Различные точки зрения на предмет административного права можно посмотреть, напр.: Административное право России. Краткий курс лекций для бакалавров. Учебное пособие. – М.: Изд. МГПУ, 2019.

³⁸⁶ Агапов А.Б. Административное право: учебник для бакалавров. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – С.35.

³⁸⁷ Волков А.М. Административное право России: учебник. – М.: Проспект, 2017. – С. 27.

казалась Конституция РФ, а значит он не может употребляться, значит не замечать того факта, что широко применяемый многие годы в юридической науке термин «публичная власть» нормативно закреплен в Конституции РФ лишь в 2020 г., но это не мешало его использованию в определении предмета данной отрасли права.

При этом следует признать, что отношения, регулируемые административным правом, не являются постоянными, а общественные процессы, повседневное руководство которыми осуществляется посредством административно-правовых норм, приобретают новые черты, которые несколько меняют правовую природу этих отношений.

Конституционные изменения 2020 г. обострили проблему разграничения предмета конституционного права и предмета административного права по ряду вопросов. К примеру, немало новелл коснулось правового статуса Правительства РФ. Известно, что у данного высшего органа исполнительной власти двойной статус. Вопросы состава, формирования, отставки Правительства РФ традиционно считаются вопросами конституционного права. В то время как вопросы организации деятельности Правительства РФ, как правило, относят к сфере регулирования административного права. Вместе с тем, можно ли утверждать, что мы наблюдаем после принятия поправок к Конституции РФ серьезные новации в содержании и деятельности Правительства РФ? Думается, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Даже тот факт, что в п. «б» ст. 83 Конституции РФ закреплено положение о том, что Президент РФ осуществляет общее руководство Правительством РФ, подтверждает лишь то, что мы наблюдали в реальном управлении де-факто, теперь стало де-юре. Поэтому считаем, что нет оснований утверждать о серьезном влиянии внесенных изменений на предмет регулирования административного права.

Если же предметно говорить о текущем развитии административного права, то, на наш взгляд, следует обратить внимание на иные процессы, а именно, на непростую работу над проектом нового законодательства об административной ответственности. Информация о новом проекте закона позволяет сделать принципиальный вывод о том, что мы не поддерживаем необходимость смены данного законодательства в настоящий непростой момент, потому что, несмотря на многочисленные изменения, внесенные в действующий КоАП РФ 2001 г., и даже благодаря им, кодекс является «рабочим» законом, который адаптирован к жизни, а правоприменительная практика адаптирована к его нормам. И сколько бы ни звучало отрицательных отзывов о действующем кодексе, вместе с тем нет никакой гарантии, что новый закон, а точнее два закона (материальный и процессуальный), смогут более эффективно регулировать отношения, возникающие в связи с привлечением к административной ответственности. Более того, те проблемы и противоречия, о которых автор статьи знает из публикаций по вопросам разработки проектов кодексов, выступлений разработчиков проектов на научных мероприятиях по проблемам административного права, свидетельствуют об обратном. Во всяком случае, не отрицая необходимости разра-

ботки нового законодательства об административной ответственности, по нашему мнению, чем позже это законодательство будет принято, тем лучше.

Кратко остановимся еще на одной реформе, как на обстоятельстве, действительно повлиявшем на развитие административно-правовых отношений. Речь пойдет о долгожданной реформе контрольно-надзорной деятельности. В настоящее время созданы правовые основы контрольно-надзорной деятельности, а именно, приняты Федеральный закон от 22.07.2020 г. № 247 «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», вступивший в силу в большем объеме, и Федеральный закон от 22.07.2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который начнет поэтапно вступать в силу с 1 июля 2021 г. Не идеализируя указанное законодательство, хочется отметить его несомненно позитивный посыл, который заключается во внедрении в контрольно-надзорную деятельность риск-ориентированного подхода. Данный подход заключается в том, что органы, осуществляющие контрольно-надзорные полномочия, должны помогать объектам контроля избегать риски, вызванные исполнением обязательных требований. То есть не столько осуществлять «жесткий» контроль, сколько оказывать помощь и поддержку в осуществлении деятельности по соблюдению обязательных требований. Надо думать, что переориентация целей контроля и надзора от административно-принудительных на профилактические, изменит административно-правовую природу контрольно-надзорных отношений и в целом общественную атмосферу в позитивную сторону.

Таким образом, в статье высказана сдержанно-критическая точка зрения на влияние конституционных изменений 2020 г. на развитие административного права, но отмечены факты, которые действительно, по мнению автора статьи, повлияют на содержание данной отрасли.

Литература

Агапов А.Б. Административное право: учебник для бакалавров. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011.

Волков А.М. Административное право России: учебник. – М.: Проспект, 2017.

Различные точки зрения на предмет административного права можно посмотреть, напр.: Административное право России. Краткий курс лекций для бакалавров. Учебное пособие. – М.: Изд. МГПУ, 2019.

Царёв Алексей Юрьевич,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

О НАРОДОВЛАСТИИ

Как это не покажется, на первый взгляд, странным, но воздействовать на сознание масс гораздо легче, чем на сознание отдельных индивидов, уровень сознания каждого из которых неизвестен, а само сознание может иметь особенности, в том числе такую как «иммунитет» к информационному воздействию. Уровень же сознания масс известен заранее, потому как известно, что интеллект (мыслительная способность) распространен среди людей неравномерно и более высоким интеллектом обладает их меньшинство. Большинство людей обладают сравнительно низким интеллектом. Об этом говорили во все времена самые умные представители рода человеческого.

Вот мнение крупнейшего нидерландского ученого эпохи Возрождения Эразма Роттердамского (1466–1536): «Большинство людей глупы ... Самая низкопробная дрянь всегда приводит толпу в восхищение, ибо значительное большинство людей, как уже сказано, заражено глупостью»³⁸⁸.

Живший в Средневековье англичанин Уильям Шекспир (1564–1616), чьи пьесы переведены на все основные языки и ставятся чаще, чем произведения других драматургов, сказал: «Большинство людей предпочитают глупость мудрости...»³⁸⁹.

Американский писатель, создатель жанра психологической прозы Эдгар По (1809–1849), живший в первой половине XIX века, считал: «Мнение большинства – всегда ошибочно, ибо большинство людей – идиоты»³⁹⁰.

Во второй половине XIX века немецкий мыслитель Фридрих Ницше (1844–1890) говорит: «Пора уже с человеческой глупостью считаться как с реальной силой»³⁹¹.

В XX веке Дейл Карнеги (1888–1955), стоявший у истоков создания теории психологии общения, написавший книги о том, как оказывать влияние на людей, писал: «Лишь немногие люди мыслят логично»³⁹². Кстати, и в XXI веке мы видим нелогичное поведение людей: в начале 2020 года в США полицейский убил афроамериканца, после чего полицейские преклоняли колена перед афроамериканцами. Это так же нелогично, как если бы

³⁸⁸ [Электронный ресурс] // URL: <https://zen.yandex.ru/media/eksmo/7-citat-iz-pohvaly-gluposti-erazma-rotterdamского-5e3a8e9531996b5ab90f6254> (дата обращения: 09.02.2021).

³⁸⁹ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-pisateli/20-citat-uilyama-shekspirat-otkrывayuschie-mir-cheloveka-iznutri-1147910/> (дата обращения: 09.02.2021).

³⁹⁰ [Электронный ресурс] // URL: <http://itmydream.com/citati/bolshinstvo> (дата обращения: 09.02.2021).

³⁹¹ [Электронный ресурс] // URL: <https://5sfer.com/tak-govoril-nicshe-podborka-luchshix-citat/> (дата обращения: 09.02.2021).

³⁹² [Электронный ресурс] // URL: <https://www.livelib.ru/quote/42497181-kak-zavoevyvat-druzej-i-okazyvat-vliyanie-na-lyudej-dejl-karnegi> (дата обращения: 09.02.2021).

афроамериканец убил полицейского и затем афроамериканцы преклоняли колена перед полицейскими.

Британский философ, логик, математик, лауреат Нобелевской премии по литературе Бертран Рассел (1872–1970) писал: «Учитывая глупость большинства людей, широко распространенная точка зрения будет скорее глупа, чем разумна»³⁹³. Другой Нобелевский лауреат Уинстон Черчилль (1874–1965) говорил: «Лучший аргумент против демократии – пятиминутная беседа со средним избирателем»³⁹⁴.

Наконец, Нобелевский лауреат, Почетный доктор около 20 ведущих университетов мира, член многих Академий наук, в том числе почетный член АН СССР (1926) Альберт Эйнштейн (1879–1955) сказал: «Бесконечны лишь Вселенная и глупость человеческая. Хотя насчет первой у меня имеются сомнения»³⁹⁵.

Правители России относились к интеллекту народа не лучше. Но честно в этом признался только Александр III, который любил народ: «Все Балканы не стоят жизни одного русского солдата», но в то же время как-то сказал: «Конституция! Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?»³⁹⁶.

И когда кто-то из политиков говорил о народе обратное, то явно заигрывал с ним (если не был наивен). Например, французский философ–просветитель, идеолог третьего сословия Дени Дидро (1713–1784) писал: «Не может быть другого настоящего законодателя, кроме народа»³⁹⁷. Однако согласимся, что народ не может быть законодателем по чисто техническим причинам. Но народу такие слова нравятся. Французский писатель и поэт Альфонс де Ламартин (1790–1869) сказал: «Народы также падки на лесть, как и тираны»³⁹⁸.

Слово «народ» и производные от него слова (включая демократию) всегда использовались и используются для манипулирования массовым сознанием (чаще – косвенно).

Во времена Французской революции трибуналы, чинившие расправы над «подозрительными» гражданами, назывались «народными», как и политические суды в нацистской Германии – чтобы им доверял народ.

Ленин и его соратники не случайно назвали свою партию социал-демократической, а пришедшие к власти большевики использовали слова «народ» и «народный» максимально (в некоторых случаях – слово «нация»).

В Конституции РСФСР 1918 года говорилось, что Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций (хотя представить нацию в качестве субъекта невозможно) и что «весь земельный

393 [Электронный ресурс] // URL: <http://izbrannoe.com/news/mysli/15-ostrykh-mysley-bertrana-rassela/> (дата обращения: 09.02.2021).

394 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kritika24.ru/page.php?id=71207> (дата обращения: 09.02.2021).

395 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pravda.ru/photo/album/25457/> (дата обращения: 09.02.2021).

396 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3047713> (дата обращения: 09.02.2021).

397 [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Дени_Дидро (дата обращения: 09.02.2021).

398 [Электронный ресурс] // URL: <https://online-knigi.com.ua/page/91745> (дата обращения: 13.02.2021).

фонд объявляется общенародным достоянием». В Конституции СССР 1936 года всенародным достоянием являются уже земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и многое другое. И большинство верили, что все это принадлежит народу.

Все, что, по мнению большевиков, народ должен был любить или уважать, они называют народным: министры стали называться народными комиссарами. Потом народными стали депутаты, суды, дружинники, угодные артисты, а экономика стала называться народным хозяйством. Те же, кого народ должен был ненавидеть, большевики называли врагами народа.

Государства, в которых были установлены прокоммунистические или близкие к ним режимы, тоже стали называться народными: Польская, Болгарская, Венгерская, Китайская, Монгольская народные республики. Народными республиками были Албания, Ангола, Бенин, Йемен, Конго, Мозамбик, Судан. Вьетнам и Восточная Германия называлась демократическими республиками, что означало то же самое. А Северная Корея стала даже народно-демократической, то есть, дважды народной.

Не удивительно, что движение, которое в 1990 году свергло КПСС, получило название «Демократическая Россия».

И сегодня ничего не изменилось. Сурков В.Ю., будучи ведущим кремлевским политтехнологом, характеризует общественный строй современной России как «суверенная демократия», «суверенная власть народа»³⁹⁹. Летом 2020 года губернатор Хабаровского края С. Фургал был отрешен от должности и временно исполняющим обязанности губернатора был назначен М. Дегтярев. Население встретило последнего недоброжелательно, и тогда он, наряду с другими популистскими обещаниям (снизить тарифы ЖКХ, добиться финансовой помощи краю из федерального бюджета), обещает создать народный совет при Правительстве края.

Нередко от какого-то политика можно услышать: «Решать должен народ!». Однако народ не может быть субъектом. Он может быть только объектом, причем, весьма условно. Потому что когда он подвергается, например, пропаганде, то какая-то его часть этой пропаганде не поддается.

Один из отцов-основателей Соединенных Штатов и их первой столицы Филадельфии Уильям Пенн говорил: «Позвольте народу думать, что он правит, и вы сможете им управлять». Вероятно поэтому Конституция Соединенных Штатов начинается со слов «Мы, народ Соединенных Штатов, ... провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию». Два века спустя классик чешской литературы Карел Чапек, который был номинантом Нобелевской премии по литературе 1936 года, вторит ему: «О воле народа обычно говорят те, кто ему приказывает»⁴⁰⁰.

Но перейдем от слов к практике. Считается, что народ принимает решения на референдумах и выборах.

³⁹⁹ Сурков В.Ю. Национализация будущего [Электронный ресурс] // URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/nacionalizaciya-budushhego/> (дата обращения: 13.02.2021).

⁴⁰⁰ См. [Электронный ресурс] // URL: <https://online-knigi.com.ua/page/91745> (дата обращения: 13.02.2021).

Однако трудно поверить, что вынесенный на референдум проект конституции прочитали все за него проголосовавшие. Впрочем, как и все проголосовавшие против него. О том, насколько поняли проект все прочитавшие его – вопрос риторический, ибо даже не каждый юрист может считать себя конституционалистом. И далеко не все юристы-конституционалисты, как и автор этих строк, знают правильный ответ на вопрос, какая форма республики или какая концепция федерации является наилучшей для того или иного государства. Это ведь не такой простой вопрос как чьим именем назвать улицу или где лучше сделать пешеходный переход.

Трудно поверить и во всенародные обсуждения законопроектов. Убедимся в этом на следующем примере. 7 августа 2010 г. на сайте <http://zakonoproekt2010.ru> был обнародован в свободном доступе проект закона «О полиции» для внесения предложений и корректив. Всенародное обсуждение документа завершилось 15 сентября. Всего поступило почти 21 тысяча предложений и замечаний⁴⁰¹. 27 октября законопроект был внесен в Госдуму. Однако если каждое предложение и замечание рассматривать, причем коллегиально, в среднем хотя бы по пять минут, на рассмотрение всех понадобилось бы 200 рабочих дней. То есть, в действительности либо этих предложений не было, либо они не рассматривались. К этому добавим, что создавать проекты законов должны специалисты, как и лечить людей врачи.

Времени на рассмотрение поправок к Конституции было еще меньше, но Президент РФ сказал: «...поправок было сколько там? Тысячи, если не сотни тысяч... Граждане стали авторами поправок в основной закон...»⁴⁰².

Теперь о выборах. На выборах Госдумы первого созыва депутат от Мытищинского избирательного округа № 109 (Московская область) получил голоса немногим более пяти процентов всех избирателей⁴⁰³. После того, как его убили, на повторных выборах в этом округе победил сидевший в тюрьме С. Мавроди⁴⁰⁴, который посетил лишь одно заседание Госдумы.

А на выборах Госдумы третьего созыва в Котласском избирательном округе № 60 (Архангельская область) результат победителя составил 49 797 голосов, а следующий за ним результат – 48 430. При этом за остальных кандидатов было отдано более 165 тыс. голосов, а против всех – более 45 тысяч⁴⁰⁵. Никак нельзя сказать, что эти решения были приняты народом.

⁴⁰¹ Полиция должна быть современной. [Электронный ресурс] // URL: https://actualcomment.ru/politsiya_dolzha_byt_sovremennoy.html (дата обращения: 13.12.2020)

⁴⁰² Полная стенограмма большой пресс-конференции Владимира Путина 17 декабря 2020 [Электронный ресурс] // URL: www.kp.ru: <https://www.kp.ru/daily/1712101/4339776/> (дата обращения: 22.12.2020).

⁴⁰³ Результаты выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 12 декабря 1993 года по одномандатным избирательным округам [Электронный ресурс] // URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_GD.html (дата обращения: 20.04.2016).

⁴⁰⁴ См: [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мавроди,_Сергей_Пантелеевич#Политическая_деятельность (дата обращения: 14.02.2021).

⁴⁰⁵ Данные протоколов территориальных избирательных комиссий об итогах голосования по одномандатным территориальным округам на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва. (1999 год) [Электронный ресурс] // URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/index.html (дата обращения: 20.04.2016).

Поэтому референдумы, за исключением местных, необходимо запретить, а прямые выборы – заменить косвенными или многоступенчатыми, на которых голосуют представители народа, как на выборах президентов в большинстве демократических государств.

Литература

Сурков В.Ю. Национализация будущего [Электронный ресурс] // URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/nacionalizaciya-budushhego/> (дата обращения: 13.02.2021).

РАЗДЕЛ V.
**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА
 И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ»**

Буглимова Ольга Владимировна,
 старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
 Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

**ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИИ:
 СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

В юридической литературе сложилось представление о нигилизме как об одной из форм деформации правового сознания, которая выражается в негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, нормативному порядку⁴⁰⁶, характеризуется неверием в возможность реализации с помощью правовых средств интересов общества и гражданина⁴⁰⁷. Подавляющее большинство авторов отмечает негативное влияние этого феномена на состояние законности, общественного порядка, развитие позитивной активности личности⁴⁰⁸.

Отношение отдельного человека, социальной группы к праву складывается из его обыденных, повседневных проявлений. Удалось ли работнику урегулировать конфликт с работодателем, опираясь на нормы трудового законодательства, или под угрозой увольнения он не рискнул заявлять о своих правах. Смог ли истец защитить свои интересы в суде и, что немаловажно, добиться реального исполнения решения суда. Таким образом, право воспринимается через личностно злободневные и социально значимые события, факты, явления, процессы правовой действительности.

Реальное положение дел не всегда соответствует ожиданиям (ожиданиям) населения в отношении таких базовых конституционных ценностей как: социальная справедливость юридических норм, реальное обеспечение принципов равенства перед законом, гарантированность общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, эффективный механизм защиты нарушенных прав, доступность правовой информации и квалифицированной юридической помощи⁴⁰⁹.

Действующее законодательство и существующая практика правоприменения не в полной мере соответствует принципам, провозглашенным в Конституции. Нормативно-правовые акты в отдельных случаях принима-

⁴⁰⁶ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – №4 (87). – С. 20 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-kak-obraz-zhizni/viewer> (дата обращения: 14.02.2021).

⁴⁰⁷ Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/32994> (дата обращения: 14.02.2021).

⁴⁰⁸ Павленко Е.М. Влияние деформаций правового сознания на формирование правовой культуры и культуры прав человека // Российское государственное образование. – 2016. – № 2. – С. 15-27.

⁴⁰⁹ Коммерческое право: учебник [Текст] / В.И. Афанасьева, Ю.Н. Богданова, В.В. Вармунд и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева; ред. кол. О.В. Ефимова, Т.В. Казанина, Р.В. Шагиева. – Москва: Юстиция, 2020. – С. 24-25.

ются без учета социально-экономических реалий, предварительного мониторинга их эффективности, содержат нечеткие формулировки, допускающие возможность неоднозначного толкования, противоречат друг другу, постоянно подвергаются изменениям. Внесение поправок в законодательные акты нередко обусловлено не объективными потребностями общества, а невысоким качеством законотворческой деятельности⁴¹⁰.

Просматривается тенденция увеличения роли подзаконных актов в правовом регулировании. Так, М.Н. Марченко справедливо отмечает: что «...при такой ситуации юридические нормы как бы нейтрализуют друг друга, растрачивая бесполезно свою силу. Нередко подзаконные акты становятся «надзаконными». С помощью последних при желании достигаются цели, прямо противоположные тем, которые закладывались в букву и дух закона»⁴¹¹.

Россия до сих пор находится в числе стран, лидирующих по количеству подаваемых в Европейский суд по правам человека жалоб⁴¹², что констатирует отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты⁴¹³.

Несмотря на непрерывающееся совершенствование правового регулирования деятельности судов в Российской Федерации в настоящее время не утратило актуальности высказывание Ю.И. Стецовского о ситуации, сложившейся в области судебной защиты нарушенных прав: «Коррупция среди судей, противоречивость законодательства, которым руководствуется суд при решении конкретных дел, приводящая к взаимопротиворечащим решениям; недостаточная доступность суда для населения; отсутствие завершённой системы правового контроля в самой сфере судебной власти, неисполнение вступивших в законную силу судебных решений подрывает у населения доверие к государственной власти и усиливает рост социальной напряженности»⁴¹⁴. На проблему невозможности исполнения подавляющей части судебных решений, принятых арбитражными судами, указал А.А. Иванов, отмечая, что такая тенденция «обесмысливает само существование судов»⁴¹⁵.

Ограниченные возможности бесплатной юридической помощи, волокита, высокая стоимость оказываемых юридических услуг, коррупция, неосведомленность граждан в правовых вопросах ведут к существенному

⁴¹⁰ Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона/М.В.Залоило // Журнал российского права. – 2017. – № 1

⁴¹¹ Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах/ отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3. – М: Норма, 2007. – С. 484.

⁴¹² Supervision of the execution of judgements and decisions of The European Court of Human rights, 2019. P. 51 [Электронный ресурс] // URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2020/04/Annual-Report-2019.pdf.pdf> (дата обращения: 14.02.2021).

⁴¹³ Северухин В.А. К понятию и содержанию «Системных или структурных проблем» в Российской Федерации/В.А.Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2 (12). – С. 38.

⁴¹⁴ Стецовский Ю.И. Судебная власть. – М., 2000. С. 144.

⁴¹⁵ Доклад Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванова на VIII Всероссийском съезде судей 19 декабря 2012 года. [Электронный ресурс] // URL: <https://volgograd.arbitr.ru/node/13235> (дата обращения: 14.02.2021).

ограничению возможности населения пользоваться принадлежащими им правами. «Слабая правовая защищенность личности подрывает веру в закон, в способность государства обеспечить порядок в обществе...»⁴¹⁶ Несоввершенство правовой системы становятся причиной нигилизма. Подобная реакция части населения – результат здравого осмысления сложившегося порядка в обществе. Это вовсе не означает переоценку правового нигилизма как негативного явления в положительное, лишь определяет диагностическое значение этого феномена. Правовой нигилизм выступает в качестве индикатора проблем современного общества, требующих разрешения.

Необходимо отметить, что для россиян характерно отрицание не права в широком смысле слова, его ценности, а интересов политической, экономической элиты, облеченной в правовую форму. Несвоевременное реагирование власти на происходящие изменения в обществе, невозможность обеспечить гражданам достижение своих целей в рамках предписываемых норм порождают негативную реакцию и зачастую приводят к отклоняющемуся поведению, в том числе противоправного характера. «Включается» механизм приспособления (адаптации).

Социальная адаптация представляет собой процесс взаимодействия двух элементов: личности и социального окружения, оказывающих активное воздействие друг на друга. Если интерпретировать данное положение в отношении правового нигилизма, можно отметить, что он является следствием воздействия на личность реально сложившегося в обществе порядка, результатом адаптации личности к социальной среде. Соответственно личность с новыми стереотипами поведения, отражающими нигилистические тенденции, в свою очередь будет влиять на дальнейшее развитие правовых отношений в обществе. В связи с этим представляется перспективным положительное влияние государства в рамках осуществления деятельности по сопровождению социально-правовой адаптации граждан через создание предпосылок для успешной интеграции личности в общество, правовую систему⁴¹⁷.

Зарубежный правовой опыт (Германии, Франции и др. стран) свидетельствует о том, что отношение к праву поддается позитивной корректировке. Процесс адаптации может носить как положительный характер (являться движущей силой позитивных преобразований), так и негативный. Обратимся к гипотезе «баланса социальной активности» Я.И. Гилинского, который обосновывает возможность сокращения негативных адаптационных тенденций за счет развития позитивных, или «канализации» социальной активности в социально-полезном направлении. Идея заключается в

⁴¹⁶ Добрынин Н.М. «О сущности правового нигилизма и правового идеализма: антропология права и взгляды Н.И. Матузова // Государство и право. 2015. – № 12. – С. 85. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25054521_73758828.pdf (дата обращения: 14.02.2021).

⁴¹⁷ Буглимова О.В. Социально-правовая адаптация и правовое воздействие // В сборнике: Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. 2015. С. 183. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23741408_60289590.pdf (дата обращения: 14.02.2021).

том, что социально-активные индивиды, не сумев реализовать себя в социально-одобряемых формах деятельности, проявляют себя в негативном, девиантном поведении⁴¹⁸. Значительная роль в направлении процессов социальной адаптации отводится целенаправленной деятельности государства, общественных организаций, образованию и науке.

В периоды тотальных социальных преобразований адаптационные процессы приобретают особую интенсивность и захватывают практически все слои общества. Даже в эволюционно развивающемся обществе умение адаптироваться к меняющимся условиям приобретает жизненно важное значение. Учитывая исторический опыт, следует выработать четкую систему мероприятий государства, позволяющую подготовить почву для успешной адаптации населения к изменениям в правовой сфере.

Необходимым условием эффективности государственной политики сопровождения социально-правовой адаптации населения является осуществление комплекса мер по совершенствованию законодательства, укреплению механизма защиты прав граждан, созданию системы правового воспитания, преодолению коррумпированности власти. Особенное внимание при создании мер по сопровождению социально-правовой адаптации представляется необходимым уделить следующим категориям граждан: мигрантам, несовершеннолетним, пожилым; лицам, подвергнутым уголовному преследованию.

Литература

Буглимова О.В. Социально-правовая адаптация и правовое воздействие // В сборнике: Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. 2015. С. 180-183. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23741408_60289590.pdf (дата обращения: 14.02.2021).

Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»/Я.И.Гишинский. – СПб.: «Юридический центр пресс», 2004. – 520 с.

Добрынин Н.М. «О сущности правового нигилизма и правового идеализма: антропология права и взгляды Н.И. Матузова/Н.М.Добрынин // Государство и право. – 2015. – № 12. – С. 80–92. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25054521_73758828.pdf (дата обращения: 14.02.2021).

Доклад Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванова на VIII Всероссийском съезде судей 19 декабря 2012

⁴¹⁸ Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: «Юридический центр пресс», 2004. С. 56.

года [Электронный ресурс] // URL: <https://volgograd.arbitr.ru/node/13235> (дата обращения: 14.02.2021).

Коммерческое право: учебник [Текст]/ В.И. Афанасьева, Ю.Н. Богданова, В.В. Вармунд и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева; ред. кол. О.В. Ефимова, Т.В. Казанина, Р.В. Шагиева. – Москва: Юстиция, 2020. – 278 с.

Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. №4 (87). С. 20. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-kak-obraz-zhizni/viewer> (дата обращения: 14.02.2021).

Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах/ отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3. – М: Норма, 2007. – 712 с.

Северухин В.А. К понятию и содержанию «Системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2 (12). – С. 35-41.

Стецовский Ю.И. Судебная власть. – М., 2000. 398 с.

Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/32994> (дата обращения: 14.02.2021).

Supervision of the execution of judgements and decisions of The European Court of Human rights, 2019. P. 51 [Электронный ресурс] // URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2020/04/Annual-Report-2019.pdf.pdf> (дата обращения: 14.02.2021).

Ведышева Наталия Олеговна,

доцент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры юридических дисциплин факультете (гуманитарного) Академии гражданской защиты МЧС России, к.ю.н.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ

По прогнозам ООН, население мира к 2060 г. достигнет 9,8 млрд. человек, и чтобы его прокормить потребуется увеличить производство продовольствия на 70%. Это означает необходимость модернизации отраслей сельского хозяйства, внедрение инновационных, связанных с цифровыми решениями, технологий. Одним из направлений стратегического развития Российской Федерации является цифровая экономика. Среди национальных интересов в этой области можно выделить укрепление российской экономики, включая сельское хозяйство, развитие торговых и экономических связей со стратегическими партнерами РФ, в том числе в рамках Евразийского экономического союза, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений в АПК. Согласно Программе развития цифровой экономики до 2035 года, «Умное», «Интеллектуальное» сельское хозяй-

ство («умная ферма», «умное поле», «умная теплица» и др.) обеспечит эффективную, экологически безопасную борьбу с вредителями, восстановление и сохранение полезных свойств почв, а также дистанционный контроль соблюдения требований органического сельского хозяйства. Единая цифровая платформа учета данных, услуг, сервисов позволит прогнозировать развитие сельского хозяйства, оценивать погодные, климатические, экономические и иные риски в АПК.

Современная государственная политика в сфере АПК, кроме поддержки сельхозпроизводителей, развития сельских территорий, направлена на формирование единой цифровой базы, позволяющей агрегировать все необходимые данные о состоянии отраслей агропромышленного, рыбохозяйственного комплексов и направлений их развития. В настоящий момент реализуются мероприятия по поддержке создания в цифровом формате единой модели отраслевых данных в АПК, обеспечения прослеживаемости подконтрольной продукции АПК, предоставления электронных государственных услуг в АПК, создание цифровых сервисов мелиоративного комплекса РФ.

Согласно Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ 12 апреля 2020 года №993-р, индикаторами, отражающими эффективность «Цифровой трансформации АПК», являются:

количество отраслевых показателей, по которым собираются данные для национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство»:

в 2024 году- 50 тысяч показателей; в 2030 году -100 тысяч показателей; меры государственной поддержки сельхозпроизводителям в цифровом формате:

в 2024 году- 75%; в 2030 году-100%;

информация о землях сельхозназначения содержится в цифровом формате:

в 2024 году- 80%; в 2030 году- 100%;

информация о поголовье сельхозживотных содержится в цифровом формате:

в 2024 году - 100% племенного стада; в 2030 году- 100% сельскохозяйственных животных;

управление жизненными циклами гидротехнических мелиоративных сооружений:

до 2024 года - 25%; до 2030 года- 100%;

предоставление документов в электронном виде по регистрации тракторов, самоходных машин и прицепов к ним:

к 2024 г. - 100%.

Наиболее востребованы цифровые технологии в растениеводстве («точное сельское хозяйство»), используются данные дистанционного зондирования земли, геоинформационные системы, системы дифференциального внесения удобрений, датчики полива), животноводстве (датчики кормления, содержания, технологические процессы в птичниках). Современные

методы обработки данных, позволяют оперативно принимать решения в управлении сельхозпроизводством, взаимодействовать с государственными органами.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 7 марта 2008 года № 157 «О создании системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства» на Минсельхоз России было возложено создание такой системы с использованием данных Росстата, Федеральной таможенной службы, уполномоченных органов госвласти субъектов РФ, органов местного самоуправления. Минсельхоз РФ предоставляет в информационную систему информацию о принятых им решениях, об издании нормативных правовых актов, устанавливающих порядок осуществления господдержки развития сельского хозяйства, о реализации ФЦП и отраслевых программ, о химизации и мелиорации земель, о мониторинге земель сельхозназначения, о фитосанитарном и об эпизоотическом состоянии территории России, об объеме запасов сельхозпродукции, сырья и продовольствия и др. Согласно Приказа Минсельхоза России от 28 августа 2020г. №517 «Об утверждении методик расчета значений отдельных показателей Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» были утверждены Методики расчета значений показателей ведомственной целевой программы «Обеспечение общих условий функционирования отраслей агропромышленного комплекса». Количество групп информации, предоставляемых ежегодно в систему государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства составляет 18 (целевой показатель на 2017-2025 годы), доля площади земель сельхозназначения в РФ, сведения о которых включены в ЕФИС о землях на 2017 г. составила 44,3%, к 2025 г. показатель должен быть доведен до 45%.

Цифровые технологии реализуются в мониторинге сельскохозяйственных культур, сельскохозяйственных животных, проявляются в создании единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения и землях, которые используются или предоставлены для ведения сельского хозяйства в составе иных категорий. Информация поступает от органов государственной власти и подведомственных им организаций, региональных органов управления АПК, органов местного самоуправления, от самих сельхозпроизводителей, отраслевых союзов. Данная система позволяет осуществлять мониторинг использования и состояния земель сельхозназначения, плодородия сельхозугодий, оценивать состояние сельхозкультур, структуры севооборота, а также осуществлять мониторинг мелиоративных систем и гидротехнических сооружений. Данным «умным помощником» могут воспользоваться и сами сельхозпроизводители, например, в части получения сведений о предыдущих севооборотах, о показателях почвенного плодородия конкретных полей, использовании данных дистанционного зондирования Земли.

На данный момент рынок информационно-компьютерных технологий в сельском хозяйстве составляет около 360 млрд.рублей, прогнозируется,

что к 2026 году он вырастет минимум в 5 раз и поможет расширить рынки сбыта сельхозпродукции, как крупных, так и мелких производителей, особенно в сфере реализации органической продукции⁴¹⁹.

С учетом изменений, которые произошли и в России, и в мире целом, национальные проекты скорректированы и установлены долгосрочные цели до 2030 года, а не до 2024 г., как было предусмотрено ранее. Представляется целесообразным на федеральном уровне разработать Стратегию цифрового развития сельского хозяйства, предусмотрев государственную поддержку сельхозпроизводителей, внедряющих новые технологии, обучение или переквалификацию специалистов сельхозпредприятий за счет федерального бюджета; финансовые стимулы для развития государственно-частного партнерства в данной сфере; а на региональном уровне - развивать нормативно-правовую базу, регулиующую особенности реализации цифрового развития отдельных отраслей сельского хозяйства с учетом социально-экономического развития регионов, с учетом географических особенностей территорий, специализации сельскохозяйственных товаропроизводителей. Как справедливо отмечает ряд авторов⁴²⁰, аграрная политика должна обеспечить равное и конкурентное развитие регионов, в том числе и в сфере цифровизации сельского хозяйства.

По оценке экспертов Центра развития финансовых технологий Россельхозбанка, наиболее готовыми к внедрению цифровых технологий субъектов РФ, можно отнести Краснодарский край, Новосибирскую область, Башкирию, Воронежскую, Тамбовскую, Нижегородскую, Архангельскую области. Здесь разработаны региональные программы поддержки внедрения цифровых технологий, имеется хорошая технологическая база и высокий уровень подготовки специалистов в сельском хозяйстве. Например, Закон Воронежской области от 20.12.2018 г. №168-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года» предусматривает использование информационных данных и программного обеспечения для составления карт урожайности с преимущественным использованием дронов; использование датчиков для обнаружения вредителей и автоматического распыления средств химической защиты растений; использование сенсоров для оценки влажности почв в течение суток; использование систем автоматической регулировки влажности и температуры в помещениях для хранения овощей, ягод, зерновых.

Цифровизация в сельском хозяйстве, наряду с другими направлениями государственной политики, позволит выйти на новый путь развития, который позволит значительно снизить нагрузку на сельскохозяйственных товаропроизводителей и организации АПК.

⁴¹⁹ Ведышева Н.О. Правовое регулирование органического сельского хозяйства как одно из направлений устойчивого развития сельского хозяйства в Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2020. – № 3. – С. 67-68.

⁴²⁰ Ягофарова И.Д. Повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса РФ в условиях цифровизации: теоретические и практические аспекты // Конкурентное право. – 2020. – № 3 / СПС «КонсультантПлюс»; Воронина Н.П. Цифровое сельское хозяйство России: направления совершенствования правового регулирования // Ius Publicum et Privatum. – 2020. – № 4(9). – С. 18-21.

Литература

Ведышева Н.О. Правовое регулирование органического сельского хозяйства как одно из направлений устойчивого развития сельского хозяйства в Российской Федерации/Н.О.Ведышева// Черные дыры в Российском законодательстве. – 2020. – № 3. – С. 67-68.

Воронина Н.П. Цифровое сельское хозяйство России: направления совершенствования правового регулирования/Н.П.Воронина// *Ius Publicum et Privatum*. – 2020 – № 4(9). – С. 18-21.

Ягофарова И.Д. Повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса РФ в условиях цифровизации: теоретические и практические аспекты/И.Д.Ягофарова // *Конкурентное право*. – 2020. – № 3. / СПС «КонсультантПлюс».

Вольвач Януара Валентиновна,

Почетный адвокат России,

Заведующая Филиалом «Адвокатская консультация № 71»
Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва), к.ю.н.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТАТОЧНОЙ СОВОКУПНОСТИ КОНСТИТУТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕФИНИЦИИ УСЛУГ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Категория «услуга» является актуальной и значимой, что отмечается доктриной⁴²¹. Поскольку система и понятийный аппарат российского гражданского права во многом основаны на системе римского права⁴²², отметим, что в римском праве классического периода присутствовали договорные конструкции, опосредующие оказание услуг. Договор найма включал в себя три поименованных вида договора: наем вещей [*locatio conductio rerum*], наем услуг [*locatio conductio operarum*] и наем работы или подряда [*locatio conductio operis* или *operis faciendi*].

Под *locatio conductio operarum* понимался такой договор, по которому одна сторона - нанявшийся [*locator*] принимал на себя обязательство исполнять в пользу другой стороны-нанимателя [*conductor`a*] определенные услуги, а наниматель обязывался уплатить условленное вознаграждение⁴²³. Одну

⁴²¹ Прибытков И.Г. Теоретические аспекты категории услуг в гражданском праве // «Современное право», – 2017. – № 2; Тарусина Н.Н., Лушников А.М., Лушникова М.В. Социальные договоры в праве: Монография // «Перспект», 2017; Коммерческое право: учебник [Текст] / В.И. Афанасьева, Ю.Н. Богданова, В.В. Вармунд и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева; ред. кол. О.В. Ефимова, Т.В. Казанина, Р.В. Шагиева. – Москва: Юстиция, 2020.

⁴²² Суханов, Е.А., Кофанов, Л.Л. Влияние римского права на новый гражданский кодекс Российской Федерации // *Древнее право. Ivs antiquum*. – 1999. – № 1 (4). – С. 7-20.

⁴²³ Римское частное право: Учеб. / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 362, 370, 372.

из определяющих черт римского подхода к найму услуг демонстрирует следующий фрагмент Дигест: «...наем очень близко стоит к купле и продаже и подчиняется тем же юридическим правилам...⁴²⁴». По словам А.В. Венедиктова, в контексте купли-продажи применялся прием единства (неразделения, неразделения) права и факта⁴²⁵. Выражалось это в том, что продавцом мог быть исключительно собственник, а также в том, что применительно к договору купли-продажи применялась категория «*dominium (dominium ex jure Quiritum)*», когда перенос права происходил в полном составе полномочий и фактически исчерпывал все полномочия старого собственника (создавая невозможность появления нового собственника наряду со старым, невозможность разделение права и факта).

Далее возникает вопрос – осуществлялся ли перенос права на вещь (в широком смысле) по договору найма и может ли таковой перенос рассматриваться в качестве признака, присущего категории услуг в современном праве.

Многие исследователи придерживаются мнения о том, что объединение найма вещей, найма работ и найма услуг в один договорный тип проводилось по единому для данных договоров признаку, в качестве которого традиционно выделялась передача во временное пользование определенного блага⁴²⁶. Между тем, «никогда голая (*nuda*) *traditio* не переносит *dominium*, но только в тех случаях, когда ей предшествует продажа или какая-либо *causa*, в силу которой последовала передача⁴²⁷».

Можно сделать вывод о том, что по договору найма услуг исключается перенос неразделенного права собственности и факта на вещь (благо), в том числе от нанявшегося [*locator*] на рабочую силу по договору найма услуг.

В силу догмы римского права, в качестве объекта обязательства рассматривается конструкция *dare* (доставление права собственности или основывающееся на *jus civile jus in re aliena*, т.е. сервитута), либо конструкция *facere* (все остальное, что не подходит под *dare*)⁴²⁸. Таким образом, объект договора купли-продажи, как и объект договора найма, при применении к найму той же модели договора, как и к купле-продаже, мыслился римскими юристами как направленный на *dare* (т.е. в любом случае, будучи или не будучи дополнен *facere*, например, в договоре найма), содержал в своем составе перенос права собственности), из чего логически вытекает, что передача вещи (блага), не будучи связанной с переходом права собственности на нее, не связывалась в рамках договора найма с переходом права (титула) и не составляла единый и единственный признак данного договорного типа.

Полагаю, что существенным (конститутивным) признаком предмета договора найма в римском классическом праве являлся признак переноса

⁴²⁴ Кофанов Л.Л. (ред.) Дигесты Юстиниана: книги 12–19. – М.: Статут, 2003. Т. 3. – 780 с.

⁴²⁵ Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву в 2 т. Т. II. – М.: «Статут», 2004. – С. 79–80.

⁴²⁶ Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. // Волтерс Клувер, 2006; Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. М.: Статут, 2005. С. 20–26.

⁴²⁷ Кофанов Л.Л. (ред.) Дигесты Юстиниана: книги 41–44. – М., Статут, 2005. Т. 6. Полут. 2. – 602 с.

⁴²⁸ Чиларж К.Ф. Учебник Институций римского права. Издание второе. / Под ред. проф. В.А. Юшкевича. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906. – С.175.

(перехода) неразделенного права на результат пользования вещью, результат работы, определенный результат услуги и принятие этого результата нанимателем (как и в конструкции купли-продажи). Подтверждением тому служит следующий фрагмент II титула 19 книги Дигест: «Если я даю заказ на постройку дома, с тем чтобы подрядчик делал все на свои средства, то он переносит на меня *proprietas* на сделанное, и, однако, это является наймом, ибо мастер сдает в наем свою работу, то есть обязанность делания⁴²⁹».

Применительно к современной реальности в условиях разграничения в российском гражданском праве понятий «услуга» и «работа» и, соответственно, обязательств по оказанию услуг и подрядного типа при наличии неопределенности законодательного подхода к родовому понятию услуг, возникают проблемы определения количественного и качественного состава конститутивных признаков, присущих категории услуг и достаточных для формирования понятия услуги. Так, в частности, КС РФ отмечает, что «законодатель не включил в понятие предмета договора возмездного оказания услуг достижение результата, ради которого он заключается»⁴³⁰.

Отметим, что на первый взгляд положение п. 1 ст. 779 ГК РФ действительно позволяет говорить о предмете договора как о совершении определенных действий или осуществлении определенной деятельности, то есть говорить о процессе совершения или осуществления. Однако в контексте системного толкования норм п.1 ст. 779, ч. 1 ст. 781, ст. 431 ГК РФ можно сделать вывод о том, что нормативная дефиниция услуги подразумевает и наличие определенного результата её оказания, и перенос результата на заказчика.

Соответствующий подход проявляется в практике, в частности, в Информационном письме ВАС РФ от 29.09.1999 г. № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг»⁴³¹. Есть и иная практика, подтверждающая, что предметом договора по оказанию услуг являются не только действия или деятельность, но и определенный результат⁴³².

Интерес представляют и выводы судов, рассматривавших споры, разрешение которых было связано с необходимостью дифференциации договора возмездного оказания услуг и трудового договора. Во многих случаях суды усматривали в качестве основного признака отличия предмет договора, отмечая, что предметом трудовых правоотношений является сам про-

⁴²⁹ Кофанов Л.Л. (ред.) Дигесты Юстиниана: книги 12-19. – М.: Статут, 2003. Т. 3. – 780 с.

⁴³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³¹ Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.09.1999 г. № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1999. – № 11. – С. 81 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³² Постановление ФАС Поволжского округа от 22.05.2014 по делу №А55-14382/2013; Определение ВАС РФ от 15.07.2011 № ВАС-9053/11, принятое по делу № А71-9515/2010-А17; Постановление ФАС Поволжского округа от 23.12.2013 по делу № А49-2189/2013; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.02.2014 по делу № А32-30884/2012.

цесс труда, предметом же гражданских правоотношений является конечный результат⁴³³.

На основании сказанного в настоящем исследовании можно прийти к выводу о том, что услуга не исчерпывается процессом совершения действий и осуществления деятельности, но представляет собой единство процесса и результата (продукта) ее оказания в виде созданного самостоятельного блага и/или полезного эффекта. При этом как процесс совершения, так и результат носят нематериальный характер, однако возможна материализация результата в том виде, который будет оговорен сторонами.

Интересен в рассматриваемом контексте подход ВАС РФ, в рамках которого определяются следующие признаки категории услуг: «Фактическое пользование потребителем услугами обязанной стороны следует считать в соответствии с п. 3 ст. 438 ГК РФ как акцепт абонентом оферты, предложенной стороной, оказывающей услуги (выполняющей работы), поэтому данные отношения должны рассматриваться как договорные⁴³⁴».

Полагаю, в данном случае, в связи с изложенным, закономерно возникают вопросы: «Возможно ли фактически пользоваться (т.е. извлекать полезные свойства) действиями (деятельностью), если лично они не совершаются (не осуществляются), права на них отсутствуют, право пользования их результатом не предоставлено и их результат не принят? Отрицательный ответ на данный вопрос подтверждается правоприменительной практикой»⁴³⁵.

Примечательно, что буквальное толкование положений, содержащихся в мотивировочных частях приведенных судебных актов, позволяет сделать следующие выводы:

а) момент фактического завершения действий (деятельности) исполнителем услуги и момент принятия услуги заказчиком – статичный момент – рассматриваются в качестве достаточной целостной совокупности для оценки практического постоянного результата оказания услуги, поскольку: 1) расцениваются в качестве надлежащего исполнения обязательства; 2) являются достаточным основанием для требования о встречном исполнении обязательства заказчика; 3) собственно (самостоятельно) процесс совершения указанных в договоре действия (деятельности) – динамичный момент – не рассматривается в качестве ни единственной, ни самостоятельной составляющей предмет договора возмездного оказания услуг со стороны исполнителя.

⁴³³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.04.2018 №Ф03-1444/2018 по делу № А73-13390/2017; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.11.2014 №Ф02-5005/2014 по делу № А33-22064/2013; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.10.2015 по делу № А05-409/2015.

⁴³⁴ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 05.05.1997 г. № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. № 7. С.67 / СПС «КонсультантПлюс».

⁴³⁵ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 02.02.2010 по делу № А45-15189/2009; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 14.08.2012 по делу № А63-9268/2011; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 17.02.2011 № Ф03-9524/2010 по делу № А51-3826/2010.

Кроме того, изложенное позволяет сделать общий вывод о том, что и нормативная дефиниция услуги не может исчерпываться одной составляющей в виде конструкций «совершить определённые действия» и «осуществить определённую деятельность», а состоит из совокупности составляющих ее признаков. К таковым, по мнению автора настоящей статьи, могут быть отнесены:

- единство процесса и результата (продукта) ее оказания в виде созданного самостоятельного блага и/или полезного эффекта;
- несопряженность с обязанностью по передаче имущества во временное пользование, с владением и пользованием каким-либо имуществом контрагента;
- несопряженность с правом получения дохода или извлечения полезных свойств в иной форме от использования имущества контрагента;
- характер действий (деятельности): не дящийся, преимущественно разовый, систематический, однородный, профессиональный;
- синхронизированность оказания услуги, переноса права на нее на заказчика и пользования ею заказчиком;
- невозможность разделения процесса и результата оказания услуги влечет невозможность передачи (уступки) результата посреднику для предоставления его заинтересованному лицу, что, в свою очередь, определяет исполнение на стороне исполнителя обязательства исключительно лично;
- определенность в вопросе, в пользу кого предоставляется услуга.

Литература

- Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву в 2 т. Т. II/А.В.Венедиктов. – М.: «Статут», 2004. – С.79-80.
- Коммерческое право: учебник [Текст]/ В.И. Афанасьева, Ю.Н. Богданова, В.В. Вармунд и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева; ред. кол. О.В. Ефимова, Т.В. Казанина, Р.В. Шагиева. – Москва: Юстиция, 2020. – 278 с.
- Кофанов Л.Л. (ред.) Дигесты Юстиниана: книги 41-44/Л.Л.Кофанов. – М., Статут, 2005. Т. 6. Полут. 2. – 602 с.
- Прибытков И.Г. Теоретические аспекты категории услуг в гражданском праве/И.Г.Прибытков // «Современное право», – 2017. – № 2;
- Римское частное право: Учеб. / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000.
- Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России // «Волтерс Клувер», 2006;
- Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. – М.: Статут, 2005. – 322 с.
- Суханов, Е.А., Кофанов, Л.Л. Влияние римского права на новый гражданский кодекс Российской Федерации // Древнее право. *Ius antiquum*. – 1999. – № 1 (4). – С. 7-20.

Тарусина Н.Н., Лушников А.М., Лушникова М.В. Социальные договоры в праве: Монография // «Проспект», 2017.

Чиларж К.Ф. Учебник Институций римского права. Издание второе. / Под ред. проф. В.А. Юшкевича. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906.

Голышев Вадим Григорьевич,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,

Голышева Антонина Владимировна

доцент, к.и.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О БАНКОВСКИХ СДЕЛКАХ

Роль судебных актов в формировании и развитии права всегда была предметом особого внимания со стороны научной общественности и практикующих юристов⁴³⁶. Такое положение сложилось в первую очередь благодаря прецедентному значению этих актов, играющему определяющую роль в деле толкования правовых норм.

В юридической литературе «прецедентность» трактуется как юридическое средство, позволяющее достичь единства судебной практики, поскольку именно за счет этого фактически обстоятельства должны соответствовать одинаковой правовой позиции⁴³⁷. Именно прецедентность на наш взгляд отражает качество реализации восполнительно-регулятивной функции судебной практики, «когда неконкретное правовое регулирование в совокупности с конкретным судебным решением является достаточным юридическим основанием для разрешения правового конфликта»⁴³⁸.

Вместе с тем, полагаем, что «восполнительно-регулятивная роль судебных прецедентов толкования (интерпретационных судебных актов)»⁴³⁹ в настоящее время существенно дискредитируется значительным количеством примеров диаметрально противоположных подходов, примененных судами при разрешении однотипных правовых вопросов. Кроме того, юридическая литература современного периода все чаще указывает на несовершенство судебной власти, подчеркивая ее неспособность обеспечивать стабильность и преемственность правовых позиций в выносимых судебных

⁴³⁶ Токмовцева М.В. Анализ некоторых правовых изменений по способам обеспечения исполнения обязательств / В сборнике: Актуальные проблемы современного российского законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Автор-составитель О.В. Ефимова. – Москва, 2017. – С. 84-87; Ефимова О.В. Особенности правового обращения ипотечного покрытия // Юрист. – 2013. – № 2. – С. 33-35.

⁴³⁷ Слесарев В.Л. Прецедентность и прецедент, или о толковании судами норм права // Законы России. – 2015. – № 12. – С. 44.

⁴³⁸ Там же. С. 46.

⁴³⁹ Там же. С. 44.

решениях и иных актах. Так, например, в одних случаях речь идет о том, что «...тезисы, сформулированные в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ... представляют собой самостоятельное судебское правотворчество, нормы, не имеющие опоры ни в ГК, ни в ГПК, ни в АПК, ни в других российских законах»⁴⁴⁰. В других случаях прямо указывается на «кризис судебной власти, проявившийся в последние годы и связанный с вынесением несправедливых судебных актов...»⁴⁴¹.

Анализ судебной практики новейшего времени также позволяет сделать вывод об уже сложившейся и ставшей, к сожалению, привычной ситуации в правоприменении, когда позиции судов по сопоставимым вопросам не отличаются единообразием, а нередко - отличаются прямой противоположностью. К примеру, когда вопрос касается возможности списания денежных средств умершего вкладчика для погашения задолженности, возникшей до его смерти, в судебной практике сформировались две позиции. Так, в Постановлении АС Волго-Вятского округа № Ф01-5313/2018 от 23.11.2018 указывается на возможность списания денежных средств с банковского вклада умершего должника, но только в том случае, если право на такое списание предусмотрено поручением владельца счета. В то же время, в соответствии с Постановлением АС Поволжского округа № Ф06-32575/2018 от 19.07.2018, банки не вправе списывать денежные средства даже если право на такое списание предусмотрено поручением владельца счета.

Подобные примеры не являются единичными и уже довольно давно стали привлекать к себе внимание благодаря диаметрально противоположным выводам судебных инстанций. В этой связи можно привести еще один иллюстративный пример, когда вопрос касается списания денежных средств со специального банковского счета должника, в отношении которого введено конкурсное производство, по распоряжению иного лица, помимо конкурсного управляющего. Например, при одних обстоятельствах суд стоит на четкой позиции в отношении того, что только конкурсному управляющему предоставлено право распоряжаться денежными средствами должника, находящимися на специальном счете (Постановление ФАС от 19.09.2011 по делу № А27-2445/2011), однако в других подобных ситуациях списание возможно на основании «инкассового поручения налогового органа» (Постановление ФАС от 02.08.2011 по делу № А55-733/2011).

Как видно, такое положение дел, при котором правоприменительная практика не может характеризоваться стабильностью, способно существен-

⁴⁴⁰ Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 53-90 / СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴¹ Свиринов Ю.А. Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразие судебной практики // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 63 - 67/ СПС «КонсультантПлюс».

ным образом осложнить как понимание правовых норм, так и перспектив их применения. Разумеется, что в таких условиях о восполнительно-регулятивной роли судебных прецедентов толкования вообще не может быть и речи.

Вместе с тем, если деятельность профессиональных участников гражданского оборота в лице кредитных организаций необходимо предполагает определение всевозможных рисков и их оценки, то для непрофессиональных участников правовых отношений – потребителей банковских услуг, проблема теоретической неопределенности правовых последствий их участия в банковских сделках⁴⁴² способна существенно скомпрометировать их представления о законности и справедливости судебных решений. В данной ситуации определенный интерес представляет анализ судебной практики по вопросу применимости к нарушениям договора банковского вклада правовых последствий, предусмотренных гл. III закона «О защите прав потребителей». Здесь мы сталкиваемся также с двумя подходами со стороны российских судов. В одном случае к нарушениям договора банковского вклада не применяются правовые последствия, предусмотренные данным законом⁴⁴³. В соответствии с альтернативным подходом, отмеченным в Определении ВС РФ - к нарушениям договора банковского вклада применяются правовые последствия, предусмотренные гл. III Закона о защите прав потребителей. Примечательным в этом случае является то обстоятельство, что обе точки зрения несмотря на полярность, нашли свое выражение в практике Верховного Суда РФ, призванной между тем обеспечивать эффективную реализацию функции судебной защиты нарушенных прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, правильное и единообразное применение законов при рассмотрении дел соответствующей категории. В этой связи уместно отметить, что интерпретационные акты высших судов являются той правовой формой толкования действующих норм, «которая является предпосылкой для заимствования правовых позиций этого толкования в новые нормы права»⁴⁴⁴. Как видно, данный тезис, правильный по своей сути, также может быть поставлен под сомнение нестабильной судебной практикой.

Важно отметить, что обеспечиваемая судебным усмотрением гибкость в применении права (в неочевидных с точки зрения закона случаях) также может быть существенно скомпрометирована противоречивым решением суда по причине субъективизма выносящих его лиц. В свою очередь, такое

⁴⁴² Рязанов Е.Е. Договор как правовой инструмент реализации прав граждан // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 2(4). – С. 103-106.

⁴⁴³ Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 88-КГ16-7 (акт включен в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ N 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) и Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017) / СПС «КонсультантПлюс»..

⁴⁴⁴ Слесарев В.Л. Указ. раб. – С. 46.

положение дел автоматически ставит вопрос о справедливости и законности судебного вердикта.

Приведенные выше примеры на наш взгляд со всей очевидностью иллюстрируют наличие декларативной составляющей таких руководящих в правоприменении идей, как справедливость и законность, поскольку вряд ли можно утверждать, что данные принципы соблюдаются в условиях вынесения судами противоположных выводов по аналогичным правовым вопросам. В этой связи уместно заметить, что нарушение принципа законности при применении юридических норм является основанием для отмены соответствующих судебных решений⁴⁴⁵, а вот какие именно выводы судов из приведенных выше имеют перспективы считаться не соответствующими закону – непосредственно зависит от руководящей позиции высшего судебного органа, поскольку иной альтернативы, способной внести решающий вклад в определение смысла правовых норм о банковских сделках в настоящее время нами не усматривается.

Литература

Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? /В.А. Белов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 53 - 90.

Гольшев В.Г. К вопросу о системе и содержании принципов частного деликтного права/В.Г.Гольшев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – № 1. – С. 257-261.

Ефимова О.В. Особенности правового обращения ипотечного покрытия/О.В. Ефимова // Юрист. – 2013. – № 2. – С. 33-35.

Рязанов Е.Е. Договор как правовой инструмент реализации прав граждан/Е.Е.Рязанов// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 2(4). – С. 103–106.

Свирин Ю.А. Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразие судебной практики/Ю.А.Свирин // Современное право. 2018. – № 4. – С. 63–67.

Слесарев В.Л. Прецедентность и прецедент, или о толковании судами норм права/В.Л.Слесарев // Законы России. – 2015. – № 12. – С. 44-49.

Токмовцева М.В. Анализ некоторых правовых изменений по способам обеспечения исполнения обязательств/М.В.Токмовцева/ В сборнике: Актуальные проблемы современного российского законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Автор-составитель О.В. Ефимова. – Москва, 2017. – С. 84-87.

⁴⁴⁵ Гольшев В.Г. К вопросу о системе и содержании принципов частного деликтного права // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 1. С. 258.

Джинджолия Кама Климентьевна,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического
факультета Абхазского Государственного Университета;
судья Арбитражного суда Республики Абхазия;
член Совета судей Республики Абхазия;
аспирантка кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПО ДОГОВОРУ ФРАНЧАЙЗИНГА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Законодательно в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) понятие «договор коммерческой концессии» было закреплено в 1996 году в главе 54. Ст. 1027 закрепляет определение коммерческой концессии по которому данный договор регулирует отношения, связанные с использованием одним лицом исключительных прав, принадлежащих другому лицу. Если обратиться к опыту правового регулирования франчайзинга в Республике Беларусь, то ст. 910 определяет франчайзинг как совокупность правовых поступков и понимает под ним соглашение, где правообладатель дает пользователю систему прав, в которую включается использование фирменного наименования, секреты его деятельности, а также другие результаты его интеллектуальной деятельности.

Различное правовое регулирование получилось из-за отсутствия единой точной терминологии. В России данный термин появился в проекте ФЗ «О франчайзинге» в 2014 году, но статья 1027 ГК РФ использовала термин коммерческая концессия, поэтому дальнейший вопрос с применением остался не решенным.

Считаем оправданным определять коммерческую концессию в первую очередь как способ осуществления предпринимательской деятельности. Итак, коммерческая концессия – совокупность действий субъектов предпринимательства по осуществлению инвестиционной деятельности, в которых правообладатель, предоставляет пользователю на условиях заключенного ими договора право использовать в своей деятельности комплекс исключительных прав, принадлежащих на праве собственности правообладателю, а пользователь, обязуется соблюдать условия, выставленные ему правообладателем. Как видно из предложенного нами определения, данные отношения не сводятся лишь к самому договору, а подразумевают и иные действия, как предшествующие ему, так и последующие.

Полагаем, вполне уместно было бы определить, что передаваемые по концессионному договору права идентичны тем, что предоставляются при заключении франчайзингового договора. Анализируя смысловое содержа-

ние, вкладываемое в каждое из рассматриваемых договорных конструкций, такое положение найдет свое подтверждение в полном объеме.

Необходимо помнить, что «защита прав различных категорий граждан, гарантированных как на международном, так и на государственном уровне, является объективной необходимостью»⁴⁴⁶. Учитывая то, что в ст. 1027 ГК РФ содержатся все существенные признаки договора коммерческой концессии, а также указание на элементы договора, представляется возможным сформулировать авторское определение коммерческой концессии. При этом предлагается определять коммерческую концессию в первую очередь как способ осуществления предпринимательской деятельности.

В рамках реализации метода сравнительно-правового исследования отметим, что в государствах-членах Евразийского экономического союза, в частности в Республике Беларусь и Республике Казахстан, используют термин «договор франчайзинга». Второе название такого договора в обеих странах - «договор комплексной предпринимательской лицензии». Оно указывает, что передается именно «комплекс прав».

Говоря о правовом регулировании рассматриваемого в настоящей статье правового института, необходимо указать, что самыми лаконичными в вопросе нормативного урегулирования франчайзинга сегодня называют правовые нормы Беларуси и России. Основными нормативными правовыми документами являются гражданские кодексы, но относительно судебной практики Россия «обгоняет» Беларусь.

Весьма интересен опыт Казахстана, где помимо Гражданского кодекса Республики Казахстан, действует Закон РК от 24 июня 2002 г. «О комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинге)», который:

- освещает дополнительно вопросы брокериджа (посреднической деятельности при заключении и исполнении договора комплексной предпринимательской лицензии);
- указывает на виды комплексной предпринимательской лицензии (конверсионная, множественная, товарная и другие виды).

Поскольку договор посвящен передаче исключительных прав, его правовое регулирование подпадает под действие и иных нормативных правовых актов. Речь идет, например, о Законе РК от 26 июля 1999 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», Патентном законе РК от 16 июля 1999 г., актах корпоративного законодательства и т.д.

По законодательству Беларуси, регистрации подлежит сам договор франчайзинга. В Казахстане договор франчайзинга подлежит регистрации, если включает в себя условие о передаче в составе франшизы: изобретения; полезной модели; промышленного образца; селекционного достижения; то-

⁴⁴⁶ Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Коллекторская деятельность и защита прав физических лиц при взыскании задолженности по денежным обязательствам // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 4. – С. 44.

варного знака/знака обслуживания; топологии интегральных микросхем, зарегистрированных в соответствии с законодательством Казахстана.

Хотелось бы еще раз отметить важность и необходимость государственной регистрации предоставления права использования. В силу произошедших в ГК РФ изменений несоблюдение требований может трактоваться как неисполнение обязанности по договору правообладателем, что в свою очередь может являться поводом для предъявления требований по исполнению этой обязанности им.

Следует согласиться с высказанным в доктрине мнением, что «действия правообладателя и пользователя, как сторон договора, во многом зависят от тех прав, которые правообладатель предоставляет пользователю»⁴⁴⁷. Важно подчеркнуть, что огромное значение для сторон договора имеет взаимное надлежащее исполнение возложенных на них обязанностей и не злоупотребление предоставленными им правами.

Говоря об императивных обязанностях, необходимо подчеркнуть, что с момента совершения законных действий правообладатель приступает непосредственно к практической реализации тех обязательств, которые вытекают из договора. Франчайзинг предполагает передачу модели готового и опробованного бизнеса партнеру со всеми необходимыми индивидуализирующими атрибутами и знаниями. Однако, следует помнить, что состав объектов, которые обязательно должны передаваться, принципиально отличаются в законодательстве разных стран. Помимо иных объектов, в Казахстане и России партнеру могут передаваться деловой опыт и коммерческая репутация франчайзера.

Казахстан наиболее близок в этом смысле к Беларуси, где фирменное наименование франчайзера и нераскрытая информация (в Казахстане — охраняемая коммерческая информация) являются обязательными объектами для включения в состав франшизы. Иной состав передаваемых объектов может обозначать что угодно, но не франчайзинг.

Например, если в Беларуси передается товарный знак и нераскрытая информация в виде ноу-хау, то франчайзинга такие отношения не создают. Однако если этот же состав резидент Беларуси передает для использования в России ее резиденту, то это уже может быть квалифицировано как франшиза. Представляется, что этот подход к составу франшизы не совсем представляется удобным. Фирменное наименование франчайзера, например, при торговой франшизе, редко известно потребителям, и не содержится в его товарном знаке. В связи с этим передача фирменного наименования является зачастую формальностью, а само наименование де-факто не используется франчайзи. Кроме того, включение фирменного наименования в состав обязательных элементов франшизы лишает индивидуального предпринимателя права выступать в качестве «первичного франчайзера» (поскольку

⁴⁴⁷ Морозов С.Ю., Левушкин А.Н., Еремин А.А. Существенные и иные условия договора коммерческой концессии: теория и практика применения // ЭПОС-. 2014. – № 4 (60). – С. 96-99, С. 97.

у ИП, согласно законодательству Беларуси, не может быть фирменного наименования).

Если анализировать законодательство о договоре франчайзинга Республики Казахстан, то существенными условиями данного договора будут являться условие о предмете договора, как, в принципе, и в других государствах-членах Евразийского экономического союза. Существенным условием договора комплексной предпринимательской лицензии будет являться цена, то есть вознаграждение, подлежащее уплате лицензиатом лицензиару.

Сформулируем основные выводы и предложения.

1. Предлагается создать определенные унифицированные правила в государствах-членах Евразийского экономического союза, которые регулировали бы именно франчайзинговые отношения и, соответственно, договор франчайзинга. В рамках этих положений следует определить не только понятие франчайзинга, но также и объект рассматриваемой договорной конструкции, стороны и тот перечень документов, который регулировал бы франчайзинговые правоотношения.

2. Другим решением данной проблемы видится необходимым внести в ГК РФ гл. 54 изменения, касающиеся понятий «коммерческая концессия», «пользователь», «правообладатель» и на законодательном уровне пояснить верное соотношение этих понятий с понятиями «франчайзинг», «франчайзи», «франчайзер». Например, указать «договор коммерческой концессии (франчайзинг)». Или же вовсе заменить понятия, относящиеся к коммерческой концессии терминологией, используемой в мировой практике. Однако, на наш взгляд, более целесообразным будет внесение изменений, подразумевающих равноправное применение терминов «коммерческая концессия» и «франчайзинг». Ведь такой вариант учитывает и международную практику, и сложившуюся практику применения в Российской Федерации.

Полагаем, что регулирование франчайзинговых правоотношений на уровне гражданского законодательства практически в полной мере отражает весь необходимый баланс эффективности правового регулирования рассматриваемой договорной конструкции в России.

3. Известно, что сегодня на российском рынке субъекты предпринимательства, в основном, заключают договор коммерческой концессии с зарубежными фирмами (о развитии этого сектора можно судить только по той информации, которая представлена участниками рынка в СМИ и среде Интернет), где законодательством договор коммерческой концессии поименован «франчайзингом».

4. Рассматривая законодательное регулирование данной договорной конструкции в государствах-членах Евразийского экономического союза, выявлено, что необходимо ввести легальные понятия таких категорий как субъекты. С целью унификации используемой в российском законодательстве терминологии, автором были предложены следующие дефиниции.

Пользователем является коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, приобретающая право использовать комплекс ис-

ключительных прав, принадлежащих правообладателю, в своей предпринимательской деятельности.

В свою очередь, правообладатель – коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, предоставляющая пользователю на основании ДКК право использования принадлежащего ей комплекса исключительных прав.

5. В работе выявлено, что предметом договора коммерческой концессии в соответствии с законодательством государств-членов Евразийского экономического союза является именно комплекс исключительных прав, а не исключительное право, как отдельный объект. Комплекс включает в себя не только результаты интеллектуальной деятельности, но и приравненные к ним объекты. При этом пользователь использует права, переданные ему правообладателем целенаправленным действием, и надлежащим образом исполняет договор, что также входит в определение предмета договора концессии, создавая тем самым еще одну составляющую часть предмета – общественные отношения, складывающиеся в результате применения рассматриваемого договора. От родственных договоров, например, лицензионного, рассматриваемый договор отличает именно эта составляющая предмета. По иным договорным конструкциям предусматривается передача права на использование лишь отдельных объектов, а не их комплекса.

В заключении еще раз хотелось бы отметить, что отношения, строящиеся на основании договоров коммерческой концессии (франчайзинга), уже сейчас занимают одно из ведущих мест в развитии предпринимательства по всему миру. Для достижения более высоких социально-экономических показателей необходима доскональная и четкая правовая регламентация данного института. Причем, именно в этом случае важнейшим критерием эффективности правовых изменений будет совпадение требований предпринимателей, будущих правообладателей (франчайзеров) и пользователей (франчайзи) с нормами права.

Литература

Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Коллекторская деятельность и защита прав физических лиц при взыскании задолженности по денежным обязательствам/А.Н. Левушкин, И.К.Кузьмина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 4. – С. 42-47.

Морозов С.Ю., Левушкин А.Н., Еремин А.А. Существенные и иные условия договора коммерческой концессии: теория и практика применения/С.Ю.Морозов, А.Н.Левушкин, А.А.Еремин // ЭПОС. – 2014. – № 4 (60). – С. 96-99.

Емелина Людмила Анатольевна,
доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Института государственной службы и управления РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации, к.ю.н.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Суррогатное материнство – это метод, при котором женщина соглашается забеременеть и родить ребенка по контракту. Она может быть генетической матерью ребенка (более традиционная форма суррогатного материнства), или она, как гестационный носитель, может перенести беременность после имплантации эмбриона. Суррогатное материнство является спорной, а в некоторых юрисдикциях даже незаконной медицинской процедурой.

В конце XX века медицина вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) начала переходить на коммерческие начала. Например, в Санкт-Петербурге открылся филиал Чикагского института репродуктивной генетики. Сейчас в России насчитывается уже более 250 центров ВРТ.

Когда речь заходит о правах и обязанностях сторон соответствующих семейно-правовых отношений – юридических и генетических родителей, тогда на практике возникают многочисленные вопросы.

Положения Семейного кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» позволяют быть зарегистрированными в качестве родителей только лицам, которые являются супругами и изъявили желание на применение методов вспомогательных репродуктивных технологий.

Если сравнивать нормы законов, то можно прийти к заключению, что в них нет единства, поэтому при их применении наблюдаются сложности, связанные прежде всего с регистрацией детей, которые рождены вследствие применения методов репродуктивных технологий. Органы записи актов гражданского состояния часто не дают согласия на регистрацию новорожденных лицам, которые не состоят в официально зарегистрированном (гражданском) браке. Под эту категорию подпадают и одинокие женщины, которые прибегли к методу суррогатного материнства и хотят усыновить ребенка. Единственным вариантом, то есть выходом из создавшегося положения, является обращение в судебные органы. Как правило, суды встают на сторону биологических родителей и принимают решения в их пользу. В результате такого решения у родителей появляется возможность зарегистрировать детей в органах записи актов гражданского состояния. Во избежание расширения подобной практики представляется, что единственным выходом из сложившейся ситуации будет регламентация государственной регистрации рождения детей, появившихся на свет в результате применения данного метода.

В этом отношении весьма актуальным стало принятие Верховным Судом Российской Федерации Постановления Пленума от 16 мая 2017 г. № 16

«О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». Предыдущие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации применялись судами более 20 лет. За этот период изменились многие нормы семейного законодательства, регулирующие вопросы установления происхождения детей, в медицине появились новые репродуктивные технологии зачатия детей посредством процедур инсеминации и ЭКО, было официально разрешено суррогатное материнство. Кроме того, независимо от способа появления ребенка, всегда будут возникать споры, связанные с его происхождением. В этой связи судам были даны руководящие разъяснения, как применять законы в случае рассмотрения подобных дел.

Интересно, что с точки зрения доктора юридических наук И.В. Понкина «в последующем суррогатное материнство должно быть полностью запрещено в Российской Федерации (как вариант – оставив такую возможность для совершенно исключительных случаев, которые необходимо будет четко определить в законе)»⁴⁴⁸.

Тем не менее, многие положения по-прежнему остаются неурегулированными в законодательстве, не могут найти отражения в Постановлении, а отдельные представленные судам разъяснения требуют дополнительного уточнения. Пленум делает акцент для судей на необходимость проверять обстоятельства, имеющие значение для принятия правильного решения.

Так, нормы законодательства связывают понятие суррогатного материнства с договором, который заключается между суррогатной матерью и будущими родителями. Интересно, что в иных нормативных актах (в том числе в СК РФ) не конкретизируется, какой именно договор имеется в виду.

Неразрешенным остается вопрос о зарубежном суррогатном материнстве. Например, при рассмотрении Европейским судом по правам человека дела «Paradiso and Campanelli» против Италии, выяснено, что законодательством Италии вспомогательные репродуктивные технологии считаются незаконными, поэтому семейная пара оформила договор суррогатного материнства с фирмой из России. После успешного проведения ЭКО (предположительно, при использовании спермы заявителя) родился ребенок. Суррогатная мать дала письменное согласие на запись супружеской пары, как родителей. Власти Италии отказали в выдаче свидетельства о рождении, обвинив супругов в усыновлении, которое нарушает закон. В итоге, когда был сделан анализ ДНК выяснилось, что родители и ребенок не имеют между собой родства, и над ребенком необходимо установить опеку. Приведенный пример вызывает диссонанс, следствием которого явились некоторые выводы: во-первых, если генетический материал не принадлежит генетическим родителям, то усматривается либо обман потенциальных родителей, либо преступное соглашение между ними и медицинским персоналом; во-вторых, требует выяснения статус в произошедшем суррогатной

⁴⁴⁸ Понкин И.В., Понкина А.А. Оценка суррогатного материнства с позиций права и биоэтики // Право и образование. – 2014. – № 10.

матери. Так как зачатие ребенка произошло на основе ее материала, то это не что иное, как завуалированная продажа своего ребенка. Тогда, по нашему мнению, не могут не возникнуть уголовно-правовые вопросы⁴⁴⁹.

Следует отметить, что не во всех странах (например, в Италии, Франции и др.) допустимо суррогатное материнство, поэтому законоположения должны максимально урегулировать все законодательные нюансы суррогатного материнства как для российских граждан, так и для иностранных (аналогично иностранному усыновлению).

Самым популярным среди исследовательских способов решения задач является анализ зарубежного опыта и законодательства соответствующей отрасли. Привлекательным примером может послужить практический опыт Республики Беларусь, Греции и Израиля⁴⁵⁰. Законодатель охраняет интересы только одного участника возникших правоотношений – суррогатной матери, не принимая во внимание необходимость охраны, во-первых, лично генетических матери и отца ребенка, и, во-вторых, их семьи в целом, для которой отказ суррогатной матери передать рожденного ею ребенка может иметь крайне неблагоприятные последствия, вплоть до прекращения семейных отношений.

Таким образом, в отличие от СК РФ, в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ) указан более широкий круг субъектов, имеющих право на применение метода суррогатного материнства. Поэтому видна очевидная коллизия законов – СК РФ и Закона № 323-ФЗ, – которую необходимо разрешить для формирования единообразной правоприменительной практики. Полагаем, что Закон № 323-ФЗ, будучи *lex specialis*, обладает большей юридической силой для рассматриваемых правоотношений. Более того, будучи принят существенно позднее СК РФ, Закон № 323-ФЗ более полно отражает новейшие научные достижения в медицинской и биологической сфере, а также более корректно учитывает регулируемые общественные отношения.

В завершении следует отметить, что вопросы суррогатного материнства требуют обязательного учета в ходе реформы СК РФ. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко обратила внимание на необходимость актуализации Семейного кодекса, предложив разработать и принять новый кодекс⁴⁵¹. Оптимальным способом разрешения выявленной коллизии представляется внесение коррелирующих изменений в СК РФ, что позволит обеспечить равную юридическую защиту участников правоотношений независимо от применяемого в

⁴⁴⁹ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 24 января 2017 г. по делу «Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии» (жалоба N 25358/12) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2017. – № 6 (180).

⁴⁵⁰ Емелина Л.А., Малюк Т.О. Правовое регулирование отношений в области суррогатного материнства в Российской Федерации и отдельных странах // Право и образование. – 2020. – № 2. – С. 117.

⁴⁵¹ Емелина Л.А. Актуальные проблемы реализации государственной семейной политики в Российской Федерации // Обеспечение и защита прав ребенка: Международный опыт и Российская практика: конф. – Москва: Изд-во «Права человека», 2016.

конкретном деле нормативного правового акта и позволит избежать регуляторного арбитража и нарушения прав граждан в столь чувствительной сфере как семейная.

Литература

Емелина Л.А. Актуальные проблемы реализации государственной семейной политики в Российской Федерации/Л.А.Емелина// Обеспечение и защита прав ребенка: Международный опыт и Российская практика: конф. Москва, 16 2015). – Москва: Изд-во «Права человека», 2016.

Емелина Л.А., Малюк Т.О. Правовое регулирование отношений в области суррогатного материнства в Российской Федерации и отдельных странах // Право и образование. – 2020 – № 2.

Понкин И.В., Понкина А.А. Оценка суррогатного материнства с позиций права и биоэтики/И.В.Понкин, А.А.Понкина // Право и образование. – 2014. – № 10.

Ефимова Ольга Владимировна,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ЗАЛОГ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Цифровизация различных сфер общества — это закономерный результат технического прогресса. Совершенно справедливо следующее утверждение: «Общество под влиянием цифровизации трансформируется, оно приобретает многие черты, которые позволяют охарактеризовать его как информационное»⁴⁵².

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 N 203 в качестве основных направлений реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации указывает на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики. Одним из итогов указанного процесса стало введение в гражданский оборот цифровых прав⁴⁵³. Цифровыми правами названы обязательственные и иные права, суть которых, равно как и возможность осуществления определяются правилами информационной системы⁴⁵⁴. С 01 января 2021 года появилась разновидность цифровых прав - цифровые активы, введенные Федеральным законом от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифро-

⁴⁵² Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2019. – № 4. – С. 44.

⁴⁵³ На основании Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» была введена ст. 141.1 ГК РФ, посвященная цифровым правам.

⁴⁵⁴ Ефимова О.В., Балдина С.А. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Ученые труды Российской Академии Адвокатуры и нотариата. – 2019. – № 3 (54). – С. 45.

вой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту Закона № 259).

Согласно ст. 2 Закона № 259 цифровыми активами признаются цифровые права, содержащие различные правовые возможности. Данные возможности определяют сущность не только обязательственного права, но и корпоративного. Цифровые активы представляют собой обязательственные права:

- право требования по денежным обязательствам,
- право требования передачи эмиссионных ценных бумаг.

В тоже время цифровые активы — это право участия в непубличном акционерном обществе, или возможность осуществлять все права, предоставленные эмиссионными ценными бумагами. Цифровой актив может содержать только одно из названных прав или несколько и нет ограничений на формирование такой совокупности.

Независимо от того, какое право из названного представляет собой цифровой актив, возникновение и его осуществление возможно только в информационной системе, которой, в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

В целом выпуск цифровых активов практически тождественен выпуску эмиссионных ценных бумаг. Также вначале принимается решение о таком выпуске, которое должно быть в открытом доступе (путем размещения на сайте определенного лица), на основании данного решения формируется запись о формировании цифрового актива и после этого осуществляется размещение указанных активов как за денежные средства, так и за иные финансовые активы.

Не только особая (цифровая) среда определяет специфику цифровых активов, но и определенный субъектный состав, задействованный в отношениях с указанными активами. Речь идет не только о лицах, обладающих правом на финансовые активы, но также о субъекте, обеспечивающем формирование цифровой среды, в рамках которой возникают и передаются цифровые активы. Таким субъектом является оператор информационной системы, в качестве которого может быть только юридическое лицо — резидент, включенное в реестр операторов информационной системы, руководители и иные служебные лица, которого соответствуют установленным законом требованиям.

Эмитентом цифровых активов могут выступать индивидуальный предприниматель или юридическое лицо. Обладать цифровым активом разрешено только тому субъекту, который включен в специальный реестр (реестр пользователей информационной системы) и обладает уникальным кодом, дающим доступ к той информационной системе, в которой учитываются исследуемые активы, для распоряжения ими.

Указанные выше требования должны соблюдаться и при наложении обременений на цифровые активы. Согласно п. 6 ст. 4 Закона № 259 ограничения, обременения возникают с момента внесения в информационную систему записи об этом. Согласно п. 1 ст. 336 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) предмет залога является имущество, в том числе - имущественные права⁴⁵⁵. Поскольку цифровые активы в силу их признания обязательственными и иными правами должны быть отнесены к имуществу, то одним из допустимых обременений, который может быть наложен является залог⁴⁵⁶. В том случае, когда содержание цифрового актива составляет обязательственное право, то залог данного актива должен осуществляться по правилам ст. ст. 358.1–358.8 ГК РФ. Если цифровой актив определяет права, предоставляемые эмиссионными ценными бумагами, то следует учитывать особенности залога, указанные в ст. ст. 358.16–358.17 ГК РФ. В том случае, когда цифровой актив — это право участия в непубличном акционерном обществе, то необходимо опираться в первую очередь на положения ст. 358.15 ГК РФ.

Независимо от содержания правовой возможности залог цифрового актива предоставляет преимущественность его залогодержателю перед другими кредиторами должника на получение имущественного предоставления, составляющему содержание такого актива. Залогодержатель, равно как и залогодатель должен соответствовать требованиям, установленным для обладателей цифрового права, а именно эти лица должны быть указаны в реестре пользователей информационной системы, в которой сформирован цифровой актив, а также имеет уникальный код для доступа к этой информационной системе.

Особенности залога цифрового актива состоят в особенностях содержания договора залога (появляются дополнительные существенные условия, связанные с индентификацией основания возникновения права и другой стороны в данном обязательстве). Реализация заложенных цифровых активов возможна как в судебном, так и внесудебном порядке. В любом случае реализация направлена на передачу цифрового актива (на основании судебного акта или соглашения) либо самому залогодержателю, либо указанному им лицу.

Таким образом, обременение в форме залога цифровых активов допускается только в определенной среде - информационной системе с участием субъектов, соответствующих требованиям, установленным Законом № 259 с учетом положений ГК РФ, сформированных для залога обязательственных прав, прав участников юридического лица, ценных бумаг в зависимости от содержания соответствующего актива.

⁴⁵⁵ Гольшев В.Г. Залог как способ обеспечения кредитных обязательств // Банковское право. – 2002. – № 4. – С. 19-21.

⁴⁵⁶ Василевская Л.Ю. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 6. – С. 90.

Литература

Василевская Л.Ю. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 6. – С. 90-94.

Голышев В.Г. Залог как способ обеспечения кредитных обязательств // Банковское право. – 2002. – № 4. – С. 19–21.

Ефимова О.В., Балдина С.А. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Ученые труды Российской Академии Адвокатуры и нотариата. – 2019. – № 3 (54). – С. 45–48.

Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2019. – № 4. – С. 44–48.

Козинец Никита Владимирович,

к.ю.н., доцент кафедры образовательного и информационного права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Развитие глобализационных процессов в контексте всеобщей цифровизации неотвратимо создает потребность в адаптации участников рынка к условиям новой действительности.⁴⁵⁷ Развитие информационных технологий, электронных ресурсов, внедрение дистанционных цифровых форм договорных, а также расчетно-платежных отношений влечет необходимость создания принципиально новых форм и видов документов. Эта потребность, ровно как и общее регулирование правоотношений в данной сфере, и является одной из главнейших задач российского информационного законодательства.⁴⁵⁸

В современном обществе важнейшим объектом производственной и потребительской деятельности становятся информационные товары и услуги, манипулируемые, организуемые, передаваемые и хранимые в электронной форме.⁴⁵⁹ Безусловно, при осуществлении коммерческой деятельности, связанной с такими новыми для традиционного права объектами, возникают вопросы о наиболее полном закреплении прав и обязанностей сторон данной деятельности, например, заказчика и исполнителя. В связи с бурным и динамичным развитием сферы IT именно компании, осуществляющие деятельность в данном поле, становятся первопроходцами, которые все чаще и чаще обращаются к опыту и новеллам зарубежных правовых систем.

⁴⁵⁷ Козинец Н.В. Эволюция правового регулирования трансграничной электронной торговли в законодательстве США // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6. – С. 66.

⁴⁵⁸ Рассолов И.М. Информационное право: курс лекций. – М.: МГПУ, 2020. – С. 61.

⁴⁵⁹ Тедеев А.А. Информационное право (право Интернета). – М.: Эксмо, 2005. – С.6-7.

Естественно, основным драйвером возникновения и существования правоотношений между двумя коммерческими структурами является договор.

Говоря о классическом понимании права, договор является ключевым и, возможно, одним из важнейших достижений мировой юриспруденции. С самых древних времен люди использовали договор для обмена благами, товарами, услугами и т.д. Как и ранее, договор в настоящее время имеет невероятное теоретическое и практическое значение. Буквально во всех правовых системах понятие «договор» (или «контракт» - в рамках работы данные термины будут использоваться в качестве синонимов) закреплено на законодательном уровне, а большая часть правоотношений, возникающих в любом обществе, связана именно с данной юридической конструкцией.

Для подробного изучения вопроса типологии и классификации существующих видов контрактов следует обратиться к отечественному гражданскому праву, в котором прямо предусмотрены определенные виды договоров. Однако, как известно, данный перечень не является закрытым, что доказывает заложенную законодателем концепцию, позволяющую практикующим юристам использовать любые удобные виды и формы договоров, не нарушающих действующий правопорядок.

Возвращаясь к особенностям правовой деятельности коммерческих организаций в сфере ИТ, необходимым представляется изучить наиболее распространенные виды контрактов в сфере информационных технологий на разработку программного обеспечения (далее – «ПО») или иных цифровых продуктов. В рамках анализа необходимо исследовать правовую природу данных договоров, а также выделить ключевые условия, одновременно с достоинствами и недостатками существующих в практике моделей регулирования указанных отношений.

Первой договорной конструкцией стоит назвать “Time and Material” (дослов. с англ. – «время и ресурс»). С исторической точки зрения эта схема применялась консалтинговыми и аудиторскими компаниями, однако в настоящее время ее активно имплементируют в свою деятельность крупные ИТ-структуры. Данный вид контрактов зачастую используется сторонами при работе над обширными проектами, в которых нужно разрабатывать индивидуальные решения и когда затруднительно заранее определить полный объем необходимой работы и точные сроки реализации договора. Этот контракт, по факту, является рамочным. Для создания гибких условий в рамках договора работа разделяется на обособленные этапы, а оплата выполненной работы происходит с заранее согласованной частотой (напр., раз в месяц или после выполнения очередного этапа). Из очевидных преимуществ данной модели регулирования стоит выделить автономность исполнителя, который не зависит от изначальной разработки и дальнейших правок технического задания (далее – «ТЗ»), а также дополнительный контроль заказчиком производимой работы, который может в любой момент оперативно повлиять на конечный результат. Однако, данное преимущество легко становится значительным недостатком конструкции Time and Material, т.к. вовлеченность заказчика в проект и контроль хода работ занимают дополнительные

ресурсы, при этом появляется существенный риск недобросовестного разделения исполнителем этапов работы и искусственного завышения стоимости работы.

Более жесткие условия предлагает договорная модель “Fixed Price” (дослов. с англ. – «фиксированная стоимость»), которая используется при выполнении небольших проектов, для которых важно установить максимально допустимые сроки и заранее определить ограниченный бюджет. Существенным условием становится именно цена контракта, которая должна быть согласована до начала выполнения работ по договору. Безусловно, все вопросы нарушения сроков также становятся актуальными и ответственность полностью возлагается на исполнителя. В результате этого, как негативное последствие, возможна ситуация, при которой исполнитель для сокращения сроков и своих издержек будет вынужден снизить качество итоговой работы. Для предотвращения такого сценария данный контракт требует заранее детально проработанного ТЗ, особенно с учетом того, что внесение правок и дополнений в проект данный контракт не предусматривает. Также, стоит отметить, что контракт Fixed Price традиционно считается гораздо более подробным и конкретным, чем, например, Time and Material, благодаря чему появляется возможность использовать такую модель при работе с тендерами (и частными, и государственными).⁴⁶⁰ Однако, как показывает существующая практика, цифровые проекты и задачи могут растягиваться на неопределенный срок по различным причинам, что, разумеется, приводит к необходимости внесения изменений и появлению определенных затруднений для обеих сторон.

Обособленно стоит регулирующая модель Out-Staff, которая обычно применяется в ситуациях, где необходимо рассчитать точное количество человеко-часов для определенных специалистов или сторонних подрядчиков. В данной модели не затрагиваются общие ресурсы исполнителя, а учитываются лишь фактически затраченные усилия конкретных сотрудников. Безусловно, помимо работы конечных программистов со стороны исполнителя, дополнительно будут учитываться часы работы проект-менеджера, который осуществляет общую координацию работы. Несмотря на то, что данная договорная конструкция выглядит весьма выгодной для заказчика, для ее эффективного исполнения требуется значительный практический опыт с обеих сторон.

И, наконец, одна из самых универсальных моделей регулирования – Agile (дослов. с англ. – проворный). Данный вид договора, разумеется, обладает своими особенностями. Абсолютно необходимо сказать о том, что в отличие от всех ранее упомянутых видов контрактов он является наиболее гибким и способным к постоянным изменениям. Модель Agile получила свое значимое распространение на территории РФ в сфере управления бизнес-процессами в 2010-х годах благодаря активной имплементации Agile-

⁴⁶⁰ Попенкова К. Работа по договору Time & Material: суть подхода и в каких ситуациях его лучше применять [Электронный ресурс] // URL: <https://vc.ru/legal/188233-rabota-po-dogovoru-time-material-sut-podhoda-i-v-kakih-situatsiyah-ego-luchshe-primenyat> (дата обращения: 10.02.2021).

методов Сбербанком.⁴⁶¹ В условиях современного рынка значительная часть компаний переформатировала свою деятельность в соответствии с идеальными стандартами, которые продиктованы нынешними требованиями целевой аудитории. Все чаще ставятся задачи по постоянному развитию и улучшению конечных продуктов с целью получения конкурентных преимуществ и, как итог, позитивных откликов от конечных пользователей. Для достижения таких результатов как раз может использоваться система Agile-методики, которая позволяет совмещать различные экспериментальные форматы и более классические системные подходы. Если же говорить о юридическом восприятии термина Agile, то суть правовой модели регулирования сводится к тому, что стороны де-факто не являются полноценными исполнителем и заказчиком, а буквально становятся партнерами. Вместо жестких условий традиционных договорных конструкций в тексте контракта закрепляются основные концепции, наброски и замыслы разработки. Разумеется, для максимально результативного достижения цели сторонам необходимо также продумать правовые механизмы по регулированию основных вопросов, возникающих при реализации данного вида правоотношений. Такая подготовка позволит минимизировать риски для заказчика и исполнителя, а также, при наступлении негативных последствий, позволит эффективно отстаивать свои интересы в условиях арбитражного процесса.

Литература

Дик В.В., Лужецкий М.Г., Родионов А.Э., Электронная коммерция // Московская финансово-промышленная академия. – М., 2005.

Козинец Н.В. Эволюция правового регулирования трансграничной электронной торговли в законодательстве США // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6.

Попенкова К. Работа по договору Time & Material: суть подхода и в каких ситуациях его лучше применять [Электронный ресурс] // URL: <https://vc.ru/legal/188233-rabota-po-dogovoru-time-material-sut-podhoda-i-v-kakih-situaciyah-ego-luchshe-primenyat> (дата обращения: 10.02.2021).

Рассолов И.М. Информационное право: курс лекций. – М.: МГПУ, 2020.

Тедеев А.А. Информационное право (право Интернета). – М.: Эксмо, 2005.

Цепков М. Кейсы agile-трансформации, часть первая: банки [Электронный ресурс] // URL: <https://vc.ru/hr/100793-keysy-agile-transformacii-chast-pervaya-banki> (дата обращения: 10.02.2021).

⁴⁶¹Цепков М. Кейсы agile-трансформации, часть первая: банки [Электронный ресурс] // URL: <https://vc.ru/hr/100793-keysy-agile-transformacii-chast-pervaya-banki> (дата обращения: 10.02.2021).

Левушкин Анатолий Николаевич,

профессор, д.ю.н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (УлГУ).

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧЛЕНОВ СЕМЬИ**

Чаще всего в России семейный бизнес осуществляется в форме микро-предприятий и малого предпринимательства (хотя не исключается возможность развития семейного бизнеса до масштабов среднего и даже крупного предпринимательства), в связи с чем семейный бизнес остро ощущает на себе любые экономические и политические колебания, нестабильность рынка, а также влияние крупных компаний на конкурирующем рынке, работу бюрократического аппарата государства и т.п.

Изучение феномена семейного бизнеса в цивилистической парадигме находится на стыке многих наук. Есть все основания предполагать, что семейное предпринимательство должно получить развитие не только в цивилистической доктрине, но и в контексте развития социального предпринимательства в современном экономическом обороте нашей страны⁴⁶². Особое звучание проблеме правового регулирования семейного бизнеса придает то обстоятельство, что семейный бизнес, как правовое последствие реализации полномочий супругов по осуществлению предпринимательской деятельности, нуждается в поддержке со стороны государства не меньше, а может быть даже больше, чем любое малое или среднее предпринимательство. Периодически на различных открытых площадках звучат одобряемые государственными чиновниками (в том числе и Президентом России⁴⁶³) предложения о необходимости законодательной легализации семейного бизнеса. Однако до настоящего момента в российском законодательстве отсутствует как легальное понятие семейного бизнеса, так и меры его поддержки.

В настоящее время в Российской Федерации в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее - ГК РФ) действует свобода договорного регулирования, появились новые формы хозяйствования, страна идет по пути рыночной экономики. Одновременно с этим возникла

⁴⁶² Левушкин А.Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме // Гражданское право. – 2020. – № 2. – С. 4.

⁴⁶³ Путин предложил создать патент на семейный бизнес [Электронный ресурс] // URL: <https://delovoyimir.biz/putin-predlozhil-sozdat-patent-na-semeynyy-biznes.html> (дата обращения: 03.02.2021).

потребность в новом правовом регулировании общественных отношений, складывающихся в сфере экономики и предпринимательской практике⁴⁶⁴.

Ранее уже обращалось внимание, что в системе рыночных отношений семейное предпринимательство в России не получило широкого своего развития и применения в нашей стране, поскольку переживало различные этапы и противоречивые события в экономике и политике.

Вместе с тем, нынешняя государственная семейная политика Российской Федерации направлена на решение задач по укреплению экономического благополучия семьи, усилению социальной значимости каждой семьи, развитию интересов и традиций ведения семейного предпринимательства, в основу которых заложены механизмы поддержки и стимулирования предпринимательской активности семей в рамках Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р.

Было принято концептуальное политико-экономическое решение о проведении эксперимента, целью которого является стимулировать физических лиц выйти из зоны теневой экономики, легализовать свою деятельность по получению доходов в сочетании с обеспечением выполнения обязанности перед государством по уплате налогов в бюджет.

Необходимо признать, что в России государственная поддержка субъектов семейного предпринимательства развита значительно хуже, чем в зарубежном правовом порядке. Отсутствует ряд необходимых механизмов, которые бы позволили выйти малому и среднему бизнесу на новый стабильный уровень. В литературе небезосновательно отмечается, что создаётся впечатление, что государство попросту не заинтересовано в малом бизнесе. А как показывает опыт развитых стран – сильное малое и среднее предпринимательство – индикатор мощной, развитой, стабильной экономики⁴⁶⁵.

Не так давно Минэкономразвития подготовило проект закона о семейном бизнесе – он позволит предпринимателям создавать коммерческие организации в рамках семьи и получать поддержку от государства. Новый законопроект направлен на упрощение документооборота в предприятиях малого бизнеса, а также на их дополнительную государственную поддержку. Общим семейным делом теперь может называться организация, в которой работают родители, дети, бабушки и дедушки, а также супруги и их ближайшие родственники. Вовлечение близких родственников в коммерческую деятельность позволит предприятиям рассчитывать на ряд льгот.

С введением законопроекта дополнительно уточнится новое определение «семейного бизнеса». Раньше это определение не было закреплено в законодательстве должным образом, что не позволяло предпринимателям по-

⁴⁶⁴ Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. – 2020. – № 2. – С. 151.

⁴⁶⁵ Астахин А.С. Малый и средний бизнес в системе обеспечения национальной безопасности России // Стратегическое управление: теория, практика и проблемы: материалы XV Межрегиональной научно-практической конференции. 2018. С. 195.

лучить право на ряд стимулирующих развитие преференций. Новый закон определит, какое дело можно называть семейным – в первую очередь, в нем семье должно принадлежать не менее половины установленного капитала. Один из членов семьи должен выступать руководителем предприятия.

Приведем весьма показательный пример для развития экономических отношений и бизнеса в период пандемии. Работники одной из организаций, резидента Фонда «Сколково», напрямую уличили своего работодателя в инициации процедуры банкротства в период действующего моратория, не исполняя при этом обязательства по оплате перед своими работниками с конца 2019 г.

В свою очередь, представитель организации заявил, что инициация банкротства с его стороны является законной и к тому же вынужденной мерой, поскольку на его организацию не распространяются меры государственной поддержки (налоговые или кредитные каникулы). Только поэтому организация в его лице подала заявление о банкротстве «в целях защиты и оздоровления», а не в целях ликвидации.

Однако «основатель стартапа» не упомянул, что за много месяцев до начала пандемии его организация уже была финансово несостоятельной, по сведениям работников были выведены активы в новую учрежденную организацию, и трудовые отношения со многими его бывшими работниками «завершены ненадлежащим образом».

Данный пример весьма показателен для оценки дальнейшего сотрудничества граждан с представителями бизнеса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что количество организаций, готовых заключать новые трудовые договоры, будет резко снижаться, общий настрой бизнеса в кризисной ситуации более чем очевиден, профсоюзы и их историческая роль канула в Лету. Однако именно сейчас становятся вновь актуальными вопросы, тлеющие последние годы на задворках правового поля, например, изменение форм занятости, социальная незащищенность неоформленного сегмента занятых, которые сейчас оказываются вне мер государственной поддержки, правовой нигилизм среди граждан и предпринимателей.

На сегодняшний день, серьезной проблемой семейного предпринимательства, остается недостаток кредитования, определенный высоким уровнем процентов за кредит, наличие жестких административных барьеров, отсутствие правил регулирования трудовых отношений внутри семейного бизнеса, а также несовершенство законодательной базы семейного предпринимательства, относящегося к малому и среднему семейному бизнесу.

Полагаем, что в сегодняшней непростой экономической ситуации создание государством условий для семейного предпринимательства путем разработки программ, предусматривающие льготное финансирование, особенности налогообложения, обеспечение социальными гарантиями и ослабление надзора со стороны контролирующих органов в отношении семейного бизнеса, позволит малым семейным предприятиям улучшить свое благополучие. Стоит отметить, что главными приоритетами успешного развития

страны должны стать укрепление и поддержка семьи, как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем.

С целью обеспечения баланса частноправового и публично-правового регулирования в сфере реализации государственной политики по отношению к семейному предпринимательству и поддержке семейного бизнеса в системе бизнес-процессов в современной России, необходимо сформулировать основные выводы и предложения.

1. В нашей стране достаточно большое количество предприятий, которые организованы семьями. Однако, никаких программ государственной поддержки, льгот и иных бонусов для семей предпринимателей фактически не существует. Для населения семейное предпринимательство, безусловно, привлекательно, так как финансовые вложения одному человеку не всегда под силу, а привлекать посторонних лиц к ведению общего бизнеса не рационально и рискованно. Основой современного семейного бизнеса является доверие и общие имущественные интересы всех членов семьи.

2. Полагаем, что в настоящее время создание государством условий для ведения семейного бизнеса путем разработки программ, предусматривающие льготное финансирование, особенности налогообложения, обеспечение социальными гарантиями и ослабление надзора со стороны контролирующих органов в отношении семейного бизнеса, позволит малым семейным предприятиям улучшить свое благополучие.

3. Из предложенных выше данных можно сделать вывод, что в Российской Федерации существуют определённые правовые механизмы, позволяющие предпринимателям в сфере семейного бизнеса получить государственную финансовую поддержку. Кроме того, создаются органы, которые, безусловно, помогают предпринимателям на всех этап их деятельности, в том числе, и на этапе получения государственную поддержку в том или ином случае. Такая практика пока что не развита, но она есть и не стоит на месте.

4. Безусловно, семейное предпринимательство в нашей стране в современных условиях должно в большей степени поддерживаться государством и крупным бизнес-сообществом, необходима разработка и реализация специальных целевых программ, направленных на развитие предпринимательской деятельности членов семьи⁴⁶⁶.

Литература

Астахин А.С. Малый и средний бизнес в системе обеспечения национальной безопасности России/А.С.Астахин// Стратегическое управление: теория, практика и проблемы: материалы XV Межрегиональной научно-практической конференции. 2018. – С. 191–198.

⁴⁶⁶ Левушкин А.Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 3 (43). – С. 208.

Левушкин А.Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме/А.Н. Левушкин // Гражданское право. – 2020. – № 2. – С. 3 - 7.

Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности/И.К.Кузьмина // Современный юрист. – 2020. – № 2. – С. 150-166.

Левушкин А.Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 3 (43). – С. 206–217.

Лепешкина Валентина Сергеевна,
аспирантка 3 курса Департамента правовых дисциплин
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ ПО СПОРАМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

За прошедшие почти 10 лет с момента введения Закона о медиации в России произошли определенные изменения, связанные с развитием института медиации. Существенно расширилась география практического применения медиации в России: если в первый год действия Закона о медиации процедуру использовали только в 8 регионах, сейчас профильные организации появились более чем в 58 субъектах РФ, хотя лидерами остаются Москва, Санкт-Петербург, Свердловская область, Пермский край, Липецкая область⁴⁶⁷. В противоположность им в некоторых регионах информация о медиации отсутствует, например, в Еврейской и Чукотской автономных областях.

На сегодняшний день профессиональные медиаторы чаще всего объединяются в автономные некоммерческие организации и ассоциации, некоммерческие партнерства (НП), Коллегии и центры в системе ТПП или в системе Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Открываются медиативные центры при высших учебных заведениях, таких как Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ), Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), активно участвующие в международных конференциях по вопросам медиации.

Объединениям медиаторов характерно ведение реестров, однако подходы к их формированию различны: одни организации готовы принимать в свои ряды всех, кто может предоставить любой документ в подтверждение

⁴⁶⁷ Современное состояние развития медиации в России [Электронный ресурс] // Лига медиаторов. URL: <http://arbimed.ru> (дата обращения 30.01.2021).

полученного обучения, другие – предъявляют высокие требования к профессионализму кандидатов, который дополнительно проверяется результатами внутреннего тестирования. Несколько реестров медиаторов по организациям выложены на сайте Федерального института медиации, в том числе реестры организаций медиаторов по информации ВС РФ и ФАС РФ⁴⁶⁸.

Центры медиации осуществляют образовательную деятельность (обучение по программе подготовки медиаторов), практическую (проведение процедуры медиации по спорам), научно-исследовательскую (организация конференций, семинаров, круглых столов, участие в них, проведение исследований по вопросам медиации), зачастую совмещая эти направления.

С 2013-го года действует федеральная программа подготовки медиаторов, утвержденная Министерством юстиции РФ, которая состоит из трех уровней: «Базовый курс», «Особенности применения медиации» и «Курс подготовки тренеров медиаторов». Для того, чтобы начать заниматься медиацией на профессиональной основе достаточно получить свидетельство о повышении квалификации по Базовому курсу обучения, но только после прохождения всех ступеней программы медиатору вручается диплом о профессиональной переподготовке⁴⁶⁹. Формы таких документов устанавливаются образовательными организациями самостоятельно, т.к. реализуются ими на основании лицензии в виду отсутствия установленных государственных образовательных стандартов и требований по данной программе дополнительного профессионального образования. Несмотря на критику, связанную с тем, что программа готовит «медиаторов-отраслевиков», когда каждый специалист акцентирует внимание на вопросах своей области (психолог – на вопросах коммуникации в ходе медиации, юрист – на составлении соглашений о примирении по итогу процедуры), она продолжает применяться без изменений.

Из анализа западного опыта следует, что способы альтернативного урегулирования споров возникли в ответ на происходящий кризис судебной системы. Длительность, дороговизна, жесткость и формальность процесса, архаичность системы судов, заключающаяся во множественности судебных инстанций, совпадении юрисдикций, а также снижение качества принимаемых судом решений⁴⁷⁰ из-за повышенной нагрузки и механического применения правовых норм привели общество к осознанию необходимости формирования несудебного способа урегулирования споров. Показательно, что особенно настаивали на формировании альтернативных способов предста-

⁴⁶⁸ Реестры медиаторов по организациям [Электронный ресурс] // Федеральный институт медиации. URL: <http://fedim.ru/reestry-mediatorov/> (дата обращения 30.01.2021).

⁴⁶⁹ Где и как выбрать медиатора? [Электронный ресурс] // Мнения. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения 30.01.2021).

⁴⁷⁰ Гольшев В.Г., Гольшев И.В. К вопросу о правилах выступления в судебном процессе и их правовом регулировании (на примере кодекса административного судопроизводства Российской Федерации) // Администратор суда. – 2016. – № 3. – С. 36-40; Гольшева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Гольшева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2019.

вители бизнес-сообщества, заинтересованные в оперативном, выгодном, нешаблонном решении споров⁴⁷¹.

Слабые моменты Закона о медиации были обозначены еще в Справке о практике применения судами Закона о медиации за период с 2013 по 2014 год, утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 01.04.2015 г. (далее – Справка), и во многом их проработка сохраняет свою актуальность по сегодняшний день. Значимым шагом на пути их преодоления можно считать принятие ФЗ № 197, на положения которого неоднократно делались ссылки в настоящей работе. Данный ФЗ № 197 разрешил следующие проблемные вопросы:

1) несоответствия сроков проведения медиации и сроков рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции – теперь суд вправе отложить разбирательство дела для примирения сторон на срок, не превышающий шестидесяти дней;

2) пассивности просветительской работы на уровне государственных органов относительно возможностей медиации при урегулировании споров – теперь в процессуальных кодексах содействие мирному урегулированию споров закреплено в качестве задачи судопроизводства;

3) ограниченности сферы применения медиации – медиация стала применима не только к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, но и административных и иных публичных;

4) отсутствия материальных стимулов к использованию медиации в рамках судебного процесса – за примирение сторон до вынесения решения по делу предусмотрено возвращение части госпошлины, размер которой зависит от стадии судебного разбирательства, когда стороны примирились;

5) необязательности внесудебного медиативного соглашения – стороны внесудебной медиации получили право придать медиативному соглашению силу исполнительного документа путем заверения его у нотариуса;

6) отсутствия свидетельского иммунитета медиатора – теперь медиаторы не подлежат допросу в качестве свидетелей по делу об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с участием в медиации;

7) несоответствия предмета медиативного соглашения предмету иска – в мировое соглашение стало возможно включать положения, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства.

Принятые поправки уже вступили в силу и имеют принципиальное значение для модернизации медиации. Однако ряд положений Закона о медиации продолжает вызывать вопросы.

Самая спорная норма – необязательность соглашения о применении медиации (в том числе медиативной оговорки). По мнению ряда экспертов, необязательность ведет к тому, что зафиксированное намерение сторон использовать медиацию по своему спору становится чисто декларативным.

⁴⁷¹ Альтернативное разрешение споров. Учебник / Под ред. Е.А. Борисовой. – М.: Издательский Дом «Городец», 2019. – С. 48.

Другой дискуссионный момент – отсутствие регламентации порядка проведения медиации. С одной стороны, как отмечалось ранее в настоящей работе, неформализованность процедуры можно считать одним из ее преимуществ, ведь стороны вольны самостоятельно определять процедурный порядок, в соответствии с которым будет действовать медиатор. С другой стороны, часто стороны соглашаются с процедурным регламентом, который самостоятельно, т.е. по своему усмотрению, бесконтрольно, вырабатывает организация, обеспечивающая проведение медиации по их спору. В таком случае единственной гарантией грамотно организованного процесса переговоров сторон будет профессионализм конкретного медиатора и добросовестность объединения медиаторов, членом которого он является.

Остается неясным, какая ответственность медиатора за проведение процедуры медиации предусмотрена соответствующим законом. Она номинально обозначена, но никак не разъяснена (ст. 17). В приведенной норме фактически идет речь о разновидности общегражданской деликтной ответственности за причинение вреда охраняемым законом интересам сторон(ы) спора. Поэтому возможными правонарушениями со стороны медиаторов, повлекшими причинение вреда, могут быть признаны как специальные «профессиональные» проступки (например, разглашение медиатором конфиденциальной информации, ставшей ему известной в ходе процедуры, нарушение принципа беспристрастности и независимости по отношению к сторонам спора), так и любые другие правонарушения, в т. ч. уголовно наказуемые (например, мошенничество). На сегодняшний день инструмент страхования профессиональной ответственности почти не применяется в юридической сфере, поэтому крайне редко используется и в среде профессиональных медиаторов⁴⁷².

Понимая стремление законодателя подчеркнуть роль сторон в принятии самостоятельного решения по спору, представляется, что запрет медиатору проводить консультации сторонам спора (по правовым и иным вопросам) плохо корреспондирует с обязанностью медиатора содействовать сторонам в заключении жизнеспособного и законного медиативного соглашения, – и в целом подрывает значимость медиации. Спорящие стороны нацелены урегулировать спор с точки зрения правовых норм, не прибегая к суду, однако самостоятельно справиться с этой задачей у них не всегда получается. Сейчас по закону медиатор «отсылает» спорящих по всем юридическим вопросам к профильным специалистам за соответствующей консультацией, но очевидно, что стороны спора не заинтересованы нести дополнительные финансовые расходы за вынужденное обращение к сторонним экспертам. Такое положение вещей однозначно снижает привлекательность медиации в глазах потенциальных клиентов медиативных услуг.

За рамками нормотворчества можно отметить следующие организационные причины непопулярности медиации:

⁴⁷² Шамликашвили Ц. А. Ответственность медиатора // Медиация и право. – 2011. – № 1(19). – С. 42.

- отсутствие практических навыков судей по разъяснению права сторон на медиацию, по определению медиабельности спора;

- низкий контроль квалификации медиаторов (гарантия компетентности профессионального медиатора – свидетельство о прохождении программы по подготовке медиаторов);

- недостаточная осведомленность физических и юридических лиц о возможностях процедуры медиации (недостаточная реклама медиации на рынке юридических услуг; недостаточная просветительская работа на уровне государственных органов, за исключения судов, и органов местного самоуправления, СМИ).

- запрет использования информации о проведенной внесудебной медиации в качестве рекламы деятельности профессиональных медиаторов в виду конфиденциальности процедуры.

Резюмируя, можно констатировать определенное развитие института медиации, произошедшее за годы легального существования медиации в России. Однако при очевидной государственной поддержке институтов примирения на практике медиация продолжает использоваться крайне ограниченно в силу ряда нерешенных проблемных вопросов, условно подразделяемых на вопросы нормативного, организационного, экономического и психологического характера.

Литература

Альтернативное разрешение споров. Учебник / Под ред. Е.А. Борисовой. – М.: Издательский Дом «Городец», 2019.

Гольшев В.Г., Гольшев И.В. К вопросу о правилах выступления в судебном процессе и их правовом регулировании (на примере кодекса административного судопроизводства Российской Федерации) // Администратор суда. – 2016. – № 3. – С. 36-40.

Гольшева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Гольшева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2019. – 164 с.

Шамликашвили Ц. А. Ответственность медиатора // Медиация и право. – 2011. – № 1(19).

Нестерова Олеся Сергеевна,
аспирант 1 курса Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА: ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Каждый правовой институт подвергается ретроспективному историческому анализу. Институт банкротства физического лица не исключение, ведь является частью закономерного процесса правовой и экономической системы государства.

Историческое развитие правового регулирования банкротства граждан условно можно разделить на следующие этапы: дореволюционный, советский, современный.

В дореволюционном периоде лишь формировались предпосылки к развитию конкурсного права в России, а нормы о банкротстве, вплоть до XVIII века, имели бессистемный характер, однако они все же существовали.

Источниками отечественной нормативной базы, регулирующей институт банкротства физических лиц, в дореволюционный период служили: «Русская Правда» (статьи 68-69); Соборное уложение 1649 года (статья 210 главы X); Положение о Комиссии коммерции 1720 года» Устав «О банкротах», 1800 год; Устав «О торговой несостоятельности», 1832 год (который отделил понятия «несостоятельность» и «банкротство»).

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) физических лиц следующего исторического этапа – советского, практически не существовало. В 1922 году был принят Гражданский кодекс, который ввел понятие «несостоятельность», однако механизм реализации данного понятия нормативный акт не содержал. Это был единственный нормативный акт советского периода, который регулировал отношения кредитора и должника. На протяжении 70 лет законодательство в данном направлении не развивалось. Только в 1922 году Президент Российской Федерации принял указ № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур». Вместе с тем 19.11.1992 был принят закон № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», однако положений о банкротстве физических лиц данный нормативный акт не включал. С этого момента отечественная модель института банкротства граждан перешла на следующий этап развития.

Следует отметить, что разработка законопроекта, направленного на формирование в России института несостоятельности (банкротства) гражданина, длилась более десяти лет. Однако глава IX Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержала положения о несостоятельности (банкротстве) физического лица. Согласно части 2 статьи 185 данного нормативно-правового акта положения о банкротстве физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем (статьи 152-163), имели возможность применяться на практике только с

момента вступления в законную силу федерального закона о внесении соответствующих поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вместе с тем, требующиеся изменения в российское законодательство не вносились, вследствие чего, нормы о банкротстве физического лица так и не получили своего применения и реализации на практической деятельности.

Принятие в 2002 году Федерального закона № 127-ФЗ, который также содержал нормы о несостоятельности (банкротстве) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями (статьи 202-213) послужило очередным шагом в развитии института банкротства граждан. В силу положений части 2 статьи 231 вышеуказанного Закона процедура банкротства физических лиц аналогично предшествующему законодательству не применялась.

Таким образом, в российской современно-правовой системе образовался интересный факт: формальное нормативное существование института банкротства граждан на протяжении 16 лет с 1998 года и фактическое его введение в действие только с 1 октября 2015 года.

Особая потребность во введении института банкротства физических лиц появилась в 2008 году в связи с наступившим финансовым кризисом. В этих условиях существенно расширился рынок потребительского кредитования. Однако недостаточная финансовая грамотность населения наряду с экономическими кризисными явлениями привели к стремительному увеличению образовавшейся задолженности граждан перед кредиторами по денежным обязательствам. Уровень задолженности граждан настолько увеличился, что его уже нельзя было игнорировать⁴⁷³ и продолжать решать вопрос о последствиях банкротства «по-старому». Все это привело к увеличению напряженности в социуме, что послужило мощным толчком в дальнейшем развитии института несостоятельности (банкротства) физических лиц, а именно введение его в практическую деятельность.

На стадии обсуждения и принятия соответствующего законопроекта выдвигались противоречивые гипотезы с различных сторон: судейского сообщества, банков и кредитных организаций, должностных лиц государственных органов и населения, обремененного кредитными обязательствами. Одни считали, что принимаемый законопроект учитывает только интересы потенциальных должников-банкротов (физических лиц), главная цель которых – освобождение от долгового бремени, в связи с чем банкротство граждан активно будет использоваться для списания долгов недобросовестными должниками. Другие считали законопроект «прокредиторским», указывали на возможность оспаривания сделок должников.

Затяжное обсуждение законопроекта, в некоторой степени, было вызвано поиском компромисса между интересами субъектов института банкротства граждан.

⁴⁷³Осипов А.В. Институт личного банкротства как антикризисный механизм долговых отношений // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 2. – С. 106-109.

В чем же заключалась сложность столь длительного введения в действие механизма банкротства физических лиц?

Первое – отсутствие четких, непротиворечивых, неотсылочных норм банкротства физических лиц, включающих в себя структурированные правовые конструкции.

Второе – неготовность граждан и общества, государственного аппарата, а также субъектов профессиональной деятельности в целом, к мероприятиям реабилитационной направленности в отношении несостоятельных граждан-должников.

И, третье – отсутствие необходимости в механизме банкротства физических лиц, в связи с тем, что суммарный объем просроченной денежной задолженности граждан не обладал «критичностью» для экономики страны.

Предпосылками к формированию вывода о необходимости введения института банкротства физических лиц послужили: 1) теоретическое изучение механизма правового регулирования института банкротства граждан на современном этапе; 2) желание социума; 3) готовность государства к принятию реабилитационных мер по отношению к финансово несостоятельным физическим лицам; 4), анализ статистических показателей размера просроченной задолженности граждан; 5) экономическая потребность. Вследствие чего «реальные» механизмы банкротства граждан были предусмотрены на законодательном уровне»⁴⁷⁴.

Важно отметить, споры о правовых подходах и концепциях модели частного банкротства существовали в отечественном праве на протяжении длительного времени. Вместе с тем мнения специалистов расходились: одни поддерживали введение данного института в практическую деятельность, другие же с критикой восприняли такое желание законодателя по объективным причинам⁴⁷⁵. Об этом говорит нам и сам процесс вступления в законную силу положений о банкротстве физических лиц. Речь идет о назначении даты вступления в законную силу соответствующих поправок. В период двух недель до назначенного законодателем срока – 1 июля 2015 года, была объявлена новая дата – 1 октября 2015 года. Вопрос реализации норм о банкротстве физического лица отражен в статье 12 Федерального закона от 29.12.2014 №476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника», согласно которой изменяемые положения применяются судами, арбитражными судами при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве), производство по которым возбуждено по заявлениям о признании граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, несостоятельными (банкротами), подан-

⁴⁷⁴ Витрянский В.В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // Хозяйство и право. – 2015. – № 4. – С. 7- 8.

⁴⁷⁵ Голышева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Голышева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2019.

ными после дня вступления в силу настоящего Федерального закона.». В соответствии со статьей 13 данный документ вступает в силу с 1 июля 2015 года. Однако данная редакция закона фактически не действовала, так как в нее были внесены существенные изменения – исключены статьи 1, 2, 3, 4, 6 – 10, 12 вышеуказанного нормативного правового акта. Кроме того, в законодательстве закрепили положение о том, что нормы о банкротстве физических лиц применяются лишь с 1 октября 2015 года. При таких обстоятельствах, проблема введения института банкротства физических лиц, а также определенные споры, касающиеся правовой природы института, послужили причиной-следствием «нерешительного» внедрения в практику соответствующих норм. По этой причине Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ в части механизмов реализации банкротства физических лиц так и не был применен, а его положения вместе с тем, подверглись уточнению и реформированию законодателем.

С 1 октября 2015 года после длительных дискуссий в отечественном праве появился институт банкротства граждан: вступили в силу новые положения Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), посвященные регулированию банкротства физических лиц (граждан).

Подводя итог всему вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что институт банкротства физического лица, хотя и введен в современное российское законодательство с опозданием, но все же имел определенные предпосылки к развитию. Причиной длительного внедрения данного института послужило концептуальное отличие института банкротства юридических лиц от банкротства физических.

Литература

Витрянский В.В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями/В.В.Витрянский // Хозяйство и право. –2015. – № 4.

Голышева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Голышева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2019. – 164 с.

Осипов А.В. Институт личного банкротства как антикризисный механизм долговых отношений/А.В.Осипов // Проблемы современной экономики. – 2015. –№ 2. – С. 106–109.

Рязанов Евгений Енкирович,
доцент, к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТА АБОНЕНТСКОГО ДОГОВОРА

В последнее десятилетие в гражданском праве России в рамках проводимого реформирования гражданского законодательства произошли достаточно серьезные изменения. В частности, серьезной новации подверглось законодательство, регламентирующее договорные правоотношения в гражданском праве, появились новые виды договорно-правовых связей⁴⁷⁶. Одним из таких новых договоров выступает предусмотренный ст. 429.4 ГК РФ договор с исполнением по требованию, более известный под названием абонентский договор.

Интерес автора к данной теме определяется тем, что в конце 90-х годов прошлого века в российской юриспруденции развернулись очень серьезные научные дискуссии относительно вопроса достоверности общепринятого для гражданского права того времени, да, впрочем, и сегодняшнего тоже, утверждения: «Заключенный гражданско-правовой договор порождает обязательство».

Отнесение гражданско-правового договора к обязательственному правоотношению как основанию для его возникновения присутствует практически во всех современных российских учебниках по гражданскому праву. Противники такой точки зрения пытались доказать, что многие заключенные гражданско-правовые договоры не имеют обязательственного содержания, приводя в качестве примеров банковские договоры об открытии кредитных линий или договоры страхования по генеральному полису, а также включенный в состав норм об общих положениях обязательственного права нового гражданского кодекса предварительный договор.

В конечном счете правда восторжествовала, российская цивилистическая доктрина, хотя и с неохотой, но, тем не менее, признала необязательственную природу некоторых гражданско-правовых договоров, а законодатель ввел в правоприменительную практику еще несколько договоров, которые не порождают обязательственных правоотношений, а выступают юридической формой экономических отношений по перемещению материальных благ. Появилась отдельная классификация необязательственных договоров, а вся подгруппа таких договоров стала именоваться организационными договорами. В этой подгруппе был размещен абонентский договор.

Абонентский договор рассматривается в качестве одного из организационных договоров, организационный элемент в содержании которого

⁴⁷⁶Коммерческое право: учебник [Текст] / В.И. Афанасьева, Ю.Н. Богданова, В.В. Вармунд и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева; ред. кол. О.В. Ефимова, Т.В. Казанина, Р.В. Шагиева. – Москва: Юстиция, 2020. – С. 178-199; Голышева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Голышева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. –М.: МГПУ, 2019.

определяет порядок заключения будущего обязательственного договора по передаче имущества, выполнению работ или оказанию услуг.

Однако анализ нормы ст. 429.4. ГК РФ⁴⁷⁷ позволяет сделать предположение о том, что правовая природа абонентского договора является более сложной по сравнению со стандартным организационным договором, направленным на организацию экономических (обязательственных) отношений в будущем.

Так, например, по мнению А.Е. Кирпичева, абонентский договор не тождественен рамочному договору, а одновременно является и организационным договором и обязательственным договором⁴⁷⁸.

Основанием подобного заключения является присутствие в тексте правовой нормы об абонентском договоре положения о возмездности данного договора. Наличие платежной обязанности всегда выступает поводом отнесения гражданского правоотношения к обязательственному.

Если проанализировать данное платежное обязательство, то легко установить, что предусмотренная законом плата не является платежом за предоставление товара или услуги. Это усматривается из следующего: по абонентскому договору платежная обязанность должна быть исполнена независимо от того, поступило требование исполнения или нет. При этом рассматривать полученную оплату как неосновательное обогащение нельзя, поскольку споры по данному вопросу давно завершены сложившейся судебной практикой.

Более того, из текста правовой нормы, регламентирующей понятие абонентского договора, усматривается, что плата по договору вносится не за оказание услуг или выполнение работы, а за право потребовать исполнения обещанного. В случае, если при реализации абонентского договора действительно звучит требование о предоставлении обещанного, которое исполняется другой стороной, то это порождает другое платежное обязательство или обязательства.

Это обстоятельство порождает следующий вопрос: если плату по абонентскому договору нельзя рассматривать, как встречное имущественное предоставление за оказанные услуги, а сам платеж рассматривается как форма экономического отношения, то у этого отношения должен быть свой объект.

Безусловно, можно утверждать, что внесение оплаты по абонентскому договору есть ни что иное как покупка права требования, тем более что закон говорит об оплате за право. Однако приобретение имущественных прав требований может иметь место только в рамках договора цессии. Абонентский договор, как известно, не тождественен цессии. Кроме того, уступка права требования предполагает, что передаче подлежит обязательственное право требования, которое уже существует у контрагента по договору цес-

⁴⁷⁷ Гольшев В.Г., Гольшева А.В. Заблуждение в отношении природы сделки как основание признания ее недействительной // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 23-27.

⁴⁷⁸ Кирпичев А.Е. Неклассические теории договора в контексте новой редакции ГК России // Законы России: законы: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 51-58.

сии до его заключения. Что касается абонентского договора то, во-первых, имущественное право требования исполнения обещанного до заключение абонентского договора не существует, а, во-вторых, контрагент по абонентскому договору (исполнитель) не передает это право, поскольку не может обладать имущественным правом требования к самому себе, так как совпадение должника и кредитора в одном лице прекращает такое право.

Таким образом, платеж по абонентскому договор должен быть направлен на какой-то другой объект. При этом известные и перечисленные гражданским законодательством объекты гражданских прав на данную роль не годятся.

Если рассмотреть объективные и материальные условия исполнения абонентских договоров, то видно, что даже в случае, если кредитор не предъявляет требований к исполнению обещанного, то все равно договор является для должника затратным. Например, речь может пойти об абонентских договорах по оказанию услуг неотложной медицинской помощи, услуг по ликвидации аварий, услуг по оперативному выезду при срабатывании охранной сигнализации и т.п.

Как видно из названных примеров, должник по абонентскому договору даже при отсутствии вызова должен поддерживать себя в организационном, техническом, материальном и тому подобном состоянии, позволяющем немедленно выполнить обязанность в случае поступления требования об исполнении или наличии иного события, приравненного к заявлению требования. У должника должен быть штат сотрудников, работающих в круглосуточном режиме, он обязан поддерживать необходимое оборудование и иные необходимые технические средства в постоянно рабочем состоянии, нести затраты по содержанию зданий, помещений и тому подобное.

Как видится, именно за поддержание готовности к исполнению и вносится плата по абонентскому договору. Именно это и выступает своеобразным товаром в рамках абонентского договора.

Как указывалось, состояние должника в настоящее время не относится к объектам гражданских прав, но, видимо, настало время задуматься над расширением списка объектов.

Литература

Гольшев В.Г., Гольшева А.В. Заблуждение в отношении природы сделки как основание признания ее недействительной/В.Г.Гольшев, А.В. Гольшева // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 23-27.

Гольшева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Гольшева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2019. – 164 с.

Кирпичев А.Е. Неклассические теории договора в контексте новой редакции ГК России/А.Е.Кирпичев // Законы России: законы: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 51–58.

Коммерческое право: учебник [Текст]/ В.И. Афанасьева, Ю.Н. Богданова, В.В. Вармунд и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева; ред. кол. О.В. Ефимова, Т.В. Казанина, Р.В. Шагиева. – Москва: Юстиция, 2020. – 278 с.

Сиваков Олег Васильевич,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сектор некоммерческих организаций (НКО) в настоящее время составляет уже значительную часть российской экономики и все больше расширяется. Государство поддерживает его, предоставляет определенные льготы и видит в НКО существенный социальный ресурс, который можно использовать для привлечения к решению социальных, экологических и прочих значимых для общества проблем. С каждым годом выделяются все более значительные средства-гранты особенно для социально-ориентированным НКО, показавших свою эффективность при решении поставленных им задач. Постепенно повышается внимание и к совершенствованию законодательства о некоммерческом секторе экономики. Так, принят Федеральный закон от 29.12.2020 г. № 477-ФЗ о распространении на некоммерческие организации льгот, которые сейчас предусмотрены для микро- и малых предприятиях. В частности, НКО вправе полностью или частично отказаться от принятия локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права (правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда, положение о премировании и другие, кроме локального акта о временном переводе работников на дистанционную работу, принимаемого в соответствии со ст. 312.9 ТК РФ). Указанные положения должны быть уже включены в трудового договор, заключаемый с работниками НКО, правовая природа⁴⁷⁹ которого хорошо известна, а типовые формы которого утверждаются Правительством РФ с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. НКО при этом должны иметь среднесписочную численность работников до 15 человек и объемы доходов за предшествующий календарный год до 120 млн руб. в год. Кроме того, для НКО со среднесписочной численностью до 35 человек, предусмотрена возможность заключения с работниками срочных трудовых договоров, учитывая, что они часто привлекают работников только на время выполнения какого-либо проекта, а не на постоянную работу.

К НКО тесно примыкают индивидуальные предприниматели и самозанятые лица, которые занимаются социальным предпринимательством. Если

⁴⁷⁹ Гольшев В.Г., Гольшева А.В. Заблуждение в отношении природы сделки как основание признания ее недействительной // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 23–27.

на индивидуальных предпринимателей распространяются льготы, предназначенные для микропредприятий, то они естественно не распространяются на самозанятых, поскольку они не имеют права нанимать себе работников и, по существу, у них отсутствуют какие-либо социальные гарантии. Однако, в настоящее время готовится законопроект, который расширит права самозанятых в части того, что у них появится страховой стаж, право на гарантированную пенсию и оплачиваемый больничный. Одновременно надо наконец дать определение самозанятых лиц, уточнить их права и гарантии, решить вопрос о защите их от безработицы. Как нам представляется, возможным вариантом определения статуса самозанятых лиц было бы решение о совмещении режима ИП и самозанятости. Тогда это дало бы возможность распространить на самозанятых льготы и гарантии, установленные для малого и социального бизнеса.

В последнее время в условиях пандемии возникла новая проблема в деятельности НКО, некоторые из них, экономя на социальных отчислениях, стали принудительно менять статус своих работникам, переводить их в разряд самозанятых со всеми негативными для них последствиями, связанными с потерей ими защиты со стороны трудового законодательства. В соответствии со ст. 23 ГК РФ граждане имеют право заниматься определенными видами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Таких лиц называют самозанятыми и их уже немало. Только зарегистрированных свыше миллиона человек, а сколько незарегистрированных – десятки миллионов. Кто они такие? По закону – они предприниматели и могут заниматься предпринимательской деятельностью как внутри, так и вовне НКО. Тогда их отношения внутри НКО должны регулироваться на договорной основе гражданским законодательством. Хотя на самом деле они продолжают выполнять свои прежние трудовые обязанности, но уже в новом статусе. В настоящее время многие организации в силу этого по итогам проверок получают штрафы за сокрытие трудовых отношений. Были также претензии к периодичности выплат самозанятым за их услуги, что становится причиной, по которой организации стали отказываться от сотрудничества с самозанятыми. Как нам представляется, необходимо разработать критерии разграничения самозанятости и трудовой деятельности, иначе НКО не захотят работать с самозанятыми.

По закону НКО могут заниматься приносящей доход деятельностью⁴⁸⁰. Вместе с тем многие добровольцы (волонтеры) и самозанятые на практике занимаются социальными проектами, которые не направлены на систематическое получение прибыли, однако по закону они не относятся к сфере некоммерческой экономики, что с моей точки зрения неправильно, если у нас есть индивидуальные предприниматели, так должны быть и индивиду-

⁴⁸⁰ Голышева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Голышева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. М.: МГПУ, 2019; Ефимова О.В. Предпринимательское право. Учебное пособие. 5-е изд., пер. и доп. Сер 68. Профессиональное образование – М: Юрайт, 2016.

альные добровольцы, а также самозанятые лица, которые заняты в сфере некоммерческой деятельности. За счет чего они могут существовать, если их деятельность не предполагает систематическое получение прибыли? В связи с этим, как нам представляется, на эту категорию лиц следует распространить льготы и гарантии, которые на сегодня имеют социально-ориентированные НКО, т.е. им необходимо предоставить право участвовать в мероприятиях по получению грантов, собирать пожертвования и пр. Юридическое решение этого вопроса, как нам представляется, возможно по аналогии с п. 3. ст. 23 ГК РФ в соответствии с которым можно было бы подобное правило ввести и для индивидуальных добровольцев и самозанятых некоммерческой сферы, сформулировав, что к ним применяются правила Гражданского кодекса и законодательства о некоммерческих организациях, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения.

Хотелось бы также обратить внимание на острую необходимость принятия в России закона о народной солидарности т.е. о сотрудничестве людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций. Этот закон, по нашему мнению, сыграл бы положительную роль в поддержке и развитии социальной взаимопомощи в стране, в том числе и путем развития НКО в нашей стране. Сбор средств, например, может служить различным целям — кроме поддержки деятельности НКО, таким целям как помощь пострадавшим от стихийных бедствий, созданию свободного программного обеспечения и многому, многому другому. Изначально должна быть заявлена цель, определена необходимая денежная сумма, составлена калькуляция всех расходов, а информация по ходу сбора средств должна быть открыта для всех.

Литература

Гольшева А.В., Дутова Н.В., Ефимова О.В., Рязанов Е.Е. Предпринимательское право: учебно-методическое пособие: в 2 ч. / авт. коллектив: А.В. Гольшева, Н.В. Дутова, О.В. Ефимова, Е.Е. Рязанов; под ред. Н.В. Дутовой. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2019. – 164 с.

Гольшев В.Г., Гольшева А.В. Заблуждение в отношении природы сделки как основание признания ее недействительной // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 23-27.

Ефимова О.В. Предпринимательское право. Учебное пособие. 5-е изд., пер. и доп. - Сер 68. Профессиональное образование - М: Юрайт, 2016. -156 с.

Сиваков О.В. «К вопросу о правовом обеспечении социального предпринимательства» // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Выпуск 10. Изд. «Саратовский источник», – М. 2019. – С. 115-120.

Токмовцева Маргарита Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, ЗАЛОЖЕННОЕ ПО ИПОТЕЧНОМУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ

В рамках российской действительности, связанной с вопросами пандемии и, как следствие, реализации Государственной программы льготного ипотечного кредитования - ипотечное кредитование является самым быстрым и доступным способом приобретения собственного жилья. При этом в России имеется богатый опыт регулирования ипотечных отношений⁴⁸¹.

Вместе с тем остаются неурегулированными пробелы и коллизии в законодательстве, регулирующем вопросы ипотечных правоотношений.

В настоящее время многоквартирный жилой дом не может рассматриваться как предмет ипотеки. Согласно п. 1 ст. 74 Федерального закона «Об ипотеке» многоквартирный жилой дом является предметом ипотеки. Однако Жилищный кодекс Российской Федерации не содержит такую разновидность жилых помещений, как многоквартирный жилой дом. Согласно п. 5. Ст. 40 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», не осуществляется государственная регистрация права собственности на многоквартирный дом. Следовательно, здание, являющееся многоквартирным домом, можно рассматривать как имущественный комплекс, состоящий из жилых (квартир) и нежилых помещений, мест общего пользования и общедомового имущества. Таким образом, предлагается исключить из Закона об ипотеке понятие «многоквартирные жилые дома».

Обратим внимание на следующую коллизию: часть жилого дома как самостоятельный объект недвижимости фактически не существует, что свидетельствует о невозможности её отнесения к предмету ипотечных отношений. Согласно Закону «Об ипотеке», часть жилого дома является предметом ипотеки, к которому соответственно применяются правила об ипотеке жилого дома. При этом в ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации указывается, что жилой дом не предназначен для раздела на самостоятельные объекты недвижимости. Вместе с тем, согласно ч. 7 ст. 41 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» запрещена регистрация права собственности и кадастровый учет жилых и нежилых помещений в жилом доме. Таким образом, делается вывод о необходимости законодательно определить понятие и правовой режим части жилого помещения, жилого дома блокированной застройки, отдельного блока в таком доме.

Ипотека индивидуальных и многоквартирных жилых домов и квартир, находящихся в государственной или муниципальной собственности, не

⁴⁸¹ Пашенцев Д.А. Особенности развития ипотечного законодательства в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2010. – № 1. – С. 32.

допускается. Делается вывод о том, что при участии в долевом строительстве Российской Федерации и наличии у неё права требования даже на одно жилое помещение или часть жилого помещения, это обстоятельство накладывает как на застройщика, так и на остальных участников долевого строительства определённые издержки. Так, застройщик обязан обеспечить погашение регистрации об ипотеке в виде записи в реестре недвижимости на передаваемые в собственность Российской Федерации жилые помещения.

Также, не может быть предметом ипотеки часть самостоятельного жилого помещения, зарегистрированного в установленном порядке как таковое. Это положение распространяется только на покупку доли в квартире, которая не может быть классифицирована как отдельная изолированная комната. Например, купить 1/8 доли в двухкомнатной квартире, взяв кредит, обеспеченный ипотекой, не получится. А вот взять кредит на покупку оставшейся доли в квартире, при условии владения лицом, выступающим потенциальным заёмщиком, всех остальных долей, то это возможно. Но банки идут неохотно на такие сделки. Даже в случаях, когда предметом ипотеки выступает комната в квартире, банки будут соглашаться на выдачу кредита в случае, если это опять же последняя комната в квартире и остальные помещения в ней принадлежат потенциальному заёмщику. То есть, вариант «зацепиться» за прописку в городе или ещё за какие-то цели, путём приобретения доли в квартире, не классифицирующийся как отдельная изолированная комната, на практике не представляется возможным.

Предметом ипотеки может выступать не только существующий объект недвижимости, но и строящееся жилое помещение в многоквартирном доме. Правовой режим такого вида приобретения жилья – договор участия в долевом строительстве. Договор подлежит государственной регистрации в реестре дольщиков. Уникальность данного вида приобретения жилого помещения заключается в том, что денежные средства, взятые заёмщиком в кредит, обеспечиваются не конкретным существующим объектом недвижимости, а правом требования на таковое от застройщика. Банк, держа залоговую на еще не построенный объект, имеет право удовлетворить свои требования по непоплаченному кредиту не за счет продажи заложенного имущества, а путем приобретения прав на строящийся объект. Справедливости ради надо сказать, что заемщику в связи со сложной финансовой ситуацией банки могут предоставить по заявлению заемщика полугодовую отсрочку по уплате процентов за пользование кредитом, реструктуризировать его долг, но это не снимает ипотечных обязательств с залогодателя.

Существуют особенности обращения взыскания на жилое помещение.

Во-первых, это особенности определения порядка обращения взыскания. Так, жилое помещение, которое является единственным пригодным для проживания залогодателя и членов его семьи, может быть реализовано только в судебном порядке⁴⁸². Исключением является заключение соглаше-

⁴⁸² Токмовцева М.В. Правовые проблемы формирования сделок на рынке недвижимого имущества // Основные тенденции и перспективы развития современного права. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – М., 2018. – С. 456-459.

ния об обращении взыскания во внесудебном порядке только после возникновения оснований для обращения взыскания, таким основанием является наличие ипотеки.

Во-вторых, это особенности прекращения права пользования залогодателя и любых иных лиц при обращении взыскания на заложенное единственное жилое помещение. Так, залогодатель утрачивает данное право, если жилое помещение было заложено:

- 1) в обеспечение возврата кредита или займа;
- 2) такой кредит (или заем) выдан на приобретение, строительство жилого дома или квартиры, их капитальный ремонт или иное неотделимое улучшение.

В-третьих, заложенное жилое помещение может быть реализовано только путем продажи на торгах, проводимых в форме открытого аукциона или конкурса.

В-четвертых, право пользования жилым помещением сохраняют наниматели и арендаторы, заключившие договор найма или аренды до возникновения ипотеки или с согласия залогодержателя после возникновения ипотеки. При обращении взыскания на единственное жилье законом предусмотрена возможность предоставления гражданам жилых помещений маневренного фонда, которые являются разновидностью специализированного жилищного фонда, принадлежащего муниципальным образованиям.

Таким образом, обращение взыскания на предмет ипотеки представляет собой меру принудительного исполнения в отношении залогодателя путем изъятия и принудительной реализации заложенного недвижимого имущества. При этом право залогодержателя на обращение взыскания зависит от оснований возникновения, суммы задолженности и просроченного срока исполнения по основному обязательству. В связи со спецификой жилого помещения законодательством установлен особый порядок обращения взыскания. Жилое помещение является объектом не только гражданских, но и жилищных прав.

Весьма важным является вопрос реализации жилья за долги, возникшие в связи неуплатой кредита, обеспеченного ипотекой. Сам по себе факт наличия у гражданина-должника жилого помещения, являющегося для него и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не препятствует обращению взыскания на него, если оно обременено ипотекой.

В этой связи необходимо отметить, что конструктивно залоговые отношения как раз и направлены на создание потенциальной возможности реализации заложенного имущества в интересах залогодержателя⁴⁸³. Так, например, известны примеры, когда единственное заложенное имущество приняли к реализации, с последующим переселением граждан в маневренный жилищный фонд. Для людей, чье единственное заложенное имущество

⁴⁸³ Гольшев В.Г. Залог как способ обеспечения кредитных обязательств // Банковское право. – 2002. – № 4. – С. 19-21; Ефимова О.В. Некоторые особенности правовой природы залоговой // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2011. – № 8(70). – С. 74-79.

приняли к реализации, государство предоставляет право на временное проживание в маневренном жилищном фонде, но практика показывает крайне редкое, даже можно сказать, исключительно редкое нахождение таких фондов в различных муниципалитетах. В большинстве субъектов РФ маневренный фонд из-за отсутствия денежных средств практически не сформирован. В литературе справедливо указывается на то, что в целях максимального использования жилищного фонда маневренный фонд должен быть более мобильным, нежели иные виды специализированных жилищных фондов. Поэтому необходимо предусмотреть порядок перевода юридически и фактически свободных специализированных жилых помещений в маневренный фонд при возникновении обстоятельств, предусмотренных в ст. 95 ЖК РФ в качестве оснований для предоставления соответствующих жилых помещений.

Резюмируя вышесказанное, хочется сделать вывод о необходимости крайне серьёзного анализа гражданами своей финансовой состоятельности и необходимости высокого уровня сознательности перед принятием решения о вступлении в залоговые правоотношения.

Литература

Голышев В.Г. Залог как способ обеспечения кредитных обязательств // Банковское право. – 2002. – № 4. – С. 19–21.

Ефимова О.В. Некоторые особенности правовой природы закладной // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2011. – № 8(70). – С. 74–79.

Пашенцев Д.А. Особенности развития ипотечного законодательства в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2010. – № 1.

Токмовцева М.В. Правовые проблемы формирования сделок на рынке недвижимого имущества // Основные тенденции и перспективы развития современного права. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – М., 2018. – С. 456-459.

РАЗДЕЛ VI.
«ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И
ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ»

Диноршоев Азиз Мусоевич,

д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного права
юридического факультета Таджикского национального университета,

Салохидинова Симо Мухамадиевна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного права юридического факультета
Таджикского национального университета

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Республика Таджикистан, будучи полноправным членом мирового сообщества, последовательно реализует государственную политику в области обеспечения прав и свобод человека, под которой понимается формирование ценностных ориентиров, закрепленных в Конституции государства, определяющих цели, задачи и правовые основы для функционирования государственных органов, которые направлены на обеспечение, охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина⁴⁸⁴.

Данные ценностные ориентиры формируются на основе различных факторов, к числу которых относятся принципы и стандарты в области прав человека, признанные международным сообществом, культурное и историческое наследие, правовая культура общества и т.д. Как указывает Е.А. Лукашева, «в политическом сознании вырабатывались те общие принципы, ценностные ориентиры, нормы, которые лежат в основе политики того или иного государства, служат обоснованием власти, легитимности институционализации политической системы»⁴⁸⁵.

Составной частью общей государственной политики в области прав человека является формирование четкой государственной позиции в сфере защиты прав детей. Как показывает анализ действующего законодательства в Таджикистане, государственная политика в области защиты прав детей охватывает два взаимосвязанных компонента: правовая регламентация прав детей в Конституции и законодательстве страны и формирование правозащитного механизма в области защиты прав детей.

Кратко остановимся на них. В Таджикистане существует довольно обширная нормативная правовая база, касающаяся защиты прав и интересов детей. Основой для его формирования являются положения Конституции РТ. Так, в соответствии со ст. 34, «мать и ребенок находятся под особой за-

⁴⁸⁴ Права человека: история, теория, практика / Под ред. Диноршоева А.М. и Азизова У.А. – Душанбе, 2016. – С.6-8.

⁴⁸⁵ Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации. Монография / Под ред. Соколова Н.С. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С.129.

щитой и покровительством государства. Родители ответственны за воспитание и обучение детей. Государство заботится о защите детей-сирот и инвалидов, их воспитании и образовании». Также Конституция гарантирует детям право на образование, медицину и судебную защиту⁴⁸⁶.

Дальнейшая регламентация государственной политики в области защиты прав детей осуществлена в Законе РТ «О защите прав ребенка» от 18 марта 2015 года. Данный закон определяет правовые основы защиты прав ребенка и государственные гарантии их реализации в Таджикистане. Также в законе установлен перечень прав и свобод, которыми обладает ребенок. К их числу отнесены: право ребенка на жизнь, свободу, неприкосновенность, честь, достоинство и личную жизнь; право на охрану здоровья, право на свободу слова и совести, информацию и участие в общественной жизни; имущественные права ребенка; право на жилище; право на образование; право на труд; право на отдых и досуг; право на объединение в детские и молодежные организации; право на проживание и воспитание в семье и т.д.

Детальная регламентация прав детей осуществляется и в отраслевом законодательстве. Так, Гражданский кодекс РТ регулирует правовую основу право и дееспособности несовершеннолетних до четырнадцати лет, а также от четырнадцати до восемнадцати лет, вопросы эмансипации, опеки и попечительства, сделок, совершенных несовершеннолетним, достигшим четырнадцати лет⁴⁸⁷. Семейный кодекс РТ, устанавливает множество норм, направленных на признание приоритетности защиты прав детей. Среди них: права несовершеннолетних детей (глава 11); вопросы опеки и попечительства над несовершеннолетними (глава 20); права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей (статья 64) и т.д. Трудовой кодекс РТ подробно регулирует основы трудовых отношений с несовершеннолетними детьми.

Законодательство РТ уделяет особое внимание регулированию вопросов связанных с привлечением детей к различным видам ответственности, в частности уголовной. Так, в соответствии со ст. 23 Уголовного кодекса РТ, уголовная ответственность наступает с достижением ко времени совершения преступления 16 лет. За некоторые категории преступлений такие как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести, похищение человека, терроризм, и некоторые другие, уголовная ответственность наступает с 14 лет. В соответствии со ст. 59 Уголовного кодекса РТ, запрещается назначать смертную казнь в отношении лиц, не достигших 18 лет. К несовершеннолетним также не применяется наказание в виде пожизненного лишения свободы⁴⁸⁸.

В Таджикистане принят ряд законов и постановлений Правительства РТ, которые направлены на регулирование вопросов воспитания и образо-

⁴⁸⁶ Рахмон Д.С. Принцип наилучших интересов ребенка и его отражение в законодательстве Республики Таджикистан // Государствоведение и права человека. 2016.–№ 1. – С.82-92.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Диноршоев А.М., Сафаров Б.А., Сафаров Д.С. Права ребенка. – Душанбе 2011.

вания детей. К их числу, в частности, относится Закон РТ «Об ответственности родителей за образование и воспитание детей», который направлен на снижение уровня преступности и правонарушений среди несовершеннолетних, искоренение фактов безнадзорности детей, предотвращение незаконного вывоза за пределы страны детей на обучение, в том числе с целью вовлечения их в экстремистскую деятельность. Также данный закон определяет круг прав и обязанностей родителей, учебных заведений и педагогов по воспитанию и обучению детей.

Таким образом, вопросы защиты прав детей в Республике Таджикистан регулируются широким кругом нормативных актов. В то же время государство учитывает свои международные обязательства по имплементации положений Конвенции ООН о правах ребенка в национальное законодательство, как и Российская Федерация⁴⁸⁹.

При реализации государственной политики в области защиты детей в Таджикистане особое внимание уделяется формированию правозащитного механизма⁴⁹⁰. Осознавая важность обеспечения защиты прав детей в Республике Таджикистан в 2015 г. Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном в целях усиления гарантий реализации, обеспечения защиты прав детей, содействия их соблюдения и уважения государственными органами и их должностными лицами был создан институт Уполномоченного по правам ребенка.

При внедрении данного института принимался во внимание передовой мировой опыт, но при этом учитывалась национальная специфика. В частности, формирование данного института в Таджикистане, в отличие от Российской Федерации, имеет свои особенности: Уполномоченный по правам ребенка входит в аппарат Уполномоченного по правам человека и является его первым заместителем, в случае отсутствия Уполномоченного по правам человека, временно исполняет его обязанности.

Уполномоченный по правам ребенка РТ назначается Президентом Таджикистана на пятилетний срок с последующим утверждением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ, где он должен принять присягу. Одно и то же лицо может занимать должность Уполномоченного по правам ребенка не более двух сроков подряд. Претендовать на этот пост может гражданин в возрасте старше 35 лет, имеющий высшее юридическое образование. Лица, не имеющие своих детей, не могут претендовать на должность Уполномоченного по правам ребенка.

Уполномоченный по правам ребенка осуществляет свою деятельность в рамках положений, установленных Законом РТ «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан», и функций, среди которых можно выделить следующие: содействие в соблюдении прав ребенка, в вос-

⁴⁸⁹ Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». – М.: Права человека, 2016. – С.18-22.

⁴⁹⁰ Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека. – Душанбе, 2018. – 324 с.

становлении нарушенных прав, в совершенствовании законодательства, в правовом просвещении граждан, взаимодействии государственных органов, развитии и координации международного сотрудничества, а также содействие в выполнении международных обязательств Республики Таджикистан по вопросам прав ребенка.

С учетом анализа общей ситуации с правами ребенка в Республике Таджикистан, приоритетным направлением деятельности Уполномоченного по правам ребенка должно стать решение проблем сирот в Таджикистане, работа с детьми, которые на сегодняшний день не охвачены образованием. Особое внимание требует доступ к образованию отдельных групп детей, таких как дети с ограниченными возможностями, дети, находящиеся в конфликте с законом. В этой связи деятельность Уполномоченного по правам ребенка должна быть направлена на систематический мониторинг права на доступ к образованию отдельных групп лиц, а также условий обучения в общеобразовательных школах.

Подводя итог, следует отметить, что в Республике Таджикистан сформировалась четкая государственная политика в области защиты прав детей. Она направлена на защиту интересов детей, создание благоприятных условий их жизни и развития. Конечно, это не означает, что в республике отсутствуют проблемы в области реализации прав детей. Для их устранения необходимо предпринять еще много действий, в правовой, экономической и просветительской области. Этому и будет содействовать выработанная государственная политика в области защиты детства.

Литература

Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека. – Душанбе, 2018. – 324 с.

Диноршоев А.М., Сафаров Б.А., Сафаров Д.С. Права ребенка. – Душанбе 2011. – 325с.

Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». – М.: Права человека, 2016. – С. 18-22.

Права человека: история, теория, практика / Под ред. Диноршоева А.М. и Азизова У.А. – Душанбе, 2016. – 584 с.

Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации. Монография / Под ред.: Соколова Н.С. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 542 с.

Рахмон Д.С. Принцип наилучших интересов ребенка и его отражение в законодательстве Республики Таджикистан // Государствоведение и права человека. 2016. – № 1. – С.82-92.

Искандаров Шарафджон Фахриддинович,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры прав человека и сравнительного
правоведения юридического факультета
Таджикского национального университета

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ РЕБЁНКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В современном мире дети в силу своего недостаточного для самостоятельной жизни уровня физического, умственного, психического развития и жизненного опыта нуждаются в особом внимании и заботе государства и общества. Однако, ребенок в силу физической и умственной незрелости, не может в полной мере отдавать отчет своим действиям, «фильтровать» предоставляемую ему информацию, критически воспринимать направленные на него действия других лиц. В этой связи отсутствие эффективных механизмов защиты прав детей, в особенности права на жизнь и воспитание в семье, приводит к постоянному росту количества несовершеннолетних, помещаемых в государственные детские учреждения. Такая обязанность у государства возникает на основании национального законодательства и международных правовых актов.

Таджикистан в период своей независимости (1991-2021) стал участником большинства международных организаций, принял и ратифицировал ряд международных правовых актов в области прав человека, особенно прав ребёнка, например Конвенцию ООН о правах ребёнка (1989). Как и в Российской Федерации⁴⁹¹, в Республике Таджикистан нормы международных стандартов были имплементированы в нормативные правовые акты, в том числе в Закон РТ «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей», Закон РТ «О защите прав ребёнка и другие.

На основе данных нормативных правовых актов в Республике Таджикистан действуют специализированные ведомства, деятельность которых направлена на защиту прав, свобод и интересов детей. К таким ведомствам относится Комиссия при Правительстве Республики Таджикистан по правам ребёнка, Отдел по защите прав ребёнка Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан, Отдел по правам ребенка и ювенальной юстиции Министерства Юстиции Республики Таджикистан, Комиссии по правам ребёнка при всех местных исполнительных органах государственной власти (областной, городской и районной), а также ныне созданный Уполномоченный по правам ребенка в Республике Таджикистан.

Создание специализированных учреждений нужно не только для защиты прав и свобод детей, но и для охраны их прав до их нарушения. Как отмечает В.И. Абрамов: «Для осуществления профилактической работы по предупреждению безнадзорности несовершеннолетних, оказания помощи по

⁴⁹¹ Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». – М.: Права человека, 2016. – С.18-22.

ликвидации трудной жизненной ситуации в семье, предоставления несовершеннолетним временного проживания до определения наиболее оптимальных форм его жизнеустройства создаются специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты для детей, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и др.)»⁴⁹².

По мнению В.В. Кулапова и других авторов, на стадии досудебного производства по уголовному делу ключевая роль принадлежит не суду, а несудебным государственным органам – органам прокуратуры и специализированным органам исполнительной ветви власти⁴⁹³.

Согласно Положению о Комиссии при Правительстве Республики Таджикистан по правам ребёнка, которое утверждено Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 августа 2008 года, № 377, Комиссия по правам ребёнка является постоянно действующим органом, осуществляющим государственную политику по обеспечению прав и интересов ребёнка в целях реализации законодательства Республики Таджикистан, а также международно-правовых обязательств Республики Таджикистан, вытекающих из Конвенции ООН о правах ребёнка и других международных договоров в области защиты прав ребёнка.

Комиссия при Правительстве Республики Таджикистан по правам ребёнка является верховным специализированным органом по защите и обеспечению прав и интересов ребёнка действующим на территории Республики Таджикистан. К основным задачам Комиссии согласно пункту 5 вышеуказанного Положения относятся: а) защита конституционных прав ребенка, оказание ему помощи в восстановлении нарушенных прав, защите их прав и законных интересов во всех сферах жизнедеятельности; б) организация контроля за предоставлением ребенку надлежащих условий содержания, воспитания, образования, охраны здоровья, социального обеспечения и иных социальных услуг; в) создание надлежащих условий для всестороннего развития детей, нуждающихся в государственной защите воспитывающихся в неблагополучных и конфликтных семьях; г) социально-бытовое устройство детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации; д) координация деятельности заинтересованных органов по выполнению законодательства и иных нормативных правовых актов, касающихся защиты прав и интересов ребенка; е) принятие мер к обеспечению защиты ребенка, от физического, сексуального, психологического и иных форм насилия, от вовлечения ребенка в разовые антиобщественные действия – употребление

⁴⁹² Абрамов В.И. Права ребёнка и их защита в России: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2007.

⁴⁹³ См. подробнее: Искандаров Ш.Ф. Становление и развитие специализированных государственных правозащитных институтов по правам человека в Таджикистане: дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2018; Павленко Е.М., Питько Е.В., Шутикова Н.С. Исполнение международных обязательств РФ по созданию специализированного правосудия по делам несовершеннолетних (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области) // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013 – №2(12). – С.16-26;

наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, спиртных напитков, занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц, не являющиеся преступлением или административным правонарушением; и др.

Ежегодно Комитет ООН по правам ребенка даёт Правительству Республики Таджикистан рекомендации относительно улучшения положения детей в Республике Таджикистан. Данные рекомендации затрагивают все сферы жизнедеятельности (изменение положений законодательства; учреждение отдельных структур и ведомств; улучшение медицинского обслуживания и инклюзивного образования; запрещение детского труда и развития системы отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; предупреждение институционализации детей и насилия в отношении детей; сбор данных о лицах моложе 18 лет; увеличение бюджетных ассигнований и т.п.) страны и требуют от Таджикистана их выполнения в определённый срок. О результатах выполнения данных рекомендаций Таджикистан ежегодно должен представить свой доклад Комитету ООН по правам ребенка⁴⁹⁴.

С целью эффективности защиты прав и интересов детей и мониторинга выполнения положений международных правовых актов в области прав ребенка Указом Президента Республики Таджикистан от 15 июля 2015 года №523 в составе управления гарантий прав человека Исполнительного Аппарата Президента создан отдел по защите прав ребенка. Данный отдел в настоящее время выполняет функции секретариата Комиссии при Правительстве Республики Таджикистан по правам ребенка.

В 2011 году при Министерстве юстиции Республики Таджикистан создан отдел по ювенальной юстиции, который в 2012 году был преобразован в отдел по ювенальной юстиции и правам ребёнка.

В соответствии с Положением Министерства юстиции Республики Таджикистан Отдел по правам ребенка и ювенальной юстиции выполняет следующие функции: проводит правовой анализ проектов соглашений и других международных правовых актов по правам ребёнка на соответствие Конституции, законов, других нормативных правовых актов, исходящих от различных правотворческих субъектов и представляет юридическое заключение; в пределах своей компетенции совместно с правоохранительными органами иностранных государств и международных организаций координируют деятельность в обеспечении правовой помощи и сотрудничества в области права ребёнка; проводит сравнительно – правовой анализ нормативных правовых актов для разработки новых международных правовых актов; по поручению Правительства и руководства Министерства участвует в комиссиях, в рабочих группах, в научных конференциях, семинарах, совещаниях по вопросам касающимся защиты прав и интересов детей; и другие функции в пределах своей компетенции.

⁴⁹⁴ Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека. – Душанбе, 2018.

Как мы уже упомянули ранее в составе местных исполнительных органов государственной власти (областных, городских и районных) действуют комиссии по правам ребёнка.

Областная комиссия согласно Положению о Комиссии при Правительстве Республики Таджикистан по правам ребёнка координирует и контролирует на территории области (Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе) деятельность областных органов и учреждений системы защиты прав и законных интересов ребёнка, в том числе системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; контролирует, направляет и координирует деятельность районных (городских) комиссий, обобщает и распространяет опыт их работы; принимает участие в разработке проектов правовых актов местных исполнительных органов государственной власти по вопросам защиты прав и законных интересов ребёнка, а также по вопросам профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних; во взаимодействии с иными заинтересованными органами контролирует реализацию областной программы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Районная (городская) комиссия в соответствии с упомянутым Положением организует контроль, обследование и проверку условий содержания, воспитания, обучения ребёнка, в том числе по месту жительства, а также применения детского труда в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности; обращается в суд за защитой прав и законных интересов ребёнка, направляет в суд материалы на родителей, законных представителей ребёнка в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей по содержанию, воспитанию, образованию, защите прав и законных интересов ребёнка; рассматривает представление органа образования о переводе обучающегося на иную форму обучения или в другое образовательное учреждение, об оставлении несовершеннолетним образовательного учреждения, об исключении обучающегося из образовательного учреждения, в предусмотренных законодательством и иными нормативными правовыми актами Республики Таджикистан случаях. В случае исключения обучающегося из образовательного учреждения принимает меры по продолжению им обучения или его трудоустройству; рассматривает материалы и дела, применяет меры воздействия в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан, и принимает решения о направлении ребёнка, имеющего проблемы в обучении и поведении, с согласия его родителей, законных представителей, а в случае, если ребёнок достиг возраста 10 лет, – с его согласия в реабилитационные учреждения различных видов и типов в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан; определяет форму устройства и поддержки детей, нуждающихся в помощи государства; обеспечивает выполнение местным органом государственной власти своих задач и функций по опеке и попечительству в соответствии с Гражданским кодексом Рес-

публики Таджикистан, Семейным кодексом Республики Таджикистан и иными нормативными правовыми актами Республики Таджикистан.

Одним из основных институтов, который непосредственно занимается вопросами прав ребёнка, является Уполномоченный по правам ребёнка в Республике Таджикистан. Данный институт в Республике Таджикистан был учрежден 15 марта 2016 года. В Законе Республики Таджикистан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» была введена отдельная глава – глава 5¹ под названием «Заместитель Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан – Уполномоченный по правам ребенка в Республике Таджикистан», которая охватывает семь статей (от 32¹ до 32⁷). До учреждения данного органа ввелась дискуссия о форме организации данного института. Среди теоретиков и практиков высказывались мнения о том, что он должен быть отдельным должностным лицом наряду с Уполномоченным по правам человека. В результате, в соответствии со статьями 32¹ данного закона должность заместителя Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан – Уполномоченного по правам ребенка в Республике Таджикистан учреждается в целях обеспечения уважения, соблюдения и продвижения прав и свобод ребёнка. В соответствии со статьями 32² данного закона на должность Уполномоченного по правам ребенка назначается гражданин Республики Таджикистан, не моложе 35 лет, владеющий государственным языком, имеющий высшее юридическое образование, обладающий высокими профессиональными и моральными качествами.

В его функции входит содействие в соблюдении прав ребёнка, в восстановлении его нарушенных прав, совершенствовании законодательства в данном направлении, в правовом просвещении граждан, во взаимодействии государственных органов, развитии и координации международного сотрудничества, а также содействие в выполнении международных обязательств Республики Таджикистан по вопросам прав ребёнка.

С учётом анализа общей ситуации с правами ребёнка в Республике Таджикистан, приоритетным направлением деятельности Уполномоченного по правам ребёнка должно стать решение проблем сирот в Таджикистане, работа с детьми, которые на сегодняшний день не охвачены образованием. Особого внимания требует решение вопроса о доступе к образованию отдельных групп детей, в частности детей с ограниченными возможностями, детей, находящихся в конфликте с законом. В связи с изложенным деятельность Уполномоченного по правам ребёнка должна быть направлена на систематический мониторинг права на доступ к образованию отдельных групп лиц, а также условий обучения в общеобразовательных школах.

Как показывает практика зарубежных государств, Уполномоченный по правам ребёнка является самостоятельным институтом, который получил развитие на постсоветском пространстве в последние годы. Данный институт как самостоятельный орган функционирует в России, Казахстане, Украине и ситуация с защитой прав ребенка в данных государствах имеет положительную динамику. С уверенностью можно сказать, что деятельность

Уполномоченного по правам ребёнка в Республике Таджикистан в будущем будет не менее плодотворной.

Литература

Абрамов В.И. Права ребёнка и их защита в России: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук/В.И. Абрамов. – Саратов, 2007. – 455 с.

Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека. – Душанбе, 2018. – 324 с.

Искандаров Ш.Ф. Становление и развитие специализированных государственных правозащитных институтов по правам человека в Таджикистане: дис. ... канд. юрид. наук/Ш.Ф.Искандаров. – Душанбе, 2018. – 191 с.

Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России/Е.М. Павленко / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». – М.: Права человека, 2016. – С.18-22.

Павленко Е.М., Питько Е.В., Шутикова Н.С. Исполнение международных обязательств РФ по созданию специализированного правосудия по делам несовершеннолетних (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области)/Е.М. Павленко, Е.В. Питько, Н.С. Шутикова // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки, – 2013, – №2(12). – С.16-26

Куракина Юлия Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры международного права и прав человека
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Среди прав, присущих личности, отдельно выделяют права ребенка как субъекта, нуждающегося в особой правовой защите. Данное положение находит свое закрепление в международных документах и в национальном законодательстве стран мира. Правовой статус ребенка, при всей универсальности его составляющих, предполагает выделение категорий детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, к которым также относятся дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

В международных документах, закрепляющих права ребенка, используются термины «сирота», «бездомный ребенок» (Женевская декларация прав ребенка 1924 года), «дети, не имеющие семьи» (Декларация прав ребенка 1959 года), «ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения» (Конвенция о правах ребенка 1989 года), «дети, которые разлучены со своими семьями» (Всемирная декларация об обеспече-

нии выживания, защиты и развития детей 2000 года). Различия в терминологии не акцентируют внимание на видах сиротства: главным здесь является отсутствие семьи как условие, заведомо определяющее несовершеннолетнего в группу риска.

Конвенция о правах ребенка 1989 года, являясь международным документом обязательного характера, конкретизирует варианты дальнейших действий государств в отношении таких детей с учетом религиозных, культурных, этнических особенностей.

При всей значимости положений, закрепленных в международных документах, непосредственная реализация прав ребенка, находящегося в трудной жизненной ситуации, зависит от того комплекса правовых норм, которые устанавливают права и гарантии их реализации в конкретном государстве.

В результате общероссийского голосования 1 июля 2020 года в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, в том числе и положение, устанавливающее, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Более того, акцент в статье 67.1 делается на том, что государство в отношении детей, оставшихся без попечения, берет на себя обязанности родителей. Такой норме предшествовал целый комплекс правовых актов, инициирующих мероприятия в сфере защиты прав и интересов детей, например, указ Президента РФ № 240 от 29 мая 2017 года, в котором 2018–2027 годы объявлены Десятилетием детства, ранее – Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 год. В ноябре 2020 года на заседании Совета при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей заместитель председателя Правительства РФ Т.А. Голикова сообщила о снижении числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на 15% с начала 2018 года⁴⁹⁵. Безусловно, такие показатели – результат совместной плодотворной работы субъектов государственной власти и гражданского общества в сфере защиты прав детей.

С точки зрения науки прав человека правовой статус личности состоит из правовых статусов человека, гражданина и субъекта правоотношения. Для исследования особенностей правового положения значительный интерес представляет правовой статус данной категории детей как непосредственных участников правоотношений. Он, в свою очередь, включает в себя правосубъектность (правоспособность, дееспособность и деликтоспособность), права, гарантии реализации прав, обязанности и ответственность за невыполнение обязанностей.

Правосубъектность детей, оставшихся без попечения, не содержит положений, позволяющих говорить о значимых отличиях от общей правосубъектности ребенка. Все возрастные и психофизические границы, которые устанавливаются правом в отношении детей в рамках правоспособно-

⁴⁹⁵ Шушкина А. Число детей сирот сократилось до 42 тысяч, сообщила Голикова // Парламентская газета. 2020. 30 ноября.

сти, дееспособности, деликтоспособности и влияют на реализацию прав, осуществление обязанностей, несение ответственности, точно также применимы и в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Однако правовой статус их законных представителей будет определяться в зависимости от того, находится ли ребенок в специализированном учреждении или в семье, а также от формы устройства в семью таких детей. Усыновитель, опекун, попечитель, приемный родитель, патронатный воспитатель, администрация организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – статусы, которые предполагают представительство и четкую градацию прав, обязанностей и ответственности в рамках правоотношений с участием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Большое количество научных работ посвящено этому вопросу, что объясняется необходимостью непосредственного участия законных представителей в содействии реализации прав детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей⁴⁹⁶.

Следующей составляющей правового статуса человека являются права и гарантии их реализации, и это именно тот критерий, который в большей степени позволяет указывать на особую правовую защиту категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. При прочих равных возможностях в законодательстве Российской Федерации устанавливается комплекс мер, которые специально распространяются на детей, оставшихся без попечения, в целях их большей защиты. Прежде всего, это социально-экономическая сфера: право на алименты, пособия и социальные выплаты, дополнительные гарантии права на образование, медицинское обеспечение, имущество и жилое помещение, на труд и социальную защиту от безработицы. Отдельно устанавливается и гарантируется право на бесплатную юридическую помощь. Нормы, закрепляющие данные положения, содержатся в федеральном и региональном законодательстве. В рамках правового просвещения периодически издаются научно-практические пособия, памятки, цель которых популяризировать правовую информацию и ознакомить с ней как самих детей, оставшихся без попечения, так и лиц, участвующих в их воспитании⁴⁹⁷.

Интересно, что законодатель не предусматривает зависимость обязанностей и ответственности от статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для исполнения обязанностей и несения юридической ответственности ребенку достаточно быть только ребенком и отвечать лишь общим возрастным и психофизиологическим характеристикам, имеющим значение для реализации права.

Почему же особый статус проявляется в дополнительных правах и гарантиях их реализации и не влечет за собой наложение специальных обя-

⁴⁹⁶ Левицкая Е.А., Пасикова Т.А. Особенности правового статуса детей, оставшихся без попечения родителей: монография. – Тамбов, 2016. – С.13; Святкина Т.П. Понятие и особенности правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Молодой ученый. – 2018. – № 18 (204). – С. 266-269.

⁴⁹⁷ Правовое положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации: научно-практическое пособие. – М: Книгодел, 2013.

занностей и ответственности на субъекта права, нуждающегося в особой защите?

Во-первых, в данном случае речь идет о ребенке, оказавшемся в силу объективных причин вне семьи, а, следовательно, в психотравмирующей ситуации, которой он не способен противостоять. Поэтому естественным образом первым субъектом, способным защитить ребенка, выступает государство, обладающее возможностями обеспечить дальнейшее его существование, становление и развитие. Конечно, имеется в виду государство современное, характеризующееся как правовое, социальное, целью которого является обеспечение достойного существования человека. Именно государство устанавливает и обеспечивает функционирование механизмов реализации и защиты прав ребенка, в том числе детей, оставшихся без попечения. Во-вторых, предоставление специальных прав и гарантий их реализации призвано пусть и не полностью, но хотя бы частично компенсировать отсутствие семьи у детей. Особое внимание, приоритетная защита – это способы проявления государством заботы о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей. Известно, что забота как термин, включающий в себя моральную и материальную составляющую, подлежит правовой регламентации только наполовину. Государство может обеспечить материальное положение нуждающемуся в защите ребенку в соответствии с потребностями его возраста, но заменить полноценную семью оно не сможет, тем не менее, в силах государства создать условия для устройства в семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В-третьих, государство заинтересовано в полноценных членах общества, действующих во благо социального общежития и развития общественных отношений. Обеспечить такое существование человека, который в детском возрасте нуждается в дополнительной защите, возможно путем создания дополнительных условий для реализации прав, но не усиливая обязывающие и запрещающие способы правового регулирования. В-четвертых, государство обладает инструментами, позволяющими контролировать исполнение обязанностей субъектами, которые содействуют реализации прав детьми. Это обстоятельство позволяет говорить о полноте правового регулирования данного вида общественных отношений, так как права детей гарантированы обязанностями и ответственностью лиц, являющихся их законными представителями.

Таким образом, особенности правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, заключаются в наличии особого набора субъективных прав детей данной категории, обязанностей и ответственности лиц, являющихся законными представителями несовершеннолетних, и особой роли государства как гаранта обеспечения достойного существования ребенка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации.

Литература

Левицкая Е.А., Пасикова Т.А. Особенности правового статуса детей, оставшихся без попечения родителей/Е.А.Левицкая, Т.А.Пасикова: монография. – Тамбов, 2016. – 74 с.

Правовое положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации: научно-практическое пособие. – М: Книгодел, 2013. – 200 с.

Святкина Т.П. Понятие и особенности правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей/Т.П. Святкина // Молодой ученый. – 2018. – № 18 (204). – С. 266-269.

Шушкина А. Число детей сирот сократилось до 42 тысяч, сообщила Голикова // Парламентская газета. 2020. 30 ноября.

Павленко Евгения Михайловна,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права
и прав человека Школы права Института права и управления
ГАОУ ВО МГПУ

НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Дети и их защищенность — предмет особого внимания в любом обществе, однако каждое общество в процессе самостоятельного развития проходит собственный цивилизационный путь, формирующий систему ценностей, подходов, организационных форм и методов работы с детьми на много поколений вперед. В течение веков наиболее многочисленный слой населения России — крестьянство — обеспечивал свою жизнеспособность в сложных природно-климатических условиях нашей страны за счет коллективных форм жизнеустройства, к которым прежде всего следует отнести общину (в тогдашней терминологии — «мир») и составную семью. Обе эти формы накладывали существенные ограничения на права человека в их привычном для нас понимании, однако были нацелены на сокращение массовых страданий, сглаживая в том числе и проблему сиротства: в случае смерти даже обоих родителей сирота в большой составной семье воспитывался другими родственниками, если же и это оказывалось невозможным, община назначала «черед», то есть порядок перехода ответственности за «мирских детей» от соседа к соседу⁴⁹⁸. Кроме того, значительную роль в социализации детей-сирот играли церковные приходы и монастыри⁴⁹⁹. В царствование Михаила Романова сиротские дома находились в ведении Патриаршего приказа. Первый в России приют для незаконнорожденных

⁴⁹⁸ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Издание Императорских Вольного экономического и Русского географического обществ. – СПб., 1880. Т. 1. – С. 173-174.

⁴⁹⁹ См. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. – СПб., 1874. – С. 18.

был учрежден в 1705 году митрополитом Иовом в Хамово-Успенском монастыре близ Великого Новгорода⁵⁰⁰.

Развитие городов, где быстро проявилась индивидуализация образа жизни, поставило проблему детей-сирот более остро. В ноябре 1715 года Петр I своим указом повелел во всех городах России у церквей при оградах организовать госпитали для подброшенных младенцев⁵⁰¹. Позже, в январе 1721 года, он утвердил устав Главного магистрата (то есть системы городской власти и ее подчинения специально созданному общегосударственному органу), где упоминались существующие «в больших и знатных городах» других государств сиротские дома, в которых «определенное число убогих и после родителей оставшие дети содержатся и воспитаны бывают». Главному магистрату ставилась задача на перспективу «иметь в том старание, чтоб оное исправить со временем без отягчения народного»⁵⁰². Активное развитие система городских приютов и воспитательных домов получила при Екатерине II.

В ходе формирования в России капиталистических отношений во второй половине XIX – начале XX века значительную роль в социальной поддержке детей-сирот стала играть частная благотворительность: повсеместно создавались общества призрения детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В тот же период широко распространилась практика создания яслей и детских садов, как городских, так и сельских; появились первые детские санатории (тогда их называли лечебными колониями); значительное внимание стало уделяться доступности искусственного вскармливания детей. Общественный интерес вызвала проблема жестокого обращения с детьми «со стороны родителей, хозяев, мастеров и вообще лиц, от которых дети зависят»⁵⁰³.

Как отмечал Н.В. Яблоков в своей брошюре «Призрение детей в воспитательных домах», «идея воспитательных домов, или, что то же, призрения детей, покинутых своими родителями, возникла вместе с торжеством христианского учения, основанного на любви к ближнему с ее милосердием и состраданием»⁵⁰⁴. Тот же самый подход можно распространить и на господствовавшее в дореволюционной России отношение к детям и детству в целом.

Советская Россия, отказавшись от частной собственности на средства производства, практически свела на нет роль благотворительности, в том числе в поддержке социально неблагополучных детей. В то же время формы и методы такой поддержки, унаследованные от Российской империи, были переведены на государственно-общественную основу и получили раз-

⁵⁰⁰ Общественное и частное призрение в России. – СПб., 1907. – С. 185.

⁵⁰¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 5. – М., 1788. – С. 94.

⁵⁰² Его Императорского Величества блаженной и вечной славы достойного памяти Государя Императора Петра Великого всемилостивейшее учреждение и регламент или устав Главного магистрата, по которому оный отправлять имеет. Дан в Санкт-Петербурге января 16 дня 1721 года. – СПб., 1776. – С. 20.

⁵⁰³ Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 250.

⁵⁰⁴ Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. – СПб., 1901. – С. 2.

витие, которое вряд ли оказалось бы возможным в любых других условиях. Приоритетом концепции детства в нашей стране оставалась защита детей от угроз различного характера, связанных с жизненной неустойчивостью ребенка, при этом проблемы разрешались в контексте коллективистской среды, обеспечивающей, как и до Великой русской революции, «помощь детям в том смысле, чтобы из них выработались полезные граждане отечества, полезные члены общества»⁵⁰⁵.

В международных организациях, созданных после Второй мировой войны, со временем стала, однако, преобладать совершенно иная концепция детства. В этой концепции сохранялось признание важности защиты детей как принципиально уязвимой возрастной группы, однако на первое место были поставлены права человека в их индивидуалистском понимании. Вероятнее всего это было связано с тем, что страны западной цивилизации в ходе войны пострадали в значительно меньшей мере, чем Советский Союз, испытывавший к тому же голод в 1946 году, поэтому война не стала для этих стран массовым бедствием, заставившим пересмотреть взгляды на жизнь. Справедливости ради нужно отметить, что постепенный дрейф значительной части населения в сторону приоритета индивидуалистской трактовки прав ребенка происходил во второй половине XX века и в СССР — когда сама возможность массовых бедствий стала восприниматься новыми поколениями как иллюзорная.

Итогом развития «международной» концепции детства стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН и открытие для подписания в ноябре 1989 года Конвенции о правах ребенка⁵⁰⁶. Несмотря на то, что текст Конвенции не вызвал тогда вопросов у советской общественности (Верховный Совет СССР ратифицировал Конвенцию 13 июня 1990 года за несколько минут, без доклада и обсуждения, 368 голосами «за» при двух воздержавшихся⁵⁰⁷), на сегодняшний день вряд ли найдется международный договор в сфере прав человека, вызывающий в российском обществе столько споров. Это можно объяснить не только тем, что вопросы межпоколенческих отношений так или иначе касаются каждого, но и тем, что концептуальная несовместимость Конвенции с укладом жизни российской нации с каждым годом осознается нашими согражданами все острее.

Принятие Конвенции о правах ребенка исторически совпало с процессами перестройки в Советском Союзе. Политика гласности, проводившаяся советским руководством в тот период, привлекла общественное внимание к целому ряду проблем, долгие годы не поднимавшихся в средствах массовой информации, в том числе к проблемам детей. Получили широкую известность случаи детской наркомании и токсикомании, криминализации молодежной среды, подростковых самоубийств, массового заражения детей

⁵⁰⁵ Общественное и частное призрение в России. – СПб., 1907. – С. 248.

⁵⁰⁶ Правовое положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации: научно-практическое пособие. – М: Книгодел, 2013.

⁵⁰⁷ Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть XVIII. 8–14 июня 1990 года. М., 1990. – С. 229.

СПИДом в медицинских учреждениях. Все эти факты усилили традиционную ориентацию советского общества на защиту детей.

В 1987 году был создан Советский детский фонд. В июне 1989 года на Первом съезде народных депутатов СССР председатель Фонда Альберт Лиханов выступил с законодательной инициативой о подготовке Закона СССР о правах ребенка, при этом текст выступления оставался в рамках концепции защиты детей и вопрос о правах ребенка как индивида в нем не ставился⁵⁰⁸. Возможно, это стало одной из причин того, что анонсированное А. Лихановым принятие Организацией Объединенных Наций Конвенции о правах ребенка не привлекло должного внимания к тексту Конвенции.

Кроме того, перестройка вызвала массовый интерес к проблемам права и прав человека, однако этот интерес с позиций сегодняшнего дня можно оценить как поверхностный. Одной из отличительных особенностей данного периода было господство в публичном пространстве точки зрения, что мир движется к единству на основе так называемых «общечеловеческих ценностей» и что задача нашей страны — принять эти ценности как данность, отбросив в сторону «за ненужностью» собственный опыт, то есть по сути дела отказаться от национальной идентичности. Вследствие этого положения международных договоров в области прав человека, в том числе на этапе ратификации некоторых из них, были восприняты некритически. Более того, провозглашенная М.С. Горбачевым реформа законодательной системы, нацеленная на обеспечение верховенства права, не ставила задачу выявления неправовых (традиционных) механизмов функционирования общества, их всестороннего анализа и при необходимости переноса в правовое поле. Таким образом, огромный арсенал выработанных за столетия форм и методов, с помощью которых нация обеспечивала свое существование как целостного организма в пространстве и во времени, не только выпал в те годы из рассмотрения, но и по сути потерял право на существование.

За тридцать лет с момента принятия Конвенции о правах ребенка выявился целый ряд разногласий между соответствующим комитетом ООН и Российской Федерацией, однако значительно больше вопросов Конвенция вызывает у российских родителей (в том числе родительских организаций) и вообще граждан, воспитывающих детей. Проблемы концепции прав ребенка (и шире — концепции детства) в современном российском обществе часто затрагиваются в последние годы на конференциях и форумах, проводимых под эгидой федеральных органов власти. Кроме того, Комитет ООН по правам ребенка в своей деятельности выходит за рамки компетенции, предусмотренной Конвенцией и Факультативными протоколами к ней, что представляет собой вмешательство во внутренние дела государств как субъектов международного права.

Несмотря на то, что о целостной, основанной на отечественном опыте и при этом являющейся предметом общего консенсуса концепции прав ре-

⁵⁰⁸ Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 2. – М., 1989. – С. 141-148.

бенка в нашей стране говорить еще очень рано, наиболее общие подходы постепенно получали законодательное закрепление, а в 2020 году были включены в обновленный текст Конституции Российской Федерации. Новая статья 67¹ Конституции включает в себя часть 4, не только провозглашающую детей важнейшим приоритетом государственной политики России, но и формулирующую в совокупности с остальными частями данной статьи целевые установки воспитания. Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации, носят самый общий характер и со временем, вероятно, получают развитие в нормативных правовых актах. Тем не менее наблюдающийся в последние годы значительный рост интереса самых разных слоев общества к ценностным основам жизни, в том числе к межпоколенческим отношениям, а также общее ускорение мировых процессов на фоне пандемии коронавируса, позволяют надеяться, что в ближайшие несколько лет целостный взгляд на права ребенка в нашей стране будет общими усилиями сформулирован и закреплён правовыми средствами.

Литература

Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. – СПб., 1874. – 142 с.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 5. – М., 1788. – 418 с.

Его Императорского Величества блаженной и вечной славы достойного памяти Государя Императора Петра Великого всемилостивейшее учреждение и регламент или устав Главного магистрата, по которому оный от- правлять имеет. Дан в Санкт-Петербурге января 16 дня 1721 года. – СПб., 1776.

Общественное и частное призрение в России. – СПб., 1907. – 296 с.

Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 2. – М., 1989. – 480 с.

Правовое положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации: научно-практическое пособие. – М: Книгодел, 2013. – 200 с.

Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Издание Императорских Вольного экономического и Русского географического обществ. – СПб., 1880. – Т. 1. – 460 с.

Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть XVIII. 8–14 июня 1990 года. – М., 1990. – 318 с.

Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах/Н.В.Яблоков. – СПб., 1901. – 71 с.

Питько Елена Вадимовна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ
Шутикова Наталья Сергеевна,
старший преподаватель кафедры международного права и прав человека
Школа права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПАТРОНАТНОЙ СЕМЬИ В МОСКВЕ

В Российской Федерации актуальными остаются вопросы воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Правовой статус ребенка, оставшегося без попечения родителей, возникает с момента установления органом опеки и попечительства факта отсутствия родительского попечения. В случае, если ребенок лишен возможности жить и воспитываться в семье государство гарантирует данной категории лиц защиту их прав и интересов и обеспечивает ухода за таким ребенком. Статьей 20 Конвенции о правах ребенка (1989) предусмотрено, что «ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством». Международное право направлено на защиту семьи, но ряд авторов отмечают, что семья была обойдена вниманием международного публичного права, а значит право человека на семью еще не завершило процесс своего становления в международном праве прав человека⁵⁰⁹.

В России конституционное закрепление получило приоритетное направление государственной деятельности – обеспечение со стороны государства приоритета семейного воспитания, защиты интересов детей (часть 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации). Наиболее часто детство упоминается в контексте его защиты или охраны, в том числе наряду с материнством, отцовством, семьей, браком⁵¹⁰.

В развитие данных положений Семейный кодекс Российской Федерации регламентирует формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей (раздел VI). В России предусмотрены следующие формы устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление (удочерение) детей, опека и попечительство над детьми, передача в приемную семью на воспитание, в патронатную семью и помещение в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Важно отметить, что институт опеки и попечительства над детьми включает в себя: воспитание детей в приемных семьях, патронатных

⁵⁰⁹ Конев Ф. Ф., Шишенина И.В. Международные механизмы защиты права человека на семью // Нотариус. – 2019. – № 4. – С.46.

⁵¹⁰ Гаврилова Ю.В. Детство как категория конституционной правосубъектности: российский и зарубежный опыт / Детство – территория безопасности: Сборник материалов конференции / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Изд-во «Саратовский источник», 2021. – С.78.

семьях, а также с помощью использования иных форм, применяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации (семья выходного дня, «детский дом семейного типа», замещающие семьи и др.).

Применяемые на территории Российской Федерации формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, можно классифицировать по различным основаниям: возмездные и безвозмездные, семейные и с государственным участием, временные и бессрочные. Так, например, реализация такой формы как «опека и попечительство над детьми» может осуществляться как на возмездной, так и на безвозмездной основе, на возмездной основе принимаются дети в приемную и патронатную семьи, а также под иные виды возмездной опеки (попечительства).

Основной принцип, закрепленный в семейном законодательстве Российской Федерации, предполагает, что при определении формы устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей, предпочтение должно отдаваться устройству в семью.

Законодательными актами субъектов Российской Федерации определяются случаи, когда дети, оставшиеся без попечения родителей, могут быть переданы в патронатную семью. В ряде субъектов Российской Федерации приняты соответствующие нормативные правовые акты: в Красноярском крае, Калужской области, городе Москва, Нижегородской области, Пермском крае, и др. Следует отметить, что в нормативных правовых актах регионального уровня закреплены различные термины для определения патронатной семьи - «патронат», «патронатная семья», «патронажная семья», «семья патронатных воспитателей». Общей чертой регионального законодательства в области патроната выступает воспитание ребенка, обеспечение его безопасности, охрана его жизни и здоровья.

За последние десять лет в Москве наблюдается снижение числа детей, живущих в государственных учреждениях (интернатах) и увеличение количества переданных на воспитание в семьи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Так за период с 2010 по 2020 год передано 18 985 детей на воспитание в семьи, из них 4445 детей (24 %) – в приемные и патронатные семьи⁵¹¹. В Москве правовое регулирование института патронатной семьи осуществляется на основании Закона города Москвы от 14.04.2010 № 12 «Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве» (ст. 12,13 Закона), постановления Правительства Москвы от 20.09.2011 № 433-ПП «О мерах по обеспечению реализации Закона города Москвы от 14.04.2010 № 12 «Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве».

Патронатная деятельность в Москве реализуется в двух формах: постинтернатный и социальный патронат. Особенностью постинтернатного патроната является то, что он распространяется на детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от 18 до 23 лет после

⁵¹¹Собянин С. Число детей- сирот, переданных в семьи, увеличилось почти в 1,5 раза. Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/7000050/> (дата обращения: 15.02.2021).

окончания пребывания их под государственной опекой. В Москве такая форма патроната реализуется уполномоченными организациями – центрами содействия семейному воспитанию, центрами поддержки семьи и детства, некоммерческими организациями. Основанием для возникновения правоотношений является заключенный договор о постинтернатном патронате. Такой договор заключается, как правило, на срок не более 1 года. Но с учетом интересов подопечного он может быть пролонгирован до достижения лицом возраста 23 лет. Работником уполномоченной организации сопровождается не более 8 выпускников, над которыми установлен постинтернатный патронат. Договор о постинтернатном патронате трехсторонний, заключаемый между выпускником, органом опеки и попечительства и уполномоченной организацией по постинтернатному патронату. Данная форма патроната предполагает оказание психологической, юридической, социальной и другой помощи выпускнику. Работник уполномоченной организации и(или) постинтернатный воспитатель не реже двух раз в неделю посещают лицо, находящееся под постинтернатным патронатом, либо возможно временное проживание выпускника у постинтернатного воспитателя (с его согласия), нахождение у постинтернатного воспитателя в выходные, праздничные дни или каникулярный период.

Вторая форма патронатной деятельности – социальный патронат – позволяет оказать социальную поддержку детям и родителям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Тем самым уполномоченная организация на основании договора о социальном патронате оказывает поддержку ребенку, которому требуется помощь со стороны государства, а также его родителям (родителю). В зависимости от индивидуальных особенностей ребенка и потребностей семьи социальный патронат носит как краткосрочный (заключение договора о социальном патронате на срок до шести месяцев), так и долгосрочный характер (заключение договора о социальном патронате на срок от шести месяцев и до 2 лет).

Правовые отношения социального патроната, как и любые отношения договорного характера, могут быть прекращены по волеизъявлению любой стороны. В связи с этим возникает коллизия между вопросами защиты прав несовершеннолетних и реализацией правоотношений в рамках института патронатного воспитания. Для ее решения целесообразно в законодательстве субъектов Российской Федерации закрепить положение об учете возрастных особенностей и психологического состояния детей, передаваемых под опеку в патронатную семью, в том числе в части необходимости расторжения (сохранения) заключенного договора социального патроната.

На детей, переданных на патронатное воспитание, распространяются нормы материального обеспечения и социальные гарантии, установленные федеральным законодательством и законодательством города Москвы для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных под опеку (попечительство). Патронатный воспитатель предоставляет в уполномоченный орган информацию об израсходованных денежных средствах,

выделяемых на содержание ребенка, если иное не предусмотрено договором о патронатном воспитании.

Ребенку на патронатном воспитании и патронатному воспитателю уполномоченными организациями оказывается помощь: профессиональная консультативная, юридическая, психологическая, педагогическая, медицинская, социальная. Помощь оказывается на основании договора о сопровождении семьи. Например, для создания благоприятного климата в семье может оказываться помощь в контроле успеваемости ребенка в школе, в необходимости получения ребенком медицинского обслуживания, формировании досуга ребенка и т.д.

Федеральным законом от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» предусмотрено пособие для граждан, принявших детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей в приемную семью единовременного характера. Кроме единовременной федеральной выплаты за принятие на воспитание ребенка на региональном уровне предусматриваются дополнительные единоразовые платежи. Патронатные родители, проживающие в г. Москве, вправе обратиться за ежемесячной компенсацией расходов на приемного ребенка, на оплату жилья и коммунальных услуг. Постановлением Правительством Москвы № 206-ПП установлена ежемесячная компенсационная выплата детям-сиротам, имеющим место жительства в городе Москве, переданным на воспитание в семью, при отсутствии у них права на получение пенсии или алиментов («подкидыши», «отказные») на каждого ребенка. Деньги выплачиваются из бюджета города Москвы.

Патронатная семья является своевременной и альтернативной по отношению к остальным формам воспитания в семье. Основная цель введения патроната – профилактика и предотвращение социального сиротства.

Литература

Гаврилова Ю.В. Детство как категория конституционной правосубъектности: российский и зарубежный опыт/Ю.В. Гаврилова / Детство – территория безопасности: Сборник материалов конференции / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Изд-во «Саратовский источник», 2021. – С. 77-82.

Конев Ф.Ф., Шишенина И.В. Международные механизмы защиты права человека на семью/Ф.Ф.Конев,И.В.Шишенина // Нотариус. – 2019. – № 4. – С. 46-48.

Собянин С. Число детей- сирот, переданных в семьи, увеличилось почти в 1,5 раза. Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/7000050/> (дата обращения: 15.02.2021).

Солехзода Гулнора Давлат,
соискатель кафедры конституционного права юридического факультета
Таджикского национального университета

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ТАДЖИКИСТАНА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ

В Республике Таджикистан социальная политика государства в сфере защиты прав ребенка является одним из приоритетных направлений государственной политики страны. Как отмечают отечественные ученые государственная политика в области защиты прав детей должна охватывать три взаимосвязанных компонента: формирование государственных стандартов в области защиты прав детей, на основе общепризнанных принципов, заложенных в нормах международного права, правовая регламентация прав детей в Конституции и законодательстве страны и формирование правозащитного механизма в области защиты прав детей⁵¹².

Первые два компонента отражают правовую регламентацию защиты прав детей в Таджикистане, которая за годы независимости сформировалась в достаточно широком объеме. О приоритетности защиты прав детей в Таджикистане, в частности свидетельствует и тот факт, что первым международным документом, который ратифицировал Таджикистан была Конвенция о правах ребёнка, что было осуществлено в конце 1993 года. За годы независимости Таджикистан также ратифицировал такие международно-правовые документы, как Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, Факультативный протокол, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (в 2002 году) и Конвенция «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» от 1 июня 1999 года (Конвенция МОТ № 182) (в 2005 году)⁵¹³.

Положения указанных договоров нашли свое отражение в Конституции страны и действующем законодательстве. Так, статье 34 Конституции Республики Таджикистан провозглашается, что «мать и ребёнок находятся под особой защитой и покровительством государства. Родители ответственны за воспитание детей, а совершеннолетние и трудоспособные дети обязаны заботиться о своих родителях. Государство заботится о защите детей-сирот и инвалидов, их воспитании и образовании». Дальнейшее закрепление это конституционное положение находит в законодательстве страны, в частности в таких нормативных актах, как Семейный кодекс РТ от 13 но-

⁵¹² Диноршоев А.М., Салохидинова С.М. Формирование государственной политики в области защиты прав детей в Республике Таджикистан //Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2017. – № 4(36).– С.22-31; Рахмон Д.С. Принцип наилучших интересов ребенка и его отражение в законодательстве Республики Таджикистан // Государствоведение и права человека. № 1.2016. С.82-92; Диноршоев А.М., Солехзода Г.Д. К вопросу о понятии социальной политики государства / Конституционные ценности и ценность Конституции. Материалы круглого стола с международным участием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы. 2020. – С. 92-97.

⁵¹³ Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека. – Душанбе, 2018.

ября 1998 года, № 682, Закон Республики Таджикистан «О защите прав ребенка» от 18 марта 2015 года № 1196, Закон Республики Таджикистан «О детско-юношеском спорте» от 1 августа 2003 года, №28, Закон Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» от 2 августа 2011 года, №762 и др.

Также для полноценной реализации прав ребенка со стороны Правительства принят ряд подзаконных актов, в том числе Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Порядке выявления и учёта детей, оставшихся без попечения родителей» от 6 октября 2016 года, № 419, Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Национальной программе по искоренению наихудших форм детского труда в Республике Таджикистан на 2015-2020 годы» от 31 октября 2014 года, № 690, Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Порядке выплаты пенсий детям, находящимся на полном государственном обеспечении» от 2 марта 2013 года, № 91, Постановление Правительства Республики Таджикистан «Об обеспечении защиты прав ребенка» от 1 августа 2008 года №377 и др.

На данный момент среди правовых основ регламентации прав детей важное место занимает Закон Республики Таджикистан «О защите прав ребенка» от 18 марта 2015 года № 1196, в котором определяются правовые основы защиты прав ребенка и государственные гарантии их реализации. В данном законе в качестве приоритетных направлений государственной политики определены следующие направления - государственная поддержка семьи в целях полноценного воспитания ребенка, защиты его прав, подготовки ребенка к достойной жизни в обществе; приоритетность медицинского и социального обслуживания ребенка; установление и соблюдение государственных минимальных социальных стандартов для ребенка; признание преимущества прав, свобод и законных интересов детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с целью обеспечения достойных условий для их обучения и воспитания; недопущение дискриминации детей, независимо от расовой, национальной принадлежности, пола, религии, языка, социального и имущественного состояния, состояния здоровья и других признаков; государственная поддержка организаций, осуществляющих защиту прав и законных интересов детей.

Если рассматривать вопросы реализации государственной политики по отдельным направлениям, то можно наблюдать положительную динамику в решении существующих проблем. Так, в сфере образования в 2019 году было построено и сдано в эксплуатацию 130 общеобразовательных учреждений с более чем 32 тысячами посадочными местами. В 2020 году запланировано строительство 181 общеобразовательного учреждения на 54 тысячи посадочных мест, а до празднования 30-летия Государственной независимости будут созданы 128 дошкольных и 338 общеобразовательных учреждений, и в целом 1332 учебных и дошкольных учреждений будут отре-

монтированы и реконструированы⁵¹⁴. В сфере здравоохранения также есть определенные улучшения, в частности, в период независимости общий показатель смертности детей до пяти лет снизился почти в 3,2 раза. Другим важным показателем, определяющим состояние здоровья детского населения, являются детская заболеваемость. Из информации МЗСЗН РТ следует, что, хотя в результате принятых мер уменьшилось количество детей с ВИЧ/СПИД, врожденными пороками и рожденных с маленьким весом, однако количество детей с диабетом и туберкулезом остаётся значительным.

Огромное внимание в Таджикистане уделяется решению такой проблемы как привлечение детей к трудовой деятельности. Сокращение детского труда, предупреждение и искоренение привлечения детей к наихудшим формам труда, выполнение международных обязательств в этом направлении является приоритетным направлением социальной политики Правительства РТ, для достижения которого принимаются необходимые меры. Как показывают результаты исследований последних лет, случаи привлечения детей к труду уменьшились в разы.

Однако в республике все ещё имеют место факторы, которые препятствуют полноценной реализации социальной политики в области защиты прав детей. В Докладе Уполномоченного по правам ребенка в Таджикистане за 2019 год указаны следующие факторы, которые препятствуют эффективной реализации политики государства:

- в сфере образования – низкий уровень правовых знаний учащихся общеобразовательных учреждений; - невысокий уровень и качество образования, слабая материально-техническая база образовательных учреждений и малое количество обучаемых в них профессий и ремесел, отвечающих требованиям рынка труда;

- в сфере здравоохранения - необходимость улучшения доступа матерей и детей к качественным услугам здравоохранения; принятие мер по предупреждению инфекционных заболеваний и их лечению; принятие дополнительных мер по обеспечению матерей и детей достаточным и здоровым питанием.

- в трудовой сфере - основными факторами, способствующими детскому труду, являются распад семей, трудовая миграция, переезд сельского населения в город на постоянное место жительства.

Именно на решение этих и ряда других проблем, в настоящее время направлены действия нашего государства в сфере социального обеспечения детей.

Важным вопросом, который затрагивает защиту прав женщин и детей является принятие мер по искоренению насилия в семье. В Таджикистане был принят Закон РТ «О предупреждении насилия в семье» от 19 марта 2013 года, № 954. Для эффективной реализации положений данного закона в 2014 году была принята Государственная программа по предупреждению насилия в семье в Республике Таджикистан на 2014-2023 годы, которая

⁵¹⁴ Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26.12.2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://president.tj/ru/node/1083> (дата обращения: 26.02.2021).

предусматривает комплекс мер, направленных на предотвращения насилия в семье. В данном процессе помимо государства активно принимают участие и представители гражданского общества. Так, за эти годы общественными организациями были созданы различные, кризисные центры для женщин и центры поддержки девочек, пострадавших от насилия, информационно-консультативные центры при местных исполнительных органах государственной власти, кризисные центры для реабилитации женщин и детей, подвергшихся насилию при НПО.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что в Таджикистане сформирована целостная государственная политика в области защиты прав детей.

Литература

Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека/А.М. Диноршоев, У.А.Азизода, Е.М. Павленко. – Душанбе, 2018. –324 с.

Диноршоев А.М., Салохидинова С.М. Формирование государственной политики в области защиты прав детей в Республике Таджикистан / Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2017. – № 4(36). – С. 22-31.

Диноршоев А.М., Солехзода Г.Д. К вопросу о понятии социальной политики государства / Конституционные ценности и ценность Конституции. Материалы круглого стола с международным участием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы. 2020. – С. 92-97.

Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26.12.2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://president.tj/ru/node/1083> (дата обращения: 26.02.2021).

Рахмон Д.С. Принцип наилучших интересов ребенка и его отражение в законодательстве Республики Таджикистан /Д.С.Рахмон// Государствоведение и права человека. – 2016. –№ 1. – С.82-92.

Ульянова Татьяна Борисовна,

к.филол.н., доцент ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В современных условиях жизни количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, значительно возрастает с каждым годом. Ни для кого не секрет, что данный показатель характеризует стабильность в развитии и благополучии страны. Так как для каждого ребенка семья является самым первым и важным социальным институтом в его жизни, которая дает ему опыт доверия и уважения к старшим, чувство защищенности, заботу, её потеря в значительной степени отражается на разви-

тии, препятствует формированию независимости, самостоятельности и других жизненно необходимых факторов. Поэтому особенно важно иметь качественную поддержку и помощь данной категории детей.

Сиротство — это острая проблема, которая стоит на протяжении многих лет перед нашим обществом. В Российской Федерации более полумиллиона детей различных возрастов остаются без попечения родителей по многим причинам, но можно выделить основные: нарушение функций и структуры семьи, разводы, впоследствии чего возникают неполные семьи, падение уровня жизни, ухудшение условий содержания детей, распространение жестокого обращения с малолетними, лишение родительских прав и многие другие обстоятельства. Все ранее перечисленные факторы приводят к внезапным изменениям моральных ценностей, к дезадаптации в обществе и к падению нравственных норм и правил, которые неблагоприятно сказываются на детях и подростках.

Ряд исследований психологов показывает, что помещение детей в специализированные учреждения по типу интернатов, не обеспечивает удовлетворения основных потребностей, из-за чего происходят нарушения в развитии. В таких учреждениях у детей отсутствует приспособленность к ведению собственного быта, к самостоятельной жизни, к созданию и сохранению своих семей. Выпускники учреждений, как правило, во взрослой самостоятельной жизни имеют проблемы при установлении социальных контактов, бывают зависимы, продолжают испытывать недоверие ко всем людям.

Социальная поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является основной и главной задачей государства и общества. Рост социального сиротства, детской безнадзорности имеют в основе своей общий кризис семьи. Экономический, политический кризис России, приводит к увеличению семей, где психологический и социальный уровни наиболее низкие. Из-за резкого падения жизненного уровня у людей впервые возникает такое явление, как отказ от собственного ребенка, который вызван недостатком денежных средств и возможностей в семье, чтобы обеспечить его и вырастить достойным человеком. Кризис спровоцировал рост преступности, алкоголизма, психических заболеваний, наркомании, что повысило уровень детского неблагополучия.

Если углубиться в историю, крестьянская семья всегда представляла собой коллектив совместно хозяйствующих людей, такие семьи не только воспитывали детей и вели хозяйство, но и были основными носителями глубоких традиций, которые связывали человека с окружающим миром, они были обязаны соблюдать основы христианской жизни. С изменением политического строя в России стали появляться первые «отказные» дети, которых матери за расписку передавали государству, потому что не хотели брать на себя ответственность в воспитании и обеспечении ребенка, таким образом, они навсегда лишались прав на него. Прошли годы, но на сегодняшний день проблема с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, также является значительной, так как их число не уменьшается, а непрерывно растет.

Решение проблем, связанных с сиротством, является одним из важнейших направлений социальной политики государства, которое следит за благополучием всего населения, в том числе и детского. Сиротство — это социальное явление, которое характеризуется наличием в обществе особой категории детей, у которых родители умерли, были лишены родительских прав, либо отказались от собственного ребенка по различным причинам. Многие считают, что сиротство берет своё начало во времена появления человечества, поэтому на сегодняшний день, данное явление считается неотделимым элементом цивилизации. Первые дети-сироты появились ещё в те времена, когда войны, различные эпидемии чаще всего сопровождалась гибелью родителей.

В нашей стране задачей государственной важности является, создание условий для улучшения физического, умственного, морального, духовного, интеллектуального и социального развития детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, так же к этому можно отнести подготовку к дальнейшей самостоятельной жизни, материальную поддержку. Ведь дети — это будущее нашей страны, им необходимо помогать и защищать от всех возможных рисков.

Для этого создаются комплексные мероприятия на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации, которые направлены на формирование и реализацию государственной политики по отношению к рассматриваемой категории детей. К таким мероприятиям относятся: трудоустройство, социальная защищенность, профессиональная подготовка и многие другие.⁵¹⁵

С учетом возраста можно выделить две категории детей-сирот. К первой категории относятся несовершеннолетние дети, которым на момент смерти законных представителей ещё не исполнилось 18 лет. Ко второй категории относятся дети, которые потеряли родителей в возрасте от 18 до 23 лет, во время учебы в образовательных учреждениях.

Закон Российской Федерации не проводит серьезных различий между данными категориями детей, опираясь на общие принципы содержания, мер государственной поддержки. В Семейном кодексе Российской Федерации не даётся точного определения понятию «дети-сироты», так как они так же считаются оставшимися без попечения родителей.

В нашем обществе широкое распространение получило социальное сиротство — к такой категории относятся дети до 18 лет, которые имеют биологических родителей, но те по различным причинам не занимаются воспитанием ребенка и не обеспечивают его. Социологами был проведен ряд исследований, в рамках которых был установлен круг причин социального сиротства в наши дни: отказ от детей при рождении в родильных домах, лишение родительских прав, при полном отказе участия в жизни ребенка,

⁵¹⁵ Соломатина Г.Н. Слюсарева Е.С. Комплексное сопровождение жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. — Ставрополь: СГПИ, 2012. — С.63; Право: учебник / под ред. О.Е.Ефимова, Н.О. Ведьшева, Е.В. Питько. — М.: ИНФРА-М., 2019.

жестокое обращение с малолетники, алкоголизм, наркомания, которые требуют длительного и принудительного лечения в специальных учреждениях.

В XX веке за рубежом, даже в развитых странах «социальное сиротство» стало приобретать широкое распространение. Эксперты Организации Объединенных Наций отметили значительный рост числа детей – социальных сирот в странах Восточной и Западной Европы. Каждое государство данного региона при этом ищет свои пути для решения проблем, связанных с данным социальным явлением.⁵¹⁶

Начиная с XVIII века, в странах Европы заботу о детях-сиротах брали на себя монастыри, а также существовали приюты для брошенных детей при монашеских орденах. Однако в европейском обществе росло понимание нужд, поиски более человеческих путей помощи таким детям. Это привело к созданию гуманитарных организаций, одной из приоритетных задач которых стало устройство детей-сирот, живущих в больших детских домах, в семье на воспитание. Таким образом, складывалась европейская система патронатного воспитания, которая привела к тому, что в настоящее время в Европе практически отсутствуют детские дома. Детей, которые остались без родителей, чаще всего усыновляют. В таких странах нет понятия «чужой ребенок», для местных граждан, ребенок даже самого далекого родственника, является родным, и отдать его в детский дом считается предательством.⁵¹⁷

Все основные права детей закреплены в Конвенции ООН о правах ребенка — международном правовом документе, который является ключевым договором в области защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.⁵¹⁸

Правовая защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, охватывает различные сферы жизнедеятельности: образование, медицину, воспитание ребенка, трудовую деятельность и др.

Социальная поддержка детей-сирот, предусматривает два уровня: первый заключается в повседневной обстановке, в обычной жизненной ситуации, главным образом связан с защитой семьи, прав ребенка в сфере образования, а также к сфере защиты предоставляемых государством гарантий; второй — в чрезвычайной, нестандартной ситуации, связан в первую очередь, с потерей родителей, а также с социальными или иными катастрофами.⁵¹⁹

⁵¹⁶ Королев Ю.А. Семейное право России: Учеб. пособие. – М.: Юрид. лит., 1999. – С. 59.

⁵¹⁷ Зарецкий В.К. Пути решения проблемы сиротства в России / В.К. Зарецкий, М.О. Дубровская, В.Н. Ослон. – М.: ООО «Вопросы психологии», 2002. – С.35.

⁵¹⁸ Павленко Е.М., Питько Е.В., Шутикова Н.С. Соблюдение международных стандартов РФ и применение ювенальных технологий судами (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области) / Проблемы соотношения международного и национального права. Материалы междуниверситетской научно-практической конференции 24-25 марта 2014 года / Под общ. ред. Е.М. Павленко, А.М. Диноршоева. Москва-Душанбе, 2014. С.56-66; Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». –М.: Права человека, 2016. – С.18-22.

⁵¹⁹ Кудрявцев А.А. Социально-правовая защита детей-сирот в современной России/А.А. Кудрявцев // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2013. – № 17. – С. 97-98.

В Румынии и Венгрии законодательство в отношении защиты прав детей-сирот разрабатывается таким образом, чтобы оно было, как можно более приближено к созданию домашней атмосферы воспитания детей в учреждениях. На такую реформу правительство данных стран выделило большие средства из государственного бюджета. Практически во всех пост-социалистических странах такие изменения вызвали негодование у руководства, но данный процесс происходит активно, несмотря на сопротивление традиционной системы воспитания и удержание детей, лишенных родительской опеки.

В тот же период, благодаря законодательству, которое потерпело ряд изменений после военных действий, в Швеции стали закрываться детские дома. Аналогичная ситуация происходила и в других европейских странах мира. При этом законодательная база активно развивалась и в сфере необходимости предоставления семьям, особенно находящимся, в трудной ситуации, различного рода помощи. В Исландии, Норвегии, Словении, Великобритании стали развиваться и действовать политические меры, которые направлены на предоставление заботы замещающим семьям.

Список причин детского неблагополучия объемный. Основными причинами на сегодняшний день, по мнению специалистов, является: высокий рост разводов и количество неполных семей, низкий уровень доходов, в некоторой степени даже ниже прожиточного минимума в стране, отсутствие условий для благополучного воспитания, различные заболевания родителей.

Россия создает все возможные условия для уменьшения количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но их число не уменьшается, а, наоборот, с каждым годом становится больше.

Стоит полагать что, для того чтобы уменьшить количество таких детей, необходимо приложить больше усилий со стороны государства для обеспечения молодых семей, помогать им на первоначальном этапе, а возможно и пересмотреть некоторые формы законодательства в данной области.

Литература

Зарецкий В.К. Пути решения проблемы сиротства в России / В.К. Зарецкий, М.О. Дубровская, В.Н. Ослон. – М.: ООО «Вопросы психологии», 2002. – 208 с.

Королев Ю.А. Семейное право России: Учеб. пособие. М.: Юрид. лит., 1999. 335 с.

Кудрявцев А.А. Социально-правовая защита детей-сирот в современной России // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2013. – № 17– С. 97-98.

Павленко Е.М., Питько Е.В., Шутикова Н.С. Соблюдение международных стандартов РФ и применение ювенальных технологий судами (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области) / Проблемы соотношения международного и национального права. Материалы междунивер-

ситетской научно-практической конференции 24-25 марта 2014 года / Под общ. ред. Е.М. Павленко, А.М. Диноршоева. – Москва-Душанбе, 2014. – С. 56-66.

Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». – М.: Права человека, 2016. – С. 18-22.

Право: учебник / под ред. О.Е.Ефимова, Н.О. Ведышева, Е.В. Питько. – М.: ИНФРА-М., 2019. – 386 с.

Соломатина Г.Н. Слюсарева Е.С. Комплексное сопровождение жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей/Г.Н.Соломатина, Е.С.Слюсарева. – Ставрополь: СГПИ, 2012. – 158 с.

Шосаидзода Шахбоз Шосаид,

к.ю.н, ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВ РЕБЁНКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Как всем известно, с ранних лет начинается процесс формирования личности человека, поэтому государство уделяет особое внимание развитию и защите детей, поскольку они являются особо значимым компонентом в структуре человеческого капитала.

Понятие «ребёнок» закреплено как в отечественном и зарубежном законодательстве, так и в международных стандартах, обозначая категорию лиц, не достигших совершеннолетия (18 лет)⁵²⁰. Нужно отметить, что определение данного понятия является чрезвычайно важным, поскольку ребёнок — субъект права, более того, он обладает особым правовым статусом и участвует в правовых отношениях, урегулированных различными отраслями национального права. Поэтому ребёнок, как специальный субъект правоотношений, нуждается в особой правовой защите со стороны государства, в том числе с помощью специализированного правосудия⁵²¹.

Как совершенно верно отмечает Е.М.Павленко, «одной из очевидных в настоящее время тенденций является расширение международных стандар-

⁵²⁰ Искандаров Ш.Ф. Понятие защита прав ребёнка: международный аспект // Правовая жизнь. –2018. – № 4 (24). – С. 97–106.

⁵²¹ Павленко Е.М., Питько Е.В., Шутикова Н.С. Исполнение международных обязательств РФ по созданию специализированного правосудия по делам несовершеннолетних (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. –2013. – №2(12). – С.16-26.

тов в области прав человека, в том числе в сфере защиты прав ребёнка»⁵²². После принятия Конвенции ООН о правах ребёнка в 1989 году, международное сообщество признало необходимость предоставлять специальную защиту детям в силу их физической и умственной незрелости. Конвенцией было введено принципиально важное определение понятия «ребёнок», под которым понимается каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребёнку, он не достигает совершеннолетия ранее.

Парламент Республики Таджикистан в процессе приведения внутреннего законодательства в соответствие с нормами Конвенции ООН о правах ребёнка не выработал собственного понятия «ребёнок» и закрепил в национальных правовых актах понятие, идентичное конвенции: «ребёнком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)»⁵²³. Аналогичное понятие содержится и в Законе Республики Таджикистан «О защите прав ребёнка» от 18 марта 2015 года, № 1196. Согласно п.1 ст.1 данного закона, «ребёнок – лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста». Наряду с термином «ребёнок» отмечается многообразие наименований, применяемых в Таджикистане к лицам, не достигшим совершеннолетия: «подростки», «несовершеннолетние», «малолетние», «юноши» и др.⁵²⁴.

В настоящее время термин «несовершеннолетний» применяется в отраслевом законодательстве разных стран, однако в юридической науке продолжают дискуссии. А.П. Солдатов отмечает, что указанное понятие включает две категории: «малолетний» и «подросток»⁵²⁵. При этом понятие «малолетний» употребляется в отношении детей с момента рождения до 10 лет, подростком является ребёнок от 10 до 14 лет. Совсем другого мнения придерживается О.В. Садина, определяя дефиниции «малолетний» и «подросток»: малолетний – несовершеннолетний (физическое лицо, ребёнок) в возрасте до 14 лет; подросток – несовершеннолетний (физическое лицо, ребёнок) в возрасте от 14 до 18 лет⁵²⁶. Следует отметить, что, например, Гражданский кодекс Республики Таджикистан к категории «малолетний» относит несовершеннолетних лиц, не достигших 14-летнего возраста.

В своих исследованиях Е.А. Капитонова пришла к выводу, что категории «ребёнок» и «несовершеннолетний» тождественными по содержанию⁵²⁷. Но многие ученые не согласны с подобной точкой зрения, поскольку

⁵²² Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». – М.: Права человека, 2016. – С.18.

⁵²³ Диноршоев А.М., Павленко Е.М. Влияние международных стандартов на формирование института прав и свобод человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан // Правовая жизнь. – 2015. – №4(12). – С.57-65.

⁵²⁴ Искандаров Ш.Ф., Мизробов Ш.Ш. Права ребёнка. Учебное пособие. – Душанбе, 2018. – С. 14.

⁵²⁵ Солдатов А.П. Гарантии и обеспечение прав в границах местного самоуправления. – Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2008. – С. 127.

⁵²⁶ Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2009. – С.13.

⁵²⁷ Капитонова Е.А. Конституционные обязанности ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Пенза, 2010. – С. 12.

ку термин «ребёнок» обладает универсальностью, он применяется при характеристике лица, как не достигшего возраста 18 лет, так и его перешагнувшего. Во-первых, содержание данного термина не только определяет возрастные границы в жизни человека, но и обозначает юридически признаваемые и значимые связи с родителями или лицами, их заменяющими, так как для них ребенок остается таковым независимо от его возраста. Во-вторых, в определенных случаях законодательство приравнивает к статусу ребёнка лиц, достигших совершеннолетия, тем самым обеспечивая их повышенную защищенность. Например, согласно положению ч. 1 ст. 86 Семейного кодекса РТ, «суд вправе взыскать с родителей алименты на детей, достигших совершеннолетия и являющихся студентами очной формы обучения учреждений среднего и высшего профессионального образования до достижения ими двадцати и двадцати четырех лет соответственно». По общему правилу несовершеннолетние, отбывающие наказание в воспитательных учреждениях (колониях), по достижении ими совершеннолетия направляются для дальнейшего отбывания данного вида уголовного наказания в исправительные колонии, предназначенные для взрослых осужденных. Между тем Кодекс исполнения уголовных наказаний РТ устанавливает, что в целях закрепления результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования или профессиональной подготовки осужденные, достигшие возраста 18 лет, могут быть оставлены в воспитательной колонии до окончания срока наказания, до достижения ими возраста 20 лет (ст. 147 УИКН РТ).

В связи с этим можно сделать вывод, что в отношении определенной категории граждан, которые при тех или иных условиях приравниваются к статусу ребёнка, будучи полностью дееспособными (18 лет), государством устанавливаются дополнительные гарантии, представляющие собой комплекс социальных мер, обеспечивающих возможность улучшения жилищных условий, получения дополнительного образования, реализации права на труд и т.п. При этом законодатель поднимает возрастной ценз до известных пределов (19, 23, 24 года). Это способствует не только более полной реализации такими гражданами конституционных прав, но и повышает степень их защищенности.

Закон РТ «О защите прав ребёнка» определяет правовой статус ребёнка (права, обязанности, ответственность) с целью гармоничного развития его личности. Помимо системы прав, свобод и обязанностей, законных интересов, конституционно-правовой статус несовершеннолетнего включает в качестве обязательных элементов социально-экономические, идеологические и юридические гарантии его реализации. В данном законе прямо определен гарант прав и свобод ребёнка – государство в лице его органов. Закон определяет принципы государственной политики в отношении защиты прав ребёнка, обязанности государственных органов, учреждений, предприятий и организаций, общественных объединений и граждан по защите детства.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: для определения правового статуса особого субъекта права, каковым является лицо до до-

стижения 18 лет, следует использовать универсальную категорию «ребёнок». Категории «несовершеннолетний», «малолетний», «подросток», «юноша» и другие охватываются общим понятием «ребёнок», однако их правовое значение состоит в том, что они позволяют более точно учесть специфику правовых возможностей ребёнка. Такой подход позволит унифицировать юридические понятия и может сыграть существенную роль в предупреждении и устранении противоречий между нормативными правовыми актами, регулирующими правовое положение ребёнка в Республики Таджикистан.

В Республике Таджикистан верхний возрастной предел для ребёнка установлен на уровне 18 лет. С этого момента наступает полная дееспособность по гражданскому праву, приобретаются возможность вступления в брак, активное избирательное право. Таким образом, в части установления верхнего возрастного предела детства понятие ребёнка, используемое отечественным законодателем, совпадает с понятием, данным в Конвенции ООН о правах ребёнка⁵²⁸. Такая позиция представляется оптимальной, поскольку ст. 41 Конвенции ООН о правах ребёнка предусматривает, что ее нормы не могут быть преградой для применения к ребёнку любых положений, которые в большей степени способствуют осуществлению его прав и могут содержаться в законе государства-участника или в нормах международного права, действующих в отношении данного государства.

Литература

Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека/ А.М.Диноршоев, У.А.Азизода, Е.М. Павленко, Ш.Ф.Искандаров. – Душанбе, 2018. – 324 с.

Диноршоев А.М., Павленко Е.М. Влияние международных стандартов на формирование института прав и свобод человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан/ А.М. Диноршоев, Е.М. Павленко // Правовая жизнь. – 2015. – №4(12). – С.57-65.

Искандаров Ш.Ф. Понятие защита прав ребёнка: международный аспект// Правовая жизнь. – 2018, – № 4 (24). – С. 97–106.

Искандаров Ш.Ф., Мизробов Ш.Ш. Права ребёнка/ Ш.Ф.Искандаров, Ш.Ш. Мизробов: учебное пособие. – Душанбе, 2018. – 258 с.

Капитонова Е.А. Конституционные обязанности ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Пенза, 2010. – 25 с.

Павленко Е.М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России / Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка». – М.: Права человека, 2016. С.18-22.

⁵²⁸ Диноршоев А.М., Азизода У.А., Павленко Е.М., Искандаров Ш.Ф. Механизмы защиты прав человека/ А.М.Диноршоев, У.А.Азизода, Е.М. Павленко, Ш.Ф.Искандаров. – Душанбе, 2018. – 324 с.

Павленко Е.М., Питько Е.В., Шутикова Н.С. Исполнение международных обязательств РФ по созданию специализированного правосудия по делам несовершеннолетних (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – №2(12). – С.16-26.

Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2009. – 20 с.

Солдатов А.П. Гарантии и обеспечение прав в границах местного самоуправления. – Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2008. – 188 с.

РАЗДЕЛ VII.
**«ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОГО
 ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ
 ПРОЦЕССОВ 4.0»**

Бурьянов Сергей Анатольевич,
 доцент, к.ю.н., доцент кафедры международного права и прав человека
 Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
 ПРОЦЕССОВ И ВЫЗОВОВ 4.0**

В последние десятилетия развитие планетарных общественных, а также с ними связанных природных, техногенных и космических взаимодействий существенно ускорилось⁵²⁹. Но при этом, обусловленная неравномерностью развития⁵³⁰, разбалансированность⁵³¹ в развитии упомянутых взаимодействий привела не только к обострению старых угроз международной безопасности⁵³², но и к появлению новых глобальных вызовов, многие из которых связаны с новыми технологиями индустрии четвертой промышленной революции 4.0. Это тотальный цифровой контроль с помощью новых технологий и нарушения прав человека; цифровое неравенство; сверхсильный искусственный интеллект; цифровые милитаризация киберпространства и гонка вооружений.

Например, по данным авторитетного доклада агентства Janes, военные расходы государств растут непрерывно последние семь лет. К началу 2021 г. суммарно они достигли 1,93 дол. США⁵³³. Показательно, что глобальная вирусная пандемия лишь слегка замедляет рост гонки вооружений, не сокращая ее. В указанном контексте представляется актуальным исследование влияния цифровизации на безопасность государств и мирового сообщества в целом⁵³⁴.

⁵²⁹ Иванеев С.В. Глобальные проблемы и некоторые подходы к их решению // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Под общей редакцией Д.А. Пашенцева. 2016. – С. 117-121.

⁵³⁰ Циватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.

⁵³¹ Минченко Т.П. Кризис идей секуляризма и религиозности в постсекулярном мире // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 51-53.

⁵³² Шаповалов Н.И. Правовая природа органов политической кооперации, их место и роль в системе органов Европейского Союза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2012. – № 3. – С. 34-40.

⁵³³ Annual Defence Report 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/annual-defence-report-2020> (дата обращения: 26.01.2021).

⁵³⁴ Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. Материалы II Международного научного форума. Под общей редакцией П.В. Терелянского. 2018. – С. 85-90.

В условиях динамичного изменения современных общественных отношений, с одной стороны, направленных на рост технологического прогресса и формирование единой глобальной системы, а с другой, несущих нестабильность международных отношений и новые глобальные угрозы безопасности, представляется актуальным исследование путей их преодоления и перехода к устойчивому развитию. Планетарный масштаб новых цифровых вызовов 4.0 требует исследований перспектив развития права, призванного урегулировать и сбалансировать упомянутые общественнотехноприродные и космические взаимодействия.

Глобализацию общественных отношений (и иных взаимодействий) можно описать как совокупность макромасштабных, многоплановых и внутренне противоречивых интеграционных процессов. Соответственно, упомянутые глобальные интеграционные процессы направлены на формирование единой общественной системы, а в итоге общественнотехноприродной и космической системы.

Глобальные вызовы (глобальные проблемы, риски, угрозы и кризисы) – негативные последствия планетарного масштаба в сфере общественнотехноприродных (и космических взаимодействий), чреватые прекращением существования человеческой цивилизации и требующих совместных усилий для их недопущения, прекращения, преодоления и урегулирования. Можно предложить следующую классификацию глобальных вызовов: в сфере общественных отношений (мира и безопасности, социально-экономические, демографические и др.); в сфере взаимодействий общества и техносферы (новых цифровых технологий, включая искусственный интеллект и др.); в сфере взаимодействий общества и сил природы (экологические, климатические, вулканические, ресурсные, инфекционные и др.); в сфере взаимодействий общества и космоса (солнечная активность, космические тела и др.). Для поиска адекватных решений глобальных вызовов необходимо учитывать все упомянутые виды взаимодействий в их взаимной связи, зависимости и развитии на основе принципов открытости, системности, интеграции.

Следует отметить, что влияние информационных технологий на развитие глобальных процессов и вызовов существенно усилилось. Переход к цифровой глобализации начался чуть более пятнадцати лет назад, но его влияние на развитие всех сфер жизни и формирование связанности современного мира огромно, так как почти все трансграничные взаимодействия осуществляются с использованием технологий 4.0. «В дополнение к передаче ценных потоков информации, потоки данных позволяют перемещать товары, услуги, финансы и людей»⁵³⁵. Хартия глобального информационного общества (2000) гласит, что «информационно-коммуникационные техно-

⁵³⁵ Digital globalization: The new era of global flows [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> (дата обращения: 21.01.2021).

логии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование современного общества».

Глобальные процессы 4.0 – качественно новый этап развития общества – совокупность процессов, направленных на формирование единой общественной системы, а также техносферы, сил природы и космоса, основанных на инновационных технологиях – большие данные, блокчейн, искусственный интеллект (ИИ), роботизация, Интернет вещей (ИВ), трехмерная печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления и др.). Глобальные вызовы 4.0 – новые глобальные негативные последствия планетарного масштаба в сфере общественнотехноприродных (и космических взаимодействий), связанные с внедрением инновационных цифровых технологий. По крайней мере некоторые из них также чреваты прекращением существования человеческой цивилизации и требуют соответствующих совместных объединенных усилий человечества. Среди опасностей новой цифровой эпохи в сфере взаимодействий общества и техносферы выделим внедрение таких цифровых технологий, как искусственный интеллект и др.

По мнению основателя и президента Всемирного экономического форума К. Шваба «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей»⁵³⁶. На катастрофические риски новых технологий неоднократно указывалось в материалах Организации Объединенных Наций⁵³⁷. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш осенью 2020 г. отметил, что использование цифровых технологий на благо всех представляет собой глобальную задачу, так как призвано «быть инструментом, уравнивающим и ускоряющим достижение Целей в области устойчивого развития (ЦУР)»⁵³⁸.

Нерешенность старых и новых глобальных вызовов может привести к гибели человеческой цивилизации, что требует достижения баланса общественных глобальных подсистем через урегулирование правовыми нормами. Устойчивое, а значит урегулированное, сбалансированное и управляемое развитие – альтернатива нерешенности глобальных негативных последствий – управляемый, интегрированный и сбалансированный процесс реализации жизненно важных интересов человечества, включая будущие поколения, в гармонии с природой. Преодоление глобальных вызовов и выживание человеческой цивилизации неразрывно связаны с переходом к устойчивому развитию.

Таким образом, роль права в урегулировании современных усложняющихся, глобализирующихся и цифровизирующихся общественных отношений объективно возрастает. Современное правопонимание, которое высту-

⁵³⁶ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business. New York. 2017.

⁵³⁷ Sekretaru-general's roadmap for digital cooperation [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap/> (дата обращения: 21.01.2021).

⁵³⁸ Guterres advocates for digital world that 'strengthens human rights, advances peace' [Электронный ресурс] // URL: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1073292> (дата обращения: 21.01.2021).

пает ключевым вопросом и условием формирования эффективного правового регулирования в условиях перехода к цифровой глобализации 4.0, неразрывно связано с правами человека. Права человека – первоосновы бытия человека – принадлежащие каждому от рождения, закрепленные в системе форм международного и внутригосударственного права, наиболее существенные возможности, реализация которых должна привести к пользованию социальными благами в интересах его (человека) сохранения и развития, что является важнейшим условием достижения устойчивого развития цивилизации и отдельных государств. Преодоление неравенства и эволюционный путь достижения социальной справедливости⁵³⁹ неразрывно связаны с правами человека.

В прошлом веке деятельность Лиги Наций⁵⁴⁰, принятие основополагающих универсальных международных актов в рамках Организации Объединенных Наций (Устав ООН от 1945 г., Всеобщая декларация прав человека от 1948 г., Пакты от 1966 г. и др.) стали важнейшими историческими этапами развития права. «Сегодня принципы и нормы, относящиеся к правам человека, рассматриваются современным международным правом как *jus cogens*, действующие *erga omnes*»⁵⁴¹. Большинство современных конституций, включая Конституцию России от 1993 г., следуя международным принципам и нормам, закрепили права человека в качестве высшей ценности.

Усиление планетарных вызовов, в том числе цифровых 4.0 (неравенство, милитаризация, тотальный контроль и др.), требует обновления обязательств государств в области прав человека. Необходимо реформировать принципы и нормы, закрепляющие права человека в международных и внутригосударственных формах права⁵⁴². В Конституции России необходимо закрепить юридические обязательства государства по формированию эффективных условий реализации прав человека на основе правовой определенности ключевых терминов, толерантности, преодоления нетерпимости и реализации принципа мировоззренческого нейтралитета государства.

С учетом объективной тенденции перехода к цифровой глобализации 4.0, а также в связи усилением новых цифровых угроз глобальной безопасности, необходимым условием их преодоления является научная разработка, международно-правовое закрепление и реализация глобальных цифровых прав человека⁵⁴³. «Цифровые права человека – это принадлежащие

⁵³⁹ Степаненко Р.Ф. Принцип социальной справедливости: рациональное и иррациональное // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 319-323.

⁵⁴⁰ Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций // Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108-113.

⁵⁴¹ Карташкин В.А. Права человека и принципы международного права в XXI веке: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М. 2018. – С. 115.

⁵⁴² Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права. – М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2006. – 1234 с.

⁵⁴³ Here's why we need a Declaration of Global Digital Human Rights. World Economic Forum [Электронный ресурс] // URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/here-s-why-we-need-a-declaration-of-global-digital-human-rights/> (дата обращения: 21.01.2021).

каждому от рождения и закрепляемые в формах международного и внутригосударственного (а в будущем, в формах глобального) права возможности: 1) доступа к сети Интернет, средствам цифровой индивидуализации и хранения цифровых активов, а также к иным цифровым технологиям, защиты жизни, личных персональных, биометрических, биологических и пр. данных; 2) доступ к управлению делами общества (государственному, а в будущем к системе глобального управления) через цифровые технологические платформы (комплексы); 3) в сфере владения, пользования и распоряжения цифровым имуществом (активами), осуществления цифровой экономической деятельности (транзакций, цифровых сделок и пр.), доступа к системам цифровой безопасности; 4) получения социальных услуг на базе цифровых технологических платформ; 5) цифрового доступа к культурным ценностям и образованию»⁵⁴⁴.

Не только Цифровая этика, но и принятие Декларации (а затем и пакта) глобальных цифровых прав человека на уровне ООН призвано запустить процесс обновления права и фундаментальных гарантий реализации прав человека в условиях неравномерного развития глобальных процессов и усиления цифровых вызовов 4.0⁵⁴⁵.

Выводы. В основе комплекса причин усиления глобальных вызовов 4.0 лежат системные проблемы отстающего от жизни правового урегулирования. Проблемы правового закрепления предопределяются теоретико-правовыми и образовательными проблемами, которые берут свое начало с правопонимания, которое представляется не вполне соответствующим современным общественным и иным с ними связанным взаимодействиями. Эффективное урегулирование глобальных вызовов глобализации 4.0 требует, прежде всего, развития права, как науки, системы принципов и норм, совокупности учебных дисциплин (юридического образования).

Необходимым условием преодоления системных нарушений прав человека, в том числе вытекающих из внедрения новых технологий 4.0, является развитие международного и внутригосударственного права. Крайне актуальным является формирование современного правопонимания и реализация принципа правовой определенности ключевых терминов при реформировании международных и внутригосударственных форм права. Необходима системная работа на всех взаимосвязанных уровнях: теоретико-правовом и образовательном, нормативно-правовом, правоприменительном, СМИ и гражданского общества, с охватом принципов и норм международного права и внутригосударственных правовых систем.

Современное право должно стать инструментом урегулирования глобальных вызовов и достижения устойчивого (т.е. урегулированного, сбалансированного и управляемого) развития на основе утверждения свободы,

⁵⁴⁴ Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 35-40.

⁵⁴⁵ Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. – 2020. – №3 (35). – С. 54-70.

воплощаемой в правах человека. Современное право – триединство науки (суммы знаний), система международных и внутригосударственных принципов и норм, совокупность учебных дисциплин (в т.ч. юридическое образование), а также двуединство и интеграция международных (принципы, договоры, обычаи и др.) и внутригосударственных (принципы, нормативные правовые акты, нормативные договоры и др.) форм, которые должны быть направлены на реализацию прав человека, преодоление глобальных вызовов, достижение устойчивого развития цивилизации и отдельных государств. В указанном контексте понимание государства должно быть неразрывно взаимосвязано с упомянутым выше современным пониманием права.

Особо отметим ключевую роль формирующихся глобальных права и юридического образования в преодолении глобальных вызовов 4.0. Необходимо их реформирование с учетом современных общественно-техноприродокосмических взаимодействий и приоритета международно признанных прав человека, включая системообразующее право на свободу совести, право на образование⁵⁴⁶, а также принцип светскости государства. Крайне актуальной проблемой является отнюдь неоднозначное влияние цифровизации на безопасность государств и мирового сообщества в целом⁵⁴⁷.

Литература

Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций // Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108-113.

Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. – №3 (35).– С. 54-70.

Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150).– С. 35-40.

Иванеев С.В. Глобальные проблемы и некоторые подходы к их решению // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Под общей редакцией Д.А. Пашенцева. 2016. – С. 117-121.

Карташкин В.А. Права человека и принципы международного права в XXI веке: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М. 2018. – С. 115.

Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении:

⁵⁴⁶ Прохоров А.Н. Проблема трудоустройства выпускников в контексте современных глобальных процессов // Юридический мир. – 2020. – № 4. – С. 52-54.

⁵⁴⁷ Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. Материалы II Международного научного форума. Под общей редакцией П.В. Терелянского. – М. 2018. – С. 85-90.

новая цифровая экономика или новый мир машин. Материалы II Международного научного форума. Под общей редакцией П.В. Терелянского. – М. 2018. – С. 85-90.

Минченко Т.П. Кризис идей секуляризма и религиозности в постсекулярном мире // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 51-53.

Прохоров А.Н. Проблема трудоустройства выпускников в контексте современных глобальных процессов // Юридический мир. – 2020. – № 4. – С. 52-54.

Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права. – М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2006. – 1234 с.

Степаненко Р.Ф. Принцип социальной справедливости: рациональное и иррациональное // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 319-323.

Шаповалов Н.И. Правовая природа органов политической кооперации, их место и роль в системе органов Европейского Союза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2012. – № 3. – С. 34-40.

Циватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.

Annual Defence Report 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/annual-defence-report-2020> (дата обращения: 26.01.2021).

Digital globalization: The new era of global flows [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> (дата обращения: 21.01.2021).

Guterres advocates for digital world that ‘strengthens human rights, advances peace’ [Электронный ресурс] // URL: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1073292> (дата обращения: 21.01.2021).

Here’s why we need a Declaration of Global Digital Human Rights. World Economic Forum [Электронный ресурс] // URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/here-s-why-we-need-a-declaration-of-global-digital-human-rights/> (дата обращения: 21.01.2021).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business. New York. 2017. 192 p.

Secretary-General’s roadmap for digital cooperation [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap/> (дата обращения: 21.01.2021).

Епифанов Александр Егорович,

д.ю.н., профессор кафедры международного права и прав человека
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ;
профессор кафедры конституционного и административного права
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, профессор

Алимова Елена Николаевна,

Государственное учреждение здравоохранения «Клиническая больница
№ 5». Заместитель главного врача по клинико-экспертной работе.
Магистр права

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В 2019 г. мир столкнулся с пандемией, вызванной совершенно новым вирусом COVID-19. Это первая пандемия причиной которой послужил коронавирус⁵⁴⁸. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что причиной быстрого распространения COVID-19 явились процессы мировой глобализации, сопровождающиеся масштабными межчеловеческими взаимодействиями и высокоскоростным перемещением людей по всему миру. Сформулированное всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) официальное определение пандемии сводится ныне к характеристике охвата инфекцией определенной территории и предполагает распространение нового заболевания в мировых масштабах⁵⁴⁹.

30 января 2020 г. генеральный директор ВОЗ Т.А. Гебрейесус объявил вспышку нового SARS-Cov-2 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение (ЧСЗМЗ). Порядок определение чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение закреплен в ст. 12 Международных медико-санитарных правил (ММСП). 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19. Как представляется, объявление ВОЗ названной ситуации, является исключительным основанием для ограничения государствами ряда прав граждан в целях определения стратегии принятия мер по борьбе с угрозой здоровью населения или отдельным лицам, как того требует п. 25 Сиракузских принципов толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)⁵⁵⁰. Тем более, что ММСП, как ключевой глобальный инструмент защиты от международного распространения болезней содержат правоограничительные рекомендации: рассмотреть историю по-

⁵⁴⁸ Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения 08.02.21 г.).

⁵⁴⁹ Определение пандемии на сайте ВОЗ [Электронный ресурс] // URL: https://web.archive.org/web/20050407090950/http://www.who.int/csr/disease/influenza/preparedness2004_12_08/en/ (дата обращения 08.02.2021).

⁵⁵⁰ Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/4933d0b22.html> (дата обращения: 08.02.2021).

ездки в зараженные районы; проверять документы, подтверждающие прохождение медицинского обследования и любые лабораторные анализы; потребовать проведения медицинского обследования; проверять документы, подтверждающие вакцинацию или другие профилактические меры; потребовать проведения вакцинации или принятия других профилактических мер; поместить подозрительных на заражение лиц под медицинское наблюдение; ввести карантин или принять другие медико-санитарные меры в отношении подозрительных на заражение лиц; принять меры по изоляции и, при необходимости, лечению зараженных лиц; принять меры по отслеживанию контактов подозрительных на заражение или зараженных лиц; отказать во въезде подозрительным на заражение или зараженным лицам; отказать во въезде незараженным лицам в зараженные районы; и проводить скрининг на выезде и/или вводить ограничения в отношении лиц из зараженных районов.

Как того требует ч. 3 ст. 12 МПГПП, необходимыми условиями правоограничений являются законность и насущные потребности охраны госбезопасности, общественного порядка, здоровья, а также нравственности населения⁵⁵¹. В случаях официального объявления чрезвычайного положения государства вправе отступать от принятых обязательств по названному Пакту лишь в определенной степени, параметры которой ограничиваются его остротой. При этом, предпринимаемые меры должны быть совместимыми с иными международно-правовыми обязательствами. Любая дискриминация по расовым, половым, религиозным или социальным признакам согласно ст. 4 Пакта признана недопустимой⁵⁵². Аналогичный порядок устанавливается ч. 1 ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)⁵⁵³.

Пандемия COVID-19 отличается не только масштабностью поражения им стран, но и разнообразностью вводимых государствами ограничительных режимов: чрезвычайное экономическое положение, национальный режим повышенной готовности, режим чрезвычайной ситуации, «локдаун», режим повышенной готовности, основное содержание которых составляют ограничительные мероприятия по различным направлениям функционирования государства.

Рассматривая правовые основы правоограничений, следует помнить о правах, отступления от которых не допускается, а именно тех, что предусмотрены ст.ст. 2 и 3 ЕКПЧ, а также п. 2 ст. 4 МПГПП. Только права, в отношении которых допускаются отступления, позволяют государству принимать соответствующие ограничительные меры. Основное право, которое при этом подверглось ограничению без исключения во всех странах, - право

⁵⁵¹ «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения 07.02.2021).

⁵⁵² Там же.

⁵⁵³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения 07.02.2021).

на свободу. При этом следует учитывать, что ст. 5 ЕКПЧ защищает человека только от лишения свободы, но не от ограничения. Однако, грань между лишением и ограничением свободы очень тонкая, и, в конечном счете, ограничение свободы может представлять фактически ее лишение на определенный промежуток времени. Причем в перечне ситуаций, о которых ст. 5 ЕКПЧ трактует как о законном, оправданном лишении свободы, значится заключение лиц под стражу. Последнее направлено, в том числе, на противодействие распространению инфекционных заболеваний. По нашему мнению, определяющее значение здесь имеет законность применяемых ограничительных мер.

Веденный в начале 2020 г. во многих странах в ответ на пандемию режим «локдауна» или режим «изоляции» направлен, прежде всего, на снижение темпов передачи вируса, за счет реализации мер социального дистанцирования. Термин «изоляция» намного шире понятия «карантин», и, в конечном счете, может включать в себя карантинные меры. Изоляция выразилась не только в закрытии границ между государствами. Внутри стран закрывали предприятия общественного питания, музеи, театры; вводился особый режим работы государственных организаций; граждане могли покидать свои дома, только исходя из принципа «обоснованной разумности». Совершенно уникальным для пандемии COVID-19 стало использование многими странами системы пропусков. Пропускной режим, в том числе с использованием QR-кода вводился в России, Китае и Франции. В Италии для выхода из дома требовалось заполнение самодекларации. В Греции и Азербайджане надлежало направить СМС-сообщение на установленный номер⁵⁵⁴.

Как и ММСП, утвержденная ВОЗ глобальная стратегия борьбы с COVID-19, рекомендовала каждой стране внедрять всесторонний комплекс мер, соответствующий ее возможностям и ситуации, чтобы замедлить передачу вируса и сократить связанную с ним смертность. Он включает мобилизацию всех структур публичной власти и населения на борьбу с пандемией; обеспечение ответственности государственного и общественного секторов за нарушение ограничительных правил; предотвращение заболеваемости путем соблюдения гигиены рук, «респираторного этикета» и физического дистанцирования всех и каждого; контроль спорадических случаев COVID-19 и его очагов среди населения, включая их быстрое выявление и изоляцию; предоставление надлежащей медицинской помощи, отслеживание, карантин и поддержку для всех контактировавших с заболевшими; надлежащие и соразмерные ограничения на внутренние и зарубежные поездки.

По закрытию границ международное право предоставляет государствам достаточно широкие полномочия. Те же полномочия указаны и в ММСП, например, запрет на въезд и выезд. В таких условиях особо уязвимой группой оказались трудовые мигранты, которые зачастую не имеют

⁵⁵⁴ Как работает система пропусков в условиях пандемии в разных странах [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/info/8217617> (дата обращения 07.02.2021).

официальных документов и работают в теневом секторе экономики. Не имея возможности покинуть страну пребывания в связи с закрытием границ, эти лица, как правило, не имеют доступа к услугам здравоохранения и социальной поддержки. Следуя общим принципам защиты прав человека при введении правоограничений в связи с пандемией COVID-19, государства должны обеспечить охрану здоровья для каждого человека, включая и лиц названной категории, не оставляя никого без внимания.

Свобода собраний и объединений, гарантированная ст. 11 ЕКПЧ, так же подпадает под ограничение, что представляется допустимым в условиях молниеносного распространения инфекции через личные контакты в больших коллективах. Еще одним распространенным правоограничением явилось ограничение права на образование, выразившееся в повсеместном закрытии школ и переходе на дистанционное обучение.

В условиях пандемии международные нормы о правах человека обязывают государство обеспечивать гарантии свободы выражения мнений. Кроме того, граждане должны быть обеспечены достоверной и оперативной информацией о текущей эпидемиологической ситуации. Любые правоограничения в этой сфере могут негативно сказаться на формировании общественного доверия к проводимым мероприятиям.

В ст. 15 ЕКПЧ указано, что отступление от обязательств по Конвенции возможно только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью ситуации, по нашему мнению, в случае с пандемией такая чрезвычайность подтверждается официальными заявлениями должностных лиц ВОЗ. Механизм глобальной интеграции государств в единое международно-правовое пространство убедительно доказывает несмотря на разницу в характере и наименованиях вводимых странами ограничительных режимов, направленных на противодействие распространению COVID-19, унифицированный подход к введению правоограничительных мероприятий актуален.

Подводя итог можно выделить общие международно-правовые принципы правоограничений в период пандемий. К их числу следует отнести официальное признание должностными лицами ВОЗ чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение или распространение инфекции в мировых масштабах, что имеет определяющее значение для правового обоснования временных отступлений в области прав человека. Права человека, определенные в ч. 2 ст. 15 ЕКПЧ и ст. 4 МПГПП не подлежат ограничению. Другие права человека могут быть ограничены только при соблюдении условий, установленных международным законодательством. Только при объявлении чрезвычайного положения страна может сослаться на положения ст. 4 МПГПП. Любые правоограничения должны вводиться только на основании закона. Закон должен содержать понятия и определения избегающие двусмысленности и быть совместимым со всеми положениями МПГПП и ЕКПЧ. Закон должен быть достоянием общественности. В нем должны быть указаны конкретные основания для правоограничений. При их введении необходимо соблюдать принцип пропорциональности: ограничения должны служить законной це-

ли, быть соразмерными масштабам пандемии и применяться только в тех целях, для которых они были предписаны и связаны с конкретной потребностью, на которой они основаны. Правоограничения должны соответствовать своей защитной функции.

Литература

Епифанов А.Е., Джамбалаев Я.Р. Институт особого государственно-правового режима. История и правовое регулирование: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020.

Alan Green. Emergency powers in a time of pandemic. Bristol University Press 2020.

Иванеев Сергей Васильевич,

к.ю.н., президент некоммерческой организации «Ассоциация граждан XXI века за развитие светскости и гуманизма»

ГУМАНИЗМ И СВОБОДОМЫСЛИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СВОБОДА СОВЕСТИ И СВЕТСКость ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЮ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСЛАМА В РОССИИ

*«Люди рождаются только с чистой природой, и лишь потом отцы делают их иудеями, христианами или огнепоклонниками»
(Саади)*

Сегодня человечество живет в противоречивом мире глобальных процессов и рисков. Формирование единого планетарного пространства с едиными стандартами и новыми возможностями для улучшения жизни людей сопровождается новыми угрозами безопасности. В частности, глобальная информационная сфера усиливает возможности научных и культурных взаимодействий, но также является источником киберугроз⁵⁵⁵ для отдельных государств и мирового сообщества. В условиях технологической революции 4.0 преодоление планетарных рисков требует большей сплоченности человечества и преодоления исторически сложившихся преград на пути международного сотрудничества. Крайне сложной проблемой, требующей научных исследований, является конфликтогенный потенциал в мировоззренческой сфере. Особенно в связи с проблемами реализации свободы совести в нашей стране⁵⁵⁶. Исторический опыт России⁵⁵⁷ также актуализирует

⁵⁵⁵ Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. Материалы II Международного научного форума. Под общей редакцией П.В. Терелянского. – М. 2018. – С. 85-90.

⁵⁵⁶ Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. Информ.- аналит. отчет Ин-та свободы совести (вторая половина 2001 г. - конец

исследование значения свободы совести и светскости государства как факторов снижения конфликтов в обществе⁵⁵⁸.

Глобальные процессы формируют новое пространство интеграции и взаимодействия регионов, в котором воздействие идет от целого к его частям (регионам). Это значит, что каждое конкретное общество должно адаптироваться к уже возникшему ритму и другим показателям взаимодействия стран: если в прошлом отдельный регион взаимодействовал со своим ближним окружением, то теперь он соотносится с качеством достигнутой планетарной интеграции, - фактически, с мировым целым. И страна должна меняться, чтобы освоить этот объективный вызов возникшей реальности.

История учит, что человечество издавна ищет способы устранить или хотя бы сгладить вражду, распри на социальной, национальной, бытовой почве. Важным средством их преодоления считалась, да и в самом деле была религия. Возможности религии как интегратора социума основательно изучены религиоведами, но поиск в этой области продолжается, и, видимо, не без оснований. Общеизвестно, что нет ни одной национальной или мировой религии, которая не обладала бы свойством в разной мере объединять общество. Например, религия способствует приглушению социальных противоречий, которые в моменты внешней опасности вообще могут не замечаться. Религия также способна предупреждать или сглаживать противоречия между национальными, племенными и т.п. образованиями, если последние входят в сферу той или иной мировой религии. На бытовом уровне религия может гасить неприязнь между людьми, принадлежащими к одной и той же конфессии. Не в последнюю очередь способность религии как идеологии объединять те или иные группы людей обусловлена догматизмом ее учения и авторитаризмом её организации.

Однако, религия не только объединяет людей в группы, но и устанавливает трудно преодолимые барьеры между ними, что способствует расколам и дезинтеграции общества. Подобная дезинтеграция может способствовать переходу общества на более высокую ступень (например, выделение протестантизма из католицизма). А может отбросить его назад (например, противостояние радикальных форм ислама исламу традиционному).

В наши дни можно наблюдать ослабление интегрирующей функции религии; всё более заметной становится, к сожалению, её дезинтегрирующая функция. Отметим, что дезинтеграция как одно из свойств религии существовала всегда. Ещё Эразм Роттердамский писал о том, что самые жестокие войны – религиозные, что священники и монахи «разжигают в государствах и в простом народе страсть к убийствам и войнам»⁵⁵⁹. В наши дни

2004 г.) / С. А. Бурьянов, С. А. Мозговой; Ин-т свободы совести. Москва, 2005. ([Науч. изд. 2-е, доп. и испр.]).

⁵⁵⁷ Бурьянов С.А. Свобода совести и светскость государства в России. Историко-правовой аспект // Юридический мир. – 2003. – № 1. – С. 14–25.

⁵⁵⁸ Бурьянов С.А. Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. – 2001. – № 12. – С. 4–13.

⁵⁵⁹ Эразм Роттердамский. Жалоба мира. / Трактаты о вечном мире. Сост.сб. И.С.Андреева и А.В.Гулыга. – М., Соцэкгиз. 1963. – С.51.

наблюдается рост числа социально-политических и этнических конфликтов; религия их не столько гасит, сколько усиливает. Сохранение в наши дни интегрирующей функции внутри той или иной конфессии (например, ислама), не гарантирует того же самого, когда речь идет о взаимоотношениях между ними. Ныне множатся и усиливаются противоречия между конфессиями; сохраняется религиозная традиция нетерпимости в отношении инаковерующих и неверующих, что нередко вызывает реакцию. И даже фактическое проталкивание в качестве государственной одной из религий (вопреки Конституции, где заявлено о светском характере государства), пусть даже самой распространенной в многонациональном обществе, таит в себе возможные раздоры.

Но в области духовной культуры есть сфера, способная объединению людей не менее, чем религия. Это бесконечно разнообразная, заряженная внутренней энергией сфера светской культуры, которая существует в разной степени в любом обществе на любом уровне его религиозности. Известно, что в основе взаимоотношений между людьми в конечном счете лежат социально-экономические и политические факторы, и эти факторы следует иметь в виду в тех случаях, когда рассмотрению подвергаются аспекты духовной деятельности общества. В то же время сфера духовной деятельности носит относительно самостоятельный характер, поэтому возможен и вариант рассмотрения проблемы единения людей, отвлекаясь от особенностей базиса в тот или иной период. Есть разные подходы к определению светской культуры, не говоря уже о подходах к ее роли в жизни личности и общества. Обычно под светской культурой разумеют мирскую (секулярную) культуру, нередко – нерелигиозное состояние духа; это духовная деятельность, не регламентированная церковными догматами, неподвластная авторитаризму религиозных организаций, свободная от религиозного воздействия⁵⁶⁰. Следует согласиться с мнением А.В. Кувакина о прогрессивной роли свободомыслия и гуманизма в современном обществе⁵⁶¹.

В то же время мы наблюдаем, что в различных регионах современного глобализирующегося мира на фоне усиления миграционных процессов происходит исламизация и усиление конфликтов на этой почве⁵⁶². Острота идеологических противоречий в Европе, обусловленных игнорированием принципа светскости, требует адекватных выводов для многоконфессиональной России.

Вступившие с 01.02.2021 года санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения, утвержденные постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от

⁵⁶⁰ Более подробно в материалах: Тажуризина З.А. Светская гуманистическая культура как фактор единения верующих и неверующих / Религия и общество-9. Сборник научных статей под ред. В.В. Старостенко и О.В. Дьяченко. Могилёв. Изд-во МГУ им.А.А.Кулешова. 2015; Иванеев С.В. Континуум пространства-времени в регулировании взаимодействия образования и общества. М., Изд-во Университета «Синергия», 2017. Иванеев С. В., Тажуризина З. А. Свободомыслие и атеизм: идеи и лица. М.: Академический проект, 2018.

⁵⁶¹ Кувакин В.А. Гуманизм – основа гражданского согласия и прогресса России // Здравый смысл. № 2 (23). 2002. С. 2.

⁵⁶² Филь М. С. Мусульманское сообщество в России: проблемы политического участия и социальной адаптации: монография / М. С. Филь. М.: Маркет ДС, 2006.

27 октября 2020 г. N 32 СанПиН 2.3/2.4.3590-20, где пунктом 8.1.5. «Меню допускается корректировать с учетом климато-географических, национальных, конфессиональных и территориальных особенностей питания населения, при условии соблюдения требований к содержанию и соотношению в рационе питания детей основных пищевых веществ», привели к обратному противоположному эффекту, которым, к сожалению, воспользовались сторонники исламизации светского пространства России под видом якобы запрета для них употребления свинины, признанной «харамом» в исламе.

Примером этого является ответ Прокуратуры Ярославской области за подписью начальника отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи старшего советника юстиции Д.А. Дьячкова (№ 21-108-2021 от 05.02.2021 г.) в адрес заявителя Алаласова Имамаддина Фарман оглы: «В связи с поступившим 14.12.2020 года в образовательную организацию заявления Тиллабаевой Т.С. о запрете употребления детьми по религиозным причинам мяса свинины, заведующей МДОУ «Детский сад № 233» г. Ярославля в адрес директора ООО «Комбинат социального питания» направлено ходатайство о замене мяса свинины на другой вид мяса, которое было удовлетворено (с 16.12.2020), а также издан приказ о замене отдельных блюд в ежедневном меню для питания детей с 1 до 3 лет и с 3 до 7 лет».

Вполне очевидно, что данный случай, безусловно, будет иметь свое дальнейшее продолжение и в других регионах нашей страны, т.к. география компактного проживания исламского населения в России весьма обширна: Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея, Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Удмуртия, Мари Эл, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Екатеринбургская, Пензенская и Омская области. Большие общины мусульман проживают в Москве, Санкт-Петербурге, в Ростовской области, на территории Краснодарского и Ставропольского краев.

На фоне клерикализации светского пространства в России вселяет оптимизм постановление Европейского суда, являющегося высшей судебной инстанцией Европейского союза, признавшего законность решений правительств бельгийских регионов Валлония и Фландрия, запретивших забой скота без его предварительного оглушения. Данное постановление было вынесено по иску, поданному против данных решений еврейской и мусульманской общинами, настаивающими на том, что они ущемляет свободу вероисповедания. Дело в том, что, согласно требованиям иудаизма и ислама, забиваемое животное должно находиться в сознании. Поэтому его предварительное оглушение делает его мясо некошерным (и нехалальным) и, соответственно, непригодным в пищу. Суд постановил, что решения правительств Фландрии и Валлонии пропорциональны и не являются запретом на кошерный забой скота, «поскольку ограничивают только один аспект процедуры кошерного забоя». Кроме того, суд отмечает, что решения не запрещают импорт кошерного мяса в Валлонию или Фландрию, и поэтому не мешает евреям и мусульманам этих провинций потреблять его.

Как известно, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» говорится: «Обратить внимание судов на то, что законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях судам, руководствуясь статьей 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации».

В качестве вывода отметим важность реализации конституционного права на свободу совести, где принцип светскости государства выступает его гарантией⁵⁶³. Особо отметим, что светскость государства означает его нейтральность в мировоззренческой сфере. в т.ч. «в силу ее юридической неопределенности»⁵⁶⁴.

В условиях формирования единого планетарного пространства и технологической революции 4.0, сопровождающихся усилением планетарных рисков, реализация принципов свободы совести и светскости государств являются важными условиями преодоления этноконфессиональных разделений и укрепления международного сотрудничества для построения гуманистического бесконфликтного глобального общества.

Литература

Бурьянов С.А. Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. – 2001. – № 12. – С. 4–13.

Бурьянов С.А. Свобода совести и светскость государства в России. Историко-правовой аспект // Юридический мир. – 2003. – № 1. – С. 14–25.

Иванеев С. В., Тажуризина З. А. Свободомыслие и атеизм: идеи и лица. – М.: Академический проект, 2018. – 270 с.

Иванеев С.В. Континуум пространства-времени в регулировании взаимодействия образования и общества. – М., Изд-во Университета «Синергия», 2017. – 191 с.

Кувакин В.А. Гуманизм – основа гражданского согласия и прогресса России/ В.А.Кувакин // Здравый смысл. – 2002.–№ 2 (23). – С. 2.

Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее:

⁵⁶³ Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2009 – начало 2010 г.г. М. 2010.

⁵⁶⁴ Выступивший на конференции «Светское государство – гарант общественного мира», состоявшейся в Москве, в гостинице «Метрополь» 25 ноября 2012 года, сопредседатель Института свободы совести С.А. Бурьянов справедливо заявил, что «современное государство должно быть нейтральным в мировоззренческой сфере, в т.ч. в силу ее юридической неопределенности. Только в этом случае оно имеет шанс стать подлинно правовым, демократическим, ориентированным на реализацию прав и законных интересов каждого человека. Соответственно, в таком государстве любые конфессиональные, корпоративные и прочие нормы не могут иметь приоритета по отношению к правилам поведения, которые устанавливает и обеспечивает государство».

искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. Материалы II Международного научного форума. Под общей редакцией П.В. Терелянского. – М. 2018. – С. 85–90.

Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. Информ.- аналит. отчет Ин-та свободы совести (вторая половина 2001 г. - конец 2004 г.) / С. А. Бурьянов, С. А. Мозговой ; Ин-т свободы совести. Москва, 2005. ([Науч. изд. 2-е, доп. и испр.]). 526 с.

Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2009 – начало 2010 г.г. – М. 2010. 173 с.

Тажуризина З.А. Светская гуманистическая культура как фактор единения верующих и неверующих // Религия и общество-9. Сборник научных статей под ред. В.В. Старостенко и О.В.Дьяченко. – Могилёв. Изд-во МГУ им.А.А.Кулешова. 2015. – С. 38-40.

Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – Москва: Соцэкгиз, 1963. – 398 с.

Филь М.С. Мусульманское сообщество в России: проблемы политического участия и социальной адаптации: монография / М. С. Филь. – М.: Маркет ДС, 2006. – 128 с.

Кайгородова Людмила Александровна,
к.с.н., профессор кафедры социальных технологий
Южного федерального университета

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема семейных ценностей является одной из центральных тем в гуманитарных науках, в том числе и в социальной работе. Это связано с тем, что ценности являются фундаментальной основой развития личности и общества. Современное российское общество сталкивается с множеством проблем, обусловленных глобализационными процессами, проистекающими во всех сферах общества. Вследствие этих явлений в жизни общества произошло изменение традиционной системы семейных ценностей, однако единой системы семейных ценностей в России пока не сложилось⁵⁶⁵.

Семья постоянно развивается и трансформируется вместе с обществом, а также меняет свои ценностные установки и приоритеты, оставаясь при этом одним из основных его институтов. В настоящее время изменения ценностной среды резко усугубляют противоречия между семейными и внесемейными отношениями, происходит замена основ традиционной се-

⁵⁶⁵ Социальная работа: 100 вопросов и ответов / Под ред. Е.П.Агапова. – Луганск, 2017.

мы. В современной России появляются такие ценности, которые отвечают новым социальным, политическим и экономическим потребностям российского общества⁵⁶⁶.

Именно семья является основой для формирования отношения к правам человека, для психического, физического, социального, душевного роста всех её членов, способная обеспечить развитие, как отдельного человека, так и человеческого рода. Семья с давних времён является предметом исследования многих учёных: философов, историков, психологов: Аристотель считал её основой государства, важной ячейкой нашего общества. Платон пытался исследовать вопросы как правильно строить семью, какие принципы заложены в её основу. Кант видел семью как союз, основанный на моногамии, верности, этичности, правомерности, толерантности. Гегель считал, что формы семьи исторически обусловлены. Но, несмотря ни на что, семья остаётся ячейкой общества с большим ценностным потенциалом, ведь без неё немислимо развитие культуры, общественных отношений⁵⁶⁷.

Формирование семейных ценностей, правил воспитания напрямую связано с традициями и культурой государства. Государство практически не вмешивалось в семейные вопросы, так как многие аспекты регулировались обычаями и традициями. Именно, семья источник родительской любви, ценностных ориентиров, установок, но каждый по-разному воспринимает смысл семейных отношений, да и само слово «семья» для всех имеет неодинаковое значение⁵⁶⁸.

Не зависимо от того какая это семья, в большинстве случаев её членов объединяют общие ценности, о которых мы очень редко говорим, но именно они корректируют наше отношение к окружающему миру и к себе в частности. Некоторые ценности семейной жизни мы приобретаем самостоятельно, некоторые нам передают наши предки из поколения в поколение. Семейные ценности для каждой семьи будут носить индивидуальный характер и иметь личностные особенности. Выделим некоторые важные, как считает автор, семейные ценности, которые должны быть в каждой семье без исключения:

- значимость и необходимость. Очень важно, чтобы каждый член семьи чувствовал теплоту, любовь, заботу. Семья – то место, где можно получить поддержку, где можно собраться вместе безо всяких поводов. Семья — это самое безопасное место, в которое можно вернуться и получить огромную поддержку.

- уважение. С самого раннего возраста необходимо прививать детям чувство уважения к себе, своим друзьям, своим родным и близким. Уважать своего родного человека — значит ставить его на одну ступень рядом с собой, принимать его мысли, чувства и потребности.

⁵⁶⁶ Гендорология. Феминология. Семьеведение. Учебное пособие /Под ред. Кукушин В.С. – Таганрог: Изд. Лукоморье. 2016.

⁵⁶⁷ Теория социальной работы / Под ред. С. Г. Фурдея. – Ростов-на-Дону, 2006.

⁵⁶⁸ Павленок П. Д. Теория, история и методика социальной работы: учебное пособие. – М.: «Дашков и Ко», 2003.

- честность. Эта ценность делает отношения в семье более открытыми. Честность базовая ценность, ведь на лжи счастливой семьи не построишь.

- любовь. Если в семье царит любовь, значит все её члены счастливы, значит в семье тёплая атмосфера и каждый сможет чувствовать себя свободно и легко.

- взаимопомощь. Семья – сплочённая группа людей, которые в любой момент готовы помочь и поддержать несмотря ни на что. Важно, чтобы в семье на фоне всех остальных ценностей на одном из первых мест стояла именно взаимопомощь. Каждый должен уметь жертвовать собой ради близкого, только тогда такой союз можно смело назвать настоящей семьёй⁵⁶⁹.

Сегодня во всем мире ценится свобода: свобода выбора, свобода вероисповедания, свобода слова. В семейной жизни тоже преобладает свобода. Свобода выбора, свобода самовыражения: женщины работают и зарабатывают наравне с мужчинами, и часто являются кормильцами семьи. Дети думают, говорят и творят абсолютно по-другому, не похоже на родителей и хотят уважения к своим взглядам и возможности проявлять их, уважительно, толерантно относиться к взглядам других членов семьи. Важным остается уважение, и понимание. Даже если чувства остыли, именно на этом держатся многие сегодняшние семьи. Нужно беречь взаимопонимание, любовь, теплоту, ценить доверие со стороны близких, ведь это самая большая награда. Ценности – самое главное, что должно быть в любой семье. Счастливая семья – залог процветающего общества, здоровых основ взаимодействия прав человека и толерантности.

Жизнь семьи многогранна и без ценностного основания она трудна. Семья развивалась в историческом процессе как важнейшая ячейка жизни всего общества, и её ценности развивались вместе с функциями, укладом жизни и назначением в обществе. В процессе исторического развития семья постоянно трансформировалась под воздействием господствующего в данном обществе образа жизни, общественных отношений, системы ценностей, а семейные ценности были направлены на удовлетворение потребностей государства, развитие и совершенствование общественных отношений. Именно семье была отведена важная роль в развитии общества и его ценностного потенциала.

Семья несмотря на свою значимость и силу, очень уязвима и напрямую зависит от состояния государства и общепринятых идеологий, культурного и ценностного потенциала страны. Но её значимость с течением времени только растёт. На современном этапе семья претерпевает переход от традиционной модели к наиболее новой, всё меняется: виды семейных отношений, система главенствования в семье, положение и права детей, ценностные ориентиры и на данный момент состояние семьи можно считать кризисным. Это выражается объективными процессами изменения брачно-семейных отношений во всех экономически развитых странах, и особенно в Европе, в сторону автономизации семьи, что неизбежно повлекло за собой

⁵⁶⁹ Основы социальной работы / Под ред. П.Д. Павленок. – М., 2002.

снижение рождаемости, рост числа разводов и увеличение числа одиноких людей.

На семью возложена огромная ответственность за культурное развитие её членов, за правильную ценностную позицию каждого из них. Семья была, есть и будет важной ценностью нашего общества, именно она воспитывает морального, доброго, ответственного, толерантного человека с давних времён и по сей день.

Многие современные исследования в области семейных отношений говорят о спаде ценностного потенциала семьи, её культурного уровня, деградации образа жизни, снижении потребности иметь детей. Исследователи в своих мнениях сходятся в том, что эти процессы свидетельствуют об изменении семейных ориентаций и ценностей в современном обществе. Изменение ценностных установок молодых людей является социально-психологической проблемой. С течением времени стираются нормы и образцы поведения молодёжи, а также изменился сам механизм передачи семейных ценностей из поколения в поколение. Много в семье зависит именно от воспитания родителей, от того какие ценности они передали своему ребёнку и как пытаются строить и ценностно обогащать свою семью⁵⁷⁰.

Таким образом, можно трактовать развитие семьи как сложный и многоэтапный процесс. Основа стабильности семьи заключалась в ценностях и правилах всего рода. Семейные ценности претерпевали изменения в течение долгих лет и становились стабильнее с развитием государства.

Испокон веков в России выше всего стояла духовность и нравственность семьи. На каждом этапе семья обладает специфическими социальными и экономическими характеристиками. Независимо от формы или внутренней иерархии семья всегда имела общественное значение в силу выполнения ею определенных функций. Эти функции менялись так же, как менялось общество. Изначально семья была основным способом организации общества, характеризовалась как общность людей, объединенных единством жизненных ценностей, представлений, позиций во взаимоотношениях с обществом. В семье закладывался фундамент ценностных ориентаций, основ взаимодействия прав человека и толерантности, выступающих критериями отбора информации, предпочтения одних ее форм и источником других⁵⁷¹.

Литература

Гендорология. Феминология. Семьеведение. Учебное пособие / Под ред. Кукушин В.С. – Таганрог: Изд.Лукоморье. 2016.

Кайгородова Л.А., Николаева Л.С. Семьеведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Новочеркасск, 2007.

Основы социальной работы / Под ред. П.Д. Павленок. – М., 2002.

⁵⁷⁰ Кайгородова Л.А., Николаева Л.С. Семьеведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Новочеркасск, 2007.

⁵⁷¹ Фирсов М.В. История социальной работы в России. Учебное пособие. – М., 1998.

Павленок П. Д. Теория, история и методика социальной работы: учебное пособие. – М.: «Дашков и Ко», 2003.

Социальная работа: 100 вопросов и ответов / Под ред. Е.П.Агапова. – Луганск, 2017.

Теория социальной работы / Под ред. С. Г. Фурдея. – Ростов-на-Дону, 2006.

Фирсов М.В. История социальной работы в России. Учебное пособие. – М., 1998.

Карташкин Владимир Алексеевич,

д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник Института государства и права РАН

**55-ЛЕТИЕ ПАКТОВ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА И РЕФОРМИРОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВООЩИТНОГО МЕХАНИЗМА**

Пятьдесят пять лет, истекшие после принятия международных Пактов о правах человека в 1966 году, представляют собой сравнительно короткий промежуток времени. Однако за эти годы произошли серьезные трансформации в международных отношениях и в национальном законодательстве государств, которые привели к изменениям, имевшим место быть как в содержании Пактов, так и в учрежденном ими международном механизме защиты прав человека. Данные изменения детерминируют насущную необходимость реформирования созданного Пактами механизма.

Пакты о правах человека являлись практически первыми в истории международных отношений многосторонними договорами, которые предусматривали создание определенного контрольного механизма над имплементацией его положений государствами-участниками. Следует отметить, что при разработке Всеобщей декларации прав человека 1948 года также обсуждались контрольные механизмы защиты прав человека, вплоть до создания Суда. Однако они были отвергнуты из-за разногласий между государствами.

Значительные расхождения, в связи с этим, возникли и между государствами, участвующими в разработке Пактов. В результате длительных и ожесточенных дискуссий контрольный механизм был создан исключительно применительно к Пакту о гражданских и политических правах. Что же касается Пакта об экономических, социальных и культурных правах, то такой механизм создавался не сразу, а постепенно. И в конце концов оформился в 2008 году, когда был принят к нему Факультативный протокол⁵⁷².

Контрольный механизм, созданный применительно к Пакту о гражданских и политических правах, обладал исключительно ограниченными пол-

⁵⁷²Дос. UN A/RES/63/117 10 December 2008; Карташкин В. А. Факультативный Протокол к международному пакту об экономических, социальных и культурных правах // Актуальные проблемы современного международного права. Часть 1. – М., 2011. – С. 419-427.

номочиями. Во-первых, государства-участники предоставляли учрежденному Комитету по правам человека только доклады о принятых ими мерах по претворению в жизнь прав, признаваемых Пактом (п. 1 ст. 40).

Изучая эти доклады, Комитет принимал лишь Замечания «общего порядка» и не обладал полномочиями в адрес государств давать конкретные рекомендации о необходимости принятия тех или иных конкретных мер по защите нарушенных прав человека. Во-вторых, Комитет по правам человека не имел права рассматривать кроме докладов государств иную информацию, включая доклады неправительственных организаций (далее – НПО). В-третьих, государства не несли никаких обязательств в отношении каким-либо образом реагировать на «общие» замечания Комитета. В-четвертых, процедура рассмотрения индивидуальных жалоб не была закреплена в Пакте, а предусматривалась в отдельном договоре (Факультативном протоколе к нему).

Такая «беззубая» система контроля просуществовала недолго. Через несколько лет – без формального изменения положений Пактов – Комитет стал выносить в адрес государств конкретные замечания по поводу нарушений тех или иных гражданских и политических прав, а также начал принимать к рассмотрению любую информацию, включая материалы, направленные в его адрес НПО.

Постепенно создавался и контрольный механизм применительно к Пакту об экономических, социальных и культурных правах. Сначала был создан соответствующий Комитет, а в 2008 году, как было отмечено, к этому Пакту был принят Факультативный протокол, предусматривающий рассмотрение индивидуальных жалоб.

Развитие международных отношений, исключение многих вопросов из сферы внутренней компетенции государств, способствовали развитию международного механизма защиты прав человека и вне рамок Пактов.

В апреле 2006 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Резолюцию 60/251 «Совет по правам человека»⁵⁷³, которая учредила контроль над выполнением каждым государством – членом ООН его «обязанностей и обязательств» в сфере прав человека, независимо от того, являются ли они участниками тех или иных соглашений по правам человека.

Наряду с Пактами за прошедшие годы были приняты семь ключевых соглашений по правам человека, относительно ликвидации всех форм расовой дискриминации, прав ребенка, предупреждения пыток, защиты прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей и др.⁵⁷⁴ Все они предусмотрели создание соответствующих комитетов по контролю над соблюдением принятых соглашений.

Следует отметить и принятие в 1998 году Римского Статута Международного уголовного суда (МУС), установившего индивидуальную уголовную ответственность за преступные нарушения прав чела.

⁵⁷³ Doc. UN A/Res/60/251 3 April 2006.

⁵⁷⁴ Абашидзе А. Х. Договорные органы по правам человека. – М., 2012. – С. 102-283.

Годы, прошедшие после принятия Пактов, свидетельствует о том, что они вместе с принятыми в их развитие договорами, оказывают все возрастающее воздействие на развитие как международного права, так и внутригосударственного права. Приняв 55 лет назад Пакты, а затем и другие ключевые международные соглашения в рассматриваемой сфере, государства взяли на себя международно-правовые обязательства, которые ранее относились к государственному внутреннему суверенитету. Свобода действий государств не только во внешних, но и внутренних делах стала ограничиваться принципами и нормами, международными договорными обязательствами.

В текущем столетии мир вошел в иную эпоху своего развития. Он столкнулся с новыми вызовами – эпидемиологическими, экологическими, ростом бедности и нищеты, взрывным ростом технологий и многими другими.

Значительно повысился рост самых разнообразных нарушений прав человека, включая те, которые содержатся в Пактах и других основных международных соглашениях. Все это требует принципиально иного подхода к международной защите прав человека, к формированию и совершенствованию его инновационных механизмов. Это вопрос уже длительное время обсуждается в ООН.

В 2005 году Управление Верховного комиссара по правам человека разработало концептуальный документ, в котором предлагалось вместо действующих многочисленных комитетов, создать единый договорной орган, который действовал бы более слаженно и эффективно⁵⁷⁵. Однако этот документ погряз в бюрократических баталиях и не был принят.

Генеральная Ассамблея ООН за последние годы неоднократно принимала резолюции об укреплении и повышении эффективности функционирования системы договорных органов⁵⁷⁶. Однако все они лишь ограничивались отдельными малозначительными мерами, которые не смогли изменить сложный механизм защиты прав человека и повысить эффективность деятельности различного рода комитетов.

Совершенно очевидно, что когда современный мир столкнулся с новыми вызовами и угрозами (в особенности в области прав человека), когда усложнилась быстро изменяющаяся система межгосударственных отношений, нужно реформировать всю существующую систему механизмов международной защиты прав человека, и создать новую Хартию прав человека для XXI века с учетом опыта 75-летней деятельности ООН, и функционирования Пактов и других международных соглашений. В этом будущем документе акцент должен быть сделан на решении новых задач, с которыми мир столкнулся относительно недавно.

Хартия должна быть разбита на разделы, каждый из которых будет посвящен соответствующим правам и свободам человека. К ним целесообразно отнести следующие:

⁵⁷⁵ Concept Paper on the high Commissioner's proposal for a unified standing treaty body // Doc. UN/HRC/MS/2006/2 22 March 2006.

⁵⁷⁶ Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 68/268 от 9 апреля 2014 г.

- 1) гражданские права;
- 2) политические права;
- 3) социальные права;
- 4) экономические права;
- 5) права на достаточный уровень физического и психического здоровья (в эти права должны включаться меры по борьбе с эпидемиологическими опасностями и другими болезнями, угрожающими человечеству);
- 6) право на достаточный жизненный уровень (в этом праве особый упор должен быть сделан на борьбе с бедностью и нищетой);
- 7) экологические права;
- 8) информационные права;
- 9) права, связанные с цифровизацией;
- 10) искусственный интеллект и права человека;
- 11) права пожилых людей;
- 12) соматические права;
- 13) специальный раздел должен быть посвящен полномочиям и реализации механизма по реализации Хартии.

Это далеко не исчерпывающий перечень, который должен быть разработан и закреплен в указанном ранее документе.

Лучшим форумом для обсуждения и принятия данного основополагающего документа XXI века является Организация Объединенных Наций. Как подчеркивается в Декларации о праздновании семьдесят пятой годовщины ООН, принятой 21 сентября 2020 года на заседании Ассамблеи Высокого уровня, в мире «не существует другой глобальной организации, которая обладала бы такими же легитимностью, организационными возможностями и нормотворческим потенциалом, как Организация Объединенных Наций»⁵⁷⁷. Именно ООН должна взять на себя задачу организацию разработки и принятия Хартии прав человека для XXI века.

Литература

Concept Paper on the high Commissioner's proposal for a unified standing treaty body // Doc. UN/HRJ/MS/2006/2 22 March 2006.

Абашидзе А.Х. Договорные органы по правам человека. – М.: РУДН, 2012. – 390 с.

Карташкин В.А. Факультативный Протокол к международному пакту об экономических, социальных и культурных правах // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 8–9 апреля 2011 г. В 2-х частях. Ч. I. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева. – М.: РУДН, 2012. – С. 419–427.

⁵⁷⁷ Doc. UN A/RES/75/1 28 September 2020.

Кривенький Александр Иванович,
д.и.н., профессор кафедры международного права и прав человека
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобальный процесс в образовании неизбежно ведет национальные системы к интеграции в международное образовательное пространство, в результате чего получила развитие новая модель транснационального образования, в которой объединены в единое целое национальный и наднациональный уровни. Это «...новая модель глобального образования, и она должна строиться на стратегии устойчивого развития и на основе международного сотрудничества на универсальном, региональном и двустороннем уровне»⁵⁷⁸.

В транснациональной системе образования нет места классической парадигме образования, ее место практически заняла постклассическая, характеризующаяся совершенно новым образовательным процессом «...через исследование, индивидуализацию и вариативность»⁵⁷⁹. Зримые результаты глобализации экономики неизбежно экстраполируются на наднациональную систему образования. Под влиянием этого процесса высшие учебные заведения стремятся заимствовать принципы деятельности бизнеса и практически перестроили учебный процесс на основе интегрированной триады – образование, наука, бизнес. В рамках данного процесса студент превратился в полноценного субъекта системы образовательных отношений. Теперь он не просто обучаемый, а, скорее, обучающийся, а его наставниками являются педагоги и специалисты предприятий и фирм, для которых вузы и выполняют социальный заказ по подготовке специалистов нового уровня, отвечающих требованиям развития технологической экономики.

Следует заметить, что конкуренция за место в мировых рейтингах между транснациональными вузовскими центрами подготовки специалистов отличается достаточно высоким уровнем. Побеждают в этой конкуренции те из них, которые сумели интегрировать лучшие методики национальных образовательных систем на основе образовательного диалога, международной мобильности и открытого образования⁵⁸⁰.

Включение отдельных стран в мировое образовательное пространство набирает обороты под воздействием новых требований информатизации и технологической экономики. Государства вынуждены проводить согласо-

⁵⁷⁸ Чернявский А.Г., Бурьянов С.А., Кривенький А.И. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социо-культурной среде. Монография. М.: ИНФРА-М. 2019. С.12.

⁵⁷⁹ Неборский Е.В. От классической к постклассической парадигме образования // Педагогика. 2015. № 5. С.39.

⁵⁸⁰ Савина А.К. Европейское образование: ориентация на интеграцию образовательных систем // Педагогика. – 2014. – № 5. – С. 110.

ванную межгосударственную образовательную политику, с тем чтобы не оказаться в ряду отстающих в подготовке специалистов, которые должны отвечать современным требованиям. Такие кадры имеют ныне значение стратегической инвестиции, жизненно важной для будущего процветания государств⁵⁸¹. Эту фундаментальную проблему современного существования глобального мироустройства, с нашей точки зрения, очень внятно объяснил профессор А.М. Соколов. Поле капиталистического отчуждения, отмечает он, «...не может бесконечно расширяться за счет половых, возрастных, психоэмоциональных возможностей человека... А между тем именно человеческий ресурс остается последним резервом капиталистического мироустройства»⁵⁸². Следовательно, глобальные процессы в образовательной сфере ориентируют ее на подготовку именно конкурентоспособных человеческих ресурсов, которые смогут обеспечить будущее устойчивое развитие человеческого сообщества.

С учетом этой благородной цели вот уже свыше 25 лет ведется реформирование и отечественного профессионального образования⁵⁸³. На наш взгляд, на сегодняшний день число противников интеграции нашего образования в международное образовательное пространство поубавилось. Но они оказались правы в том, что поспешное введение Болонской системы на основе государственного принуждения в течение всего 10 лет привело к ошибкам и снизило ожидаемый эффект. «Я считаю, – сказал ректор МГУ В.А. Садовничий в своем выступлении на III Конгрессе «Инновационная практика: наука плюс бизнес», – допущенной нами ошибкой переход на четырехлетнее образование в высшей школе... мы должны учить пять лет, шесть лет, как сделали ведущие западные университеты»⁵⁸⁴. Переболев детской болезнью «хаоса компетенций», эти университеты Европы взялись за осмысление упущенных возможностей подготовки специалистов в течение четырех лет и вернулись к проверенной модели специалитета. Наши же реформаторы, похоже, заболели этой болезнью компетенций надолго, а некоторые навсегда. И до сих пор не понимают, что овладение ключевыми компетенциями начинается еще в дошкольном и школьном, то есть довузовском периоде образования.

Но не все так безрадостно. В результате усилий реформаторов реализуется, например, проект опорных университетов развития региональных экономик, по нашему пониманию, отвечающий тенденциям глобализации профессионального образования. К первым 11 университетам к 2018 г. добавили еще 22. Создаются они на основе интеграции государственных региональных вузов. Основной миссией таких университетов, конечно, является опережающая подготовка кадров для промышленности региона с уче-

⁵⁸¹ Там же. С. 111.

⁵⁸² Соколов А.М. Аксиологические ориентиры глобализации и пределы экспансии // Вестник СПбГУ. Сер.6. 2014. Вып. 4. – С. 62.

⁵⁸³ Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фелин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики. – М., 2018. – С. 7-8.

⁵⁸⁴ Садовничий В.А. Пресс- конференция, посвященная старту международного рейтинга университетов [Электронный ресурс] // URL: Interfax.ru/world/535354 (дата обращения: 07.02.2021).

том структуры регионального рынка труда. Вместе с тем данные вузы должны быть и центрами научно-исследовательской деятельности, развития регионального рынка информационных технологий на базе создания научных и технологических площадок⁵⁸⁵.

Наряду с явными просчетами и ошибками определенные позитивные стороны присоединения отечественного образования к Болонской системе все же есть (применение системы зачетных единиц, расширение мобильности, сотрудничество в области определения качества, образование в течение жизни и др.). Для наглядности приведем пример. Скажем, выпускник педагогического вуза, поработавший на nive общего образования, почувствовал недостаток юридических знаний и умений при управлении образовательным процессом и разрешении различного рода конфликтов, связанных с поведением обучающихся или их законных представителей. С целью ликвидации данного пробела он поступает в магистратуру юридического вуза и получает дополнительную профессию. Это означает, что возможности для дополнительного и непрерывного образования, без которого обходиться становится все сложнее, по сути дела безграничны. Поэтому можно, хотя и осторожно, но все же полагать, что введение болонской системы приблизило нас к подготовке креативной личности, готовой реализовать в быстромеменяющемся мире свои профессиональные, интеллектуальные, эмоционально-волевые и духовно-нравственные резервы, тем самым преодолевая разрыв между самой собой и своей профессиональной деятельностью⁵⁸⁶.

Литература

Гребенщикова В.М., Никитина Н.И. Непрерывное образование как культурно-историческая проблема/В.М.Гребенщикова, Н.И.Никитина// Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 79-83.

Иванов С.А. Феномен опорных университетов региональной экономики в современной России/С.А.Иванов // Высшее образование в России. – 2018. – № 1. – С. 19–30.

Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фелин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики/Н.М.Ладнушкина, Д.А.Пашенцев, С.И.Фёклин. – М., 2018.

Неборский Е.В. От классической к постклассической парадигме образования/Е.В.Неборский //Педагогика. – 2015. – № 5. – С. 35–41.

Савина А.К. Европейское образование: ориентация на интеграцию образовательных систем/А.К.Савина //Педагогика. – 2014. – № 5. – С. 110–117.

Садовничий В.А. Пресс-конференция, посвященная старту международного рейтинга университетов [Электронный ресурс] // URL: Interfax. ru /world/535354 (дата обращения: 07.02.2021).

⁵⁸⁵ Иванов С.А. Феномен опорных университетов региональной экономики в современной России // Высшее образование в России. – 2018. – № 1. – С. 20.

⁵⁸⁶ Гребенщикова В.М., Никитина Н.И. Непрерывное образование как культурно-историческая проблема // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 81-82.

Соколов А.М. Аксиологические ориентиры глобализации и пределы экспансии // Вестник СПбГУ. Сер.6. 2014. Вып. 4. – С. 62–69.

Чернявский А.Г., Бурьянов С.А., Кривенький А.И. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социокультурной среде. Монография. – М.: ИНФРА-М. 2019. – 174 с.

Минченко Татьяна Петровна,

д. филос. н., профессор кафедры педагогики и психологии ТГПУ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КУРСА «ФИЛОСОФИЯ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Для понимания сущности современных глобальных процессов и осознанного участия в них на цивилизационной основе, необходимо формирование системного и целостного мировоззрения, в первую очередь, на базе философии и социогуманитарных наук.

Из множества дефиниций предмета философии, в настоящее время более актуальными представляются, с одной стороны, определения древних мыслителей, понимающих философию как любовь к мудрости и поиск истины⁵⁸⁷; как искусство ясной мысли, постигающей сущность бытия и истинного предназначения человека, а также искусства правильной жизни в гармонии с миром и его закономерностями (Космосом, Небом, Нусом, Логосом, Брахманом, Дао и т.п.), а, с другой - современные определения, которые делают акцент на осознанности и публичности оформленных в терминах актов критического мышления, которые не позволяют заменять бытие его имитациями.

Например, М. Мамардашвили определял настоящую философию как рефлексию и оформление живой мысли в понятии: «...любой вопрос, если он философски поставлен, сразу же обращается в вопрос о тайне бытия и человеческого сознания, оказывается опытом мысли в осуществлении бытия»... «Философ просто доводит до последней ясности свидетельские состояния своего сознания» « философия, - ни для чего и никому не служит, ни у кого не находится в услужении, и ею нельзя изъясняться, а можно лишь жить, пытаясь в терминах и понятиях философии объединить какие-то отрезки (иначе необозримые и неохватные) своей судьбы»⁵⁸⁸.

Исходя из опыта более чем 30-летнего преподавания курса философии, который традиционно занимал не менее 2-х семестров, можно сделать вывод, что в среднем понимание специфики философии и ее основных проблем формируется у студентов ближе к концу 2-го семестра.

В соответствии с последними изменениями ФГОСов курс философии по-прежнему входит в мировоззренческий (социогуманитарный) модуль

⁵⁸⁷ Пифагор: «... в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины» Диоген Лаэртский.1986. VIII. I. 8. С. 309.

⁵⁸⁸ Мамардашвили М. Если осмелиться быть... // Наше наследие. – 1988. – № 3. – С. 22-27.

обязательной части преподаваемых в вузах дисциплин. Вместе с тем, не во всех университетах (задачей которых должно быть, исходя из самого определения университета, помимо обучения специальности, - формирование универсального знания) сохраняется полноценный 2-х семестровый курс философии для нефилософских специальностей, включающий историю философии и рассмотрение ее основных теоретических проблем.

С принятием ФЗ от 2 декабря 2019 г. № 403-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» во многих вузах был сделан упор на практику или методiku в ущерб освоению предметных дисциплин.

Так, например, в ТГПУ по учебным планам для всех специальностей бакалавриата курс философии (как и другие дисциплины мировоззренческого модуля) с 2020-2021 учебного года был сокращен с 2 семестров до 1 семестра, что делает невыполнимой задачу качественного обучения системному критическому мышлению и формирования целостного нравственного мировоззрения. Кроме того, следствием сокращения базового курса философии стала ликвидация кафедры философии и социальных наук.

Представляется, что резкое, необоснованное «обрезание» системного целостного мировоззренческого и общеметодологического курса философии является значительным шагом назад и приведет к следующим негативным последствиям для университетов, педагогов и студентов:

- с позиций требований ФГОС – это невозможность полноценного формирования за 1 семестр компетенции УК-5 – способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контексте (особенно учитывая исключение социологии, этики и логики в качестве дисциплин обязательного блока).

- с позиций содержания и качества образования - значительный ущерб для формирования универсальности и системности в процессе обучения, как критериев качественного университетского образования, поскольку философия, являясь формой мировоззрения и методологией, выступает системообразующей дисциплиной для мировоззренческого модуля обязательной части рабочего учебного плана.

Философия является курсом, который формирует не только системное теоретическое мышление, логику, но и целостное нравственное отношение к действительности. Философия – это не только форма научного мировоззрения, но и методология науки, ее обобщение, междисциплинарная теория более «высокого порядка», незаменимая, если ставиться цель фундаментального университетского образования, а не формирования хаотичной мозаики из обрывков знаний.

Основным методом философии, отличающим ее от других форм получения знания, является рефлексия, развитие самосознания, это требует постепенности, поэтапности и определенного времени для осмысления сложных проблем философии.

Развитие рефлексии, ясности сознания как метода формирования критического мышления и «антидота» к многократно возрастающим возможностям манипуляции сознанием, является особенно актуальным в современном мире с учетом противоречивых тенденций глобальных процессов.

Сокращение времени на изучение философии (и других базовых дисциплин) неминуемо приведет к профанации образования и указанным выше негативным последствиям. Это яркий пример действия закона взаимного перехода количественных изменений в качественные.

Крайне негативные, и еще не до конца осмысленные, последствия для обучения в вузах в 2020 году принес также эксперимент незаконного (не предусмотренного «Законом об образовании в РФ») полного дистанционного обучения.

В отношении преподавания философии Федеральное УМО по философии, этике и религиоведению направило в Министерство науки и высшего образования предложение включить в примерные основные образовательные программы, сопровождающие ФГОС-3++ в качестве методической рекомендации указание на нецелесообразность преподавания обязательного курса по философии исключительно в онлайн-режиме. Поскольку практика сведения общего курса философии к дистанционному преподаванию резко снижает результаты его освоения в воспитательном аспекте, предполагающем прямой контакт педагога с аудиторией. Освоение мировоззренческих дисциплин не может редуцироваться к прослушиванию дистанционных курсов. Онлайн-образование в структуре университетского обучения может быть только дополнительным.

Необходимо прояснять кто, с какими целями и выгодами проводит подобные эксперименты с образованием; комплексно учитывать не только позитивные аспекты цифровизации, но и ее теневые стороны. Так, Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, раскрывая «темную сторону» и вред цифровизации, сравнивает ее с одним из всадников апокалипсиса⁵⁸⁹. В связи с этим формулируется актуальная проблема международно-правового закрепления и реализации глобальных цифровых прав человека и предлагаются пути ее решения⁵⁹⁰.

Кроме того, на фоне глобальных процессов XXI в. следует учитывать возрастание значения философско-методологической подготовки аспирантов и молодых учёных, которые должны опираться на достаточные базовые знания по философии, полученные на уровне бакалавриата или специалитета.

В коллективном докладе Global Education Futures говорится о становлении новой образовательной парадигмы, о переходе к интегральному об-

⁵⁸⁹ Генсек ООН: Четыре «всадника апокалипсиса» угрожают миру [Электронный ресурс] // URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/369248-gensek-oon-nasha-planeta-v-ogne> (дата обращения: 07.02.2021).

⁵⁹⁰ Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного публичного права // Евразийский юридический журнал. –2020. – №11 (150). – С. 35-40.

разованию, позволяющему в полной мере раскрыть индивидуальный потенциал каждого человека и коллективный потенциал человечества⁵⁹¹.

Соответственно, в организации учебного и научно-исследовательского процесса важно органично соединять конкретно-научные задачи с общеметодологической подготовкой, предполагающей адекватное восприятие и рефлексивную оценку приоритетов своей профессиональной деятельности.

Для этого необходимо сохранить сложившуюся в отечественной высшей школе традицию, согласно которой успешная подготовка кадров высшей квалификации предполагала систематическое изучение курса философии и формирование на этой основе навыков рефлексивно-методологического мышления.

В монографии «Глобальные процессы и формирование глобального образования» убедительно обосновывается ведущая роль интегрального образования, непрерывного образования в условиях современной динамики глобальных процессов, для перехода к системе управления глобальными процессами в целях достижения устойчивого развития⁵⁹².

Формирование целостного и системного мировоззрения, осознанного и ответственного этического отношения в процессе обучения в рамках полноценного курса философии является органичной и стержневой составляющей такого интегрального образования.

Литература

Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного публичного права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – №11 (150)– С. 35-40.

Генсек ООН: Четыре «всадника апокалипсиса» угрожают миру [Электронный ресурс] // URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/369248-gensek-oon-nasha-planeta-v-ogne> (дата обращения: 07.02.2021).

Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. I. – М.: МГПУ, 2019. – 200 с.

Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. II. – М.: МГПУ, 2019. – 276 с.

Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., и др. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире [Электронный ресурс] // URL:

⁵⁹¹ Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко, И. Смагин, Д. Судаков. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире [Электронный ресурс] // URL: <http://spku.rdyumov.ru/uploads/2017/10/navyki-budushhego-chto-nuzhno-znat-i-umet-v-novom-slozhnom-mire.pdf> (дата обращения: 07.02.2021).

⁵⁹² Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. I. М.: МГПУ, 2019; Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. II. М.: МГПУ, 2019.

<http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/10/navyki-budushhego-chto-nuzhno-znat-i-umet-v-novom-slozhnom-mire.pdf> (дата обращения: 07.02.2021).

Мамардашвили М. Если осмелиться быть... // Наше наследие. – 1988. – № 3. – С. 22-27.

Никитаев Дмитрий Михайлович,

магистр юриспруденции, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Институт права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПРИНЦИП СВЕТСКОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современном мире происходят объективные процессы усложнения общественных отношений. Указанные процессы характеризуются объективностью, неравномерностью, а также всеобъемлющим масштабом⁵⁹³.

В научной литературе указанные процессы обозначаются термином «глобализация», который наиболее полно и всесторонне отражает происходящие изменения⁵⁹⁴. Отметим, что в современной науке отсутствует единый подход к указанному понятию, а также не вполне исследовано соотношение глобализации и связанных с ней явлений⁵⁹⁵. Как отмечает Е.Л. Вартанова, при активном употреблении термина «глобализация», данный термин редко объясняется, а выработка единого определения затруднена⁵⁹⁶.

Термин «глобализация» рассматривается с позиций философии, политологии, юриспруденции, социологии, глобалистики и других наук⁵⁹⁷. При этом, авторами сформулированы общие признаки глобализации- взаимная связь, взаимная зависимость, приведение в единую упорядоченную систему⁵⁹⁸.

Как указывает С.А. Бурьянов, глобализация — это «объективный, противоречивый и неравномерный процесс, направленный на формирование единой планетарной технососоциоприродной системы, завершение которой должно привести к качественно новому состоянию глобальности⁵⁹⁹. Следу-

⁵⁹³ IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений/Евразийский юридический журнал. – 2015.– № 10 (89). – С. 348-353.

⁵⁹⁴ Иванеев С.В. Глобальные проблемы и некоторые подходы к их решению // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Под общей редакцией Д.А. Пашенцева. 2016. – С. 117-121.

⁵⁹⁵ Циватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.

⁵⁹⁶ Вартанова Е. А. Глобализация СМИ и масс-медиа в России // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – М., 2005. – № 4. – С. 9.

⁵⁹⁷ Никитаев Д.М. Проблемы реализации свободы совести в современных России и мире: монография/ Д.М. Никитаев, С.А. Бурьянов/ под науч. ред. С.А. Бурьянова. – М.: РУСАЙНС, 2020. – С. 84.

⁵⁹⁸ Гринин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. – М. 2013.

⁵⁹⁹ Бурьянов С.А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 80.

ет согласиться с позицией указанного автора, так как данное определение наиболее полно отражает присущие глобализации признаки. В данной связи исследование сложившихся подходов к глобализации будет способствовать выработке единого непротиворечивого понятийного аппарата.

Неравномерное развитие глобальных подсистем несет угрозу существованию человеческой цивилизации. При активном развитии информационной, экономической подсистем, политическая, правовая, культурная, экологическая отстают. Это обуславливает возникновение новых глобальных проблем, а также препятствует решению существующих. Как указывает И.И. Лукашук, «глобальные проблемы являются особым видом социальных проблем, характеризующихся планетарным масштабом»⁶⁰⁰. Глобальный масштаб указанных проблем означает, что они выходят за пределы одного государства. И.В. Ильин, А.Д. Урсул рассматривают данное понятие как «проблемы развития человечества (которые концентрируют негативные эффекты развития), которые выявили планетарный и общечеловеческий характер в прошлом веке, но ранее имевшие место в истории человечества»⁶⁰¹.

События, связанные с пандемией, политическими и экономическими кризисами, локальными конфликтами, экологическими проблемами, обусловленными проблемой производства и потребления, социальное расслоение ставят на повестку дня выживание человечества и его дальнейшее развитие. Представляется, что решением указанных проблем является совершенствование политической подсистемы через правовую. Как указывает А.В. Захаров «основой мерой решения и превенции глобальных проблем является право»⁶⁰². Особая роль в условиях глобализации будет принадлежать международному праву, ставящему в приоритет права человека, соответствующее современным общественным отношениям.

В современном мире актуализируется проблема расширения, реализации и нормативного закрепления прав человека, включая право на свободу совести. На указанную тему проводятся конференции, круглые столы, встречи, сессии международных организаций для мониторинга, анализа и выработки рекомендаций по проблемам реализации прав человека в современном мире. На тему реализации прав человека защищаются диссертации⁶⁰³, написаны монографии⁶⁰⁴, научные статьи⁶⁰⁵. Следует отметить мониторинг ситуации с правами человека, проводимый правозащитными организациями. Однако, понятийный аппарат в сфере прав человека является

⁶⁰⁰ Лукашук И. И. Глобализация, государство, XXI век. М., 2000. С.7.

⁶⁰¹ Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционный подход в глобальных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2014. – №3-4. – С. 47.

⁶⁰² Захаров А. В. Роль права в предупреждении и устранении современных глобальных экологических вызовов человечеству // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 3. – С. 45.

⁶⁰³ Минченко Т.П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности (истоки и перспективы): автореф. ... докт. филос. наук. – Томск. 2011.

⁶⁰⁴ Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов: Монография. – М. 2020.

⁶⁰⁵ Бурьянов С.А. Свобода совести и светскость государства в России. Историко-правовой аспект // Юридический мир. – 2003. – № 1. – С. 14–25.

не вполне развитым, характеризуется дискуссионностью ключевого понятийного аппарата, недостаточным исследованием взаимосвязи основных понятий.

При активном развитии технологий систем распознавания лиц, биг-дата, смарт контрактов, новых стандартов связи становится актуальной тема развития цифровых прав человека. Стремление некоторых современных государств изолироваться от технического прогресса, с одной стороны, при использовании систем слежения за гражданами, обуславливает необходимость совершенствования концепции прав человека. Также не стоит игнорировать проблемы влияния цифровизации на безопасность государств⁶⁰⁶.

Закрепление основного перечня прав человека во Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 года положило начало развитию современной системы международных универсальных актов ООН. Совместно с Всеобщей декларацией прав человека приняты Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных, культурных правах, которые образуют Международный Билль о правах человека. В развитие указанного Билля приняты иные акты, дополняющие его положения. В свою очередь, предтечей ООН была Лига Наций⁶⁰⁷.

Низкая эффективность реализации положений международных универсальных и региональных актов обусловлена отсутствием понятийного аппарата в сфере светскости государства, отставанием от современных общественных отношений и преобладанием актов декларативного характера⁶⁰⁸.

Представляется возможным реформировать принципы и нормы международного и внутригосударственного права. Согласно позиции В.Н. Линкина, следует внести изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации⁶⁰⁹. С.А. Бурьянов предлагает комплексное реформирование принципов и норм международного права, а также внутригосударственных правовых систем⁶¹⁰.

Для реализации принципа светскости государства права на свободу совести, превенции нетерпимости и дискриминации, преодоления раздельных принципов, представляется возможным:

1. Выработать теоретико-правовую модель светскости государства на основе сложившихся подходов к светскости государства, с учетом общественных отношений и принципа правовой определенности.

⁶⁰⁶ Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. – М. 2018. – С. 85–90.

⁶⁰⁷ Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций // Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108–113.

⁶⁰⁸ Бурьянов С.А., Бурьянов М.С., Никитаев Д.М. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации. Монография. Под науч. ред. С.А. Бурьянова. – Москва: Русайнс, 2020.

⁶⁰⁹ Линкин В.Н. Принцип светского государства как одна из основ конституционного строя Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 15.

⁶¹⁰ Бурьянов С.А. Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов: Монография. – М. 2020.

2. Реформировать принципы и нормы международного права путем включения в универсальные и региональные нормы и принципы международного права указанной модели. Представляется возможным принять на международном уровне (ООН) Декларацию о светскости государства, в которой будет закреплён принцип светскости государства как его мировоззренческий нейтралитет, основные положения о реализации данного принципа в современном мире. Также возможно принятие на основе декларации обязательного акта в виде Конвенции о светскости государства.

3. На региональном уровне представляется возможным принять дополнительный протокол к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года в части уточнения сроков ограничения некоторых прав человека. Следует внести в пункт 1 статьи 15 Европейской Конвенции, а именно дополнить данный пункт абзацем следующего содержания «принимать меры для временного отступления от ее обязательств».

4. Совершенствовать внутригосударственное право на основании реформированных норм и принципов международного права путем внесения в Конституцию Российской Федерации от 12 декабря 1993 года поправок, закрепляющих определение принципа светскости государства как мировоззренческого нейтралитета.

Литература

Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций/ А.В.Бегичев, А.А. Галушкин, А.В.Звонарев, и др.// Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108–113.

Бурьянов С.А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука/С.А.Бурьянов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). –С. 80. – С. 77–81.

Бурьянов С.А. Свобода совести и светскость государства в России. Историко-правовой аспект // Юридический мир. – 2003. – № 1. – С. 14–25.

Бурьянов С.А., Бурьянов М.С., Никитаев Д.М. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации/С.А. Бурьянов, М.С.Бурьянов, Д.М.Никитаев. монография. Под науч. ред. С.А. Бурьянова. – Москва: Русайнс, 2020. –236 с.

Вартанова Е.А. Глобализация СМИ и масс-медиа в России/Е.А.Вартанова// Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – М., 2005. – №4. – С. 9–25.

Гринин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность/Ю.Д.Гринин. – М. 2013. – 282 с.

Захаров А.В. Роль права в предупреждении и устранении современных глобальных экологических вызовов человечеству/А.В.Захаров// Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – №3. – С. 45–51.

Иванеев С.В. Глобальные проблемы и некоторые подходы к их решению/С.В.Иванеев// Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной

научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Под общей редакцией Д.А. Пашенцева. 2016. – С. 117-121.

Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России/С.И. Леншин// Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. – М. 2018. – С. 85–90.

Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов: Монография. – М., 2020. – 624 с.

Минченко Т.П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности (истоки и перспективы): автореф. ... докт. филос. наук. – Томск. 2011. – 40 с.

Никитаев Д.М. Проблемы реализации свободы совести в современных России и мире: монография/ Д.М. Никитаев, С.А. Бурьянов/ под науч. ред. С.А. Бурьянова. – М.: РУСАЙНС, 2020. – 146 с.

Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционный подход в глобальных исследованиях/И.В.Ильин, А.Д.Урсул// Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2014. – №3-4. – С. 47.

Линкин В.Н. Принцип светского государства как одна из основ конституционного строя Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук/В.Н.Линкин. – М., 2015. – 172 с.

Лукашук И.И. Глобализация, государство, XXI век/И.И.Лукашук. – М., 2000. – 262 с.

IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений/Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89).– С. 348-353.

Ціватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.

Прохоров Александр Николаевич,

магистр юриспруденции, помощник генерального директора
АНО «Платформа новой школы», исполнительный директор
Ассоциации популяризации и внедрения персонализированной модели
образования «Успех каждого»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ 4.0 И ПРАВО НА СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Впервые на международном уровне термин «глобализация 4.0» прозвучал на Всемирном экономическом форуме в Давосе, где в контексте прочего попытались в целом определить степень управления и сотрудничества в результате 4-ой промышленной революции.

Если промышленная революция № 3 ознаменовалась расширением доступа к цифровым технологиям, то определить влияние 4-ой на данном этапе развития общества практически невозможно. Её более глубокое проникновение как в институты государства и гражданского общества, так и в конкретные права человека, может привести к дисбалансу имеющегося миропорядка и новым глобальным вызовам⁶¹¹.

Чтобы эффективно реагировать на эти и другие вызовы глобализации необходимы специалисты, способные грамотно предугадывать, анализировать и решать задачи любого уровня⁶¹². Для этого нужна четко выстроенная, конкурентоспособная система национального образования, способная «выращивать» будущих новаторов и созидателей в соответствии с глобализацией⁶¹³, которая, как правило, происходит независимо от воли субъектов.

В рамках данного исследования автор считает необходимым заострить особое внимание на системе среднего профессионального образования в Российской Федерации в контексте глобальных процессов 4.0, где обучающийся после школы имеет право приобрести профессию, необходимость которой продиктована мировыми вызовами и рынком труда.

Прежде всего, отметим, что глобализация является отражением динамики мировых перемен в политике, экономике, социальной сфере⁶¹⁴. Важную роль в мировой экономике играет рынок труда, в качестве баланса между спросом и предложением рабочей силы.⁶¹⁵ Соответственно, в условиях глобальной экономики все большую роль играют процессы глобализации образования, где «экономика знаний» требует формирования «Единой мировой образовательной системы, основанной на единых образовательных стандартах»⁶¹⁶. Важной составляющей образования является среднее профессиональное образование, готовящее специалистов для различных сфер экономики. Отметим, что глобализация нашла некоторое отражение в российской системе образования.

В международно-правовом закреплении права на образование ключевую роль сыграла Организация Объединенных Наций, созданная в 1945 г. и в некоторой мере взявшая на себя не вполне выполненную миссию Лиги Наций⁶¹⁷.

⁶¹¹ Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. – М. 2018. – С. 85-90.

⁶¹² Более подробно см.: Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. I. – М.: МГПУ, 2019; Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. II. – М.: МГПУ, 2019.

⁶¹³ Чернявский А.Г., Бурьянов С.А., Кривенький А.И. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социально-культурной среде. Монография. М.: НИЦ ИНФРА-М. 2019.

⁶¹⁴ Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации. Век глобализации. – М., 2013. – С. 23-37

⁶¹⁶ Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. – М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. – С. 235.

⁶¹⁷ Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций // Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108-113.

О регулировании правоотношений в сфере СПО говорят различные международные нормативно-правовые акты:

в части 1, статьи 26 «Всеобщей декларации прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) упоминается, что «каждый человек имеет право на образование... Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным...»;

13-ая статья «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) сообщает, что «среднее образование в его различных формах, включая профессионально-техническое среднее образование, должно быть открыто и доступно для всех путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования»;

в пункте 1, статьи 17 «Европейской социальной хартии» (принята в г. Страсбурге 03.05.1996 г.) говорится о том, что «необходимо обеспечить, чтобы дети и молодежь, с учетом прав и обязанностей их родителей, получали... образование и профессиональную подготовку, в частности путем создания или поддержания в этих целях достаточных и адекватных для этого учреждений, и служб»;

Современная система СПО в России регулируется Конституцией Российской Федерации (ч. 2, ст. 43) и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. 08.12.2020 г.)

В контексте тенденций глобализации 4.0 Правительство России поставило новые задачи в области среднего профессионального образования. Не смотря многочисленные трудности, речь идет об организации в колледжах подготовки следующих специалистов: «графический дизайнер, мобильный робототехник, оператор беспилотных летательных аппаратов, разработчик Web и мультимедийных приложений, специалист по тестированию в области информационных технологий, техник по биотехническим и медицинским аппаратам, слесарь и многие другие»⁶¹⁸.

При этом, численность студентов техникумов, училищ и колледжей растет – она уже почти достигла численности студентов университетов. Но это на фоне проблем с финансированием, материально-технической базой и педагогическими кадрами. Кроме уже упомянутых, отметим ряд проблем, требующих решения. Это «временное трудоустройство безработных выпускников, более высокий уровень специализированных учреждений по направлениям занятости, развитие института наставничества, снижение количества мест в образовательных учреждениях по маловостребованным специальностям, увеличение финансирования и применение эффективных мер по интеграции выпускников в рынок труда и др.»⁶¹⁹.

Вызванное пандемией ускорение цифровизации образования в очередной раз напомнило обществу о ключевой роли науки и образования в со-

⁶¹⁸ Прохоров А.Н. Проблема трудоустройства выпускников в контексте современных глобальных процессов // Юридический мир. – 2020. – № 4. – С. 52-54.

⁶¹⁹ Там же.

временном обществе глобальных процессов 4.0. Согласимся с мнением, что необходимость преодоления глобальных угроз требует более тесных совместных действий государств, международных организаций и других субъектов международных отношений⁶²⁰. Однако, планетарный масштаб современных вызовов миропорядку (включая вызовы новых технологий 4.0.), требуют не только укрепления международного сотрудничества для их преодоления, но и серьезного пересмотра сложившихся подходов в области среднего профессионального образования. Его реформирование должно быть направлено на интеграцию с учетом тенденций развития современного рынка труда и глобальных процессов в сфере образования.

Литература

- Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций // Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108-113.
- Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. – М.; Спб.; Нью-Йорк, 2006. – С. 235.
- Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. I. – М.: МГПУ, 2019. – 200 с.
- Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. II. – М.: МГПУ, 2019. – 276 с.
- Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. – М. 2018. – С. 85-90.
- Прохоров А.Н. Проблема трудоустройства выпускников в контексте современных глобальных процессов // Юридический мир. – 2020. – № 4. – С. 52-54.
- Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации. Век глобализации. – М., 2013. – С. 23-37.
- Чернявский А.Г., Бурьянов С.А, Кривенький А.И. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социально-культурной среде. Монография. – М.: НИЦ ИНФРА-М. 2019. – 174 с.
- Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

⁶²⁰ Циватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. 2014. № 8. С. 26-29; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

Ціватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.

Рощин Михаил Юрьевич,
к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

После разгрома Исламского Государства⁶²¹ в Сирии и Ираке к концу 2017 г. его жизнь не закончилась. В числе его новых очагов следует отметить Афганистан и Африку. В Афганистане Исламское Государство (далее – ИГ) хорошо закрепилось, прежде всего, в провинции Нангархар. В структуре ИГ его афганский филиал называется Виляят Хорасан. По данным аналитиков филиал опирается на помощь другой радикальной организации Сети Хаккани, названной так по имени своего основателя Джалалуддина Хаккани⁶²². Хотя в последние годы активность Виляята Хорасан несколько снизилась, ряды его боевиков по-прежнему насчитывают до 1 тыс. чел. По данным недавнего отчета ООН, подпольные ячейки организации действуют, в том числе, и в столице Афганистана Кабуле. По данным того же отчета, от рук боевиков ИГ в Афганистане за прошлый год погибло примерно 600 гражданских лиц и 2 500 афганских военных⁶²³.

Но деятельность ИГ в Афганистане далека от того размаха, который присущ организации в Африке. Там боевики действуют жестко и энергично, терроризируя население огромных территорий. В годы после разгрома ИГ в Сирии и Ираке организация в Африке непрерывно наращивала свои усилия, что, к сожалению, до настоящего времени не вызывает достаточно внимания международного сообщества. Наиболее активной организацией является так называемое Исламское Государство Великой Сахары (ИГВС). Территория, которая находится под ее контролем сопоставима с общей территорией стран Европейского Союза. Территория влияния ИГВС включает себя Мали, Чад, Буркина Фасо и Нигер, но постоянно расширяется в сторону Бенина, Того, Кот-д'Ивуар и Гвинеи. ИГВС возникла в мае 2015 г. в результате раскола экстремистской группы Мурабитун, когда лидер раскольников Абу Валид ас-Сахрави принес присягу так называемому

⁶²¹ Организация запрещена в Российской Федерации.

⁶²² Jeffrey A. Dressler. The Haqqani Network. From Pakistan to Afghanistan Washington. Institute for the Study of War. Afghanistan Report 6. October 2010.

⁶²³ Seldin Jef. Islamic State Poised for Possible Resurgence in Afghanistan, US Officials Warn (VOA.9.02.2021) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.voanews.com/south-central-asia/islamic-state-poised-possible-resurgence-afghanistan-us-officials-warn> (дата обращения: 09.02.2021).

халифу ИГ аль-Багдади⁶²⁴. ИГВС имеет определенную экономическую базу и опирается на местный бизнес, контрабанду, бандитизм на дорогах и религиозный рэкет, а также контролирует потоки мигрантов в сторону Европы. ИГВС имеет даже некоторый налет легитимности среди жителей, так как критикует границы, нарисованные западными колониальными державами на берлинской конференции 1885 г., и предлагает определенную защиту местным жителям на основе соблюдения законов шариата, правда в жестком салафитском варианте. Считается, что ряды ИГВС насчитывают несколько десятков тысяч боевиков, не говоря уже о намного более широком круге сочувствующих. В социальном плане ИГВС решительно критикует местные правительства за коррупцию, nepotизм и неспособность обеспечить своих граждан минимально необходимыми услугами: водой, электроэнергией, образованием и здравоохранением⁶²⁵.

В марте 2019 г. в состав ИГВС вошло Исламское Государство Западной Африки, созданное на базе нигерийского движения Боко Харам. Следует отметить, что в прошлом именно террористы из Боко Харам прославились наибольшими зверствами среди других джихадистских движений. Самым известным и варварским преступлением Боко Харам стало похищение в апреле 2014 г. 276 учениц школы-интерната из города Чибока. Террористы подъехали в школу ночью, когда все спали. Одна из учениц, которую удалось освободить, рассказала: "Когда в час ночи в общежитие ворвались вооружённые люди в камуфляже, все сначала подумали, что это солдаты, потому что у них была армейская форма. Они приказали нам не разбегаться, а потом велели залезать в грузовики, которые они подогнали к воротам общежития". Многие из школьниц разыскиваются до сих пор⁶²⁶. Сегодня боевики Боко Харам действуют на всей территории ИГВС вплоть до Чада включительно. Общая их численность составляет примерно 13 тыс. чел⁶²⁷.

Новой страной, примкнувшей к ИГ, стал неожиданно Мозамбик. Там мусульмане составляют примерно 20% населения. Мусульманский мятеж в самой северной провинции страны Кабу-Делгаду начался в октябре 2017 г. и не стихает до сих пор. Он был начат исламской радикальной группировкой Джамаат Ансар ас-Сунна, которая впоследствии влилась в зонтичную структуру ИГ как его филиал. В течение всего 2020-го года исламские мятежники вели напряженные бои с правительственными войсками⁶²⁸. В середине августа 2020 г. они захватили стратегический порт Мосимбо-да-Прая,

⁶²⁴ Seldin Jef. Islamic State Poised for Possible Resurgence in Afghanistan, US Officials Warn (VOA.9.02.2021) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.voanews.com/south-central-asia/islamic-state-poised-possible-resurgence-afghanistan-us-officials-warn> (дата обращения: 09.02.2021).

⁶²⁵ Four Jean-Marc, Ballanger Franck. Le Sahel dans la ligne de mire du groupe "État islamique au Grand Sahara" [Электронный ресурс] // France Culture. URL: <https://www.franceculture.fr/geopolitique/le-sahel-dans-la-ligne-de-mire-du-groupe-etat-islamique-au-grand-sahara> (дата обращения: 31.01.2021).

⁶²⁶ Тихомиров В. Джихад канибалов. Как террористы «Боко харам» наводят ужас на Африку. [Электронный ресурс] // URL: <https://life.ru/p/1123671> (дата обращения: 11.08.2018).

⁶²⁷ См. подробнее о движении Боко Харам: Ekhomu, Ona. Boko Haram: security considerations and the rise of an insurgency. Boca Raton, Florida: CRC Press. 2020.

⁶²⁸ Подробный анализ хода исламского восстания в Кабу-Дельгаду, сделанный по горячим следам видным португальским журналистом: Nuno Rogeiro. O Cabo do Medo O Daesh em Moçambique 2019-2020, Alfragide, Dom Quixote, 2020.

планирующийся в качестве терминала для экспорта газа. Мосимбо-да-Прая до сих пор находится в руках боевиков, не собирающихся его сдавать⁶²⁹. За время войны в Кабу-Дельгаду 420 тыс. чел. стали беженцами. Это примерно около трети всего населения провинции. Тем не менее, по имеющейся информации определенная часть населения поддерживает мятежников, поскольку жители провинции с богатейшими минеральными ресурсами продолжают существовать в нищенских условиях. Анджела Диконге-Атангана, заместитель комиссара ООН по делам беженцев в Африке, побывавшая в Кабу-Дельгаду в декабре 2020 г., нашла положение там «катастрофическим»: "Если бы я родилась в таком месте, которое наделено большим богатством, и эти богатства эксплуатируются, но я не получаю... часть этих богатств, я также была бы недовольна"⁶³⁰. Очевидно, что сегодня правительство Мозамбика мало делает в социальном плане для удовлетворения насущных нужд населения провинции.

Сегодня ряд африканских стран сталкиваются с вызовами нетерпимости в условиях глобализации, связанными в том числе с наследием колониального прошлого и неурегулированностью в ряде случаев международно-правовых вопросов их пост-колониального статуса. Это открывает окно возможностей для имплантации структур ИГ на африканском континенте, в том числе введения жестких шариатских норм в незащищенное правовое пространство.

Литература

Тихомиров В. Джихад каннибалов. Как террористы "Боко харам" наводят ужас на Африку [Электронный ресурс] // URL: <https://life.ru/p/1123671> (дата обращения: 11.08.2018).

Dressler Jeffrey A. The Haqqani Network. From Pakistan to Afghanistan Washington. Institute for the Study of War. Afghanistan Report 6. October 2010.

Ekhomu Ona. Boko Haram: security considerations and the rise of an insurgency. Boca Raton, Florida: CRC Press. 2020.

Four Jean-Marc, Ballanger Franck. Le Sahel dans la ligne de mire du groupe "État islamique au Grand Sahara" [Электронный ресурс] // France Culture. URL:<https://www.franceculture.fr/geopolitique/le-sahel-dans-la-ligne-de-mire-du-groupe-etat-islamique-au-grand-sahara> (дата обращения: 31.01.2021).

Harding Andrew. Insurrection islamiste au Mozambique : l'ONU alerte contre la montée de la violence à Cabo Delgado//BBC News/Afrique [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.com/afrique/region-55363086> (дата обращения: 18.12.2020).

Rogeiro Nuno. O Cabo do Medo. O Daesh em Moçambique 2019-2020. Alfragide. Dom Quixote, 2020.

⁶²⁹ Mozambique sees militia violence dwindle as military gains steam [Электронный ресурс] // URL: <https://www.africanews.com/2021/02/09/mozambique-sees-militia-violence-dwindle-as-military-gains-steam/> (дата обращения: 09.02.2021).

⁶³⁰ Harding Andrew. Insurrection islamiste au Mozambique : l'ONU alerte contre la montée de la violence à Cabo Delgado//BBC News/Afrique [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.com/afrique/region-55363086> (дата обращения: 18.12.2020).

Seldin Jef. Islamic State Poised for Possible Resurgence in Afghanistan, US Officials Warn (VOA.9.02.2021) [Электронный ресурс] // URL:<https://www.voanews.com/south-central-asia/islamic-state-poised-possible-resurgence-afghanistan-us-officials-warn> (дата обращения: 9.02.2021).

Румянцева Ольга Олеговна,

кандидат искусствоведения, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

В современном обществе уделяется серьезное внимание проблемам противодействия преступлениям коррупционной направленности, укреплению правовых основ предпринимательской деятельности. В связи с этим среди компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника в соответствии с ФГОС высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), можно отметить такие, как:

- способность соблюдать законодательство Российской Федерации, в том числе Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы, а также общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (ОПК-1);
- способность добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста (ОПК-3);
- способность выявлять, давать оценку коррупционному поведению и содействовать его пресечению (ПК-12).

Формирование указанных компетенций связано с целым комплексом учебных дисциплин соответствующей профессиональной специфики, но может осуществляться и при изучении курса «Русский язык и культура речи», который предусмотрен программой обучения в Российском государственном университете правосудия (РГУП). Для этого целесообразно использовать тексты нормативных правовых актов, различных учебных пособий, научных статей.

Например, изучая раздел «Лексические нормы современного русского языка», можно обратиться к работе над лексическим значением самого слова «коррупция», выяснить его этимологию, используя для сопоставления информации толковые словари русского языка, словари юридических терминов и, конечно же, Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Актуальный для лингвистических наблюдений ма-

териал над соответствующими юридическими терминами представлен в книге «Коррупция: понятие, виды и ответственность»⁶³¹.

При работе над орфографией стоит обратиться к правописанию соответствующих слов (антикоррупционный, эффективность антикоррупционной политики, криминологические исследования), включив их в диктанты различных видов.

В разделе «Синтаксические нормы» могут быть использованы задания, направленные на установление типов связи слов в таких словосочетаниях, как «борьба (с чем?) с коррупцией, противодействие (чему?) коррупции – тип связи – управление; антикоррупционные меры (меры какие?), антикоррупционное мышление (мышление какое?) – тип связи – согласование».

Работу над грамматическими нормами можно вести с опорой на Уголовный кодекс Российской Федерации. Для напоминания о размерах штрафов, предусмотренных законодательством, и одновременно для совершенствования навыков склонения числительных актуальна статья 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями»): «...наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет».

Пунктуационные правила также можно изучать, опираясь на текст законодательства. Здесь применимы самые разные формы работы: объяснение знаков препинания в указанных статьях; самостоятельный поиск примеров с заданной пунктограммой, т.е. выборочное списывание (найдите и выпишите предложения с обособленными определениями, выраженными причастными оборотами; предложения с однородными членами и т. п.); тренировочные диктанты с использованием самопроверки, основанной на сопоставлении собственных записей и текста закона.

С антикоррупционной тематикой могут быть связаны и наблюдения над особенностями текстов разных стилей и жанров.

При изучении научного стиля полезно обратиться к соответствующим статьям, опубликованным на страницах специализированных изданий, чтобы познакомить студентов с требованиями, которые предъявляются к научной статье. В качестве примера достаточно привести сборник материалов Международной научно-практической конференции «Правовые и организационные основы противодействия коррупции: международный и российский опыт», которая состоялась в Российском государственном университете правосудия 29 октября 2019 г.⁶³².

⁶³¹ Коррупция: понятие, виды и ответственность: учеб. пособие / В. М. Алиев, В. И. Гладких, Р. С. Данелян, С. В. Данелян, А. В. Звонарев, Т. В. Корчагина, А. В. Полковникова, А. В. Ростокинский. – М.: Книгодел, 2020.

⁶³² Правовые и организационные основы противодействия коррупции: международный и российский опыт: Сб. материалов Международной научно-практической конференции / Под ред. Е. В. Бурдиной, Л. Ю. Фоминой. – М.: РГУП, 2020.

Для работы над ключевыми словами, аннотацией к научному изданию, учебному пособию также можно порекомендовать книгу С.С. Новосёловой «Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности»⁶³³, используя при этом также библиографическую запись, размещенную на сайте Фундаментальной библиотеки Московского городского педагогического университета (МГПИ). Правильно выбранные ключевые слова облегчают поиск необходимой информации в электронном каталоге библиотеки, различных поисковых системах.

Официально-деловой стиль, прежде всего, законодательный подстиль, необходимо проиллюстрировать примерами из соответствующих правовых актов, опираясь на информационную поддержку СПС «КонсультантПлюс».

Анализируя специфику публицистического стиля, его основные цели, выразительные средства, следует обратиться к выступлениям в средствах массовой информации, а также обвинительным и защитительным речам из судебной практики по делам о коррупции, злоупотреблении должностными полномочиями.

Представленные приемы работы с текстами нормативных правовых актов, учебными пособиями, опирающимися на уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, должны послужить как повышению уровня речевой культуры специалистов правовой сферы, развитию у них языковых умений и навыков, так и формированию названных выше компетенций, необходимых для выполнения профессионального и гражданского долга юриста.

Литература

Коррупция: понятие, виды и ответственность: учеб. пособие / В. М. Алиев, В. И. Гладких, Р. С. Данелян, С. В. Данелян, А. В. Звонарев, Т. В. Корчагина, А. В. Полковникова, А. В. Ростокинский. – М.: Книгодел, 2020. – 64 с.

Новосёлова С. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: учеб. пособие: [в 2 ч.]. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2018. – 95 с.

Правовые и организационные основы противодействия коррупции: международный и российский опыт: Сб. материалов Международной научно-практической конференции / Под ред. Е. В. Бурдиной, Л.Ю. Фоминой. – М.: РГУП, 2020. – 340 с.

⁶³³ Новосёлова С. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: учеб. пособие: [в 2 ч.]. Ч. 1. – М.: МГПУ, 2018.

Степаненко Равия Фаритовна,

д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор
кафедры теории и истории государства и права
Университета управления «ТИСБИ»,

Степаненко Герман Николаевич,

канд.филос.наук, доцент кафедры социальной философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Современное интегративное правопонимание, с известной долей плюрализма отражая в себе многообразие различных форм бытия права (в позитивистской юриспруденции, в естественно-правовой парадигме, в философском видении права), обосновывает и популяризирует толерантность «правового», транслируемого в наиважнейшее для человека социальное пространство. Ценность автономии отдельной личности, общества и государства в общесоциальном контексте примиряются в интегральном единстве понимания права, признавая, однако, полемику взаимодействий каждой из составляющих эту триаду, моделей правопонимания. Особенно острыми являются дискуссии двух спорадически обостряющихся дебатов в части соотношения категорий «право» и «закон», которые могут быть толерантно «примирены» при совпадении их целей и задач, а главное – их возможно успешной реализации.

Идея правового государства, предполагающая доминирование права над властью и недопущение произвола государственного аппарата в ущерб конституционным интересам личности и гражданского общества, постулирует и реализует (с разной степенью успешности) мейнстрим Основного закона о высшей ценности данных прав и свобод. Идея социального государства уже предполагает нормативную природу ответственности государства перед своими гражданами, в том числе в части создания им условий достойного уровня жизни. Другое дело, насколько действующее законодательство успешно формулирует, а органы власти качественно реализуют те и иные послы Основного закона в своем деятельностном содержании, насколько они неангажированно устанавливают механизмы ответственности акторов процессов социального баланса/дисбаланса или известного социального расслоения и крайне неприличной, с точки зрения естественного и идеального права, морали и нравственности - дифференциации. Здесь роль своеобразного арбитра в перманентной полемике играют ценностно-мировоззренческие основания права, которые на уровнях: а) абсолютных ценностных установок проявляют нравственно-этические, религиозные и естественно-правовые ценности; б) комплекса общеправовых ценностей обосновывают демократические начала развития права и государства; в) "рационально-утилитарных" ценностей законодательства и ,прежде всего,

Основного закона России,⁶³⁴ вкупе объясняют смыслы социального⁶³⁵ и правового государства.

Право – как справедливая и разумная мера свободы и равенства и введенная в научный оборот Гегелем категория «неправо» (непреднамеренное право; обман – иллюзия права; преступление), в своей антитезе делят государственность на правовую и неправовую модели. Государство постоянно, по необходимости, стремящееся обеспечить, соблюсти и охранять права и свободы граждан, следует назвать правовым. Пренебрежение правом и умаление прав граждан – удел неправовой государственности. В правовом государстве эффективно действует правовой закон, в неправовом – беззаконие (дисномия) и дэволюция, неправосудие (Аристотель), нигилизм и т.д.

Долгое время, понимая под правом закон, догматическая юриспруденция намеренно стремилась отождествить эти две категории, как видится, из благовидных побуждений. Некогда определенным образом заимствованная римскими юристами из философии категория «закон» (существенная, устойчивая, повторяющаяся, необходимая связь между компонентами единой системы, приводящая к объективному порядку), в человеческом бытии объективирует нормативные предписания, которые формулируют и фиксируют общеобязательные правила поведения для всего человеческого сообщества, кем бы не являлись его представители. Будучи нормативной универсалией, закон о должном в юридической форме не должен и не может противоречить праву. Идеальное, естественное и позитивное право должны «править» в едином ценностно-мировоззренческом пространстве, дополняя и совершенствуя друг друга.

Интегральное и плюралистическое правопонимание, несмотря на его «зубодробильную» критику А. Ф. Черданцевым⁶³⁶, постепенно занимает свое достойное место в современной юриспруденции (образовании, науке, практике).

Как известно, в Советский период для юридической науки и практики было характерным, в своем большинстве, устойчивое стереотипное мышление, которое, как ни странно, в основном приветствуется в правоведении и сегодня. Преемственность – традиция важная, но ее идеологическая компонента модифицируется вместе с динамичными цивилизационными процессами, что отражается (должно отражаться) при трансферте знаний в образовательном процессе. «Но каждое поколение «детей» вырабатывает собственную систему правовых ценностей, ... а авторитет «отцов», не сумевших обеспечить сохранение и репродукцию собственной политико-правовой системы, утрачивает авторитет в глазах поколения «детей»... лю-

⁶³⁴ Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права // Образование и право. – 2017. – № 2. – С.153-157.

⁶³⁵ Солдатова А.В. Современная концепция социального государства: вопросы теории. В сборнике: Социальное государство и основные направления современной российской правовой политики. Материалы Круглого стола юридического факультета НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ». 2014. – С. 192-198.

⁶³⁶ Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – ИНФРА-М. 2015. – С.58-77.

бая сложившаяся политико-правовая система обречена в перспективе на разрушение под воздействием системы, стремящейся занять ее место»,⁶³⁷ что следует признавать и понимать при формировании ценностного знания о праве.

Воззвания к толерантности, к конкретным ценностям права, а не к отдельным категориям и понятиям, выявление социального содержания государства и права получают свое воплощение в современном теоретическом правоведении. Так, М.В. Немытина и И.У. Михеева отмечают, что природа и сущность права могут быть верно интерпретированы только на основе проникновения в структуры общественных отношений и социальную динамику. Исследуя причины глобальных реформ и революций при помощи многоуровневого (интегративного, системного, ценностно-согласованного, агрегативно-психологического и т.д.) подхода, авторы в числе необходимых условий интенсификации трансформаций называют: а) неудовлетворенность населения в его основных потребностях (социальных и (или) физиологических); б) желание людей улучшить статусное и социальное положение; в) неразрешимость конфликтов между различными социальными группами; г) вероятную возможность неудовлетворения социальных интересов и др.⁶³⁸ На индивидуальном и групповом уровнях – комплекс факторов, приводящих к протестным настроениям, изучается сегодня общеправовой теорией маргинальности.

Междисциплинарное понятие «маргинальность» (пограничность, отчужденность, не приспособленность), экстраполированное в правовую сферу, опредмечивает всю проблемность несовпадений в понимании «права» и «закона», особенно в эпоху неопределенности, когда речь идет уже не об устойчивом развитии человечества и миропорядка, а о противоположных процессах дестабилизирующего правовую сферу, характера.

Как отмечает Бурьянов С.А., возникающие новые угрозы устойчивому развитию: тотальная слежка за людьми, неправовые ограничения прав человека, глобальное информационное неравенство и многое другое, несут потенциальные угрозы для мировоззренческой основы человеческого существования. Нейтралитет и мировоззренческий выбор должны лечь в основу инновационного юридического образования, базирующегося на эффективных механизмах реализации прав человека, исключая дискриминацию, в том числе в сфере защиты цифровых прав в процессе формирования нового информационного общества⁶³⁹.

⁶³⁷ Ромашов Р.А. Юридическое мышление в контексте линейного и циклического политогенеза // Российский журнал правовых исследований. – 2019. т. 6. – № 3 (20). – С. 20.

⁶³⁸ Немытина М.В., Михеева И.У. Социальные отношения и право в советском обществе // Вестник РУДН. – 2017. – № 3. – С.337.

⁶³⁹ Бурьянов С.А. О необходимости формирования глобального юридического образования как важного условия перехода к устойчивому развитию цивилизации. В сборнике: Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Сборник статей Международного научного конгресса. Москва, 2020. – С. 475-478.; Бурьянов С.А. Конституционные права человека: проблемы реализации. В сборнике: Конституционные ценности и ценность Конституции. Материалы круглого стола с международным участием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы. 2020. – С. 199-203.

Действительно, стремительные тенденции развития четвертой промышленной революции, открывающей новые возможности доступа для обучающихся в открытую информационную сверхтехнологичную среду, нисколько не умаляют роли образования, а наоборот, увеличивают ее. В этой связи актуализируется деятельность высших учебных заведений по созданию единой цифровой образовательной среды, которая позволит нивелировать негативные последствия воздействия неконтролируемого потока информации, которую получают обучающиеся из открытых источников⁶⁴⁰.

Сказанное относится и к юридическому образованию, значение которого в условиях неопределенности существенно возрастает. В то же самое время, фигура преподавателя высшей школы в условиях виртуализации коммуникативных процессов, обретает сакральные духовно-нравственные смыслы, социокультурные паттерны как с позиций развития правового сознания и правовой культуры, так и формирования ценностно-мировоззренческих основ права для будущих юристов. Именно профессионализм, интеллект и духовная зрелость преподавателя могут и должны воспитывать толерантное отношение к праву субъективному и праву положительному, философским началам понимания этого исторически складывающегося социокультурного феномена. Межличностное общение преподавателя и студента ощутимо восполняет пробельность технологических коммуникаций и способствует воспитанию у обучающихся всех тех качеств юриста, которые остро востребованы сегодня, и к чему интернет-образование попросту безразлично. Аналогично сказанному, беспрецедентные стандартизация и виртуализация юридического образования, желание «роботизировать» практическую юриспруденцию, автоматически «снимают» проблемы справедливости, добросовестности и толерантности в праве и, в целом, целесообразность юридической науки по причине ее избыточности для устремленного в информационную среду, общества.

Литература

Бурьянов С.А. О необходимости формирования глобального юридического образования как важного условия перехода к устойчивому развитию цивилизации. В сборнике: Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Сборник статей Международного научного конгресса. – Москва, 2020. – С. 475–478.

Бурьянов С.А. Конституционные права человека: проблемы реализации // Конституционные ценности и ценность Конституции. Материалы круглого стола с международным участием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы. 2020. – С. 199–203.

⁶⁴⁰ Салиева Р.Н., Солдатова А.В. Роль вузов в создании единой цифровой образовательной среды: вопросы социальной направленности высшей школы // Образование и право. – 2018. – № 10. – С. 252-255.

Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – ИНФРА-М. 2015. – 176 с.

Немытина М.В., Михеева И.У. Социальные отношения и право в советском обществе // Вестник РУДН. – 2017. – № 3. – С.331-354.

Ромашов Р.А. Юридическое мышление в контексте линейного и циклического политогенеза // Российский журнал правовых исследований. – 2019. т. 6. – № 3 (20). – С. 15–22.

Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права // Образование и право. – 2017. – № 2. – С.153-157.

Салиева Р.Н., Солдатова А.В. Роль вузов в создании единой цифровой образовательной среды: вопросы социальной направленности высшей школы // Образование и право. – 2018. – № 10. – С. 252–255.

Солдатова А.В. Современная концепция социального государства: вопросы теории. В сборнике: Социальное государство и основные направления современной российской правовой политики. Материалы Круглого стола юридического факультета НОУ ВПО «Университет управления «ТИС-БИ». 2014. – С. 192-198.

Циватый Вячеслав Григорьевич,

к.и.н., доцент кафедры внешней политики и международного права,
Заслуженный работник образования Украины,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРСЫ

В условиях полицентричного мира XXI века процессы глобализации затронули и такие институты как универсальные и региональные международные организации⁶⁴¹.

На сегодня современная наука определяют роль и место международных организаций в системе институциональных политико-правовых и международных отношений как одного из ключевых субъектов мировой политики наряду с государствами.

Наличие международных организаций предоставляет международным отношениям стабильность, упорядоченность, правовую и институциональную завершенность. В условиях глобализации и регионализации мирового политико-правового пространства, международные организации являются самыми многочисленными из всех международных институтов.

⁶⁴¹ Циватый В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. 2014. № 8. С. 26-29.

Международные организации исторически институционализировались из практической деятельности международных конференций как формы международного сотрудничества. Международная конференция – это традиционный формат межгосударственных отношений и практики межгосударственного взаимодействия государств.

Системный характер этот институциональный процесс приобретает в эпоху раннего Нового и Новейшего времени, когда возникают и распространяются международные институты для развития сотрудничества во всех сферах деятельности социума (политика, экономика, право, дипломатия, религия, культура и т.д.).

Начальным этапом становления и развития мировой системы международных отношений считается т.н. Вестфальский порядок, установившийся в Европе, а затем и за ее пределами, после подписания Вестфальского мира от 24 октября 1648 года.

Огромное значение соглашений в Оснабрюке и Мюнстере, сформировавших Вестфальские договоренности (с учетом последующих изменений, связанных с Венским конгрессом 1815 года, Версальским мирным договором 1919 года и Вашингтонскими документами, и наконец, созданием Организации Объединенных Наций в 1945 году), определяется тем обстоятельством, что именно Вестфальский мир сформировал некоторые общие фундаментальные принципы, институциональные основы мировых политико-правовых порядков, существовавших на протяжении трех с половиной веков.

За это время в Европе и мире сменили друг друга несколько таких порядков, которые по многим своим параметрам существенно отличались друг от друга. Но все они – Версальско-Вашингтонский и Ялтинско-Потсдамский порядки – вписывались в контуры «Вестфалии», которая идентифицировала суверенную нацию-государство в качестве главного субъекта международных отношений и международного права.

На сегодня, в условиях глобального права, считается, что Вестфальский порядок уступает или даже уступил новым принципам глобального права и формирования основ международной политики XXI века⁶⁴².

Признаки ослабления и размывания системы политико-правового устройства мира, начала процесса эволюции наций-государств и формирования переходных шатких схем межгосударственных образований, аналитики видят в так называемой релятивизации принципа национально-государственной суверенности, которая осуществляется в «интернациональной», «транснациональной» и «наднациональной» формах.

К тому же, за точку отсчета берется 1945 год, когда с появлением Устава ООН на нормативном уровне были ликвидированы суверенные полномочия государств относительно войн и применения силы. Именно в исторических условиях и международных практиках деятельности международ-

⁶⁴² Северухин В.А. О некоторых аспектах интегративного правопонимания/В.А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2018. – № 4. – С. 34-42.

ных организаций, государства мира имели возможность для реализации своих национальных и институциональных интересов.

В полицентричном мире XXI века статусность и эффективность деятельности международных организаций возросла, а практическая результативность свидетельствует об их важной институциональной роли в международной политике, международном праве и глобальных процессах современности⁶⁴³.

Международная организация – это тот институциональный формат, который позволяет найти консенсусное решение проблемных вопросов, стоящих на повестке дня одного или же нескольких государств. Основополагающая межгосударственная международная институция современного мироустройства – это Организация Объединенных Наций (ООН). ООН – самая универсальная и ответственная за мир и безопасность во всем мире международная организация, поэтому существует необходимость модернизации её деятельности в современных условиях глобализованного мира и региональной идентичности⁶⁴⁴.

Важной международной институцией по защите прав человека на сегодня в мондиализованном мире является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Эта международная институция ответственна за вопросы безопасности, вопросы сохранения мира, стабильность и демократию.

Организация строит свою деятельность на понимании того, что только выполнение государствами международных обязательств в области прав человека, правового государства и демократии гарантируют безопасность на Европейском континенте в долгосрочной перспективе, в мировом и европейском социопространстве⁶⁴⁵.

Приоритетными заданиями на сегодня для ОБСЕ являются: отстаивание прав человека, а также – развитие общепринятой для всех стран участников Организации схемы критериев предоставления и обеспечения прав человека. Гуманитарные вопросы и защита прав человека – это предмет постоянного международного внимания и важный элемент в преодолении конфликтов в практике деятельности международных институций.

Дело осложняется тем, что ситуация с состоянием прав человека в одном государстве, оказывает институциональное влияние и на безопасность других государств.

Учитывая то, что страны-члены ОБСЕ глубоко отличаются своей ментальностью, конфессиональными предпочтениями, экономическими и политическими критериями развития и т.п., то есть, цивилизационными характеристиками, нужно найти объединяющие точки соприкосновения и та-

⁶⁴³ Ritzer G., Dean P. *Globalization: Conceptualization, Origins, and History*. 2nd Edition. Oxford, 2019.

⁶⁴⁴ Регионы в современном мире. Глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение. – М., 2020.

⁶⁴⁵ Бурьянов С.А. Некоторые подходы к перспективам развития образования глобального города // Российское и международное право: общее и особенное: Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 17 апреля 2019 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева и д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, 2019. – С. 322-326.

кими нам видятся общие человеческие ценности. В перечень последних, в качестве системных, четко вписываются положения Хартии основных прав Европейского Союза, а именно: Достоинство. Свобода. Равноправие. Солидарность. Права граждан. Правосудие.

Отметим, что с начала 90-х годов XX века, как только международные отношения приобрели свою новую архитектуру, на повестке дня межгосударственного диалога появилась политическая и правовая проблема отношения к национальным меньшинствам, усилилось ее влияние на межгосударственное взаимодействие.

В каждом конкретном случае, при оценке и поиске путей решения проблем в сфере прав человека, проблемных вопросов функционирования демократии в любом государстве, следует учитывать историю, право, религию и культуру страны.

Несоблюдение прав человека в глобализированном мире порождает, соответственно другие угрозы и вызовы. Одной из самых активных среди угроз – является угроза мирового терроризма.

В рамках универсального понимания безопасности, борьбу с терроризмом нельзя вести только с позиции ее жесткого обеспечения (*hard power*), нужно искать различные механизмы его нейтрализации.

Важнейшее значение для нормально функционирующей современной демократии в условиях глобализации имеют: демократия, верховенство права, соблюдение прав человека, уважение основных свобод личности, а также наличие эффективной институциональной системы демократического управления.

Поэтому распространение базовых ценностей, о чем говорилось выше, должно быть положено в основу деятельности международных институций глобализированного мира.

Таким образом, в условиях глобализации XXI века именно универсальные и региональные международные организации должны стать институциональной основой для функционирования и развития прав человека и глобального права, способствовать государствам в проведении институциональных реформ в различных сферах общественной жизни государства.

В первую очередь это касается решения таких задач, как обеспечение законодательной поддержки проведения институциональных, политико-правовых и экономических реформ.

Литература

Бурьянов С.А. Некоторые подходы к перспективам развития образования глобального города/С.А. Бурьянов// Российское и международное право: общее и особенное: Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 17 апреля 2019 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева и д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, 2019. – С. 322-326.

Регионы в современном мире. Глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение. – М., 2020. – 406 с.

Северухин В.А. О некоторых аспектах интегративного правопонимания/В.А.Северухин// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2018. – № 4. – С. 34-42.

Циватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.

Ritzer G., Dean P. Globalization: Conceptualization, Origins, and History. 2nd Edition. Oxford, 2019. 606 p.

Шаповалов Николай Иванович,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИЭМиП Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

КОМПЛЕКСНЫЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ, ВЫЗВАННЫХ ГЛОБАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Современное общество живет в условиях высокой турбулентности, которая усугубляется глобальными вызовами. Противостоять этому можно только с учетом осознания того, что в обществе действуют глобальные процессы⁶⁴⁶, в основе которых лежат объективные законы его развития и актуальные методы правового регулирования.

Общество никогда не бывает однородным. В нем всегда присутствуют силы, имеющие разнонаправленный вектор. Это центростремительные силы, стремящиеся к объединению, и центробежные силы, направленные на дезинтеграцию, в своей совокупности, создающие балансный механизм, на который, по мнению автора, и воздействуют объективные законы развития общества. Балансный механизм может колебаться только в одной плоскости. Его пределы располагаются от консолидации до дезинтеграции и зависят от уровня подготовленности общества, который определяется этапом его развития.

Опираясь на исторический опыт, в том числе в области международных отношений⁶⁴⁷, можно сказать, что общество всегда развивается поэтапно, причем каждому из них присущ свой объективный закон, способный активизироваться при наступлении определенных, характерных для него условий. К ним следует отнести уровень экономического развития обще-

⁶⁴⁶ Чернявский А.Г., Бурьянов С.А., Кривенький А.И. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социально-культурной среде. Монография. – М.: НИЦ ИНФРА-М. 2019.

⁶⁴⁷ Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций // Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108-113.

ства, правовую базу, социальную основу и иные факторы, способные повлиять на колебания балансного механизма.

В работе автор выявляет систематизированную зависимость этапов развития общества, от его объективных законов. Актуальность темы определяется уяснением места и роли объективных законов на развитие общества и их влиянием на формирование этих этапов. Исследовательской базой определена территория Европейского Союза.

Анализируя закономерности развития европейского общества, автор выявляет системность этапов такого развития, каждый из которых тесно связан со своей правовой основой. В сложившейся ситуации важнейшей целью исследования становится выявление и систематизация объективных законов развития общества. Результаты такого исследования могут быть полезны при разработке перспективного направления развития общества.

Так, в частности, резкое обострение борьбы за благоприятную геополитическую и геоэкономическую ситуацию в Европе и в мире представляется внешним фактором, влияющим на смену объективного закона развития общества и формирования нового этапа такого развития.

Объективные законы развития общества были, есть и будут до тех пор, пока существует общество. Все они характеризуются поэтапными изменениями, связанными с изменениями уровня развития общества. На смену одному этапу приходит другой, иницируемый новым объективным законом, который выводит общество на следующий уровень развития.

Процесс глобализации современного общества никто не отменял. Вместе с тем реализация этого процесса демонстрирует широкое многообразие, исследование которого является целью рассматриваемой работы. Европейская интеграция представляет собой часть процесса глобализации. Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, анализом глубинных причин, лежащих в основе этого процесса. Глобализация – это объективный закон развития, направленный на планетарную интеграцию общества. Многообразие задач глобализации выражается в значительном количестве ее элементов, которые контролируют развитие общества. Каждый этап глобализации имеет свой правовой статус.

Правовое закрепление кооперации и интеграции, составных элементов глобализации, носит международно-правовой характер. В то время как коллаборация, как этап развития общества, осуществлялась на основе политической декларации, предполагающей в последующем правовое оформление этапа.

На взгляд автора проблемы глобализации коренятся во внутренних факторах, которые удерживают общество в определенной форме. Согласимся с мнением ученой из Гарвардского университета С. Д. Монет, что «единая культурно-национальная линия невозможна для Европейского Союза. Вместе с тем в государстве, как правило, имеется национальная

идея, которая объединяет нацию. Это как раз то, чего нет в Евросоюзе»⁶⁴⁸. Именно этот фактор стал преобладающим в процессе Brexit.

В условиях глобализации общественных отношений индивид нуждается в больших свободах действовать в своих интересах при соблюдении интересов других членов общества. В этом проявляется объективный закон развития общества, который начинает действовать на определенном этапе развития. До тех пор, пока общество не вышло за пределы планеты Земля, оно живет и развивается по неким объективным законам, действующим глобально. При этом объективность закона развития общества заложена в самом обществе. Если оно остановится в своем развитии, то погибнет.

Когда Brexit стал реальностью, появилось немало высказываний о конце глобализации. На взгляд автора подобные суждения не имеют под собой почву. Глобализация никуда не делась, она трансформировалась. Согласно тождеству, закон всегда соответствует общественному отношению, которое он регулирует. Общество изменилось, его уже не устраивала консолидация. Оно вышло на более высокую ступень развития и, к этому моменту, уже получило от консолидации все, что было необходимо. Возникла острая нужда в самоидентификации. Отсюда Brexit, отсюда Каталония, отсюда референдумы в Венето и Ломбардии 22 октября 2017 года.

Консолидация в Европе пошла не по тому пути. Об этом особенно наглядно свидетельствует опыт развития современной европейской интеграции. Глубочайший кризис в Европейском Союзе разразился не вдруг. Предпосылки его появления формировались постепенно в недрах Союза в результатах системных ошибок, на которые была особенно богата политическая жизнь Европейского Союза, где решения принимались без особого учета национальных интересов государств-членов. Подобная ситуация не могла продолжаться бесконечно. Отступление от решения изначальных задач экономической интеграции и перевод их в политическую плоскость, вызвал недовольство ряда государств-членов ЕС. И это стало нарушением объективного закона развития общества. Слишком много ошибок было допущено руководством Европейского Союза. Объективный закон развития общества формирует новый этап развития общества.

«Процессы глобализации, касающиеся, прежде всего, экономической составляющей, постепенно превратили экономики отдельных государств в целостную экономическую систему, где национальные экономики становятся компонентами единого наднационального экономического организма, и их будущее определяется ходом развития экономики этого организма в целом»⁶⁴⁹.

⁶⁴⁸ Шаповалов Н.И. Гражданство Европейского Союза, социально-правовые проблемы // Вестник РУДН, серия «Юридические науки». – 2012. – № 2. – С. 126.

⁶⁴⁹ IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. № 10 (89). 2015. – С. 348-353.

Вместе с тем каждый этап развития требует детального правового регулирования, что представляется прецедентом при определении процесса глобализации. В частности, формирование цифровой экономики в планетарном масштабе дает не только новые возможности, но и порождает небывалые угрозы безопасности⁶⁵⁰. Новый глобальный вызов, коим бесспорно является пандемия, также требует серьезнейшего широчайшего многоотраслевого правового обеспечения⁶⁵¹ потому, что был нанесен удар по экономике, финансам, здравоохранению, социальному состоянию населения, просвещению, образованию, международным отношениям и т.д.

Многообразие глобальных вызовов влечет за собой разработку многообразия отраслей права, способных регулировать эти вызовы. Так, дистанционное обучение, получившее бурное развитие в результате пандемии коронавируса, открыло новые, ранее не виданные общественные отношения. Они требуют своего скорейшего регулирования, любое промедление ведет к хаосу, к деградации образования. Для решения этих вопросов требуется разработка новых отраслей права, предметом регулирования которых могли бы стать эти вопросы.

Не менее важной представляется проблема продовольственной безопасности, на которую особое внимание обращает политическое руководство страны. Эта проблема также обострилась в связи с пандемией. На взгляд автора ее можно было бы ослабить путем создания концепции «Кодекса продовольственной безопасности Российской Федерации». Кодекс позволил бы регулировать проблемы пищевой безопасности комплексно и не заставил бы Председателя Правительства Российской Федерации Мишустина М.В. требовать от Правительства «представить к понедельнику правовые нормы, регулирующие розничные цены на сахар, муку и масло».

Другими словами, проблемы, порожденные глобальными вызовами настолько серьезны, что требуют широчайшего научного обсуждения в рамках научно-практических конференций для поиска решения этих проблем⁶⁵². Если их не начать решать сейчас, то через какое-то время их будет просто некому решать.

Литература

Бегичев А.В., Галушкин А.А., Звонарёв А.В. и др. История создания и деятельности Лиги Наций // Вопросы истории. – 2019. – № 9. – С. 108-113.

Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее:

⁶⁵⁰ Леншин С.И. Влияние цифровизации на экономико-правовой режим укрепления обороноспособности безопасности России // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. – М. 2018. – С. 85-90.

⁶⁵¹ Подробнее об этом см.: Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

⁶⁵² IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. 2015.–№ 10 – (89). – С. 348-353.

искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. – М. 2018. – С. 85-90.

Чернявский А.Г., Бурьянов С.А, Кривенький А.И. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социально-культурной среде. Монография. – М.: НИЦ ИНФРА-М. 2019. – 174 с.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-26.

Шаповалов Н.И. Гражданство Европейского Союза, социально-правовые проблемы // Вестник РУДН, серия Юридические науки, –2012, – № 2, – С. 125-135.

IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015– № 10 (89). – С. 348-353.

РАЗДЕЛ VIII.
«ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Голубенкова Елена Андреевна,
2 курс магистратуры Института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ
Швабина Наталия Викторовна,
2 курс магистратуры Института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ

Научный руководитель: к.п.н., доцент кафедры Института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ Нидерман Ирина Абрамовна

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ,
ДОСТУПНЫЕ КАЖДОМУ**

В 2020 году весь мир, включая нашу страну, захватил страшный вирус COVID-19, в связи с тем, чтобы исключить заражение и распространения вируса учебные заведения в срочном порядке перешли на дистанционное обучение.

Что такое дистанционное образование и какие дистанционные технологии внедряются в наших образовательных учреждениях? Насколько данный образовательный процесс актуален и востребован?

Дистанционное обучение — это процесс взаимоотношений педагога и обучающихся между собой на расстоянии, включающий компоненты учебного процесса, реализуемые Интернет-технологиями или другими доступными интерактивными технологиями.

"Под дистанционными образовательными технологиями (ДОТ) понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника." [1].

Законодательно данные технологии были закреплены в ст. 16 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которая различает дистанционные образовательные технологии и электронное обучение. Отличие от последнего состоит в том, что указанные технологии являются способами обработки контента и его передачи, но сам контент не включают.

Анализ опыта применения исследуемых технологий позволяет выделить как положительные, так и отрицательные моменты воздействия их как на сам процесс обучения, так и участников данного процесса - обучающихся⁶⁵³. К положительным моментам можно отнести:

⁶⁵³ Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фелин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики/Н.М.Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин. – М., 2018. – С. 60-62.

- доступность обучения;
- подход к определению места и времени обучения индивидуальны;
- у обучающегося вырабатывается ответственность и дисциплина;
- возможность использования в процессе образования новейших информационных технологий;
- появляется возможность получения образования вне зависимости от состояния здоровья, национальности, пола, местонахождения и т.д.;
- разнообразие форм контроля знаний.

К отрицательным моментам можно отнести:

- самостоятельное усвоение знаний обучающимися (для многих обучающихся сложно организовать свою учебную работу);
- отсутствие «живого» общения с преподавателем;
- необходимость технической оснащённости обучающегося (дорогостоящее, не всем доступное оборудование);
- невозможность контролировать обучающегося и его идентификации.

Говоря о конкретных примерах дистанционных образовательных технологий, следует отметить, что существуют они уже давно, но настолько широко использоваться стали только сейчас. В качестве примера таких технологий можно указать следующие.

Первым таким ресурсом является Quizlet. Quizlet – уникальный ресурс, позволяющий создавать карточки по любым предметам для запоминания терминов, новых слов или формул. Удобство этого ресурса заключается в том, что ученики могут скачать мобильное приложение на свой смартфон и повторять карточки со словами в любое время. При работе с карточками можно переключать режимы: режим знакомства со словами, заучивания, письма, что позволяет запоминать слова и термины быстрее.

Если Quizlet разработан больше для запоминания информации по разным предметам, то Padlet рассчитан на полноценную работу с определенным классом в течение долгого времени. Padlet представляет собой временную линию, похожую на доску, на которой и учитель может размещать важную информацию, правила, прикреплять картинки и презентации, именуя их по темам. Ученики, в свою очередь, могут комментировать посты учителя, а также размещать свои с домашними работами, докладами и презентациями.

Для учителей и учеников выпускных классов, готовящихся сдавать ОГЭ или ЕГЭ, незаменимым помощником в подготовке станет электронный ресурс «Решу ЕГЭ / Решу ОГЭ». Данный ресурс уникален тем, что имеет готовые экзаменационные варианты по всем предметам, а также позволяет отрабатывать и определенные задания. Варианты обновляются ежемесячно, поэтому банк заданий действительно огромный.

Дистанционные образовательные технологии становятся все более актуальными. В тоже время следует принимать во внимание, что в отношении ряда специальностей, профессий может быть установлен законодательный запрет на использовании при их освоении исключительно дистан-

ционных образовательных технологий или электронного обучения. Перечень таких профессий и специальностей утвержден Приказом Минобрнауки от 20 января 2014 года № 22. В силу данных ограничений, рассматриваемые технологии не становятся своеобразным «кругом спасения» даже в условиях вводимого в установленном порядке карантина.

Литература

Вайндорф-Сысоева, М. Е. Методика дистанционного обучения: учебное пособие для вузов / М. Е. Вайндорф-Сысоева, Т. С. Грязнова, В. А. Шитова. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 194 с.

Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фелин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики/Н.М.Ладнушкина,. – М., 2018.

Ковчегова Снежана Юрьевна,

заместитель начальника Управления государственного надзора
и контроля в сфере образования Департамента образования
и науки города Москвы

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СЕТЕВОЙ ФОРМЫ

Сетевая форма реализации образовательных программ (далее по тексту – СФРОП) появилась в системе образования Российской Федерации в 2012 году. Возможность совместного использования материальных, кадровых, других ресурсов двух и более образовательных организаций при СФРОП предоставляет возможность обучающимся углубленно изучать модульные предметы или получать профессиональные компетенции на предпрофильном уровне. Тем самым, право на образование конкретного обучающегося реализуется в двух и более организациях с использованием их ресурсов.

В научной литературе описывались различные правовые аспекты СФРОП. Так, Д.М. Мошкова и Д.Л. Лозовский отмечали, что сетевая форма являлась новым этапом развития российского образования, а для его внедрения отсутствовали подзаконные и нормативные правовые акты, которые регламентировали данный способ образовательной деятельности⁶⁵⁴.

Праву на получение образования с применением СФРОП препятствовали следующие проблемы законодательства:

- различное толкование норм при применении СФРОП;
- неурегулированность вопросов лицензирования при СФРОП;
- необходимость аккредитация образовательных программ (далее по текст – ОП) при СФРОП;
- отсутствие единого порядка организации образовательной деятельности (далее по тексту – ОД) при СФРОП.

⁶⁵⁴ Мошкова Д.М., Лозовский Д.Л. К вопросу о правовом регулировании сетевых форм реализации образовательных программ // Юридический мир. 2014. № 1.

Как отмечал в своей статье В.Л. Баранков, реализация ОП в сетевой форме являлась отдельной разновидностью ОД, которая подлежит дополнительному лицензированию⁶⁵⁵. При этом в лицензии должно указываться, что конкретная образовательная программа реализуется в сетевой форме. В своей работе В.Ю. Матвеев рассматривал вопросы отраслевой принадлежности договора о сетевой форме реализации образовательных программ. В частности, он обосновывает гражданско-правовую природу данного договора.⁶⁵⁶

Научные дискуссии о правовой природе СФРОП в свете контрольно-надзорных мероприятий продолжаются и до настоящего времени⁶⁵⁷. Правовые пробелы и ограничения, описанные в научной литературе и возникавшие на практике, препятствовали реализации права на образование при применении СФРОП, что, в итоге, привело к изменениям в законодательстве. В 2020 году внесенные изменения в нормативные правовые акты в сфере образования (Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 05.08.2020 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ») обеспечили выработку действенных механизмов для:

- нового правового регулирования при СФРОП;
- реализации в полном объеме права на образование для детей, находящихся на длительном лечении;
- получения государственных гарантий на образование для детей, находящихся на длительном лечении;
- усиления защиты интересов личности при получении образования;
- развития применения СФРОП для достижения результатов освоения образовательных программ.

В настоящее время отсутствует необходимость указывать в приложении к лицензии адреса места осуществления образовательной деятельности при использовании СФРОП, а также закреплена обязанность за уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в сфере образования определять порядок организации и осуществления образовательной деятельности при СФРОП.

Утвержденная примерная форма договора реализации ОП в рамках СФРОП [5] минимизирует возможные недопонимания и разночтения между

⁶⁵⁵ Баранков В.Л. Правовые аспекты использования сетевой, электронной и дистанционной форм реализации образовательных программ/В.Л.Баранков // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 129-137.

⁶⁵⁶ Матвеев В.Ю. Правовая природа договора о сетевой форме реализации образовательных программ/В.Ю. Матвеев // Юрист. 2018. № 4 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34877608> (дата обращения: 15.03.2021).

⁶⁵⁷ Алимов Г.Т., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фёклин С.И. Контроль и надзор в сфере образования: Монография. М.: Книгодел, 2020.; Соколова А.С. Сетевое обучение и компетентностный подход в образовательной системе современной России // №auka-Rastude№t.ru. 2016. № 7 [Электронный ресурс] // URL: <http://№auka-rastude№t.ru/31/3573/> (дата обращения: 15.03.2021); Хольнова Е.Г. К вопросу о соотношении дефиниций «дистанционное обучение», «сетевое обучение», «электронное обучение» // Дистанционное обучение в высшем профессиональном образовании: опыт, проблемы и перспективы развития. СПб. 2016.

образовательной организацией и лицензирующим органом во время проведения лицензионного контроля.

Таким образом, законодатель создал необходимые правовые условия для реализации права на образование при использовании СФРОП.

Дальнейшее перспективы развития СФРОП открывают возможность автору статьи провести исследовательскую работу, выявить возможные пробелы или коллизии в законодательстве об образовании, а также разработать рекомендации по применению СФРОП при реализации права на образование.

Литература

Мошкова Д.М., Лозовский Д.Л. К вопросу о правовом регулировании сетевых форм реализации образовательных программ/Д.М.Мошкова, Д.Л.Лозовский // Юридический мир. – 2014. – № 1. – С. 20-22.

Баранков В.Л. Правовые аспекты использования сетевой, электронной и дистанционной форм реализации образовательных программ/В.Л.Баранков // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 129-137.

Матвеев В.Ю. Правовая природа договора о сетевой форме реализации образовательных программ/В.Ю. Матвеев // Юрист. 2018. № 4 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34877608> (дата обращения: 15.03.2021).

Алимов Г.Т. Контроль и надзор в сфере образования/ Г.Т.Алимов, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин: монография. – М.: Книгодел, 2020. – 184 с.

Соколова А.С. Сетевое обучение и компетентностный подход в образовательной системе современной России/А.С. Соколова // Наука-RastudeNet.ru. 2016. № 7 [Электронный ресурс] // URL: <http://Наука-rastudeNet.ru/31/3573/> (дата обращения: 15.03.2021).

Хольнова Е.Г. К вопросу о соотношении дефиниций «дистанционное обучение», «сетевое обучение», «электронное обучение»/Е.Г.Хольнова// Дистанционное обучение в высшем профессиональном образовании: опыт, проблемы и перспективы развития. – СПб. 2016.

Корнилова Инна Валерьевна,

старший преподаватель кафедры образовательного и информационного права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Обеспечение реализации права каждого человека на образование относится к числу принципов государственной политики и правового регулиро-

вания сферы образования⁶⁵⁸. Относительно обучающихся, не обладающих в достаточной мере дееспособностью для реализации данного права самостоятельно, принципиальное значение имеет возможность их законных представителей участвовать от их имени и в их интересах в образовательных отношениях. И если для несовершеннолетних обучающихся образовательным законодательством предусмотрено прямое участие их родителей (законных представителей) во взаимоотношениях с иными участниками образовательных отношений, то для достигших возраста 18 лет недееспособных или ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства лиц таких правил не предусмотрено. Гражданское законодательство наделяет опекунов и попечителей полномочиями по защите прав и законных интересов подопечных, в частности, правом выступать в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми лицами без специального полномочия (п.2 ст.31 Гражданского кодекса РФ), попечителей – правом оказывать содействие подопечным в осуществлении их прав и исполнении обязанностей (п.2 ст.33 ГК РФ) – и организации, осуществляющие образовательную деятельность, безусловно входят в число таких лиц. Однако, как ранее указывал автор, для реализации права недостаточно его простого закрепления в нормативном правовом акте, необходим также и обеспечить механизм его реализации⁶⁵⁹. Включение в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» норм, регулирующих участие законных представителей недееспособных и ограниченно дееспособных обучающихся в образовательных отношениях, обеспечило бы возможность реализации права на образование такими обучающимися в полном объеме и без какой-либо дискриминации. Особенно важным это представляется в контексте дискуссии о признании образовательного права самостоятельной отраслью права и законодательства⁶⁶⁰.

Существенное значение в рамках рассматриваемой проблематики имеет неопределенность понятия «законный представитель» в гражданском и семейном законодательстве. В.Ю. Матвеев и Н.В. Москаленко указывают на то, что «законный представитель» - это скорее устойчивое словосочетание, нежели юридический термин⁶⁶¹. Справедливо указывая на невозможность отнести к законным представителям попечителей, приемных родителей, на то, что находящимся в образовательных, медицинских и иных организациях недееспособным и ограниченно дееспособным лицам опекуны и попечители не назначаются, что и органы опеки и попечительства могут

⁶⁵⁸ Алимов Г.Т. Контроль и надзор в сфере образования/ Г.Т. Алимов, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И.Фёклин: монография. – М.: Книгодел, 2020. – С. 6-8.

⁶⁵⁹ Корнилова И.В. Конституционно-правовые гарантии добровольческой (волонтерской) деятельности/И.В. Корнилова // Конституционные ценности и ценность Конституции. Материалы круглого стола с международным участием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С. 222.

⁶⁶⁰ Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики/Н.М. Ладнушкина, Д.А.Пашенцев, С.И. Фёклин: монография. – М., 2018. – С.25.

⁶⁶¹ Матвеев В.Ю., Москаленко Н.В. Проблемы правового регулирования представительства интересов детей в российском законодательстве/ В.Ю. Матвеев, Н.В. Москаленко// Право и образование. – 2019. – №10. – С.134.

выступать как законные представители несовершеннолетних, на разный правовой статус родителей и «иных законных представителей», авторы предлагают ввести в законодательство другой термин - «родители и иные представители»⁶⁶². Поддерживая данную позицию, полагаем, что такая формулировка, наряду с расширением круга представителей обучающихся за счет представителей недееспособных и ограниченно дееспособных обучающихся, укрепит механизм реализации права на образование для всех обучающихся.

Образовательное законодательство не выделяет такую категорию обучающихся, как обучающиеся, лишенные или ограниченные в дееспособности. Однако, они, безусловно осваивают образовательные программы: это лица с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), которые могут быть как несовершеннолетними, так и достигшими возраста 18 лет, в последнем случае велика вероятность, что они не являются дееспособными. Так, например ФГОС образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), относит к числу их особых образовательных потребностей удлинение сроков получения образования – и среди обучающихся образовательных организаций, реализующих соответствующие адаптированные общеобразовательные программы, обучающиеся, достигшие возраста 18 лет, не редкость. Обучающиеся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) могут осваивать программы профессионального обучения; если их родители (законные представители) выбрали для них обучение не по адаптированной образовательной программе, и они смогли успешно пройти государственную итоговую аттестацию, то существует возможность освоения основных профессиональных программ, а в перспективе – и дополнительных профессиональных программ. Не говоря уже о том, для них открыт широкий спектр дополнительных общеразвивающих программ. Лишенными или ограниченно дееспособными могут быть и лица пожилого возраста, обучающиеся или желающие начать обучение, к примеру, в Серебряном университете – в рамках программы «Московское долголетие» для лиц пенсионного возраста. Даже если оставить в стороне вопрос о возможности обращаться с заявлением о приеме в образовательную организацию не самому поступающему, а его представителю, то возможность знакомиться с документами, регламентирующими образовательную деятельность в конкретной образовательной организации, с содержанием образования, образовательными технологиями, оценками успеваемости, дала бы возможность представителям недееспособных и ограниченно дееспособных граждан наиболее полно защищать их академические и иные права в сфере образования, в том числе защищать от злоупотреблений со стороны образовательных организаций. Интересно отметить тот факт, что Порядки приема на обучение по различным образовательным программам, когда речь идет об ознакомлении при приеме в образовательную организацию с документами и информацией,

⁶⁶² Там же. С.138.

предусмотренными 273-ФЗ, не используют термин «родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся», а «родители (законные представители) поступающего», без указания на его возраст. При этом в Порядках не оспаривается право получившего основное общее образование или достигшего возраста 18 лет гражданина лично подавать заявление о приеме (например, п.20 Порядка приема на обучение по программам среднего профессионального образования, утвержденного Приказом Министерства просвещения РФ от 02.09.2020 №457). Представляется, что в рамках образовательного законодательства необходимо урегулировать отношения с участием обучающихся, лишенных или ограниченных в дееспособности, таким образом, чтобы обеспечить возможность защищать их интересы и представлять их законным представителям.

Еще один важный аспект рассматриваемой проблематики – это потенциальный объем прав, обязанностей и ответственности в образовательных отношениях представителей совершеннолетних обучающихся, не обладающих дееспособностью в полном объеме. Представляется, что вполне достаточным будет закрепление тех же правил, что для родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, получивших основное общее образование (как в ст.44 и ст.45 273-ФЗ) с дополнительным закреплением права подавать от лица подопечных заявление о приеме в образовательную организацию и документы, необходимые для поступления.

Таким образом, для обеспечения реализации всеми обучающимися, в том числе имеющими ментальные особенности, отражающиеся на их дееспособности, права на образование без какой-либо дискриминации, необходимо урегулировать образовательным законодательством, в первую очередь 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» следующие правовые проблемы: вместо термина «родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся») использовать термин «родители и иные представители обучающихся», включить в число участников образовательных отношений представителей недееспособных или не полностью дееспособных совершеннолетних обучающихся, права, обязанности и ответственность которых должны быть аналогичны существующим сегодня правам, обязанностям и ответственности родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, получивших основное общее образование.

Литература

Алимов Г.Т., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фёклин С.И. Контроль и надзор в сфере образования / Г.Т. Алимов, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин: монография. – М.: Книгодел, 2020. – 184 с.

Корнилова И.В. Конституционно-правовые гарантии добровольческой (волонтерской) деятельности/И.В. Корнилова // Конституционные ценности и ценность Конституции. Материалы круглого стола с международным уча-

стием, проводимого в рамках XV Фестиваля науки города Москвы. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С. 222–225.

Матвеев В.Ю., Москаленко Н.В. Проблемы правового регулирования представительства интересов детей в российском законодательстве/В.Ю.Матвеев, Н.В.Москоленко // Право и образование. – 2019. – №10. – С.134-140.

Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики/Н.М.Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И.Фёклин: монография. – М.: 2018.

Ладнушкина Нина Михайловна,

к.п.н., доцент кафедры образовательного и информационного права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ВОСПИТАНИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящее время всем организациям, осуществляющим образовательную деятельность, необходимо провести ревизию своих основных образовательных программ в части их соответствия требованиям законодательства по вопросам воспитания обучающихся⁶⁶³.

Совершенствуя правовое регулирование вопросов воспитания как составной части образовательной деятельности, в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» были внесены изменения. Федеральным законом от 31 июля 2020 года №304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» (далее – Федеральный закон №304-ФЗ) были обновлены определения таких понятий как воспитание, образовательная программа, примерная образовательная программа, установлено, что примерные образовательные программы всех уровней образования включают примерную рабочую программу воспитания и примерный календарный план воспитательной работы, закреплено требование об обязательном включении в основные образовательные программы рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы.

В соответствии с изменениями, внесёнными в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 11 декабря 2020 г. № 712 (далее – приказ Минпросвещения России №712) были соответственно внесены изменения по вопросам воспитания обучающихся в некоторые федеральные государственные образовательные стандарты общего образования.

Согласно вышеуказанному приказу, изменения внесены в федеральные государственные образовательные стандарты начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования

⁶⁶³ Алимов Г.Т. Контроль и надзор в сфере образования/Г.Т. Алимов, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин: монография. – М.: Книгодел, 2020. – С. 60-67.

в части изменения структуры образовательных программ, а именно, содержательного и организационного разделов образовательной программы. Так, в содержательном разделе основной образовательной программы начального общего образования рабочая программа воспитания заменит программу духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся при получении начального общего образования и программу формирования экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни, соответственно в образовательной программе основного общего образования заменена будет Программа воспитания и социализации обучающихся при получении основного общего образования, а в образовательной программе среднего общего образования - программа воспитания и социализации обучающихся при получении среднего общего образования.

Приказом Министерства просвещения РФ от 11 декабря 2020 г. № 712 «О внесении изменений в некоторые федеральные государственные образовательные стандарты общего образования по вопросам воспитания обучающихся» определены требования к структуре рабочей программе воспитания. Установлено, что «рабочая программа воспитания имеет модульную структуру и включает в себя:

описание особенностей воспитательного процесса;

цель и задачи воспитания обучающихся;

виды, формы и содержание совместной деятельности педагогических работников, обучающихся и социальных партнеров организации, осуществляющей образовательную деятельность;

основные направления самоанализа воспитательной работы в организации, осуществляющей образовательную деятельность».

Также определено, что рабочая программа воспитания реализуется как на уроках, так и вне их, с обязательным привлечением семьи и других институтов образования, приобщая обучающихся к традиционным духовным ценностям, правилам и нормам поведения в обществе.

Изменения внесены и в организационный раздел образовательной программы, в который включается календарный план воспитательной работы. В то же время требования и рекомендации по его структуре и содержанию не установлены.

Особое внимание следует обратить на то, что в связи с внесенными изменениями, тематическое планирование по учебным предметам следует теперь осуществлять с учетом рабочей программы воспитания.

Таким образом, внесены изменения в нормативные предписания по вопросам организации воспитания, в связи с чем всем общеобразовательным организациям необходимо заняться разработкой новых редакций основных образовательных программ, так как с 1 сентября 2021 года все образовательные программы должны соответствовать требованиям, установленным Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и федеральными государственными образовательными стандартами.

Организации, осуществляющие образовательную деятельность, при разработке рабочей программы воспитания могут обратиться к примерной рабочей программе воспитания, которая прошла экспертизу и одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Примерная рабочая программа воспитания не является нормативным правовым актом, но может послужить примером или указать основные ориентиры при подготовке рабочей программы воспитания образовательной организации⁶⁶⁴.

Безусловно, организация воспитательного процесса в рамках реализации основной образовательной программы является важным поводом для такого серьёзного законодательного вмешательства. Но вместе с тем хотелось бы понять, как например, замена в содержательном разделе основной образовательной программы начального общего образования программы духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся при получении начального общего образования и программы формирования экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни на рабочую программу воспитания будет способствовать изменению процесса воспитательной работы в школе. Ведь, в соответствии с положениями федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (утв. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. №37), Программа духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся при получении начального общего образования, как и рабочая программа воспитания, «направлена на обеспечение духовно-нравственного развития обучающихся в единстве урочной, внеурочной и внешкольной деятельности, в совместной педагогической работе организации, осуществляющей образовательную деятельность, семьи и других институтов общества и предусматривает приобщение обучающихся к культурным ценностям своей этнической или социокультурной группы, базовым национальным ценностям российского общества, общечеловеческим ценностям в контексте формирования у них гражданской идентичности».

Возникает вопрос и по структуре рабочей программы воспитания, будет ли закреплённая структура эффективна? Приказом Минпросвещения России №712 закреплёно наличие 4 обязательных разделов, в то время как ранее действующее требование к Программе воспитания и социализации обучающихся при получении основного общего образования, в соответствии с положениями федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (утв. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897), определяло наличие таких обязательных разделов как: «1) цель и задачи духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся, описание ценностных ориентиров, лежащих в ее осно-

⁶⁶⁴ Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фёклин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практика/Н.М.Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин: монография. – М.: МГПУ, 2018. – С. 82-84.

ве; 2) направления деятельности по духовно-нравственному развитию, воспитанию и социализации, профессиональной ориентации обучающихся, здоровьесберегающей деятельности и формированию экологической культуры обучающихся, отражающие специфику организации, осуществляющей образовательную деятельность, запросы участников образовательных отношений; 3) содержание, виды деятельности и формы занятий с обучающимися по каждому из направлений духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся; 4) формы индивидуальной и групповой организации профессиональной ориентации обучающихся по каждому из направлений ("ярмарки профессий", дни открытых дверей, экскурсии, предметные недели, олимпиады, конкурсы); 5) этапы организации работы в системе социального воспитания в рамках организации, осуществляющей образовательную деятельность, совместной деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность с предприятиями, общественными организациями, в том числе с системой дополнительного образования; 6) основные формы организации педагогической поддержки социализации обучающихся по каждому из направлений с учетом урочной и внеурочной деятельности, а также формы участия специалистов и социальных партнеров по направлениям социального воспитания; 7) модели организации работы по формированию экологически целесообразного, здорового и безопасного образа жизни, включающие в том числе рациональную организацию учебной деятельности и образовательной среды, физкультурно-спортивной и оздоровительной работы, профилактику употребления психоактивных веществ обучающимися, профилактику детского дорожно-транспортного травматизма, организацию системы просветительской и методической работы с участниками образовательных отношений; 8) описание деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность в области непрерывного экологического здоровьесберегающего образования обучающихся; 9) систему поощрения социальной успешности и проявлений активной жизненной позиции обучающихся (рейтинг, формирование портфолио, установление стипендий, спонсорство и т.п.); 10) критерии, показатели эффективности деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность в части духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся, формирования здорового и безопасного образа жизни и экологической культуры обучающихся (поведение на дорогах, в чрезвычайных ситуациях); 11) методику и инструментарий мониторинга духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся; 12) планируемые результаты духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся, формирования экологической культуры, культуры здорового и безопасного образа жизни обучающихся». Перечисленные выше разделы Программы воспитания и социализации обучающихся позволяют сделать выводы о том, что программы с такой структурой будут более полными и эффективными.

И в завершении, хочется надеяться, что обновленная правовая основа системы организации воспитательной работы в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, обеспечит эффективное функционирование данной системы и будет способствовать изменению уровня и качества воспитания обучающихся.

Литература

Алимов Г.Т. Контроль и надзор в сфере образования/Г.Т. Алимов, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин: монография. – М.: Книгодел, 2020. – 184 с.

Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фёклин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практика/Н.М.Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин: монография. – М.: МГПУ, 2018. – 304 с.

Матвеев Виталий Юрьевич,

к.ю.н., заведующий Лабораторией образовательного права
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПРАВО УЧАЩИХСЯ НА РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ПРЕДМЕТУ: РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Важной гарантией доступности общего образования является гарантия бесплатности предоставления учебников и учебных пособий учащимся, однако сложившаяся в РФ практика свидетельствует, что существует ряд спорных вопросов, касающихся объема предоставления данной гарантии, в частности бесплатности рабочих тетрадей по предметам.

Отдельная ст. 35 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) посвящена регламентации пользования учебниками, учебными пособиями, средствами обучения и воспитания. Согласно ч. 1 этой статьи обучающимся, осваивающим основные образовательные программы за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов организациями, осуществляющими образовательную деятельность, бесплатно предоставляются в пользование учебники и учебные пособия, а также учебно-методические материалы, средства обучения и воспитания.

Несмотря на то, что при первом прочтении из данной нормы следует, что вся необходимая учебная литература должна предоставляться обучающимся бесплатно, в практике применения данной нормы данный вывод оказывается неверным.

Обязательным атрибутом учебного процесса в современной школе становятся рабочие тетради. Как отмечает, и.о. академика-секретаря отделения общего среднего образования Российской академии образования В. Дронов: «если будет принято решение о необязательности рабочих тетрадей, мы бу-

дем отброшены на много лет назад»⁶⁶⁵. В письме Минобрнауки России от 16.05.2018 № 08-1211 отмечается, что в образовательных организациях сложилась многолетняя практика использования рабочих тетрадей, которые в целом с учебником составляют учебно-методический комплект и значительно улучшают усвоение учебного материала, а также повышают успеваемость обучающихся по различным предметам.

В этой связи возникает вопрос о том, должны ли предоставляться рабочие тетради обучающимся бесплатно, и если ответ будет положительным, то к чему они относятся: к учебникам и учебным пособиям или же к средствам обучения и воспитания.

Несмотря на то, что Закон об образовании содержит определения значительного количества понятий, определений для понятий «учебник» и «учебное пособие», в нем не содержится. С.П. Постыляков и С.В. Янкевич считают, что это серьезный пробел в правовом регулировании⁶⁶⁶.

К средствам обучения и воспитания рабочие тетради отнесены быть не могут, в связи с тем, что п. 26 ст. 2 Закона об образовании определяет данное понятие как приборы, оборудование, включая спортивное оборудование и инвентарь, инструменты (в том числе музыкальные), учебно-наглядные пособия, компьютеры, информационно-телекоммуникационные сети, аппаратно-программные и аудиовизуальные средства, печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы и иные материальные объекты, необходимые для организации образовательной деятельности.

В этой связи единственным способом ответить на поставленный вопрос будет являться обращение к подзаконным нормативным актам.

Если не считать писем отдельных федеральных органов власти, то, пожалуй, единственным нормативным актом, определяющим рассматриваемые понятия, является ГОСТ 7.60-2003.

Согласно данному ГОСТу, учебник – это учебное издание, содержащее систематическое изложение учебной дисциплины, ее раздела, части, соответствующее учебной программе, и официально утвержденное в качестве данного вида издания. Учебное пособие – это учебное издание, дополняющее или заменяющее частично или полностью учебник, официально утвержденное в качестве данного вида издания. В указанном ГОСТе дается также определение понятию «рабочая тетрадь» – это учебное пособие, имеющее особый дидактический аппарат, способствующий самостоятельной работе учащегося над освоением учебного предмета.

Споры о том, должны ли рабочие тетради предоставляться учащимся бесплатно, становились также предметом судебного рассмотрения. В качестве примера можно привести Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 22.05.2014 по делу № 33-2365/2014г. В рамках рас-

⁶⁶⁵ Рабочие тетради для школы должны быть бесплатными: в Госдуме и ВШЭ объяснили, как этого добиться [Электронный ресурс] // URL: <https://riafan.ru/1089756-rabochie-tetradi-dlya-shkoly-dolzhen-byt-besplatnymi-v-gosdume-i-vshe-obyasnili-kak-etogo-dobitsya> (дата обращения: 04.09.2019).

⁶⁶⁶ Постыляков С.П., Янкевич С.В. Реализация прав и обязанностей обучающихся: анализ российского законодательства и правоприменительной практики/С.П.Постыляков, С.В.Янкевич // Реформы и право. – 2015. – № 2. – С. 54.

смотрения данного дела суд отметил, что стороны расходятся в понимании рабочей тетради. Прокурор настаивает на отнесении рабочей тетради к собственным учебным пособиям, без применения которых невозможно усвоение материала по учебнику. Ответчик полагает, что рабочая тетрадь не является учебным пособием, и со ссылкой на СанПиН 2.4.7.1166-02 причисляет их к практикумам. По результатам рассмотрения суд пришел к выводу, что и ГОСТ 7.60-2003, и СанПиН 2.4.7.1166-02 выделяют рабочую тетрадь в самостоятельный раздел («рабочая тетрадь» и «практикум» соответственно), поскольку она используется только для индивидуальной самостоятельной работы. Оснований полагать, что рабочие тетради являются составной частью учебника, дополняют или заменяют его, не имеется, поэтому к учебному пособию по смыслу вышеприведенных нормативных актов их отнести нельзя.

С аналогичной мотивацией и по схожему делу было также принято Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 21.09.2015 № 33-14027/2015. Примечательна в нем аргументация помощником прокурора своей позиции. В обосновании он указывает, что довод о том, что в бюджете недостаточно средств на приобретение рабочих тетрадей не может служить основанием для отказа в обеспечении ими учащихся, поскольку обязанность предоставления учебных пособий на бесплатной основе закреплено Законом об образовании.

Следует согласиться с помощником прокурора, что отказ в предоставлении учащимся рабочих тетрадей связан скорее с недостатком бюджетных средств, нежели с внятной позицией законодателя, лишаящего обучающихся этой важной составляющей учебной литературы. Представляется, что обоснование бездействия школы в этом направлении требованиями ГОСТ и СанПиН является серьезным допущением и распространением определения понятий, данных исключительно для определенных узких целей, на другие отношения, имеющие свои собственные особенности.

Так, в ГОСТ 7.60-2003. в разделе «Область применения» отмечается, что «настоящий стандарт устанавливает термины и определения понятий, употребляемых в области книгоиздания. Термины, установленные настоящим стандартом, рекомендуются для применения во всех видах документации и литературы в области книгоиздания, входящих в сферу работ по стандартизации и/или использующих результаты этих работ». Иными словами, данный ГОСТ не только должен применяться исключительно в сфере книгоиздания, но и, помимо этого, носит рекомендательный характер. В этой связи достаточно шатко выглядит ссылка на него как однозначно выделяющую рабочую тетрадь в отдельную от учебных пособий группу изданий. Тем более, что приведенное выше определение из данного источника начинается со слов «рабочая тетрадь: учебное пособие...».

Примечательной в этой связи выглядит позиция Минобрнауки России. В его письме от 25.09.2014 № 08-ПГ-МОН-30770 отмечается, что ГОСТ 7.60-2003. относит рабочую тетрадь к учебным пособиям. Далее говорится о том, что общеобразовательная организация самостоятельно определяет

список учебников и учебных пособий, необходимых для реализации общеобразовательных программ. Вопрос обеспечения обучающихся учебниками и учебными пособиями в соответствии с указанным выше списком относится к компетенции общеобразовательной организации. Иными словами, письмо отмечает, что если решение использовать рабочие тетради в образовательном процессе принято, то общеобразовательная организация должна обеспечить ими учащихся.

Этот вывод находит свое подтверждение и в судебной практике. В постановлении Пермского Краевого Суда от 14.12.2018 № 44а-1775/2018 суд пришел к выводу о том, что М., являясь директором школы, принял и утвердил рабочие программы, предусматривающие использование в учебном процессе рабочих тетрадей для учащихся, которыми школа не обеспечена. Рабочие тетради были приобретены централизованно за счет денежных средств родителей (законных представителей), тем самым М. допустил незаконное ограничение права на образование.

Таким образом, позиция Минобрнауки России и судебная практика по рассматриваемому вопросу свидетельствуют об отсутствии четкой позиции. С одной стороны, утверждается, что приобретение школами рабочих тетрадей не является обязательным, с другой стороны констатируется, что если школа предусматривает рабочие тетради в качестве обязательного элемента учебно-методического комплекта по предмету, то она обязана обеспечить ими обучающихся. При этом Минобрнауки России фактически утверждает, что отказ от использования рабочих тетрадей может ухудшить

усвоение учебного материала и снизить успеваемость обучающихся по различным предметам. В связи с этим в очередной раз ставится под сомнение принцип равенства в доступе к качественному образованию, поскольку в сложившихся условиях приобретение рабочих тетрадей будет зависеть от степени финансовой обеспеченности образовательной организации либо вопреки гарантиям законодательства ляжет на плечи родителей (законных представителей) учащихся.

Литература

Рабочие тетради для школы должны быть бесплатными: в Госдуме и ВШЭ объяснили, как этого добиться [Электронный ресурс] // URL: <https://riafan.ru/1089756-rabochie-tetradi-dlya-shkoly-dolzhen-byt-besplatnymi-v-gosdume-i-vshe-obyasnili-kak-etogo-dobitsya> (дата обращения: 04.09.2019).

Постыляков С.П., Янкевич С.В. Реализация прав и обязанностей обучающихся: анализ российского законодательства и правоприменительной практики/С.П.Постыляков, С.В.Янкевич // Реформы и право. – 2015. – № 2.

Пашенцева Дарья Дмитриевна,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

НОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ В СИСТЕМЕ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В современных условиях вопрос о том, можно ли считать образовательное право отраслью права либо только отраслью законодательства, представляется дискуссионным⁶⁶⁷. Его решение зависит от той позиции, на которой стоит каждый конкретный ученый, так как понимание системы права как искусственно созданного конструкта определяет возможность вариативности суждений относительно ее структурных элементов.

В определенной мере аргументами в подобной дискуссии могут выступать обращения к историческому опыту, к той историко-правовой традиции, которая существует и продолжает оказывать влияние на развитие юридической науки и практики. В связи с этим, представляет научный интерес исследование того места, которое занимали нормы образовательного законодательства в системе права Российской империи.

Поиск ответа на поставленный вопрос осложняется тем фактом, что в Российской империи система права находилась в стадии формирования, шел процесс становления основных отраслей права и выделения из них новых отраслей, а также подотраслей. В стадии формирования находилась и система образования, шел активный процесс принятия новых источников права в данной сфере, происходило становление соответствующих отношений и их правового регулирования.

Еще одна сложность состоит в том, что в Российской империи не было единого и четко установленного понятия закона. Известный правовед Е.Н. Трубецкой писал, что закон – это такая норма, которая установлена «высшим в пределах каждой данной правовой организации правовым авторитетом»⁶⁶⁸. Так как Российская империя была монархией, то сложно было провести строгую черту между законом и подзаконным нормативным актом, так как вся власть, и законодательная, и исполнительная, исходила от монарха, и все его распоряжения имели обязательную силу.

Рассматривая законодательство об образовании периода Российской империи, в качестве признаков отнесения тех или иных актов к числу законов будем ориентироваться на признаки, называвшиеся дореволюционными учеными-юристами. Главным признаком закона они считали факт его утверждения императором. Вторым формальным признаком закона считалось прохождение его через Государственный совет. Третий признак закона – помещение его в Полное собрание законов Российской империи. После 1906 г. ситуация изменилась, так как в новой редакции Основных законов

⁶⁶⁷ Образовательное законодательство России: новая веха развития / под ред. Н.В. Путило, Н.С. Волковой. – М.: Юриспруденция, 2015.

⁶⁶⁸ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права/Е.Н.Трубецкой. – СПб.: Лань, 1998. – С. 113.

Российской империи появились нормы, позволявшие точно определить закон и отграничить его подзаконных актов.

Законы в Российской империи могли издаваться в различных правовых формах. Среди них были уложения, уставы, положения, манифесты, указы и другие.

Законодательные акты, регулировавшие вопросы образования, можно разделить на две группы. К первой группе отнесем те законы, в которых вопросам образования была посвящена только часть норм, причем эти нормы не составляли главного содержания акта. В качестве примера можно привести «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. Этот законодательный акт, установивший правовые основы проведения земской реформы, имел ряд статей, относившихся к компетенции земских учреждений в сфере образования, в том числе, создания и финансирования земских школ.

Ко второй группе отнесем те законы, которые непосредственно были посвящены вопросам образования и регулированию отношений в данной сфере. В качестве примера можно назвать «Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г.; «Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 19 ноября 1864 г.

Отдельное место в системе права Российской империи XIX века занимали такие источники, как университетские уставы. Они регулировали отношения, связанные с деятельностью университетов, и могут рассматриваться, как законодательные акты. Известный ученый-правовед России, а затем русской эмиграции Г.В. Вернадский относил уставы к числу законодательных актов. Давая им характеристику, он писал, что уставы устанавливали постоянные нормы существования отдельного ведомства в рамках какой-либо определенной области материального права⁶⁶⁹.

Университетские уставы устанавливали общее регулирование для университетов Российской империи, закрепляли правила деятельности высших учебных заведений. Их принятие имело важное значение для развития высшего образования в стране.

Важное значение для развития законодательства Российской империи имела его систематизация в 30-е годы XIX века. В результате издания свода законов Российской империи законодательство была приведена в более стройную и понятную систему⁶⁷⁰. Но, в отличие от ряда иных отраслей, законодательство об образовании систематизировано не было, поэтому говорить о появлении соответствующей отрасли законодательства применительно к этому периоду представляется неверным.

Несмотря на достаточно активное развитие правового регулирования образования в Российской империи XIX века, в данной сфере оставался це-

⁶⁶⁹ Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII - XIX вв. (Период империи)/Г.В. Вернадский. – М.: ГПИИБ, 1998. – С. 167.

⁶⁷⁰ Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Развитие источников образовательного права в дореволюционной России/А.В. Звонарев, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев // Право и образование. – 2017. – № 10. – С. 132.

лый ряд нерешенных проблем. К ним можно отнести сохранявшийся словный характер организации приема в учебные заведения, устаревшая система управления образованием с высоким уровнем бюрократизации, национальные и гендерные ограничения в сфере образования⁶⁷¹. Сохранялся низкий уровень грамотности населения.

Законодательство об образовании к началу XX века составляло уже достаточно большой массив, но при этом оно не было систематизировано, его нормы оказались «разбросаны» по самым различным актам, что в итоге снижало эффективность правоприменительной деятельности и негативно сказывалось на решении имевшихся в сфере образования серьезных проблем.

Литература

Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII - XIX вв. (Период империи)/Г.В. Вернадский. – М.: ГПИБ, 1998.

Волкова Н.С., Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Исторические этапы развития системы образования в Российской империи/ Н.С. Волкова, А.В. Звонарев, Н.М.Ладнушкина, Д.А. Пашенцев // Вопросы истории. – 2020. – № 8.

Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Развитие источников образовательного права в дореволюционной России/А.В.Звонарев, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев // Право и образование. –2017. – № 10.

Образовательное законодательство России: новая веха развития / под ред. Н.В. Путило, Н.С. Волковой. – М.: Юриспруденция, 2015.

Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права/Е.Н.Трубецкой. –СПб.: Лань, 1998.

Пашенцева Светлана Васильевна,
к.и.н., доцент Покровского филиала

Московского педагогического государственного университета

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПАНДЕМИИ

Право на образование относится к числу важнейших прав человека. В современном обществе образование представляет собой ключ к успешной жизни, к карьерному росту, к повышению социального статуса. Это право в силу своей значимости закреплено нормами Конституции Российской Федерации и конкретизировано в нормах федерального законодательства об

⁶⁷¹ Волкова Н.С., Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Исторические этапы развития системы образования в Российской империи/ Н.С.Волкова, А.В. Звонарев, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев // Вопросы истории. – 2020. – № 8. – С. 218.

образовании. По мнению ученых, его можно рассматривать как одно из фундаментальных, естественных прав⁶⁷².

С позиций социологической юриспруденции норма становится правом только тогда, когда она случае воплощения в конкретных правоотношениях, в предусмотренных законодательством действиях правоприменителя. Поэтому недостаточно закрепить нормы, гарантирующие право на образование, в законах, необходимо также создать эффективный механизм их практической реализации⁶⁷³.

В современных условиях реализация права на образование происходит в ситуации, когда общество столкнулось с ранее не известными глобальными вызовами, к числу которых относятся цифровизация и пандемия ковид-19. Влияние этих вызовов приводит к тому, что образовательное пространство существенно меняется, причем такие изменения относятся не только к формальным, но и к содержательным аспектам. Эффект усиливается за счет вынужденного синтеза двух обозначенных факторов, что осложняет противодействие их негативным последствиям.

Внедрение современных цифровых технологий в процесс обучения создает возможности для формирования дистанционной образовательной среды. Необходимость соблюдать ограничения в условиях пандемии ускоряет этот процесс, сокращает адаптационный период, усиливает риски цифровизации образования. Все вместе это осложняет полноценную реализацию права на образование, приводит к определенной деградации системы образования, снижению уровня получаемых знаний.

Среди всего спектра различных проблем, снижающих эффективность реализации права на образование в условиях цифровизации и пандемии, отметим следующие.

Во-первых, переход на дистанционное обучение с применением цифровых технологий обучающимися в школах приводит к повсеместному и массовому нарушению санитарных норм, связанных с количеством времени, которое детям разрешено проводить за компьютером. Учеба в таких условиях приводит к резкому снижению уровня здоровья (ухудшение зрения, гиподинамия, психологические и даже психические проблемы).

Во-вторых, далеко не у всех обучающихся есть возможность получить доступ к качественному и устойчивому соединению с интернетом.

В-третьих, для успешного онлайн-обучения необходим очень высокий уровень мотивации и целеустремленности, которым большинство обучающихся не обладает. И не случайно в период особой популярности массовых открытых онлайн-курсов успешно их закончить и получить соответствующий документ смогли лишь 5% обучавшихся.

⁶⁷² Корчагина Т.В. Конституционные и международно-правовые основы права на образование/Т.В. Корчагина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы междунар. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. – М.: МГПУ, 2016. – С. 264.

⁶⁷³ Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Правовое регулирование государственного контроля качества образования/Н.М.Ладнушкина, Д.А.Пашенцев, С.И.Фёклин. – М.: МГПУ, 2020. – С. 6.

В-четвертых, изучение таких дисциплин, как физика, химия, биология и т.д. требует непереносимого проведения опытов с использованием специального лабораторного оборудования. В условиях пандемии и дистанционного обучения это невозможно, что влечет за собой пробелы в знаниях, оторванность получаемых знаний от практики, их излишне абстрактный характер.

В-пятых, дистанционные формы обучения, предусматривающие постоянное использование цифровых технологий, формируют так называемое клиповое мышление, которое напрямую связано с нежеланием использовать бумажные носители информации, в первую очередь, книги, с неумением читать и анализировать большие тексты, долго удерживать внимание на одном предмете. Все это приводит к утрате аналитических способностей, к формированию поверхностного уровня образования.

В-шестых, значительная часть обучающихся имеет ограниченные возможности здоровья и в силу этого требует особого подхода, создания специальной образовательной среды⁶⁷⁴, что невозможно обеспечить при дистанционном обучении.

В-седьмых, образование – это всегда еще и воспитание. Ученик, лишенный живого, непосредственного контакта с учителем, оказывается лишен и его личностного воздействия, он не может «заразиться» от педагога любовью к знаниям, к изучаемому предмету. Нравственная составляющая процесса образования и его результатов в такой ситуации оказывается безвозвратно утерянной.

Таким образом, активное внедрение в образовательный процесс современных цифровых технологий в сочетании с ограничительными мерами, вызванными пандемией, коренным образом меняет систему образования, которая даже после перспективной отмены ограничений уже не сможет вернуться к прежним формам и методам. В связи с этим, прогнозируется сегрегация в образовании, при которой получать знания от «живого» учителя в классе и от профессора в аудитории смогут немногие. Такое образование, еще недавно бывшее общедоступным, станет уделом отдельных групп населения, экономических и политических элит. Основная масса обучающихся будет довольствоваться дистанционным, компьютерным обучением, прослушиванием онлайн-лекций с последующим тестированием. Печальным результатом такого онлайн-обучения может стать формирование нового типа личности, лишенного четких нравственных ориентиров, глубоких знаний, способностей к аналитическому мышлению. Это может стать катастрофой для развития человечества. Выход видится в мобилизации усилий научно-педагогического сообщества, всей интеллигенции для активного воздействия на систему образования с целью направить ее в русло полноценного обучения и воспитания. Обучающиеся должны иметь возможность

⁶⁷⁴Пашенцева С.В. Право на образование и особенности его реализации детьми с аутизмом/С.В. Пашенцева // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы межд. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. – М.: МГПУ, 2017. – С. 204-207.

видеть своего учителя и профессора не только на экране компьютера, но в классе, в аудитории, общаться с ним, задавать вопросы и получать ответы. Лучшие традиции отечественной системы образования, заложенные еще выдающимися педагогами К.Д. Ушинским, В.А. Сухомлинским, А.С. Макаренко и многими другими, не должны быть утрачены. В условиях небывалого вызова цифровизации и пандемии усилия юридического сообщества должны быть мобилизованы на такое совершенствование законодательства и практики его применения, которое позволит адаптировать к новым условиям механизм реализации права на образование, существенно повысить его эффективность, обеспечить воспроизводство лучших образовательных традиций и практик с неизменным сохранением и воспитательного компонента.

Литература

Корчагина Т.В. Конституционные и международно-правовые основы права на образование/Т.В. Корчагина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы межд. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. – М.: МГПУ, – 2016.

Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Правовое регулирование государственного контроля качества образования/Н.М.Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин. – М.: МГПУ, 2020.

Пашенцева С.В. Право на образование и особенности его реализации детьми с аутизмом/С.В. Пашенцева // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы межд. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. – М.: МГПУ, – 2017.

Секретта Юлия Викторовна,
учитель ГБОУ школы №170 имени А.П. Чехова,
студентка 1 курса магистратуры Института права и управления
ГАОУ ВО МГПУ

ПРАВО НА ПЛАТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Образование в современном мире является важной и неотъемлемой частью жизни каждого человека⁶⁷⁵. Уже с дошкольных лет родители стараются не только реализовать право ребенка на бесплатное и общедоступное образование, но и пользоваться правом каждого на дополнительное как бесплатное, так и платное образование.

Прежде всего, следует определить, что относится к праву на дополнительное платное или бесплатное образование.

⁶⁷⁵ Ладнушкина Н.М. Образовательное право: вопросы теории и практики: монография / Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин. – Рязань: Издательство «Концепция». 2017. – 240 с.; Феклин С.И., Графова А.В. Механизм реализации права на образование в общеобразовательной организации // Профильная школа. – 2017. – № 3 (84). – С. 21-29.

от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 17.02.2021) «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает, что платные образовательные услуги представляют собой осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг.

В отличие от бесплатного и общедоступного образования, право на которое гарантировано Конституцией Российской Федерации, платное образование как субъективное право человека достаточным образом не исследовано. При этом следует отметить тенденцию об увеличении доли оказания платных дополнительных образовательных услуг как в частных, так и в государственных или муниципальных организациях⁶⁷⁶, что обуславливает дальнейшее исследование вопроса о защите или гарантированности права на платное образование.

В настоящее время для реализации своего права на платное образование достаточно заключить договор об оказании платных образовательных услуг и получить предварительно от исполнителя достоверную информацию о себе и оказываемых услугах. Соответствующая информация размещается не только на официальном сайте исполнителя, но и посредством размещения в удобном для обозрения месте (например, на информационном табло или стенде, размещенных на первом этаже исполнителя).

Практика реализации образовательных программ и оказания платных услуг в условиях введения режима повышенной готовности из-за распространения COVID-19 выявила незащищенность обучающихся и их родителей (законных представителей), оплативших свое обучение. В частности, органами власти были введены ограничительные меры, запрещающие нахождение в помещениях образовательных организаций и повсеместное применение дистанционных образовательных технологий, в том числе и в отношении лиц, заключивших договоры об оказании платных образовательных услуг.

С одной стороны, право на платное образование никто не отменил, с другой стороны, возникли ситуации, при которых заказчики потребовали уменьшить стоимость платных услуг или расторгнуть ранее заключенные договоры, мотивируя это тем, что они предполагали очное посещение занятий.

Автор полагает необходимым продолжить изучение обозначенной проблемы незащищенности права на платное образование и на законодательном уровне предусмотреть механизмы защиты данного права, в том числе при введении ограничительных мер и использовании исключительно дистанционных образовательных технологий или электронного обучения.

⁶⁷⁶ [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Plat_obs_luj-2019.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

Литература

Ладнушкина Н.М. Образовательное право: вопросы теории и практики: монография /Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев, С.И. Фёклин. – Рязань: Издательство «Концепция». 2017. –240 С.;

Феклин С.И., Графова А.В. Механизм реализации права на образование в общеобразовательной организации // Профильная школа. –. 2017.– № 3 (84). –С. 21-29.

Фёклин Сергей Иванович

доцент, к.ю.н., доцент кафедры образовательного и информационного права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПРАВОВОЕ ОБУЧЕНИЕ В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Уровень правосознания и правовой культуры у населения нашей страны обусловлен целым рядом факторов, в том числе правовым обучением и воспитанием на протяжении всей жизни.

Ориентация на всеобщее знание своих прав, обязанностей и мер ответственности - недостижимая цель. В повседневной жизни у большинства граждан нет необходимости знать все нормы права или законы. Знание традиций, морали, канонов позволяет людям понимать сущностные аспекты права, его роль в обществе, и не нарушать общечеловеческие запреты.

Однако правовая культура все же предполагает наличие знания основных положений действующего законодательства, принципов права, а также их взаимосвязь с международными стандартами и правами человека. Поэтому в федеральных государственных образовательных стандартах общего и (или) профессионального образования предусмотрено, как правило, изучение основ отдельных отраслей (институтов) права, понимание роли государства и действующего законодательства.

Но в отличие от уровней общего и профессионального образования на федеральном уровне отсутствуют единый федеральные требования об изучении законодательства при реализации образовательных программ дополнительного образования (дополнительное образование детей и взрослых, дополнительное профессиональное образование).

В свое время «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168, предусматривали следующее:

на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения оказывают влияние такие факторы, как качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного

типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания;

мерами государственной политики по обеспечению необходимого уровня юридических знаний, повышению правовой культуры и вовлечению в правовое просвещение населения лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов является содействие приобретению и совершенствованию знаний в области права в рамках получения второго высшего профессионального образования, обучения по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации лиц, замещающих государственные и муниципальные должности;

мерами государственной политики в области образования и воспитания подрастающего поколения, юридического образования и подготовки юридических кадров является развитие практики обучения основам права в образовательных учреждениях различного типа и вида, поддержка различных вариантов региональных моделей правового образования, разработка учебных курсов, включающих правовую тематику, соответствующих образовательных программ, учебных и методических пособий.

Тем самым, государство декларировало в 2011 году обязательное приобретение (совершенствование) знаний в области права на всех уровнях образования и в образовательных организациях любого типа.

Автором статьи в рамках реализации государственных работ ГАОУ ВО МГПУ за период с 2019 по 2021 годы был проведен сбор, анализ, обобщение и описание опыта (практики) практике реализации программ дополнительного профессионального образования для работников столичного образования по правовым вопросам.

Всего изучено более ста образовательных программ дополнительного профессионального образования, размещенных в открытом доступе в сети Интернет на порталах <https://www.dpomos.ru/>, <https://ino.mgpi.ru/>, сайтах и ресурсах организаций дополнительного профессионального образования, а также опрошено 815 респондентов (работников системы московского образования).

В результате получены следующие результаты:

а) большинство респондентов не изучало в рамках дополнительного образования основы законодательства;

б) курсы повышения квалификации и иные обучающие мероприятия, которые посетили опрошенные граждане, не были направлены на формирование у них правовой культуры или грамотности;

в) предложено на регулярной основе проводить обучающие мероприятия, в том числе курсы повышения квалификации по основам права и нормам законодательства.

Выводы, полученные по итогам анкетирования, подтверждаются и содержанием образовательных программ дополнительного профессионального образования, реализуемых как в городе Москве, так и в других субъектах Российской Федерации. Лишь в некоторых образовательных программах

дополнительного профессионального образования предусмотрено изучение следующих правовых модулей:

правовые основы реализации и внедрения федеральных государственных образовательных стандартов общего или профессионального образования;

правовые основы системы образования в Российской Федерации;

правовые основы государственной политики в сфере образования России;

правовые основы деятельности образовательных организаций;

правовые основы инклюзивного образования;

правовые основы дополнительного образования;

правовые основы использования дистанционных образовательных технологий и электронного обучения;

правовые основы образовательной деятельности;

правовые основы разработки образовательных программ;

правовые основы работы классных руководителей;

правовые основы внутренней системы оценки качества образования;

трудовые отношения в сфере образования;

локальные нормативные акты в сфере образования;

правовые основы независимой оценки качества образования;

правовые основы внедрения профессиональных стандартов в сфере образования.

Таким образом, ни в системе столичного образования, ни в Российской Федерации не сформирована единая концепция (модель) правового воспитания и образования граждан, в том числе участников образовательных отношений. Нет общих требований и к образовательным программам дополнительного образования с обязательным изучением основ права или отдельных отраслей (институтов) законодательства.

Следует признать, что в Российской Федерации уровень правовой культуры и правосознания отдельного индивида, представителей государственных структур, общества в целом невысок, доминирующими остаются такие деформации сознания как нигилизм, инфантилизм, идеализм. Поэтому выяснение и исследование факторов, препятствующих формированию правовой культуры в российском обществе, разработка направлений и форм деятельности государственных и общественных структур по их развитию, исследование роли воспитания и образования, как важнейших факторов, и тенденций его становления в РФ, являются актуальными с точки зрения регулирования и дальнейших перспектив развития нашего государства.

Существенную роль в данных процессах играют все образовательные организации, поскольку ключевое значение в формировании правовой грамотности, правосознания и высокого уровня правовой культуры имеют правовое воспитание и обучение на протяжении всей жизни⁶⁷⁷. Поэтому

⁶⁷⁷ Алимов Г.Т. Контроль и надзор в сфере образования/ Г.Т. Алимов, Н.М.Ладнушкина, Д.А.Пашенцев, С.И.Фёклин: монография. – М.: Книгодел, 2020. – С. 6-7.

особенно важно в современных условиях руководителям образовательных организаций сосредоточить усилия по проведению целенаправленной работы по созданию системы правового воспитания и обучения всех участников образовательного процесса или отдельно взятого гражданина.

Институтом права и управления ГАОУ ВО МГПУ предприняты шаги по созданию общедоступных обучающих платформ по вопросам законодательства, правовой культуры и просвещения:

<https://shkolaprava.ru/>;

<http://mosobrnadzor.ru/>;

<http://pravospo.ru/>.

Литература

Алимов Г.Т. Контроль и надзор в сфере образования/ Г.Т. Алимов, Н.М.Ладнушкина, Д.А.Пашенцев, С.И.Фёклин: монография. – М.: Книгодел, 2020. – 184 с.

Филиппов Игорь Александрович,

преподаватель Вологодского промышленно-технологического техникума,
аспирант Московского городского педагогического университета

ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Среднее профессиональное образование (далее по тексту – СПО) представляет собой разновидность профессионального образования, реализуемого в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом (далее по тексту – ФГОС или стандарт), направленного на удовлетворение общественных потребностей в подготовке специалистов и личностных потребностей, связанных с интеллектуальным, культурным и профессиональным развитием конкретного человека.

Право на СПО в соответствии с ч.1-2 ст.43 Конституции Российской Федерации гарантировано каждому. СПО занимает промежуточное место между системой школьного и высшего образования. Результат освоения образовательной программы СПО удостоверяется дипломом о среднем профессиональном образовании, с присвоением квалификации, что роднит СПО с высшим образованием. По результатам обучения по программе СПО у выпускника формируются не только профессиональные компетенции, но и общие компетенции, а в случае поступления на программу СПО на базе основного (общего) образования обучающийся программы по профессии или специальности осваивает и программу среднего (общего) образования. Тем самым, активизируется конкуренция между школой и системой учре-

ждений СПО, в том числе по вопросам отбора абитуриентов, что является позитивным фактором. Указанным характеризуется особое, но в то же время самостоятельное место системы СПО в системе образования России.

Специальности СПО популярны у абитуриентов, что подтверждается данными статистики Министерства просвещения РФ, отметившего, что в 2020 году в учреждения СПО России поступило более 1 млн 200 тыс. студентов, в сравнении с 900 тыс. студентов, поступивших в такие учреждения в 2019 году⁶⁷⁸, и повышенными средними баллами поступающих на ряд специальностей СПО.

Анализируя состояние системы СПО, отметим явное улучшение материального обеспечения системы, в частности вызванное поэтапным внедрением в образовательный процесс стандартов движения World Skills и осознанной органами управления профессиональным образованием необходимостью формирования инфраструктуры учреждений, для обеспечения реализации указанных стандартов. Можно отметить, нахождение системы СПО в России на этапе развития.

«Проблемой проблем» образования назвала спикер Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко молчание Министерства просвещения РФ о государственной политике относительно СПО. Критике со стороны В.И. Матвиенко в рамках заседания Совета Федерации ФС РФ от 27.01.2021 года подвергся Министр просвещения РФ, С.С. Кравцов, умолчавший в выступлении посвященном национальному проекту «Образование» о проблемах и перспективах развития системы СПО⁶⁷⁹. Будучи солидарными с мнением В.И. Матвиенко, отметим, что государственная политика в сфере СПО прежде всего должна отражаться не в программных политических документах, а в текущем регулировании. Применимо к системе СПО документами текущего регулирования выступают ФГОС по профессиям и специальностям СПО, которые в анализируемый период не по всем специальностям являются совершенными. Актуальна потребность в комплексной корректировке ФГОС, приведении их к единой логике. На примере ФГОС по специальностям СПО юридического профиля отметим несовершенство содержания стандартов.

Регламентация образовательной деятельности в сфере юриспруденции по программам СПО на текущий период осуществляется следующими стандартами:

1) федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 40.02.01 Право и организация социального обеспечения, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.05.2014 №508;

⁶⁷⁸ В 2020 году в колледжи поступило более 1,2 миллиона выпускников [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2020/11/18/v-2020-godu-v-kolledzhi-postupilo-bolee-12-milliona-vypusknikov.html> (дата обращения 15.02.2021).

⁶⁷⁹ Матвиенко раскритиковала министра за молчание о «проблеме проблем» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/society/27/01/2021/6011802f9a794779ce77397d> (дата обращения 15.02.2021).

2) федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.05.2014 №509;

3) федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 Право и судебное администрирование, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.05.2014 №513.

По итогам освоения образовательной программы по специальности 40.02.03 «Право и судебное администрирование» выпускнику присваивается квалификация «специалист по судебному администрированию». Присваиваемой квалификацией по итогам государственной итоговой аттестации данная специальность отличается от других специальностей СПО юридического образования, с кодом 40.02.**, по итогам освоения которых присваивается квалификация «юрист». Считаем, что данное обстоятельство фактически ставит в неравное положение обучающихся по специальности 40.02.03 «Право и судебное администрирование» с иными обучающимися специальностей юридического профиля, поскольку базовая правовая подготовка, содержание которой закреплено ФГОС по специальностям у всех специальностей группы 40.02.** сходное. В целях придания объективности, отметим, что данная проблема осознается профессиональным сообществом и Министерством просвещения РФ, в связи с чем, в выставленном на общественное обсуждение проекте Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 «Право и судебное администрирование» предлагается присваивать выпускникам такой образовательной программы квалификацию «юрист / специалист по судебному администрированию», что на наш взгляд является более разумным, в сравнении с текущей ситуацией.⁶⁸⁰ Проект стандарта, будучи выставленным на общественное обсуждение еще в 2017 году на текущий период все еще не утвержден.

Итогом получения образования по специальностям 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения», 40.02.02 «Правоохранительная деятельность» и 40.02.03 «Право и судебное администрирование» является освоение выпускниками специальностей общих и профессиональных компетенций.

По итогам обучения по специальности 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения» выпускники осваивают 12 общих компетенций; по специальности 40.02.02 «Правоохранительная деятельность» – 14 общих компетенций; по специальности 40.02.03 «Право и судебное администрирование» - 10 общих компетенций. Сравнение содержания общих компетенций выпускников позволяет установить, что лишь 7 общих компетенций являются содержательно одинаковыми для всех трех специальностей юри-

⁶⁸⁰Проект Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 Право и судебное администрирование // СПС «Консультант Плюс».

дического профиля. Остальные компетенции несмотря на сходное содержание базовых учебных дисциплин, входящих в программу подготовки по специальностям юридического профиля, формируются разные. При этом, не до конца понятно, в связи с чем общие компетенции должны отличаться у выпускников по специальностям юридического профиля, или, например, у выпускников, окончивших образовательные программы электроэнергетического профиля, если общие компетенции отражают овладение выпускником общим личностным, интеллектуальным и культурным уровнем.

При анализе приобретаемых профессиональных компетенций выявляется полное отсутствие одинаковых компетенций даже у специальностей с одинаковой по итогам освоения квалификацией (40.02.01 «Право и организация социального обеспечения» и 40.02.02 «Правоохранительная деятельность»), что может свидетельствовать о разработке указанных ФГОС разными коллективами авторов и отсутствием попытки согласования мнения коллег из различных коллективов-разработчиков ФГОС. На необходимость устранения разницы в наименовании и содержании общепрофессиональных дисциплин при реализации образовательных программ СПО юридического профиля было обращено внимание в проекте приказа Министерства просвещения Российской Федерации «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования», так и не ставшем приказом.⁶⁸¹

Обращает на себя внимание и разность базовых общепрофессиональных дисциплин, входящих в состав процесса подготовки специалиста-юриста, и, соответственно формирующих профессиональные компетенции. Отсутствие широкого перечня профессиональных стандартов, которым соответствуют выпускники по специальностям СПО юридического профиля подтверждает нашу позицию о не совсем верном определении приоритетов при нормативном планировании процесса подготовки юристов с СПО.

Тем самым можно подметить не совершенный характер современных федеральных государственных образовательных стандартов СПО по специальностям юридического профиля, что отражает неопределенность государственной политики в сфере среднего профессионального юридического образования и может свидетельствовать о недостатках государственной политики в сфере СПО в современной России. Отметим необходимость определения на государственном уровне приоритетов государственной политики в сфере СПО, которые первоначально должны быть отражены в рамках содержания ФГОС по профессиям и специальностям СПО.

⁶⁸¹ Проект приказа Министерства просвещения Российской Федерации «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования» // СПС «Консультант Плюс».

Чуркин Дмитрий Сергеевич,
начальник управления координации воспитательной работы
и профилактики правонарушений
Департамента образования и науки города Москвы

ПРАВО НА МЕДИАЦИЮ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ В ВОПРОСАХ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Разрешение и урегулирование споров, связанных с вопросами воспитания детей, лишения или ограничении родительских прав, лишь на первый взгляд не представляют сложности.

По общему правилу, нельзя допускать разлучение родителей и детей без их согласия. Такая возможность может складываться лишь при определенных условиях⁶⁸². Однако возникают в жизни семей ситуации, когда органы государственной власти вынуждены ставить вопрос об ограничении или лишении прав родителей.

Перед судами, рассматривающими такие дела, ставится сложная задача, с целью разрешения которой необходимо подробно разобраться в межличностных отношениях внутри каждой конкретной семьи. Решения судов, равно как и государственная политика, должны быть направлены на сохранение и поддержание семейных ценностей.

Это обосновывает необходимость обратить внимание на тенденцию использования альтернативных способов урегулирования конфликтов и разрешения ситуаций. Одним из таких способов является процедура примирения - медиация.

Медиацию, как альтернативное правосудие, не получила своего массового распространения несмотря на то, что Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» был принят 27.07.2010. Некоторые ученые полагают, что это обусловлено непониманием целей медиации в семейных спорах⁶⁸³. С данным мнением сложно согласиться, поскольку детальное исследование вопросов семейной медиации позволяет утверждать, что эффективное медиативное соглашение, отвечающее интересам ребенка, способно в максимальной степени обеспечить защиту его прав и законных интересов.

Благодаря тому, что медиация наряду с предметной имеет и эмоциональную составляющую, «родители, как стороны медиативного соглашения, могут максимально сфокусироваться на индивидуальных потребностях и чувствах своих детей и выстроить приемлемую схему дальнейших взаимоотношений»⁶⁸⁴.

⁶⁸² Ситкова О.Ю. Применение оперативных мер при осуществлении защиты прав несовершеннолетних/О.Ю.Ситкова // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 5. – С. 17-19.

⁶⁸³ Елисеева А.А. Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества/А.А.Елисеева // Журнал российского права. – 2011. – № 9 (177). – С. 34–39.

⁶⁸⁴ Костина О.В. Семейная медиация как одно из ведущих направлений государственной семейной политики/ О.В.Костина, Е.А.Овсяникова, Н.И. Долженко, И.В. Савельева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 10 (53).

В настоящее время популярность начинают получать альтернативные механизмы решения различных споров по семейным делам. Защита прав детей

хорошо реализуется при помощи семейной медиации, которая призвана урегулировать спорные моменты в вопросах воспитания детей, их проживания с одним из родителей после развода, оплате алиментов и иным обязанностям по содержанию детей.

Е.Г. Куропацкая отмечает, что «семейная медиация может рассматриваться и как профилактика нарушения прав ребенка в случае, когда ее результатом становится примирение родителей и принятие ими решения о сохранении супружеских отношений»⁶⁸⁵.

Так, например, при помощи медиации можно стараться урегулировать вопросы, которые связаны непосредственно с получением ребенком образования. Поскольку никаких иных правовых механизмов решить данные вопросы для образовательной организации не представляется возможным.

Однако существуют ситуации, в которых медиация абсолютно не применима. Например, это касается споров о лишении или ограничении родительских прав.

Поэтому семейная медиация может рассматриваться исключительно как инструмент урегулирования конфликтных ситуаций с целью найти один компромисс для всех участников и установить защиту прав и интересов детей.

Практика обращения к процедурам медиации показывает, что к ее услугам обращаются обычно уже после передачи дела в суд. Это связано с тем, что до обращения в суд, спорящие стороны не знают о такой возможности, как медиация и возможность через альтернативный механизм разрешить спор.

Внедрение механизмов медиации на досудебном этапе позволило бы, по мнению автора, разрешить семейные споры и урегулировать множество конфликтов, не доводя их до суда. Если законодатель обяжет конфликтующие споры до обращения в суд разрешать свои конфликты в порядке медиации, это позволило бы обеспечить защиту прав и законных интересов детей, а также сохранить многие семьи.

Литература

Ситкова О.Ю. Применение оперативных мер при осуществлении защиты прав несовершеннолетних/О.Ю.Ситкова // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 5. – С. 17-19.

Елисеева А.А. Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества /А.А.Елисеева// Журнал российского права. – 2011. – № 9 (177). – С. 34-39.

⁶⁸⁵ Куропацкая Е.Г. Медиация как способ защиты прав ребенка в Российской Федерации/Е.Г.Куропацкая // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 8. – С. 70-74.

Костина О.В. Семейная медиация как одно из ведущих направлений государственной семейной политики/ О.В. Костина, Е.А. Овсяникова, Н.И. Долженко, И.В. Савельева// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 10 (53).

Куропацкая Е.Г. Медиация как способ защиты прав ребенка в Российской Федерации/Е.Г.Куропацкая// Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 8. – С. 70-74.

Шестопалов Михаил Андреевич,
магистрант Института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ВО

Современная система подготовки будущего юриста предусматривает изучение ряда теоретико-исторических дисциплин, среди которых особое место занимает теория государства и права. Данная дисциплина имеет своей целью формирование комплекса знаний, умений и навыков, которые необходимы в профессиональной деятельности.

В настоящее время процесс изучения учебных дисциплин регламентирован несколькими нормативными правовыми актами, в том числе стандартами, утверждаемыми приказами федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования – программ бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (далее – ФГОС ВО). Данный ФГОС ВО содержит описание структуры образовательной программы, которая представлена в виде совокупности обязательной (базовой) части и части, формируемой самими участниками образовательных отношений (вариативной).

Дисциплины и модули, которые относятся к базовой части программы бакалавриата, отмечены стандартом как обязательные для освоения обучающимися вне зависимости от направленности программы, которую они (обучающиеся) осваивают. Набор данных дисциплин и модулей ФГОС ВО позволяет образовательной организации определить самостоятельно. Однако есть перечень дисциплин базовой части, которые подлежат обязательному изучению. К ним, в частности, отнесена теория государства и права.

В системе юридических наук теория государства и права является необходимым фундаментом, на котором в дальнейшем строится глубокое и

сущностное понимание всех без исключения юридических дисциплин⁶⁸⁶. От того, насколько успешно обучающиеся усваивают положения общеправовой фундаментальной дисциплины зависит их дальнейшая профессиональная мотивация⁶⁸⁷. В этой связи преподаванию рассматриваемой дисциплины, а именно методике и содержанию, уделяется важное значение.

Практические занятия как вид учебных занятий при изучении теории государства и права получили свое отражение во многих учебных планах. Как правило, целями практических занятий являются закрепление и систематизация рассмотренного на лекции материала, решение практических задач, работа с теоретическим и нормативным материалом.

Юриспруденция, являясь одной из разновидностей общественных наук, по мнению Ф.М. Рудинского несет в себе известные философские, нравственные ценности, содержит политические понятия⁶⁸⁸. То есть в процессе знакомства студента с явлениями государственно-правовой действительности продолжается формирование его личности, но уже не как простого гражданина, а как будущего специалиста. При этом видится крайне важным при изучении государственно-правовых процессов и явлений соединять юридическую теорию с практикой, подкрепляя учебный материал конкретными примерами.

Стремление преподавателей разнообразить практические занятия выражается в использовании различных интерактивных форм. Существуют исследования, согласно которым информация, приводимая лектором на занятии, усваивается лучше, если этот процесс сопровождать интерактивом. Запоминается до 70-80%, если на занятии обсуждать тему вместе с обучающимися, решать практические ситуационные задачи. В силу этого форматом практического занятия может быть деловая игра, дискуссия, круглый стол, семинар и др. Рассмотрим некоторые из них.

Удачным видится проведение деловых игр по темам, связанным с выбором формы государства, законодательным процессом, правовыми системами, объемом правосубъектности граждан, классификацией прав человека и др. Важным моментом является не только освоение материала, но и непосредственное общение преподавателя с обучающимися в формате беседы.

Дискуссия отнесена к числу активных методов обучения и связана с использованием группового рассмотрения проблемы, ее обсуждения, попыткой аргументировать студентами свою позицию. Курс дисциплины содержит массу тем, которые возможно изучать с применением данной формы. К их числу можно отнести вопросы, связанные с различными подходами к типологии государства, месте и роли политических партий и иных субъектов в политической системе общества, соотношению позитивного права и естественного и т.д. Так, последняя тема при прочтении учебной

⁶⁸⁶ Пиголкин А. С. Теория государства и права/А.С.Пиголкин: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – С. 13

⁶⁸⁷ Иванов С.А. Современные образовательные технологии в преподавании курса теории государства и права/С.А.Иванов // Право и образование. 2003. – № 1. – С. 49.

⁶⁸⁸ Рудинский Ф.М. СССР–Россия. Страна и семья: свидетельство очевидца/Ф.М.Рудинский. – М., ТФ «МИР», 2008. – С. 403.

литературы может вызвать ряд вопросов, которые преподаватель обязан обсудить со студентами. Необходимо выяснить какие выделяются правовые школы, кто их видные представители, каковы основные суждения данной школы и почему она сформировалась в конкретный исторический период, с выяснением причин, повлиявших на ее формирование.

Близким по своему содержанию, но отличным по форме, является круглый стол. Обучающиеся должны предварительно подготовиться по ряду вопросов, объединенных общей темой круглого стола. При этом важность данной формы видится не только в разностороннем освящении поставленной темы, но и в выработке совместного решения обсуждаемых проблем. Это крайне важно, так как формирует у студентов навык участия в совещаниях, аргументированного отстаивания своей позиции, способной повлиять на решение всей группы. К числу положительных аспектов данного формата является восполнение участниками круглого стола недостающей информации, которую кто-то из них мог упустить в процессе подготовки. Необходимо отметить организационную особенность: зачастую учебные аудитории не приспособлены к тому, чтобы провести круглый стол с необходимой расстановкой мебели. Однако данное обстоятельство не должно существенным образом влиять на содержание занятия, проводимого в формате круглого стола. Среди тем, удобных для такого формата, можно назвать реализацию принципа разделения властей в современном государстве, правовое государство и гражданское общество, соотношение норм права с иными социальными нормами и т.д. Например, студентам предлагается изучить тему «Право в системе социальных норм»: каждый из участников круглого стола готовит презентацию, посвященную виду социальной нормы, далее предлагается обсудить влияние различных социальных норм на нормы права и произвести четкое разграничение данных норм по определенным критериям.

Семинар – одна из форм учебного занятия, связанная с самостоятельным изучением обучающимися отдельных вопросов, определенных преподавателем, с последующим опросом и совместным обсуждением. Семинар является классической, наиболее сложной и одновременно плодотворной формой изучения материала в высшей школе.

Одной из форм практических занятий, не требующей глубокой предварительной подготовки обучающихся является решение ситуационных задач. Эта форма учебного занятия, при которой выполняются учебные задания, имитирующие ситуации, которые могут возникнуть в действительности. Отметим, что ответ на задачи должен выстраиваться по структуре, напоминающей правоприменительный акт, состоящий из частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной. Будущий юрист не только должен научиться читать судебные решения, но и стремиться самому конструировать ответ правильным образом. Курс дисциплины имеет некоторую особенность, так как темы не всегда возможно связать с данной формой занятия. Например, вводные темы рекомендуется прорабатывать с помощью иных форм практических занятий. Располагают к данному формату

вопросы о функциях государства, правовом статусе человека и гражданина, структуре нормы права и т.д.

Таким образом, при изучении теории государства и права ФГОС ВО допускается использовать различные формы практических занятий, которые позволяют углубить знания, получение на лекциях, а также отработать навыки разрешения юридических ситуаций.

Литература

Иванов С.А. Современные образовательные технологии в преподавании курса теории государства и права/С.А.Иванов // Право и образование. – 2003. – № 1.

Пиголкин А.С. Теория государства и права/А.С.Пиголки: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020.

Рудинский Ф.М. СССР–Россия. Страна и семья: свидетельство очевидца/Ф.М. Рудинский. –М., ТФ «МИР», 2008.

Щукин Владимир Викторович,

к.ю.н., доцент кафедры правовых дисциплин

ОЧУВО «Московский инновационный университет» (г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТАТУСОВ СУБЪЕКТОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Роль административно-правовых норм в государственно-управленческой деятельности в сфере образования не ограничивается только аппаратным регулированием. Поэтому проблема регламентации форм практической реализации исполнительных компетенций для современного развития административного и образовательного права весьма актуальна.

Исходя из концептуального отраслевого распределения областей правового регулирования, организация и управление в сфере образования преимущественно носит административный характер. Важность сферы образования для нашего общества переоценить невозможно, но при этом в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) институт правонарушений в сфере образования не обособлен в одну главу. Анализируя размещение норм КоАП РФ, предусматривающих ответственность непосредственно в сфере образования, вывод об их различии в родовом объекте очевиден⁶⁸⁹.

Правовой статус субъекта определяется совокупностью прав, обязанностей и ответственности субъекта. Для образовательной сферы наиболее часто используемым приоритетным показателем для административно-

⁶⁸⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: теория и практика применения: Методическое пособие. 2-е издание / Сост. М. К. Топоркова, С. И. Фёклин. – М.: Книгодел, 2019. – С.21.

правовой классификации субъектов является вариативность ответственности.

В силу специфики административных правовых статусов субъектов образовательной сферы усложнена система регламентации административной ответственности. Сложность системы статусов субъектов административных правоотношений в сфере образования связана в первую очередь с большой долей субъективного усмотрения в правоприменительной практике при определении сущности правонарушения в определенный момент. На квалификацию конкретного нарушения в сфере образования неизбежно оказывает влияние конкуренция административного и трудового права, и их общая тесная взаимосвязь с конституционным правом на образование. Большую роль играет правильная квалификация субъективной стороны административного правонарушения и некоторые другие факторы.

Вопросами административной ответственности в образовательных отношениях и непосредственно связанных с ними ученые занимаются давно, дискуссионность отдельных положений имеет место и в настоящее время. Значительный вклад в исследование административной ответственности за правонарушения в сфере образования внесли Д.Н. Бахрах, В.В. Спасская, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков, В.М. Сырых, Д.М. Ягофаров, Ю.С. Адушкин, Г.А. Нестеров и др.⁶⁹⁰ Вместе с тем, можно согласиться с К.В. Давыдовым в том, что в большинстве исследований особенностей административной ответственности в образовательной сфере имеют, как правило, описательный характер⁶⁹¹.

Доцент кафедры трудового и экологического права БАГСУ Арсентьева Н.А., опираясь на выводы Е.А. Киримовой⁶⁹² и В.В. Спасской⁶⁹³, оперирует категориями «физические лица» и «юридические лица» относит к субъектам образовательных отношений образовательные организации, педагогических работников, обучающихся и их законных представителей⁶⁹⁴.

По мнению Д.Н. Бахраха в качестве субъектов ответственности в сфере образования целесообразно рассматривать работников государственных органов исполнительной власти; работников муниципальных органов; руко-

⁶⁹⁰ Бахрах Д.Н., Барабанова С.В. Проблемы и пробелы правового регулирования ответственности в сфере образования/Д.Н. Бахрах, С.В.Барабанова // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2008. – Т.3. – № 2. – С. 51-63. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11781641> (дата обращения: 10.02.2021).

⁶⁹¹ Давыдов К.В. Законодательство об административной ответственности за правонарушения в сфере образования и защита прав субъектов образовательных отношений/К.В.Давыдов // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 2 (31). – С.68-73. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25813774_21487252.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

⁶⁹² Киримова Е.А. Об образовательном праве/Е.А.Киримова // Право и образование. – 2005. – №5. – С. 57.

⁶⁹³ Спасская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: теоретико-правовое исследование: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Спасская Вероника Всеволодовна; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2007. [Электронный ресурс] // URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01003380007.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

⁶⁹⁴ Арсентьева Н.А. Субъекты образовательных отношений/ Н.А.Арсентьева // Человек и общество в системе современных научных парадигм. – 2015. – № 1 (1). – С.67-71 [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24228321_8825204.pdf (дата обращения: 09.02.2021).

водителей образовательных учреждений; лиц, наделенных организационно-распорядительными полномочиями; педагогических и иных работников системы образования; обучающихся и воспитанников; родителей (законных представителей) обучающихся и воспитанников; учредителей образовательных организаций; юридических лиц⁶⁹⁵.

В п. 32 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» легальный перечень лиц, являющихся участниками отношений в сфере образования.

Учитывая мнение ученых, практиков и законодателей представляется возможным к лицам, которые могут обладать статусом субъектов административных правоотношений в сфере образования отнести:

- 1) обучающихся и воспитанников в возрасте 16 лет и старше;
- 2) родителей (законные представители) обучающихся и воспитанников;
- 3) педагогических работников и научно-педагогических работников;
- 4) технических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность;
- 5) руководителей (их заместителей) организаций, осуществляющих образовательную деятельность;
- 6) учредителей организаций, осуществляющих образовательную деятельность;
- 7) руководителей организаций-работодателей;
- 8) работников федеральных и региональных органов исполнительной власти;
- 9) работников муниципальных органов;
- 10) лиц, временно наделенных организационно-распорядительными полномочиями (ответственные секретари приемных комиссий, организаторы, лица, привлекаемые к работе по подготовке и проведению единого государственного экзамена и др.);
- 11) организации, осуществляющие образовательную деятельность;
- 12) государственные органы исполнительной власти Российской Федерации;
- 12) органы местного самоуправления;
- 13) комиссии и другие коллективные образования, осуществляющие деятельность в сфере образования, не являющиеся юридическими лицами.

Учитывая значительное количество категорий субъектов для понимания сущности их административно-правовых статусов необходима их классификация.

Наиболее важным основанием является распределение всех субъектов на индивидуальные и коллективные субъекты. В учебной и научной литературе традиционно при рассмотрении субъектов административного права

⁶⁹⁵ Бахрах Д.Н., Барабанова С.В. Проблемы и пробелы правового регулирования ответственности в сфере образования/Д.Н.Бахрах // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2008. Т.3. – № 2. – С. 51-63. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11781641> (дата обращения: 10.02.2021).

их делят на коллективные и индивидуальные субъекты, в отличие от, например, принятой в гражданском праве группировки на «юридические лица» и «физические лица».

Применение при рассмотрении административно-правовых отношений термина «индивидуальный субъект» обусловлено, особенностями различных категорий физических лиц, относимых к этой группе. Использование других категорий не может эффективно отразить всю административную специфику субъектов правоотношений в сфере образования. Например, использование термина «гражданин», вполне приемлемого для гражданского права, исключит из субъектов иностранных граждан и лиц без гражданства. Административные статусы этих физических лиц существенно отличаются. Своими особенностями обладают и такие субъекты, как должностные лица, лица, временно наделенных организационно-распорядительными полномочиями и т.п.

Таким образом, субъекты указанные в пунктах 1-10 авторской классификации могут считаться индивидуальными субъектами административных отношений в сфере образования, а субъекты указанные в пунктах 11-13 авторской классификации можно включить в коллективные субъекты.

С учетом различий индивидуальных субъектов их так же целесообразно распределять по группам по критерию обладания организационно-распорядительными полномочиями:

1) обучающиеся, воспитанники, родители, работники и учредители организаций, осуществляющих образовательную деятельность;

2) руководители (их заместителей) организаций, осуществляющих образовательную деятельность, руководители организаций-работодателей, работники государственных органов исполнительной власти; работники муниципальных органов и лица, временно наделенных организационно-распорядительными полномочиями.

Другим важным критерием является вид санкций и состав правонарушения, за который субъект может быть привлечен к административной ответственности.

Действующее административное законодательство содержит незначительное количество составов, предусматривающих административную ответственность физических лиц за правонарушения норм образовательного права. Например, в результате анализа норм КоАП РФ и правоприменительной практики М.К. Топоркова и С.И. Фёклин пришли к выводу, что в подавляющем большинстве норм КоАП РФ предусматривается административная ответственность юридических и должностных лиц⁶⁹⁶. Но к данной совокупности правонарушений предусматривающей административную ответственность необходимо добавить иные составы, с объектом иного рода, который непосредственно не является сугубо образовательным, а распространяется на иные сферы общественных отношений. В связи с этим

⁶⁹⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: теория и практика применения: Методическое пособие. 2-е издание / Сост. М. К. Топоркова, С. И. Фёклин. М.: Книгодел, 2019. – С.18.

желательно было бы видеть в таких нормах КоАП РФ части предусматривающие ответственность с квалифицирующим признаком, непосредственно относящимся к сфере образования.

Литература

Арсентьева Н.А. Субъекты образовательных отношений / Н.А.Арсентьева // Человек и общество в системе современных научных парадигм. 2015. № 1 (1). С.67-71 [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24228321_8825204.pdf (дата обращения: 09.02.2021).

Бахрах Д.Н., Барабанова С.В. Проблемы и пробелы правового регулирования ответственности в сфере образования // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2008. Т.3. № 2. С. 51-63. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11781641> (дата обращения: 10.02.2021).

Давыдов К.В. Законодательство об административной ответственности за правонарушения в сфере образования и защита прав субъектов образовательных отношений // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С.68-73. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25813774_21487252.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

Киримова Е.А. Об образовательном праве/Е.А.Киримова// Право и образование. – 2005. – №5. – С. 57.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: теория и практика применения: Методическое пособие. 2-е издание / Сост. М. К. Топоркова, С. И. Фёклин. – М.: Книгодел, 2019. – 108 с.

Спаская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: теоретико-правовое исследование: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Спаская Вероника Всеволодовна; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2007. [Электронный ресурс] // URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01003380007.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

РАЗДЕЛ IX.
**«УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**

Алиев Вагиф Музафарович,
профессор, д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,
Соловых Надежда Николаевна,
к.э.н., профессор Департамента экономической теории
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Терская Галина Алексеевна,
к.э.н., доцент Департамента экономической теории
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

**ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ – РИСКИ
И УГРОЗЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Создавая новые возможности мирового экономического развития, формируя глобальное информационное пространство, нивелируя территориально-временные границы взаимодействия хозяйствующих субъектов, процессы цифровизации в то же время могут создавать препятствия при реализации национальных интересов, общественных интересов групп стран, а также экономических интересов отдельных социально-экономических групп. Тем самым возникает необходимость более «тонкого правового регулирования» экономической безопасности страны и её национальных интересов. Особое значение приобретает оценка рисков и угроз, связанных как с отставанием, так и с форсированным переходом к широкомасштабному использованию цифровых технологий.

Россия отстает от лидеров развития цифровой экономики по многим показателям: уровню цифровизации, уровню капитализации цифровых компаний, темпам роста производительности труда, средней задержке в освоении технологий, применяемых в странах-лидерах. С точки зрения обеспечения национальной и экономической безопасности России становится принципиально важным идти в ногу с развитыми странами и ускорить внедрение цифровых технологий. В этой связи следует акцентировать внимание на основных рисках, связанных с отставанием России в цифровизации экономики.

Цифровизация экономики в России порождает, прежде всего, риски изменения рынка труда, структуры занятости и проблемы соответствия качества человеческого капитала его готовности к освоению цифровых технологий. Эти проблемы требуют тщательного изучения и оценки последствий возможного массового высвобождения трудовых ресурсов в ходе освоения новых цифровых технологий. По данным The Future of Jobs, в 2020 году на мировом рынке труда спрос на рабочую силу сократился на 2 млн рабочих

мест, а к 2024 году более 7,1 млн рабочих мест исчезнут. По отдельным высказываниям, оцифровка экономики в России приведет в 2024 году к резкому скачку производительности труда и высвобождению более 10 млн человек. Правда, пока значительный рост безработицы в России (с 4,5% в сентябре 2019 года до 6,6% в феврале 2021 года) вызван коронавирусом Covid-19, который привёл к тому, что уровень безработицы в России оказался максимальным за последние десять лет⁶⁹⁷. Опрос среди работодателей кадрового агентства Superjob показал, что к 2024 году 10% всех занятых в России будут вынуждены искать новую работу (в ПАО «АВТОВАЗ» в городе Тольятти после внедрения промышленных роботов 70 тысяч человек были вынуждены искать новую работу). Таким образом, рост безработицы уже ведет к усилению социально-негативных явлений, росту напряженности и социальной патологии в обществе. Профессор американского Университета Джона Хопкинса М. Харвей Бреннер на основе анализа данных по безработице в США еще в семидесятые годы прошлого века пришел к следующему выводу: увеличение безработицы на один процент в течение шести лет приводит к росту показателей социальной патологии: количество убийств возрастает на 5,7%, количество заключенных в тюрьмах увеличивается на 4%, количество психических заболеваний – на 4%. Валери Жискард д'Эстен – бывший французский президент (ныне умерший), занимавшийся исследованием рынка труда, отмечал, что, если человек пребывает в состоянии безработного более двух лет, он начинает ненавидеть «всех и вся», в том числе и страну, где работал, готов совершить любое преступление, лишь бы прокормить себя и свою семью.

Предвидя замену людей роботами в условиях четвертой индустриальной революции и, как следствие, массовую безработицу, Клаус Шваб предлагает в качестве варианта решения так называемый «базовый безусловный доход» (ББД)⁶⁹⁸. Согласно его концепции, право на ББД должен будет иметь каждый безработный гражданин страны. Это позволит, во-первых, избежать негативных последствий в виде роста экономической преступности, увеличения расходов, связанных с возрастанием численности правоохранительных органов, а во-вторых, поможет уменьшить «бесполезный» и «вредный сектор экономики» (например, когда врач-стоматолог сознательно «лечит» здоровые зубы для увеличения прибыли клиники). «Безработные работники» смогут заняться своими хобби, творчеством, более полезными для человечества.

Представляется, что в 21 веке, с внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в рабочие процессы, с развитием робототехники не все профессии будут уничтожены. Важно только, чтобы ИИ не стал новым «феноменом смартфонов», от которого человек полностью зависим.

⁶⁹⁷ Доклад об экономике России: Рост экономики России замедляется на фоне второй волны Covid-19: надежды на улучшение ситуации связаны с появлением вакцины // Группа Всемирного банка, – 2020. – № 44. – С. 9.

⁶⁹⁸ Шуйский В.П. Цифровизация экономики России: достижения и перспективы/В.П.Шуйский// Вестник Института экономики РАН. – 2020. – №6. – С. 164-165.

Следует акцентировать внимание и на том, что Россия включается в процесс ускоренной цифровизации экономики в условиях технологического отставания и высокой степени технологической зависимости от развитых стран мира. Как догоняющая страна, Россия попадает в риски цифровой колонизации, когда выстроенная цифровая экономика будет принадлежать не этой стране, а будет управляться извне, служить чужим интересам. Серьезные риски для формирования цифровой экономики России создает и катастрофическое отставание микроэлектроники с учетом того, что темпы роста российского импорта электронных компонентов самые высокие в мире – 20% в год.

Чтобы снизить и предотвратить данные риски для граждан, общества и государства, требуется серьезная законодательная работа, точная регуляторная настройка. Российское законодательство в области информационных технологий (ИТ) должно стать национально-ориентированным и ограничивать конкуренцию для иностранцев в области ИТ. Для запуска новых технологий отдельным отраслям и регионам следует разрешить развитие новых технологий без немедленной правовой ответственности (под наблюдением регуляторов): беспилотный транспорт, финансовые технологии, анализ больших данных и т.п. Особое значение имеет обеспечение защиты частной жизни граждан, предотвращение выкачивания больших данных об обществе, экономике и государстве за рубеж.

Не уменьшится в «мире цифровой экономики» степень криминализации человеческого общества. В докладе ООН о цифровой экономике 2019 признано, что цифровая экономика создает новые риски, в том числе угрозы кибербезопасности, облегчение для незаконной экономической деятельности и посягательств на неприкосновенность частной жизни⁶⁹⁹. Кроме того, развитие цифровой экономики создало такое новое явление, как «цифровая теневая экономика»⁷⁰⁰. Угрозы в секторе теневой цифровой экономики могут принимать различные формы. В 2019 году наиболее серьезными были угрозы, связанные с «преступлением как услугой», интернетом вещей, цепочками поставок и усложнением требований регуляторов. «Преступление как услуга» – модель предоставления зрелыми преступными сообществами пакетов криминальных услуг на так называемом даркнет-рынке по доступным ценам «начинающим киберпреступникам». Это позволяет последним совершать хакерские атаки, ранее недоступные из-за высокой технической сложности или высоких цен, делая киберпреступность массовым явлением (в феврале 2021 года, кстати, «закрыт» один из крупнейших рынков даркнета – DarkMarket). Помимо различных типов хакерских атак, доминируют и другие формы преступлений в цифровой теневой экономике, инициированные как поставщиками, так и потребителями.

⁶⁹⁹ Доклад ООН о цифровой экономике 2019. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран // Обзор. ЮНКТАД, 2020. Предисловие. VI.

⁷⁰⁰ Розанова Л.М., Алтынов А.И. Цифровая теневая экономика как новая реальность современного мира // Л.М.Розанова, А.И.Алтынова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 5. – С. 43–62.

По данным МВД России, поскольку оцифровка в России развивается в условиях чрезмерной социальной дифференциации общества, в стране будет не только рост традиционной экономической преступности, но и новых ее форм, связанных с киберпреступностью. Киберпреступления будут становиться все более сложными и жестокими. Об этом свидетельствует резко выросшее количество и риски хакерских взломов, утечка личной информации, имитация внешнего вида человека по данным социальной сети. Сегодня каждое седьмое преступление в России совершается с помощью ИТ-технологий. Динамика роста преступлений в области информационных технологий за последние три года составила 165 процентов. Если в 2017 году их было совершено 66 тысяч, в 2018 году – 175 тысяч, то всего за девять месяцев 2019 года – более 200 тысяч. В 2020 году количество киберпреступлений в России увеличилось на 76,7%, в том числе с использованием интернета – на 90,2%, с использованием мобильной связи – на 100,5%. Ущерб от киберпреступности превысил 10 миллиардов рублей⁷⁰¹.

Помимо различных видов хакерских атак доминируют и такие формы преступлений в цифровой теневой экономике, как оказание психологического воздействия на молодежь, рассылка спама, кража аккаунтов и нелегальные действия с виртуальными товарами и деньгами, торговля персональными данными, продажа запрещенных законом товаров и услуг, отмывание денег. Все эти формы цифровой теневой экономики иницируются поставщиками. Формы цифровой теневой экономики, иницируемые потребителями: цифровое пиратство или электронное мошенничество: копирование, продажа, распространение и скачивание легко воспроизводимых электронных материалов.

Большинство российских компаний не могут успешно противостоять кибератакам, в способности найти хакеров полностью уверены лишь 19% компаний. Серьезной угрозой является недостаток рабочей силы в сфере информационной безопасности: безопасность сетей, программного обеспечения и баз данных, аудит информационных систем, выявление электронных записей и компьютерная криминалистика.

Таким образом, наличие острых проблем, связанных с цифровизацией и угрожающих экономической безопасности России, требует в первую очередь развития индустрии информации. Принципиальное значение имеет создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере.

Литература

Доклад об экономике России: Рост экономики России замедляется на фоне второй волны Covid-19: надежды на улучшение ситуации связаны с появлением вакцины // Группа Всемирного банка, 2020. № 44.

⁷⁰¹ В МВД связали увеличение количества тяжких преступлений в РФ с ростом киберпреступности. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/10441687> (дата обращения: 25.02.2021).

Доклад ООН о цифровой экономике 2019. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран // Обзор. ЮНКТАД, 2020. Предисловие. VI.

Розанова Л.М., Алтынов А.И. Цифровая теневая экономика как новая реальность современного мира/Л.М.Розанова, И.И.Алтынова// Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 5. – С. 43-62.

Шуйский В.П. Цифровизация экономики России: достижения и перспективы/В.П.Шуйский // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – №6. – С. 164-171.

Данелян Рита Суреновна,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,

Данелян Сергей Владимирович,

к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,

Мещерякова Тамара Федоровна,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТАХ В ЧАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проблема криминальной активности подростков и молодых людей, вовлечение детей в совершение правонарушений, распространение антиобщественного образа жизни, делинквентного поведения стоит перед нашим обществом и государством достаточно остро, на что обращает внимание большинство ученых-юристов⁷⁰². В официальных источниках сведения о среднем возрасте заключенного в России отсутствуют, однако, проведенный анализ показывает, что лиц, старше 50 лет, среди заключенных не более 50 тыс., а лиц, не достигших 18-летнего возраста, – более 2 тысяч. При том, что с 2009 по 2019 г. количество заключенных в России снизилось на 36%, а в период с 2018 по 2019 г. – на 7,7%⁷⁰³. При этом чаще всего преступления, за совершение которых были осуждены данные лица, были совершены в возрасте от 18 до 21 года. Вообще, за 2000-2015гг. преступления несовершеннолетних сократились более чем втрое: с 195 426 до 61 153 (соотв.). В эти же годы сократился почти вдвое и удельный вес несовершеннолетних среди преступников, при почти двукратном сокращении численно-

⁷⁰²Гишинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы/Я.И.Гишинский // Российский ежегодник уголовного права. –2013. –№7. – С. 42-58; Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / Под ред. Н.В.Щедрина; Сиб. Федер.ун-т. – Красноярск: СФУ, 2010. – С. 45 и др.

⁷⁰³ Долгова С.В., Иванова И.А. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом/С.В.Долгова, И.А. Иванова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – №9. – С. 133.

сти данной возрастной группы в России. При этом, количество лиц в возрасте 18-30 лет в местах лишения свободы превышает 80%.

Согласно действующему законодательству, основная масса осужденных определяется как молодежь, и как показывают исследования ряда криминологов, первые криминальные опыты относятся у большинства из них к 14-16 годам, если не к более юному возрасту.

Обращаясь к вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних, следует подчеркнуть в части ее реализации проблемный аспект недостаточного соответствия «наказательного» уголовно-правового инструментария приоритетам воспитания и коррекции поведения данных лиц.

Объектом уголовно-правового воздействия в форме наказания выступает физическое лицо, вменяемое, достигшее установленного законом возраста. Авторы коллективной монографии справедливо пишут: «Наказание, в классическом варианте, рассчитано на определенную степень зрелости личности, которая должна не только осознавать свою вину, но и понимать, какие негативные для него последствия могут последовать в результате совершения преступления, обладать способностью отслеживать связь между совершенным преступлением и последовавшими за ним карательными обременениями. Но в случае с наказанием несовершеннолетних делинквентов, такая зависимость прослеживается достаточно условно, а способность к осознанию вины и причинно-следственных связей между собственным поведением и неблагоприятными правовыми последствиями выглядит еще более проблематичной»⁷⁰⁴. Как известно, личность несовершеннолетнего до конца не сформирована, поэтому одна из целей наказания – исправление осужденного, в отношении взрослого предполагающая искоренение тех свойств, которые приводят его к совершению преступлений, с заменой на соответствующие интересам общества полезные виды деятельности, в отношении несовершеннолетнего при исправлении на первый план выдвигаются общевоспитательные задачи. В связи с этим, многие виды уголовных наказаний к несовершеннолетним объективно не могут быть применены, в то же время, законодательные решения в этой части ориентированы на более широкое применение в отношении несовершеннолетних мер воспитательного воздействия с освобождением не только от уголовного наказания, но и от уголовной ответственности.

Законодатель, устанавливая в статьях 79-85 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) общие основания освобождения от наказания для всех категорий осужденных (в том числе лиц, не достигших возраста 18 лет), предусматривает в отношении несовершеннолетних и специальные нормы об освобождении, закрепленные в ст. 92 УК РФ. Так, согласно ч. 1 данной статьи, суд может освободить от наказания несовершеннолетнего, который совершил преступление либо небольшой, либо средней тяжести, применив к нему установленные ч. 2 ст. 90 УК РФ прину-

⁷⁰⁴ Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / Под ред. Н.В. Щедрина. – Красноярск: СФУ, 2010. – С. 45.

дительные меры воспитательного воздействия. Освобождение от наказания несовершеннолетнего возможно и по ч. 2 ст. 92 УК РФ с направлением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием. Такое освобождение возможно при условии, если несовершеннолетний осужден к лишению свободы за совершение преступления либо средней тяжести, либо тяжкой категорий.

Фактически же картина выглядит иначе: более 75 процентов от числа впервые осужденных в возрасте 14-18 лет и старше приговариваются к лишению свободы (реальному или условному). Другие меры уголовно-правового воздействия развиты достаточно слабо.

В чем недостатки «обычной» или «общей» модели назначения несовершеннолетним преступникам уголовного наказания в виде лишения свободы с условным осуждением? Например, два подростка, в возрасте 14 и 14,5 лет, «расписали» забор, совершив акт вандализма. Ч. 2 ст. 214 УК РФ предусматривает в качестве наказания ограничение свободы (несовершеннолетним назначают не так часто), принудительные работы (несовершеннолетним не назначаются), лишение свободы. Наши недосмотренные, недообразованные и недовоспитанные «вандалы» получают срок лишения свободы условно с испытательным сроком и, как часто бывает, продолжают заниматься тем же самым. Через год, а то и раньше, они снова встречаются с судьей, но уже имея за плечами судимость и совершив новое преступление в течение испытательного срока. Каков ожидается приговор? Та же картина наблюдается и при таком реагировании на иные, достаточно «популярные» среди подростков 14-16 лет преступные деяния, такие как: кражи, грабежи, хулиганства (ч.2 ст.20 УК РФ), а с 16 лет – и полный перечень преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Наши исследования позволяют сделать вывод о том, что показатели судебной статистики в части освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия достаточно низкие. Так, в 2014 г. всего осуждено 23 586 несовершеннолетних в возрасте 14-17 лет, из них освобождено от отбывания наказания 1 991 несовершеннолетний, в 2015 – 22 863 и 2 400; 2016 – 23 939 и 1 523; 2017 – 20 631 и 1 089; 2018 – 18 826 и 1 214; 2019 – 16 858 и 1 448 соответственно. Однако, нельзя не заметить в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» сделанный законодателем важный шаг к переориентации правосудия в отношении несовершеннолетних.

Наглядный пример – ст. 87 УК РФ (Уголовная ответственность несовершеннолетних): в ч. 2 указанной статьи законодательная формулировка ориентирует правоприменителя на постановку и решение вопроса о возможности применения иных мер уголовно-правового воздействия, в частности, принудительных мер воспитательного воздействия. Об этом свидетельствует тот факт, что указанные меры поставлены на первое место, и лишь после – применение наказания.

Данные подходы в полной мере характеризуют сформировавшуюся в развитых странах мира и переживающую восстановление в новой России систему ювенальной юстиции, как специализированной судебно-правовой системы защиты прав несовершеннолетних, включающей и такой важный элемент, как производство по делам о преступных деяниях несовершеннолетних лиц⁷⁰⁵. Она призвана контролировать их исправление и реабилитацию, проводить профилактику детской преступности, предоставлять социальную защиту семьи и прав несовершеннолетних⁷⁰⁶.

Литература

Гилинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. – 2013, 2014. – №7. – С. 42-58.

Долгова С.В., Иванова И.А. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом/С.В. Долгова, И.А. Иванова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – №9. – С. 133.

Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / Под ред. Н.В. Щедрина. – Красноярск: СФУ, 2010.

Нагаев В.В. Ювенальная юстиция. Социальные проблемы/В.В.Нагаев// Учеб.пособие. – М: «Юнити-Дана», 2009. – С. 5-6.

Преступность несовершеннолетних. Учебное пособие /Данелян Р.С., Савинкова Е.Н., Павленко Е.М., Питько Е.В., Чурилов С.Н., Ростокинский А.В., Мещерякова Т.Ф., Синельщиков Ю.П., Толпекин К.А., Шутикова Н.С. / М., Издательство Юрайт. 2020. Сер. 76 Высшее образование (2-е изд.).

Минязева Татьяна Федоровна,

д.ю.н. профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета РФ, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления ГаОУ ВО МГПУ

И ПРИНУЖДЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГУМАНЫМ (УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В основу построения исправительной системы Российской Федерации положены идеи о комплексном подходе к процессу исполнения мер уголовно-правового характера (далее – УПХ), как наиболее строгому принудительному воздействию на человека (осужденного). В данном процессе реа-

⁷⁰⁵ Преступность несовершеннолетних. Учебное пособие /Данелян Р.С., Савинкова Е.Н., Павленко Е.М., Питько Е.В., Чурилов С.Н., Ростокинский А.В., Мещерякова Т.Ф., Синельщиков Ю.П., Толпекин К.А., Шутикова Н.С. / М., Издательство Юрайт. 2020. Сер. 76 Высшее образование (2-е изд.).

⁷⁰⁶ Нагаев В.В. Ювенальная юстиция. Социальные проблемы. Учеб.пособие. – М: «Юнити-Дана», 2009. – С.5-6.

лизуется не только принуждение, то есть ограничения прав, свобод и законных интересов, присущих содержанию назначенной лицу меры УПХ, но и добавляемое к нему принуждение, свойственное порядку и условиям исполнения и отбывания соответствующей меры УПХ, а в отдельных случаях, еще и принуждение, применяемое за проявленное виновным в исполнительный период непослушание установленным законом требованиям. Вместе с тем претерпевание осужденным так называемого «двойного» и, возможного, зависящего от его поведения «тройного» принуждения, с одной стороны – сурово, с другой – отражает морально-нравственные устои общества на определенном этапе его развития, является объектом изучения различных отраслей знаний. Правовая регламентация упомянутого принуждения гуманна в своей основе.

Еще в восемнадцатом веке американский просветитель, государственный деятель, ученый Бенджамин Франклин очень точно подметил, что «законам слишком мягким редко повинуются; законы же слишком суровые редко приводятся в исполнение». Наказание должно быть исполнено и повинование процессу его исполнения неоспоримо. «По отношению к виновным нужно быть суровым без жестокости или снисходительным без попустительства», уверял французский историк Шарль Пино Дюкло⁷⁰⁷.

Процесс исполнения мер УПХ суров настолько, насколько это свойственно содержательным ограничениям назначенной лицу меры УПХ и его поведению. Заметим, что именуемое мною «тройное» принуждение, как это задумано законом, испытывают только те осужденные, которые нарушают установленный порядок и условия исполнения и отбывания назначенной им меры УПХ. Их нарушения не подпадают под понятие «новое преступление», а применительно к мерам УПХ, не связанным с изоляцией от общества, – под понятие «административное правонарушение» (в отдельных случаях могут быть и тем и (или) тем). Кроме того, в процессе исполнения меры УПХ неизбежно испытание большинством осужденных страданий, безотносительно к тому, «как смотрит на них и ощущает их наказываемый»⁷⁰⁸.

Важно понимать, что наказываемый должен осознавать необходимость ответственности за содеянное им, а следовательно, и необходимость подвергнуться нежелательному принуждению, принять как данное и то, что даже после отбытия той или иной меры УПХ, особенно после отбытия лишения свободы, какое-то время он сам будет ощущать оценочное и предвзятое к нему отношение со стороны как окружающих, так и близких ему людей.

И все же, принуждение, неприятные ощущения, испытываемые осужденным, это нормально. Хуже, когда лицо чувствует себя лидером-героем преступного мира, лжепревосходство над окружающим.

⁷⁰⁷ Афоризмы о праве [Электронный ресурс] // – URL: http://zazakon.ru/pravovaya_informaciya/advokat_na_dosuge/aforizmu_o_prave (дата обращения: 16.02.2021).

⁷⁰⁸ Таганцев Н.С. Русское уголовное право/Н.С.Таганцев// Лекции. Часть Общая. Т.2. – М.: Наука. 1994. – С. 92.

Следует помнить о том, что лиц, фатально обреченных стать преступниками по своей биологической природе, не существует⁷⁰⁹. Однако социально-психологическая структура отдельного человека, так называемая его антиобщественная установка, обусловлена воздействием на него не только внешних причин, но и определенным своеобразием именно этого человека. Такая установка может быть минимизирована только социально-психологическим принуждением, вплоть до применения физической силы. В соответствии с законом, например, при массовых беспорядках, групповых неповиновениях осужденных в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий, предполагающий введение усиленного варианта охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменение распорядка дня, ограничение деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных. А в случаях оказания осужденными сопротивления персоналу исправительных учреждений, злостного неповиновения его законным требованиям, проявления буйства, участия в массовых беспорядках, захвата заложников, нападения на граждан или совершения иных общественно опасных действий, при побеге или задержании бежавших из исправительных учреждений осужденных в целях пресечения указанных противоправных действий и предотвращения причинения этими осужденными вреда окружающим или самим себе допустимо применение физической силы, специальных средств и оружия (ст.85, 86 УИК РФ). Обратим внимание на то, что, устанавливая подобные ограничения, допуская применение физической силы, закон делает оговорки: «в случаях неповиновения законным требованиям персонала», «за исключением деятельности медико-санитарных служб», «в целях предотвращения причинения этими осужденными вреда окружающим или самим себе».

Как видим, принуждение в процессе исполнения наказания не беспредельно, с позиций регламентации его законом, то есть не превышает разумного максимума, то есть сурово без жестокости. Оно является реализацией неотвратимости ответственности, как основного направления противодействия преступности. Еще в XIII веке персидский мыслитель Саади воспел постулат, согласно которому «миловать злых — значит притеснять добрых».

Межличностные отношения не только в исправительных учреждениях, но и при нахождении лица вне изоляции от общества не лишены конфликтов интересов, причем непредсказуемых.

Принуждение, заключающееся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления (ч.1 ст.43 УК РФ), дозволительно в процессе исполнения мер УПХ физической силы, необходимо и нравственно. Однако рассматривать его как эффективный способ изменения психологии осужден-

⁷⁰⁹ Игнатов А.Н. Уголовное право России/А.Н. Игнатов.// Учебник для вузов. В 2-х томах. Общая часть. – М.: НОРМА-ИНФРА-М. 1998. – С.168.

ных, навыков их жизни, предотвращения совершения новых преступлений, как бы оно не модернизировалось в будущем, – утопия.

Заложенные законом в принуждение разумные требования на практике ожесточаются пронизывающим уголовно-исполнительную систему духом противоречия, объективным сопротивлением осужденных подчиняться установленным правилам поведения.

И, уж если признавать «преступность нормальным явлением, тесно связанным с условиями жизни любого общества «потому, что общество без преступности совершенно невозможно»; рассматривать наказание, по меткому выражению Я. И. Гилинского, как «очевидный расход и неявную выгоду»⁷¹⁰, принуждению в процессе исполнения наказания должно придаваться значение «явной выгоды», как для осужденного, его близких, потерпевшего, так и для общества в целом.

Уверена, что сегодня «никто, ни в одном государстве отменять уголовный закон и наказание (при всей его бессмысленности) не собирается»⁷¹¹. Из этого следует, что исполнительное принуждение в процессе исполнения мер УПХ необходимо совершенствовать в направлении минимизации испытываемых осужденным страданий. Последнее означает, прежде всего; не свертывание, а напротив, безотлагательное принятие мер по обеспечению трудовой занятости осужденных (сегодня только 40% осужденных привлечены к труду), гарантирование ее достойной оплаты; организацию досуга осужденных, как в исправительных учреждениях, так и в процессе исполнения мер УПХ, не связанных с их изоляцией от общества; оснащение мест лишения свободы современными учебными помещениями, спортивным инвентарем, библиотеками, творческими мастерскими; внедрение современных технологий контроля и надзора. Сегодня остро стоит вопрос об ответственном отношении органов местного самоуправления к социально-бытовому устройству лиц, имеющих судимость, освобождённых из исправительных учреждений условно, осужденных к разным видам работ: обязательных, исправительных, принудительных.

Социально-экономическая нестабильность в стране, с одной стороны, диктует необходимость дифференциации принуждения, коренного изменения действия всей исправительной системы, с другой – отодвигает решение этой проблемы на второй план, маневрируя ростом безработицы, инфляцией, а теперь еще и ситуацией с пандемией.

Особое значение в адекватности позитивного применения «двойного, тройного» принуждения в процессе исполнения и отбывания наказания следует придавать повышению требований к уровню квалификации сотрудников исправительной системы, их профессиональной культуры, ведомственному образованию, включающему обучение психологическим приемам продуктивной работы со спецконтингентом, развитию системы опера-

⁷¹⁰ Гилинский Я.И. Эффективно ли противодействие преступности? /Я.И.Гилинский// Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности. Материалы ХП Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая (заочно). – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2020. – С. 359 – 362.

⁷¹¹ Гилинский Я.И. Там же.

тивного, основанного на использовании в том числе и цифровых технологий, контроля и надзора за осужденными⁷¹². Еще Ю.Ю. Бехтерев обратил внимание на необходимость решения задачи повышения педагогической квалификации работников пенитенциарных учреждений⁷¹³.

Литература

Афоризмы о праве [Электронный ресурс] // URL: http://zazakon.ru/pravovaya_informaciya/advokat_na_dosuge/aforizmu_o_prave(дата обращения: 16.02.2021).

Бехтерев Ю.Ю. Изучение личности заключенного/Ю.Ю.Бехтерев. – М., 1928.

Гилинский Я.И. Эффективно ли противодействие преступности? // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности/Я.И.Гилинский// Материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая (заочно). – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2020. – С. 359 – 362.

Игнатов А.Н. Уголовное право России/А.Н.Игнатов/ Учебник для вузов. В 2-х томах. Общая часть. – М.:Норма-Инфра-М. 1998. – С.168.

Кияйкин Д.В. Роль профессиональных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы в противодействии коррупции//Д.В. Кияйкин // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ч.1. – Самара, 2020.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право/Н.С. Таганцев/ Лекции. Часть Общая. Т.2. – М. Наука. 1994. – С. 92.

Ростокинский Александр Владимирович,

д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

Толпекин Константин Андреевич,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ЮВЕНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблемы реализации мер уголовно-правового воздействия, связанные с кризисом семейного воспитания, ранним участием детей в правонарушениях, их антиобщественным образом жизни, снижением возраста впервые осужденных лиц, а также неадекватностью мер уголовного наказания уров-

⁷¹² Кияйкин Д.В. Роль профессиональных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы в противодействии коррупции» // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ч.1. – Самара 2020. – С. 112-113.

⁷¹³ Бехтерев Ю.Ю. Изучение личности заключенного. – М., 1928. –С.17-18.

ню личностного развития многих делинквентов и их окружения, были и остаются актуальными.

К сожалению, вместо освоения европейского опыта и обращения к отечественному, историческому опыту российские законодатели предлагают огульно снизить возраст привлечения к ответственности до 12 лет, то выдумывают всё новые составы преступлений, то затевают амнистии без какой-либо поддержки тысяч молодых людей, освобождаемых из мест лишения свободы, без создания служб пробации. Тем временем, наша правоприменительная практика регрессирует к примитивной дилемме — формуле «посадить-отпустить», обеспечивающей лишь самовозобновление подростково-молодежного криминала.

Конечно, нельзя отрицать и тот факт, что в последние годы усилиями различных общественных организаций идет фрагментарное и не всегда последовательное формирование разного рода социально-реабилитационных и психологических центров и иных учреждений для работы с подростками, имеющими проблемы социализации, в том числе с правонарушающим поведением. Однако, данные структуры не позиционируются как обязанные или способные к выполнению работы с детьми, совершившими уголовно-наказуемые деяния.

В целом имеет место двусторонняя ситуация: отсутствие структур, не востребованных системой уголовной юстиции, с одной стороны, и неприменении судами мер воспитательного воздействия, с другой стороны, ввиду отсутствия компетентных и правомочных субъектов, способных организовать работу во взаимодействии со службами и учреждениями системы органов образования, здравоохранения и социальной защиты, для исполнения указанных мер.

В этой связи возникает еще один достаточно интересный вопрос о возможности распространения названных ювенальных процедур, применения мер, не связанных с назначением уголовного наказания, к лицам, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести (возможно, и не связанных с насилием тяжких преступлений) в возрасте 18-21 года. Конечно, для такой возможности потребуется достаточно глубокое психолого-педагогическое изучение личности подсудимого. С одной стороны, в данном возрасте продолжительный опыт преступной деятельности, тем более организованной, может уже сформировать личность привычного преступника. С другой стороны, между социально дезинтегрированными в силу различных причин молодыми людьми, совершивших неосторожные или ситуационные преступления, например, связанные с пьянством, потреблением наркотиков, бродяжничеством и т.п., в возрасте 18-21 лет отсутствует какой-то непреодолимый «водораздел», препятствующий локальному прерыванию процессов криминализации более старших лиц. Да и законодательство Российской Империи закрепляло верхнюю границу несовершеннолетнего возраста в 21 год, также поступил законодатель ряда зарубежных

стран⁷¹⁴. Действующий УК РФ (ч.1 ст.90) допускает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, достигшего 20-летнего возраста, на основании ст. 96 УК. Предусматривается возможность помещения по решению суда несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа до достижения им возраста 18 лет, но не более чем на три года, с возможностью продления срока пребывания в нем и после достижения 18 лет (ч. 4 ст. 92 УК РФ). К лицам в возрасте 18–20 лет могут применяться и иные положения раздела V УК РФ, такие как: сокращенные сроки применения условно-досрочного освобождения, сроки давности и сроки погашения судимости.

«Ювенальное» происхождение имеют и некоторые виды наказания, получившие закрепление в УК РФ. Так, обязательные (общественно-полезные) работы впервые были введены в законодательство Швейцарии в 1971 году в качестве мер наказания, назначаемых исключительно несовершеннолетним⁷¹⁵, передача осужденного под надзор; а также возможность назначения наказания ниже низшего предела различных видов наказаний и замены наказания более мягким видом наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Исследователи отмечают, что изучение эволюции системы уголовно-правовых мер, применяемых к несовершеннолетним, позволяет предположить, что в данной сфере проходят апробацию наиболее перспективные приемы обращения с правонарушителями всех возрастных групп. Возможно, уже в недалеком будущем следует ожидать постепенного смещения приоритетов уголовно-правовой ответственности от применения мер уголовного наказания к более широкому использованию мер безопасности, коррекционных и восстановительных мер воздействия, ограничения применения наиболее строгих и разрушительных по своим последствиям мер уголовного наказания, вовлечения муниципальных и общественных формирований в процессы ресоциализации правонарушителей⁷¹⁶.

Таким образом, общее омоложение современной преступности и наличие большого количества лиц, отстающих в своем развитии от сверстников в силу различных причин и совершающих различные уголовно-наказуемые деяния, побуждают нас ставить вопрос о диверсификации мер уголовно-правового воздействия. Целями такой диверсификации являются коррекция поведения данных подростков и молодых людей, восстановление пробелов их социализации, устранение вредных для общества последствий совершенных правонарушений, профилактика новых правонарушений и рецидива.

С учетом особенностей формирования личности, общих для делинквентных подростков, не достигших возраста уголовной ответственности и

⁷¹⁴ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии/Э.Б. Мельникова. – М., 2000. – С.18-20.

⁷¹⁵ Долгова С.В., Иванова И.А. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом/ С.В.Долгова, И.А. Иванова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – №9. – С. 133.

⁷¹⁶ Более подробно см.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / Под ред. Н.В.Щедрина. – Красноярск: СФУ, 2010. – С. 223–228.

формально подпадающих под действие уголовно-правовых норм, достижению названных целей может способствовать распространение на данных лиц – с учетом установленного судом уровня их психосоциального развития – ряда институтов ювенальной юстиции (ювенализация уголовно-правового воздействия). К ним можно отнести замену уголовного наказания принудительными мерами медицинского и воспитательного характера, реализуемых под контролем пробаторов. В случае невозможности такой замены целесообразно диверсифицировать систему применяемых по закону наказаний так, чтобы исключить продолжительную изоляцию от общества – с одной стороны, и возможность продолжения прежнего образа жизни и прежней деятельности, приведших к совершению общественно опасных деяний, – с другой. Любые меры наказания необходимо сочетать с участием осужденного подростка, молодого человека в программах психо-коррекционного и воспитательного воздействия, с оказанием мер поддержки ему и его семье, совместно с органами образования, здравоохранения и социальной защиты. Очевидно, реализация данных рекомендаций потребует не только изменения норм уголовного законодательства, но и развития системы органов и учреждений, обеспечивающих исполнение назначаемых судами мер и контроль за поведением осужденных.

Ювенальный суд исходит из того, что преступление подростка является, прежде всего, его проблемой. Поэтому нужно, в первую очередь, не наказывать делинквента, а постараться эффективно изменить условия его жизни, создать лучшие условия для его воспитания и социализации, в том числе, путем восстановления семейных связей, для корректирования поведения. Естественно, применяемые по решению суда меры воздействия (наказания и иные ограничения, связанные с выполнением позитивных действий) должны быть адекватными уровню развития наказуемого и предполагать его самостоятельную деятельность, обязательно во взаимодействии с компетентным специалистом и под его контролем.

Вначале запускаются механизмы примирения и восстановления (медиации), потом, если их применения оказывается недостаточно, применяется комплекс мер принудительного воспитательного воздействия (пробации). Для детей с трудностями поведения необходимы программы, которые не изолируют их от семьи и общества, а, напротив, учат их строить отношения с близкими людьми и жить в этом обществе, особенно когда речь идет не о психологических особенностях личности, последствиях пробелов воспитания, а именно врожденной патологии, на которую невозможно воздействовать воспитательными методами.

Только после этого, в исключительных случаях, как правило, при совершении нового уголовно-наказуемого деяния, должны применяться меры уголовного наказания, но, обязательно, с последующей ресоциализацией, участием осужденного в программах коррекции поведения, обучения его самоконтролю психологического состояния, правовым приемам и способам разрешения конфликтов, завершения образования, востребованной специальности и т.п.

Таким образом, обоснованными мерами представляются распространение ряда институтов и рекомендаций, апробированных в системе ювенальной юстиции на лиц, формально достигших возраста уголовной ответственности, но не достигших социальной зрелости и не способных самостоятельно изменить собственное поведение. К таким мерам авторы относят: замену уголовного наказания мерами медицинского и воспитательного характера, при её невозможности – диверсификацию мер наказания, исключаящую продолжительную изоляцию от общества; сочетание любых мер наказания с участием осужденного в программах психо-коррекционного и воспитательного воздействия, с оказанием мер поддержки ранее осужденным лицам и их семьям; необходимостью создания института медиаторов и служб пробации, социально-психологической помощи, во взаимодействии с органами образования, здравоохранения и социальной защиты.

Литература

Долгова С.В., Иванова И.А. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом/ С.В. Долгова, И.А. Иванова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – № 9. – С. 133.

Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / Под ред. Н.В.Щедрина. – Красноярск: СФУ, 2010. – С. 223–228.

Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии/Э.Б. Мельникова. –М., 2000. – С.18-20.

Научное издание

**Право и права человека в современном мире:
тенденции, риски, перспективы развития**

*Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского
(г. Москва, 15 апреля 2021 г.)*

Подписано в печать 01.04.2021 г. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 29,2. Тираж 300 экз. Заказ № 28

Издательство «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовский источник»